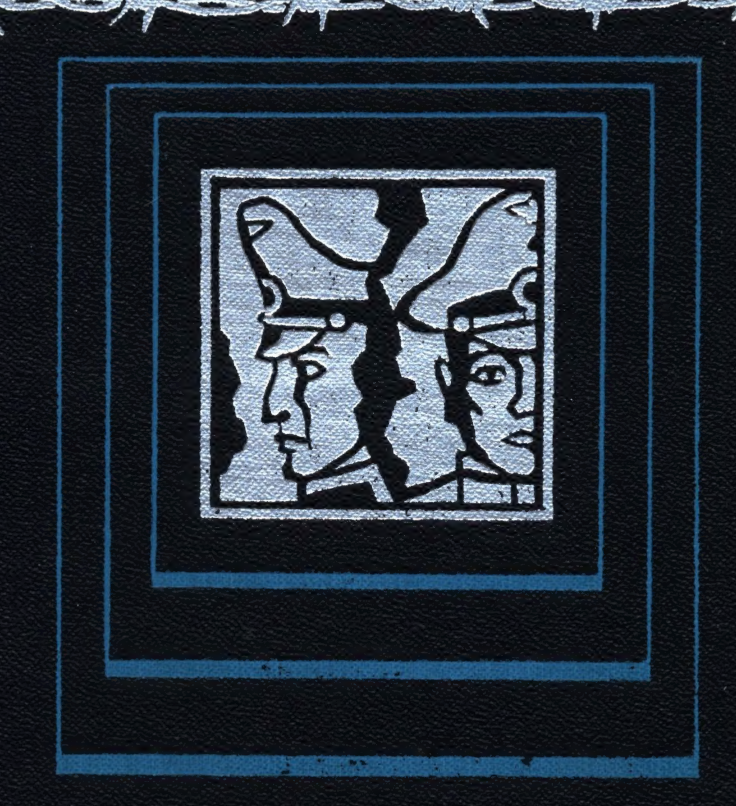
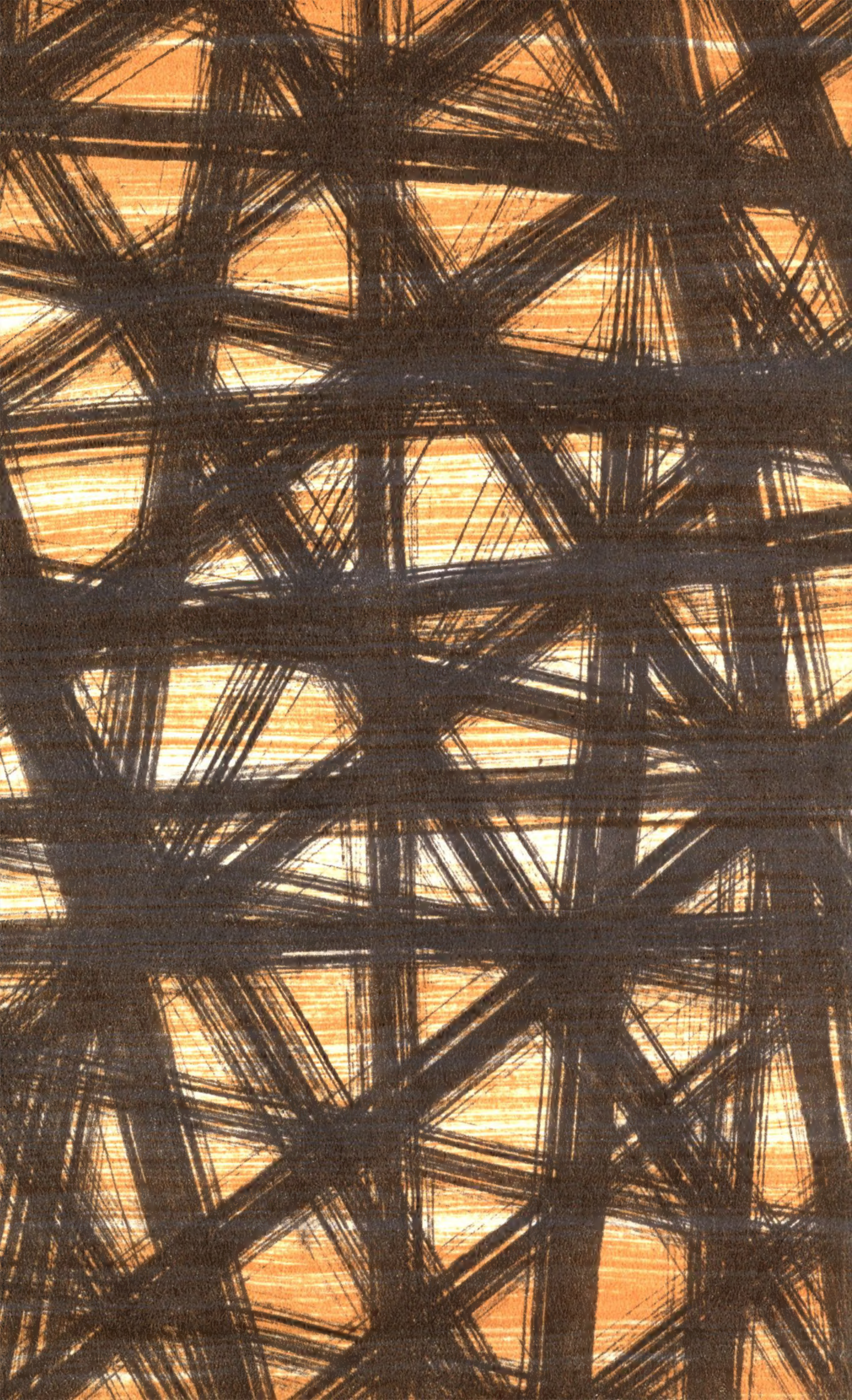
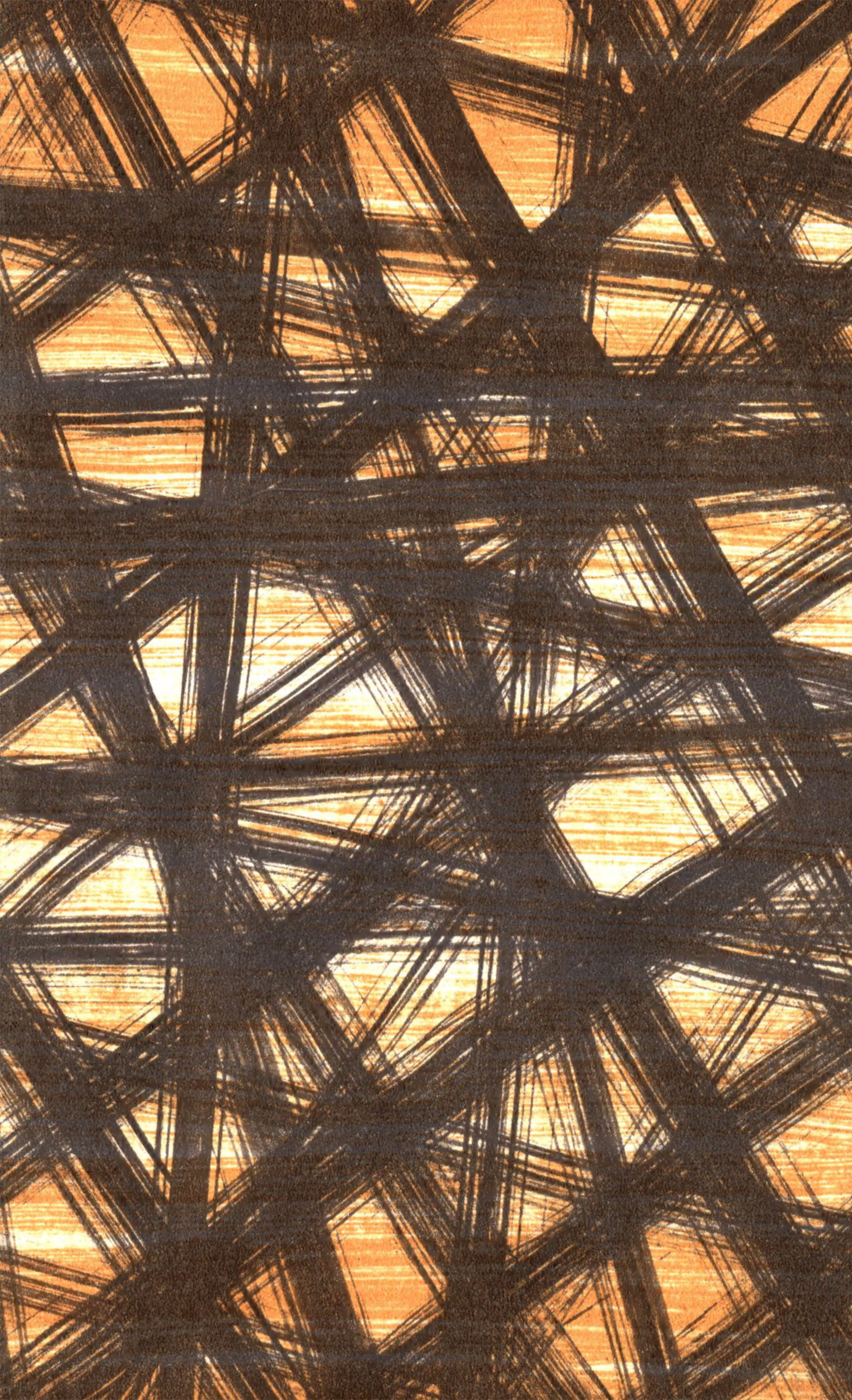
Ганс Гельмут Кирст

ФАБРИКА ОФИЦЕРОВ

В
И

Ганс Гельмут Кирст

ФАБРИКА ОФИЦЕРОВ

РОМАН

Перевод с немецкого
Г. А. ОНИЩЕНКО, В. В. СЕМИНА,
В. Г. ЧЕРНЯВСКОГО, Ю. Д. ЧУПРОВА

Ордена Трудового Красного Знамени
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР
МОСКВА — 1980

И (нем)
К43

Hans Hellmut Kirst

FABRIK DER OFFIZIERE

ROMAN

VERLAG KURT DESCH
MÜNCHEN — WIEN — BASEL

К $\frac{70304-027}{068(02)-80}$ БЗВ-21-3.79.4703000000.

В ПАМЯТЬ О ПОКОЛЕНИИ, КОТОРОЕ БЫЛО ПРЕДАНО, КАК ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ.

Это — история обер-лейтенанта Крафта. И возможно, найдутся люди, которые будут оспаривать ее достоверность, — что ж, есть несколько человек, которые пережили все это сами. Должно быть, кое-кого она огорчит, но тут уж ничего не поделаешь. Ведь смерть тоже может посмеяться, и даже убийца не обязательно должен быть человеком, не обладающим чувством юмора. Обер-лейтенант Крафт, во всяком случае, знал, что это такое. И он за это дорого заплатил.

Произошло это во время работы 16-го выпуска ускоренной школы подготовки офицеров в период с 10 января по 31 марта 1944 года. Место действия — 5-я военная школа в Вильдлингене-на-Майне. В описании приведены выдержки из протоколов военно-полевого суда, писем, документов и биографий. Все имена, разумеется, изменены. И пусть правда многолика — здесь отображены, по крайней мере, некоторые ее стороны. Предлагаемая вам история не является возвышающей душу. Не примите это как извинение — это только предупреждение.

1

ПОХОРОНЫ ЛЕЙТЕНАНТА

Обер-лейтенант Крафт в шинели с разлетающимися полями бежал по кладбищу. Вид у него был перепуганный, что вызвало среди участников похорон оживленный интерес, так как появилась возможность внести некоторое разнообразие в такую довольно-таки скучную церемонию, как похороны.

— Позвольте пройти! — приглушенно восклицал обер-лейтенант Крафт, стараясь проскользнуть между отрытой могилой и группой офицеров. — Пропустите, пожалуйста!

На его просьбу отвечали согласными кивками, но никто не уступал Крафту места, очевидно надеясь, что он, в конце концов, съедет в яму. Это было бы дальнейшим шагом на пути к желанному разнообразию. Потому что затянувшиеся похороны действовали на бывалых вояк примерно так же, как и затянувшееся богослужение — последнее, впрочем, имело то преимущество, что во время него можно было хоть сидеть, и к тому же крыша над головой...

— Почему такая спешка? — поинтересовался капитан Федерс.— Может, за это время появился еще один труп?

— Насколько мне известно, еще нет, — ответил обер-лейтенант Крафт, протискиваясь вперед.

— Если и дальше так пойдет, — без тени смущения заявил своим соседям капитан Федерс, — мы можем прикрыть военную школу и открыть погребальную контору. С ответственной ограниченностью [1].

Но каким бы беспечным ни казался капитан Федерс, он, делая даже здесь подобные замечания, все же говорил вполголоса, ибо неподалеку стоял генерал.

Генерал-майор Модерзон стоял у изголовья отрытой могилы — большой, выпрямившийся во весь рост, четко выделяющийся на фоне неба. Стоял неподвижно, как изваяние.

Казалось, он никак не реагировал на происходящее. Он не бросил ни одного взгляда на рвавшегося вперед обер-лейтенанта Крафта, не вслушивался в замечания капитана Федерса. Он стоял так, словно позировал скульптору. И увидеть его однажды где-нибудь в виде статуи было тайным желанием всех, кто его знал.

Где бы ни появлялся генерал-майор Модерзон, он всегда становился центром всеобщего внимания. Все краски в его присутствии бледнели, слова утрачивали свой смысл. Небо и окружающий ландшафт становились только фоном. Гроб у его ног, державшийся на досках над отрытой могилой, выглядел не более чем реквизит. Группа стоявших справа от него офицеров, кучка фенрихов слева, адъютант и командир административно-хозяйственной роты, стоящие в двух шагах сзади, — все они свелись до положения более или менее декоративных второстепенных персонажей. Весь пестрый блеск окружающего великолепия служил только окаймлением, рамкой для портрета генерала, удачно выполненного в холодноватых, стальных тонах. Генерал был олицетворением истинного пруссака; во всяком случае, так считали многие.

Генерал владел искусством держаться высокомерно, вызывая к себе уважение и почтительность. Казалось, ничто человеческое ему не свойственно. Так, ему всегда было безразлично состояние погоды, но состояние военной формы — никогда! И, даже несмотря на то что на

---

[1] В немецком языке существует сокращение gmbH — «общество с ограниченной ответственностью» (торговое предприятие и т. п.). Федерс сознательно переставляет местами два последних слова этого выражения, несколько изменив их. — *Прим. ред.*

кладбище гулял ледяной ветер, он не поднимал воротника своей шинели. И никогда не совал руки в карманы.

Он всегда во всем был образцом, и офицерам не оставалось ничего другого, кроме как следовать его примеру. Они жестоко мерзли, потому что стоял лютый холод. А этому ненужному представлению конца не было видно.

Но чем беспокойнее становились окружающие, чем больше надежды и ожидания появлялось в их глазах при взгляде на генерала, тем жестче и недоступнее становился он сам.

— Если я не ошибаюсь,— зашептал своим соседям капитан Федерс, — старик затевает что-то в высшей степени необычное. В последнее время он держится замкнуто, как несгораемый шкаф. Вопрос теперь только в одном: кто же его вскроет?

Обер-лейтенант Крафт протискивался тем временем дальше — к головной группе. Офицеры насторожились и стали понемногу расступаться. Они надеялись, что обер-лейтенанту удастся пробиться прямо к генералу. Тогда уж не избежать какой-нибудь сцены.

Но у обер-лейтенанта Крафта хватило ума не беспокоить застывшего как монумент генерала. Напротив, он придерживался порядка действий по инстанции, что всегда было лучшим способом достижения цели. Он обратился к капитану Катеру, командиру административно-хозяйственной роты:

— Позвольте доложить, господин капитан, военный священник задерживается: он вывихнул ногу. Штабной врач уже у него.

Это сообщение не обрадовало Катера. Его совсем не устраивало то, что офицер его роты возложил на него дальнейшую передачу неприятного известия, да еще здесь, перед всем офицерским корпусом. Катер знал своего генерала. Скорее всего он только бросит на него холодный, пронизывающий взгляд, не проронив ни слова, что равносильно уничтожающему выговору. Ведь речь шла о церемонии, расписанной до мельчайших деталей — здесь не должно быть никаких заминок. В чертовски затруднительную ситуацию поставили его обер-лейтенант Крафт и этот спотыкающийся военный священник. И чтобы оттянуть время, он раздраженно воскликнул:

— И как это люди умудряются вывихивать ноги!

— Он, видно, снова где-то набрался! — с деланным возмущением отозвался капитан Ратсхельм.

Адъютант предостерегающе закашлял. И хотя генерал-майор Модерзон оставался по-прежнему совершенно недвижим — он даже бровью не повел, — бравый капитан Ратсхельм почувствовал себя неловко, словно его выбранили. Его высказывание, в сущности, было правильным, он только выбрал неподходящую формулировку. Ведь он находился в военной школе. Он был признанным воспитателем и наставником будущих офицеров. И это было его долгом: выражать даже недвусмысленные истины в более отточенной формулировке.

— Прошу прощения,— сказал он храбро, в данном случае достаточно громко, — если я сказал «набрался», я, конечно, имел в виду «выпил».

— Дело не в том, был ли священник пьян, — заметил капитан Федерс, преподаватель тактики, обладавший отличной сообразительностью, что было не всегда кстати.— И чтобы убедиться в этом, достаточно немного логики. Собственно говоря, он почти всегда пьян, и до сих пор с ним в этом состоянии ничего неприятного не случалось. Он должен благодарить за это своего ангела-хранителя. И если он теперь повредил ногу, то следует предположить, что он был не «набравшимся», или не пьяным. Видимо, когда он трезв, ангел-хранитель покидает его. И он почувствовал это на своей собственной ноге.

Тут генерал-майор Модерзон повернул голову. Он поворачивал ее угрожающе медленно, словно пушечный ствол, направляемый на цель. Глаза его по-прежнему ничего не выражали. Стараясь уклониться от этого взгляда, офицеры с довольно скорбным видом уставились на могилу. Только Федерс поднял глаза на своего генерала — посмотрел вопрошающе и с чуть заметной улыбкой.

Адъютант сжал губы и прикрыл глаза. Он ожидал грозы. Скорее всего она будет заключаться только в одном слове генерала, но в нем достанет силы мигом освободить от посетителей все кладбище. Однако слово это не было произнесено — обстоятельство, заставившее адъютанта задуматься. В результате длительных размышлений он пришел к выводу, что определенную роль здесь, видимо, сыграла разница в религиозных взглядах, — генерал, наверное, пользовался другим сборником псалмов. Если таковой у него вообще был.

Медленным движением генерал поднял левую руку. Посмотрел на часы. Потом снова опустил руку.

И в этом скупом жесте таился вселяющий тревогу упрек.

Сопровождаемый взглядами всего корпуса офицеров и фенрихов, капитан Катер двинулся к генералу: у него не было другого выхода. «Нелегкое же тебе, парень, выпало дельце», — думали офицеры. Дело в том, что Катер отвечал за весь ход церемонии, а она застопорилась. В глазах генерала читался уничтожающий приговор.

Но Катер собрал все свое мужество. Он надеялся, что, пока он будет докладывать, его голос не будет дрожать, колебаться и прерываться. Ибо по опыту известно: главное — это ясный, четкий, без запинки доклад. Дальше все пойдет само собой.

Собственно, капитан Катер, командир административно-хозяйственной роты, доложил генералу о том, о чем тот уже знал — ведь были же у него уши. Да еще к тому же уши, не уступавшие, как утверждалось, лучшей аппаратуре для подслушивания.

Генерал-майор Модерзон невозмутимо выслушал доклад, оставаясь неподвижным, как одинокая скала на дне долины. А потом случилось то, чего Катер боялся больше всего. Генерал возложил на него всю ответственность.

— Примите меры,— коротко бросил он.

Офицеры язвительно заулыбались. Фенрихи с мальчишеским любопытством вытягивали шеи. Капитана Катера пот прошиб. Он должен был немедленно принять меры — но какие? Он знал, что есть почти полдюжины возможностей, но по крайней мере пять из них будут не пригодны в глазах генерала, а это было для него единственным мерилом.

Обер-лейтенанту Крафту показалось, что в глубине души он сочувствовал Катеру. Причина этому могла быть только одна: он слишком мало знал капитана, так как сам находился в военной школе всего около двух недель. Будучи человеком умным и ловким, он быстро постиг здешние правила игры. В первую очередь необходимо было отдавать распоряжения и выкрикивать приказы — только это считалось здесь признаком настоящей распорядительности и оперативности. И лишь во вторую очередь принималось во внимание, имели ли смысл эти распоряжения и так ли уж целесообразны были отданные приказы.

И капитан Катер, не раздумывая долго, отдал распоряжение.

— Перерыв десять минут! — крикнул он.

Конечно, это была невероятная бессмыслица, бредовая идея, которая могла прийти в голову только Катеру. Офицеры заметно оживились: всегда приятно посмотреть, как засыпается кто-то другой, это так укрепляет чувство собственного достоинства. Даже некоторые фенрихи покачали головой. А бравый капитан Ратсхельм невольно пробормотал: «Что за чепуха!»

Генерал, однако, отвернулся и, казалось, разглядывал небо. Он не произнес ни слова. И тем самым как бы одобрил распоряжение Катера. Почему он так поступил, осталось неясным. Но для этого имелось по крайней мере два объяснения. Первое: генерал не хотел отчитывать Катера в присутствии фенрихов, то есть, перед подчиненными. Второе: генерал учитывал святость места, что настоятельно предписывалось соответствующей инструкцией.

Но главное — приказ есть приказ. А это, как считали многие, дело священное.

Во всяком случае, перерыв был объявлен. Десять минут!

Генерал Модерзон отвернулся от могилы и поднялся на несколько шагов на холм. Его адъютант и оба начальника курсов шли следом за ним. Строго по уставу, с дистанцией два шага. И поскольку генерал ничего не говорил, они тоже помалкивали.

Генерал оглядел горизонт так, будто собирался разрабатывать план боя, хотя досконально знал мельчайшие подробности местности: песчаные холмы с виноградниками, между ними — голубая лента Майна, за ним город Вильдлинген, словно собранный из кубиков, и над всем этим господствует высота 201, а на ней — 5-я военная школа.

Кладбище находилось немного в стороне, но добираться до него было просто: от казармы всего пятнадцать минут ходу. Это было удобно и для возвращения.

— Прекрасный участок земли, — заметил генерал.

— Действительно прекрасный, — поспешил откликнуться майор Фрей, начальник 2-го учебного курса. — И удивительно много места, господин генерал. В этом

отношении у нас едва ли возникнут трудности, даже если мы подвергнемся бомбардировке. Но и тогда мы сможем что-нибудь предпринять.

Тут они оба замолчали, хотя генерал говорил о ландшафте, окружающем Майн, а майор же имел в виду кладбище. И это избавило их от дальнейших недоразумений.

Капитан Федерс подал знак, и строй офицеров рассыпался. Сам капитан отошел в сторонку, чтобы, как он выразился, размять ноги. Затем он исчез за живой изгородью из тиса.

Офицеры прогуливались небольшими группками. Без всякой цели — это они могли себе теперь позволить. Надо было только брать пример с генерала. Если он разрешил себе поразмяться, то им это тоже не возбранялось.

— Господин обер-лейтенант Крафт, — раздраженно сказал капитан Катер, — как это вам пришло в голову устроить мне такое?

— А что такое? — беззаботно спросил Крафт.— Разве это я вывихнул себе ногу? Или, может быть, это я — ответственный за церемонию?

— В известном смысле, — ответил разозлившийся Катер,— потому что, как офицер моей роты, вы находитесь в моем непосредственном подчинении. И если на мне лежит ответственность, то уж на вас и подавно.

— Конечно, — согласился Крафт. — Но здесь есть небольшой нюанс: я отчитываюсь перед вами, а вы — перед генералом. Это меня и спасло, разве не так?

— Непонятно, — пробормотал Катер,— просто непостижимо, как это человека, подобного вам, могли прислать в военную школу!

— Однако, я попрошу, — с горячностью сказал Крафт. — Вы ведь тоже находитесь здесь!

Капитан молча проглотил эту пилюлю. Стоит только раз промахнуться, и вот уже низшие по званию офицеры начинают позволять себе слишком много. Но он еще покажет этому наглецу. Он поискал глазами генерала и нырнул за тую. Здесь он вынул из кармана плоскую бутылку, отвернул крышку и сделал глоток. Крафту выпить он не предложил.

Однако собираясь спрятать бутылку, он увидел вокруг себя несколько офицеров во главе с вездесущим капитаном Федерсом. Эти тоже не прочь были погреться.

— Проявите хоть раз чувство товарищества, Катер, — ухмыльнулся Федерс,— и давайте сюда вашу бутылку. Что вам стоит при ваших-то запасах!

— Но мы на кладбище, — заметил Катер.

— Ну что же поделаешь, — ответил Федерс, — если вдруг генералу пришло в голову устраивать такие пышные похороны, словно в мирное время. Ведь идет война. Мне уже, собственно, раз приходилось закусывать в обществе покойников. Так что давайте-ка сюда вашу бутылку, господин лицемер! Вы устроили нам этот перерыв, позаботьтесь же теперь, чтобы мы его приятно провели.

Сорок фенрихов учебного отделения «X» все еще стояли на своих местах. Преимущества офицеров на них пока еще не распространялись. Они не могли просто так разгуливать, хотя бы и следуя примеру генерала. Им для этого нужен был приказ — а он, конечно, не последовал.

И вот они стояли в три шеренги в положении «вольно», в тяжелых касках, держа винтовки у ноги. Сорок совсем юношеских лиц, но у некоторых из них были глаза пожилых умных людей. А едва ли кому-нибудь из них было больше двадцати.

В этом потоке они были самыми молодыми.

— Хотелось бы мне знать, — заметил фенрих Хохбауэр своему соседу, — откуда это господа офицеры взяли спиртное? Ведь уже неделя, как его не выдают.

— Может быть, они умеют экономить! — ухмыльнулся фенрих Меслер. — Могу вам сказать только одно: главный стимул, побуждающий меня стать офицером,— это бутылка, один из убедительнейших аргументов.

— Это просто разложение, — резко ответил фенрих Хохбауэр, — подобное следовало бы запретить. Против таких вещей следовало бы принять меры.

— А ты взорви всю эту контору,— посоветовал фенрих Редниц, — тогда состоятся массовые похороны и нам по крайней мере не придется непрерывно бегать на кладбище.

— Заткни свою нахальную глотку! — грубо ответил фенрих Хохбауэр. — И прекрати лучше эти грязные намеки, или ты меня еще узнаешь.

— Можешь не стараться, — ответил фенрих Редниц, — я тебя и так уже достаточно хорошо знаю.

— Да перестаньте вы! — воскликнул фенрих Вебер.— Я предаюсь печали и прошу проявлять к этому уважение!

Беспокойство среди фенрихов слегка улеглось. Они осторожно огляделись: генерал был далеко, а офицеры все еще пытались выгнать мороз из озябших ног. Бутылка капитана Катера между тем совершенно опустела, однако капитан Федерс все еще продолжал развлекать приятелей двусмысленными шутками. Все словно и думать забыли, что неподалеку от них стоял гроб.

Но там был еще капитан Ратсхельм, бравый, неутомимый опекун фенрихов — начальник потока, которому подчинялось учебное отделение «Х». Стоя по ту сторону могилы, он все время поглядывал на них, и взгляды его были полны наивной доброжелательности.

Капитан Ратсхельм рассматривал своих фенрихов с отеческой симпатией. Они, пожалуй, слегка расшумелись, но он считал это признаком их возросших морально-боевых качеств. Они пришли проводить в последний путь своего наставника, лейтенанта Баркова. И, слава богу, вели себя при этом не как бабы, а почти как настоящие солдаты, для которых смерть — обычное явление в этом мире, их постоянный попутчик. Так сказать, самый верный друг. И если не слишком-то уместно бодро смотреть ей в глаза — известная невозмутимость в этом деле все же весьма похвальна. Таков был Ратсхельм.

— Там, на фронте, — говорил тем временем, почесываясь, фенрих Вебер,— у нас не уходило много времени на похороны, буквально пять минут — чтобы только вырыть могилу. А здесь закатывают такую церемонию! Я, собственно говоря, не имею ничего против, но если уж делать все, как полагается, то нам следовало бы предоставить свободный вечер, а я бы уж знал, как его провести! Внизу, в городке, я разыскал себе неплохое развлечение — малышку зовут Анна-Мария. Я сказал, что женюсь на ней — когда стану генералом.

Беспокойство среди фенрихов снова возросло. Большинство из них, однако, клевало носом или пыталось согреть озябшие ноги, изо всех сил шевеля пальцами. Топать всей ступней они не решались, но зато могли потирать руки, а один из третьей шеренги даже умудрился засунуть их глубоко в карманы шинели.

Только первая шеренга, бывшая у всех на виду, не могла не сохранять выдержку. Кое-кто из стоявших в ней делал вид, что с печалью смотрит на гроб. На самом деле их интересовала только его выделка — имитация под дуб, но, по всей видимости, — сосна; канты из жести; ма-

тово отсвечивающая краска; неуклюжие ножки. И двадцатый раз читали они надписи в большинстве своем на красных, покрытых свастиками лентах венков, сделанные золотыми или же черными как смоль буквами:

«Нашему дорогому другу Баркову — спи спокойно — от офицеров 5-й военной школы», «Уважаемому незабвенному учителю — от благодарных учеников».

— Кто знает, кого нам теперь дадут в наставники,— задумчиво сказал кто-то из фенрихов и посмотрел вдаль, на скопление крестов, камней, кустов и холмов, составлявших кладбище.

— Какая разница, — грубовато отозвался другой, — мы все равно уже дошли с этим лейтенантом Барковом — так и с любым другим тоже дойдем. Главное, чтобы здесь никто не нарушал общего порядка — тогда мы всего сможем добиться!

— От этих ребят я могу ожидать всего, — объяснял своим соседям капитан Федерс, всезнающий и трезво мыслящий преподаватель тактики.— Я вполне допускаю, что они могли довести собственного офицера-инструктора. Потому что ведь лейтенант Барков не был ни идиотом, ни человеком, уставшим от жизни; к тому же он превосходно разбирался в саперном имуществе. Он, кажется, только не сумел раскусить свою ватагу — и это было его ошибкой. Я же его столько раз предупреждал! Но твердолобые идеалисты, не имеющие понятия о практической стороне своей деятельности, — люди безнадежные.

— Он был примерным офицером, — заверил подчеркнуто строго капитан Ратсхельм.

— Именно поэтому! — лаконично отозвался Федерс и поддал носком сапога камешек. Тот скатился в отрытую могилу.

— Вы не слишком-то благочестивы, — сказал Ратсхельм, который почувствовал себя задетым.

— Мне неприятны эти нарочито выспренние похороны, — ответил Федерс. — А умиротворяющая болтовня о покойном вызывает во мне отвращение. Но в то же время я спрашиваю себя: какую цель преследует всем этим генерал? Он наверняка имеет какое-то намерение, но какое?

— Я не генерал, — уклонился от ответа Ратсхельм.

— Ну, вам недолго до этого осталось, — воинственно

начал Федерс. — Чем подлее времена, тем быстрее идет повышение по службе. Вы только взгляните на эту компанию офицеров — они сделают все, что им ни было бы приказано! И все это с прекрасной размеренностью машин, где бы им ни пришлось действовать — в казино ли, в учебном классе или на кладбище. Главное — надежность. Но ведь и глупцы тоже надежны.

— Вы выпили, Федерс,— сказал капитан Ратсхельм.

— Да, поэтому-то я и настроен так миролюбиво. Даже вид капитана Катера вызывает во мне сегодня только дружеские чувства.

Капитан Катер беспокойно прохаживался между двумя надгробными плитами. Он пытался придумать что-нибудь, чтобы исправить создавшееся положение. Он уже ощущал в себе желание воззвать за помощью к небесам — к той их части, которая ведает военными священниками. Но надежда на то, что господь бог своевременно выправит ногу своего служителя, быстро оставила его. Снова и снова бросал он взгляд, исполненный ожидания, на кладбищенские ворота. Сам себе он казался похожим на кошку, которой к хвосту привязали надутый свиной пузырь. Наконец он обратился к обер-лейтенанту Крафту:

— Возможно ли выздоровление священника к нужному сроку?

— Едва ли, — дружески отозвался Крафт.

— Но что же нам делать?! — в отчаянии воскликнул Катер.

— Но, дорогой мой,— ответил капитан Федерс,— как всегда, имеется множество вариантов. Вам остается только выбирать! Так, например, вы можете продлить перерыв. Или перенести погребение. Или заменить священника. Или доложить генералу, что вам нечего ему доложить. В конце концов, вы можете просто умереть и избавиться таким образом от всех хлопот.

Катер огляделся затравленно, как кабан, попавший в загон охотников. Офицеры смотрели на него со сдержанным интересом; после того, что произошло на кладбище, он больше уже не был для них важной фигурой. Они считали, что обер-лейтенант Крафт поставил капитана в такую ситуацию, из которой ему не выбраться сухим. Может быть, Крафт метит на его место. В большинстве случаев так и было: ошибки одних давали шансы другим.

Все присутствующие меж тем замолкли в ожидании.

Генерал-майор Модерзон вновь повернулся к участникам траурной церемонии. Он до тех пор не спускал с них своих акульих глаз, пока не воцарилась полная тишина. Затем он посмотрел на капитана Катера.

— Перерыв окончен! — тотчас же крикнул тот.

Генерал чуть заметно кивнул. Офицеры снова разобрались, курсанты замерли в строю. И больше пока ничего другого не произошло.

Торжественная тишина воцарилась над траурным сборищем. Слышалось только тяжелое дыхание капитана Катера, стоявшего рядом с Крафтом.

— Начнем, с богом! — сказал генерал.

Катер вздрогнул: он, хотя и был ответственным за церемонию, не имел понятия, что же делать дальше. Но так как он все еще намеревался переложить решение проблемы на Крафта, то бросил на него одновременно умоляющий и требовательный взгляд. «Ну же, Крафт, действуйте!» — прошептал он. И чтобы придать весомость своему приказу — так как это был все же приказ,— он подтолкнул Крафта вперед.

Крафт опять чуть было не съехал прямо в отрытую могилу. Но ему удалось удержаться, и он скомандовал фенрихам, стоявшим возле гроба:

— Опускайте!

Фенрихи немедленно последовали приказу. Гроб с шумом опустился вниз. Застучали комья промерзшей земли. Присутствующие со смешанным чувством следили за этим, так внезапно затянувшимся представлением.

— Соединим души наши в безмолвной молитве, — предложил обер-лейтенант Крафт. К счастью, эта его довольно неясная формулировка имела тоже характер приказа. И все участники траурной церемонии, казалось, занялись тем, что им было предложено. Они опустили голову и задумались, причем пытались проделать это по возможности с более или менее серьезными лицами.

Вряд ли кто-нибудь из офицеров думал, однако, о лейтенанте Баркове, гроб которого был уже почти не виден. Большинство из них были даже мало знакомы с покойным. Лейтенант Барков, как и многие другие офицеры-инструкторы, находился в военной школе всего лишь четырнадцать дней. Это был человек, державшийся всегда очень прямо, с соблюдением определенной дистанции, заботящийся о своем внешнем виде, с юношеским замкнутым лицом, рыбьими глазами и постоянно энергично сжа-

тыми губами; офицер, как из детской книги с картинками, представитель молодежи, верящей в Германию и готовой на все.

Один из фенрихов прошептал: «Он и не хотел ничего другого». Это прозвучало почти как молитва, по крайней мере — на некотором удалении.

— Аминь,— провозгласил обер-лейтенант Крафт.

— На этом закончить! — сказал генерал-майор Модерзон.

Приказ, отданный генералом, заставил присутствующих врасплох. Как пистолетный выстрел над ухом! Они посмотрели друг на друга — кто в легком замешательстве, кто озабоченно. Приказ, отданный подчиненным, делавшим вид, что они предаются молитве, имел определенное сходство с неожиданным ударом по мягкому месту.

Не сразу даже до искушенных участников траурной церемонии дошло, в чем же, собственно, состояла необычность приказа — это был приказ, шедший вразрез с предписанным церемониалом. Ибо могила еще не была засыпана землей, не были возложены венки, и не был дан салют. Тщательно спланированный, четырежды отрепетированный ход погребения был внезапно прерван одной-единственной фразой.

Но это было распоряжение человека, имевшего власть.

— Господа офицеры свободны,— распорядился капитан Ратсхельм как старший по должности. Ему представилась прекрасная возможность проявить инициативу. Генерал сумеет это оценить, потому что их инициативе придавалось особое значение.— Фенрихам возвратиться в казармы. Далее — по распорядку дня.

Почти без всякого переходного момента участники траурной церемонии стали расходиться. Офицеры группами поспешили к выходу с кладбища. Капитан Ратсхельм командовал своим потоком.

Капитан Катер несколько секунд стоял как вкопанный. Но потом и он удалился вслед за обер-лейтенантом Крафтом, которому собирался высказать по дороге массу упреков. Потому что как же он мог дальше оставаться в военной школе, если ему не удастся найти виновника происшествия? До сих пор это ему всегда удавалось.

Генерал-майор Модерзон остался один.

Он сделал несколько шагов вперед и заглянул в могилу. Он увидел черно-коричневые деревянные планки, на которые упала земля. Грязный, затоптанный снег, на

нем — блестящая, красная, свернувшаяся от мороза лента венка со следами чьих-то сапог.

Жесткое, неподвижное лицо генерала не выражало никаких чувств. Губы были плотно сжаты. Глаза закрыты — по крайней мере, так казалось. Словно он не хотел, чтобы кто-нибудь сейчас заглянул бы ему в душу.

Офицеры и фенрихи, следовавшие к долине, по направлению к своим казармам, на повороте увидели, что их начальник все еще стоит на кладбище: четкий, узкий силуэт на фоне ледяного, снежно-голубого неба, словно застывший в угрожающей холодной неприступности.

— В следующие дни будет чертовски холодный ветер, — сказал капитан Федерс. — Что бы мне ни говорили — в этом деле что-то не так. Генерал не из тех людей, которые реагируют на всякую глупость, и если уж он не может сдержаться, значит, произошло действительно большое свинство. Но какое? Ну да это мы узнаем раньше, чем даже предполагаем.

2

СЛУЧАЙ С ИЗНАСИЛОВАНИЕМ

— Дорогой мой обер-лейтенант Крафт, — говорил капитан Катер, идя по казарме в сторону расположения административно-хозяйственной роты. — Такая военная школа, как наша, — структура в высшей степени сложная. А по сравнению с нашим генералом блаженная Пифия была не более чем обычная гадалка на кофейной гуще.

— Тем более удивительным кажется мне, что именно вы-то и решили здесь обосноваться, — откровенно высказал свое мение обер-лейтенант Крафт.

— Я не подыскивал себе специально этого места, — натянуто улыбнулся Катер, — но раз уж я сюда попал, я хочу здесь остаться. Понятно? И не питайте несбыточных надежд. Это будет лишь неприятно для вас и утомительно для меня. И если вы разумный человек, попытайтесь подружиться со мной.

— Что поделаешь, — бодро заметил обер-лейтенант Крафт. — Я не умен и не прилежен. Я не обладаю тщеславием и люблю покой.

— И девочек! — подмигнул капитан. Он не доверял Крафту, как, впрочем, не доверял почти никому. Каждый от него чего-нибудь требовал: генерал — дисциплины и знания уставов, офицеры — шнапса и дополнительного пайка, а этот Крафт, очевидно, метил на его место. Молодых, неопытных офицеров было обычно нелегко остановить, если им представлялся случай вытеснить вышестоящего начальника. А офицеры военной школы были элитой; они не только горели желанием сделать карьеру, но и имели для этого средства. А впрочем, были еще ведь и девушки.

— Ну-ну, не будем преувеличивать, — ответил Крафт. — О девочках здесь вряд ли может идти речь. Мне вполне хватает и одной. От случая к случаю.

— У меня тоже сердце не каменное, — заверил его капитан Катер. — И я всегда подчеркивал: каждому свое. Во всяком случае я — командир роты, а вы находитесь в моем подчинении — и тут все яснее ясного. Или что-то еще непонятно?

Они вместе вошли в канцелярию роты — капитан Катер, как и положено, впереди. Писаря — унтер-офицер и два ефрейтора — при виде их вскочили. Машинистка же самым вызывающим образом продолжала сидеть. Катер сделал вид, что не заметил этого.

От него не ускользнуло, однако, что эта хорошенькая девушка — Эльфрида Радемахер — видела только обер-лейтенанта Крафта. Она улыбнулась ему с такой чистосердечной доверчивостью и так открыто, словно, кроме них, на свете вообще никого не было. Катер отвернулся в сторону.

Чашечку кофе? — спросила Эльфрида. Она обратилась к капитану Катеру, подмигивая в то же время Крафту. Крафт тоже подмигнул ей. Кладбищенский мороз постепенно покидал его конечности.

— Хорошо, приготовьте кофе, — великодушно согласился Катер. — Но мне — с коньяком.

Таким образом капитан Катер продемонстрировал свой своеобразный вкус. При любой возможности он старался подчеркнуть перед окружающими, что является личностью яркой и своеобразной. По крайней мере — в отношении выбора напитков.

— Мне сейчас просто необходим коньяк, — продолжал

он, с шумом падая в кресло за своим столом. Обер-лейтенанту Крафту он указал на стул напротив. — После этого театрального представления на кладбище мне нужно подкрепиться. При всей своей респектабельности генерал постепенно превращается в кошмар для всей казармы. Чего он, собственно, хочет? Если из-за каждого покойника устраивать такую шумиху, нам просто не хватит времени на войну. А без коньяка мы бы и вовсе пропали.

— Да, — бойко вставила Эльфрида,— день ото дня война становится все ожесточеннее. — Она расстелила на письменном столе салфетку и принесла кофе. — Лучше я сразу поставлю на стол всю бутылку.

— Что вы хотите этим сказать? — спросил насторожившийся Катер. Слишком услужливое предложение Эльфриды вызвало у него опасения. — Произошло еще какое-нибудь свинство?

— В известном смысле — тройное, — чистосердечно ответила Эльфрида, расставляя рюмки. При этом она лучезарно улыбалась обер-лейтенанту.

Капитан сделал вид, что он и этого не заметил. Кресло под ним заскрипело. Он вдохнул прокуренный воздух, смешанный с запахом затхлой воды, хозяйственного мыла и трухлявых досок. Обеспокоенно подтянул живот и сложил на нем свои толстые пальцы. Только потом устало, нехотя взглянул на Эльфриду Радемахер, свою достойную всяческих похвал, широко используемую им машинистку.

На Эльфриду Радемахер и в самом деле приятно было посмотреть. Она была немного полновата и платье туго обтягивало ее округлые формы. От нее исходил сочный деревенский дух, напоминавший о просторных полях, шуме леса или запахе сена — о вещах, которые капитан Катер не слишком-то ценил, потому что легко простужался. К сожалению, он был уже не первой молодости, и это вынуждало его иногда быть прямо-таки благонравным.

— Говорите открыто, фройляйн Радемахер, — сказал он, закуривая гаванскую сигару изысканно мягкого сорта. — Вы же знаете, я все могу понять.

— Это как раз то, что потребуется в данном случае,— предупредила Эльфрида и снова подмигнула Крафту, быстро скользнув языком по губам.

— Ну, фройляйн Радемахер,— нетерпеливо сказал капитан Катер, — говорите же.

И она сказала совершенно спокойно, словно речь шла о самом обыденном деле:

— Изнасилование — этой ночью.

Капитан Катер вздрогнул. Даже обер-лейтенант Крафт наклонился вперед, хотя давно взял себе за правило не удивляться ничему и твердо держаться на своих крепких, слегка кривоватых ногах, что бы там ни преподносила война, ведущаяся великой Германией.

— Позор! — воскликнул капитан Катер. — Просто стыд, как ведут себя эти фенрихи!

— Это был не фенрих, — дружески поправила его Эльфрида Радемахер.

— Неужели кто-нибудь из моей роты? — забеспокоился капитан. Фенрихи в роли насильников были бы для него более приемлемыми, ибо они не находились в его подчинении; хотя, быть может, в деле была замешана пострадавшая — а ему были непосредственно подчинены все гражданские служащие.

Но если в деле замешан кто-либо из его роты — это просто катастрофа! Это грозило Катеру полным крушением; после всего того, что произошло на кладбище, его могли, чего доброго, направить на фронт.

И Катер требовательно взглянул на Крафта, с тем чтобы тот разделил вместе с ним его заботы. Служитель господа бога, подворачивающий себе ногу как раз в тот момент, когда он позарез нужен, защитник отечества, задержанный за изнасилование,— это уже тревожащие признаки!

— Что же это за парень, который устроил мне такое? — требовательно спросил Катер.

— Унтер-офицер Кротенкопф. Это он изнасилован,— объявила наконец Эльфрида Радемахер и почти довольно улыбнулась.

— Унтер-офицер Кротенкопф?! — закричал сбитый с толку Катер. — Но это абсурд! Этого не может быть!

— Это правда,— ответила Эльфрида, явно наслаждаясь всем происходящим. — Сегодня между часом и тремя ночи унтер-офицер Кротенкопф был изнасилован — по его же собственным данным — в одном из подвальных помещений штаба, где находится коммутатор, тремя связистками вспомогательной службы, которые несли дежурство.

— Этого не может быть! — снова воскликнул Катер.— Что вы на это скажете, обер-лейтенант Крафт?

— Пытаюсь представить себе все это, господин капи-

тан, — удивленно ответил Крафт, покачивая своей крестьянской головой.— Но боюсь, что мне не хватит всей моей фантазии.

— Какое свинство! — возбужденно крикнул Катер, имея в виду не столько само происшествие, сколько его возможные последствия. — Что понадобилось этому Кротенкопфу ночью в помещении коммутатора, даже если он и унтер-офицер связи? И как там оказались эти бабы, если на ночное дежурство полагается только две? И почему они набросились именно на Кротенкопфа, когда в казарме полно фенрихов, которые с удовольствием пошли бы им в этом деле навстречу? Не говоря уж о том, что все это произошло в служебное время!

Трясущимися руками он наполнил свой стакан. Коньяк при этом пролился на какой-то документ, образовав крошечное ароматное озеро с мягкими контурами. Но Катер оставил без внимания документ вместе с появившимся на нем коньячным пятном — он думал только об этой немыслимой истории с изнасилованием и последствиях, которые она могла за собой повлечь. Он опрокинул в себя стакан, не испытав ни малейшего облегчения. Охотнее всего он бы сейчас напился, прямо здесь. Но сначала ему нужно было принять решение, причем самое оптимальное, такое, которое сберегло бы ему нервы и избавило от ненужной работы. Которое к тому же позволило бы ему избежать ответственности.

— Крафт, — сказал он, подумав,— вы займетесь этим делом. Хотя я и нахожу все случившееся совершенно неправдоподобным, но мы должны предпринять все необходимое, чтобы внести ясность. Я думаю, вы понимаете, что я хочу этим сказать: я просто не в силах представить, что подобное могло произойти в роте обслуживания. Это сомнительно уже с чисто биологической точки зрения. А если смотреть с военной, то здесь скорее всего какое-то недоразумение.

Теперь Катер мог ретироваться с чувством исполненного долга. Он принял необходимые в данном случае меры и дал ход делу, старательно приглушив его в то же время. Если при этом будут допущены ошибки, это уже будет не его виной. Расхлебывать кашу будет Крафт. А ему как раз не повредит охладить чуть-чуть свой пыл.

Но прежде чем уйти, Катер заметил Крафту:

— Обратите внимание вот на какую деталь, мой дорогой! Почему Кротенкопф доложил об этом безобразии

только теперь, в полдень? Ему следовало бы сделать это самое позднее ранним утром, таков порядок. О чем он, собственно говоря, думает? С кем он, по его мнению, имеет здесь дело? Суммируйте как следует факты, подумайте. Человек, поступающий вопреки уставному порядку, подозрителен.

Крафт не без признательности поглядел ему вслед. Катер был тертый калач, да это и неудивительно: иначе как бы он мог удержаться здесь, в военной школе?

Замечание Катера о том, что жалобщик, то есть унтер-офицер Кротенкопф, отступил от уставного порядка, было одновременно и простым и сложным. Оно само по себе уже сулило Кротенкопфу неприятности.

— У меня сильнейшее желание, — сказал Крафт, — швырнуть всю эту ерунду самому Катеру под ноги.

— И это, — спросила Эльфрида, приблизившись к нему,— твое единственное желание?

— Может быть, нам следует запереть дверь?— проговорил обер-лейтенант Крафт, стоя вплотную к Эльфриде.

— Не получится, — ответила она чуть хрипловато. — К этой двери нет ключа!

— Откуда ты это знаешь? — спросил он тотчас же.— Ты уже пробовала?

Она приглушенно засмеялась и тесно прижалась к нему, словно желая прекратить дальнейшие расспросы.

Он крепко обнял ее. С закрытыми глазами она откинулась назад — на письменный стол, за которым обычно сидел командир роты. И осторожно отодвинула кофейные чашки, чтобы не свалить их на пол.

— Сюда никто без вызова не войдет,— сказала она,— а Катер ушел в казино.

Обер-лейтенант Крафт посмотрел мимо нее, на записную книжку, лежавшую на столе. Там было записано: «позв. Ро. 25/33» — что, видимо, означало: позвонить Ротунде, владельцу «Пегого пса», — он обещал поставить 25 бутылок вина, заложенных на хранение еще в 1933 году. Тут Крафт прикрыл глаза, не желая видеть ничего — ни букв, ни цифр. Только чувствовать, ощущать, что ему еще позволено жить на этом свете.

Они оба тяжело дышали. А снаружи в это время раздавалось пение фенрихов:

В мире нет страны прекрасней...

Пение, сопровождаемое громким топотом сапог, звучало довольно громко, и это устраивало Крафта, так как казармы, строившиеся не на вечные времена, имели в большинстве своем тонкие стенки.

— С нетерпением буду ждать сегодняшней ночи, — сказала на прощание Эльфрида.

Карл Крафт смог только кивнуть в ответ.

Унтер-офицер Кротенкопф, так называемый изнасилованный, ожидал обер-лейтенанта Крафта в коридоре. Он страдальчески глянул на своего начальника, затем стыдливо опустил в поклоне голову.

Надо заметить, что унтер-офицер Кротенкопф отнюдь не был ни стыдливой мимозой, ни слюнтяем, ни тщедушным затворником — это был горбоносый мужчина с толстыми, оттопыренными губами, обезьяньими руками и здоровым задом — фавн с задворок Нижней Саксонии.

— Они позвонили мне, — заговорил он оскорбленным тоном, с искусственным возмущением. — Они подняли меня с постели среди ночи, утверждая, что телефонная связь не действует. Я сказал им, что они могут поцеловать меня в зад. А они ответили: но только не по телефону! Это должно было бы меня насторожить. Но я думал только об исполнении своего долга, о телефонной связи и о генерале — представить себе только, что он вдруг захотел бы позвонить, а телефон неисправен! Это пахло строительными работами или фронтом! Вот я и отправился к ним, потому что служба есть служба. Но только я вошел в подвал, как они набросились на меня. Все втроем, словно дикие. Они буквально сорвали с меня одежду, даже сняли сапоги — и при этом ужасно пыхтели, потому что сапоги у меня чертовски тесные. Кто не знает, как за это взяться, тому приходится попотеть, чтобы стянуть их. Но этих баб и это не остановило.

— Довольно, довольно,— остановил его Крафт, которого совсем не интересовали мелкие детали происшествия. — А почему вы пришли с докладом только теперь? Мне кажется, до вас должно было дойти еще ранним утром, что вы стали злополучной жертвой грубого насилия.

— Это верно,— ответил Кротенкопф с подобострастной улыбкой, — но я ведь тоже не изверг. И никогда не был мелочным. У меня кожа дубленая — все вытерпит. И когда бабы выкинули этот номер — между прочим, они были в стельку пьяные, — я подумал: ладно, ты же не злопа-

мятен. Ведь если человек выпьет, хмель ему ударяет в голову, и некоторые от этого теряют рассудок. Бог с ними, подумал я, будь выше этого. Война всегда жестока и требует жертв. Так я рассудил. Но главные неприятности начались позже. Теперь эти ромашки обращаются ко мне просто по имени, они называют меня Вольдемаром! А это уже слишком. Они не желают больше подчиняться, они все время хихикают, говорят двусмысленности и смеются над моими приказами — они называют меня любимым! Скажите на милость! Называют меня любимым при всех, и не только эти три вчерашние, но и все остальные, что работают на коммутаторе. А этого я, как человек и унтер-офицер, не могу допустить.

— Ладно, хорошо, — сказал обер-лейтенант Крафт. — Я займусь этим делом, если вы на этом настаиваете, Кротенкопф.

— Да нет, я ни на чем не настаиваю,— заверил унтер-офицер, — но что же мне делать — надо мной смеется уже вся казарма! И называть меня Вольдемаром... Меня вообще-то зовут Альфредом. Сделайте что-нибудь, господин обер-лейтенант!

— А не может быть такого, что вы ошиблись?

— Тогда спросите этих трех фурий — им-то лучше знать!

Капитан Катер отправился в казино в надежде найти там утешение, а также чтобы подкрепиться. Потому что здесь-то были его собственные владения — и кухня, и подвал, и персонал казино подчинялись ему как командиру административно-хозяйственной роты. Право распоряжаться здесь имел еще только генерал, но в послеобеденное время вряд ли стоило опасаться его появления.

— Друзья мои,— деловито сказал капитан Катер, — чем мне вас порадовать? Выскажите мне откровенно ваши пожелания. После таких напряженных похорон каждому наверняка нужно подбодриться. Рекомендую арманьяк прямо из бочки — по крайней мере двадцатилетней выдержки.

Его совету, разумеется, последовали: Катер знал толк в напитках. Этому он научился во Франции.

Спиртное Катер всегда разливал сам: подобное священнодействие он никому не передоверял. К тому же сейчас это было и нетрудно, потому что в это время в ка-

зино сидело сравнительно немного офицеров — несколько преподавателей тактики и два или три начальника потоков. И еще гость военной школы, некий Вирман, судя по знакам различия — старший военный советник юстиции, подчиняющийся инспектору военных школ и направленный в Вильдлинген-на-Майне, чтобы тщательно разобраться в обстоятельствах гибели лейтенанта Баркова.

Но этот небольшого роста, внимательно ко всему присматривающийся господин, по-видимому, больше всего интересовался казино и содержимым его погребов. Таким образом, Катеру легко удалось добиться полного взаимопонимания с этим представителем закона, а Вирман всегда мог получить наполненный до краев стакан.

— Господа, — сказал Катер, присоединяясь к сидевшим за столиком офицерам,— вот это были похороны! Уж и не знаю, что лучше — лежать в гробу или же быть испепеленным гневным взглядом генерала.

— Уверен, из вас бы получился отличнейший покойник, — весело отозвался капитан Федерс. — А похороны не были бы особенно грустными — стоит только вспомнить о запасах, которые остались бы после вас.

— Господин капитан Федерс,— недружелюбно ответил Катер, — я удивлен, видя вас в такое время в казино. Ведь вы женатый человек, разве вас дома не ждет ваша жена?

На мгновение Федерс словно бы утратил самообладание, с лица его исчезла веселость. Офицеры с интересом уставились на него: все знали слабое место Федерса, но никому из них в голову бы не пришло задеть его таким образом — это было все равно что бросить ему открытый вызов. Поступок Катера был по меньшей мере легкомысленным.

Федерс рассмеялся, но смех его был хриплым и угрожающим.

— Катер, — заговорил он затем,— если вы удивляетесь, что видите меня сейчас в казино, могу только сказать, что я удивляюсь вам еще больше. Потому что по идее вы должны были бы сейчас находиться на своем рабочем месте и руководить своим, мягко выражаясь, стадом баранов. Но вы, наверное, перепоручили и это кому-нибудь другому — скорее всего Крафту, как я предполагаю. Потому что у него достаточно широкие плечи. Но, Катер, они ведь так широки, что он без особых усилий может

оттереть вас, если только захочет! Этот Крафт настоящая охотничья собака, если я не ошибаюсь, при нем ни один кот[1] не может чувствовать себя в безопасности.

Капитан почувствовал себя немного задетым. Он поднялся, попытался непринужденно рассмеяться и заметил:

— Вы неисправимый шутник, Федерс!

Но это прозвучало не слишком-то убедительно; Катер вышел, сказав, что пойдет позаботиться о подкреплении.

Он зашел на кухню казино и как раз собирался сам немного подкрепиться, когда следом за ним появился старший военный советник юстиции Вирман и участливо спросил:

— У вас неприятности, дорогой господин Катер?

— Не стоит и говорить об этом, — заверил тот.

— Ну, в таком случае, — заметил любезно Вирман, — вам будет легче довериться дружески настроенному по отношению к вам человеку. А на меня вы можете положиться, мой дорогой. Если речь идет о правосудии, вы не прогадаете, обратившись ко мне.

— Итак, мои дамы, — начал обер-лейтенант Крафт, — попробуйте-ка не считать меня ни мужчиной, ни офицером.

— Это для нас не так-то просто,— ответила одна из трех девушек, которых он должен был допросить.

— Все же попытайтесь, — посоветовал Крафт.— Представьте себе, что я нечто среднего рода — если хотите, сам закон. Можете говорить со мной совершенно открыто, без ложного стыда.

— А у нас его и так нету, — заметила другая девушка.

Обер-лейтенант Крафт находился в подвальном помещении штаба, так сказать на месте преступления. В комнате стоял ряд коммутаторов, перед ними — стулья, а сверху — схемы соединения и непременный плакат «Враг подслушивает!». В одном углу — стол, на нем кофейные чашки, чайник и электрический кипятильник. Применение кипятильника, кстати, было официально запрещено

[1] Игра слов; «катер» по-немецки означает «кот». — *Прим. ред.*

во всех штабных помещениях, но не генералом Модерзоном, а капитаном Катером — поэтому на запрет никто даже не обратил внимания. В другом углу находилась походная кровать — в известной степени «орудие преступления» — старый, продавленный, заржавелый проволочный матрас с наброшенными сверху тюфяком и одеялами.

Перед Крафтом, стоявшим за коммутаторами, сидели три девушки — хорошо сформировавшиеся существа с приятными, наивными лицами и любопытными, дружелюбно глядящими глазами, — каждой было не больше двадцати лет. Они не были ни особенно смущены, ни чрезмерно взволнованы. Глядя на них, нельзя было сказать, что их мучает сознание своей вины.

— О чем же вы при этом думали, дорогие дамы? — осторожно спросил Крафт.

— А ни о чем, — ответила одна из девушек, и это прозвучало вполне убедительно.

— Прекрасно,— сказал Крафт. — Согласен, что этот случай не требует особых умственных усилий, но полностью отключить мозговую деятельность все же нельзя. Возникает, например, вопрос, почему объектом действий оказался именно унтер-офицер Кротенкопф?

Обер-лейтенант Крафт вынужден был сесть. Вся эта история казалась ему, с одной стороны, совершенно запутанной, а с другой — абсолютно простой, в зависимости от того, с какой точки зрения ее рассматривать.

— И все же,— сказал наконец Крафт,— вы дали волю своим рукам или нет?

Девушки переглянулись. Было заметно, что они успели договориться между собой, как им отвечать на вопросы. Надо отдать должное Крафту: он не собирался придавать этому делу широкого размаха и делать его подсудным.

Поэтому он ободряюще улыбнулся удивленным девушкам.

— Конечно, — заговорила одна из девушек, хорошенькое маленькое создание с наивной детской улыбкой и искренними глазами — тип плутовки периода первой мировой войны, времен наших бабушек, — конечно, мы его раздели, а потом хотели выставить за дверь, в некотором роде в знак протеста, но он заупрямился и остался здесь.

— Гляди-ка! — удивленно воскликнул Крафт. — Значит, речь идет о своего рода демонстрации?

— Конечно! — ответила девушка, казавшаяся очень простодушной. — Потому что в этой казарме жить так дальше нельзя. Здесь почти тысяча фенрихов и пятьдесят девушек, — но никто не может о нас позаботиться. Повсюду запреты, запертые двери, сторожевые посты и надсмотрщики. А нам всего-то и нужно некоторое развлечение. Мы не хотим прокисать здесь! Но для нашего генерала все люди — только куклы, он и не думает принимать нас в расчет. Когда-нибудь мы должны же были об этом сказать! И тогда мы поймали этого Кротенкопфа. Не для того, чтобы что-нибудь с ним учинить, — мы только хотели устроить демонстрацию. Понимаете?

Обер-лейтенанту вся эта история начала доставлять удовольствие. Но все же он решил быть осторожным.

— Послушайте-ка меня,— заговорил он, — я хочу рассказать вам одну историю. Она произошла в то время, когда я был еще маленьким и жил в деревне. Так вот, по довольно чистому белью нашего соседа, разостланному на траве, как-то прошлись несколько гусей. Сосед подал жалобу. Но существовало несколько вариантов объяснений. Первый: гуси были рассержены. Второй: их нарочно прогнали по белью. Но, возможно, что они и просто так, сами прошли по нему! Последнее объяснение было самым лучшим и простым — и его легче всего было представить как достоверное. Рассерженные гуси или гуси, которых намеренно прогнали по белью, — из-за этого было бы поднято много шуму. А этого гуси обычно не переносят. Все понятно или объяснить поподробнее?

Девушки испытующе разглядывали Крафта. Потом вопросительно посмотрели друг на друга. Наконец та, которая выглядела наивнее всех, но была, наверное, самой продувной, сказала:

— Значит, вы считаете, что нам надо сказать, что это было простое недоразумение или что-то в этом роде?

— Не совсем так, — ответил Крафт, — но вы же, например, могли позволить себе небольшую, пусть даже рискованную игру, такую, знаете, безобидно-веселую месть своему тирану Кротенкопфу, исход которой был заранее не предусмотрен. Так вы снимете вину с себя, не возлагая ее на кого-нибудь еще. Если это было наподобие игры — тогда вам погрозят пальцем и поругают, но голову вам за это никто не снимет. Если же это было хотя бы наполовину всерьез, нападение с применением прямого или косвенного насилия, — тогда привет, милые дамы!

Это уже пахнет тюрьмой. А там еще хуже, чем в казармах.

— Вы очень любезны,— благодарно отозвалась одна из девушек. Остальные кивнули утвердительно. Они сразу поняли, что попали в хорошие руки. — С вами вместе можно красть лошадей! Не так ли?

— Вполне возможно, — ответил обер-лейтенант Крафт. — Но не вздумайте обращаться ко мне, когда вам придет охота повеселее провести еще одно скучное ночное дежурство.

Когда обер-лейтенант Крафт вернулся в канцелярию роты, его уже ждали. Это был узкоплечий невысокий человечек с быстрыми, как у белки, движениями, острым носом и любопытными, внимательными глазами хищной птицы.

— Позвольте представиться: Вирман, старший военный советник юстиции. Я интересуюсь делом Кротенкопфа.

— Откуда вы о нем знаете? — осторожно спросил Крафт.

— От вашего шефа, господина Катера, — объяснил человечек мягким, но требовательным голосом. — Кроме того, это уже служит темой разговоров весьма нелестного толка в казино. Тем скорее надо покончить с этим. Ваш шеф обратился ко мне за советом, и я готов оказать ему всяческую поддержку. Случай интересует меня и с юридической и с человеческой точки зрения. Позвольте мне взглянуть на ваши протоколы допроса.

Это было уже слишком. Крафт тоже испытывал потребность чувствовать себя человеком. К тому же Вирман был ему просто несимпатичен. Елейный голос представителя военного правосудия действовал обер-лейтенанту на нервы. Поэтому Крафт коротко отрубил:

— Я считаю, что это не входит в вашу компетенцию, господин старший военный советник юстиции!

— Дорогой мой, — ответил тот, прищурив глаза, — компетентен я в этом случае или нет, это не вам судить. К тому же я действую по согласованию с вашим командиром роты.

— Капитан Катер не сообщил мне, однако, о своем на то согласии ни в устной, ни в письменной форме. Поэтому, пока я этого не получу, я вынужден действовать по своему усмотрению. А это значит, что этим так называемым делом я пока займусь сам — до дальнейших рас-

поряжений, возможно, и от самого генерал-майора Модерзона.

— Вы получите их, любезнейший, — быстро отозвался Вирман. Его голос звякнул, как ржавая коса, которую пробуют, рассекая воздух. — Вы на этом настаиваете?

Крафт не без опаски рассматривал маленького колючего человечка. Даже ссылка на генерал-майора Модерзона, грозу всего Вильдлингена, казалось, не произвела на этого жаждущего дела военного юриста должного впечатления.

— Ну так что же, — въедливо продолжал Вирман,— вы сами покажете мне протоколы или же мне для этого придется привлечь генерала?

— Привлекайте, если хотите! — в бешенстве ответил Крафт. — По мне— хоть самого главнокомандующего вермахта!

— Для начала достаточно будет и генерала, — мягко возразил старший военный советник юстиции. Потом быстро, словно флюгер под порывом ветра, повернулся и исчез за дверью.

— Наверное, я могу собирать вещи,— сказал обер-лейтенант Крафт Эльфриде Радемахер. — Мои короткие гастроли в военной школе, кажется, подходят к концу.

— Нас никто не видел? — озабоченно спросила Эльфрида.

— Если бы речь шла об этом, — ответил Крафт,— то это по крайней мере было бы порядочным основанием.

— И, в конце концов, я могла бы к тому же еще и утверждать, что пыталась тебя изнасиловать. Теперь это ведь такой новый вид игры.

— Да,— ответил Крафт, —и к тому же еще одно происшествие, которое заставит генерала вылететь из кресла.

— Ну уж вылететь из кресла его ничто не заставит, — уверенно возразила Эльфрида. — Что бы ни случилось, он даже выражения лица не изменит. Недавно во время одного из обходов он зашел в помещение, где расположилась влюбленная парочка. И что же ты думаешь? Он прошел через комнату даже не моргнув глазом.

— Он ничего не сказал?

— Ни слова. Да это было и не нужно. Он сразу же узнал обоих.

— И с треском выставил их?

— Он их поженил.

— Это еще хуже, — обеспокоенно заметил Крафт.

— Мне кажется, они очень счастливы, — возразила Эльфрида и с улыбкой посмотрела в окно.

Обер-лейтенант Крафт был готов ко всему. Но последствия стычки с этим военным юристом могли быть только одни: Восточный фронт. Впрочем, сейчас ему было все равно куда, только бы вырваться из этого зверинца. Ну и крик поднимет, наверное, генерал! Обер-лейтенант пережил на своем веку немало словесных бурь, но воспринимал их всегда лишь как бесполезный барабанный треск.

Через каких-то полчаса, большую часть которых обер-лейтенант провел куря в туалете, генерал-майор, как и следовало ожидать, вызвал Крафта. Но, как ни странно, он не потребовал, чтобы обер-лейтенант явился к нему для доклада при полном параде, как это было положено по уставу. Генерал-майор пожелал лишь переговорить с Крафтом по телефону. И разговор этот был на удивление коротким.

— Вы отказались,— спросил Модерзон без какого-либо вступления,— показать старшему военному советнику юстиции Вирману материалы дела, которым сейчас занимаетесь?

— Так точно, господин генерал.

— Почему?

— Потому что я считаю, что это не входит в компетенцию господина старшего военного советника юстиции, господин генерал.

— Хорошо, — сказал Модерзон. И это было все, по крайней мере пока.

3

УЧЕБНОЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЕ «Х» ЗАНИМАЕТСЯ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКОЙ

Молодые голоса разносятся по всему спортивному залу. В воздухе стоит крепкий запах мужского пота. Капитан Ратсхельм чувствует себя в такой обстановке как рыба в воде.

Капитан Ратсхельм, начальник 6-го учебного потока,

лично опекал три учебных отделения. Он делал это всегда, когда проводились занятия по физподготовке или спортивные игры. В шортах и рубашке без рукавов он расхаживал среди фенрихов: бодрый, воодушевляющий своим примером и являющийся, насколько это ему удавалось, образцом. Он имел некоторую склонность к полноте, и его розовая кожа заметно выделялась на фоне смуглых сильных тел его подчиненных.

Особую заботу и внимание проявлял он к учебному отделению «X», осиротевшему после внезапной смерти наставника, лейтенанта Баркова. До назначения генералом его преемника эти обязанности добровольно взял на себя капитан Ратсхельм и выполнял их добросовестно, с полной отдачей.

Ратсхельм был очень доволен, если ему удавалось уделить больше времени своим молодым подчиненным. С особенным удовольствием он играл с фенрихами в итальянскую лапту. Он носился тогда между ними, отбивая кулаками мяч и отталкивая плечом других, чтобы занять более выгодную позицию. Он видел влажный блеск обнаженных торсов, ощущал исходящий от них терпкий запах. И чувствовал при этом силу, радость и внутреннее чувство товарищества — особенно при виде фенриха Хохбауэра.

— Так держать! — крикнул он ему. — Ваш пас сейчас был просто великолепен.

— Господин капитан, вы тоже прекрасно приняли мяч, — отозвался Хохбауэр с сияющими глазами.

— Этот Хохбауэр упорно тренируется,— с пониманием дела сказал фенрих Меслер. — Он это делает, чтобы подлизаться к шефу.

Фенрих Меслер имел репутацию острослова. Это давало ему то неоспоримое преимущество, что его замечания истолковывались почти всегда как шутки. Таким образом, он избавлялся подчас от неприятностей.

Фенрих Редниц заметил рассеянно:

— Хохбауэру следует поторопиться: желающих-то много.

— Да, чтобы стать офицером, надо чем-нибудь жертвовать, — заявил Меслер с невинной улыбкой.

Они стояли сзади, в самом конце площадки. Меслер — небольшой жилистый парнишка с юркими глазами, с большой охотой следивший за всем, что имело отношение к женскому полу. Редниц — среднего роста, стройный,

но с медвежьей ухваткой. Он почти всегда довольно улыбался, но никогда не смеялся — уже успел разучиться.

— Просто позор, что у нас нет кандидатов в офицеры женского пола, — высказал свое мнение Меслер, — тогда бы и я с удовольствием занялся спортом!

— Хватит и того, — ответил Редниц, — что некоторые у нас и так ведут себя как бабы. Или ты намереваешься получить звание лейтенанта, переспав с кем-нибудь?

— Это зависит от того, с кем,— ухмыльнулся Меслер. — Какая-нибудь майорша не старше тридцати меня бы устроила. Это была бы еще не самая тяжелая жертва, которую можно принести на алтарь отечества.

— Внимание! — крикнул капитан Ратсхельм. — Поменялись сторонами!

Команды поменялись местами, а Меслер и Редниц опять очутились сзади. Главное поле боя они без малейшей зависти предоставили признанным спортсменам.

Несмотря на свой возраст — им было всего по двадцати одному году, оба они, Меслер и Редниц, имели за плечами уже некоторый боевой опыт. У них было развито шестое чувство, подсказывавшее им, когда они находились в поле зрения кого-либо из начальства, а когда нет. Они инстинктивно стремились всегда занять место, где возможность попасть в поле зрения неприятеля была наименьшей. Вот и сейчас капитан Ратсхельм, находясь перед ними, с увлечением занимался игрой и игроками, что отвлекало его от наблюдения за всем происходящим в зале. Его спина являла собой благоприятное зрелище. И если оба фенриха и делали пару шагов или даже иногда бегали за мячом, то только потому, что их вынуждал к этому январский мороз. Они не желали горячиться без особой нужды, но и мерзнуть тоже не хотели.

— Хохбауэр обязательно станет офицером, — сказал Меслер.

— Он, может, и генералом станет, — подтвердил Редниц.— Но при условии, что война продлится достаточно долго, а ему удастся найти начальников, которые будут ему покровительствовать.

— Внимание, господин капитан! — раздался звонкий, приятного тембра голос Хохбауэра. — Передача с середины поля!

— Есть! — крикнул капитан Ратсхельм. Он принял мяч, как ему показалось, элегантно пританцовывая, и отправил его на половину противника. Но там один из фенрихов уклонился от приема мяча, уж неизвестно из каких соображений, и тот оказался в ауте.

Было выиграно еще одно очко. Команде капитана везло — да и как могло быть иначе? И Ратсхельм снова увидел в этом подтверждение своих многогранных способностей.

— Им уже не отыграться! — радостно воскликнул Хохбауэр.

— Но, надо отдать им должное, сражаются они храбро!

Достопочтенный капитан Ратсхельм был солдатом по профессии, офицером по убеждению и командиром учебного потока по призванию. Ему подчинялись три учебных отделения — «Г», «Х», «И», в каждом сорок фенрихов, преподаватель тактики и офицер-инструктор. И Ратсхельм был призван объединить в своем лице все, что включал процесс производства будущих офицеров. Он мог исполнять все необходимые функциональные обязанности: быть плановиком, преподавателем, воспитателем и другом среди друзей. И хотя он был лишь немногим старше своих воспитанников, он чувствовал себя их отцом. Переполнявшая его любовь к ним была воистину отцовской, так он себе, по крайней мере, постоянно внушал.

— Отлично, Хохбауэр! — сказал он, слегка задыхаясь, когда фенрих отыграл еще одно очко. — Отлично сыграно!

— Господин капитан, вы опять сделали мне прекрасную подачу,— возразил Хохбауэр. И его сияющий взгляд выразил восхищенную признательность.

Капитан Ратсхельм почувствовал себя не то чтобы польщенным — скорее он был доволен, что его признавали. И этого ему было вполне достаточно. Он щедро давал прочувствовать свою отеческую любовь и в ответ не требовал ничего другого, кроме уважения. Его участливое сердце — он нисколько не сомневался в этом — ни на секунду не ставило под угрозу сущность дисциплины.

Как раз в этот момент мяч сильно ударил его по голове. Он почувствовал слабость в ногах и слегка покачнулся. Но все же заставил себя улыбнуться, как настоящий офицер-спортсмен. Однако висок сильно ломило.

— Простите,— крикнул с другой половины поля фенрих Вебер, — я не хотел пробить так сильно!

— Это была грязная игра! — крикнул фенрих Хохбауэр, немедленно принимая сторону своего капитана.

Фенрих Вебер, по имени Эгон, большой и широкий, как готический шкаф, пыхтя, надвигался на него. Он чувствовал себя оскорбленным, так как и у него было свое спортивное честолюбие.

— Откуда тебе знать, что такое грязная игра, — крикнул он Хохбауэру, — если ты не знаешь, что такое чистая?

Хохбауэр хотел было рвануться вперед. Потом оглянулся на капитана, все еще потиравшего висок. Однако это не помешало ему сделать то, что он считал своим долгом спортсмена.

— Вебер, — строго заявил капитан Ратсхельм, — я не потерплю никаких столкновений во время игры. Вы дисквалифицируетесь.

Вебер неуклюже направился к Редницу и Мослеру.

— Алло, спортсмены, вы слышали — я дисквалифицирован. Неплохо, а? Превосходный номер, чтобы немного отдохнуть. Возьму себе впредь на вооружение.

— Да, — отозвался фенрих Меслер,— если твоему приятелю Хохбауэру приходится выбирать между тобой и капитаном, ясно, кого он предпочтет.

— Ерунда, — великодушно заметил Вебер.— Главное, что я залепил Ратсхельму по башке весьма спортивно, приятели. А результат? Я наконец-то могу отдохнуть.

— Но все-таки,— осторожно напомнил Редниц, — Хохбауэр сказал, что ты играл грязно.

— Так оно и есть, — без стеснения согласился Вебер,— в таких ситуациях я всегда так поступаю. Но только никому из этих невежд я об этом не скажу ни слова.

Таким уж был фенрих Вебер, по имени Эгон. Нравом своим он напоминал собаку из мясной лавки — был невозмутим и обезоруживающе чистосердечен. Едва ли у него были какие-нибудь слабости. А в служебном отношении у него и вовсе не было недостатков. Он слыл дельным солдатом.

— Может, сыграем партию в медицинбол? — предложил он.

Меслер и Редниц поддержали его идею. Медицинбол давал им прекрасную возможность размяться — можно

было согреться, не напрягая особенно сил. Эта игра не очень-то отличалась от веселых детских игр.

Трое фенрихов отошли в сторону от команд, играющих в итальянскую лапту. На это никто не обратил внимания. Ратсхельм был все еще в центре внимания и играл с полной отдачей. Он подавал пример и был уверен, что все ему должны следовать. Комплексом неполноценности он не страдал.

— А вы слышали новость? — поинтересовался фенрих Вебер.

— А что может быть нового, — спросил, улыбаясь, Редлиц,— кроме того, что ты грязно играешь, по мнению твоего друга Хохбауэра?

— Да что там, — отмахнулся Вебер добродушно, — я же ведь знаю абсолютно точно, что ты терпеть не можешь этого Хохбауэра по каким-то там причинам.

— По достаточно веским причинам! — вставил Редниц. — И ты знаешь, что я имею в виду.

— Дружище! — сказал Вебер невозмутимо.— Я нахожусь здесь, чтобы закончить курсы, а не для того, чтобы изображать из себя слишком-то порядочного человека. Что касается меня, то здесь каждый может быть или святым или же отправиться в могилу; главное: я буду офицером. Все остальное для меня — чепуха!

Редниц лишь усмехнулся. Он поднял мяч и бросил его Меслеру. Разминка могла тем самым начаться.

— А все же, — спросил Меслер,— что же нового в Риальто?

— Поразительная штука! — заверил Вебер. Но под испытующим взглядом Редница добавил: — Насколько я в курсе дела. Однако можно сказать с абсолютной уверенностью: бабы творят что-то уму непостижимое!

— А они и всегда такие, — сказал Меслер со знанием дела. — А каких баб ты имеешь в виду?

— Да тех, что здесь, в казарме! — ответил Вебер. — Рассказывают, что они совсем нагишом разгуливают по территории.

— Скорее всего лишь в душевом помещении, — высказал свое мнение Редниц, приглушая страсти. — Где же еще?

— Не говори, — ответил Вебер.— В подвале помещения штаба — на коммутаторе, как мне кажется. Табунами. По меньшей мере трое. Если не пятеро. И они, насколько мне известно, набрасываются на кого угодно.

Дальнейшую информацию об этом я еще получу. Что, приятели, рты-то пораскрывали?

— Друзья! — проговорил Меслер почти торжественно. — Это требует нашего немедленного вмешательства. Предлагаю провести совместную разведку боем сегодня же ночью.

— Продолжайте без меня, камераден! — крикнул капитан Ратсхельм фенрихам.

— Мы вполне справимся со своей задачей, — заверил его Хохбауэр. — Поскольку благодаря господину капитану победу у нас им уже не вырвать. — Несколько фенрихов кивнули утвердительно головой.

Капитан Ратсхельм набрал достаточно очков. Но другие игроки тоже имели право на успех, а он не был человеком, который не пожелал бы им этого. Кроме того, он немного устал. Он тяжело дышал и испытывал легкое покалывание в правом бедре — по-видимому, последствия тяжелых времен на передовой. Капитан отошел на заднюю линию, однако не настолько далеко, чтобы мешать фенрихам Меслеру, Веберу и Редницу, и вместе с тем достаточно близко, чтобы наблюдать за Хохбауэром.

Фенрих Хохбауэр, по мнению Ратсхельма, был сделан как раз из того материала, из которого готовят офицеров. В нем уже сейчас видна была личность с четко работающим мышлением, полная энергии и выдержки, обладающая чувством собственного достоинства и волей, умело применяющаяся к обстановке и людям. Короче — Хохбауэр был прирожденным командиром. Некоторая юношеская жесткость со временем пройдет, что же касается несколько болезненно проявляющегося иногда идеализма, то его можно направить в нужное русло.

Ратсхельм посмотрел в сторону учебных подразделений «Г» и «И». Там наблюдалась обычная картина: обер-лейтенант Веберман без устали описывал круги вокруг своего стада фенрихов, подобно овчарке; лейтенант же Дитрих выбрал такую позицию, с которой ему были бы хорошо видны действия всех его подчиненных. Оба они хотя и работали различными методами, но добивались одинакового результата: постоянно держали своих фенрихов в напряжении, но сами не принимали участия в их занятиях и не являли собой образец. Поэтому на

них были надеты теплые тренировочные костюмы, тогда как Ратсхельм, будучи непосредственным участником игр, был одет легко.

Ход размышлений привел капитана Ратсхельма к выводу, что мороз, господствовавший в спортзале, был довольно-таки приличным. Ему стало холодно, и он решил дать команду совершить пробежку вокруг зала.

Он жестом подозвал командира учебного отделения и сказал ему:

— Крамер, примерно через пять минут закончить индивидуальные занятия, концовка занятий будет совместная.

— Вы слышали? — спросил фенрих Меслер своих друзей Редница и Вебера. — Через пять минут начнется идиотская скачка. Но без нас, не так ли?

Все было ясно. Бег вокруг зала — не для старых вояк.

Эта монотонная рысь, которая к тому же была довольно-таки напряженной, входила в стандартную программу занятий капитана. Это был ведущий номер офицерских цирковых лошадок: капитан Ратсхельм стоял в середине манежа, а они шли рысью по кругу. И так продолжалось не менее пятнадцати минут.

Чтобы избежать этого, по крайней мере, для себя лично, фенрихи Меслер, Вебер и Редниц направились к Крамеру, командиру учебного отделения, и Меслер заявил ему как само собой разумеющееся:

— Крамер, мы займемся спортинвентарем?

— Что такое? Снова вы?— спросил Крамер недовольно. — И к тому же сразу три человека? И всегда-то вы хотите быть там, где полегче! На это, как на постоянное явление, я не согласен, к тому же это бросается уже в глаза.

— Но если это единственное, что здесь бросается в глаза,— сказал Редниц дружески, — тогда ты, пожалуй, можешь говорить о счастье.

— Вы мне угрожаете?! — возмутился Крамер; он был хауптфельдфебелем и хотел, чтобы его, как такового, уважали. Он хотел, чтобы его вежливо попросили, и тогда он, не мешкая, великодушно дал бы свое согласие. Что же касается поведения этих трех фенрихов, то оно принимало черты самого настоящего шантажа и вымогательства. — Не задавайтесь слишком-то,— буркнул он. — И прекратите наконец эту неуместную спекуляцию. Вы

ведь все равно ничего не докажете — лейтенант Барков умер естественной смертью!

— Это как сказать,— заметил Вебер.— Смерть всегда самое естественное явление в мире — так или иначе!

— Об этом мы поговорим в подходящий момент! — заявил Меслер, ухмыляясь. — А сейчас мы хотели бы уберечь тебя от некоторых неприятностей — и мы, только мы в состоянии это сделать. Ибо если мы не займемся спортинвентарем, тогда наверняка не будет хватать одного мяча.

Крамер был достаточно опытным человеком, чтобы сразу же понять, какие хлопоты скрываются за этим намеком. По-видимому, этой троице удалось спрятать один из мячей в надежном месте, да так, что только они одни могли его снова разыскать. Если он хочет избавиться от ненужных хлопот и больших неприятностей, ему не остается ничего другого, как еще раз пойти навстречу этим лентяям. Он вполголоса выругался, а затем громко приказал:

— Меслеру, Веберу и Редницу заняться спортинвентарем!

На этом для троих занятия спортом были окончены, прежде чем они вообще к ним приступили. Сбор и сдача спортинвентаря у новичка-рекрута заняли бы не более десяти минут, но поскольку речь шла об опытных солдатах, для этого им потребуется добрых полчаса. А за это время цирковая программа подойдет к концу.

— Друзья! — сказал Вебер. — Нам необходимо обсудить основательно план наших боевых действий — для этого у нас сейчас имеется достаточно времени. И я должен вам сказать: эта история с бабами не дает мне покоя. То, что здесь, к сожалению, бедные маленькие, всеми покинутые девочки вынуждены бегать неудовлетворенными, это против моей мужской чести.

— Внимание, камераден, — сказал капитан Ратсхельм, посмотрев на часы. — Время позволяет нам немного заострить свое внимание на теоретических выкладках. Нужно исходить всегда из того, что в здоровом теле — здоровый дух. Понятно?

Едва ли нашелся бы хоть один из фенрихов, для которого что-либо было бы непонятным. Перед своим большим заключительным номером, перед последним совместным физическим упражнением этого дня, капитан

Ратсхельм решил немного потеоретизировать. Для унтер-офицеров может быть вполне достаточным знать, как что-либо делается, офицер же должен понимать, для чего это делается. В этих целях капитан Ратсхельм приказал всем фенрихам встать полукругом.

После этого он спросил испытующе:

— Для чего мы, собственно, занимаемся спортом?

— Этот же вопрос и я задаю себе! — прошептал один из стоящих в задних рядах.

Капитан Ратсхельм не слышал этого, хотя бы потому, что никогда бы не подумал, что кто-либо осмелится шептать в его присутствии. Он оглядел курсантов и увидел на их лицах готовность к ответу. Поскольку одним из лозунгов военной школы, выдвинутых начальником потока, был: нет такого вопроса, на который офицер не смог бы ответить.

Ратсхельм посмотрел на Хохбауэра и порадовался его отличному виду. Прекрасные голубые глаза фенриха смотрели с доверием и в то же время почтительно на своего, что было весьма заметно, обожаемого начальника потока — так, видимо, выглядел Зигфрид, когда его взгляд покоился на Кримхильде, Хохбауэр выставил вперед свой крепкий, уже как у настоящего мужчины, подбородок — он напоминал школьника, ждущего с нетерпением, чтобы его спросили.

— Ну, Хохбауэр? — спросил капитан.

Фенрих встрепенулся, принял уставное положение и, глядя прямо в глаза своему начальнику, сказал непринужденно:

— Спорт закаливает организм. В здоровом теле живет здоровый дух. Спорт способствует выработке прилежания, которое является одной из лучших немецких черт.

Это прозвучало как отштампованное машиной — кратко, четко и по существу вопроса. Короче говоря, образцово. Ратсхельм был доволен. Он кивнул головой:

— Хорошо, Хохбауэр.

Казалось, Хохбауэра захлестнула волна счастья. Однако выражение лица его оставалось подчеркнуто серьезным, положение — уставное, только рот чуть-чуть улыбался да глаза потеплели. Он слегка, едва заметно, приоткрыл зубы — ровные, крепкие, которые годились бы для рекламы патентованной жидкости для полоскания

рта: здоровые зубы — здоровый дух, — офицеры предпочитали «блендоль».

Ратсхельм между тем продолжил свои теоретические изыскания. Его следующий вопрос звучал так:

— Заинтересован ли офицер в занятиях спортом?

— Только в той степени, в которой им занимаются его подчиненные, — пробормотал кто-то в задних рядах.

Фенрих же из первого ряда выдал ожидаемый от него ответ, который прозвучал следующим образом:

— Офицер заинтересован во всем, что служит повышению боевых качеств солдат, укреплению дисциплины, поддержанию здоровья и закаливанию организма. Спорт является исключительным средством становления мужчины. Офицер прививает своим подчиненным спортивные навыки и сам занимается спортом, так как должен являться для них постоянным примером.

Этого, по мнению Ратсхельма, было вполне достаточно для теоретической части. Хорошие ответы соответствовали прекрасным спортивным достижениям, только что показанным фенрихами. Он мог быть довольным этим учебным отделением, и оставалось только надеяться и желать, чтобы оно после кончины лейтенанта Баркова попало в крепкие и надежные руки. Такой прекрасный человеческий материал заслуживал того, чтобы быть обработанным наилучшим образом.

Капитан Ратсхельм распорядился начинать бег по кругу, для которого отвел двадцать минут. Чтобы установить хороший темп бега, он поставил впереди бегущих Хохбауэра. А для того чтобы не допустить растягивания подразделения, замыкающим приказал следовать Крамеру. Построившись, курсанты двинулись рысцой по кругу.

Переведя взгляд с ног на лица бегущих, Ратсхельм не обнаружил на них ожидаемой радости. Он тщетно пытался увидеть чисто мужское возбуждение от бега, которое должно быть присуще будущим офицерам, по крайней мере тем из них, которые имели шанс стать настоящими мужчинами под его руководством.

Но, может быть, внезапная смерть лейтенанта Баркова являлась причиной подавленного настроения фенрихов? Вполне возможно, что вызывающая сожаление незаконченная процедура его похорон, имевшая место ранним утром, подействовала на них удручающе. Да к тому же еще и это неприятное расследование по «делу гибели лей-

тенанта Баркова», которым занимается старший военный советник юстиции Вирман, — может быть, и неизбежное явление, но способное вызвать замешательство.

Эти мысли взволновали Ратсхельма. Молодые люди, сказал он себе, которые к тому же являются избранниками судьбы и которым предстоит стать офицерами, должны своевременно прочувствовать, что может означать товарищеская солидарность в избранных кругах. И поэтому, следуя внезапному порыву, он приказал курсантам собраться вокруг него.

Фенрихи учебного отделения «X» последовали распоряжению своего начальника чрезвычайно охотно. Их вполне устраивал перерыв в этом утомительном беге. К тому же многие из них с любопытством ожидали, что же будет дальше, ибо они очень скоро уяснили для себя, что от капитана Ратсхельма можно ждать любой неожиданности. У этого человека была манера говорить таким образом, словно он цитировал из солдатской книги для чтения, а это имело и свою юмористическую сторону.

— Итак, послушайте-ка, — сказал Ратсхельм с важным видом, как это обычно говорит офицер, желающий поучать солдат. — Мы только что похоронили нашего лейтенанта Баркова. Он был хорошим человеком. Умирать же придется в конце концов всем. Что касается хорошего солдата и офицера, конечно, то он должен быть всегда готовым к этому. Таким образом, здесь все в порядке. Но нам, солдатам, приходится не только сражаться и умирать, но и вести бумажную войну. В этом есть, конечно, свой определенный смысл, но я не хотел бы сейчас останавливаться на этом более подробно. Во всяком случае сюда относятся и ведущиеся подчас расследования в случае чьей-либо смерти. Но такие расследования являются чисто формальными. Это понятно? В них нет абсолютно ничего экстраординарного. Ибо имеются вещи, которых в офицерских кругах не бывает. Дошло до вас? А это значит: лейтенант Барков погиб нормальной смертью, правильнее сказать — солдатской смертью. Это был несчастный случай, чисто несчастный случай. У кого же другое мнение на этот счет, тот так и не понял, что значит быть офицером. Тот должен познакомиться со мною ближе! Направо! Бегом — марш!

ВЫПИСКА ИЗ СУДЕБНОГО ПРОТОКОЛА № 1

БИОГРАФИЯ ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТА КРАФТА, ИЛИ ТРУДНОСТИ ПОРЯДОЧНОГО ЧЕЛОВЕКА

Меня зовут Карл Крафт. Родился 8 ноября 1916 года в Пёлитце под Штеттином (Померания). Мои родители: отец — почтовый инспектор Иосиф Крафт, мать — Маргарита, урожденная Панцер. Детство провел в родном городе.

Небо — серое, оно почти всегда темное, и часто идет дождь. Мои глаза серого цвета, и зеркало, в котором я их вижу, нисколько не блестит. Землисто-серого цвета дома на улице, пепельно-серо лицо моего отца. Когда я обнимаю мать, руки мои тянутся к ее голове. Ее волосы жесткие и сухие, серые, как старое серебро, почти такие же серые, как свинец.

Когда идет дождь, по улицам несутся мутные, молочно-серые потоки воды. Они омывают босые ноги до самой щиколотки. Мы берем песок, садовую землю и уличную грязь и месим их до тех пор, пока не получается тестоподобная масса. Из нее мы делаем запруды. Вода задерживается, успокаивается, прибывает и затопляет тротуар, грозя проникнуть в подвалы. Люди ругаются, а мы смеемся, затем разрушаем запруды и убегаем прочь — и больше не видим и не слышим ругающихся прохожих.

Вновь потоки воды. Но на этот раз это река на окраине города. Она называется Одер. Ее воды несутся мимо, размывая и унося с собой песок и землю, а мы смотрим на завихрения и водовороты. Стоя на коленях, мы делаем из больших денежных знаков со многими нулями бумажные кораблики. Они плывут, танцуют и болтаются, разворачиваются как пьяные, ударяются друг о друга — но плывут. Бумага, из которой сделаны деньги, плотная, вполне годится для этих целей.

«Деньги сейчас хороши лишь для того, чтобы подтереть ими зад!» Это говорит человек, являющийся моим дядей. «Нет, — отвечает мой отец, — это не так!» «Все, что напечатано или написано, короче говоря, все, что является бумагой, — говорит дядя, — все это нужно только для подтирания зада». «Ты не должен так говорить! — восклицает отец возмущенно. — Во всяком случае, в присутствии детей».

Отец никогда не говорит много. Мать же вообще почти ничего не говорит. В нашем очень маленьком домике всегда тихо. Лишь когда речь заходит о том, что мой отец называет «высочайшими вопросами», об отечестве, например, или же о почте, тогда он слегка распаляется. «То, что многие люди любят и уважают, — говорит отец, — это, конечно, достойно любви и уважения — запомни это, сын мой». А однажды отец встает по команде «Смирно» посреди нашего маленького садика, когда мимо проходит начальник почты господин Гибельмайер. «Браво, Крафт! — кричит Гибельмайер отцу.— Действительно очень хорошо: ваши цветы стоят как солдаты. Есть на что посмотреть. Так и продолжайте дальше, Крафт!»

«Надо покрасить наш домик,— говорит отец после долгих размышлений. — Так, чтобы на него тоже стоило посмотреть!» Он покупает меловую краску и клей как основу, а также две кисти — маленькую для меня. И вот мы начинаем красить. Краска голубого, небесно-голубого цвета. Господин начальник почты, этот самый Гибельмайер, вновь проходит мимо и спрашивает: «Что это вы там делаете, Крафт? Что это должно означать?» «Я хочу сделать свой дом красивее, господин начальник», — отвечает мой отец, стоя навытяжку. «Но этого вам делать не следует, — говорит Гибельмайер решительно, — это слишком бросается в глаза — это просто навязчиво, почтеннейший. Если бы вы взяли по крайней мере желтую краску, цвет нашей почты, это было бы для меня более или менее понятно — но небесно-голубая? Это слишком кричаще! Во всяком случае я могу лишь сказать: такой цвет для одного из моих служащих определенно неподходящ».

«Так точно, господин начальник», — отвечает отец. А когда Гибельмайер ушел, он говорит мне: «Он был офицером резерва, ты это понимаешь?» «Нет, я этого не понимаю, — ответил я, — ибо что может иметь общего офицер резерва с покраской дома?» «Позже, — отвечает отец, — ты и это поймешь». И наш дом остается серым.

С 1922 года я посещаю восьмилетнюю школу в своем родном городе и регулярно перехожу из класса в класс, имея посредственные оценки.

Мои книжки зачитаны и растрепаны. На них пятна от моих рук, потных и не совсем чистых. Там и тут пестрят

следы карандаша — подчеркнутые места, различные знаки, дописанные слова, нарисованные фигурки, в том числе и человечки, а однажды среди них появилась и женщина — такая, какую я видел нарисованной на стене туалета на вокзале. Каждый раз, когда я смотрю на рисунок, мне становится стыдно — он явно нарисован не слишком-то хорошо.

Этот рисунок однажды увидел один из наших учителей, по фамилии Грабовски, которого мы, однако, называли не иначе как Палка, поскольку он никогда не расставался со своей бамбуковой палкой. «Посмотрите-ка на эту свинью, — сказал радостно Грабовски и погрозил мне своей палкой. — Эдакая безнравственная скотина, а?» «Это я срисовал, — ответил я. — Это до сих пор нарисовано на стене туалета на вокзале». «Скажи-ка, — заметил Палка, — ты любуешься непристойными рисунками в туалетах?» «Конечно, — подтвердил я, — это вполне естественно». «Сорванец, — сказал Палка — я тебе сейчас покажу, что является естественным. Ложись-ка на ту скамью. Задом кверху. Вытяни ноги. Так, хорошо». Затем он начинает бить меня своей бамбуковой палкой, пока не задыхается. «Вот,— говорит он затем,— это будет тебе наука!» А я думаю про себя: «Конечно, это будет для меня наука: ты у меня никогда больше таких рисунков не увидишь».

«Будь всегда послушным, — говорит отец, — послушным господу богу и начальству. Тогда у тебя спокойная совесть и обеспеченное будущее». Но новое начальство оставляет его без хлеба, поскольку он слишком послушно служил старому.

«Ты должен научиться любить, — говорит мать, — природу, зверей, а также и людей. Тогда ты всегда будешь жизнерадостным, и все будет хорошо». Но когда отец остался безработным, она стала часто плакать. И сам характер ее любви меня иногда печалил. Жизнерадостной и в хорошем настроении я ее больше никогда не видел. Даже тогда, когда отец наконец получил возможность быть послушным и новому начальству. Он был этим очень горд.

Лица учителей похожи одно на другое, поскольку их рты делают одинаковые движения. Слова, которые они произносят, звучат ровно и округло, и все-то они были когда-то нами уже записаны. И руки их тоже похожи, у большинства скрюченные пальцы, которыми они держат кусок мела, ручку, линейку или палку. Только один

из них не такой. Его зовут Шенкенфайнд. Он знает наизусть много стихов, и я выучиваю все, что он цитирует. И еще некоторые другие, кроме того. Это мне дается не особенно трудно, к тому же Шенкенфайнд не скупится на похвалу. Я даже знаю наизусть стихотворение о битве под Лейтеном, а в нем пятьдесят две строки. И Шенкенфайнд говорит: «Это одно из значительнейших произведений!» И я верю ему, поскольку он твердо убежден в этом. Ведь это стихотворение он написал сам.

Учительница по фамилии Шарф садится со мною рядом на мою скамью. Она мягкая и теплая, а ее руки и ноги кажутся сделанными из резины. И меня одолевает желание потрогать их, чтобы убедиться, сделаны ли они действительно из резины. Но я этого не делаю, поскольку она придвинулась совсем близко ко мне и я чувствую запах ее пота. Я отодвигаюсь от нее, и мне становится нехорошо. «Тяжелый воздух, — говорю я, — нехорошо пахнет». Она резко поднимается и с тех пор никогда на меня не смотрит. Это для меня и лучше, так как я ее терпеть не могу.

Несколько дней спустя я вижу ее вечером в парке, где я собирался ловить светлячков. Шарф расположилась на одной из скамеек в темной его части. Там она лежит с учителем, тем самым Шенкенфайндом, который умеет писать столь длинные и возвышенные стихотворения. Но то, что он говорит теперь, звучит в значительной степени иначе. Он говорит слова, которые употребляет разве лишь кучер Меeркатц, развозящий пиво, обращаясь к своей кобыле. Во всяком случае, у меня пропадает всякое желание учиться у него.

«Человек должен учиться, если он хочет постоять за себя в жизни», — говорит этот Шенкенфайнд. «Я не хочу ничему учиться», — отвечаю я. «Да, ты будешь лучше шпионить за другими,— замечает учитель,— ты слоняешься по парку и подсматриваешь за влюбленными парочками — я ведь тебя узнал!» «Я вас тоже узнал», — отвечаю я. «Ты насквозь испорченный ублюдок! — говорит Шенкенфайнд.—У тебя лишь плохие и грязные мысли, но я заставлю тебя выбросить их из головы! В наказание ты десять раз перепишешь прекрасное стихотворение «Вырабатывай в себе верность и способность говорить». А кроме того, ты немедленно извинишься перед фройляйн Шарф, которая является твоей учительницей».

Но я не стал извиняться.

По окончании начальной школы я с 1930 года стал учиться в коммерческой школе в Штеттине. По окончании ее работал в поместье Фарзен под Пёлитцем, занимаясь вопросами аренды, составлением списков натуроплаты, а также выдачей материалов.

Старая женщина, которая живет выше нас, в мансарде, проходит однажды мимо меня по лестнице, спускается на несколько ступенек и останавливается. Стоит и вдруг внезапно оседает, ноги ее подломились, как спички. Она лежит, как груда тряпья, и не шевелится. Я медленно подхожу к ней, останавливаюсь, наклоняюсь, становлюсь на колено и осматриваю ее. Глаза ее неподвижны, белки желтого цвета, рот с узкими, сухими и потрескавшимися губами, окруженными сетью морщин, приоткрыт, и на полу образовалась лужица из слюны. Она больше не дышит. Я кладу руку на ее сморщенную грудь, туда, где у человека находится сердце. Оно уже не бьется.

Начальник почты Гибельмайер дает разгон отцу при всех, стоя посреди зала, из-за какого-то срочного письма, которое было отправлено недостаточно быстро. Я присутствую при этом совершенно случайно, стоя за колонной. И этот начальник почты Гибельмайер орет, сучит кулаками, краснея от возбуждения. Отец не произносит ни слова, стоит маленький, сгорбленный, дрожащий. И в то же время — навытяжку. Смотрит несколько искоса, снизу вверх на Гибельмайера, который стоит перед ним гордо выпрямившись. И рычит. Из-за какого-то паршивого письма. А отец молчит — верноподданно.

Вечером того же дня отец сидит как всегда молча. Просит пива. Выпивает его молча. Просит еще кружку. Потом еще одну. Затем он обращается ко мне и говорит: «Карл, настоящий мужчина должен быть гордым человеком и обладать чувством чести. Честь важна, она является решающим делом. Ее необходимо защищать всегда, понимаешь? Никогда не надо смалчивать, когда прав. И всегда блюсти мужскую честь». «Да что там, — отвечаю я, — иногда можно и промолчать и стерпеть оскорбление — хотя бы из-за собственного спокойствия». «Никогда, — отвечает отец возбужденно, — никогда, слышишь ты! Бери пример с меня, мой сын. Сегодня у меня получилась на почте стычка с начальником, с этим

Гибельмайером. Тот попытался на меня накричать! Но это у него не вышло. Я его разделал под орех. «Ну хорошо, отец», — говорю я и ухожу. Мне стыдно за него.

Я держу руку своего друга Хайнца, а она холодна как лед. Поднимаю его голову вверх, немного поворачиваю ее в сторону и рассматриваю развороченную выстрелом черепную коробку, вижу водянистую кровь и выпавший мозг желтого и серого цвета. Осторожно кладу голову друга на землю, на моих руках липкая кровь. А затем я рассматриваю оружие, лежащее на земле рядом с ним — это карабин образца 1898 года. Наконечник пули, очевидно, был надпилен. Хайнцу не хотелось больше жить. Что же должно было произойти, чтобы человеку не хотелось больше жить на свете? Эта мысль меня с тех пор не оставляет.

Девушка прижимается ко мне, я чувствую ее тепло сквозь толстую ткань своего костюма. Я не вижу ничего, кроме мерцания ее глаз, и я чувствую ее дыхание, ее влажный рот, а мои руки скользят по ее спине и натыкаются на решетку забора, к которому я ее прижимаю. Чувствую лишь прилив горячей крови и не знаю сам, что делаю. Затем чувствую какое-то опустошение и слышу вопрос: «А как тебя, собственно, зовут?»

«Здесь двести центнеров картофеля»,— говорю я арендатору. Тот не смотрит на меня и спокойно замечает: «Здесь сто центнеров. Усекли?» «Ничего не усек,— говорю я. — Поставлено две сотни центнеров картофеля». «Заносить в ведомость следует только сто,— утверждает арендатор.— А записывать следует то, что скажу я. Понятно? Слышали ли вы что-нибудь о бедственном положении, в котором находится наше сельское хозяйство, Крафт? Задумывались ли о том, что мы с трудом удерживаемся на поверхности? А вы еще хотите бросить в глотку государству, и именно этому государству, с таким трудом заработанные деньги?! Это же чистое самоубийство. Итак: сто центнеров! Записывайте». «Записывайте сами,— отвечаю я и пододвигаю ему документы.— А меня оставьте, по-

жалуйста, в покое с вашими разговорами о бедственном положении и прочей болтовней!» «Крафт,— бросает арендатор,— я боюсь, что вы не годитесь для этой профессии. Вы не умеете подчиняться. У вас нет чувства солидарности». «Я не сделаю никаких фиктивных записей»,— отвечаю я. «Вы что же,— говорит тогда арендатор,— хотите меня обвинить в присвоении продуктов? Смотрите сюда — что здесь стоит? Что я только что записал? Двести! Ну вот, видите. Я хотел лишь подвергнуть вас небольшому испытанию. И естественно, я не потерплю, что вы подозреваете меня в таких делах и даже обвиняете. С вами нельзя сотрудничать. Я сделаю из этого надлежащие выводы!»

«Твой сын Карл,— говорит мой дядя отцу, когда мы собираемся вечером вместе,— по-видимому, вообще не понимает характера нынешнего времени. Он редко ходит в церковь и даже не делает попыток обзавестись семьей. Поэтому у него появляются ненужные мысли. Ему срочно нужно в армию. А там ему вправят мозги».

С 1937 года начал проходить военную службу. По истечении двух лет был произведен в унтер-офицеры и демобилизован, однако вскоре, летом 1939 года, был снова призван в армию. Вследствие начала войны остался в своей войсковой части. После похода на Польшу был произведен в фельдфебели, а после похода во Францию — в лейтенанты. В ходе боев в России командовал ротой в 374-м пехотном полку. Там присвоено звание обер-лейтенант. В начале 1944 года откомандирован в военную школу. Имею следующие награды: Железный крест I степени, Железный крест II степени, серебряный знак за участие в ближнем бою и знак за ранение.

Унтер-офицер Райнсхаген, являющийся инструктором новобранцев, обладает целым рядом качеств — он прирожденный солдат. Подтянутый, требовательный и непреклонный по службе, однако без царя в голове. Так, например, он знает назубок строевой устав, в других же

разбирается плохо. Однако я хорошо знаю многие положения, и прежде всего о порядке прохождения службы, праве обжалования и обращении с подчиненными. Эти положения я ему при случае цитирую, хотя он и слушает их с недовольством. Тогда следует практическое извлечение из них — я подаю ему тщательно продуманную и обоснованную жалобу. Она должна пойти через него по команде! Сначала он рычит, как будто бы его проткнули копьем, затем постепенно успокаивается и даже проявляет дружеские чувства. «Вы мне не должны подкладывать такую свинью»,— говорит он, прикидываясь простодушным. «Вам надлежит вести себя как положено, только и всего»,— отвечаю я. И он это обещает.

В изредка выпадавшее свободное время — девушки, с которыми я знакомился главным образом в трактире «Англерсруе»: уборщицы, продавщицы, машинистки. Несколько танцев, несколько рюмок спиртного, недолгая прогулка в близлежащий парк и там получение быстрого, но основательного удовлетворения. Затем снова назад, еще несколько танцев с парой кружек пива. А потом казармы. До следующей субботы.

Знакомство с Евой-Марией, дочерью чиновника, в кино — во время фильма с участием широкоплечей, львинообразной женщины с мужским голосом, горланившей любовные песни. Срочно необходимо развлечься. К счастью, рядом со мною сидела Ева-Мария. Она повела меня к себе домой — в большую, чисто прибранную и обставленную хорошей мебелью квартиру. Родители ее были в отъезде. Несколько счастливых, беззаботных часов и ошеломляющее, редкостное ощущение счастья. Когда я затем поздно, очень поздно, возвращаюсь в казармы, у меня появляется желание громко запеть. Таким счастливым чувствовал я себя тогда! Но эта ночь больше не повторилась — для меня во всяком случае. «Не будем сентиментальными»,— говорит она. «Но я же тебя люблю!» — восклицаю я. Я произношу эти слова впервые в жизни. «А мне это говорят и другие»,— заявляет Ева-Мария. Потом она уходит с другим.

Стою в ночи на улице нашего маленького гарнизонного городка и вслушиваюсь в тишину. Я поднимаю голову и вижу слабый свет за занавесками окон. Когда я закрываю глаза, я вижу ее перед собой и вижу все, что она делает, все, что с ней происходит; вижу ее улыбку, выражение счастья, удовольствия и страха, отражающие-

ся одновременно на ее лице, вижу ее приоткрытый, жаждущий поцелуя рот, вижу ее груди, которые она прикрывает руками, вижу всю ее чудесную фигуру. И я вновь закрываю глаза и вижу себя самого рядом с нею — в ту единственную, незабываемую ночь.

И я говорю себе: «Отныне я не скажу ни одной женщине, что люблю ее. Никогда в жизни».

...Потом война. Прямо передо мной солдат, прячущийся за краем колодца. Он согнулся в три погибели, как если бы у него были боли и он переносил их молча. Его волосы под фуражкой стоят дыбом. В нем сидит страх, а вся одежда и он сам в грязи. Через прицел своей винтовки я отчетливо вижу его всего в каких-то шестидесяти метрах от меня. Ствол моей винтовки поднимается на уровень его головы, я целюсь в висок, над которым видны спутанные, нечесаные волосы. Указательный палец моей правой руки медленно сгибается, но я не могу стрелять. Просто не могу! Но солдат из-за колодца стреляет. Один из моих соседей как бы подпрыгивает, смотрит неподвижно в течение нескольких секунд в ничто, затем между глазами у него начинает бить фонтаном кровь, и он испускает дух.

«Вот тебе еще одна добавочная буханка хлеба»,— говорит мне фельдфебель Ташенмахер. «Мне она не нужна»,— отвечаю я. Фельдфебель Ташенмахер распорядился взять с транспортной машины два десятка буханок — для личных нужд. «Ладно, брось, — говорит он мне простодушно, а когда он этого хочет, он может быть весьма простодушным,— ты же не собираешься расстроить всю игру, клади буханку в сумку. С нею можно кое-что сделать. За нее ты можешь получить невинную девушку, если у тебя есть на то желание. Я могу тебя снабдить соответствующим адреском — видишь, насколько я великодушен, парень». «Не об этом речь»,— отвечаю я. Его простодушие заметно уменьшилось. «Чудак,— замечает он,— ты что, рехнулся, что ли? Чего же ты хочешь? Две буханки? Ну бери, шут с тобой». «Нет»,— отвечаю я. «Тогда три,— говорит он сердито,— и это мое последнее предложение». «Я требую, — заявляю я,—чтобы все два десятка буханок были возвращены туда, куда они предназначены. Это тоже мое последнее предложение. Если это не будет сделано, я об этом доложу». Нещадно ругаясь, фельдфебель Ташенмахер укладывает все двадцать буханок, и притом собственноручно, назад.

...Ребенок хочет подойти ко мне, он поднимает руку и открывает маленький рот. Но офицер выгоняет его наружу вместе с матерью. Затем он отдает распоряжение сжечь дом вместе с двором, якобы для того, чтобы обеспечить сектор обзора и обстрела. Дым волнами плывет в мою сторону, вызывая тошноту, и, принимая желтый и зеленый оттенок, окутывает мою голову. А я стою неподвижно и стараюсь не дышать, я слышу раздирающий душу вопль женщины и то, как задыхается ребенок. Но я не шевелюсь и не дышу. «Надо убивать, чтобы не быть убитым самому,— говорит офицер.— Это закон войны, и никто не может от этого уйти».

...«Навести мою дорогую жену, — говорит мне товарищ.— Отвези ей этот пакет, я тут кое-что собрал из съестного. Передай ей от меня привет и скажи, что я постоянно думаю о ней». И вот я сижу напротив жены своего товарища. Она просит меня рассказывать обо всем, она рада, и мы пьем. Я хочу идти, но она не отпускает меня. «К чему торопиться, разве здесь, у меня, так плохо?» — говорит она. В помещении тепло и становится еще теплее. Тогда она говорит: «Располагайся поудобнее и не стесняйся». Хорошо, я снимаю китель. А зачем она снимает свою блузку да еще чулки? Ах да, в комнате тепло, и нам так хорошо сидеть вдвоем, как она говорит, а кроме того, она мне доверяет. Это мне нравится, и за это мы пьем еще. А потом она вдруг говорит, придвигаясь ко мне: «Ты всегда так долго бываешь нерешительным? Или, может быть, ты совсем разучился? А может быть, я тебе не нравлюсь?» «Нет,— отвечаю я,— такая ты мне не нравишься». Затем я даю ей пощечину — бью по этому прекрасному, но глупому и похотливому лицу.

...«Теперь вы офицер,— говорит мне командир.— И я полагаю, что вы будете достойны этого производства, лейтенант Крафт». «Попробую»,— отвечаю я.

Сто двадцать солдат — мне подчиненных, мне доверенных, судьба которых в моих руках, — всегда со мною. Я совершаю вместе с ними марши, сплю между ними, мы разделяем нашу пищу, сигареты, справляем рядом друг с другом свою нужду и убиваем тоже совместно, плечом к плечу, месяц за месяцем, день и ночь. Некоторые вы-

бывают, поступают новые — немало и погибает. Одни погибают случайно или выполняя приказ, некоторые потому, что не хотят больше жить. Смерть всегда рядом с нами. Меня, однако, она щадит. Чтобы сохранить меня? Если так, то для чего?

...«Теперь вы стали обер-лейтенантом, Крафт,— говорит мне командир.— И я надеюсь, что вы будете достойны этого». Он произносит эти слова, я их выслушиваю, но ничего не говорю в ответ. А что это, собственно, такое — быть достойным?

Родину, или то, что называется родиной, — когда-то маленький, тихий и как бы немного заспанный город,— теперь не узнать. Как из-под земли там вырос гидролизный завод. Котлы и трубы на площади в несколько квадратных километров. Да кроме того, еще и поселок для инженерно-технического персонала, бараки для рабочих и служащих. И суда на Одере, переоборудованные для жилья,— старые калоши, плавучие сараи — для чернорабочих и перемещенных лиц. Время от времени некоторые из них болтаются, повешенные на реях или в носовой части этих судов, видимые издалека,— за саботаж, шпионаж, попытку к бегству и тому подобное. Здесь же казармы и помещения для расквартирования охраны и органов безопасности. В довершение вокруг расположены двенадцать зенитных батарей. И вот однажды ночью сюда посыпались бомбы! Авианалет продолжался всего тридцать пять минут, но маленький городок перестал существовать. Погибли и мои родители.

Эти годы отмечены военными кампаниями и женщинами: трупы, убийства и секс. Польша, западный пригород Варшавы, полусгоревший, с отвратительными запахами дом, в котором жила женщина по имени Аня, продолжительность знакомства — два дня. Франция, Париж, одна из гостиниц на Монмартре, вблизи которой — встреча с Раймондой, всего таких встреч — четыре за шесть недель. Россия, городок неподалеку от Тулы, девушка, имени которой я даже не знаю, продолжительность общения — двадцать минут. И все это за продукты, шнапс, пропуска. Почти всегда после этого отвращение к самому себе. Никогда никакой любви, даже тогда, когда в этой игре участвовали немецкие девушки, как, например, во время одной из поездок ночью по железной дороге, или на грузовом автотранспорте, на котором следовали к месту назначения девушки вспомогательной службы, или же

в операционной палатке, пока отсыпался перебравший накануне врач.

И вот появилась девушка, с которой у меня связано глубокое беспокойство. Мне доставляет удовольствие находиться с нею вместе. При этом даже после проведенной вместе ночи ей можно смотреть в глаза. У нее приятный, обезоруживающий смех. В наших отношениях нет ничего гнетущего, ничего, что вызывало бы отвращение. Появилось даже чувство, которое можно назвать желанием ее видеть. Или говоря точнее — потребностью! Но потребность, как это ни странно, без жажды поразвлечься. Все это немного пугает после всего того, что было в минувшие годы. И что самое страшное: я несколько раз пытался сказать ей то, чего не хотел бы говорить никогда и никому: «Я тебя люблю!» Но я этого, наверное, не скажу. Прежде всего из-за нее самой.

Эту девушку зовут Эльфрида Радемахер.

4

УЧЕБНО-ТРЕНИРОВОЧНАЯ ИГРА ПЕРЕНОСИТСЯ

— Господа,— сказал майор Фрей собравшимся офицерам,— мне поручено сообщить вам, что генерал планирует проведение учебно-тренировочной игры сразу же после ужина.

— И господин генерал будет заниматься ею в одиночку? — тут же спросил капитан Федерс, дружески улыбаясь.

— Господин генерал со всем офицерским составом школы! — поправил его майор не без твердости в голосе.

Фрей не любил, когда подчиненные перебивали его во время изложения им какой-либо мысли, и уж совсем не терпел, когда его поправляли. А этот капитан Федерс поступал иногда таким образом, как будто он взял себе в аренду военную мудрость. Да, с ним нужно быть поосторожнее. Ибо капитан Федерс был, с одной стороны, лучшим преподавателем тактики, что признавалось всеми в военной школе, а с другой — обладал острым языком, которого следовало побаиваться. К тому же эта довольно-

таки неприятная и щекотливая история с его женой. Итак, на него лучше не наступать, а по возможности обходить, ибо Федерс был опасен.

Опасной, по меньшей мере, была манера Федерса простосердечно задавать различные вопросы. Он всегда хотел все знать. Он хотел даже знать, знает ли что-нибудь вообще спрашиваемый им.

— Указана ли тема учебно-тренировочной игры, господин майор? — задал он новый вопрос.

— Нет,— ответил тот.

— А предположительная продолжительность ее?

— Тоже нет,— сказал майор Фрей немного раздражительно. Этими двумя безобидными вопросами Федерс продемонстрировал всему собравшемуся офицерскому составу, что майор не более чем один из обычных передатчиков распоряжений — по крайней мере в сфере деятельности генерал-майора Модерзона.

— Ну прекрасно,— сказал Федерс,— тогда мы еще разок изобразим начальную школу. Во всяком случае шансы на спокойную ночь равны нулю. Если уже генерал начнет учебно-тренировочную игру, он не закончит ее до тех пор, пока не настреляет десяток оленей. Поэтому я могу лишь сказать: приятного аппетита, господа!

Собравшиеся в фойе казино офицеры военной школы— начальники курсов и потоков, преподаватели тактики и офицеры-инструкторы, к тому же еще группа административного аппарата — хозяйственники, плановики и организаторы, всего свыше сорока человек, стояли с довольно-таки мрачными лицами. Казалось, молниеносные вводные и решения генерала висели над ними наподобие грозовых облаков.

В свете ламп отсвечивали рыцарские кресты. Куда ни глянь, ни одной груди, на которой не висел бы, по меньшей мере, железный крест. Знаки за участие в ближнем бою, за уничтоженные танки, ордена за участие в военных кампаниях, ордена за заслуги и медали за выслугу лет — все это было само собой разумеющимся. «Немецкий крест в золоте» не был здесь чем-то необыкновенным. А над сверкающими украшениями — в большинстве своем серьезные, замкнутые лица профессиональных солдат. В глазах читалось беспокойство, иногда озабоченность и очень редко равнодушие.

— Господа,— сказал капитан Федерс,— я предлагаю просто-напросто начинать. В конце концов, генерал все-

гда точно начинает прием пищи, невзирая на то, что кого-то еще может и не быть.

— Это плохая шутка, господин капитан Федерс,— возразил с укором майор Фрей, начальник 2-го учебного курса. И другие офицеры, казалось, не были настроены воспринимать шутки подобного рода. Даже при сильном электрическом свете лица их были темными.

Самой молчаливой была группа офицеров, стоявших в непосредственной близости от двери в столовую. Это были жертвы обычного порядка за столом. Порядок расположения сидящих устанавливался адъютантом перед каждым совместным ужином с помощью унтер-офицера, по гражданской профессии — учителя средней школы, под лозунгом: каждый офицер должен в определенной последовательности сидеть за столом командира! Никто не освобождался от такой чести. Только иногда генерал сам высказывал пожелания в отношении своих соседей по столу, что вызывало большое беспокойство тех, кого это касалось. И как раз сегодня был именно такой случай.

Ноги капитана Катера подкашивались, желудок грозил взбунтоваться, поскольку для него было предусмотрено место слева от генерала. Что это означает на этот раз, становилось абсолютно ясно, если бросить взгляд на карточку с порядком расположения сидящих за столом. Справа от генерала должен был сидеть старший военный советник юстиции Вирман. И для обер-лейтенанта Крафта было предусмотрено место за этим столом — как раз напротив генерала.

— Итак, господа,— заметил с некоторой заинтересованностью капитан Федерс, подходя ближе к жертвам указанного порядка за сегодняшним столом,— как вы себя чувствуете-то? Ведь, в конце концов, вы занесены в карточку меню.

— Я довольно-таки жесткий,— ответил обер-лейтенант Крафт. — Меня, полагаю, будет не так-то легко переварить.

— Так,— сказал Федерс, разглядывая капитана Катера с видимым желанием зацепить того,— если бы я был генералом, я бы предпочел жаркое из дикого кабанчика.

— Но вы ведь не генерал,— зло буркнул Катер.— Вы всего-навсего преподаватель тактики здесь, и к тому же еще женаты.

— Однако, господа,— заметил старший военный советник юстиции Вирман примирительно,— я не понимаю,

чего же вы хотите? Порядок расположения за столом ведь еще не акция государственного масштаба.

— Обычно-то нет,— возразил Федерс.— Но у нашего генерала иногда и мимолетный взгляд может быть прелюдией к похоронам с государственными почестями. И здесь вы встретите своего самого большого конкурента, Вирман. Вы только даете толкование законам, генерал же некоторые устанавливает сам.

— Но не для меня,— сказал Вирман, полагая, что может позволить себе даже улыбнуться с видом превосходства.

По знаку фельдфебеля из казино появились ординарцы. Они несли супницы. Держа их в вытянутых руках, они продефилировали мимо офицеров в столовую.

Из этого стало ясно, что к казино приближается генерал,— выставленный наблюдатель заметил его появление. Теперь замолкли и те немногие, которые до этого разговаривали между собой. Офицеры подтянулись. Младшие по званию автоматически отступили на второй план, чтобы старшие по званию сразу же попали в поле зрения генерала.

— Господа офицеры, господин генерал! — крикнул майор Фрей. Но эта команда была излишней. Господа офицеры и так стояли как застывшие — дух дисциплины, казалось, превратил их в бетон.

Размеренным шагом мимо них прошел генерал-майор Модерзон. Его сопровождал адъютант — но на него никто не обращал внимания. Офицеры видели только своего генерала. А тот остановился точно на расстоянии одного шага до порога двери и оттуда осмотрел присутствующих. Казалось, он собирается их пересчитать и записать по одному. Только после этого он приложил руку к козырьку фуражки и сказал:

— Добрый вечер, господа!

— Добрый вечер, господин генерал! — ответили офицеры хором.

Генерал кивнул головой не то чтобы признательно, но, утвердительно, поскольку приветствие, произнесенное хором, было отработано по созвучию и силе голосов.

— Прошу стоять «вольно»,— сказал он.

Господа офицеры последовали его распоряжению немедленно, отставив левую ногу немного вперед и в сто-

рону и слегка расслабившись. Говорить, однако, никто не осмеливался.

Генерал-майор Модерзон снял фуражку, расстегнул шинель и сбросил ее. Фуражку, а затем и шинель он протянул застывшим ординарцам. Оказание какой-либо помощи в осуществлении этой простейшей операции он принципиально отклонял.

Офицеры следили за каждым движением генерала с напряженным интересом. Они увидели, как он достал из-за обшлага рукава записку, развернул ее и прочитал. Это выглядело почти так, как если бы он принял к сведению содержание депеши с объявлением войны. Затем генерал посмотрел на собравшихся и сказал:

— Тема сегодняшней учебно-тренировочной игры — «пожар в казарме».

Общее замешательство достигло своего кульминационного момента. Объявленная тема таила в себе массу взрывоопасных неожиданностей — опытные офицеры почувствовали это сразу же. Они могли создавать штурмовые и поисковые группы, занимать ротные позиции и, если бы возникла необходимость, организовать марш целых дивизий — но «пожар в казарме» — этого не было в их учебных планах, да и практического опыта в этой области, даже самого малейшего, они не имели.

— А вы уже составили свои завещания, господа? — спросил Федерс с удовлетворением, хотя и несколько пониженным голосом.— Ибо я опасаюсь, что во время этого «пожара в казарме» довольно многие будут поджарены наподобие поросят на вертеле.

Из дверей появился фельдфебель из казино — своего рода старший официант, имеющий полную военную подготовку. За его спиной два ординарца стали открывать раздвижные двери, ведущие в столовую. Фельдфебель из казино подошел к генералу так, как будто перед ним был сам император.

Он остановился, выпятил грудь, держа пальцы рук строго по швам брюк, отчеканил:

— Докладываю господину генералу — суп подан!

Модерзон слегка кивнул головой, поскольку к подчиненным из числа нижних чинов он всегда старался проявлять внимание и чуткость. Он прошел сквозь строй сорока шести расступившихся перед ним офицеров и на-

правился в столовую. Прикомандированные на этот вечер к его столу следовали за ним по пятам, остальные вошли туда вслед за ними. Никто из них все еще не осмеливался разговаривать.

Столовая была обставлена не без великогерманской роскоши: на полу ковер цвета листвы деревьев, с тонким, легким орнаментом; облицованные под дуб стены, украшенные со значением инкрустацией из дубовых листьев; когда-то снежно-белый потолок с грубоватой лепкой, также изображавшей дубовые листья. С потолка свисала пышная люстра из листовой меди с керамическими свечами. Вокруг на стенах — портреты так называемых полководцев и государственных деятелей новейшей немецкой истории впечатляющих размеров. А на противоположной от входа стене громадного размера портрет фюрера, написанный маслом.

— Прошу чувствовать себя непринужденно, господа, как всегда,— объявил слегка приглушенно майор Фрей, поскольку решение простейших организационных вопросов генерал всегда предоставлял старшему по званию офицеру из числа присутствующих.

Офицеры расселись за отдельные столики. Ближе к столу генерала начальники курсов и потоков вперемежку с преподавателями тактики. Далее следовали офицеры-инструкторы, а завершали все остальные — трое интендантов, в том числе казначей, два врача, инженер мастерских и зондерфюрер.

Майор Фрей сказал:

— Докладываю господину генералу — офицерский состав в сборе для вечерней трапезы.

Генерал-майор Модерзон кивнул едва заметно головой и сел, все сорок шесть офицеров последовали его примеру. Генерал зачерпнул ложкой суп, все присутствующие сделали то же самое.

Вначале они ели молча, если не принимать во внимание громкого прихлебывания, раздававшегося время от времени, так как генерал не сказал ни слова и сам не дал разрешения говорить другим. Время от времени Модерзон бросал испытующий взгляд на офицеров. И видел, что очень немногие ели с аппетитом. Причина этого заключалась не только в жидком и не очень-то вкусном картофельном супе. Офицеры внутренне готовились к предстоящей им в завершение ужина учебно-тренировочной игре — «пожар в казарме». Это заметно портило им аппетит.

Только когда было подано второе блюдо — телятина с зеленым горошком,— генерал начал говорить. Он обратился к старшему военному советнику юстиции Вирману и спросил, слегка растягивая слова:

— Итак, вы собираетесь заняться еще и вторым делом в моем хозяйстве, не завершив первого?

Вирман почувствовал облегчение. Наконец-то к нему обратились с разговором. И он бодро ответил:

— Расследование обстоятельств и причин, повлекших за собой смерть лейтенанта Баркова, остается, естественно, моей главной задачей, господин генерал. Что же касается дела об изнасиловании...

— Так называемом изнасиловании,— поправил его обер-лейтенант Крафт негромко, но так, чтобы его можно было услышать.

Генерал бросил короткий испытующий взгляд на обер-лейтенанта, затем вновь вернулся к еде. Но не было никакого сомнения в том, что слушал он внимательно.

Старший военный советник юстиции продолжал с пылом:

— Ну хорошо, что касается этого так называемого изнасилования, я только хотел предоставить в ваше распоряжение свои знания, помощь, о которой просил и которую одобрил господин капитан Катер, но от которой господин обер-лейтенант Крафт, по-видимому, отказывается.

— И по весьма веской причине,— ответил обер-лейтенант Крафт твердо.— Ибо еще ничего не выяснено и абсолютно ничего не доказано.

— Позвольте,— перебил его Вирман, но вы, как не имеющий юридического образования, вряд ли можете судить об этом.

— Это вполне возможно,— сказал Крафт с настойчивостью.— Но мне поручено разбирательство этого случая, и поэтому я сужу о нем так, как считаю правильным.

— Уместным,— поправил его генерал. При этом он даже не поднял голову от тарелки. Казалось, он сконцентрировал все внимание на картофелине, которую в это время медленно раздавливал.

Это неожиданное замечание заставило его соседей по столу на время умолкнуть. Капитан Катер давился куском телятины. Вирман думал с напряжением о замечании генерала, пытаясь сделать из него выводы. Крафт же был лишь удивлен тем, что Модерзон так внимательно

прислушивался к разговору — генерал, по всей видимости, обращал внимание на каждый нюанс.

— Подобный случай, господин генерал,— сказал после долгого раздумья Вирман,— требует, по моему мнению, все же большего, чем обычное войсковое расследование. Поэтому я посчитал своим долгом оказать господину капитану Катеру необходимую помощь. Так как в данном случае дело идет не об обычном происшествии, которые могут случаться ежедневно, как, например, невыполнение приказа, обворовывание товарищей или дезертирство,— здесь даже незначительная деталь может играть решающую роль с юридической точки зрения.

— Господин Вирман,— сказал генерал, не повышая голоса, но очень резко,— мы здесь находимся на ужине.

Старший военный советник юстиции захлопнул рот, как на шарнире. Его и без того тонкие губы превратились в щелочку. Он заметно покраснел, ибо почувствовал себя как ученик, подвергшийся назидательному нравоучению перед всем классом, а этого с ним со времен шестого класса не случалось. Офицеры с видимым удовольствием, хотя и с надлежащей сдержанностью, наслаждались зрелищем.

Генерал продолжал есть как ни в чем не бывало. Обер-лейтенант Крафт отложил в сторону нож и вилку и впервые посмотрел на Модерзона внимательно: он увидел удлиненный угловатый череп, как бы вытесанный из грубого камня, однако выполненный четко и обозримо, несколько глубоких складок, шедших от переносицы мимо рта к подбородку, серые, как скала, глаза, высокий лоб под коротко остриженными белыми волосами. Крафту показалось, что генерал напоминает ему благородного, но непонятного по своей сути тракенского жеребца.

— Приятного аппетита, господа,— сказал генерал и поднялся.

— Приятного аппетита, господин генерал! — ответил офицерский хор.

— Запланированная учебно-тренировочная игра,— объявил деловито адъютант,— состоится здесь, в этом зале, через пятнадцать минут.

— Ну, господин старший военный советник юстиции,— дружески спросил капитан Федерс,— как вам понравился ужин?

— На мой вкус, он был слегка переперчен,— ответил Вирман и хохотнул, претендуя на наличие юмора. Но в смехе его не было ничего естественного.

Большинство офицеров вернулось в фойе, хотя бы для того только, чтобы уйти из поля зрения генерала. Они использовали перерыв, чтобы выкурить еще по одной сигарете. К тому же они пытались получить информацию о предстоящей учебно-тренировочной игре, и, естественно, в первую очередь через капитана Федерса.

— Господа,— сказал Федерс, отклоняя их вопросы,— я тоже не в курсе дела. Откуда мне знать, что должно происходить при возникновении пожара в казарме? Только тогда, когда я буду знать подробности этой игры, мне могут прийти в голову те или иные ходы. Но ведь я не ясновидящий — хотя и являюсь преподавателем тактики в военной школе.

Беспокойство среди офицеров росло. Между ними клубились облака дыма. Некоторые заглядывали через открытую дверь в столовую, которая была превращена ординарцами в своеобразную классную комнату: на заднем плане стояла доска, перед нею две подставки для карт, а впереди стол генерала — наподобие кафедры. Столы и стулья офицеров были расставлены как школьные парты.

— Во всяком случае, — заметил старший военный советник юстиции Вирман,— я доволен хотя бы тем, что это мероприятие меня не касается.

— А еще более довольны вы были, вероятно, если бы получили разрешение заняться поближе тремя решительными в своих действиях девушками, не так ли?

— Господин капитан Федерс,— ответил Вирман, придавая разговору серьезный тон,— для меня ведь вопрос носит чисто деловой характер, и дело не в трех сомнительных созданиях женского рода.

— Но ведь одно нельзя отделить от другого.

— Господин капитан, я же юрист!

— Именно поэтому,— бросил реплику Федерс.— Если бы вы были медиком, скажем психиатром или же гинекологом, тогда я бы, пожалуй, сказал себе: ну да, это ведь его работа, он к этому привык. Но если появляется юрист, который до этого брал на зубок лишь старых вояк, а теперь должен заглянуть под юбку трем молодым девушкам, я могу лишь, уважаемый, отнестись к этому с определенным подозрением и даже скептически.

— Мне не нравится ваша фантазия,— сказал Вирман

холодно. Ему хотелось добавить: «которая похожа на фантазию генерала». Но он промолчал. Он с достоинством нес свои подозрения и не забывал их. Он уже раскусил офицеров подобного сорта. Такой человек, как этот Модерзон, сознательно или несознательно вызывал упаднические мысли. Уже только из принципа он, Вирман, должен был рассматривать подобных людей как чрезвычайно сомнительных.

— У вас отсутствует доверие к ответственным органам государства,— бросил он, прежде чем уйти.

Капитан Федерс посмотрел ему вслед и сказал:

— Тут ему нужно отдать должное — он не дурак. Но это может быть и недостатком.

— Господ офицеров просят занять места и подготовиться к началу учебно-тренировочной игры,— объявил адъютант.

Господ офицеров не нужно было просить дважды. Они поспешно загасили свои сигареты, прервали разговоры и направились в столовую — учебный класс для офицеров. Рассевшись по местам, они с ожиданием смотрели на генерала.

Генерал-майор Модерзон сидел за своим кафедроподобным столом и работал. Приход офицеров нисколько ему не помешал, по всей видимости. Он просматривал документы, которые ему положил адъютант, заносил свои заметки в блокнот, лежавший перед ним.

Адъютант объявил еще раз:

— Руководитель учебно-тренировочной игры — господин майор Фрей, начальник второго курса.

Так была обозначена первая жертва этого вечера. Дальнейшие последуют, ибо цель подобной игры была двоякой. Прежде всего должны быть рассмотрены теоретически все возможные на практике ситуации. Затем многие из присутствующих получали специальные задачи, и только после этого шаг за шагом проигрывалось тушение пожара. Каждый из облеченных таким заданием должен был кратко и в то же время исчерпывающе доложить, что бы он в реальном случае стал делать или какие распоряжения отдавать. Например, в качестве руководителя команды заграждения, старшего группы тушения, начальника склада вещевого имущества и тому подобное; если того хотел Модерзон — всю ночь, до утра.

И капитан Федерс, многоопытный преподаватель тактики, заявил своим внимательно слушающим соседям:

— В самое глупое положение попадет на этот раз тот, кто будет изображать из себя дежурного офицера.

— Дежурный офицер,— зачитал адъютант с листка, покрытого заметками генерала,— обер-лейтенант Крафт.

Крафт с трудом подавил вертевшееся у него на языке крепчайшее выражение. И он, будучи старым служакой, сразу же понял, что ему выпала самая неблагодарная задача этой учебно-тренировочной игры. Он, по-видимому, попался на глаза генералу, и это беспокоило Крафта.

— Могу я получить инструкцию дежурному? — спросил он.

Генерал кивнул головой. И адъютант передал обер-лейтенанту Крафту эту инструкцию. Офицеры с интересом разглядывали жертву сегодняшнего вечера. При этом они не проявляли никаких фальшивых чувств — кто-то же должен был быть ею: а на этот раз такой жертвой оказался Крафт. Нельзя вмешиваться без спросу в разговор генерала за столом!

Адъютант зачитал длинный список участников — никто из присутствующих не был забыт. Каждый получил более или менее важную роль, или задачу контроля за той или иной функцией, или же особую, подробно не расписанную функцию. Офицерам становилось жарко. Ловушки были расставлены — кто еще, кроме Крафта, влетит в них?

Адъютант зачитал исходную обстановку:

— Предположительно в районе расквартирования четвертого потока произошел пожар. Причина его неизвестна. Размеры пока тоже неизвестны. День — воскресенье. Время — один час тридцать восемь минут. Учебно-тренировочная игра начинается.

Капитан Федерс ухмыльнулся счастливо: он сразу же обнаружил опаснейшие моменты и позиции этой игры. «Четвертый поток,— шепотом сообщил он своему окружению,— расположен почти в центре казармы — какая прекрасная возможность распространения огня! И к тому же именно в воскресенье, ранним утром, когда вряд ли кто из фенрихов вернется из увольнения. А это связано с осложнениями! Вот дыма-то будет. Я уже сейчас чувствую его зловоние».

— Пожалуйста, господин майор Фрей,— сказал адъютант по взгляду генерал-майора Модерзона,— игра началась.

— Тревога,— объявил майор Фрей слегка сдавленным голосом. Начало было таким образом положено. Фрею оставалось лишь найти теперь того, кто продолжил бы игру.— Итак, пожар в расположении четвертого потока. Что делает личный состав четвертого потока?

— Я передам сигнал тревоги дальше, — ответил офицер, на которого была возложена эта функция.— Я оповещу в свою очередь дежурного офицера.

Все глаза были теперь устремлены на обер-лейтенанта Крафта. Тот откинулся на спинку стула. Он был полон решимости не дать обскакать себя так просто и не быть барашком, которого должны подвести объединенными усилиями под нож. И поэтому он спросил:

— Является ли инструкция действующей?

— Конечно,— сразу же ответил майор Фрей.— Инструкция есть инструкция.

— Значит ли это,—настойчиво задал Крафт следующий вопрос, — что я должен руководствоваться этой инструкцией?

— Да конечно же! — воскликнул Фрей с некоторой жесткостью в голосе и чрезвычайно невоздержанно.— Что предписано, тем и следует руководствоваться. Любой приказ имеет такую же силу, как и закон. А письменный приказ тем более является законом.

Выражение лица Крафта не оставляло никакого сомнения в том, что он относится к формулировкам майора как к чрезвычайно избитым. Офицеры почувствовали сенсационное развитие событий. Они бросали слегка озадаченные и в то же время полные надежды взгляды то на Крафта, то на майора Фрея, то на генерала Модерзона.

И генерал заявил, не меняя выражения лица:

— Инструкция дежурному является руководством к действиям, господин обер-лейтенант Крафт.

— В таком случае, господин генерал, для проигрыша этой учебно-тренировочной игры не хватает необходимых достоверных источников.— Это было заявление, равносильное в глазах присутствующих самоубийству.— Поскольку эта инструкция дежурному не соответствует положению дел ни в начале, ни в конце.

В зале установилась тишина, как перед ударом грома. Лицо капитана Федерса застыло в ухмылке. Не выдер-

жав напряжения, вскрикнул капитан Катер. Следующий кульминационный момент этого вечера был достигнут.

А генерал спросил подчеркнуто мягким голосом:

— Объясните, пожалуйста, поподробнее свою мысль, господин обер-лейтенант Крафт.

Крафт устало кивнул головой. Мужество грозило покинуть его так же внезапно, как и появилось. Его охватило давящее чувство, что он зашел слишком далеко.

— Итак,— спросил генерал уничтожающе вежливо,— я слушаю.

— Господин генерал,— сказал наконец обер-лейтенант Крафт,— эта инструкция не только неточна в отдельных разделах, но и противоречит сама себе в важнейших пунктах. Это касается, например, последовательности включения гидрантов, данных под номерами один, два, три и четыре, что является абсурдным, исходя из их реального расположения. Если дежурный офицер станет придерживаться этой инструкции, он будет мотаться по помещению взад и вперед, бесполезно тратя драгоценное время. Поскольку правильная последовательность включения гидрантов должна быть: четыре, один, три, два.

— Что-нибудь еще, господин обер-лейтенант Крафт?— спросил генерал все так же мягко.

Крафт привел еще четыре примера, которыми старался доказать недостатки инструкции: неполнота системы оповещения по тревоге, неправильное описание огнетушителей, складирование взрывчатых веществ не в том месте, где они должны бы быть, недостаточность оборудования караульного помещения баграми, лопатами и топорами. Таким образом, если дежурный офицер будет следовать этой инструкции, казарма сгорит полностью, прежде чем даже будут подключены пожарные рукава.

— Пожалуйста, дайте мне инструкцию,— сказал генерал.

Инструкция была передана Модерзону. Он перелистал ее и просмотрел те места, о которых только что говорилось. На лице его не отразилось ничего. Оно оставалось таким же неподвижным и безучастным, как и во время ужина. Глаза всех присутствующих были устремлены на него, однако генерал воспринимал это так естественно, как если бы его освещало солнце.

Затем он поднял голову, посмотрел на Крафта и спросил:

— Когда вы обратили внимание на недостатки инструкции дежурному, господин обер-лейтенант Крафт?

— Три дня назад,— ответил Крафт,— когда я был дежурным офицером.

— В таком случае,— сказал генерал Модерзон,— я должен был бы знать об этом еще два дня назад. Вы не дали соответствующего рапорта. Будьте у меня завтра в десять часов для доклада.

— Слушаюсь, господин генерал!

— Впрочем, что касается этой инструкции,— сказал затем генерал,— она действительно является сплошной чепухой. По ней нельзя действовать. Через несколько дней она будет переработана. Учебно-тренировочная игра в связи с этим переносится. Доброго вечера, господа.

5

НОЧЬ ПОСЛЕ ПОГРЕБЕНИЯ

Вытянутая в длину возвышенность над Майном. Здесь находились казармы, в которых была расположена военная школа. На картах этот пункт значился как высота с отметкой 201. Однако довольно-таки многие считали его центром мира.

Под этой высотой, в ровной долине, которую огибала излучина Майна, лежал небольшой городок Вильдлинген. Его узкие улицы и переулки с многочисленными изгибами напоминали кишечник.

Бледно-голубой лунный свет освещал все вокруг. Снег лежал как покрывало. Казалось, везде господствовал тяжелый, как свинец, сон.

Ибо большая война была далеко. Ни одна из ее дорог не проходила еще через Вильдлинген-на-Майне. И вот здесь-то, в стороне от них, скрытно создавались зародышевые клетки уничтожения людей по всем правилам науки.

Сейчас, однако, большая машина по их производству— военная школа стояла тихо. Отдыхали как инженеры войны, так и их инструменты. Поскольку, хотя сама война и не знала сна, воины не могли без него обходиться. И для довольно многих этот сон был только переходом к смерти.

Но смерть, как правило, держится в стороне от учеников войны — фенрихов. Зачем ей мешать тому, что не в последнюю очередь ей же самой и служит? Здесь жертвы ее были редкостью. Она забирала их к себе просто по привычке, а также для того, чтобы о ней совсем-то не забывали и помнили о ее вездесущности. На могильных плитах кладбища Вильдлингена-на-Майне, расположенного между городком и казармой, пока еще преобладали цифры, свидетельствующие о почтенном возрасте покоившихся там людей. Один лишь лейтенант Барков со своими двадцатью двумя годами как-то не вписывался в такое окружение. Но эта ошибка, по всей вероятности, вскоре будет поправлена.

Месяцу во всяком случае было полностью безразлично, что он освещает. Он смотрел на все свысока, как делал это всегда и раньше, не вглядываясь в пары влюбленных и в трупы, в старый город и новые здания фабрики войны.

Люди могли писать о нем стихи, смотреть на него, проклинать его присутствие. Он всходил и заходил, появлялся или скрывался за тучами. Часовой, стоявший у ворот казармы, казался для него пылинкой, старый городок — согнувшимся червячком, а военная школа — пустым орехом.

Но в этой военной школе дышала тысяча людей. Тысяча людей спала и переваривала пищу. Потоки струящейся крови выполняли свою обычную работу. Миллиарды пор пропускали воздух, как фильтрующий слой в противогазе.

Ни одна полоска света не пробивалась сквозь затемненные окна. За закрытыми дверями скапливался сладковатый запах тел и гнилостный дух одеял, матрасов и половых досок. Запахи ночи смешивались и превращались в плотную, тяжелую, затрудняющую дыхание массу, окружающую набитых в тесные помещения спящих людей.

Но не всем был дан сон. Да и не каждый искал его. Некоторым же вообще не было разрешено найти его.

Фенрих, стоявший часовым у ворот, почувствовал холод, усталость и скуку. Ничего другого он не чувствовал. И он сказал про себя: «Проклятое дерьмо!»

Что он при этом имел в виду, он и сам точно не знал. Единственное, что он знал наверняка, было то, что он

должен стать офицером! Но почему это должно было быть так, он давно уже не думал.

Он выполнял учебную программу. Караульная служба также была в нее включена в соответствии с учебным планом. Так что все было правильно.

— Ты еще не устала? — спросила Эльфрида Радемахер девушку, сидевшую на своей постели.— Когда мне было столько лет, как тебе теперь, я в это время уже давно спала.

— Ты всего на несколько лет старше меня,— ответила девушка. — Но чем позже, тем, кажется, ты становишься бодрее.

Эльфрида Радемахер посмотрела в зеркальце, стоявшее перед ней, старательно причесала свои волосы. И пока она их расчесывала, внимательно смотрела на сидевшую за ней девушку, которую хорошо было видно в зеркале.

Эта девушка всего несколько дней находилась в казарме — пополнение для первой кухни. Там она выполняла всю черновую работу. И только в дневное время. Так как Ирена Яблонски, так звали девушку, была еще молода — ей было немногим более шестнадцати лет,— это учитывалось в работе.

— Ты собираешься уходить? — спросила девушка.

— У меня еще дела,— сухо ответила Эльфрида.

— Могу себе представить твои дела,— сказала девушка.

— Тебя это не касается,— возразила Эльфрида недовольно.— Лучше ложись спать.

Ирена Яблонски мяукнула и откинулась на свою кровать. Она чувствовала себя взрослой и хотела, чтобы к ней и относились соответственно. Потом она, однако, испугалась этого. Действительно, в последнее время она спала гораздо хуже.

Эльфрида делала вид, что не обращает на девушку никакого внимания. Эта Ирена Яблонски была одной из пяти девушек, с которыми она вместе располагалась в комнате. Маленькое, нежное существо, которое легко сломать, с большими глазами и хорошо развитой грудью. Вполне зрелая, судя по этой груди. Еще дитя, если посмотреть на ее лицо.

— А ты не можешь взять меня с собой? — спросила девушка.

— Нет,— ответила решительно Эльфрида.

— Если ты меня не возьмешь с собой, я просто пойду с другими.

Другие — это были четыре девушки, с которыми они вместе жили в этой комнате: две работали на коммутаторе, одна — в регистратуре и одна — в санчасти. Все они были взрослыми, опытными девушками, ни о чем не задумывающимися, вплоть до безразличия,— как это обычно имело место после двух-трех лет казарменной жизни. Они уже спали, но только две из них — в собственных постелях.

— То, что можете вы,— сказала Ирена недовольно,— я тоже могу.

— Нет, ты этого еще не можешь,— ответила Эльфрида.— Для таких вещей ты слишком молода.

Она посмотрела вокруг себя: обстановка в комнате была обычной для всех казарм, но представляла собой нечто промежуточное — не совсем так, как у рядового состава, скорее как у унтер-офицеров и фельдфебелей. Здесь имелись даже ночные столики, положенные только офицерам. Но тем не менее все было стандартным. Однако обычная картина несколько смягчалась скатертями и покрывалами, бумажными цветами и другими украшениями. Присутствия женщин в этой казарме не заметить было нельзя. Они сдались и смирились со всем еще не полностью.

— Послушай-ка,— сказала Эльфрида Ирене Яблонски,— может быть, это и хорошо, что ты не обольщаешь себя никакими надеждами в том определенном вопросе, который, скажем так, ты принимаешь близко к сердцу. Ты еще слишком молода для этого, и мне тебя просто жаль. Я тоже когда-то была такой, как и ты, абсолютно такой же. И я проделала все то, что составляет твое сокровенное желание. Ну и вот, этим ничем заниматься даже не стоило — понимаешь? Все это бессмысленно.

— Но ты ведь продолжаешь этим заниматься — не так ли?

— Да,— ответила Эльфрида открыто.— Ибо наконец-то у меня появилась надежда, что это занятие себя оправдает.

— Разве так не всегда думают?

Эльфрида кивнула головой. Она отвернулась и подумала: «Если больше нельзя на что-то надеяться, что тогда? Что будет тогда?» И сказала тихо:

— Он не такой, как другие, мне думается.

Капитан Ратсхельм рассматривал то, что не давало ему покоя из чувства долга.

Он подготовился к служебным делам на завтрашний день, написал пространное письмо матери и стал умиротворенно прислушиваться к последним звукам и шумам, предшествующим вечерней поверке: топот босых ног бегущих по коридору, журчание воды в умывальнике и туалете, короткий обмен фразами, несколько шутливых замечаний, громкий смех молодых парней. А потом — шаги дежурного офицера-инструктора, который обходил спальные помещения курсантов,— твердые шаги, легкое позвякивание, когда окованный железом каблук попадал на камень, короткие, отрывистые доклады. И, наконец, вызванная искусственно тишина, которая поэтому казалась какой-то особенно удручающей.

Таков был порядок. Те из курсантов, кто хотел спать, могли отправляться спать, и никто не имел права им мешать — естественно, это касалось их товарищей. Начальство же могло делать это в любое время, не говоря уже о подъемах по тревоге и других специальных мероприятиях. Те же, кто хотел еще поработать, могли не ложиться до двадцати четырех часов. В этом случае они не должны были создавать ни малейшего шума ни при каких обстоятельствах.

Теперь наступил особый час Ратсхельма.

Ибо капитан сделал своим принципом, чтобы курсанты знали, что он готов в любое время проявить о них заботу! По одному ему только известному плану, который он, кстати говоря, считал хорошо продуманным, он и действовал: то он появлялся у курсантов ранним утром, сразу же после подъема, и присутствовал при утреннем туалете и на зарядке, то, как теперь, поздним вечером.

Ратсхельм вышел из комнаты, в которой жил. Он твердо прошагал по коридору своего потока, вышел через входную дверь, проследовал по площадке для построений и главному плацу, свернул за склад с боеприпасами и вышел к бараку, в котором размещалось учебное отделение «X».

Помещение для расквартирования курсантов носило временный характер, поскольку казарма постепенно становилась маленькой для выполнения своих больших задач. Таким образом, были построены дополнительные бараки. И самые молодые из кандидатов в офицеры, собранные в учебном отделении «X», были, естественно, первыми, кто на себе прочувствовал это. Подобные жилые сараи не казались Ратсхельму каким-то несчастьем. Только то, что они находились в стороне от основных помещений, вызывало его озабоченность.

Ибо это требовало повышенного контроля.

Ратсхельм вошел в узкий коридор барака. Полный ожидания, он осмотрелся. Но то, что он увидел, а точнее говоря, не увидел, разочаровало его. Ни в одной из комнат, двери которых были застеклены, свет не горел. Казалось, курсанты действительно уже спали. А это означало, что они не имели ни малейшего желания еще поработать, хотя это им подчеркнуто разрешалось. Ратсхельм подсветил своим карманным фонариком таблички с номерами комнат и вошел в комнату под номером «семь».

Располагавшиеся там четверо курсантов уже спали, во всяком случае не было никаких признаков, что это было не так. Один из них даже храпел на своей койке. Другие лежали тихо и неподвижно, как бы сломленные усталостью, почти как мертвые.

И тем не менее в комнате было хорошо прибрано. Ратсхельм определил это тотчас же опытным глазом и порадовался этому. Затем он осветил карманным фонариком кровати. И тут он заметил пару открытых глаз, которые смотрели на него без тени сонливости.

— Ну, Хохбауэр, — сказал Ратсхельм шепотом и подошел ближе,— вы еще не спите.

— Я только что кончил работать, господин капитан,— ответил Хохбауэр также шепотом.

Капитан довольно улыбнулся; это была улыбка знатока, стоящего в картинной галерее перед своим любимым полотном. Он считал себя счастливым, имея таких великолепных экземпляров фенрихов в своем потоке.

— Над чем же вы так поздно работали, Хохбауэр? — спросил он заинтересованно. И в его хорошо поставленном баритоне прозвучала отцовская нотка благоволения.

— Я читал Клаузевица,— ответил курсант.

— Весьма полезная литература,— заметил Ратсхельм одобрительно.

— Боюсь только, господин капитан,— сказал Хохбауэр доверительно,— что я столкнулся с некоторыми неясностями. Не то чтобы я сомневался в высказываниях Клаузевица — но там есть такие места, которые я не совсем понимаю.

— Ну если дело только в этом, мой дорогой Хохбауэр, приходите прямо ко мне. Как-нибудь во внеслужебное время. Что касается меня, хоть завтра вечером. Вы же знаете, где я живу. Я вам обязательно помогу. Для этого мы, собственно говоря, здесь и находимся!

— Благодарю, господин капитан,— ответил осчастливленный курсант. И, лежа в кровати, он подтянулся, выпятив грудь, как бы отдавая честь. Ночная рубаха раскрылась на груди, и стала видна его матово-блестящая кожа и личный знак.

Ратсхельм кивнул ему головой и вышел. Казалось, он куда-то заторопился. Возможно, это был долг, который позвал его.

Генерал-майор Модерзон сидел за письменным столом. Сильный свет лампы падал на его угловатое лицо. Создавалось полное впечатление, что вместо живого человека за столом восковая фигура. Однако генерал работал. На столе перед ним лежал раскрытый документ. Это было личное дело, на обложке которого жирными печатными буквами было написано: «Крафт Карл, обер-лейтенант».

Модерзон жил в так называемом домике для гостей, который примыкал к казино, и занимал две комнаты. В одной из них он обычно работал, в другой спал. И за все время, пока он здесь находился, комнаты эти использовались только по своему прямому назначению и ни в одной из них не делалось того, для чего была предназначена другая.

Генерал сидел за письменным столом одетый по всей форме. Трудно было даже представить его в рубашке с открытым воротом или засученными рукавами. Даже денщик Модерзона очень редко видел его в подтяжках или носках. Для генерала существовали только одетые и раздетые солдаты — одетые небрежно не имели в его глазах права на существование. И поэтому для него было само собой разумеющимся, что даже посреди ночи в своей собственной комнате он был одет так же безукоризненно, как если бы проводил смотр или парад.

Китель из камвольной пряжи, слегка потертый на рукавах, так что слегка проглядывали нитки, но безукоризненно чистый и выглаженный, теперь был застегнут на все пуговицы. Золотые дубовые листья на петлицах, казалось, магически мерцали в свете лампы. Орел на левой стороне груди выглядел выгоревшим и застиранным. На его кителе не было ни одного ордена, ни почетных знаков отличия, хотя Модерзон был обладателем почти всех наград, которые вообще существовали в Германии. Генерал придавал большое значение силе воздействия своей личности, а не побрякушкам.

И все же выражение лица генерала несколько изменилось, что являлось скупым подтверждением того обстоятельства, что теперь он был совершенно один. Он почти благодушно смотрел на личное дело, лежавшее перед ним.

Внимательно прочитав одну за другой характеристики и сравнив их между собой, генерал пришел к выводу, что их составляли неумелые работники. Ибо, судя по этим характеристикам, нынещний обер-лейтенант Крафт был человеком без особенностей, хорошим, почти бравым солдатом, надежным и проявляющим рвение к службе. Но в действительности, видимо, было что-то все-таки не так.

Генерал еще раз перечитал характеристики. Он упорно искал определенные выражения, даже незначительные, сказанные как бы между прочим, и он нашел их. При этом он едва заметно улыбнулся.

Так, например, в характеристике на бывшего унтерофицера Крафта значилось:

«...проявляет особое упорство в ущерб дисциплине, поскольку чувство ее у него еще не развито в должной степени... решения принимает быстро и смело...»

А в характеристике на лейтенанта Крафта он прочитал:

«...может выполнять задачи самостоятельно... имеет своенравный характер... обладает энергией, хотя подчас и не знает, как применить ее правильно... примерный командир... имея умелого и умного начальника, способен даже на необычное...»

Последняя характеристика, написанная незадолго до откомандирования Крафта в военную школу, содержала следующие наводящие на размышления замечания:

«...имеет склонность к критике... может быть использован в самых различных областях, хотя и не является

особенно удобным подчиненным... обладает ярко выраженным чувством справедливости...»

Все, вместе взятое, составляло всего несколько слов, выделенных из многих нейтральных, ничего не говорящих формулировок, избитых выражений и дешевых обобщений. Но эти немногие слова давали основания предполагать, что этот Крафт был необычайной личностью. Он подозрительно часто менял места своей службы, но всегда с прекрасной характеристикой. По-видимому, ее давали для того, чтобы было легче сплавить его в другое место. А теперь он приземлился здесь, и именно в военной школе, в хозяйстве генерал-майора Модерзона, которого за глаза все называли ледяной горой или даже последним из пруссаков.

Модерзон закрыл личное дело Крафта. Блокнот, который он приготовил для записей, остался чистым. Генерал прикрыл глаза, как будто ему мешал яркий свет настольной лампы. И по-прежнему лицо его не выдавало того, о чем он думал. Однако скупая улыбка все же осталась.

Модерзон прошел в спальню. Здесь стояла походная кровать, а кроме нее стул и шкаф. Да еще умывальник — и больше ничего.

Генерал расстегнул китель и достал портмоне. В нем лежала фотография размером с почтовую карточку. На ней был изображен молодой офицер с угловатым лицом, глаза его смотрели открыто и вопросительно, в них не было веселой беззаботности, но тихая и вместе с тем уверенная решительность.

Генерал смотрел на фотографию, и в глазах его появлялась какая-то теплота. А выражение жесткости на лице уступило место тихой печали.

На фотографии был запечатлен лейтенант Барков, похороненный день назад.

И обер-лейтенант Крафт также не мог уснуть этой ночью. Но причиной бессонницы у него была не совесть, которая не давала бы ему покоя,— то была Эльфрида Радемахер.

— Полагаю, что никто не видел, как ты шла сюда,— сказал Крафт слегка озабоченно.

— А если бы и видели! — ответила Эльфрида с видимой беззаботностью и присела к нему на кровать. Ей казалось, что она знает, что нужно мужчине: спокойная, веселая беззаботность. Только никаких проблем!

— А что скажут девушки, с которыми ты живешь?

— То же самое, что говорю я, когда они не ночуют в собственных постелях, то есть ничего.

Крафт прислушался к ночной тишине, но, кажется, не было слышно ничего, что могло бы его обеспокоить — не считая Эльфриды.

Он нашел, что в этой казарме господствуют своеобразные порядки и традиции, хотя бы потому, что они возможны в хозяйстве такого генерала, как Модерзон.

— К тому же мне наплевать на все,— добавила Эльфрида.

Крафт не совсем понимал эту девушку. Собственно говоря, все у нее было очень просто, без каких-либо осложнений и проблем, что было, конечно, приятно. Но она была не такой, какой хотела казаться,— Крафт это чувствовал. Он всегда ловил себя на этой мысли, когда думал о ней. Ну что же, говорил он себе тогда, по-видимому, она хочет доставить удовольствие не столько себе, сколько ему. То, что она делала, имело что-то общее с женской заботой.

— У тебя нет никаких сомнений и беспокойства? — спросил Крафт.

— А почему ты это спрашиваешь? — ответила она вопросом на вопрос. — Мы ведь друг другу нравимся, а этого вполне достаточно.

— Мне-то да, — сказал Крафт. — А что, если до капитана Катера дойдет, как ты проводишь свои ночи? Ведь он, в конце концов, отвечает за тебя и других девушек.

Эльфрида рассмеялась. Это был беззаботный смех, но прозвучал он опасно громко.

— Только Катеру и не хватало изображать из себя блюстителя нравственности.

— А ты что же, и с ним набиралась специального опыта? — спросил Крафт. И с изумлением отметил, что почувствовал себя немного несчастным при этой мысли.

Эльфрида прекратила смех. Она выпрямилась, посмотрела на него темными глазами и сказала:

— Я здесь уже два года — с момента создания этой военной школы. Я располагаюсь с более чем сорока другими девушками в штабном здании, в отдельном изолированном коридоре, и у нас имеется даже свой собственный вход. В течение дня мы работаем в канцеляриях, в столовой, на коммутаторе, на складах и в мастерских. Мы являемся женским гражданским персоналом и дали обя-

зательство работать здесь в военное время. Ежедневно, изо дня в день, мы общаемся с мужчинами, вокруг нас — тысячи мужчин. И нет ничего удивительного, что у нас иногда появляется желание быть и ночью вместе с мужчинами.

— В таком случае я очень рад, что из этой тысячи ты выбрала именно меня.

— По многим причинам,— ответила Эльфрида.— Потому, что твоя комната находится в том же здании, что и моя. Это значительно упрощает дело. Далее потому, что мы оба работаем в одном подразделении, а именно административно-хозяйственной роте, в результате чего можем лучше согласовать свое свободное время. А кроме того, есть и еще одна причина, Карл, и немаловажная,— ты мне нравишься. Я не хочу этим сказать, что люблю тебя. Я не люблю громких слов, к тому же они сделались такими ничтожными в наше большое и тяжелое время, в которое мы вынуждены жить. Но ты мне очень нравишься. И только поэтому я делаю то, что делаю сейчас. Что же касается капитана Катера, то он не значится в моем сравнительно небольшом списке—и никогда там не окажется.

Крафт смотрел на нее полный любви и желания и хотел уже обнять ее. Но она отстранилась и посмотрела на него почти печально:

— Я, собственно, не олицетворяю собой саму порядочность, и в этом мне тебя, право же, не стоит уверять. Но в то же время не само собой разумеется, что я нахожусь здесь и что между нами все произошло так быстро, — что я должна тебе сказать все-таки. Есть и еще что-то.

Она тяжело вздохнула, и он истолковал это неправильно.

— Иди же ко мне! — сказал он нетерпеливо.

Эльфрида покачала головой.

— Есть и еще что-то,— повторила она охрипшим вдруг голосом.— Это что-то вроде страха. Конечно, глупо с моей стороны говорить так. Но с первой же встречи у меня такое чувство, что все между нами будет очень непродолжительным. Не смейся надо мной, Карл. Я знаю, что на этой войне нет ничего длительного. Все приходит и уходит, здесь любят и здесь же обманывают, ищут забвения и забывают. Ну что ж поделаешь, с этим необходимо считаться. Но это не все — на этот раз не все.

— Иди ко мне,— сказал он снова и обнял ее. Он не

понимал, о чем она говорит. Его губы коснулись ее уха, и ему показалось, что он слышит, как по ее жилам течет кровь. — Ты замерзла, девочка. Иди, я тебя согрею.

— Я боюсь...— ответила она.

Она действительно дрожала в его руках, и он решил, что от холода. Он ни о чем не хотел думать, ни слышать, ни знать. Он хотел забыться.

И он не расслышал поэтому, как она сказала: «Я боюсь за тебя».

— Да, вот такие-то дела,— сказал капитан Катер в глубокой задумчивости.— Тут без устали выполняешь свой долг, а что за это получаешь? Тебя ставят с ног на голову! Постоянно попадаешь в затруднительное положение! И только потому, что где-то есть человек, считающий себя последним из пруссаков, для которого уставы и наставления важнее человеческих качеств.

Капитан Катер сидел в одной из задних комнат казино в самом дальнем углу. Мягкий свет настольной лампы освещал его круглое как луна лицо. Перед ним стояла пузатенькая бутылка красного вина. Напротив сидел Вирман, старший военный советник юстиции.

Оба выглядели озабоченными. Они, нахмурясь, смотрели на бутылку красного вина, которая заслуживала того, чтобы за нею сидели куда более веселые лица — так как это был «поммард», одно из благороднейших вин, виноград для которого вызрел под солнцем Франции. У Катера было еще несколько ящиков такого вина в подвале, но он опасался, что вряд ли сможет им насладиться.

Ибо генерал, казалось, не собирался устраивать ему сносную жизнь. Катер же, по его собственному мнению, был душа-человек и отличный организатор. Но Модерзон, конечно, не сумеет оценить по достоинству такие тонкости. Во всем вермахте, пожалуй, не найдешь второго такого! И вот как раз такого человека назначают начальником военной школы, в которой капитан Катер является командиром административно-хозяйственной роты!

— Генерал,— сказал Вирман,— кажется, довольно-таки своенравный господин.— Эта формулировка была употреблена с высочайшей осторожностью; она, казалось, не содержала в себе ни вызова, ни обвинения.

Это была вирмановская тактика. Он всегда старался быть весьма осторожным в выборе слов — они почти всегда звучали у него как для протокола. Но интонация, с ко-

торой они были произнесены, давала возможность Катеру предположить, что в это время чувствовал Вирман.

Старший военный советник юстиции Вирман, подчиненный инспектору военных школ, опытный юрист, надежный слуга рейха, сверкающий меч правосудия, имеющий на своей совести и в послужном списке более двух десятков смертных приговоров,— и вот как раз его Модерзон разделал под орех как какого-то неспособного младшего судейского чиновника! Перед всем офицерским составом школы! Катер, естественно, должен был видеть в нем своего союзника.

— Между нами,— сказал Катер и нагнулся к нему доверительно.— Генерал не только своевольный человек, он более того — просто уму непостижимый человек! Ему не хватает, я бы сказал, радости жизни. Он глотает самые лучшие, благороднейшие вина, курит отборные сигары, но лицо его не становится приветливее, даже если он видит перед собой прелестную девушку...

— Но его интереса к определенным молодым офицерам вряд ли можно не заметить,— перебил его Вирман. И при этом изобразил на лице, как ему самому казалось, тонкую и многозначительную улыбку. Он весьма мягко и осторожно, по его мнению, затронул эту печальную истину.

Капитан Катер, отпивая вино из бокала, слегка пролил его. Красное вино закапало его китель, но он не обратил на это внимания. Он напряженно думал. Фраза, произнесенная только что старшим военным советником юстиции, звучала сама по себе вполне безобидно. Но то, как произнес ее Вирман и как он улыбнулся при этом, насторожило Катера.

И он спросил осторожно:

— Вы действительно так думаете?

— Я вообще ничего не думаю,— сразу же отозвался Вирман.— Я и не пытался намекать на что-то. Я только исходил из предпосылки, чисто умозрительной, что, пожалуй, ни один человек, за исключением нашего фюрера, не может принимать безошибочных решений. Даже в том случае, если он, к счастью, может опираться на существующие законы. И вот что я, собственно, хотел сказать: определенные человеческие симпатии не исключаются полностью и у генералов.

— И не всегда это безопасно для других — в этом вы правы. — Катер кивнул головой.— Все это нередко во

вред бравому, честному человеку, скромному и надежному офицеру. А в моем специфическом случае к этому добавляется еще и то, что этот Крафт намерен занять мой пост командира административно-хозяйственной роты. Его поведение ничем другим объяснить нельзя.

— Оно конечно,— сказал Вирман, растягивая слова,— вашим другом генерал, конечно, не является. А этот Крафт кажется довольно-таки энергичным и ни на что не взирающим парнем. Может быть, ему и удастся действительно вытеснить вас, ибо такую ключевую позицию, какую занимаете вы, каждый был бы не прочь занимать. Но этот Крафт может стать вашим преемником только в том случае, если генерал даст на то свое согласие, будет этого желать и способствовать этому.

— А это уж не так и исключено,— поддержал его Катер.— Ибо что вообще понимает генерал в моих особых способностях? При этом я выполняю здесь свой долг, как и он. Но он не способен этого оценить. Это человек односторонний, говоря доверительно и между нами. Ну хорошо, он что-то понимает в стратегии и тактике. Но он так и не понял простой истины, существующей уже тысячи лет — столько, сколько существуют солдаты,— которая гласит: солдат, чувствующий голод и жажду,— солдат только наполовину.

Старший военный советник юстиции отнесся неодобрительно к примитивным толкованиям Катера, его несдержанному недовольству и его неосторожной прямоте, но он даже не подумал использовать их в своих интересах.

И, вдыхая с удовольствием терпкий аромат красного вина, Вирман обронил:

— По-видимому, многое бы изменилось и было бы по-другому — и не только для вас,— если бы в этой военной школе был другой начальник, с которым было бы приятно работать.

Катер тупо уставился на старшего военного советника юстиции. Он быстро наполнил свой бокал и жадно осушил его одним глотком. На его круглом, луноподобном лице отразилась новая надежда. Он видел перед собой ящики, которые он зарезервировал в подвале — на благо своих товарищей — офицеров и свое собственное. Он видел себя пожинающим плоды своего труда и энергии, а также своих способностей без всякой угрозы, а тем более опасности. И он спросил:

— Вы думаете, это можно осуществить?

— В зависимости от кое-каких обстоятельств,— ответил старший военный советник юстиции, растягивая слова.

— И от чего же это зависит?

— Ну, — сказал Вирман осторожно,— я исхожу из того, естественно, что вы прекрасно понимаете, что моей основной задачей является исключительно служение справедливому делу.

— Конечно, это само собой разумеющаяся предпосылка,— охотно поддакнул Катер.

— Мой дорогой капитан Катер,— продолжал Вирман,— что нам необходимо, так это кое-какой материал. Достаточно только зацепки. Уже только одна возможность преступления достаточна для того, чтобы возбудить дело. Возбуждение же дела в большинстве случаев означает одновременное отстранение от службы. Я обращаю особое внимание на два пункта. Во-первых, та личность, о которой мы говорим, ни разу не высказывалась однозначно и одобрительно о нашем государственном порядке и о фюрере. Возникает вопрос: отмечались ли какие-либо замечания, действия, письменные высказывания и распоряжения, из которых видно было бы отрицательное отношение к существующему государственному порядку и нашему фюреру? Это имело бы довольно-таки весомое значение. Во-вторых, означенная личность проявляет явный интерес ко всему, что связано с лейтенантом Барковым, а также к нему лично. Почему? Что за этим скрывается? Может быть, это и есть исходный пункт? Подумайте-ка об этом, если вы заинтересованы в том, чтобы оставаться здесь еще долгое время в качестве командира административно-хозяйственной роты!

— За мной, друзья! — крикнул фенрих Вебер приглушенно.— Только не поддаваться усталости. Кто хочет стать офицером, должен находить выход из любого жизненного положения.

Фенрихи Меслер и Редниц передвигались скрытно по территории военной школы. Фенрих Эгон Вебер находился в десяти—пятнадцати шагах впереди. Все трое двигались в тени гаражей, избегая открытых мест, казарменных дорог и маршрутов часовых. Они направлялись в сторону комендатуры.

Согнувшись, они скользили как тени в ночи, как если бы об их подготовке заботился сам Карл Мей, а не вели-

когерманский вермахт. Карманы их сильно оттопыривались — в них находились бутылки. Один из них прятал в согнутой ладони горящую сигарету.

— Не так быстро, камераден,—сказал фенрих Редниц, даже не слишком-то понижая голос.— Мы не должны нестись сломя голову, к тому же следует и подкрепиться.

— Мы и так потеряли слишком много времени,— заметил Меслер озабоченно.— Нам не следовало обращать внимания на Хохбауэра. Совсем не обязательно докладывать ему, что мы собираемся делать! Ты же знаешь, что он против подобных экстравагантных мероприятий.

— С Хохбауэром нужно поддерживать хорошие отношения,— ответил Вебер примирительно.— Он наверняка будет еще у нас командиром учебного отделения. Еще немного — и он обведет капитана Ратсхельма вокруг пальца.

— Дружище,— заметил Меслер задумчиво,— если до этого дойдет, мы все окажемся в помойном ведре.

— Хохбауэр отличный товарищ,— настаивал Эгон Вебер, и он действительно думал так, как говорил.

— А ты, Вебер, ведешь себя как глупая шелудивая собака,— проговорил Редниц дружелюбно.— Рано или поздно и у тебя раскроются глаза. Поспорим?

Они находились возле кухни и, укрывшись в густой тени сарая для хранения инструментов, посматривали в сторону комендатуры. Луна в это время великодушно зашла за набежавшее облачко.

Фенрих Эгон Вебер откупорил бутылку и отпил из нее большой глоток. Затем он передал бутылку по кругу, как и заведено среди друзей. Редниц осуществлял наблюдение: не видно ли приближающегося врага — постового или офицера.

— Что будем делать, если нас застукают? — спросил фенрих Эгон Вебер.

— Прикинемся дурачками,— ответил Редниц.

— А что будем говорить?

— Все, что ни придет в голову,— только не правду.

Для Редница, казалось, не существовало ничего, над чем бы он не стал тут же шутить. Меслер же систематически изыскивал любую возможность, которая уготовила бы ему удовольствие, при этом он не был слишком разборчивым. А курсант Эгон Вебер принимал участие во всем, куда бы его ни приглашали,— от посещения церкви до похода в дом радостей и от тайной вечери до битвы на Заале. Для этого было достаточно только апеллировать

к его товариществу и физической силе. Тогда он мог ворочать скалы. Его все, без исключения, любили и уважали, и производство в офицеры ему было почти гарантировано.

— А если сейчас появится дежурный,— допытывался Эгон Вебер,— что тогда?

— Тогда,— сказал Редниц и взял в руки бутылку,— любой из нас бросится ему навстречу, чтобы принести себя в жертву. Я думаю, что им окажешься ты, Вебер. Поскольку ты, по-видимому, не позволишь лишить себя этой чести.

— Ну хорошо,— отозвался Эгон Вебер невозмутимо.— Предположим, что так оно и будет. Но ведь дежурный офицер захочет узнать, что я здесь делаю.

— А ты лунатик и ходишь во сне, Эгон,—что же еще?!

— С бутылкой в кармане?

— Вот как раз поэтому! — заверил его Редниц вполне серьезно.— Без бутылки ты выглядел бы вполне нормальным.

— К чему эта болтовня?! — вмешался Меслер настойчиво.— Чего мы еще ждем? Сейчас ничего другого, как вперед, к коровкам!

— Не так прытко,— предупреждающе заметил Редниц.— Если не продумаем всего досконально и не будем осторожны, то обязательно окажемся в луже. Я сейчас пойду в разведку и разузнаю обстановку.

— Ты просто-напросто хочешь выбрать себе кусочек получше,— проговорил недоверчиво Меслер.— По-моему, это не по-товарищески.

— А если кто-либо вздумает поступить не по-товарищески,— сказал Эгон Вебер, призовой борец и признанный забияка во всем учебном отделении «X», — для того я могу стать весьма неуютным.

Против такой силы убеждения Редниц был бессилен. Таким образом, оставалось лишь поступить так, как их учил на своих занятиях капитан Федерс: любое начатое дело необходимо строго проводить в жизнь, если только изменения обстановки стратегического порядка не потребуют нового планирования и других действий.

Однако об «изменениях стратегического порядка» пока не было и речи: не было видно ни одного офицера, часовые, по-видимому, дремали в укромных уголках. А в помещении комендатуры, там, внизу, в подвале, находились бедные милые скучающие девушки-связистки.

В казарме в послеобеденное время только и говорили о том, что произошло прошедшей ночью. Курсант Вебер узнал некоторые подробности от заведующего спортивным инвентарем. А тому в свою очередь об этом поведал повар — унтер-офицер, который являлся приятелем писаря отдела личного состава. А тот уже был близким другом самого потерпевшего унтер-офицера связи. Короче говоря: адрес точный, найти его было относительно нетрудно. Ведь девушкам следовало помочь!

— Итак, вперед! — сказал фенрих Редниц, как бы подавая сигнал к атаке.

Меслер и Эгон Вебер последовали за ним в предвкушении приключений. Они взяли бутылки за горлышко и помахивали ими, как ручными гранатами. Фенрихи, пригнувшись, пересекли рывком бетонированную главную дорогу казармы и исчезли в здании комендатуры, намереваясь взять штурмом помещение коммутатора и самих девушек.

Но когда они туда добрались, там находилась уже другая тройка.

Капитана Федерса, преподавателя тактики учебного отделения «X», окутывали густые облака табачного дыма.

Федерс сидел, думал, писал и устало курил. Он пытался сконцентрировать мысли на учебном плане на следующий день: перевозка по железной дороге пехотного батальона. Но он никак не мог сосредоточиться. И спать ему также не хотелось.

Ночь вокруг него, казалось, была наполнена звуками: как будто где-то летели самолеты или по ту сторону возвышенности непрерывно гремели проходящие мимо поезда. Но он знал, что ошибается.

Вокруг не было ничего, кроме поднимающегося вверх кольцами сигаретного дыма, голых стен его комнаты и деревянных досок пола, сквозь которые проникал холод. Ни один звук не доносился до его ушей — ничего из того, что окружало его: стонущее дыхание спящих под одеялами людей, глухие удары сердца, журчание воды, топочущие шаги постовых или возня лежащих в обнимку парочек. Обо всем этом он знал, но ничего не слышал.

Капитан Федерс, преподаватель тактики, одна из умнейших по общему признанию голов в военной школе,

находящий всегда удовольствие в том, чтобы приводить других в смятение, постоянно готовый к язвительным замечаниям, насмешник по призванию, отрицающий все из чистой любви к отрицанию, был хладнокровным и находчивым насмешником, только когда имел хотя бы одного слушателя. Когда же он был один, как сейчас, это был уставший человек с покрытым морщинами лицом и глазами, в которых отражалась беспомощность.

Он внимательно прислушался. Он хотел слышать только для того, чтобы знать, что он действительно слышит то, о чем говорило ему его сознание. Он затянулся сигаретой — это он слышал. Он выпустил изо рта дым — это он также слышал. А вот свою жену, которая спала в соседнем помещении и должна была неспокойно ворочаться во сне, откидывая одеяло, и тяжело дышать открытым ртом, он, как ни напрягался, не слышал.

«Все как будто вымерло, — сказал Федерс про себя.— Все, кажется, прекратило свое существование».

Марион, его жена, была так же обязана нести военную службу, как и другие женщины в казарме. Предыдущий начальник военной школы способствовал ее назначению в Вильдлинген-на-Майне, что само по себе можно было рассматривать как акт великодушия. Он позаботился даже о том, чтобы оба получили небольшую квартиру в доме для гостей, поскольку фрау Марион отлично умела понимать его.

Нынешний начальник, генерал-майор Модерзон, мирился с этим положением молча. То, что он будет санкционировать его и дальше, вряд ли можно было предполагать. Казалось, для Модерзона не существует никакой частной жизни, тем более в его военной школе. Собственно говоря, для Федерса это, может быть, было бы и лучше, особенно в этом вопросе. Но у него не хватало сил сказать это своей жене с надлежащей прямотой.

Он вновь попытался сосредоточиться. Он хотел услышать ее, чтобы еще раз убедиться — вновь и вновь,— насколько мучительно и бессмысленно все было. Но он ничего не услышал. Он поднялся, подошел к двери, ведущей в спальню, открыл ее и включил верхний свет.

Перед ним лежала Марион, его жена, с коротко подстриженными волосами цвета льна, загорелая, с полными плечами, с которых сползло одеяло, и вырисовывающимися под одеялом бедрами, немного потная ото сна, отчего она магически светилась при свете лампы.

— Ты будешь ложиться? — спросила она, приоткрыв глаза и моргая, и повернулась на спину.

— Нет, — ответил он.

— Почему ты не ложишься? — спросила она снова, с трудом открывая рот.

— Мне нужна одна книга, — ответил Федерс. И он взял с полки первую попавшуюся ему под руку книгу. Затем он резко повернулся, потушил свет и покинул комнату.

Сев снова за письменный стол, он некоторое время оставался неподвижным. Отложив в сторону книгу, он уставился на ярко светящую лампочку, плавающие под потолком облака дыма от двух десятков выкуренных им сигарет и темноту, которая окружала его, как бы прислушиваясь.

И в этот момент ему стало абсолютно ясно, что жизнь — во всяком случае его собственная — была дерьмом. И вряд ли стоила даже того, чтобы быть прерванной.

Луна скользила по небосклону.

Очертания казарм потерялись в бледной изморози ночи. Все контуры стерлись. Крыши зданий казались более прямыми. Улицы смешались с травяным покровом и превратились в одну серую массу. Казалось, стены ушли в землю — настолько плоским и однообразным выглядело все вокруг.

Тысяча людей находилась полностью в бессознательном состоянии. Едва ли нашелся хотя бы один, который сейчас забылся бы не полностью. Даже на часового напала тяжелая дремота.

Часовой вряд ли осознавал, что находилось вокруг него. Полнейшая пустота была единственным элементом его спокойствия. Совершенно вымерший мир был бы, пожалуй, самым удобным для охраны из всех миров.

Тянущееся бесконечно долго время отобрало у часового все: и его живые чувства, и осторожные мечтания, и слабо тлеющие возвышенные мысли, и сверлящие душу малодушие и уныние. Часовой представлял собой кусочек механической жизни со спящим мозгом.

На высотке над Вильдлингеном-на-Майне, на которой теперь стояла казарма, когда-то был виноградник. Еще

какие-то две сотни лет назад из этого особого сорта винограда готовилось вино, называвшееся «Вильдлинген гальгенберг». Это было терпкое, ароматное, крепкое вино, как говорили специалисты. Но затем наступили тяжелые времена, люди охотнее пили водку, нежели вино, чтобы быстрее и полнее достичь опьянения.

И вновь настало великое историческое время — как об этом писалось по обязанности, а то и по сознанию долга в журналах и вещалось по радио. Немецкий народ, утверждалось в них, вновь осознал свою великую историческую миссию.

Таким образом, в одно прекрасное утро 1934 года на этих холмах появились автомашины повышенной проходимости. Офицеры, инженеры и управленческие чиновники все осмотрели, кивнули головой и сказали свое решающее слово. Вильдлингену была оказана честь стать гарнизонным городом. Вильдлингенцы, готовые охотно служить, а еще больше желавшие заработать, были этим обстоятельством очень довольны.

Через два года на высотке уже стояла казарма. Через некоторое время там стал дислоцироваться пехотный батальон. И в Вильдлинген потекли деньги. У бравых горожан на глаза навернулись слезы при виде молодцеватых солдат. И цифра рождаемости в городе резко подскочила вверх.

Когда же началась война, на этом месте стал располагаться запасной пехотный батальон. Но изменилось немногое. Разве лишь то, что бравые горожане плакали теперь не от умиления. Но цифра рождаемости возросла еще больше. Зачатие и смерть оказались братьями.

На второй год войны в казармах над Вильдлингеном стала размещаться 5-я военная школа. Первым ее начальником был генерал-майор Риттер фон Трипплер, который затем был убит на Восточном фронте. Второй начальник — полковник Зенгер — пал жертвой расследования его злоупотреблений военным имуществом. Третий начальник — полковник барон фон Фритшлер и Гайерштайн — убран за неспособностью, что было доказано со всей очевидностью, и направлен на Балканский фронт, где получил самые высокие награды. Четвертым начальником был назначен генерал-майор Модерзон.

Теперь генерал-майор Модерзон спал, дыша спокойно и равномерно. Он лежал в своей постели, как в гробу,

в положении, которое можно было бы даже назвать картинным. Не было ни одного жизненного положения, в котором Модерзон не являл бы собой образца.

И Вирман, старший военный советник юстиции, тоже спал. Он лежал, зажатый актами, покрытыми пылью процессов, и дышал тяжело. Таким же тяжелым был и сон, в который впал Катер, командир административно-хозяйственной роты. Три бутылки красного вина освободили его от какого бы то ни было беспокойства.

Рядом с обер-лейтенантом Крафтом все еще находилась Эльфрида Радемахер. На их лицах можно было прочитать желание, чтобы эта ночь никогда не кончалась.

Капитан Ратсхельм улыбался во сне. Он видел сон, в котором стоял на лугу, покрытом цветами, рядом со своей крепкой и тем не менее элегантной женой, окруженной стайкой дорогих ему ребятишек-крепышей. И все они — его семья, ребятишки и другие люди — были фенрихами — фенрихами его потока, его фенрихами.

Но никто из его фенрихов не видел во сне капитана Ратсхельма, в том числе и Хохбауэр. Он почти никогда не видел снов. А если Хохбауэр предавался мечтам в бодрствующем состоянии, они принимали красную, золотую и коричневую окраску и вращались вокруг поднимающейся до небес славы, достоинства и значения, силы и могущества. Для достижения великой цели он готов был принести любую жертву, какую можно было только представить! Его любимый фюрер в тяжелую минуту взялся даже за кисть — на что-то подобное был готов и он, если бы ему не оставалось никакого выбора.

Фенрихи Меслер, Редниц и Вебер заснули чрезвычайно недовольными. Территория, к которой они так стремились, оказалась занятой, и их разочарование было очень большим. Но они не пали духом. Ведь курс их подготовки начался совсем недавно — говоря точнее, двадцать один день назад. В их распоряжении оставалось целых восемь недель, и они были полны решимости использовать их как следует.

Капитан Федерс все еще никак не мог уснуть. Он посмотрел на свои часы: стрелки ползли убийственно медленно. Он закрыл глаза, почувствовал желание охватить нечто дрожащими, покрытыми чернильными пятнами ладонями и увидел безнадежную пустоту. Все было мертвым. Да и сама жизнь — не более как переход от смерти к смерти. Все подвержено вымиранию.

И часовой, стоявший у ворот на посту, зевнул, широко раскрыв рот.

6

ПОДБОР ОФИЦЕРА-ВОСПИТАТЕЛЯ

— Мне приказано явиться в десять часов к господину генералу, — сказал обер-лейтенант Крафт девушке, вопросительно посмотревшей на него.

— В таком случае я вынуждена попросить вас дождаться своего времени, господин обер-лейтенант.

Крафт демонстративно посмотрел на часы: было без пяти минут десять. И он сказал об этом. Он даже показал на свои часы.

— Правильно, — дружелюбно и сдержанно ответила девушка. — Вы пришли раньше на пять минут.

Девушка, с которой он разговаривал, была Сибилла Бахнер. Она работала в приемной генерала вместе с его адъютантом, которому была подчинена. Но Бирингера, адъютанта, на месте не было; возможно, по заданию командира он пересчитывал порции солдатского хлеба. Сибилла Бахнер во всяком случае была настроена действовать точно в духе генерала — она не предложила ему сесть.

Крафт сел. И сел на стул адъютанта. Он положил ногу на ногу и стал рассматривать Сибиллу Бахнер с вызывающим интересом.

— Стало быть, вы,— промолвил Крафт, — являетесь, так сказать, правой рукой генерала, если можно так выразиться.

— Я работаю здесь машинисткой, господин обер-лейтенант, — иных задач и обязанностей у меня нет. Есть еще вопросы?

Сибилла Бахнер улыбнулась, улыбка ее была чуточку снисходительной. Казалось, она явно привыкла к тому, что ее пристально разглядывают и расспрашивают.

— Давно ли вы, собственно говоря,— полюбопытствовал Крафт, — работаете здесь, в этой конторе, фройляйн Бахнер?

— Раньше господина генерала,— ответила Сибилла и посмотрела на него со скупой чиновничьей приветливо-

стью. — Это, очевидно, как раз то, что вас интересует, господин обер-лейтенант. Господин генерал не привел меня, не назначил себе в помощники — он лишь перенял меня.

— Во всех отношениях?

— Без каких-либо служебных ограничений.

Сибилла Бахнер сказала об этом откровенно. При этом она поправила стопку бумаги на своем письменном столике, приставленном сбоку к столу адъютанта. Казалось, она собирается с головой уйти в работу. У Крафта была отличная возможность подробнее рассмотреть ее.

Эта Сибилла Бахнер среди женщин в казарме была на особом положении, как раз потому, что она работала в непосредственном окружении командира. Это обязывало держать язык за зубами. Собственная, изолированная комната должна была помочь ей хранить эту добродетель. Но эта комната находилась не в отдаленной части коридора штабного здания, где были комнаты для большинства женского персонала, а в так называемой гостинице. Недалеко от комнаты генерала.

Такое расположение наводило на размышления. Коснись кого другого, все было бы ясно. Но Модерзон был вне подозрений. Представить себе, что этот генерал мог иметь какую-либо человеческую слабость, могли лишь немногие. И то только потому, что Сибилла Бахнер, казалось, умела сделать любую слабость объяснимой. Ибо она в свои двадцать пять лет была красива яркой, почти чужеземной красотой; кожа цвета персика, темные, как ночь, большие глаза; шелковистые волосы платком обрамляли ее лицо — и на этом лице слегка выделялись скулы и чувственно-нежный рот.

Крафт перестал разглядывать Бахнер, тем более что она, казалось, действительно работает. Секретарши же, состоящие в интимных отношениях со своими начальниками, не имеют обыкновения чем-то заниматься. И он не заметил у нее ни одного жеста, не услышал от нее ни одного слова, которые бы означали, что она желает, чтобы с нею обходились как с доверенным лицом высокопоставленного шефа. Она была или очень порядочной, или очень хитрой. Но в любом случае она была для него не более как мимолетной знакомой, которая скоро будет забыта. Так как через несколько минут, в этом он не сомневался, его кратковременное пребывание в военном училище закончится.

— Десять часов, господин обер-лейтенант Крафт,— приветливо сказала Сибилла Бахнер. — Входите, пожалуйста.

— Так прямо и входить? — удивленно спросил Крафт, так как за это время Бахнер не выходила из приемной, не говорила по телефону; ее не вызывал начальник, ей не передавалось никаких сообщений — она только лишь посмотрела на часы.

— Десять часов,— сказала Сибилла Бахнер, и ее осторожная улыбка стала более заметной. — Господин генерал очень ценит пунктуальность и имеет обыкновение четко соблюдать свой распорядок дня. Пожалуйста, входите, господин обер-лейтенант. Без стука.

Сибилла Бахнер осталась одна в приемной генерала. Она посмотрела на стены, на которых висели учебные планы — больше ничего. Повсюду лежали папки, документы, уставы — на столе адъютанта, на ее столе, на полках, на подоконниках и даже на полу. Все вокруг нее было связано с работой.

Она выдвинула один из ящиков своего стола. Там лежало зеркало, и она посмотрела в него. То, что она увидела, придало ее задумчивому лицу выражение разочарованной грусти: она понемногу старела, проводя свою жизнь среди бумажной пыли и стука пишущей машинки — на задворках войны.

Заслышав шаги, Сибилла быстро задвинула ящик. Вошел адъютант. Лицо в зеркале исчезло. На его месте показалась какая-то связка папок.

— Ну, — спросил обер-лейтенант Берингер, адъютант, — этот Крафт уже у генерала?

Сибилла Бахнер кивнула:

— Только он пришел на пять минут раньше. И не похоже, чтобы он был особенно удручен. Наоборот, он был изрядно дерзок.

Эти слова были сами по себе комплиментом, так как приемную считали преддверием ада: тут собирались беспокойные, нервные, оцепеневшие от страха личности — по меньшей мере за десять минут до назначенного времени, чтобы при всех обстоятельствах быть пунктуальными. Крафт, стало быть, не относился к этому несамостоятельному большинству.

— Он дерзил, фройляйн Бахнер? Он вам нравится?

— Я считаю этого человека слишком упрямым.

— Это неплохое начало, — сказал Бирингер.

— Я вовсе и не думаю начинать что-либо подобное,— резко сказала Сибилла Бахнер.

— А почему, собственно, говоря, «не думаю»? — ласково ответил адъютант, давая девушке возможность хорошенько подумать над этим. — Вы знаете, как я вас высоко ценю, фройляйн Бахнер, а моя жена любит вас, как сестру. И поэтому мы тревожимся о вас. Вы работаете слишком много. Вы слишком часто пребываете в одиночестве. Может быть, было бы гораздо лучше, если бы вы позволили себе немножко развлечься, а?

Сибилла Бахнер открыто посмотрела на адъютанта. Гладкое, чуть бледное лицо Бирингера было очень невзрачным. Он немного походил на кандидата на должность преподавателя. И ни в коем случае не относился к тем, кого называют военной косточкой. Но он был человеком с шестым чувством на все, что касалось генерала. Он заменял генералу счетную машину и целую стопу блокнотов; он освобождал его от уймы пустой работы.

— Господин Бирингер,— сказала Сибилла Бахнер,— моя работа здесь целиком занимает меня. Я не желаю никаких развлечений.

Адъютант сделал вид, что углубился в документ.

— Ну да, — сказал он затем протяжно и осторожно,— это в принципе нас устраивает. Генерал тоже занят лишь своей работой и больше ничем. Он тоже не желает никаких развлечений.

— Пожалуйста, избавьте себя от подобных ненужных замечаний, господин Бирингер, — сказала Сибилла Бахнер возмущенно.

— Охотно, — сказал адъютант, — очень охотно, поскольку они действительно не нужны. Поверьте, фройляйн Бахнер, я знаю генерала уже длительное время, задолго до того, как вы узнали его. Вы должны поверить, что у него нет личной жизни и он не хочет ее иметь. И если вы умная девушка, то найдите себе своевременно кого-нибудь, кто отвлечет вас от возможных напрасных надежд — этого обер-лейтенанта Крафта, например. Разумеется, при условии, что мы сохраним в школе этого Крафта. Но это решает только генерал.

— Господин генерал, обер-лейтенант Крафт по вашему приказанию прибыл!

Генерал-майор Модерзон сидел за письменным столом,

стоявшим точно против входной двери. Расстояние между ними составляло семь метров; тут лежала примитивная, зеленая, сотканная из веревок дорожка. Перед столом стоял единственный стул с жестким сиденьем.

Генерал, не прерывая своей работы — он делал выписки из документа — и не взглянув на Крафта, сказал:

— Подойдите, пожалуйста, ближе, господин обер-лейтенант Крафт. Садитесь.

Крафт послушно сел. Он посчитал, что Модерзон с ним слишком церемонится. Он ожидал двух-трех вводных и в то же время заключительных слов — коротких, сильных, — на неподдельном жаргоне чистокровных военных.

Но на сей раз у генерала, по-видимому, было время. То, что он называл Крафта не только по имени и чину, но к тому же настойчиво говорил ему «господин», — все это не имело большого значения. Эти слова были связаны лишь «с соблюдением формы». И это была одна из тех условностей, соблюдению которой генерал придавал особое значение.

— Господин обер-лейтенант Крафт, — сказал Модерзон. При этом он впервые посмотрел открыто на своего посетителя — абсолютно бесстрастным, но испытующим взглядом специалиста, в высшей степени владеющего своей особой областью, — известно ли вам, почему вы были откомандированы в военное училище?

— Никак нет, господин генерал,— правдиво ответил обер-лейтенант.

— Не считаете ли вы, что вас в эту команду привели ваши способности?

— Не думаю, господин генерал.

— Вы не думаете? — протяжно спросил Модерзон. Такие слова он воспринимал неохотно. — Офицер не думает — он знает, он считает, он придерживается точки зрения. Так как же?

— Я считаю, господин генерал, что мои способности для этого прикомандирования не играли решающей роли.

— Что же в таком случае?

— Какой-то офицер из нашей части должен был быть откомандирован, и выбор пал на меня.

— Без причины?

— Причина мне неизвестна, господин генерал.

Обер-лейтенант Крафт чувствовал себя сейчас не совсем в своей тарелке. Он был готов к крепкой головомойке со стороны генерала, а не к допросу. Он попытался

отреагировать самым проверенным на опытных солдатах способом: он притворился глупым, отвечал по возможности кратко и не упускал случая согласиться для вида с мнением своего начальника.

Такой метод обычно сберегал время и нервы, но не у Модерзона.

Генерал пододвинул к себе один из листков, лежавших на письменном столе, и спросил:

— Знакомы ли вы, господин обер-лейтенант, с собственным личным делом?

— Нет, господин генерал, — правдиво ответил Крафт.

Модерзон слегка удивился. Но это удивление было едва уловимо. Лишь его рука, которая хотела снова отодвинуть листок, на секунду прервала свое движение.

Ибо генерал знал обычную практику. Личные дела хотя и были в принципе «секретными», но всегда имелись средства и пути заглянуть в них, стоило только проявить достаточно желания и хитрости. А этот Крафт был тертым калачом, генерал чувствовал это со всей определенностью. Итак, оставалось сделать вывод, что он вовсе не хотел заглядывать в свое личное дело, оно было ему безразлично. По всей вероятности, он знал по опыту, с какими случайностями связано накопление таких документов.

— Почему вы, на ваш взгляд, стали в этом военном училище офицером административно-хозяйственной роты, а не офицером у фенрихов?

Это был вопрос, который Крафт сам часто задавал себе. Он был переведен сюда якобы для того, чтобы воспитывать фенрихов, а приземлился без задержки у капитана Катера, среди торгашей и интендантов. Почему произошло так? Откуда ему было знать! Но случилось именно так!

— На этот набор, проходящий курс обучения, прибыло, вероятно, одним офицером больше, господин генерал. Стало быть, кого-то надо было направить в административно-хозяйственную роту, случайно им оказался я.

— Подобных случайностей в моей сфере деятельности не бывает, господин обер-лейтенант.

Собственно говоря, Крафт должен был знать это. Однако генерал вполне сознательно требовал прямых ответов. Поэтому старший лейтенант не медлил, а отвечал, как умел.

— Господин генерал, — сказал он, — меня, видимо, считают так называемым неудобным подчиненным. И это,

вероятно, недалеко от истины. Куда бы я ни пришел, от меня быстро избавляются. Понемногу я свыкаюсь с этим.

Эти слова не тронули генерала.

— Господин обер-лейтенант Крафт, — сказал он,— из записи в вашем личном деле я прихожу к заключению, что между вами и вашим бывшим командиром полка господином полковником Хольцапфелем были, видимо, разногласия. Объясните мне, пожалуйста, все это.

— Господин генерал,— почти весело ответил Крафт,— в свое время я донес, что господин полковник Хольцапфель расхищает казенные товары. Господин полковник имел привычку держать при себе свой собственный обоз и не только считал уместным утаивать от действующих частей их фронтовой рацион, он лишал их также боевых машин, чтобы перевозить свои ящики со спиртным и продуктами в тыл. Господин полковник был отдан под суд трибунала, ему сделали предупреждение и перевели в другое место, а его преемник откомандировал меня в военное училище.

— У вас, стало быть, не было никаких сомнений, господин обер-лейтенант Крафт, когда вы писали донос на начальника?

— Никак нет, господин генерал. Ибо мой донос был направлен не против начальника, а против жулика.

Генерал ничем не показал, что он думает об этом ответе.

— Вы закончили, — начал он без всякого перехода, — ваше расследование этого случая с мнимым изнасилованием позавчера ночью?

— Так точно, господин генерал.

— С каким результатом?

— Отчет с практическим материалом по делу об изнасиловании не соответствовал бы действительному положению вещей. Три девушки правдоподобно утверждают, что они сначала просто хотели пошутить. Они не могли предполагать, какие масштабы эта шутка примет. Кроме того, на так называемом месте преступления были найдены три пустые бутылки. Унтер-офицер Кротенкопф сознался, что по крайней мере одну выпил он сам — во время этого происшествия. Это обстоятельство убедительно исключает изнасилование. Все это дело можно урегулировать дисциплинарным путем.

— Все лица, причастные к этому случаю, будут переведены в другие части в двадцать четыре часа, — сказал генерал таким тоном, как будто он говорил о погоде. — Каждый из них в разные стороны; каждый не ближе трехсот километров от училища. Сообщите об этом капитану Катеру. Я ожидаю его с докладом об исполнении приказа завтра в полдень.

— Слушаюсь, господин генерал, — только и смог произнести обер-лейтенант.

— Далее, господин обер-лейтенант Крафт. В течение сегодняшнего дня вы передадите свои обязанности офицера административно-хозяйственной роты капитану Катеру и примете учебное отделение «Хайнрих». Я сам сегодня днем объявлю о назначении вас на должность офицера-воспитателя, он же офицер-инструктор. Завтра утром вы приступите к исполнению своих служебных обязанностей.

— Слушаюсь, господин генерал, — сказал обер-лейтенант, не скрывая своего удивления.

Генерал Модерзон снова опустил глаза, как с облегчением заметил Крафт. Генерал написал несколько слов на бумажке и отодвинул ее направо от себя. Затем он взял новую бумажку и стал покрывать ее записями. Крафт почувствовал себя здесь лишним. Кроме того, от пережитого страха он испытывал потребность выпить рюмочку коньяку. А капитан Катер с радостью даст ему целую бутылку. Ибо благодаря этому распоряжению, которое только что отдал генерал, командир административно-хозяйственной роты, кажется, пока что избежал грозящего ему смещения с должности. Однако обер-лейтенанту Крафту еще не было дано разрешение уйти.

Генерал закончил свои записи. Затем он просмотрел документ, который все это время лежал перед ним. Он развернул его почти торжественно. После этого он внимательно посмотрел на Крафта:

— Господин обер-лейтенант Крафт, вы знаете, что последним офицером-воспитателем в отделении «Хайнрих» был господин лейтенант Барков?

Крафт ответил на этот вопрос утвердительно.

— А вы знаете подробности, которые привели его к смерти?

— Никак нет, господин генерал.

Модерзон выпрямился и, сохраняя осанку, откинулся на спинку стула. Руки он положил на стол. Его пальцы

касались тонкой красной корочки документа, лежащего перед ним. Генерал сказал:

— Дело было так. Лейтенант Барков — это было двадцать шестого января, после четырнадцати часов — проводил со своим учебным отделением занятия по инженерному делу у пункта подслушивания. Нужно было взорвать пятикилограммовый заряд. Лейтенант Барков не смог до взрыва своевременно уйти в укрытие. Он был почти полностью разорван на куски.

— Я очень мало знал лейтенанта Баркова, господин генерал.

— Я знал его близко, — сказал генерал, и его голос прозвучал глухо.— Он был превосходным офицером, очень серьезно относился к делу и, несмотря на свою молодость, был очень осторожен. В инженерных приборах, в особенности во взрывчатых веществах, он разбирался очень хорошо. На Восточном фронте он проводил сложные взрывы мостов.

— Тогда, господин генерал, я не понимаю, как дело могло дойти до такого несчастного случая.

— А это и не был несчастный случай, — сказал генерал.— Это было убийство.

— Убийство, господин генерал?

Это слово не вязалось с официальностью помещения, оно не вязалось с лицом генерала, оно было здесь просто неуместным.

— Я хотел бы, чтобы мне не нужно было больше произносить это слово, — сказал генерал.— Вы второй человек, которому я говорю его. Другой человек, который знает от этом, — старший военный советник юстиции Вирман. Я затребовал его у инспектора военных училищ с тем, чтобы этот случай был расследован надлежащим образом.

— А господин старший военный советник юстиции Вирман присоединяется к вашему предположению, господин генерал? Он тоже считает, что это было убийство?

— Нет, — сказал генерал. — Но это ничего не меняет: это было действительно убийство. И ничто другое. Я это знаю от лейтенанта Баркова. Перед смертью он мне делал совершенно ясные намеки, которые я считал тогда невероятными. Однако все его подозрения подтвердились на деле. Ну ладно, вы ведь сами займетесь этим делом, господин обер-лейтенант Крафт. Я предоставлю в ваше распоряжение все касающиеся этого дела документы. Вы

получите доступ к документам военного трибунала. Вы получите возможность обсуждать со мной все подробности. И мне, вероятно, не нужно напоминать вам, что это должно оставаться в тайне.

— С какой целью вы информируете меня об этом, господин генерал?

— С тем, чтобы вы искали и нашли убийцу, — сказал Модерзон. — Он может быть только в учебном отделении «Хайнрих» — в вашем отделении, господин обер-лейтенант Крафт. И я надеюсь, что вы справитесь с этой задачей. Можете рассчитывать на мою поддержку. На сегодня все. Вы можете идти.

ВЫПИСКА ИЗ СУДЕБНОГО ПРОТОКОЛА № 11

БИОГРАФИЯ КАПИТАНА ЭРИХА ФЕДЕРСА, ИЛИ СМЫСЛ СЛУЧАЯ

Родился 17 июня 1915 года в Аалене, земля Вюртемберг. Отец, Константин Федерс, — евангелический священник. Мать — Ева-Мария Федерс, урожденная Кнотек. Я вырос в Аалене.

Первое, что я яснее всего помню — сложенные для молитвы руки. И еще голос, который, казалось, все время пел. И слова, которые произносил этот голос, были красивы и значительны. Это — мой отец: темное одеяние, белоснежное белье, почтенное, торжественное лицо. Терпкий запах табака, исходящий от него, вызывает у меня тошноту. По воскресеньям к нему примешивается запах сухого вина. Гортанный, довольный смех, когда он осматривает и ощупывает меня.

Вокруг меня звуки органа — сначала ликующие, затем гудящие, затем бушующие. Могущественная сила, обрушивающаяся на меня. Под конец глухой, резко шипящий свист, все подавляющий визг, хрипящее бряцание. Отец удерживает меня у самых воздушных клапанов органа. «Великолепно! — кричит он. — Разве это не великолепно?»

Я тоже ору, дико, безудержно и терпеливо.

«Жаль, — говорит разочарованно отец,— он совсем не музыкален».

Мать похожа на тень, очень нежная, очень безмолвная, всегда тихая — даже тогда, когда плачет. Но мать плачет только тогда, когда думает, что она одна. Но она редко бывает одна, в большинстве случаев я бываю с ней; за гардинами, в углу рядом со шкафом, под диваном. И тогда я выхожу и говорю: «Почему ты плачешь, мама?» И она отвечает: «Но я ведь совсем не плачу, мой мальчик».

Тогда я иду к отцу и спрашиваю: «Почему мама плачет?» И отец отвечает: «Но ведь она не плачет, сынок! Разве ты плачешь, мать?» «Ну что ты», — отвечает она. Я же говорю: «Почему у нас все лгут?»

За это отец наказывает меня, ибо я нарушил четвертую заповедь. Заповеди о том, что нельзя бить детей, не существует. Сын фабриканта Хернле все время хочет играть со мной дома, на фабрике ему этого не разрешают. У фабриканта Хернле прокатывают и режут жесть, и иногда отрезают пальцы и руки. В церкви подобное, конечно, исключено; кроме того, здесь никто не следит за нами, если, конечно, нет богослужения. Хернле же все время пытается забраться куда-нибудь повыше, лучше всего на колокольню, где висят колокола. Здесь он свешивает из оконного проема сначала одну ногу, потом другую, а затем высовывается весь до пояса.

«Делай, как я, — говорит он мне, — если ты не трус!» «Трус я или нет, я не знаю, я знаю только, что я не такой дурак»,— говорю я. И это правда. Хернле теряет равновесие и ломает себе все кости.

«Как это могло случиться? Почему ты не смотрел за ним?!» — восклицает отец. «А почему я должен был за ним смотреть? Я ведь не высовывался». «Боже мой, что за ребенка я произвел на свет?!»

Меня этот вопрос интересует тоже.

*С 1921 года я учился в начальной школе в Аалене,
с 1925 года в гимназии, где в 1934 году
с годичной задержкой сдал экзамен на аттестат
зрелости. За исключением этой годичной
задержки школьное время прошло без особых
отклонений.*

В состязаниях по прыжкам в высоту у церкви я достигаю двух метров тридцати сантиметров. Это рекордная высота для местных мальчишек, однако один мальчик

из Геппингена, который приехал к нам на летние каникулы, прыгнул на целых четыре сантиметра выше — правда, только после продолжительной тренировки.

Состязания в прыжках у церкви проходят на канатах во время колокольного звона. Мы натягиваем канат, а потом подпрыгиваем с его помощью в высоту. Кто сильнее всех натянет канат, тот достигает наибольшей высоты и одновременно производит самый торжественный звон. Кроме того, заключаются пари — и мои друзья почти всегда выигрывают. «Вы богохульники!» — ругает нас отец, когда узнает, почему мы так охотно и хорошо звоним в колокола.

Шнорр, учитель, бывает у нас дома. «Он очень образованный человек, — говорит мне отец, — и ты должен уважать его; кроме того, мы с ним друзья, и позднее, когда ты пойдешь в гимназию, он будет твоим учителем. Стало быть, уважай его и давай ему это понять!» Но я терпеть не могу Шнорра — он всегда задает такие вопросы, как: сколько будет двенадцатью восемнадцать, как пишется слово «инженер» и когда была битва в Тевтобургском лесу. И всякий раз он задает другие вопросы. Как только он появляется, я стараюсь исчезнуть.

Еще, пожалуй, хуже, чем Шнорр, одна девчонка из соседнего дома; ее зовут Марион Михальски. Эта Марион без конца злит меня. Она ни в чем мне не верит и даже сомневается в моем рекорде по прыжкам в высоту. Однако самым худшим является то, что эта Марион на три года моложе меня, то есть совсем еще ребенок. Но она все время пристает ко мне. У нее косички, как крысиные хвостики, она глупо смеется и все знает лучше других. Но у нее есть и преимущества: она дочь бургомистра, а тот может отдавать приказы даже полиции. А это иногда очень даже выгодно.

В гимназии Шнорр становится моим классным руководителем. И это очень скверно, так как я не могу теперь исчезнуть с уроков. А Шнорр спрашивает, спрашивает и спрашивает. И вскоре я не остаюсь у него в долгу с ответами — хотя некоторые из них, по мнению Шнорра, и неправильны. «Твой сынок,— говорит Шнорр моему отцу,— плохой ученик». Это очень огорчает отца, и поэтому он много пьет; Шнорр тоже огорчен и пьет еще больше, чем отец. Тогда глаза его стекленеют, речь становится невнятной, изо рта у него начинает течь слюна, и он съезжает со стула.

«Ему плохо,— говорит отец,— отвези его домой». И я сразу беру свои санки, так как на улице идет снег; мы укладываем на них Шнорра, и я отправляюсь в путь — в городской парк. Здесь я сваливаю его возле памятника воинам. Дальнейшую транспортировку, по моему телефонному звонку, производит полиция.

С этого дня Шнорр спрашивает меня гораздо меньше, чем прежде. Иногда он делает вид, что меня вообще нет в классе. Но долго он не выдерживает и интенсивно занимается моими письменными работами. Незадолго до перевода меня в девятый класс он находит семь ошибок, подчеркивает их красными чернилами и внизу пишет «неудовлетворительно». Этим он зарезал мой перевод в следующий класс. Я же достаю красные чернила и подчеркиваю еще две ошибки, и, конечно, там, где их нет. С этим я иду к Шнорру.

«Господин учитель, — говорю я, — здесь подчеркнуто девять ошибок, а я сделал только семь». Шнорр бормочет: «Это невозможно», пересчитывает еще раз ошибки, краснеет почти так же, как красные чернила, и говорит: «Действительно. Это моя ошибка. Извини». И затем он вычеркивает эти две ошибки. «Господин учитель, — говорю я,— если я за девять ошибок получил «неудовлетворительно», то теперь, поскольку выяснилось, что у меня семь ошибок, я должен получить более высокую оценку. Не так ли?» И я ее получаю и таким образом перехожу в следующий класс.

Церковь — наша крепость. Потому что я заказал ко всем замкам от ее дверей специально для себя ключи — за счет дьячка. Я поймал его однажды на краже вина, предназначенного для святого причастия. С этого дня он беспрекословно выполнял все мои приказы. И вот мы сидим на ковре и беседуем о боге, о вселенной, о жизни — особенно о последнем. Поэтому мы много пьем. До тех пор, пока эта кошка, эта Марион Михальски, не затесалась к нам. Что ей надо?

«Этот Лей — старая свинья»,— заявил я перед всем классом. Поэтому Шнорр не мог не услышать моих слов. Он вынужден доложить директору. Тот мчится к председателю школьного совета. Последний назначает комиссию и настаивает на моем исключении. Я же стою на своем: «Что этот Лей — старая свинья, ясно абсолютно всем».

«Ты только подумай, Федерс, ты ведь говоришь о рейхсляйтере!» — восклицает председатель. «Речь идет о ста-

рой свинье, — говорю я. — Ибо этот Лей мочился из машины, едущей мимо группы членов гитлерюгенда, и те вынуждены были разбежаться во все стороны, чтобы не намокнуть. Это я видел сам!»

«О таком не говорят, этому не должен верить немецкий мальчик»,— заявил председатель. В этом году меня не переведут в следующий класс, потому что я якобы слаб в истории.

Самое лучшее у Шнорра — несомненно, его жена. Она всегда улыбается, когда видит меня. И с каждым годом она улыбается все сердечнее. В последнем классе она особенно приветлива.

«Ты стал очень видным юношей, — говорит она мне, когда я приношу тетради на квартиру к Шнорру.— А ну-ка дай я проверю, есть ли у тебя мускулы». «Еще какие,— хвастаюсь я, — и повсюду». И она начинает проверять. Она не спешит, так как у Шнорра занятия в вечернюю смену. Ее голос становится хриплым, глаза расширяются. Она, кажется, теряет равновесие, я подхватываю ее и укладываю на кушетку.

«Останься со мной»,— просит она, что я охотно и делаю, так как она показывает мне все, что я хочу видеть, и учит меня тому, чего я еще не умею.

Потом она говорит: «О чем ты думаешь?»

«О письменных работах на выпускных экзаменах, — отвечаю я. — Ты не можешь узнать, какие будут темы?»

«Для тебя я сделаю все»,— говорит она. И сдерживает свое слово.

«Фу! — с возмущением говорит мне Марион Михальски. — Как ты можешь такое делать?! Да еще с ней! Фу, фу! Я не хочу тебя больше видеть! Никогда».

«Мне стыдно за тебя, — говорит отец. — Так дальше продолжаться не может. Ты должен наконец узнать, что есть воспитание и дисциплина. Ты пойдешь в армию».

*В 1935 году я пошел добровольно в армию
с желанием стать офицером. После двух лет
действительной службы я с отличием окончил
пехотное военное училище в Потсдаме
и в 1938 году был произведен в лейтенанты.*

Все очень просто: мои мускулы выносливы, мое сердце не знает усталости, мои легкие лучше любых кузнечных мехов. Я могу быстрее бегать, дальше прыгать,

дольше маршировать, чем большинство фенрихов. Я никогда не устаю.

Все очень легко, как только поймешь самую простую премудрость: глупость — это козырь и глупые являются мерилом. Самый последний ноль, рядовой Гузно, должен понять — все остальные должны равняться на него. Солдат даже во сне должен уметь вести самую меткую стрельбу или что там еще от него потребуется — тогда все в порядке. Ибо колонна движется всегда с такой скоростью, с какой едет ее самая медленная повозка. Армия всегда так же хороша, как ее самый глупый остолоп. Это надо уяснить, чтобы все терпеливо переносить. Этот масштаб нужно всегда иметь в виду, чтобы достичь компенсирующего чувства превосходства. Солдатчина ориентируется на низы — ее абсолютной вершиной служит самый средний уровень.

Этим практически можно достигнуть всего. Солдаты рядом со мной, напоминающие терпеливое стадо скота, являются самым подходящим материалом для боен войны. Унтер-офицеры надо мной, которые ревут, блеют, двигают, толкают, являются вожаками стада по склонности или призванию. Офицеры, в чью среду я вольюсь и которые организуют, планируют, надзирают — являются стрелочниками, инженерами и конструкторами сосредоточенной человеческой механической силы. Ах, друзья, кто все это знает, того уже ничем не удивишь!

Однако четко, наглядно и просто функционирует только вермахт — не жизнь. Она сложна, если даже и не всегда такой кажется. Полной загадкой для меня является Марион Михальски. Она сопровождает меня, даже когда я этого не хочу. Она мешает мне, где только может. «Чего тебе, собственно, от меня нужно?» — спрашиваю я ее. «Я хочу всего того, чего хочешь ты», — говорит Марион. И она говорит мне это в городском саду, где мы гуляем после кино. Над нами полная луна. Ее лицо передо мной во всех четко различимых деталях: глаза, уставившиеся на меня; слегка приоткрытый рот; все это обрамлено ее развевающимися волосами, ниспадающими ниже плеч. К этому примешивается аромат цветущих каштанов и потом все более усиливающийся запах кожи Марион — так как она подвигается ближе, наплывает на меня.

«Я хочу всего того, чего хочешь ты», — повторяет она. И я говорю: «Я хочу любить тебя здесь, в траве». «Ну и делай это, делай же это наконец!»

Все можно было бы делать без труда, играючи, одной левой рукой, если бы не было этой Марион. Вся служба представляет собой едва ли что-то большее, чем примитивное удовольствие. Подготовка в офицеры — почти смехотворная задачка для первоклассников. Мытарства на казарменном плацу, на местности, на полигонах — это все мелкая рыбешка для Федерса. Еще будучи унтер-офицером я знал больше, чем любой лейтенант. А девушки гарнизонов Штуттгарта, Тюбингена и Геппингена миловидны, изящны и непритязательны. Прямо-таки трогательно, как они стараются. «Покажи, что ты можешь», — говорю я. А потом они спрашивают: «Что с тобой? Кого ты хочешь забыть?» И я отвечаю: «Тот человек, кого я хотел забыть, уже забыт».

Но это неправда. Я не могу забыть. Как бы я ни старался — никто не может сравниться с Марион. Причем у Марион все очень просто. Ничего не бывает необычным или странным. Я прихожу — она здесь. Я хочу любить ее — она готова к этому.

Затем я лейтенант. Когда я приезжаю домой, Марион стоит на перроне. Она подходит ко мне, останавливается передо мной и смотрит на меня. «Марион,— говорю я,— ты хочешь выйти за меня замуж?» «Конечно же, ты идиот,— отвечает она, — этого я хотела всегда. Я хотела этого, когда еще была ребенком».

Весной 1939 года я женился на Марион Михальски. С началом войны я был назначен командиром роты и после похода на Францию стал обер-лейтенантом. После ранения в январе 1943 года я был произведен в капитаны и переведен в 5-ю военную школу. Награды: рыцарский крест и т. д.

Прибавляется опасность смерти, множатся трудности, увеличиваются неприятности — в остальном же во время войны изменяется немногое. Методы остаются. В этом и заключается ошибка. Ибо предшествующая война никогда не походит на последующую. Я гоню свою роту по мосту через Марну. Я собираю остатки еще двух рот, офицеры которых убиты. Я обороняю высоту по другую сторону реки. «Подразделение немедленно отвести назад!» — следует по радио приказ командира полка. «От-

вод тактически бессмыслен; кроме того, он возможен только с большими потерями», — передаю я в штаб. «Приказываю немедленно отвести подразделение, в противном случае трибунал», — передает генерал.

Я приказываю передать: «Помехи затрудняют прием. Я остаюсь там, где есть». На следующий день генерал негодует. Каждое третье слово: «военный трибунал». Через день мне вручают рыцарский крест. «Заслужить вы его не заслужили», — заявляет генерал. «Однако я его получил», — говорю я.

Отпуск с Марион, моей женой, проходит в сплошном упоении. Наша квартира — одна-единственная комната, и мы ее почти не покидаем. Мы лежим вместе до позднего утра, и задолго до наступления вечера мы опять в постели. Так мы проводим быстро пролетающие четырнадцать дней. «Я буду любить тебя всегда», — говорю я. А Марион отвечает: «Я буду всегда тебя чувствовать — как прекрасно, когда ты со мной!» «А когда я не с тобой, Марион?» — «Тогда я чувствую тебя все равно!»

Майор медицинской службы стоит перед моей кроватью и говорит: «Ну, господин капитан, как мы себя сегодня чувствуем?» «Что со мной случилось? — спрашиваю я. — Скажите мне совершенно откровенно — что со мной?» Майор медицинской службы произносит: «Во всяком случае вам повезло. Ваше ранение не опасно для жизни. Могло бы быть и хуже».

«Пожалуйста, никаких недомолвок, господин майор медицинской службы, я хочу знать правду». Наконец он заявляет: «Все очень просто. Через несколько недель у вас все будет более или менее в порядке — вы будете себя чувствовать как рыба в воде. За исключением одной мелочи, капитан Федерс. Однако утешьтесь, мой дорогой, это такая потеря, которая с возрастом становится все менее чувствительной».

7

ЖЕНА МАЙОРА ВОЗМУЩЕНА

— Рано или поздно здесь каждый начинает выть по-волчьи, обер-лейтенант Крафт, — из трусости ли, благоразумия или приспособленчества.

Это произносит капитан Федерс. Он вместе с новоиспеченным офицером-инструктором вышел из казармы. Они спустились с холма в направлении Вильдлингена.

— У меня абсолютно нет актерского дарования, господин капитан. Я не могу подражать волчьему вою.

— Вы еще научитесь этому, — с уверенностью заявил капитан Федерс.

Майор Фрей, начальник 2 курса школы, приглашал на «скромный ужин в узком кругу». По правде говоря, его ужины всегда были скромными, однако «узкому кругу» всегда придавалось большое значение. У Фрея была жена, а она стремилась поддерживать знакомства. Что под этим понимал каждый из них в отдельности, оставалось в большинстве случаев туманным.

— Она, вероятно, когда-нибудь прочитала в каком-либо романе что-то о светских обязанностях офицера, но при этом не заметила, что этот литературный шедевр относился ко временам кайзера,— заявил капитан Федерс.

— Я не нахожу в том ничего особенного, господин капитан. Кайзеровские времена до сих пор не вышли из моды. У нас на фронте был командир полка, который держал себя как король гуннов собственной персоной.

Этот обер-лейтенант Крафт начал интересовать капитана Федерса. От него исходила здоровая искренность. Но тотчас же напрашивался вопрос: как долго он продержится в этой школе. Уже сегодня вечером он будет подвергнут первому испытанию. Федерс был абсолютно уверен в этом. Он ведь знал супругу майора.

— Мой дорогой Крафт,— подшучивал капитан Федерс, — что там какое-то сражение в окружении по сравнению с тыловой интригой? Там просто гасят человеческую жизнь, как свечу, и все. Здесь же человека поджаривают на костре, пока из него не получится хорошее жаркое. И при этом еще произносятся приветливые и заботливые слова.

— И вы считаете, что эти остальные понятия должен терпеть каждый? Думаете, что никто не справится с ними?

— Я прошу вас, дорогой Крафт, постараться впредь не путать: здесь речь идет не об отсталости, а о традиции,— весело сказал капитан Федерс.

— А разве это иногда не одно и то же, господин капитан?

— Конечно же, мой дорогой, бывает и так. Традиция,

между прочим, является очень удобным оправданием умственной лени, надежным щитом для тех идиотов, которые маскируют свою несостоятельность ярко выраженной любовью к преданиям. Вы не должны недооценивать таких людей, прежде всего их численности. Бóльшая часть наших форм воспитания досталась нам от Старого Фрица; Клаузевиц считается современным автором, а Шлиффен—гениальным образцом стратега. И если до этого дойдет, то будет использоваться даже опыт последней войны, в которой мы якобы хотя и не были побеждены, но которую мы, бесспорно, проиграли. А что касается большинства принятых в обществе правил, то мы находимся на рубеже нынешнего века!

Они дружно шагали рядом. Позади них в бледном вечернем свете лежала казарма — широкая, тяжеловесная тень, господствующая на горизонте. По сравнению с ней дома города казались крохотными, как коралловые образования, прилепившиеся к скале. Невозможно было представить, что город существовал раньше казармы, что ему уже несколько столетий. Горы цемента портили панораму, а современные бетонные здания магазинов и жилых домов начали разрушать старое, достопочтенное лицо Вильдлингена-на-Майне.

— Скажите-ка, дорогой Крафт, вы хорошо владеете искусством целования руки? — поинтересовался капитан Федерс.

— Здесь что, военная школа или институт благородных девиц?— спросил Крафт.

— Вы ужасно наивны, мой дорогой. Вы, кажется, и не предполагаете, зачем, собственно, майор Фрей, начальник нашего курса, пригласил вас к себе?

— Наверняка не за тем, чтобы доставить мне радость. Возможно, он хотел просто выполнить свой общественный долг.

— Чепуха! — сказал Федерс. — Он хочет просто проверить вас.

— И вы полагаете, что для этого он хочет представить меня своей супруге.

— Совершенно верно. Они, ко всему прочему, хотят посмотреть, являетесь ли вы офицером, обладающим хорошими манерами. Ибо только такой офицер, по мнению майора, может быть воспитателем будущих офицеров. Последнее же слово остается за женой майора. И поэтому, мой дорогой, совершенство целования ручки является

не просто актом вежливости, а первым убедительным доказательством ваших светских способностей.

— Неплохая шутка, — осторожно сказал Крафт.

— Вы здесь познакомитесь еще с совсем другими шуточками — за это я ручаюсь. Целование же ручки, хотя оно официально и не является обязательным, у майора Фрея считается непременной обязанностью. В особенности тогда, когда речь идет о госпоже майорше, урожденной фон Бендлер-Требиц. Милостивая государыня протянет вам, стало быть, свою клешню, вы ее схватите, я имею в виду клешню, не особенно сильно сжимая. Затем вы наклонитесь над ней, Крафт. И ради бога и майора, не делайте ошибки, не тяните к себе властным жестом клешню госпожи. Это может быть расценено как попытка к изнасилованию. Итак, вы наклоняетесь — и держитесь на расстоянии по крайней мере одного метра от дамы, иначе вы столкнетесь головами! Не вытягивая губ и не облизывая их, вы только обозначаете поцелуй. Расстояние в два-три миллиметра считается самым правильным. Понятно, мой дорогой? Потренируйтесь сегодня вечером. Ибо рано или поздно вы должны будете обучать этому ваших курсантов на уроках хорошего тона — согласно учебному плану.

— Действительно, — сказал обер-лейтенант Крафт, — я опасаюсь, что мы с вами получим массу удовольствия.

— Я не перестаю восхищаться тобой, Фелицита, просто чудесно, как ты все умеешь организовать, — говорил майор Фрей своей жене.

Госпожа Фрей скромно потупилась:

— Не стоит об этом говорить.

Об этом действительно не стоило говорить. Стол был накрыт как всегда. И вино стояло как всегда. И все эти приготовления были делом рук не госпожи Фрей, а ее племянницы. Майор это знал.

Эта племянница была в доме майора Фрея за домашнюю работницу. Она была бедной родственницей и выглядела так же. Госпожа Фрей взяла ее к себе из милости, потому что девушка была прилежной, послушной и непритязательной. Госпожа Фрей не обязана была платить ей жалованье, но она пообещала ей найти мужа — кого-либо из офицеров, естественно.

— Что за человек этот обер-лейтенант Крафт? — поинтересовалась супруга майора.

Фрей, конечно, не знал ничего определенного. Однако это не помешало ему ответить:

— Середнячок. Возможно, немного выше середнячка. Но мы его приведем в норму. Рано или поздно у нас ведь все входили в колею.

— Он женат?

— Насколько мне известно — нет.

— Я присмотрюсь к нему, — заявила Фелицита.

Майор преданно кивнул. Он знал, что это означает. Она хочет присмотреться к Крафту для того, чтобы выяснить, годится ли он в мужья ее племяннице — Барбаре Бендлер-Требиц.

— Барбара! — повелительно крикнула Фелицита. Тотчас же появилась племянница — круглое, приветливое лицо с кроткими глазами и нежный, писклявый голосок.

— Слушаю, — вежливо сказала Барбара.

— Перед приходом господ офицеров сними этот фартук. Тебе следует обращать больше внимания на свою внешность, дитя мое. Надень белый фартук. И ходи поизящнее.

— Как вам будет угодно, — промолвила Барбара и исчезла.

Майор посмотрел ей вслед и слегка покачал головой. Конечно, он не хотел этим выразить порицание. Этого он не умел делать в отношении своей жены. К ней он всегда испытывал чувство благодарности и уважения. Она вышла из привилегированной семьи и имела большое поместье в Силезии, которым управлял один ее обедневший родственник, освобожденный от военной службы.

Поистине он обязан жене очень многим. Просто трогательной была ее забота о его военной карьере. Ни одна жена командира во всей округе не могла быть более преданной. А с какой любовью она обставила эту квартиру: Вильдлинген-на-Майне, Рыночная площадь (Марктплац), 7. Старый, красивый, построенный с большой фантазией дом, солидный, тяжеловесный и одновременно уютный и даже грациозный. Как будто специально построенный для Фелициты Фрей, урожденной Бендлер-Требиц.

— Наша Барбара,— позволил себе заметить майор,— довольно мила, но как-то странно замкнута, ты не находишь?

— Когда-нибудь она станет хорошей хозяйкой и матерью.

— Конечно, конечно, — поспешил согласиться майор,— однако ей следовало бы избрать в одежде более спортивный стиль — ведь у нее совсем неплохая фигура, даже наоборот.

— Арчибальд, — произнесла жена майора укоризненно, — ты, надеюсь, не осматриваешь у женщин их бедра?

— Конечно, намеренно я этого не делаю, — заверил майор.— Но ведь она весь день вертится здесь перед глазами. И кроме того, я точно так же, как и ты, думаю о ее будущем. И я считаю, капитан Ратсхельм был бы лучше, чем обер-лейтенант Крафт, если уж говорить откровенно.

— Время покажет, — заявила Фелицита Фрей. — Не ломай себе над этим голову. Это дело женское. Если этот Крафт окажется действительно светским человеком с хорошими манерами, почему бы нам не включить его в число избранников?

— Боюсь, что Крафт не особенно тонкий и чуткий человек, скорее он типа капитана Федерса.

— Это было бы очень плохо, — сказала майорша.— И если это действительно так, то ты не можешь допустить их в один учебный поток — одного в качестве преподавателя, другого — инструктором. Причем именно у капитана Федерса есть причины быть скромным и незаметным — если учитывать, какую жизнь ведет его жена. Ужасно, поистине ужасно. Такие люди не могут иметь отношения к военной школе. Об этом мы тоже должны при случае поговорить с тобой. Но не будем спешить. Сначала я хорошенько присмотрюсь к Крафту.

— Добро пожаловать в мою скромную обитель, — произнес майор Фрей. — Очень рад, что вы последовали моему приглашению. Входите, господа. Раздевайтесь. Устраивайтесь поудобнее.

Майор, одетый в простую гимнастерку, в которой он выглядел солидно и вместе с тем по-домашнему, поздоровался с Федерсом и Крафтом. Его рыцарский крест с дубовыми листьями сверкал даже при тусклом освещении в прихожей. Лицо его излучало благожелательность.

Оба офицера разделись. Крафт был представлен племяннице майора. Он пожал ее горячую, влажную руку и с приветливой улыбкой посмотрел в ее смущенное лицо.

Федерс произнес несколько подбадривающих слов, и смешная девица, хихикая, убежала.

— Капитан Ратсхельм прибыл только что перед вами, господа. Таким образом, собрались все. Проходите, пожалуйста. Моя жена, дорогой Крафт, жаждет познакомиться с вами.

— Это совпадает с его желанием, — заявил Федерс. И с радостью заметил, что майор слегка разозлился, а Крафт смутился. Вечер, кажется, обещал быть веселым.

Майор проводил обоих офицеров в салон. Там стоял капитан Ратсхельм с игриво-скромным выражением лица. И милостивая госпожа Фелицита Фрей, урожденная Бендлер-Требиц.

— За дело! — прошептал Федерс и выдвинул Крафта вперед.

Супруга господина майора приветствовала Крафта едва заметной улыбкой и слегка протянутой рукой. Исполненная ожидания, она стояла в декоративной, величественной позе под картиной, изображающей, возможно, одного из ее предков. Ее лицо напоминало овечье, особенно выделялся горбатый мясистый нос. В глазах застыла величественная усталость высокородного орла. Кожа была увядшей, но с помощью большого количества косметических средств шелковисто-матово блестела. И это касалось всех частей тела, не скрытых одеждой, также и рук.

И вот одну из этих рук, несмело протянутую, Крафт как раз и схватил. Он довольно бережно пожал эту руку и даже немного потряс. Он решил, что поклона вполне достаточно. В ее орлиных глазах появился ледяной блеск.

Однако обер-лейтенант Крафт произнес лишь:

— Добрый вечер, госпожа Фрей!

Федерс был восхищен. Великолепно! Первоклассно!

— Наш обер-лейтенант Крафт, — сказал майор, пытаясь быть в высшей степени светским человеком,— должен, вероятно, еще привыкнуть к нашему климату. Но это наверняка не составит для него труда при атмосфере, царящей на нашем курсе. Не правда ли, дорогой Ратсхельм?

— Так точно, господин майор, — как и следовало ожидать, немедленно заверил Ратсхельм. — Мы гордимся тем, что можем учить наших курсантов гораздо большему, чем основы военного ремесла. Мы стремимся к всестороннему воспитанию личности. Крафт это очень быстро поймет.

— Однако я хочу, — сказал майор дружески-снисходительно,— поприветствовать в наших рядах обер-лейтенанта Крафта — нашего соратника в великом и добром

деле под, так сказать, педагогическим лозунгом: «Готовность быть офицером превыше всего!»

— Что господа желают выпить?— спросила милостивая государыня. Она немного побледнела. Однако от ее величия ничего не убавилось. —Не угодно ли по рюмочке портвейна?

Капитан Ратсхельм с преданной благодарностью принял предложение. Капитан Федерс с воодушевлением объявил, что это предложение является чрезвычайно хорошей идеей милостивой госпожи Фрей. Крафт только кивнул головой.

А майор Фрей заметил:

— Настоящий немец недоверчив ко всему чужому, за исключением того, что можно выпить.

Капитан Ратсхельм от души рассмеялся: его начальник произнес шутку, причем шутку остроумную.

Ужин, как и было объявлено, оказался действительно скромный. Обер-лейтенант Крафт удостоился чести сидеть рядом с хозяйкой дома. Однако это не было для него удовольствием. Ибо в то время, как остальные мужчины без стеснения опустошали тарелки с колбасой и распределяли между собой имеющееся в наличии сливочное масло, обер-лейтенант Крафт был засыпан массой вопросов.

— Вы жёнаты, господин обер-лейтенант?

— Нет, госпожа Фрей.

— Судя по вашему возрасту, вы должны уже быть женатым. Ведь вам уже под тридцать, не так ли? Прочные супружеские узы повышают нравственную надежность мужчины, говорится у нас. И если уж офицер сам по себе должен быть примерным, то тот, кто воспитывает офицеров, и подавно. Вы помолвлены или обручены? Имеется ли у вас — я считаю это великолепным обычаем — фотокарточка вашей избранницы? Я бы хотела ее посмотреть.

— К сожалению, я вынужден разочаровать вас, госпожа Фрей, — уклончиво ответил Крафт. И он, не задумываясь, стал искать защиту от такого любопытства во лжи, по его мнению, во имя спасения. — Однажды я был почти помолвлен, и она была из очень хорошей семьи. Однако война жестоко разорвала наши узы.

Капитан Федерс поперхнулся. Капитан Ратсхельм посмотрел на него осуждающе. Майор же продолжал есть.

И поскольку жена за ним не следила, ему не нужно было выполнять ее диетические предписания.

— Стало быть, дама вашего сердца умерла? — констатировала госпожа майорша. Ибо она, очевидно, не могла себе представить другой причины расторжения уз, кроме смерти.

Обер-лейтенант Крафт давился куском черствого хлеба. Под ее испытующим взглядом он осмелился намазать его тоненьким слоем масла. При этом он с трудом кивнул головой. И этот кивок она восприняла как подтверждение ее предположений. Он был уверен, что она выразит ему свое соболезнование. Что она и сделала. И не только это. В конце концов она ведь была не просто женщиной, а женой командира, на жаргоне фенрихов «командиршей». Поэтому к своим высокопарным словам соболезнования она прибавила:

— Это, конечно, очень тяжело для вас, но вы не должны предаваться унынию, а тем более пытаться любыми средствами заглушить боль — что обычно свойственно людям низшего сорта и низших чинов. Но я, конечно, возьму и вас под свою опеку, пока вы будете в числе офицеров и сотрудников моего мужа.

— Чувствительно благодарен, госпожа Фрей, — с трудом промолвил обер-лейтенант Крафт.

— Каждую неделю я устраиваю дружескую встречу неженатых офицеров и незамужних девушек из высших кругов Вильдлингена. Разрешаю вам принимать в них участие, господин обер-лейтенант.

— Вы слишком добры ко мне, госпожа Фрей,— произнес потрясенный обер-лейтенант. Так непреклонно и полновластно им не командовала до сих пор ни одна женщина. Он с отвращением заглатывал так называемый десерт к холодному блюду, своего рода пирог-пудинг, с раздражением следя за капитаном Федерсом, который, по-видимому, от души веселился, слушая их диалог.

Выбирая удобную позу, Крафт немного пригнулся за столом и широко расставил ноги, подобно тому, как это делает японский борец, чтобы найти наиболее устойчивое положение, при этом он натолкнулся ступней на ножку стола. Вернее, он думал, что правой ногой задел ножку стола. Однако вскоре почувствовал тепло, затем податливость — и отпрянул. Это была не ножка стола, а нога милостивой государыни, до которой он дотронулся. Госпожа Фелицита не показала виду. Ее самообладание

было достойно уважения. Она только немного сморщила свой овечий нос, как будто почуяла скверный запах.

— Пардон, пардон, — смущенно сказал Крафт.

— Мне кажется, — величественно изрекла Фелицита Фрей, — что мужчины могут теперь покурить.

—

— Хороший солдат всегда на службе, — заявил майор. — И поэтому, господа, вас вряд ли удивит, что я хочу поговорить с вами немного о служебных делах.

— Нас это действительно не удивляет, — заверил Федерс.

Мужчины сидели хотя и в старых, но внушительных кожаных креслах, которые при каждом движении неприятно скрипели. Под ними ковер, густо расцвеченный розами, вокруг них — плющ, по стенам громоздкая темно-коричневая мебель, украшенная резьбой. Всему этому название — курительная комната. Майор для проформы подал офицерам шкатулку из розового дерева, наполненную сигарами. Ратсхельм и Федерс, которые знали эту игру, с благодарностью отказались и попросили разрешения закурить свои собственные сигареты. Только Крафт механически взял предложенную сигару. К тому же ему попалась одна из представительских сигар майора. Гостеприимная улыбка хозяина все же удержалась на лице Фрея, он только наморщил лоб. Но когда Крафт откусил кончик сигары и, не задумываясь выплюнул его на ковер — тут майор вздрогнул. Не из-за ковра — только пренебрежение Крафта к хорошему тону оскорбило его деликатную душу.

— Пардон,— сказал обер-лейтенант Крафт,— но я иногда забываю, что еще существует разница между салоном и окопом.

— У меня на фронте был командир, — сказал капитан Ратсхельм,— который имел обыкновение даже во время еды на передовой пользоваться белоснежной салфеткой. В любой обстановке он оставался культурным человеком.

— Когда ему придется умереть геройской смертью, вряд ли от него будет пахнуть одеколоном, — заявил Федерс.

— Господа,— произнес майор Фрей, — я считаю, что бывают вещи, которые не подлежат критике. Это бывает в том случае, когда эти вещи в некотором роде священны для нас.

И он ощупал свой рыцарский крест, чтобы убедиться, что он: а) еще на месте, б) правильно висит, то есть хорошо виден со всех сторон, и в) тем самым им все могут любоваться.

— Не будем никогда забывать, господа, что нравственная строгость—фундамент солдатской жизни, все время должна быть предметом наших забот. Ибо быть солдатом означает чувствовать себя солдатом. А офицер нашей чеканки является солдатом в совершенстве. Однако перейдем непосредственно к делу. В состав моего курса, мой дорогой Крафт, входят три учебных потока, в каждом по три учебных отделения; в каждом потоке имеется преподаватель тактики и офицер-инструктор. И я могу с уверенностью сказать, что мои офицеры относятся к числу самых замечательных офицеров всего вермахта. Вы вольетесь в их число, приняв завтра учебное отделение «Хайнрих». И я склонен утверждать, что это одно из лучших учебных отделений 6-го потока. Не так ли, господин Ратсхельм? Вы как начальник потока знаете это лучше всех.

— Так точно, господин майор. Я бы даже сказал — это самое лучшее учебное отделение за много лет. В нем несколько прекрасных фенрихов, на которых я возлагаю большие надежды. Вы согласны со мной как преподаватель тактики, Федерс?

— Вполне, — сказал капитан. — Учебное отделение «Хайнрих» состоит из стада глупых, заносчивых и коварных болванов. Они ленивы, прожорливы, любопытны и глупы, падки на баб и побрякушки. На моих занятиях они путают минометы с полевыми кухнями, пулеметы с маршевым рационом, санитаров с санитарными узлами. Они больше заботятся о жратве, чем о боеприпасах. И вера в бывшего ефрейтора кажется им важнее, чем обстоятельное знание обстановки.

Майор смущенно улыбнулся. Капитан Ратсхельм попытался сделать то же самое. Обер-лейтенант Крафт был удивлен: довольно беспечные аргументы капитана Федерса граничили с государственной изменой. Крафт с наслаждением посасывал сигару.

— Наш добрый капитан Федерс! — произнес майор и засмеялся. Однако тут же глаза его сузились, смех оборвался и голос стал более резким. — Он любит резкие формулировки и острое словцо — этим он славится у нас. Но мы все, близко знакомые с ним, знаем абсолютно

точно, что он действительно думает. Ему свойственна в некотором роде конструктивная ирония, которая была свойственна также Блюхеру и Врангелю. При этом у него достаточно такта, чтобы делать подобные высказывания в самом узком кругу — это своего рода доказательство доверия, которое он к нам питает. Его выдающиеся способности в преподавании тактики помогают нам быть снисходительными к нему. И если я правильно вас понял, капитан Федерс, то вы имеете в виду следующее: фенрихи отделения «Хайнрих», которым вы преподаете тактику, имеют как солдаты еще значительные недостатки и человеческие слабости. Им срочно необходима отличная тактическая подготовка, для чего и существует военная школа. Их вера в фюрера, к нашей радости, очевидна, что является хорошей предпосылкой для их офицерской карьеры, однако одной этой веры недостаточно. Не так ли, капитан Федерс, ведь вы это хотели выразить своим высказыванием?

— Так точно, господин майор, только это, — невозмутимо ответил Федерс.

Майор снова примирительно улыбнулся. Он готов был восхищаться собой. Он был не только военным, но и дипломатом — ему, возможно, предстояла большая карьера; его работа в военной школе была превосходным трамплином для этого.

— Итак, мой дорогой Крафт, как вы думаете обращаться со своими курсантами?

— Строго, но справедливо, — сказал Крафт. Другой глупости ему в данный момент в голову не пришло.

— Какие формы воспитания вы намереваетесь применять, Крафт?

— Те, которые здесь применяются и которые вы считаете правильными, господин майор.

Майор довольно кивнул головой; последняя часть ответа Крафта ему особенно понравилась. Парень умел приспосабливаться, по крайней мере казалось, что он готов к этому. А это было всегда хорошей предпосылкой для плодотворного сотрудничества. Однако то, что майор считал своим пытливым умом, не хотело соглашаться с ним. И он спросил:

— А какому методу отдаете предпочтение вы — умелому убеждению, наглядному примеру, действенной силе?

— Смотря по тому, что будет больше подходить в сложившейся ситуации, господин майор.

Майор снова кивнул. Он не был недоволен, но и особо счастлив от ответа Крафта он тоже не был. Парень был подозрительно ловок, его нельзя было так просто взять на мушку. Требовалась осторожность. Наличие капитана Федерса среди его офицеров было уже достаточной причиной для беспокойства. А двое таких умников в одном и том же учебном отделении — это уже было небезопасно.

Однако дальнейшие раздумья майора были прерваны, так как его жена, госпожа Филицита, сунула в комнату свой примечательный овечий нос, скупо улыбнулась и произнесла:

— Какая жалость, что господа уже вынуждены идти. Но ведь господам офицерам завтра предстоит тяжелый день.

— Арчибальд,— сказала госпожа майорша, — этот человек мне очень не нравится.

— Я тоже не в диком восторге, дорогая Фелицита, — с готовностью поддакнул Фрей. — Но, к сожалению, я не всегда могу выбирать себе сослуживцев. А этого мне просто навязали.

Майор подавил зевок и изобразил внимание. Как бы там ни было, он считался с ее советами. Следовать им ему не всегда удавалось. Но одно было ясно: Фелицита обладала ярко выраженным чутьем на пригодность или никчемность подчиненных. Это у нее было, можно сказать, врожденным, ибо многие из ее предков были генералами, владельцами рыцарских замков и государственными министрами.

— Этот человек, Арчибальд, не умеет себя вести. Он не может поцеловать руки, не умеет вести светский разговор; он неосторожно ест, просыпает пепел и ни разу не назвал меня милостивой государыней.

— Достойно сожаления, — заявил майор.

— Не думай, что я переоцениваю значение форм приличия, Арчибальд. Но ты ведь знаешь мой взгляд на это: человек большой внутренней культуры обладает также хорошими манерами. Возможно, Крафт и хорошо знает свое дело, но это иногда бывает и у некоторых плебеев. Настоящий же офицер должен обладать гораздо большим, чем простое знание своего дела. Короче говоря, Арчибальд, у меня в этом отношении большие опасения.

— У меня тоже, дорогая Фелицита. Но что же мне делать?

— Ты мог бы поговорить с генералом — еще не слишком поздно. Но уже завтра, когда этот человек вступит в должность, будет поздно.

Майор тяжело опустился в кресло, возле которого стоял телефон. Он был в смятении, он боролся с собой. Ему хотелось оградить себя от неприятностей и не разочаровать свою жену. Однако генерала не так-то легко переубедить: ему нужны веские доводы.

— Арчибальд, ты заметил, — с возмущением спросила его жена, — какие у него были глаза, когда он рассматривал меня?

— Он рассматривал тебя?

— Да, почти так, как рассматривают женщин с сомнительной репутацией. Мне было стыдно за него. У него взгляд козла, Арчибальд. Я считаю его бесстыдным и испорченным до глубины души.

— Ну что ты, дорогая Фелицита, — в замешательстве произнес майор,— он, вероятно, просто пытался немного пофлиртовать с тобой, тебе следует посмеяться над этим и расценить это как комплимент, неудачный, но все же комплимент. Он хотел, наверное, пококетничать с женой своего командира, чтобы таким неуклюжим манером понравиться тебе.

Майор внимательно посмотрел на свою жену, будучи уверенным, что он прав в своих предположениях. Ее достоинства, совершенно очевидно, носили духовный характер. И все же в его душу закралось слабое сомнение. Не каждый, говорил он себе, был человеком его формации, обладающим высоким чувством долга и моральной непогрешимостью. Он умел чувственные потребности заглушать жаждой деятельности. Однако, несомненно, имеются такие люди, даже среди его офицеров, которые склонны к заблуждениям. Он однажды читал о странной приверженности молодых людей к пожилым женщинам — а этот Крафт способен на всякое.

— Он смотрел на меня так, как будто хотел меня раздеть! — с деланным негодованием продолжала его жена.

Майор опечаленно покачал головой.

— Тебе это просто показалось, — робко предположил он.

— В таких вещах я никогда не ошибаюсь, — твердо заявила она. — И если тебе недостаточно того, что я уже

сказала, то я не утаю от тебя и последнее: этот человек пытался самым безнравственным образом приставать ко мне под столом.

— Непостижимо! — произнес майор. — Но может быть, это была несчастливая случайность?

— Слишком много случайностей! — зло воскликнула Фелицита.

Она подошла к двери, открыла ее и крикнула:

— Барбара!

Барбара, племянница-служанка, тотчас же явилась. Она надела замызганный фартук, так как ее рабочий день еще не кончился. Она смотрела через майора на Фелициту и ждала.

— Барбара, — требовательно произнесла Фелицита,— когда ты помогала господам офицерам одеваться, что там у вас произошло? Ты хихикала и визжала, как индюшка. Почему?

— Ах, нет, нет, ничего не было,— сказала Барбара и покраснела.

— Ага! — воскликнула госпожа Фелицита. — Возле тебя стоял обер-лейтенант Крафт. Он что, ущипнул тебя? Если да, то за что?

— Ничего не было, — подозрительно горячо заверила Барбара.— Абсолютно ничего.— И потупилась.

— Ну хорошо! — заявила Фелицита Фрей. — Ты можешь продолжать свою работу.

Барбара удалилась. И сделала это с облегчением. Майор задумчиво посмотрел ей вслед. У нее действительно соблазнительная фигура, подумал он. И этот подонок Крафт заметил это в первый же вечер.

— Ну? — с вызовом спросила Фелицита.— И ты не собираешься ничего предпринять? Завтра может быть уже поздно.

Майор Фрей хмуро кивнул. Потом он решительно снял телефонную трубку и связался с казармой. Когда коммутатор школы ответил, что произошло не сразу, он назвал свое имя и звание, затем откашлялся и потребовал связать его с генералом.

— Модерзон, — сразу же прозвучал ясный, спокойный голос.

— Я очень прошу извинить меня, господин генерал, что я так поздно...

— Никаких объяснений, — заявил генерал, — переходите к сути дела.

— Господин генерал, после долгих размышлений я принял решение просить господина генерала воздержаться от назначения обер-лейтенанта Крафта офицером-инструктором в мой курс.

— Не согласен,— произнес генерал и положил трубку.

— Что меня привлекает,— заявил капитан Ратсхельм, — так это благородная, изысканная обходительность, царящая в доме майора Фрея.

— А что привлекает меня, — сказал Федерс, — так это потрясающая близорукость, царящая в этом мире.

Они поднимались на холм по дороге к казарме. В середине шагал капитан Ратсхельм, справа от него капитан Федерс, слева — обер-лейтенант Крафт. Со стороны они являли собой картину, полную мира и согласия: воспитатели будущих офицеров, дружно шагая, весело переговариваются между собой.

Под подошвами скрипел снег. Ночь была ясной, и все вокруг казалось зачарованным: черные контуры деревьев, дома, казавшиеся игрушечными, небо, усеянное сверкающими звездами. «Немецкая зимняя ночь»,— подумал Ратсхельм. Затем он снова обратился к Федерсу и задушевно сказал:

— Вы недооцениваете всего этого, дорогой Федерс. Наш майор и его уважаемая супруга сохраняют нетленные ценности. Они сохраняют то, что должно быть сохранено, — домашний очаг, достоинство, гармонию между людьми.

— Плоскую болтовню, сладковатые разглагольствования и досужую навязчивость! — продолжил Федерс. — Короче говоря, эти люди не в своем уме — и они не одиноки.

— Я прошу вас, Федерс, вы ведь говорите о своем майоре, — упрекнул его капитан Ратсхельм.

— Я говорю о состоянии, — продолжал Федерс,— которое называю близорукостью, — это широко распространенная эпидемия. Каждый видит лишь настолько, насколько позволяет ему его горизонт. А он очень узок.

— Дорогой Федерс, мы должны стараться прожить свою жизнь преданно, скромно и самоотверженно, — умиротворяюще проговорил Ратсхельм.

— Чепуха! — оборвал его Федерс. — Мы должны смотреть на мир открытыми глазами и видеть его таким,

какой он на самом деле, вместе с грязью, кровью и гноем! Видеть дальше своего горизонта — вот в чем дело. Там, за высотой 201, находится Берлин — и почти каждую ночь там умирает несколько тысяч людей. Их разносит на куски, они сгорают, задыхаются, истекают кровью. И за несколько сот километров проходит Восточный фронт. В то время как мы расцеловываем ручки и вежливо улыбаемся, там подыхают тысячи людей, раздавленные гусеницами танков, испепеленные огнеметами, — а мы любуемся собой, своей изысканной воспитанностью.

— Вы ожесточены, капитан Федерс, — произнес Ратсхельм,— и я вас хорошо понимаю.

— Если вы сейчас еще начнете намекать на мою честь, то я скажу вам все, что я о вас думаю.

— Да у меня и в мыслях не было этого, — поспешил заверить его Ратсхельм. — Я просто намеревался высказать свою точку зрения. Но иногда бывает действительно очень трудно иметь с вами дело.

— Жаль, что только иногда, — сказал Федерс. — Я ведь всего-навсего слабый, усталый человек, которому все опротивело. А самое главное — я не Крафт: наш друг даже на ходу может спать. Или вы, может быть, натура глубоко мыслящая.

— Глубокомыслие меня особенно не волнует,— сказал обер-лейтенант, — я в общем-то сужу больше по мелким признакам. Помните? Эта девица, Барбара, смеялась!

— Точно! — повеселел вдруг Федерс.— А я чуть было не забыл! Малютка ликовала, как неповоротливая кухарка, которую ущипнули за задницу.

— Не понимаю, — огорошенно сказал Ратсхельм, — если я не ошибаюсь, то господа ведут речь о фройляйн Барбаре Бендлер-Требиц, племяннице госпожи Фрей. Она смеялась, ну и что же, что здесь такого?

— Важно, почему она смеялась, — объяснил Федерс.— Она смеялась потому, что наш друг Крафт действительно ущипнул ее за задницу.

Ратсхельм с ужасом вымолвил:

— Как вы могли такое сделать, господин обер-лейтенант Крафт? Я считаю ваши действия в этом доме исключительно вульгарными!

— Конечно,— промолвил Крафт, — пожалуй, вы правы. Но малютка была рада этому! В этом доме. А это показательно. Вы не находите?

«Не согласен»,— сказал генерал. Больше ни одного слова...

Майор Фрей, герой многих битв, светский человек, почувствовал себя погибшим. Отказ генерала в такой резкой форме мог повлечь за собой совершенно немыслимые последствия. Генерал всегда казался недосягаемым, но таким резким и сдержанным Фрей его еще не знал.

— Боюсь, что я только что совершил непоправимую ошибку. И виноват в этом обер-лейтенант Крафт,— глухо произнес майор.

— Я чувствовала,— с триумфом сказала его жена,— что этот человек не приносит людям добра.

— Возможно, что ты и права, — с беспокойством возразил майор, — но было бы лучше, если бы ты не вмешивалась в это!

И он стал мысленно искать выход.

— Но ты же знаешь, из каких побуждений я это делаю, — удивилась она,— и до сих пор ты всегда соглашался со мной.

— Возможно, это было ошибкой,— глухо промолвил майор. Он все еще мучительно, до боли в голове, пытался найти выход, но быстро понял, что это бессмысленно. Он избегал смотреть на жену, которая так разочаровала его на этот раз.

Его взгляд беспокойно скользил по ковру с розами. Он был недостаточно внимателен к жене. Он должен был лучше знать особенности ее характера. Она была слишком чувствительна относительно некоторых вещей. Часами она могла говорить о болезнях, ранениях и смерти, но иногда одно-единственное прикосновение почти лишало ее рассудка.

При этом она была благородна, очень благородна — майор был убежден в этом. В том деликатном вопросе она любила нежность, романтичность, рыцарскую преданность, нежную музыку, услужливое ожидание пажей. Мимоза! Но достойная уважения, необычайного уважения. Ей не хватает, и основательно, правда, чувства реальности. Черт подери! Офицеры ведь не миннезингеры, не говоря уж о Крафте, из-за которого он сел в лужу.

— Фелицита, мне кажется, тебе не следует слишком уж усердствовать в роли бедной, добродетельной овечки — особенно когда ты сталкиваешься с жестокой действительностью. Бог мой, да пойми ты наконец: военная школа — это ведь не теплица для нежных сердец.

Фелицита посмотрела на своего мужа, как на батрака, который вторгнулся в ее покои. Она величественно подняла свой овечий нос и заявила:

— Это не тот тон, которым следует со мной говорить, Арчибальд.

— Ах, оставь! — возразил он; Фрей еще находился в шоковом состоянии, в которое привел его своими словами Модерзон. — Если бы ты не влезла со своим дурацким сексуальным комплексом, мне бы не пришлось выслушивать этот резкий отказ генерала.

— Мне жаль тебя, — сказала она, — и мне очень прискорбно, что ты стараешься свалить на меня свою несостоятельность.

Овечий нос поднялся еще выше, стал еще более величественным, описал поворот на 180 градусов и был вынесен из комнаты. Убедительная картина гордого негодования. Дверь захлопнулась, и майор остался один.

«Этот обер-лейтенант Крафт,— подумал майор с раздражением, — не только ставит под угрозу мою семью, из-за него у меня могут быть теперь неприятности с генералом. К черту этого Крафта!»

8

ФЕНРИХИ ЗАБЛУЖДАЮТСЯ

— Достать ручные гранаты — новенький идет! — резко крикнул один из фенрихов. — Точите штыки и самописки, ибо на карту поставлено все! Идиоты и самоубийцы — на фронт, солдаты — в укрытия!

Кричавший оглядел всех, ожидая одобрения. Однако никто не смеялся. На остряков в данный момент спроса не было. Новый офицер-воспитатель мог стать новой главой на курсах — возможно, даже абсолютно новым началом. Это наводило на размышления.

Фенрихи учебного отделения «Хайнрих» поодиночке и небольшими группами входили в классную комнату № 13. Они садились на свои места, открывали портфели и раскладывали перед собой блокноты для записей. Все это делалось механически, уверенными движениями, как навертывание болта на какой-либо фабрике, как поворот рычага после сигнала к началу работы.

До сих пор все было точно регламентировано: подъем, утренняя зарядка, умывание, завтрак, уборка помещений, приход на занятия. А вот начались осложнения; могло случиться непредвиденное, возможно, могло произойти невозможное — каждый неверный ответ мог привести к плохой оценке, каждое неверное движение — к отрицательному замечанию.

— Внимание! — закричал фенрих Крамер, назначенный командиром учебного отделения.— Нового зовут Крафт, обер-лейтенант Крафт! — Он узнал его имя от писаря начальника потока. — Его кто-нибудь знает?

Никто из курсантов его не знал. Они потратили больше чем достаточно времени, чтобы познакомиться с прежним офицером-инструктором, преподавателем тактики, начальником потока, начальником курса, то есть со всеми теми, кто имел решающее слово при их производстве в офицеры. Остальные их не интересовали.

— Не позднее чем через час, — заявил с чувством превосходства фенрих Хохбауэр, — мы будем точно знать, как нам себя вести. До тех же пор я советую быть крайне сдержанными. И чтобы никто не поспешил подлизаться к новому.

Это был не только совет, это было предупреждение. Курсанты из окружения Хохбауэра закивали головой. Требование это было весьма обоснованным: не рекомендуется встречать начальника с наивной доверчивостью, если этот начальник имеет своей задачей подвергнуть вас строгой, многонедельной, интенсивной проверке.

Фенрихи учебного отделения «Хайнрих» в это утро были необычно смирными. Они беспокойно ерзали на своих местах и с опаской поглядывали в сторону доски, возле которой стоял стол ведущего урок офицера.

За средним столом переднего ряда сидел фенрих Хохбауэр. Рядом с ним было место командира учебного отделения из числа обучающихся. Оба тихо перешептывались. Хохбауэр давал Крамеру советы, Крамер одобрительно кивал.

Курсанты Редниц и Меслер сидели, конечно, в самом заднем ряду и вели себя спокойнее остальных: они пока что не внесли почти никакого вклада в жизнь учебного потока, ни душой, ни телом, — стало быть, и терять им было нечего.

— Почему мы, собственно говоря, так волнуемся, детки?— весело спросил Редниц. — Ведь вполне может быть,

что новый офицер окажется исключительно свойским парнем. Вполне возможно, что он в какой-то степени ограничен или обладает доброй толикой тупости. В конце концов, он ведь офицер — а от них можно ожидать всего, чего угодно.

— Поживем — увидим, — внушительно изрек Хохбауэр. — Поспешные выводы в данном случае противопоказаны, не так ли, Крамер?

— Абсолютно противопоказаны, — согласился с ним командир отделения.

— А что, — поинтересовался Меслер,— если новый будет того же калибра, что и лейтенант Барков?

— Тогда мы вынуждены будем снова положиться на бога, на нашего фенриха Хохбауэра и на эффективность быстрогорящего бикфордова шнура, — заявил Редниц.

Хохбауэр поднялся с места и выпрямился. Курсанты в передних рядах раздвинулись и посторонились в ожидании. Наступила гнетущая тишина. Были слышны только тяжелые шаги.

Хохбауэр шел по проходу между столами к задним рядам. Крамер следовал за ним. К нему присоединились еще два фенриха — Амфортас и Андреас, образуя как бы прикрытие с тыла. Атмосфера в плохо отапливаемом помещении накалялась.

— Что это за представления с раннего утра?! — воскликнул Меслер, высматривая путь к отступлению.

Редниц тоже встал. Он немного побледнел, но выглядел все же бодро. Он подождал, пока Хохбауэр подойдет к нему. Затем с заметным трудом улыбнулся еще приветливее. Он не был робким: слишком хорошо познакомился на фронте с бессмысленными случайностями, чтобы испугаться какого-то воинственного мальчишки. И хотя они были с Хохбауэром почти ровесниками, он чувствовал себя в сравнении с ним стариком.

— Редниц, — с явной угрозой произнес Хохбауэр,— мне не нравятся твои подлые намеки.

— А ты не слушай их!

— Они задевают мою честь, — сказал Хохбауэр.

— Велика беда! — ответил Редниц.

Курсант Редниц посмотрел вокруг, увидел плоские, серые лица своих товарищей и не заметил в них ничего, что бы говорило в его пользу. Но с благодарностью ощутил на своей руке руку Меслера. Он также увидел, что похожий на бульдога курсант Эгон Вебер занимает по-

ложение, удобное для драки, в которую он ввяжется не ради дружбы, а ради удовольствия. Однако конечный эффект был тот же самый.

— Ты сейчас же извинишься перед Хохбауэром,— потребовал Крамер от Редница.

Амфортас и Андреас энергично поддержали его.

— В этой ситуации шуткам не место.

— В этом вопросе наши мнения случайно совпадают,— согласился с ними Редниц. — Стало быть, осталось только втолковать это Хохбауэру.

Фенрихи смотрели на спорящих со все возрастающим беспокойством. Они чувствовали, что это может повести к лишним осложнениям. Положение в потоке и без того было сложным; им никак не нужны были распри в их собственных рядах — это было опасно и отнимало много времени.

Большинство фенрихов уважали Крамера как командира отделения. Он, унтер-офицер с большим стажем, был достаточно опытен и не был пройдохой, верховодящим с помощью интриг. Он был довольно порядочен и честно ишачил. Лучшего командира они вряд ли могли бы найти.

Но фенрихи терпели также и Хохбауэра в качестве заместителя командира отделения, так как быстро поняли, что он относится к числу самых честолюбивых молодых людей во всей стране. Его ничем нельзя было остановить или угомонить, кроме как уступить ему. И то, что Хохбауэр был хорошим спортсменом и суперидеалистом, было дополнительной причиной того, почему фенрихи уступали ему дорогу.

Таковы были в принципе соображения обучающихся. Они приветствовали самый удобный путь, а неизбежный воспринимали как должное. Поэтому вызывающее поведение Редница и Меслера казалось им безответственным. Простой инстинкт самосохранения не давал им следовать за этими аутсайдерами.

— Я жду, — сказал Хохбауэр и посмотрел на Редница как на насекомое.

— Пожалуйста, можешь ждать, пока не пустишь корней,— ответил Редниц.

— Даю тебе пять секунд,— продолжал Хохбауэр.— Затем мое терпение лопнет.

— Будь благоразумен, Редниц, — умолял его Кра-

мер. — Мы ведь товарищи и тянем здесь одну лямку. Извинись — и дело с концом.

— Посторонись, Крамер! — решительно произнес Хохбауэр. — С такими людьми нужно говорить по-немецки.

Крамер продолжал увещевать. Хохбауэр протиснулся вперед. Его лейб-гвардия — Амфортас и Андреас последовали за ним. И вдруг все застыли на месте и прислушались.

— Идет! — крикнул кто-то хриплым от волнения голосом.

Это был фенрих Бемке. Склонный к поэзии и поэтому очень пригодный для выполнения всяких особо каверзных поручений юноша. На этот раз его назначили дозорным.

— Идет! — провозгласил он еще раз.

— Внимание! — с облегчением крикнул Крамер. — Все по местам, друзья!

В классную комнату вошел капитан Ратсхельм. За ним следовал обер-лейтенант Крафт. Фенрих Крамер доложил:

— Учебное отделение «Хайнрих» в количестве сорока человек полностью присутствует на занятиях!

— Благодарю! — сказал Ратсхельм. — Вольно!

— Вольно! — крикнул Крамер.

Фенрихи отставили левую ногу и ждали. Каждому было ясно, что капитан Ратсхельм только что подал неуставную команду. Но он мог себе это позволить: он не был фенрихом.

— Прикажите садиться, — исправил свою ошибку Ратсхельм.

— Садись! — крикнул Крамер.

Фенрихи сели. Они сидели прямо, положив кисти рук на край стола — как и положено в присутствии офицера. Осторожно стали рассматривать обер-лейтенанта Крафта. При этом они ни на минуту не забывали делать вид, что все их внимание обращено на капитана Ратсхельма, как старшего по званию.

Капитан Ратсхельм с воодушевлением произнес:

— Господа, мне выпала честь представить вам вашего нового офицера-воспитателя господина обер-лейтенанта Крафта. Я уверен, что вы будете относиться к нему с уважением и доверием.

Ратсхельм с вызывающим оптимизмом обвел всех глазами и заключил: — Господин обер-лейтенант Крафт, я передаю вам ваше учебное отделение и желаю вам больших успехов.

Фенрихи со смешанным чувством следили за церемониалом, происходящим у них на глазах: краткое рукопожатие офицеров, сияющий взгляд Ратсхельма, скупая улыбка Крафта. Затем Ратсхельм удалился, оставив отделение наедине с новым офицером-воспитателем.

Фенрихи не смогли с ходу составить о нем четкого представления. Он казался немного неуклюжим, лицо его было серьезным, взгляд, казалось, равнодушно скользил мимо них. Ничего примечательного. Однако как раз это усиливало чувство неуверенности: они не могли разобраться, что их ожидает. Им казалось, что теперь все возможно, и, конечно, самое худшее.

Глаза обер-лейтенанта видели сорок обращенных к нему лиц — бесформенных, бесцветных, однообразных. Рассмотреть их подробно он в данный момент не мог. Ему показалось, что в заднем ряду на него смотрят чьи-то приветливые глаза, однако при попытке рассмотреть получше он их не обнаружил. Напротив, он увидел выжидающее равнодушие, настороженную сдержанность и осторожное недоверие.

— Итак, господа, — произнес обер-лейтенант, — давайте познакомимся. Я — ваш новый офицер-воспитатель обер-лейтенант Крафт, 1916 года рождения, место рождения — город Штеттин. Мой отец был почтовым служащим. Я работал в одном имении полевым инспектором и главным кассиром. Затем был призван в армию. Это все. Теперь ваша очередь. Начнем с командира учебного отделения.

Недоверие фенрихов возросло. Они почувствовали себя жертвами. Они думали, что новый офицер сразу приступит к занятиям. В этом случае обер-лейтенант был бы обучающим, и они смогли бы спокойно присмотреться к нему.

Вместо этого обер-лейтенант Крафт потребовал сольных выступлений, и цель у них могла быть только одна: как можно лучше присмотреться к каждому из них в отдельности. А что они узнают после этого о своем новом офицере-инструкторе? Ничего. О том, что он из их ответов тоже не очень много узнает о них, они не думали.

Между тем поднялся командир учебного отделения и доложил кратко хрипловатым, немного лающим голосом, привыкшим подавать команды:

— Крамер, Отто, фенрих. Родился в 1920 году в Нюрн-

берге. Отец — механик на фотозаводе. Унтер-офицер-сверхсрочник.

— Какие-нибудь особые интересы? Особые таланты? Хобби?

— Никаких, господин обер-лейтенант, — скромно заявил Крамер и, довольный, сел на место. Он был солдатом, и ничего больше, и счел важным сообщить об этом. Он был уверен, что все сделал хорошо. Он, кстати, всегда был уверен в этом, пока кто-нибудь из начальства не заявлял обратного. Но такое с ним случалось редко.

Крафт перевел взгляд с грубого лица Крамера на его соседа. Он увидел юношу с привлекательными, ясными и, можно сказать, благородными чертами лица.

— Пожалуйста, следующий, — сказал он ободряюще.

Хохбауэр встал во весь свой внушительный рост и сказал:

— Фенрих Хохбауэр, господин обер-лейтенант, по имени Хайнц. Родился в 1923 году в Розенхайме. Отец — комендант крепости в Пронтаузене, кавалер орденов: Pour le mérite и Blutorden. После окончания школы я добровольно пошел на фронт. Особые интересы: история и философия.

Хохбауэр сказал об этом как о само собой разумеющемся, без важничания, почти небрежно. Но при этом он следил за обер-лейтенантом. Ему очень хотелось узнать, какое впечатление произвели его слова. И ему показалось, что они произвели впечатление. Взгляд обер-лейтенанта прямо-таки мечтательно покоился на Хохбауэре.

— Прошу следующего, — произнес Крафт.

— Фенрих Вебер Эгон, родился в 1922 году. Мой отец был пекарем в Вердау, там, где я родился, но его уже нет в живых: он умер от разрыва сердца в 1933 году, прямо во время работы, его как раз выбрали главой союза ремесленников нашего района; член партии с 1927 или 1926 года. Я тоже по профессии пекарь, у нас несколько филиалов. Мое любимое занятие — мотоспорт.

Цифры, имена, даты, названия населенных пунктов, профессий, указания, объяснения, утверждения, политические, человеческие, военные подробности — все это кружилось в помещении, наваливалось на Крафта. После шестого названия населенного пункта первые он уже начисто забыл. После девятого имени он уже не помнил третьего и четвертого. Он смотрел в худые, гладкие, круглые, острые, нежные, грубые лица; он слышал тихие, гру-

бые, резкие, нежные и лающие голоса — и под конец все это сменилось полным безразличием.

Крафт рассматривал помещение, стены которого были обшиты досками, потолки подпирались деревянными стойками, полы — сколочены из досок. Куда ни посмотри, везде дерево. Истертое, ободранное, покрытое выбоинами дерево, пропитанное олифой и покрытое масляной краской, коричневое всех оттенков, от желтовато-коричневого до коричневато-черного. Пахнущее хвоей, скипидаром и затхлой водой.

Крафт почувствовал, что этот метод не приблизит его к обучающимся и не даст ему никаких поучительных сведений. Урок подходил к концу, а результат был плачевным. Он посмотрел на часы, и ему захотелось, чтобы скорее все кончилось.

Возрастающее недовольство обер-лейтенант автоматически перенес на свое отделение. Фенрихи тоже ждали конца урока, который не принес им ничего, кроме скуки и неясности. Лица их помрачнели. Они начали беспокойно ерзать на местах. Те, кто отбарабанил свою молитву, впали в мрачное размышление. Кто-то даже зевнул, и не только продолжительно, но и во всеуслышание. Но офицер-инструктор делал вид, что ничего не замечает. И это фенрихи тоже считали плохим знаком.

Еще двое, подумал обер-лейтенант Крафт, и все. И он сказал автоматически:

— Итак, следующий.

И тут встал фенрих Редниц, приветливо улыбнулся и заявил:

— Прошу прощения, господин обер-лейтенант, но я боюсь, что не в состоянии сообщить исчерпывающие сведения о себе.

Крафт с интересом посмотрел на Редница. Фенрихи перестали ерзать на стульях, повернулись к Редницу и уставились на него. При этом они повернулись спиной к офицеру, что считается неслыханным неуважением, но обер-лейтенант, казалось, не замечал и этого. Обстоятельство, которое возмутило командира учебного отделения Крамера. Он начал чувствовать опасения за дисциплину, за которую был ответствен и которой можно было добиться в нужной мере только в том случае, если начальник оказывает поддержку. Если же Крафт уже сейчас допускает, чтобы фенрихи поворачивались к нему спиной,

то через несколько дней они начнут разговаривать в строю или спать на занятиях.

Обер-лейтенант Крафт воспринял выходку курсанта Редница как приятное разнообразие. Он даже немного оживился и весело спросил:

— Не будете ли вы любезны объяснить мне, какого рода сведения вы не можете сообщить мне исчерпывающе?

— Дело обстоит так, — любезно начал Редниц. — В отличие от остальных моих товарищей я, к сожалению, не могу назвать своего официального отца и поэтому не знаю, какая у него была профессия.

— Вы, вероятно, хотите сказать этим, что родились внебрачно?

— Так точно, господин обер-лейтенант. Именно это.

— Такое действительно иногда случается, — весело сказал Крафт. — И я ничего плохого в этом не нахожу, тем более если принять во внимание, что официальный отец не обязательно и не во всех случаях является родным отцом. Все же я надеюсь, что этот небольшой изъян не помешает вам сообщить мне хотя бы некоторые личные данные.

Редниц засиял: обер-лейтенант начинал ему нравиться. Его откровенная радость имела и еще одно основание: он увидел сердитое лицо Хохбауэра, который смотрел на него предупреждающе. И уже ради одного этого стоило выкинуть номер.

— Родился я в 1922 году, — начал Редниц, — в Дортмунде. Моя мать была домашней работницей у одного генерального директора, из чего ни в коем случае не следует делать выводы о моем происхождении. Я посещал народную школу и один год проучился в коммерческом училище. В 1940 году я был призван в вермахт. Особые интересы: философия и история.

Обер-лейтенант Крафт улыбнулся. Хохбауэр нахмурился: заявление Редница о том, что он питает особый интерес к истории и философии, он воспринял как личный выпад. Некоторые фенрихи заухмылялись, но только потому, что улыбнулся офицер. Это всегда было отправной точкой.

Фенрих Крамер поднялся и, как командир отделения, сказал:

— Осмелюсь обратить ваше внимание, господин обер-лейтенант, на то, что время вышло.

Крафт кивнул, пытаясь скрыть чувство облегчения. Он надел портупею и фуражку и устремился к выходу.

— Встать! Смирно! — рявкнул Крамер.

Фенрихи поднялись намного бодрее, чем в начале урока. По стойке «смирно» они стояли почти небрежно. Оберлейтенант отдал честь в пустоту и вышел.

— Не может быть, — пробормотал Крамер, — если так пойдет дальше, то он испортит все отделение.

Фенрихи посмотрели друг на друга и с облегчением рассмеялись. Настроение у них было превосходное.

— Ну что ты на это скажешь? — спросил Меслер своего друга.

— Да, —задумчиво сказал Редниц, — что я могу сказать? Мне он кажется симпатичным, но это еще ни о чем не говорит. Моя бабушка тоже симпатична.

— Друзья-спортсмены, — изрек Эгон Вебер и подошел поближе, — ясно одно: он производит неплохое впечатление, но ведет себя как баран. Что можно на это сказать?

Бемке все время качал своей головой поэта и мыслителя. По сути, он еще не составил себе ясного мнения о Крафте. Да от него этого никто и не требовал.

Крамер делал записи в классном журнале. Он чуял осложнения. Этот Крафт даже не заверил своей подписью тему и продолжительность занятия. Крамеру уже мерещилось наступление времен дезорганизации и отсутствия дисциплины.

В группе вокруг Хохбауэра царило злорадство. Амфортас и Андреас даже позволяли себе бросать презрительные взгляды, когда кто-либо произносил имя нового офицера-воспитателя.

— Пустое место, как ты считаешь, Хохбауэр? — Тот решительно согласился:

— С ним мы справимся играючи. Не позднее чем через семь дней он будет ходить у нас на поводу — или мы сделаем из него пенсионера.

9

СТАРШИЙ ВОЕННЫЙ СОВЕТНИК ЮСТИЦИИ НАМЕРЕВАЕТСЯ МОЛЧАТЬ

— Фройляйн Бахнер, — сказал адъютант генерала обер-лейтенант Бирингер, — мы ведь знаем друг друга уже порядочно времени, не так ли?

Сибилла Бахнер оторвалась от своей работы. Берингер делал вид, что занят исключительно приведением в порядок бумаг.

— Разве что-либо не в порядке? — спросила она.

— Ну что у нас может быть не в порядке! — воскликнул адъютант с широким жестом. — Но меня все время беспокоит ваша личная жизнь.

— У меня, как вам известно, таковой нет!

— Вот именно, — произнес адъютант. — Никто не может жить только работой.

— Кроме генерала, — возразила Бахнер.

— Фройляйн Бахнер, генерал женат на армии. Он все что угодно, только не обыкновенный человек, он солдат. А вы — женщина, а не только секретарша, — сказал обер-лейтенант Берингер.

Сибилла Бахнер улыбнулась, но глаза ее оставались серьезными. Она выпрямилась и демонстративно отодвинула стул.

— К чему вы клоните на сей раз?

— Ну, меня, например, интересует, — последовал несколько поспешный ответ, — что вы собираетесь делать сегодня вечером?

— Вы что, хотите со мной куда-нибудь пойти?

— Но вам же известно, что я женат, — ответил адъютант.

Казалось, Берингер считал своим долгом время от времени напоминать об этом факте. Ибо хотя он и жил со своей женой в гостинице при казарме, ее почти никто не знал. Она ждала ребенка и никогда не появлялась ни на каких официальных мероприятиях, даже ни разу не входила в здание штаба, где работал ее муж. Она не звонила ему на работу в служебное время. Она вела себя так, как будто ее вообще не было. И как раз из-за этой ее скромности Берингер нежно любил ее — но только после службы.

— Ну хорошо, — приветливо сказала Сибилла, — сегодня у меня вечер свободен. А почему вы интересуетесь этим?

— Но ведь вы можете пойти в кино, — предложил Берингер, — сегодня как раз комедия, и говорят, что даже можно посмеяться. Или вы, может быть, хотите прогуляться? Я знаю до сорока офицеров, которые охотно были бы вашими провожатыми.

— К чему все это? — недовольно сказала Сибилла. —

Я не собираюсь никуда идти. Возможно, я понадоблюсь сегодня вечером генералу: у него еще масса недоделанной работы.

— Генералу вы понадобитесь только в том случае, если вы не будете заняты. Он велел передать это вам.

— Отлично. Вот вы мне и передали. Хотите еще что-нибудь сказать?

Бирингер покачал головой — это был жест, который можно было истолковать по-разному. Он тщательно протер очки, глядя на Сибиллу своими нежными, водянистыми глазами, и сказал:

— Стало быть, вы снова собираетесь работать сверхурочно?

— Конечно, господин обер-лейтенант, — заверила его Сибилла.

Бирингеру это рвение казалось весьма подозрительным, поскольку у этой Сибиллы Бахнер было, как говорится, недвусмысленное прошлое. Между нею и ее последним начальником были отношения, которые носили не только деловой характер.

Когда начальником 5-й школы стал генерал-майор Модерзон, Бирингер был уверен, что дни Бахнер в штабе сочтены. Но через короткий промежуток времени вдруг выяснилось самое неожиданное: Сибилла Бахнер оказалась превосходным работником. И казалось, она не делала ни малейшей попытки расширить круг своей деятельности за пределы приемной. Генерал молча терпел ее. Но адъютант был бдителен.

— Генерал просил, чтобы старший военный советник юстиции Вирман явился на беседу в 19.00. И обер-лейтенант Крафт. Тоже в 19 часов.

— Оба вместе? — удивилась Сибилла.

Обер-лейтенант Бирингер старался не смотреть на нее, потому что его взгляд должен был выразить порицание. Его указание было совершенно однозначным; его не интересовало ничье личное мнение по этому вопросу. Он был самым подходящим адъютантом для этого генерала.

Сибилла Бахнер наклонила голову. Ее длинные шелковистые волосы свисали сбоку, как занавес. Она напоминала Бирингеру нежную девушку с картины Ренуара, падающие сплошным потоком, блестящие на солнце волосы которой говорили о полной ожидания чувственной медлительности. Это мысленное сравнение немного взвол-

новало Бирингера. Однако он был на службе, кроме того — счастливо женат и скоро должен был стать отцом.

— Мне кажется, фройляйн Бахнер, — осторожно начал он, — вам следует позаботиться о более строгой прическе.

— Разве господин генерал высказал недовольство по поводу моей прически? — спросила она с надеждой.

Бирингер посмотрел на нее с сожалением и осуждением.

— Вы не солдат, фройляйн Бахнер. Почему же господин генерал должен проявлять интерес к вашей прическе?

— Чистота и порядок, — заявил капитан Катер, — вот то, что я ценю. И в этом меня никто не сможет превзойти.

Капитан Катер произвел проверку на кухне № 1. Будучи командиром административно-хозяйственной роты, он имел на это право. Ему подчинялись все кухни в расположении казарм.

Паршульски, унтер-офицер пищеблока, почтительно и любезно сопровождал его. Совесть его никогда не была чистой, а пальцы всегда были в масле. Сам же он был, на удивление, тощий, как селедка.

— Я позволил себе, господин капитан, накрыть стол как обычно — с целью снятия пробы с обеда и прочих проб.

Катер был доволен. Он направился в кладовую, ощупал некоторые мешки, велел показать ему списки наличных продуктов. Затем выдвинул несколько ящиков и вдруг с удивлением остановился: сквозь манную крупу просвечивало что-то розоватое. Тогда капитан Катер засунул руку глубоко в крупу и начал шарить там. И то, что он там выискал, оказалось тремя батонами колбасы. Три огромных, толстых, тяжелых батона — каждый весом примерно по три килограмма.

Катер ничего не сказал о своей находке. Он вытер руку и кинул быстрый взгляд на стоящего навытяжку унтер-офицера пищеблока Паршульски. Затем отправился на кухню, где уже стоял накрытый для него стол.

Здесь он удобно расположился и начал разглядывать стоящие перед ним вещи: холодное жареное мясо, толстую колбасу, маслянистые кусочки сыра. И все это для проверки качества, вкуса, свежести, состояния и прочего,

что еще могло служить для этого предлогом. Катер отрезал себе кусочки то от того, то от другого.

Он ел и размышлял. Не спешить — это был его принцип. Держать людей под нажимом — это практически хорошо оправдало себя. И он, как ему казалось, был мастером этой тактики. Он оставил в неведении унтер-офицера: заметил ли он спрятанные продукты или нет, потребует ли он отчета в них или нет. Он заставил Паршульски немного помучиться.

Но тот тоже не был дураком. Он сразу же обвинил повара в том, что тот совершил подлог. Повар не остался в долгу и сразу же начал подозревать всех работников кухни.

— Ну и что такого, что там лежит колбаса, приятель! Ее мог спровадить туда любой. Или, может быть, там лежит и адрес того, кто хотел прикарманить эту жратву?

— Но в конечном счете ответственность-то лежит на мне, — заявил унтер-офицер пищеблока.

— Это, конечно, так, если у капитана Катера от больших порций не образуется провал в памяти.

Капитан Катер продолжал задумчиво есть и при этом размышлял, что ему делать с тремя батонами колбасы. Можно написать короткое донесение генералу и таким образом продемонстрировать свою бдительность и корректность. Однако поймать на крючок унтер-офицера пищеблока — это тоже имело свои преимущества. И в то время как капитан Катер взвешивал все «за» и «против», взгляд его скользил по кухне — по котлам, утвари, столам, в сторону женского персонала, работающего на кухне. Плотные, сильные девицы. Как будто специально откормленные. Не его тип. Но вот та, новенькая, — она смотрела на него большими вопрошающими глазами. По всей вероятности, подумал Катер, малышка любуется своим начальником.

Он приветливым кивком подозвал ее к себе, еще держа в правой руке нож. Девушка поспешно подошла. Ей, вероятно, ничего так сильно не хотелось, как быть замеченной им. Это обрадовало Катера.

— Как тебя зовут? — по-отечески благосклонно спросил Катер.

— Ирена, — промолвила она, — Ирена Яблонски.

— Живешь в казарме? — полюбопытствовал Катер. Он со все возрастающим интересом разглядывал ее велико-

лепный бюст, который был тем более примечателен, что сама девушка была очень миниатюрной.

— Так точно, в казарме, — ответила она и с надеждой посмотрела на него. — Я живу вместе с другими девушками в одной комнате, но ни одна из них не работает на кухне.

— Можешь стенографировать? Печатать на машинке? А как почерк? — последовали вопросы.

— Я всему могу научиться, — заверила его Ирена с сияющим лицом, смотря на него как на спасителя. — Я очень быстро все усваиваю, честное слово. Меня можно научить всему. Абсолютно всему.

— Ну хорошо, — произнес Катер, — посмотрим.

Адъютант, обер-лейтенант Бирингер, положил телефонную трубку на рычаг. Несколько секунд он задумчиво смотрел перед собой, затем произнес:

— Господин генерал требует вас к себе, фройляйн Бахнер.

— Сию минуту, — сказала Сибилла.

Бирингер избегал смотреть на нее. Ее рвение было действительно подозрительным. Ему очень не хотелось терять ее как секретаршу, но он ее наверняка потеряет, если она попытается нарушить необходимую сдержанность по отношению к генералу. Он проверил, хорошо ли сидят очки, взял пачку бумаг и вышел из помещения. Адъютант отправился на еженедельное рутинное совещание с начальниками потоков с целью составления учебных планов и расписаний на следующие семь дней.

Сибилла Бахнер вошла, как обычно, без стука в кабинет генерала. Она застала Модерзона таким, каким видела его каждый день вот уже на протяжении шести месяцев. В том же положении, в той же одежде, почти неподвижно застывшего за письменным столом.

— Фройляйн Бахнер, — сказал генерал, — я желаю, чтобы вы застенографировали мою беседу с господином старшим военным советником юстиции Вирманом и господином обер-лейтенантом Крафтом и сразу же напечатали на машинке, в одном экземпляре, не позволяя никому знакомиться с содержанием.

— Я поняла, господин генерал, — произнесла Сибилла. Она выжидающе остановилась и пристально посмотрела на него.

— Это все, фройляйн Бахнер, — произнес генерал и снова склонился над письменным столом.

Глаза Сибиллы печально заблестели. Она повернулась, чтобы выйти из кабинета. Однако у двери помедлила и сказала:

— Господин генерал, у вас, вероятно, сегодня не будет времени пообедать. Может быть, приготовить вам что-нибудь?

Генерал медленно поднял голову. В его холодных глазах отразилось удивление. Он посмотрел на Сибиллу так, как будто видел ее в первый раз, и сказал почти с улыбкой:

— Нет, благодарю.

— Может быть, чашку кофе, господин генерал?

— Нет, благодарю, — повторил Модерзон, и подобие улыбки вдруг сразу исчезло. — Если у меня когда-либо появятся подобные желания, фройляйн Бахнер, я своевременно поставлю вас об этом в известность.

На этом и окончилась эта более или менее частная беседа — первая за шесть месяцев. Генерал уже снова работал. И эта потребность к уединению, которая так тревожила его окружение, ограждала Модерзона, как стена из непробиваемого стекла.

Сибилла удалилась. Это ее не смутило и не удивило. За время своей работы она свыклась с его странностями. Ей пришлось свыкаться со многим. Прежний ее начальник придавал большое значение веселой, светской снисходительности, отважному безрассудству, жизнерадостной независимости — качествам, которые она впоследствии почувствовала на своей шкуре.

С приходом Модерзона все молниеносно изменилось. Офицеры из его окружения начали застывать в его холодной атмосфере; они или избегали его, или ползали вокруг него, как послушные сторожевые собаки.

Таким образом, Сибилла Бахнер хорошо изучила мужчин. И все ее иллюзии разлетелись, как воздушные шарики под порывом ветра.

— Разрешите нарушить ваше одиночество, — раздался подчеркнуто приветливый голос от двери.

Там стоял капитан Катер и улыбался через полуоткрытую дверь — осторожно, доброжелательно, доверительно. Это было ему на руку и позволяло взять показной, игриво-сердечный тон.

— Я всегда рад видеть вас, — заявил он и протянул

ей руку. Это он делал только тогда, когда никого не было.

— Чем могу быть полезна? — сдержанно спросила Сибилла Бахнер.

— Одно только ваше существование уже не оставляет мне никаких желаний, — экзальтированно заявил Катер. Он заранее обдумал эту фразу, так как Бахнер была ему нужна — за ней нужно было ухаживать.

— Вам нужна какая-либо справка, господин капитан? Адъютанта, к сожалению, нет. Но если вам нужно передать какое-нибудь донесение — я могу его принять.

— У меня одна проблема, моя дорогая фройляйн Бахнер. Возможно, это и серьезный случай — я не осмеливаюсь решать это сам.

— Стало быть, вы хотите поговорить с господином генералом, господин капитан? Я не думаю, чтобы это было сейчас возможно.

— Очень жаль, — с явным облегчением произнес капитан Катер.

Само собой намечалось наилучшее решение вопроса: генерал был занят, следовательно, он не мог вынести решения. На это Катер и рассчитывал.

— Конечно, если это дело уж очень срочное...

— Нет, нет, совсем нет! — с воодушевлением заверил ее капитан. — Я не осмеливаюсь утверждать подобное. Мне будет вполне достаточно, дорогая фройляйн Бахнер, если в случае необходимости вы сможете подтвердить, что я здесь был.

Сибилла Бахнер сразу поняла, в чем тут дело, — капитан хотел перестраховаться. Она это знала. Такие типы, как Катер, всегда стремились обезопасить себя документами, сваливая ответственность на других или делая вид, что они прикладывали все силы, но безуспешно.

— Я исключительно высоко ценю вас, — уверял Катер, доверительно подмигивая. — Для меня истинное наслаждение работать вместе с вами. И я уверен, что генерал сумеет оценить вас по достоинству.

Это был грубый намек, которым он хотел сказать: генерал ведь, в конце концов, тоже мужчина. А подмигиванием он хотел показать, что он, капитан Катер, кавалер и умеет молчать. Молчать столько, сколько он сочтет разумным и необходимым.

— Господин капитан, — строго произнесла Сибилла

Бахнер, — я, надеюсь, не дала вам ни малейшего повода хотя бы для самого незначительного недоразумения?

— Ну что вы! — воскликнул патетично Катер. — Совсем наоборот! О недоразумении не может быть и речи!

— Тогда я еще раз повторяю, что не уполномочена принимать какие бы то ни было решения и не в состоянии повлиять на таковые. Я всего-навсего секретарша.

— Вы правы, как никогда! — с энтузиазмом воскликнул Катер. — И будьте всегда такой! Мы должны стать друзьями, не так ли? И если у вас появится какое-либо желание, пусть даже сугубо личное, приходите ко мне. — И, не переводя дыхания, добавил: — А чем, собственно, вы сказали, занят генерал?

— Он ожидает господ Вирмана и Крафта, — ответила застигнутая врасплох Сибилла. И, спохватившись, сама удивилась той ловкости, с какой Катер выудил у нее ответ.

Восхищенный своей хитростью, Катер быстро проговорил:

— Итак, если вам понадобится достойный доверия человек, приходите ко мне. На Катера всегда можно положиться.

— Вы отвлекаете меня от работы, господин капитан, — сдержанно сказала Сибилла.

Катер подошел поближе и улыбнулся ей, ничуть не обидевшись.

— У меня была одна знакомая, — сказал он, — прекрасная девушка, просто что надо. Так вот у нее был роман с одним обер-лейтенантом — тоже исключительно благородным человеком, этого нельзя не признать. Потом они поженились. У него не было другого выбора. Слишком много свидетелей, как вы понимаете. Против этого не пойдешь.

— Какая мерзость! — возмутилась Сибилла Бахнер.

— Это довольно надежная вещь, если ее начать умело. Я в этом разбираюсь. И если вам понадобится мой совет, почтеннейшая, то вы всегда знаете, где меня найти.

— Господин старший военный советник юстиции Вирман, — произнес генерал-майор Модерзон, — я прошу доложить мне о результатах следствия по делу о гибели лейтенанта Баркова.

Генерал стоял за письменным столом. Перед ним сидели Вирман и обер-лейтенант Крафт. На заднем плане, за

небольшим столом, сидела Сибилла Бахнер, держа перед собой блокнот для стенограммы.

— Я позволю себе, господин генерал, — начал мягко Вирман, — обратить ваше внимание на то, что считаю не целесообразным посвящать пока третьих лиц в содержание моего доклада.

Генерал заявил:

— Я принимаю к сведению ваши слова. Прошу начинать доклад.

Сибилла Бахнер стенографировала все слово в слово — даже постоянно повторяющиеся формулы вежливости. Насколько ей позволяла работа, она рассматривала присутствующих: долговязую фигуру генерала, выжидательно напряженного старшего военного советника юстиции, неожиданно небрежного Крафта. Ибо последний считал, что на него никто не обращает внимания, и чувствовал себя лишним — и то и другое было заблуждением. Сибилла Бахнер заметила, что генерал точно регистрировал реакцию обер-лейтенанта на каждое произнесенное слово.

— Что касается моих расследований по этому делу, господин генерал, — продолжал Вирман, стараясь как можно более осторожно формулировать свои мысли, — то я склонен думать, что их можно считать завершенными. За исключением заявления на известное лицо, которое было составлено вами, господин генерал, в моем распоряжении для проведения расследования находились следующие материалы: план местности с тремя фотографиями, составленный протокол, заключение врача о результатах обследования, три заключения экспертов, среди которых два заключения офицеров с законченным инженерным образованием и опытом практической деятельности в применении взрывчатых веществ на фронте. Далее: девять показаний, из которых два от офицеров-преподавателей военной школы; остальные семь — показания фенрихов, которые могут считаться очевидцами.

— С делом я знаком, — сказал генерал. — Меня интересуют только результаты вашего расследования, господин старший военный советник юстиции.

Вирман кивнул. Его лицо выражало обиду. Генерал, очевидно, все время старается унизить его.

— Господин генерал,— произнес он, — после тщательного изучения всех имеющихся материалов, после основательного выяснения всех спорных, сомнительных или не ясных пунктов, я пришел к следующему выводу: смерть

лейтенанта Баркова насильственна. Она была подстроена, так как бикфордов шнур для взрыва был взят очень коротким. Основная задача заключалась в том, чтобы доказать, каким образом дело дошло до использования этого слишком короткого шнура. Для этого имеется несколько возможностей. Во-первых, шнур был выбран неправильно и слишком коротко отрезан по причине незнания дела. Эта возможность исключается, так как лейтенант Барков был очень опытным в саперном деле офицером. Во-вторых, правильно выбранный и отрезанный шнур был заменен другим, который и вызвал преждевременный взрыв. Это могли сделать только фенрихи. Но по положению вещей это исключено или, по крайней мере, кажется весьма маловероятным, так как показания фенрихов совпадают. Кроме того, нет убедительных доказательств мотива и повода, которые в подобных случаях имеют решающее значение. Из чего, в-третьих, вытекает последняя и логически единственная возможность: здесь имела место ошибка, недосмотр или случайность, приведшая к гибели лейтенанта Баркова. Следовательно, это был несчастный случай.

— Если вы действительно верите этому, — резко сказал генерал, — то вы не способны вести дело. Если вы только делаете вид, что верите, то я вынужден считать вас лжецом.

Пораженная, Сибилла Бахнер перестала стенографировать. Таких грубых, нарочито оскорбительных слов она никогда прежде не слышала от генерал-майора Модерзона. Даже крайнее, уничтожающее неодобрение он всегда формулировал сравнительно сдержанно. Сибилла Бахнер взволнованно дышала, и руки ее немного дрожали, но она продолжала писать, как и требовалось от нее.

Обер-лейтенант выпрямился. Он сидел теперь подтянутый и внимательно слушал, посматривая то на Модерзона, то на Вирмана. И постепенно ему становилось ясно, что он в качестве зрителя присутствует на исключительно захватывающем и небезопасном представлении, занимая место в ложе.

Старший военный советник юстиции покраснел, как помидор, но его несокрушимое самообладание было достойно уважения. Лицо Вирмана выражало глубокую печаль, затем ее сменил горький упрек. Всем своим существом он хотел показать, как ему прискорбно, что его

неправильно поняли. Более того: с ним обращаются как с подчиненным низшего ранга.

— Господин генерал, — выдавил из себя Вирман, — я позволю себе еще раз обратить ваше внимание на то, что я считаю опасным, если мой доклад станет достоянием третьих лиц. Особенно в тех пунктах, которых мы вынуждены теперь коснуться.

— Я заявляю вам еще раз: я принимаю к сведению ваши слова, но не согласен с ними. Переходите к делу.

— Господин генерал. Вы действительно не хотите ограничиться моим заключительным заявлением? Даже в том случае, если я заверю вас, что это наилучшее и единственно приемлемое решение?

— Даже и в этом случае.

Советник промокнул выступивший на лбу пот большим носовым платком в красную полоску. Генерал продолжал стоять неподвижно. Крафт наклонился немного вперед. А Сибилла поспешно схватила другой карандаш: первый сломался.

— Конечно, — с трудом сказал Вирман, — из наличествующих документов можно сделать и другие выводы, чем те, которые привели к конечным результатам моего расследования. В действительности существует нечто похожее на версию, как вы предполагаете или знаете, господин генерал, которая исключает несчастный случай или, по крайней мере, ставит его под сомнение. Но я не рискую расследовать ее, господин генерал, или вернее сказать: это было бы больше, чем риск, это было бы роковой ошибкой!

— А почему, господин старший военный советник юстиции?

— Мне неизвестно, господин генерал, в каких отношениях вы находились с покойным лейтенантом Барковом...

— Я был его командир — этого достаточно.

— Ну хорошо, господин генерал, мне не дано решать, достаточно ли это. Но если вы, господин генерал, вынудите меня к расследованию этой версии, то может выявиться следующее: многократные и неоспоримые доказательства того, что лейтенант Барков неоднократно делал высказывания, подрывающие военную мощь, что он употреблял формулировки, направленные против фюрера и верховного главнокомандующего вермахта, которые могли быть расценены как измена. А это, господин генерал, преступ-

ление, которое, несомненно, карается смертной казнью. Стало быть, можно сказать: насильственная смерть спасла его от бесчестной смерти.

— Так вот в чем дело, — едва слышно произнес генерал. Он повернулся, медленно подошел к окну, рывком раздвинул шторы затемнения и распахнул его.

За окном тускло светилась кристально-синяя ледяная ночь — без луны, без звезд. Казалось, все это происходило внутри искусственно освещенного туннеля с единственным окном, позволяющим видеть мир — мир, в котором царило леденящее осуждение. Людей в комнате охватила дрожь, чувствовался холод, льющийся снаружи.

Через некоторое время генерал обернулся к своим посетителям. Лицо его слегка побледнело. Но это можно было объяснить и отсветом от снега, который падал за все еще широко открытым окном.

— Господин старший военный советник юстиции, — произнес генерал, — я благодарю вас за доклад. Я принимаю к сведению, что вы считаете следствие законченным. Таким образом, ваша задача здесь выполнена. Завтра утром вы возвратитесь в подчинение инспектора военных школ. Желаю вам счастливого пути, господин старший военный советник юстиции.

Вирман встал, отдал честь и вышел. Его походка выражала гордое удовлетворение. Он был уверен, что одержал победу — хотя и ценою значительных потерь! Но он победил! И был уверен, что в следующий раз он не только разобьет этого опасного противника, но и уничтожит.

— Фройляйн Бахнер, — сказал генерал после того, как Вирман удалился, — представьте мне, пожалуйста, завтра стенограмму.

Сибилла Бахнер подошла и положила перед ним на стол блокнот со стенограммой, так как у них было не принято передавать генералу то, что он требует, прямо в руки. И ей показалось, что она видит в его глазах чувство, которого раньше никогда у него не замечала: глубокую печаль.

И в тот момент, когда она осознала это, ее охватило женское сострадание. Оно безудержно прорывалось наружу и грозило смести ту сдержанность, которую она сохраняла с таким трудом.

— Господин генерал, — с трудом произнесла она, — если я чем-либо могу помочь...

— Благодарю. На сегодня все. Вы можете идти, фрой-

ляйн Бахнер, — сказал генерал таким тоном, который сразу же привел ее в чувство.

Сибилла Бахнер быстрыми шагами — казалось, она пытается убежать от самой себя — покинула комнату и резко закрыла за собой дверь.

— Господин обер-лейтенант Крафт, — произнес генерал и значительно посмотрел на него, — этим все решено. Ваша задача вам ясна.

Генерал взял в руки листки, на которых была записана стенограмма беседы, и разорвал их резкими движениями на мелкие клочки.

— Вы будете теперь действовать так, господин обер-лейтенант Крафт, как будто на вашем месте я.

ВЫПИСКА ИЗ СУДЕБНОГО ПРОТОКОЛА № III

БИОГРАФИЯ КАПИТАНА ИОГАННЕСА РАТСХЕЛЬМА, ИЛИ ВЕРА И БЛАЖЕНСТВО

Я, Иоганнес Матиас Оттокар Ратсхельм, родился 9 ноября 1914 года в семье аптекаря Иоганнеса Ратсхельма и его супруги Матильды, урожденной Никель, в Эберсвальде, земля Бранденбург. Моя мать умерла год спустя, и я провел детство и отрочество в доме отца.

Я сижу на ковре — это большой толстый четырехугольный ковер. Он красный, и на нем лежит красный мяч. Моя кукла тоже лежит там, на ней не осталось одежды, остались только волосы. Ее зовут Иоганна, так ее назвал отец. А на краю ковра лежит Иоганн — большая лохматая бело-желтая собака. Иоганн присматривает за мной. Всякий раз, когда я хочу сползти с ковра, он подходит и толкает меня своей мордой назад. Он делает то же самое, если укатится мяч или если я хочу уползти, потому что намочил штанишки. Иоганн всегда начеку. При этом он очень мягкий, очень нежный и совсем тихий. Однако я боюсь его, боюсь, что он укусит. Но он не кусает! Он только все время лежит рядом, иногда и возле кровати, в которой я сплю, — и когда я просыпаюсь, он смотрит на меня. И я думаю: сейчас он укусит! И у меня было одно желание: пусть он наконец укусит, чтобы я умер, а он ушел отсюда. Но он не кусал.

Отец очень большой, темноволосый и очень-очень красивый. У него есть аппарат, перед которым я должен все время стоять, или сидеть, или лежать. У аппарата есть глаз, и его называют «фото». Из-за этого «фото» я должен надевать много костюмов, а также платьев, которые носят девочки, из бархата и шелка, и даже совсем прозрачные. «Какой он милашка!» — говорят все, когда видят меня. «Он красив, как Блю-бой, — говорит мой отец. — Он выглядит как живая картина». И «фото» глядит на меня единственным глазом и щелкает, а иногда вспыхивает, после чего появляется неприятный запах, который заставляет меня кашлять.

В нашем доме всегда много женщин, но ни одна из них не является моей матерью. И ни одна не остается надолго. Они приходят, уходят, и я не успеваю привыкнуть к ним. Каждую из них я называю «тетя» — так хочет отец. Они всюду, куда бы я ни пошел. Они в кухне, в аптеке, в гостиной и в постели, в которой спит отец. Они толстые и худые, темноволосые и белокурые, добрые и злые, шумные и тихие, одеты в белые халаты и фартуки, платья и рубашки — или совсем раздеты. Иногда они дико стонут, и, когда я говорю об этом отцу, он бьет меня.

«У тебя ведь дурные мысли?» — спрашивает отец. «Нет», — отвечаю я.

«У тебя дурные мысли, — говорит отец, — потому что ты шпионишь за мной. Зачем ты это делаешь? Тебе это доставляет радость?» «Нет, — говорю я, — это не доставляет мне никакой радости, это отвратительно».

«У тебя дурные мысли, — повторяет отец, — очень дурные мысли. Ты хоть понимаешь это?» Я понимаю это. «Стыдись!» — говорит отец. И я стыжусь.

В своем родном городе я посещал с 1920 года местную начальную школу, а с 1924 года гимназию с целью получить аттестат зрелости, что мне и удалось в 1933 году. В 1925 году в результате несчастного случая я потерял отца и с этого времени жил под присмотром сестры моего отца, госпожи Констанци Ратсхельм, вдовы врача.

Учитель начальной школы Габлер сечет учеников, а когда не сечет, то гладит их. Моего друга Клауса он сечет часто и все же гладит его. Он запускает Клаусу, сидя-

щему за партой перед ним, руку в волосы и дергает их, пока Клаус не закричит от боли. Тогда он смеется сдавленно и поспешно и притягивает голову Клауса к себе; он прикрывает глаза и одновременно жадно раскрывает рот, когда голова моего друга касается его бедра. И эти движения, это отталкивание и притягивание, притягивание и отталкивание, пульсируют в моем мозгу. Кровь приливает к моему лицу, и я сжимаю руки в кулаки. Затем я вскакиваю; у меня такое чувство, как будто бы меня что-то подбрасывает, я бросаюсь вперед, пробиваюсь к выходу... Но снова сажусь и стискиваю зубы.

Ночью я слышу крики. Я вскакиваю с кровати и бегу туда, откуда несутся крики, — в спальню отца. И там я вижу его, лежащего скрючившись поперек кровати. Кровать белая, его тело — серое, а на уровне его головы что-то густое, ярко-красное... Женщина же, находящаяся в комнате, кричит как сумасшедшая. И постепенно я различаю, что она кричит. «Я не виновата! — кричит она. — Он болен! Это произошло внезапно!» Ее рубашка тоже в крови. «Позови врача!» — кричит она. И я зову врача. Врач говорит: «Слишком поздно. — И далее: — Горловое кровотечение. Когда-нибудь это должно было так кончиться».

Тетя Констанца Ратсхельм никогда не жила в нашем доме. Она только один-единственный раз переступила порог нашего дома: когда отец умер, она прибыла, чтобы забрать меня к себе. «Не задавай никаких вопросов, — сказала она. — Ответы, которые я должна была бы тебе дать, ты все равно не сможешь понять. Мы продадим аптеку. Вырученные деньги пойдут на финансирование твоего воспитания, а это будет хорошее воспитание. Тебе оно очень необходимо, и возможно, еще не слишком поздно. Во всяком случае тебе повезло, что случилось именно так, ибо теперь для тебя начнется нормальная, здоровая жизнь. Об этом уж я позабочусь».

«Покажи руки», — говорит тетя Констанца. И я показываю ей свои руки. Затем она хочет видеть мои зубы, уши и шею. Каждую субботу я должен купаться. Тетя стоит рядом и наблюдает, как я намыливаюсь и смываю мыло. «Чистота тела, — говорит она, — является предпосылкой для чистоты мыслей».

Ее зовут Эрна; она лежит на софе, возле которой я сижу. Я смотрю на ее руку, которая соскальзывает с моего

колена и пробирается вверх, к выключателю. И хотя в комнате темно, я отчетливо вижу ее, лежащую передо мной, вижу ее смуглое лицо, которое, собственно, состоит только изо рта и глаз, больших, темных, немного косо поставленных, всегда влажных глаз, изо рта, который я сейчас чувствую, — это теплый, мокрый, сосущий, ищущий, влажный рот. И ее руки везде, они гладят, тормошат, впиваются в меня. Я закрываю глаза и отдаюсь чувству падения, я падаю глубоко и бесконечно, чтобы вдруг снова грубой силой быть возвращенным к действительности: яркий свет бьет в меня. И я вижу ее руку на выключателе, вижу ее подо мной, смотрю в ее большие, широко раскрытые, по-звериному дикие, жаждущие убийства глаза. И я вырываюсь, охваченный болью, страхом и стыдом. Я бросаюсь прочь и слышу ее смех.

«Все бабы — мимозы, — говорит мой дядя, капитан, который во время своего отпуска нанес нам визит. — Это ты должен хорошо запомнить, и тогда ты добьешься коечего в жизни — во всяком случае больше, чем другие. Ибо там, где бьется настоящая жизнь, мой мальчик, там бабы прячутся по углам и скверно пахнут. Поверь мне, на большие дела они не годятся. Они не могут управлять страной, вести корабль, а тем более войну. Только в постели они иногда подходящи. Кстати, я вспомнил, что хотел кое-что обсудить со служанкой, пошли-ка ее наверх».

После сдачи выпускных экзаменов в 1933 году я намеревался сначала по желанию моей тети пойти по медицинской линии. Однако одержало верх мое желание стать офицером.
В 1934 году я добровольно пошел служить в армию. В 1938 году я удостоился чести быть произведенным в лейтенанты.

В древности и в средневековье в распоряжении медиков находились в большинстве случаев только животные, большей частью собаки и обезьяны. Это происходило из-за отсталых религиозных взглядов. Мы же расчленяем человеческие трупы. Ибо анатомия является наукой о строении живого организма и его частей. Есть общая анатомия и так называемая топографическая, и последняя стано-

вится прикладной анатомией. Все это очень сложно, очень утомительно, очень затруднительно — да и воняет обычно ужасно. Я же сторонник чистоты, я за истинную жизнь, за прекрасное и возвышенное. В анатомии ничего этого не найдешь.

«Живой человек, — говорит мне Симона, — гораздо интереснее и показательнее, чем любое мертвое тело, ты не считаешь?» Я тоже так считаю. Симона, как и я, изучает на первом курсе медицину, а ее отец — знаменитый хирург в Париже.

«Хочешь, — спрашивает она, — проводить изучение на живом теле?» «Да, — отвечаю я, — это очень интересно». «Тогда давай разденемся», — говорит Симона. Что мы и делаем. Через некоторое время Симона спрашивает: «Что ты там, собственно говоря, делаешь? Ты мужчина или нет?» А я вел себя как настоящий медик — в конце концов ведь на это было направлено ее предложение. Однако ей это вдруг перестало нравиться, по чему можно судить, насколько непоследовательны и взбалмошны женщины — в особенности француженки.

Впервые я обитаю не один в комнате — еще семь мужчин разделяют со мной жизнь. Мы в одно время встаем, вместе ложимся, трусим рядышком по коридорам, по двору казармы, по пересеченной местности. Мы ждем и маршируем, мы мерзнем и потеем, так сказать, плечо к плечу, бедро к бедру. Мы ругаемся и поем, смеемся и говорим — и восемь тел реагируют как одно. От подъема до отбоя. Удивительно, как хорошо мы друг друга понимаем, как одинаково мы реагируем, как тесно мы связаны, если даже это и не все видят, если это не всегда заметно — и все-таки это так. Состояние, которое называется единением.

Обер-лейтенант Вальдерзее для меня пример для подражания. Это человек стройный и гибкий, как высокая сосна, в некотором смысле вечнозеленый по своей сути; сердечный и хмуро-приветливый, товарищ из товарищей и все же всегда требующий уважения офицер. Он в полной форме переворачивается на высокой перекладине и в сапогах прыгает на пять метров в длину. Он участвует

в гонках и знает почти все уставы наизусть, и невозможно представить себе лучшего друга, чем он.

Ее зовут Эрика, и она мила, добра и красива. Кроме того, она из очень хорошей семьи, так как ее отец майор, хотя и в отставке. Он представитель автомобильной фирмы, причем первоклассной, фирмы «Мерседес», которая делает много поставок армии; и нашего фюрера возят на такой машине. А это очень большая честь для фирмы. «Эрика, — говорю я, — самое прекрасное в мире — это дом, жена и внушительное количество детей. Примерная семейная жизнь, знаешь ли, строгое, солидное воспитание, и в то же время милая сердцу, благородная гармония, по-немецки в самом лучшем и полном смысле этого слова. Что ты скажешь об этом?»

«Когда?» — спрашивает Эрика. «Когда я стану лейтенантом», — говорю я. Затем я становлюсь лейтенантом. Я тороплюсь к Эрике и говорю: «Я теперь лейтенант!» А Эрика говорит: «Вот и прекрасно. Ты лейтенант, а я беременна». «Но ведь этого не может быть!» — воскликнул я. «Почему этого не может быть? — спрашивает Эрика. — Я беременна не от тебя. Есть ведь и другие, и они не ждут, пока станут лейтенантами».

Когда в 1939 году разразилась навязанная нам война, мне было дозволено сразу же принять пехотную роту, хотя до этого я не имел счастья войти в непосредственное соприкосновение с противником во время походов на Польшу и Францию. В 1940 году мне было присвоено звание обер-лейтенант, а в 1941 году я был назначен начальником штаба полка. Во время начавшегося похода на Россию мне временно разрешили принять командование пехотным батальоном, с которым я в декабре 1941 года сорвал попытку прорыва противника южнее Тулы. За это я удостоен чести быть награжденным немецким крестом в золоте. Вскоре после этого последовало производство меня в капитаны и перевод в 5-ю военную школу.

И вот сидят они, оборванные, землисто-серые, разбитые военнопленные. Их тысячи, охраняемых мной и моими солдатами. «Солдаты, — говорил тогда я своим подчи-

ненным, — не позволяйте этим низшим существам провоцировать вас. Думайте всегда о том, что вы немцы! А это обязывает. Итак, не следует сразу стрелять в пленных или применять холодное оружие. Удар прикладом уже дает иногда чудесные результаты. Будьте гуманными, даже если некоторые этого и не заслуживают».

Великолепный парень мой командир полка полковник Пфотенхаммер. Искрометный юмор в любой ситуации. Любит всегда быть впереди. Говорит всегда «бац!», когда наносит удар. Иногда он подчеркивает это слово коротким скрипящим звуком, что всегда вызывает уйму смеха. Должен был уже давно получить рыцарский крест, так как командир дивизии получил его еще во время похода на Францию. Однако из-за этого господин полковник Пфотенхаммер не теряет своего искрометного юмора. Прирожденный солдат-фронтовик. Где стрельба, там всегда он и его офицеры, унтер-офицеры и солдаты.

Под его началом нет места штабным крысам. Незабываема новогодняя ночь 1941 года: большой фейерверк, устроенный господином полковником Пфотенхаммером, — сначала минометы, затем пулеметный огонь и в довершение — трассирующие пули. Однако противник не так корректен, он ведет ответный огонь из «сталинских шарманок». Господин полковник, как всегда, впереди, открывает бутылку шампанского — к нему настоящие бокалы для шампанского. «За ваше здоровье, камераден!» — восклицает он. «За ваше здоровье, господин полковник!» — отвечаем мы хором. И мы стоим во весь рост, как деревья, среди свинцовой грозы.

«Сейчас мы пойдем на все! — говорит полковник Пфотенхаммер. — Сейчас, мой дорогой Ратсхельм, покажите, на что вы способны!» И полковник находит майора Вагнера на перекрестке у деревни Пеликовка. «Трус! — кричит полковник. — Я предам вас военному суду, Вагнер!» Ибо майор намеревается отступить со своим батальоном, то есть обратиться в бегство. «Возьмите на себя командование этим стадом!» — приказывает мне господин полковник. И я принимаю батальон. Я перекрываю перекресток, так что и мышь не проскочит, то есть ни одна сволочь не сможет отступить. Таким образом, они вынуждены сражаться — под моим командованием. И я все время в гуще своих солдат — за поясом ручные гранаты, на груди автомат. И под конец люди дерутся, как львы. Конечно же громадные потери с обеих сторон. Но перекресток мы

удерживаем всю ночь. Затем необузданная гордость, когда господин полковник получает рыцарский крест. «Этим я обязан в большой мере вам, мой дорогой Ратсхельм, — по-рыцарски говорит господин полковник. — И в нужное время я вспомню об этом». Это было слово мужчины, так как через некоторое время мою грудь украсил немецкий крест в золоте. Несколько дней спустя празднование победы в штабе полка за линией фронта. Батареи бутылок. Веские слова. Процветающее товарищество. На рассвете господин полковник Пфотенхаммер, мой уважаемый командир, обнял меня и растроганно расцеловал в обе щеки. С трудом сказал: «Вы избраны для больших свершений, камерад Ратсхельм. Вы подарите фронту офицеров, на которых мы сможем положиться. Более подходящей кандидатуры, чем вы, капитан Ратсхельм, я не знаю. Военная школа зовет вас!»

10

ЭТИ МЕТОДЫ НЕПРАВИЛЬНЫ

Три учебных отделения 6-го учебного потока — «Г», «Х», «И» — были выстроены на строевом плацу казармы. Капитан Ратсхельм, начальник потока, кружил вокруг них, как овчарка вокруг стада. Согласно расписанию сейчас должна была состояться двухчасовая строевая подготовка.

Обер-лейтенант Крафт принял рапорт командира учебного отделения «Х». Фенрих Крамер показал себя, как и следовало ожидать, хорошим командиром. Его голос без труда заполнял двор казармы и громким эхом отражался от стен гаражей. Но он был не единственным, кто обладал таким громким голосом, — весь двор казармы заполнял шум.

Этот несущийся со всех сторон шум был инспирирован Крафтом. Он использовал его в качестве повода, чтобы выяснить один принципиальный вопрос. Он хотел знать, важно ли иметь звонкий, пронзительный командирский голос.

— Так точно, господин обер-лейтенант! — прокричали курсанты, быстро справившись с первым удивлением. Они считали подобный вопрос не только излишним, но и абсолютно глупым — чего, конечно, открыто не показы-

вали. Но об этом свидетельствовало наметившееся веселье.

— Почему? — спросил Крафт.

Этот вопрос озадачил их. Да, почему все-таки звонкий, пронзительный командирский голос так важен? Глупый вопрос! Это ведь само собой разумеется и не требует никакого объяснения. Однако он хотел непременно получить объяснение! Ну и хорошо, пусть он его получит — но какое?

Они гадали довольно-таки долго. Перебивали друг друга, пытались понять и выдали наконец утверждение: «Так уж принято!» С этой сомнительной формулировкой начало соглашаться большинство фенрихов. Развернулась сдержанная дискуссия, которая грозила превратиться в непринужденную беседу. Командир отделения Крамер был в ужасе. Даже капитан Ратсхельм, находившийся на другом конце двора, обратил внимание не безудержную болтовню в отделении «X» и с беспокойством подошел ближе.

— Господа!—прокричал вдруг обер-лейтенант Крафт. Ему тоже стало ясно, что следует основательно нажать на тормоза. Чтобы с самого начала не попасть под колеса своего собственного подразделения, следует переключить рычаг на дисциплину. — Давайте сойдемся на следующем методе: я спрашиваю — вы отвечаете. Но вы отвечаете лишь тогда, когда вопрос коснется непосредственно вас. Мы понимаем друг друга?

— Так точно, господин обер-лейтенант! — пробормотали фенрихи с кажущейся готовностью. В действительности же их наполняла тайная радость, ибо их новый воспитатель оказался далеко не светилом. Такой спокойной строевой подготовки у них до сих пор никогда не было. Даже при капитане Ратсхельме, который был своего рода другом человека. А при лейтенанте Баркове подавно: тот обращался с ними очень строго. Этот же оберлейтенант Крафт, кажется, придерживается больше теории — он устроил урок болтовни. А это им было очень даже на руку.

— Фенрих Хохбауэр, — сказал Крафт, так как заметил, что Хохбауэр был единственным, кто не участвовал в общей болтовне.

— Слушаю, господин обер-лейтенант!

Хохбауэр вопросительно посмотрел на Крафта, делая вид, будто не понимает, чего хочет от него офицер. Он

притворился столь же вежливым, как и любопытным, свысока посматривая на обер-лейтенанта, и не только потому, что был выше его ростом. Однако делал он это с некоторой осторожностью, ибо легкомысленным Хохбауэр не был.

— Отвечайте на мой вопрос, Хохбауэр.

— Ну, — сказал фенрих с чувством собственного превосходства, — офицер должен уметь отдавать приказы, и приказы должны быть сформулированы четко, кратко и ясно. Некоторые из этих приказов отдаются в форме команд как в закрытых помещениях, так и на плацу и на открытой местности. Эти команды должны быть услышаны на фоне команд соседних участков, на фоне посторонних шумов, таких, как шум моторов, и конечно же на фоне всевозможных шумов на поле боя. По этой причине для офицера громкий, звучный голос является само собой разумеющейся предпосылкой.

— Очень хорошо, Хохбауэр! — воскликнул капитан Ратсхельм, оказавшийся в это время рядом. Затем начальник потока сразу же обратился к обер-лейтенанту Крафту и сказал ему на этот раз почти доверительно: — Пожалуйста, мой дорогой, начинайте практические занятия. Другие учебные отделения уже давно делают это. Вы ведь знаете, что времени у нас в обрез.

— Так точно, господин капитан! — небрежно бросил обер-лейтенант Крафт.

— Я ни в коем случае не хочу вам мешать, Крафт, я сейчас исчезну. Чувствуйте себя абсолютно свободно. Не сочтите, пожалуйста, мои указания за исправление ошибок — это скорее совет старшего товарища.

— Так точно, господин капитан! — повторил Крафт, всем своим видом выказывая удивление, что Ратсхельм, который якобы не хотел мешать, все еще здесь.

— Привыкайте спокойно, Крафт. Не спешите, не допускайте сумасбродства — это старый, солидный метод.

— Так точно, старый, солидный метод!

— Да вы и так, кажется, уже на правильном пути — не считая этой теоретической болтовни. Вы, я вижу, уже догадываетесь, кто составляет особую ценность в вашем взводе. Тот факт, что вы уже занимаетесь великолепным Хохбауэром, хороший знак.

После этого недвусмысленного указания Ратсхельм наконец удалился. Обер-лейтенант Крафт между тем уже понял, в чем заключается его подлинная задача. Он был

офицером, который воспитывал. Ему не нужно было самому отдавать приказы и команды, он должен был следить за тем, как это делают фенрихи. Его служба заключалась в том, чтобы заставлять других нести службу. Сначала, стало быть, следовало выбрать фенриха, который бы взял на себя проведение строевой подготовки. Его выбор пал на Эгона Вебера. Можно было безбоязненно полагать, что он без всяких осложнений справится с примитивной маршировкой. Эгон Вебер вполне удовлетворительно владел премудростями унтер-офицерской грамоты. Он стал перед строем курсантов и крикнул:

— Отделение «Хайнрих», слушай мою команду!

Затем он разделил отделение на четыре группы и назначил четырех командиров. Те в свою очередь назначили четырех помощников. Вебер кричал:

— Одиночная подготовка в составе отделения! Основная стойка и повороты! Разомкнуться! Приступить к занятиям!

И тотчас же началась более или менее нормальная казарменная жизнь.

Крафт посмотрел через пустынный, голый строевой плац на казармы. Они, казалось, уныло и преданно смотрели перед собой узкими тусклыми рядами окон. Февральский день был прозрачным и морозным. Только на невытоптанных газонах лежало немного снега, бледно-серого и грязного. Солнца на небе не было. Обер-лейтенант Крафт бросил взгляд на два других отделения. Он хотел посмотреть, какими методами работали их офицеры. И то, что он увидел, привело его в удивление.

Обер-лейтенант Веберман, низкорослый жилистый офицер с хриплым, но пронзительным голосом, похожим на лай терьера, все время держал свое подразделение в движении. Фенрихи больше бегали, чем ходили. Остановки выпадали на их долю весьма редко.

А у лейтенанта Дитриха, высокого и широкоплечего, с небрежными движениями, фенрихи, наоборот, стояли на месте на большом расстоянии друг от друга, с соответствующими интервалами, и покрывали записями свои блокноты. «Что они могут писать? — спрашивал себя Крафт. — И почему другие бегают, как свора собак?» И в душу его закралось неприятное чувство, что он действительно здесь новичок. Капитан Ратсхельм уединился в уборной, относящейся к строевому плацу и гаражам. Но даже это не удерживало его от наблюдения за своим

подразделением. Он смотрел сквозь поперечную щель, находящуюся на уровне глаз.

Учебное отделение обер-лейтенанта Крафта начало отрабатывать отдание чести. Эгон Вебер, будучи командиром отделения, гордо ходил взад и вперед между отдельно занимающимися группами, ни во что не вмешиваясь. Ему достаточно было чувства, что он может вмешаться, когда захочет. Фенрихи сами делали все, как положено, хотя и не особенно рьяно. Назначенные командиры групп беспрерывно командовали и исправляли ошибки, как это было принято с давних времен, однако едва ли кто слушался их. Фенрихи облегчали себе жизнь. Кроме того, их что-то отвлекало — Крафт это сразу заметил. Да это было и понятно: на скромном спортивном поле, находившемся рядом со строевым плацем, появилась целая орда особей женского пола. Там резвились женщины и девушки из гражданских служащих, которые жили в казармах. Ими командовала опытный член союза немецких девушек, которая работала помощницей у врача. И эти существа прыгали, пританцовывали, скакали, тряся бюстами.

— Я кажусь себе Танталом, — простонал Меслер. — Вид этих девиц мешает мне маршировать. Как тут можно спокойно нести службу?

— Умей владеть собой, — сказал Эгон Вебер. — Я здесь старший. Ты не имеешь права просто бойкотировать меня, пяля глаза все время на ту сторону.

— Торопись, — продолжал свое Меслер. — Подберись к этим крошкам. Попытайся обменяться адресами.

— Меслер, — сказал Вебер уже как командир учебного отделения,—тебе очень хочется в уборную? Это видно по тебе. Ну давай, только не больше пяти минут.

Меслер умчался, не отпросившись даже у обер-лейтенанта Крафта. Тот все равно был занят выяснением вопроса, как же лучше организовать занятия.

Веберман и Дитрих, командиры остальных двух учебных отделений, тоже заметили опасность. Раз, два — и помеха тут же была устранена.

— Кругом!

И фенрихи уже стояли спиной к отвлекающему их женскому полу. Соответственно среагировал теперь и Крафт. Он стал созывать свистком разбредшихся, глазеющих в сторону спортплощадки фенрихов. Те собрались вокруг него. За их спинами — а тем самым точно в поле зрения Крафта — резвились существа женского по-

ла; они как раз играли в мяч. И среди них Крафт узнал Эльфриду Радемахер.

Эльфрида могла показать себя людям, она выделялась среди остальных женщин — и сама это знала. Даже на расстоянии было видно, что она исключительно хорошо сложена. Крафту стоило большого труда не слишком отвлекаться. Он попытался сконцентрировать все свое внимание на подчиненных.

— Есть какие-либо вопросы к теме отдания чести?

Фенрихи смотрели на него с недоверием. Они не привыкли задавать вопросы, тем более на строевом плацу. Они привыкли, что их спрашивают, поучают, ругают и иногда хвалят, — у них не было навыка спрашивать. Они оглядывались в надежде, что в их рядах найдется хотя бы один, который жаждет ответа. Крафт терпеливо ждал.

Наконец попросил слова фенрих Редниц, стоявший, как всегда, в последнем ряду:

— Как, собственно говоря, правильнее сказать: приветствие или отдание чести, господин обер-лейтенант?

— Говорить нужно так, как написано в уставе, Редниц, — объяснил Крафт с невинным выражением на лице. — Следующий вопрос, пожалуйста!

Теперь попросил слова фенрих Меслер. Только что данный, немного странный ответ командира разжег его любопытство. Ему захотелось узнать, было ли это случайностью или за этим скрывался какой-то метод.

— Господин обер-лейтенант, один пример: я, будучи фенрихом, иду по улице и встречаю старшего ефрейтора, в сопровождении которого находится госпожа майорша. Как мне поступать: приветствовать первому госпожу майоршу или ждать, пока меня поприветствует старший ефрейтор?

— Все зависит от ситуации, — по-дружески объяснил обер-лейтенант. — Если речь идет о женщине, которая является майором, то вы, конечно, приветствуете первым — так как тогда перед вами старший по званию. Если же эта женщина только замужем за майором, тогда вы не обязаны ее приветствовать, за исключением случая, когда вы лично знакомы с женой майора. Ибо это долг вежливости для вас. Между прочим, Меслер, супруга майора для офицера — а вы ведь хотите стать офицером — не женщина, а дама.

Рота осклабилась — и эта ухмылка была смешана с искренним удивлением. Подобных формулировок они до

сих пор не слышали, по крайней мере в военной школе. Когда капитан Ратсхельм давал указания, то это было похоже на откровение военной добродетели. Лейтенант Барков просто цитировал уставы, а знал он их наизусть. Капитан Федерс же, преподаватель тактики, обращался со словами, как с отбойным молотком.

Обер-лейтенант Крафт, однако, не подходил ни к одному из имеющихся клише. Он был даже остроумным, хотя это на него и не было похоже. Но как раз это могло привести к осложнениям.

Крафт бросил взгляд поверх фенрихов на все еще прыгающий женский пол и поискал глазами Эльфриду. Она стояла на краю спортивного поля с мячом под мышкой и тоже, казалось, высматривала его. Эльфрида приветственно подняла руку и помахала ему. Это был очень приятный знак, но он не совсем подходил для строевого плаца.

И все же в этот момент обер-лейтенант испытал чувство радости.

— Сделаем перерыв, — сказал он.

Фенрихи озадаченно посмотрели друг на друга. Их командир оказался довольно-таки своенравным субъектом. Было чертовски трудно разобраться в нем. Его поступки зачастую были весьма неожиданными.

Крамер, командир учебного отделения, с озабоченным видом подошел к Крафту и скромно сказал:

— Прошу прощения, господин обер-лейтенант, но при общих занятиях перерывы определяет начальник потока.

— Ну тогда мы проделаем дыхательные упражнения, — сказал Крафт. — Разойдись!

— Пойдем, пойдем, — говорила Эльфрида Радемахер маленькой Ирене Яблонски. — Все глаза просмотрела! Для этого ты слишком мала.

— Мои братья тоже солдаты, — задумчиво сказала Ирена.

— То, что ты любишь своих братьев, очень хорошо, — продолжала Эльфрида, — но это не значит, что ты должна любить всех, кто носит военную форму.

— Тебе хорошо говорить, — возразила Ирена печально.

— Все это не так просто, как ты думаешь, — произнесла Эльфрида. При этом она посмотрела в сторону строевого плаца, на фенрихов, чтобы найти среди них

Крафта. Она не видела его вот уже три дня, с того самого времени, когда он стал офицером-воспитателем. Ибо не только было основательно урезано его свободное время, гораздо хуже было то, что он жил теперь не в здании штаба, а в том же бараке, в котором ютились его фенрихи. Офицер-воспитатель должен находиться со своими подчиненными. Он должен держать их под наблюдением день и ночь.

— Я завидую тебе, — сказала Ирена Яблонски. — У тебя есть все, чего я всегда желала себе. Но ты этого и заслуживаешь.

Эльфрида Радемахер подбросила несколько раз мяч, при этом она улыбалась, в то время как глаза ее следили за обер-лейтенантом Крафтом. Он расхаживал поодаль с сигаретой в зубах. Казалось, он тоже смотрит на Эльфриду Радемахер, однако лицо его под козырьком было плохо видно. Теперь их отношения были подчинены правилам казармы. В ее комнату он приходить не мог: там размещались еще пять девушек, и среди них маленькая, мечтательная Ирена Яблонски.

Прийти в его комнату она тоже не могла: там бы были слушателями и свидетелями все сорок фенрихов. Таким образом, они были обречены на поиски скамеек в парке, больших деревьев, подъездов домов или тыльной стороны памятников. Возможно, им посчастливится найти сарай, пустую классную комнату или комнату в гостинице, так как было всего-навсего начало февраля, а холод никогда не был хорошей свахой.

— Живее, девушки, живее! — кричала руководительница, но никто из девушек не слушал ее.

— Эльфрида, — доверчиво сказала Ирена, — мне очень хотелось бы быть такой, как ты.

— В тебе говорит твоя глупость, — резко сказала Эльфрида.

— Ты знаешь, — продолжала Ирена, — офицеры ведь совсем другие.

— Точно, — сказала Эльфрида, — одежда и сапоги у них из материала лучшего качества, чем у унтер-офицеров и рядовых.

— А такой человек, как, например, капитан Катер? — продолжала мечтательно Ирена. — Ему ведь можно довериться, не так ли?

— Откуда ты это взяла? — спросила Эльфрида с беспокойством.

— Он недавно разговаривал со мной на кухне, когда дежурил. Он спросил, умею ли я печатать на машинке. И я сказала ему, что мне все дается очень легко. Я учусь всему очень легко — так я сказала ему.

— Мне тоже так кажется, — сухо проговорила Эльфрида.

— Итак, господа, — сказал обер-лейтенант Крафт по окончании перерыва, — продолжаем. Тема та же: отдание чести.

— Господин обер-лейтенант,—тотчас же проявил любознательность один из фенрихов, стоящий рядом с Хохбауэром, — а почему, собственно говоря, в армии принято отдавать честь путем прикладывания руки к головному убору?

— Ну, именно потому, что так принято, — ответил Крафт, внимательно поглядев на фенриха. Он был явно доволен: перерыв пошел на пользу. Состоявшийся во время него обмен мнениями завел фенрихов туда, куда он хотел, то есть на гладкий лед.

Между тем ничего не подозревающие фенрихи снова принялись за разговоры. Как на базаре, подумал Крамер. Не успел этот Крафт пробыть и 48 часов на своей должности, как отделение превратилось в стадо свиней! Дисциплина за эти два дня полетела ко всем чертям, ее нельзя было теперь исправить парой остроумных замечаний. Так думал Крамер. И в довершение всего клика Хохбауэра собиралась подорвать остатки авторитета обер-лейтенанта.

— Господин обер-лейтенант, — раздался вопрос другого фенриха из того же направления, — не было бы более рациональным, если бы во всей Германии был принят один и тот же вид приветствия?

— Несомненно, — сразу же приветливо согласился обер-лейтенант. — Партийным организациям нужно было бы только принять наш вид приветствия.

Но тут Хохбауэр вмешался в игру в вопросы и ответы. Он задал коварный вопрос:

— Не считаете ли вы, господин обер-лейтенант, что вид приветствия, которым пользуется наш фюрер, должен быть обязателен для всех немцев?

— Но, мой дорогой Хохбауэр, — сказал обер-лейтенант Крафт по-прежнему приветливо, но и с легким по-

рицанием, — надеюсь, вы не хотите поставить под сомнение величие нашего уважаемого фюрера?

Хохбауэр опешил. У него было такое чувство, будто он получил сильный удар в солнечное сплетение, нанесенный ему с улыбкой, но очень точно. И это ему, именно ему, пламенному поклоннику и почитателю фюрера?! Непостижимо! Или, может быть, он ослышался? Может быть, его слова были неправильно поняты? Или он допустил неточность в формулировке? Хохбауэр не знал, как объяснить случившееся, и с удивлением смотрел на всех. Наконец он выдавил:

— Как я должен это понимать, господин обер-лейтенант?

Крафт дал возможность курсантам насладиться этой ситуацией, если они, конечно, были способны на это. Ибо не все распознали, что тут за уколом последовал удар. Крафт был вызван на это, и он ответил на вызов — на свой манер. Он ждал этого вызова, но не думал, что он будет сделан так неуклюже. Этот Хохбауэр и его друзья были еще юношами — с безрассудной отвагой и глупыми аргументами слепо верующих. И необходимо было постепенно разъяснить им, что не следует бросать камушки в воду, если там какой-нибудь старый рыбак спокойно забрасывает свою удочку.

— Итак, Хохбауэр, — сказал Крафт тоном снисходительного ментора, — вы ведь знаете, что наш уважаемый фюрер является не только вождем партии и всех ее формирований, но и рейхсканцлером, и, кроме того, еще верховным главнокомандующим вермахта. Вам это известно, Хохбауэр?

— Так точно, господин обер-лейтенант, — выдавил Хохбауэр. Он все еще не мог понять, какая игра с ним ведется. Одно все же было ясно: его, лучшего в отделении знатока и пламенного почитателя фюрера, унизили. С таким же успехом можно было спросить ученика выпускного класса гимназии, сколько будет дважды два и какая буква следует в алфавите за буквой «а».

— Ну хорошо, — сказал Крафт, — если вы это знаете, мой дорогой Хохбауэр, то вам должно быть ясно, что наш фюрер, если бы он того захотел, мог бы приказать, чтобы и в вермахте было введено его приветствие. А если он этого не сделал, то он, вероятно, и не хочет этого. Или вы думаете, может быть, Хохбауэр, что фюрер не в силах отдать такой приказ? Не считаете ли вы, что он на-

толкнется в вермахте на сопротивление и что найдутся солдаты, которые откажутся в дальнейшем следовать за ним? Вы действительно так думаете? Вы что, хотите убедить нас в том, что у фюрера есть противники в его собственных рядах, с которыми он вынужден считаться, которых он даже боится? Вы хотите убедить нас в этом?

— Никак нет, господин обер-лейтенант.

— Ну вот видите, Хохбауэр, все стало ясно. Нужно только питать немного больше доверия к нашему фюреру. Это вам наверняка не повредит.

С этими словами обер-лейтенант опять передал свое учебное отделение фенриху, назначенному им временно командиром, распорядившись отрабатывать ружейные приемы в строю. И при этом лицом к заднему учебному бараку. Это означало: спиной к спортивному полю.

Вебер напряг свой мощный командирский голос, чтобы таким образом набрать очки для своей аттестации. Хохбауэр терзал винтовку остервенелыми приемами. Меслер и Редниц мечтательно ухмылялись. Дело не ладилось. Крамер снова был в отчаянии.

— А этот обер-лейтенант Крафт, кажется, остряк, — сказал Меслер с довольной ухмылкой. — Мне думается, что у нас с ним будет еще много веселого.

— Кто знает, — задумчиво произнес Редниц. — У меня такое чувство, что с ним мы еще увидим такое, что нас уложит на обе лопатки.

Они прервались и стали прислушиваться к командам Эгона Вебера, не реагируя на них.

— Чудно, что он так отделал именно Хохбауэра. Со смеху умрешь! Ты не считаешь, Редниц?

— Вот этого я никак не считаю, — сказал Редниц попрежнему задумчиво. — Я очень внимательно наблюдал за этим обер-лейтенантом Крафтом. Он совсем не такой, каким хочет казаться.

Обер-лейтенант Крафт стоял немного в стороне. Он достал записную книжку и что-то записывал в нее. Со стороны это выглядело внушительно. Однако Крафт не придавал особого значения своим записям. Он вполне мог положиться на свою память. Записи были только предлогом: поверх них он смотрел на спортивное поле, на девушек.

— Не очень красивое зрелище, — произнес капитан

Ратсхельм. Он подкрался к Крафту, чтобы проверить, что тот делает. — Никакой грации, никакой эластичности — рыхлое, жирное мясо. Не так ли? Кроме того, они отвлекают солдат от строевой подготовки. Да, поскольку уж мы заговорили об этом — я имею в виду строевую подготовку, — как она продвигается у ваших фенрихов? Лед сломан? Вы уже начали вживаться?

— Пока что я чувствую себя просто наблюдателем, господин капитан.

— Вы должны быть активным, мой дорогой, — это я говорю вам как опытный воспитатель фенрихов военных школ. Вы должны быть для людей примером, которому они хотели бы подражать. Яркий пример — важнейший элемент в формировании личности солдата. Парни должны в зависимости от склонности стремиться стать Блюхерами или Клаузевицами — или, скажем, Крафтами и Ратсхельмами. Итак, светите им, мой дорогой! И оставьте вы эти дискуссии и теории; не философ ведет войну, а человек дела. Вы меня понимаете, Крафт?

— Абсолютно, господин капитан!

Капитан Ратсхельм кивнул, уверенный, что нашел точные слова. Однако ему недоставало в Крафте непроизвольного и благодарного одобрения. Возможно, этот человек вообще не способен воодушевляться. И Ратсхельм задумчиво глядел на фенрихов, на этот великолепный человеческий материал, — и его глаза светились мягким светом, когда он останавливал свой взгляд на Хохбауэре.

Все же чувство долга заставило Ратсхельма перевести свой взгляд на других фенрихов, вплоть до самой последней шеренги. И то, что он увидел, ему очень не понравилось. Фенрихи маршировали без подъема, без вдохновения, без самозабвения. Погас тот яркий огонек, который он разжег в них! Многие без всякого стеснения разговаривали.

— Кое-кто из ваших фенрихов, — проговорил Ратсхельм с порицанием, — похоже, имеет намерение превратить строевую подготовку в посиделки. Разве вы не видите этого?

— Нет, я вижу, — ответил вежливо Крафт.

— И ничего не предпринимаете?

— А зачем? — спросил почти весело Крафт.

Капитан Ратсхельм сдвинул брови:

— Как вы сказали?

— Я сказал: почему я должен вмешиваться? Я просто все замечаю.

— А дисциплина, господин обер-лейтенант Крафт?

— Дисциплина едва ли может быть основной целью подготовки в военной школе. Я считаю, что ее нельзя преподавать.

— Но добиваться!

— В какой-то данный момент — да, а на длительное время едва ли. Часто возникают ситуации, когда солдат остается вне наблюдения. В этом случае он делает всегда то, что он может, что он хочет, к чему у него есть желание. И вот в такой момент мне и хочется понаблюдать за ним. Согласитесь, что это может быть весьма показательно.

— Я считаю, что ваши взгляды весьма странны, и даже очень странны, — чопорно ответил Ратсхельм.

Капитан Ратсхельм выпрямился и значительно посмотрел вдаль. Он принял твердое решение обратиться к начальнику курса майору Фрею. Так велит ему чувство долга. Ибо он понял, что этот обер-лейтенант Крафт не тот человек, который может превратить простых людей в офицеров.

11

ЧЕЛОВЕК ЧУВСТВУЕТ СЕБЯ НЕСЧАСТНЫМ

— Вы утверждаете, Крафт, что вы душевный человек, не так ли? — Капитан Федерс недоверчиво посмотрел на обер-лейтенанта. — Вы предлагаете мне партию в шахматы. Почему вы это делаете? Вы хотите полюбоваться моим видом?

— Я хочу сыграть с вами в шахматы, господин капитан, если вы на это согласны.

— А еще что? И никаких задних мыслей? Никакого любопытства? И вы не хотите расспросить меня о чем-либо? Вас кто-нибудь подослал ко мне? Кто?

— Господин капитан, — спокойно произнес Крафт, — я действительно не понимаю, чего вы хотите. Я совершенно случайно зашел в читальный зал, увидел вас за шахматной доской и подумал: может быть, он сыграет со мной партию в шахматы. Навязываться я ни в коем случае не хотел.

— Садитесь, — сказал капитан Федерс. — Дайте мне полюбоваться на вас, так как, кто знает, когда у меня будет еще возможность подивиться на такого болвана с душой Парсифаля. Если вы и дальше поведете себя так, как до сих пор, то от вас здесь не позже чем через неделю пойдет вонь, как от дохлой рыбы. Ибо некоторые уже собираются перерезать вам горло.

Обер-лейтенант Крафт сел не раздумывая. Ему был приятен любой разговор с капитаном Федерсом — при каких бы обстоятельствах он ни происходил. В конце концов они работали в одном подразделении. Они, стало быть, зависели друг от друга.

— Только я очень посредственный игрок, — заявил Крафт. — Вам придется быть снисходительным ко мне.

— И не подумаю. Вы предложили мне игру — и теперь мы будем играть без всяких поблажек.

Они сидели в углу так называемого читального зала казино. Их освещал торшер с выцветшим оранжево-красным шелковым абажуром. На большой шахматной доске стояли неуклюжие фигуры.

Они были не одни в большом, длинном помещении. Оно напоминало веранду сельского постоялого двора — у окон стояли один возле другого столы. Два из них были заняты. За одним компания молодых офицеров играла в простого дурака. За другим сидел капитан Ратсхельм с двумя равными по званию приятелями, ведя тихий разговор, который они, по всей видимости, считали очень глубокомысленным.

— Эти болваны смотрят в нашу сторону? — поинтересовался Федерс.

— Кого вы имеете в виду?

— Этих господ за столом в углу слева, которые якобы беседуют.

— Ну да, мне кажется, да. Капитан Ратсхельм иногда поглядывает сюда.

— Конечно, — сказал Федерс. — Что же им еще делать?

— Мне думается, — сказал обер-лейтенант Крафт и небрежно расставил шахматные фигуры, — капитану Ратсхельму необходимо последить за мной — по чисто служебным причинам, конечно. Он, кажется, не очень доволен мною как офицером-воспитателем.

— Вы осел, мой дорогой Крафт, — заявил Федерс и сделал первый ход. — Вы мечтательно слоняетесь по офи-

церскому клубу, по двору казармы и по учебным классам. Чего вы хотите этим добиться?

— Просто, — сказал терпеливо Крафт, — я воспитываю фенрихов, которые должны стать офицерами, на свой манер.

— Крафт, дружище, — проговорил Федерс в недоумении, — где вы, собственно говоря, сидели все последние годы, в то время, когда здесь была война? Похоже, вы были на Луне. Или, может быть, вы могли бы и войну вести на свой манер? Вы имели возможность жить на свой манер? Какая чепуха!

Обер-лейтенант Крафт осторожно посмотрел на другой стол. Но в этот момент, казалось, никто не прислушивался к их разговору. Монологи капитана Федерса знали, вероятно, все. Или боялись все. Почтенные офицеры вели себя в таких случаях точно так же, как дамы из высшего общества, когда кто-нибудь рассказывал недвусмысленный анекдот. Они делали вид, что не слышат его. Таким образом, им не нужно было возмущаться.

— Ваша манера, Крафт, — продолжал Федерс, — не та манера, по которой здесь танцуют. Здесь вы должны придерживаться мелодии, которую играют другие — ваш начальник потока, начальник курса, начальник училища, главнокомандующий сухопутными войсками, верховный главнокомандующий вермахта, — тут мы и дошли до главного композитора. Верь в рейх, в народ, в фюрера и будь готов за них голодать, переносить все мытарства и подохнуть. Вот и весь текст для мелодии, для исполнения которой вполне хватит одного барабана.

Появился капитан Катер — он демонстрировал свою многообещающую улыбку. Кто пребывал в клубе после службы, тот целиком зависел от его милости. Но он всегда был милостив, если ему выражали признательность. Катер устремился к столу, за которым сидели капитаны. У него был верный глаз на всех старших по чину, находившихся в «его» офицерском клубе. Но он насторожился, увидев капитана Федерса с обер-лейтенантом Крафтом.

Катер предстал перед ними и произнес:

— Не может быть!

— Оставьте при себе ваши остроумные замечания, — сказал Федерс и сделал рискованный ход.

— Вы в клубе, господин капитан Федерс, и это в то время, когда у вас есть, так сказать, дом и семья?

— Убирайтесь! — грубо сказал Федерс. — Вы нам мешаете!

Но Катер считал, что у него есть основание для превосходства. Господа за соседним столом с большим интересом и с надлежащей осторожностью наблюдали за представлением. Катер чувствовал себя в центре внимания.

— Ах да, — продолжал он, — я совсем забыл — сегодня ведь пятница.

Капитан Федерс опустил руку, которую протянул, чтобы взять фигуру. Крафт увидел, что рука эта едва заметно дрожала. На его скулах выступили желваки — Федерс сжал зубы. Крафт ничего не понимал. Почему Федерс так взволнован? Почему он с самого начала так нервничает? Что плохого было сказано здесь?

— Катер, — угрожающе тихо произнес капитан Федерс, — если вы сейчас же не исчезнете, я расскажу здесь историю об одном начальнике, который силой раздевает своих подчиненных — своих подчиненных женского пола, что, конечно, понятно, но никак не простительно. За это положена тюрьма. А туда я вас упеку только для того, чтобы иметь возможность спокойно сыграть здесь партию в шахматы.

Капитан Катер мгновенно исчез — как комета. Он, правда, пробормотал какие-то слова, но никто их не разобрал. Однако они были похожи на протест. Этим он пытался сохранить свое достоинство.

— Что, вы сказали, он делал? — спросил встревоженно Крафт.

— Откуда я знаю? — Федерс сделал ход конем и поставил под угрозу ферзя Крафта.

— Однако ваше обвинение было недвусмысленно.

— Оно, вероятно, и справедливо, — равнодушно ответил Федерс. — Но какое мне до этого дело? Он мне мешал — я хотел от него избавиться. Поэтому я и придумал кое-что, а так как я уверен, что у Катера совесть нечиста, то можно выдвинуть любое обвинение, — это тактика, мой дорогой. Однако следите лучше за своей игрой. Если вы не будете внимательны, то за три хода я сделаю вам мат.

Крафт пытался сосредоточить внимание на игре, но это ему не удавалось. Федерс снова начал действовать.

— Посыльный! — громко крикнул он на весь зал. — Бутылку коньяка для меня — на счет капитана Катера!

Крафту еще раз удалось спасти своего ферзя. Однако Федерс сделал тотчас же ход слоном справа. Затем он схватил бутылку и наполнил до половины два стакана. Крафт быстро оттянул своего ферзя на самое заднее поле.

— И все же, — осторожно продолжил обер-лейтенант прерванный разговор, — офицерский корпус состоит ведь из отдельных личностей — из людей с самыми различными взглядами, способностями, качествами.

— Конечно! — воскликнул Федерс. — Точно так же, как и корпорация дворников или мусорщиков. И там вы найдете тоже тихих пьяниц, богобоязненных домашних тиранов, размышляющих гуманистов и легковерных нацистов, приверженцев кайзера и социалистов.

Крафт усмехнулся:

— Вы соизволите сравнивать дворника с офицером, господин капитан?

— Ну да, возможно, я несправедлив по отношению к дворникам. Но на них распространяется распоряжение: подметайте улицы! Это, к их счастью, простое требование. К офицерам же относится приказ: ведите войну! А это уже немного сложнее. Тут уже ничего не сделаешь скромным распоряжением об очистке улиц, тут нужны горы уставов, распоряжений и циркуляров, уже хотя бы для того, чтобы по возможности надежно исключить любое побуждение личности к рассуждению: машина должна функционировать, производство должно идти полным ходом. А там, где производственных инструкций недостаточно или они могут быть не поняты, царит приказ, — приказ, который должен беспрекословно выполняться.

И тут капитан Федерс, не раздумывая, пожертвовал ладью. Он хотел добраться до короля противника. Он прорывал позиции старшего лейтенанта беспощадно и успешно, но не проявлял ни малейшего удовлетворения. Его нервозность, его почти лихорадочная напряженность не ослабевали. Он снова и снова смотрел на свои часы, и взгляд его с недоверием следил за медленным движением стрелок. Он подозвал посыльного:

— Мне нужно знать точное время.

— Без нескольких минут семь, господин капитан, — ответил солдат, исполнявший обязанности официанта.

— Чудак, — раздраженно сказал Федерс, — мне не нужно твое гадание, мне нужно точное время. Точное до минуты.

Посыльный исчез, но тут же вернулся и поспешно доложил:

— Восемнадцать часов пятьдесят шесть минут, господин капитан. Сказали по радио.

— А можно верить радио? — спросил Федерс.

— Когда сообщают время—можно, господин капитан.

Федерс рассмеялся: ответ ему понравился. Солдат мог бы быть его учеником, но он разносил здесь бутылки со шнапсом и жратву. Ну что ж, возможно, это и лучше, чем мучиться с офицерами. Возможно, и умнее. Во всяком случае — приятнее.

— Поймите меня правильно, мой дорогой Крафт, — подчеркнуто сказал капитан и осушил свой стакан.—Я не бунтарь и не реформатор, я просто пытаюсь очертить более четко наши границы. Вас мучает сейчас, очевидно, определенное воспитательское честолюбие, Крафт, а это все, конечно, чепуха. Срок обучения на наших офицерских курсах — одиннадцать недель, больше времени война нам для этого не дает. Чего вы хотите достичь за эти несчастные одиннадцать недель, Крафт? Вы что, хотите преобразить людей, отчеканить индивидуумы, сформировать личности? Это ведь бред собачий. И даже если не менее восьмидесяти процентов фенрихов — жалкие неудачники, все же не менее восьмидесяти процентов из них станут офицерами. Норма всегда выполняется. Или вы полагаете, что мы можем здесь, в военной школе, дать повод для того, чтобы нас считали неспособными? Ни в коем случае! Стало быть, мы выдаем поточную продукцию. Да нам и не остается ничего другого, как за это предоставленное нам короткое время до тошноты напичкать обучаемых самыми элементарными основами знаний. И что самое важное — мы втолковываем им здесь в последний раз, что приказ есть приказ.

Федерс снова посмотрел на часы и поспешно склонился над шахматной доской. При этом он полностью попал в сноп света, падающего от лампы. Резкие тени легли на его умное, страдальчески перекошенное лицо и избороздили его до неузнаваемости.

— Давайте выводите ферзя, — сказал он, — нам пора уже кончать.

— Ты сегодня какая-то безучастная, — сказал мужчина и немного приподнялся.

— Нет, нет, — возразила Марион Федерс, — я неудобно лежу. Твоя рука мешает мне.

— Она все время лежит у тебя под головой, но ты только сейчас заметила это, — промолвил мужчина.

— Я медленно прихожу в себя, но потом становлюсь очень чувствительной, как тебе известно, — оправдывалась Марион Федерс.

Они лежали в гостинице, в небольшой квартире, принадлежащей капитану Федерсу. Марион Федерс неподвижно смотрела в потолок.

Мужчина рядом с ней уютно потянулся. Его волосы даже сейчас были декоративно завиты. Глаза его смотрели мечтательно, а красиво очерченные губы были чувственно приоткрыты. Это был Зойтер, обер-лейтенант и офицер-воспитатель первого потока по прозвищу Миннезингер. Его имя было Альфред; друзья и женщины звали его Фредди.

— Я тебя очень разочаровываю, Альфред? — спросила Марион Федерс.

— Нет, нет, — заверил он ее, — ни в коем случае.

— Я кажусь себе иногда такой ужасно неблагодарной.

— Прошу тебя, перестань, — произнес он небрежно, принимая это последнее замечание Марион на свой счет. — Ты можешь быть абсолютно спокойна: у каждого бывают иногда неудачные минуты. — Он еще немного приподнялся и принялся рассматривать ее. Она лежала на спине и, прищурив глаза, снизу смотрела на него. Затемненный свет ночной лампы освещал ее тело розовым светом.

— У меня некрасивые бедра, — сказала она, — я знаю это. Они слишком толсты.

Он, проверяя, провел по ним рукой.

— Я этого не нахожу, — возразил он. — Они женственны. Настоящему мужчине это нравится.

— Прошу тебя, ты делаешь мне больно.

— Иногда ты бываешь чрезмерно напряжена. Иногда мне кажется, что ты противишься этому.

— Перестань, пожалуйста. Убери руку.

— Вот это мне нравится, — произнес он ей на ухо. — Сначала ты всегда противишься, а потом совсем преображаешься. Тогда ты становишься дикой и безудержной. Это мне нравится в тебе.

— Нет, — сказала она, — пожалуйста, уже поздно,

Альфред. Я уверена, что уже очень поздно. Посмотри на часы, пожалуйста.

— Потом.

Она приподнялась. Это движение он принял сначала за страсть. Однако она скользнула в сторону, схватила ночник и сорвала с него красный платок. Яркий свет упал на нее и на настольные часы.

— Уже очень поздно! — взволнованно воскликнула она. — Что я тебе сказала? Уже восьмой час.

— Ну и что, — сказал он и попытался нетерпеливо притянуть ее к себе. — Пять минут туда, пять минут сюда, это теперь уже не имеет значения.

— Вы теперь понимаете, что я имею в виду, Крафт? — спросил капитан Федерс. Он без труда выиграл партию. — Вам стало хотя бы понятно, на какие глупости вы идете? Вы ведете с фенрихами бодрые беседы, убеждаете их, пытаетесь, как животновод, развивать индивидуальные способности. Для чего это все? Начиняйте оболтусов уставами, пока у них не вылезут глаза на их дурные лбы. Вдалбливайте им, что их дело слушаться. Другого ничего сделать нельзя.

— Я благодарю вас за ваши советы, господин капитан, — произнес Крафт. Этот Федерс был самым своенравным офицером, каких он когда-либо встречал, не считая генерал-майора Модерзона. — Вы дали мне хороший урок.

— Мой дорогой Крафт, — сказал сдержанно капитан, осушая свой стакан, — я не хочу сказать, что питаю к вам слабость, но мне жаль вас. Вы — человек, сохранивший порядочность самоуверенности. Но здесь вы можете ее сохранить, если только умело запрячете ее — иначе ее быстро выбьют из вас. И тогда нам едва ли будет интересно быть друг с другом.

— Этого я никак не хотел бы лишиться, господин капитан.

— Ну ладно, надеюсь, мы к этому еще вернемся. Но от вас, вероятно, не ускользнуло, что капитан Ратсхельм и майор Фрей не очень рады вам. Это, правда, говорит в вашу пользу. Практически же это доказательство вашего неумения приспосабляться. А за это у нас полагается по меньшей мере посылка на фронт. Впрочем, Крафт, я беспокоюсь в первую очередь за кучку фенрихов, офице-

ром-воспитателем которых вы являетесь и преподавателем тактики у которых я должен быть. У меня нет никакого желания биться над стадом избалованных и всезнающих оболтусов. Я хочу обрабатывать материал. Все остальное — пустая трата времени. — С этими словами капитан Федерс встал, закупорил еще недопитую бутылку коньяка и сунул ее под мышку.

Крафт тоже встал.

— Это был интересный вечер, — заверил он Федерса.

— Он еще не окончен, — сказал Федерс после небольшой паузы. — Проводите меня, если хотите. Я покажу вам, где и как я живу. И познакомлю вас со своей женой.

— Большое спасибо, — сказал Крафт, — но я не хочу вам мешать.

Федерс открыто посмотрел на него — и его глаза смотрели чуть печально.

— Не хотите, значит? Жаль! Но я могу это понять. Навязываться я, конечно, не хочу.

— Я охотно бы пошел, — честно признался Крафт. — И вы должны мне верить. Но у меня еще свидание.

— С девушкой?

— Да, — сказал Крафт.

— И вы не можете отложить это свидание? На один час. Нельзя? Я был бы очень рад, если бы вы пошли со мной. Хорошо?

— Хорошо, — сказал Крафт, — я пойду.

— Вы не пожалеете, — сказал Федерс, который был этому явно рад. Но вдруг он снова нахмурился и тяжело добавил: — Так или иначе — вы свое получите.

Коридор так называемой гостиницы был узкий и высокий. Он производил унылое впечатление: коричневая кокосовая дорожка, мрачноватые серо-зеленые стены. На одинаковом расстоянии — двери. Провинциальная гостиница, отгроханная в конъюнктурное время, выглядела бы примерно так же.

— Я обитаю в самом конце коридора — справа, — сказал Федерс и приглашающим жестом вытянул руку в ту сторону. Дверь, на которую указал Федерс, открылась. Какой-то офицер вышел в коридор и осторожно прикрыл

ее за собой. Увидев офицеров, отпрянул. Затем выпрямился, немного прищурил глаза и пошел им навстречу.

Федерс побледнел и схватил Крафта за плечо, но не так, как будто ему была нужна опора. Это скорее походило на дружеский жест. Капитану понадобилось меньше секунды, чтобы взять себя в руки. И совсем некстати, но почти добродушно прозвучал его голос:

— А ведь действительно есть лица, которые выглядят так, как будто бог изготавливает их на конвейере. Я, во всяком случае, никак не могу различить их, хотя я могу отличить одного ежа от другого, чего не мог даже заяц из сказки, бегавший с ежом наперегонки, — а вот перед униформированными солдатскими физиономиями я бессилен.

Между тем офицер подошел ближе. Это был, как увидел теперь Крафт, обер-лейтенант Зойтер, Миннезингер. Крафту он был не очень симпатичен. А Федерс, казалось, вообще его не замечал.

Миннезингер неожиданно приложил корректно руку к головному убору. Федерс нарочито равнодушно смотрел на стену. Крафт ответил на приветствие — немного отсутствующе, но четко. После того как Зойтер удалился, Федерс хрипло спросил:

— Понятно?

— Я не знаю еще всех офицеров училища, — уклончиво ответил Крафт. — Моя задача познакомиться сначала с нашими фенрихами.

— Не притворяйтесь, Крафт, — сдавленно произнес Федерс, — что вы ничего не знаете. Каждый в училище знает это — об этом говорят все. Я вижу это по глазам своих так называемых камерадов. Я слышу их хихиканье, когда они сплетничают у меня за спиной. Даже такой мешок с дерьмом, как этот Катер, осмеливается делать совершенно недвусмысленные намеки. А иногда у меня такое чувство, что генерал смотрит на меня прямо-таки сочувственно.

— Я не понимаю, о чем вы говорите, — сухо сказал Крафт. И добавил: — Да я и не хочу ничего знать.

Капитан Федерс вздернул подбородок, как будто почуял след. Глаза его заблестели холодно и недоверчиво. Он остановился — казалось, что ему претила сама мысль войти в свою квартиру.

— Ладно, — произнес он наконец, — возможно, вы действительно не знаете, о чем я говорю. Но рано или

поздно вы обо всем узнаете. Вам будут расписывать это во всех деталях, пока вы не покраснеете от стыда или злорадства.

— Я могу быть глухим, если захочу,— сказал Крафт.— Кроме того, я считаю, что в коридоре довольно холодно. Что мы будем делать? Пойдем в вашу квартиру или вернемся снова в клуб? В конце концов я должен взять реванш за проигранную мною партию. Да и бутылка с коньяком еще не пуста — мы можем разыграть ее содержимое.

— Оставьте ваши отвлекающие маневры, Крафт! И дайте мне наконец возможность очиститься от дерьма. Будет разумнее, если я сам просвещу вас, прежде чем это сделают другие.

— Господин капитан,— сказал Крафт,— мне кажется, что все мы слишком переоцениваем то, что о нас знают другие или что они, по их мнению, знают. У меня еще прибавляется и то, что я уважаю личную жизнь другого — возможно, потому, что желаю, чтобы и другие поступали со мной так же.

— Ну это уж дудки! — сказал Федерс с вымученной веселостью.— Вы забываете о вашем солдатском чувстве долга! А великогерманская общность народа? Итак, вперед, спешите, брат, друг и фольксгеноссе!

Федерс отпер дверь своей квартиры и широко распахнул ее. Появилась его жена и поспешила было ему навстречу, но остановилась, увидев у него за спиной незнакомого офицера. Она удивленно смотрела на обоих — и при этом запахивала раскрывающийся на груди купальный халат.

— Не бойся,— сказал Федерс громким, внезапно охрипшим голосом, указывая на Крафта,— это не пополнение для тебя. Это новейший объект для моих экспериментов. Некий обер-лейтенант Крафт, о котором я тебе уже рассказывал много плохого.

На утомленном лице Марион появилось подобие улыбки, она подошла к Крафту и подала ему руку. Ее глаза внимательно разглядывали его.

— Я очень рада познакомиться с вами, господин Крафт,— сказала она.

— Ну вот видишь! — воскликнул Федерс и потащил обоих в комнату.— И Крафт тоже обрадуется, если получит что-либо выпить. Для этого нам нужны прежде всего стаканы — бутылку мы принесли с собой. Вторая бутыл-

ка стоит в туалете, в аптечном шкафчике, если я не ошибаюсь. Или ты нашла для нее более подходящее применение?

— Я сейчас принесу ее, и стаканы тоже,— заторопилась Марион.

Федерс посмотрел ей вслед.

— Ну как вам нравится моя жена? — настороженно спросил он.

— Она ваша жена,— осторожно ответил Крафт,—ей нет необходимости нравиться мне.

Федерс рассмеялся и открыл бутылку.

— Не бойтесь, Крафт. Ну хорошо, давайте сформулируем этот вопрос немного по-другому: что вы думаете о моей жене?

Крафт понял, что ему не отвертеться. Федерс настаивал на ответе — почему бы ему не получить его?

— Ну хорошо,— открыто сказал Крафт.— Таких женщин, как ваша жена, называют привлекательными. Она кажется очень сердечным человеком и, кроме того, как видно, не очень счастлива. Большего в данный момент я сказать не могу.

— Чудесно,— мрачно сказал Федерс,—тогда я немного дополню ее портрет. Моя жена очень закалена, поэтому несмотря на холод, она ходит легко одетой. Кроме того, ее часы идут неправильно. Или у нее не было времени посмотреть на часы.

— Извини, пожалуйста,— сказала Марион Федерс, стоя у двери. Она внесла поднос, на котором стояли два стакана и бутылка. При этом она просительно смотрела на мужа. Федерс же избегал взгляда ее усталых глаз.— Извини, пожалуйста,— повторила она.

— Мне не за что тебя извинять,— вспылил Федерс,— даже за меня! Все ведь в порядке — не в самом лучшем, но в порядке. И то, что бутылка еще цела, вызывает во мне даже чувство благодарности.

— Я тебе сегодня вечером, пожалуй, больше не нужна,— заявила она, ничуть не обидевшись.

— Нет,— ответил Федерс,— ты можешь идти отдыхать. И добавил тихо: — Тебе это необходимо...

— Вы прирожденный исповедник, Крафт,— произнес капитан Федерс и осушил восьмой стакан.— Вы вытягиваете признания, как магнит притягивает опилки. Ка-

жется, что вам можно доверять. И от этого вы должны быть несчастным.

— У меня такая толстая шкура, какой нет даже у слонов, — сказал Крафт.— И если я захочу, я могу сделать свою память короче памяти комара.

— Всего этого недостаточно,— сказал Федерс.— Надолго этого наверняка не хватит. Ибо однажды вы поймете, Крафт, насколько жизнь, которую мы ведем, бессмысленна. И тогда даже вы вылезете из своей шкуры. Такое редкостное представление мне бы очень хотелось посмотреть.— Они были одни. Почти целый час они занимались тем, что играли в прятки, однако притягательная сила, которую они испытывали друг к другу была велика.

— Нам нужно вести себя потише,— сказал Крафт,— а то мы будем мешать вашей жене. Она наверняка уже спит в соседней комнате.

— Она моя жена. И поскольку она является таковой, то нет ничего на свете, что бы могло ее еще потрясти.

Федерс опустил плечи и отсутствующе смотрел на свет. Его рот был слегка приоткрыт, и из него вытекало немного слюны. Руки едва уловимо дрожали, когда он снова схватил наполненный стакан. Резким движением он вылил в себя алкоголь и закашлялся; коньяк потек по его подбородку на рыцарский крест.

— Вам следовало бы увидеть меня год назад, Крафт, с меня можно было писать бога войны. И я говорю это не потому, что хочу похвастаться, а для того, чтобы коечто объяснить вам. Я знал, что когда-нибудь стану генералом или в обозримое время трупом. Первое было для меня приятнее, но и второе меня не пугало. И я нашел в Марион женщину, которая делала еще более совершенным высокое чувство большой карьеры, и не в последнюю очередь благодаря пьянящему чувству счастья, которое она все время умела давать мне. И так я, дурень, блаженно шагал вперед — и везде я чувствовал себя победителем. Пока меня вскоре осколком гранаты не ранило в пах, после чего я перестал быть мужчиной, как кастрированный кот.

Крафт, который намеревался взять свой стакан, застыл посреди этого движения и смущенно посмотрел на Федерса. Он увидел мужественный, выпуклый, блестящий от пота лоб, за которым работал точный, быстро реагирующий мозг. Мозг, мысли которого могли быть стре-

мительными и который умел точно, тщательно, математически безошибочно считать и рассчитывать.

Федерс постоянно пытался осознать все последствия, все возможности. У него ничего не оставалось непродуманным. Крафт, потрясенный, осознал это. Перед ним сидел человек, которому угрожало изойти кровью в результате ранений, которые он нанес сам себе — своим остро оперирующим мозгом.

— Этот случайный слизистый восторг, неужели он действительно так важен? — спросил наконец Крафт.

— Он решает все,— сказал Федерс.— Мужчина может потерять руку или ногу, одно легкое или мозг, если он у него есть, и оставаться мужчиной; если же он теряет пол, то он перестает быть мужчиной.

— Возможно, он перестает тогда быть быком, жеребцом, петухом — и этим самым он освобождается от массы всякой гадости. Его жизнь становится проще, менее сложной, спокойной. Природа все компенсирует. Разве не говорят так? Кто теряет зрение, у того становится острее слух, развивается осязание, растет фантазия.

— Все это ложь! — глухо сказал Федерс.— Все это благочестивая, дерзкая или глупая ложь! Морфий для души и массаж для мозга! В лучшем случае доброе утешение — и, конечно, даже в этом что-то есть,— но в большинстве случаев, по крайней мере в войну, за этим кроется кое-что совсем другое. Это ведь старый метод прожженных государственных деятелей: грязь и нищета, услужливо задрапированные такими декоративными словами, как судьба, божья воля, честь, провидение, жертва. Путеводная нить для совратителей народа и тех, которые хотят стать таковыми. Жертва! Все время они говорят о жертве за родину, за свободу, за мир или за то, что оказывается в данный момент целесообразным. Они торгуют дешевым состраданием и оплачивают свои счета честью. Все это целесообразно и многообещающе: опробировано и оправдало себя тысячелетиями. Я знаю: смерть и увечья неизбежны в войне для солдата, как вода для рыбы. Кто надевает военную форму, может рассчитывать на рыцарский крест, но он должен думать и о могильном кресте и даже о ранении в пах. Мне это всегда было абсолютно ясно — теоретически. Но когда вы потом лежите, уставившись в потолок, и чувствуете себя беспомощным и бессильным и совершенно оскопленным — что тогда?

На это Крафт сразу не мог ничего ответить. Он автоматически взял бутылку водки, налил себе полный стакан и выпил его до дна. Водка была как вода.

— Вы не должны все это недооценивать, Крафт,— сказал Федерс.— Никогда нельзя этого делать! Половое влечение является одним из факторов нашего бытия, одной из решающих сил вообще и, возможно, последним секретом созидания.

— Жаждущие все время думают о воде, голодные — о еде, одинокие — о женщине или о друге. То, чего нам не хватает, кажется всегда самым желанным. При этом каждый, кто способен мыслить, знает, что нет полного удовлетворения. Удовлетворение чувств тоже является кратковременным.

— Не пытайтесь обманывать меня, Крафт. Вы ведь знаете, что нами движет,— нами в особенности. Ведь нет ничего, что у солдат проявляется наиболее ярко и назойливо. Они являются жертвами принуждения. У них нет другой такой темы для разговоров, которая хотя бы приблизительно занимала их в такой степени. И они говорят об этом, потому что они находятся под гнетом смерти. Страх смерти является одним полюсом их бытия, половое влечение — другим. «Война и любовь» — так назывались книжонки, при чтении которых у солдат прошлой мировой войны подкашивались ноги. Тщеславие и сексуальная потребность, опьянение властью и опьянение полового влечения, гибель и зачатие. Это то, Крафт, что каждый носит с собой.

Глаза капитана Федерса постепенно стекленели. Некоторое время он сидел, неподвижно уставившись перед собой. Затем снова выпил водки, тяжело поднялся, пошел, слегка шатаясь и волоча ноги, к двери, которая вела в спальню. Эту дверь Федерс открыл очень осторожно. Он ухватился за дверной косяк, нагнулся и заглянул в спальню. Затем сказал переутомленным голосом, измученно и все же нежно:

— Она спит.

Крафт встал, не зная, что ему делать. Он чувствовал потребность подойти к Федерсу и обнять его. Но Федерс до сих пор сам не сделал ни одного доверчивого жеста. Он только произносил вызывающие, назидательные речи.

Капитан обернулся. Он глядел на обер-лейтенанта, сощурив глаза, почти резко. Затем закрыл за собой дверь и сказал:

— Почему вы встали, Крафт? — Крафт сел.— Вы что, собираетесь шпионить за мной? — Крафт ответил на этот вопрос отрицательно.— Я бы этого вам и не советовал,— сказал Федерс.

Прошло довольно много времени. Гнетущая тишина повисла в комнате. Издалека радиоприемник доносил вальс Иоганна Штрауса — он звучал навязчиво-вульгарно, так как его исполнял духовой оркестр. Наконец капитан Федерс с трудом произнес, прислонившись спиной к двери спальни:

— Все, что я вам разъяснил, Крафт, имеет под собой основу. Это правило. Но и у него, естественно, есть исключения — и одним из них являюсь я. Я сделал свои, особые выводы из этой ужасной ситуации. Хотя я и потерял так называемую мужскую силу, но я сумел компенсировать это своей волей и разумом. Вы следите за моей мыслью, Крафт?

— Зачем вы пытаетесь разъяснить мне то, чего я не хочу знать?

— Не увиливайте, Крафт, слушайте хорошенько. Я даю вам великолепный материал для внутренних клубных разговоров. Дело обстоит так: для утерянных членов имеются протезы, для утраченной мужской силы также возможна замена. Эту функцию выполняет у меня Миннезингер. Я сам выбрал его и убедил свою жену. Он только тело, и больше ничего. Мы с женой в этом едины. Он — инструмент. Протез. Хорошо обдуманный выход из положения. Глупая, прилизанная обезьяна с хорошо работающими мускулами и мозгом комара. Наличие его освобождает меня от унизительных мучений. Вам это ясно, Крафт?

— Нет,— произнес тот устало и печально.— Мне ничего не ясно.

— А зачем же вы тогда мотаете мне душу, Крафт?— спросил капитан и, шатаясь, приблизился к нему. Глаза его метались от Крафта к бутылке.— Почему вы влезаете ко мне в доверие и хотите выпотрошить меня, как рождественского гуся? Почему вы окружаете меня вашей коварной лестью? Вы хотите посмеяться надо мной, Крафт?

— Я честно пытаюсь понять вас, — сказал Крафт и посмотрел в лицо, искаженное алкоголем и мукой.— Но я боюсь, что мой мозг функционирует иначе, чем ваш.

— Вы хотите посмеяться надо мной! — закричал капитан Федерс.— Уйдите с глаз моих и не показывайтесь

больше здесь! Мне надоели люди такого сорта! Глупые свиньи! Это все, что этот загаженный мир предлагает на выбор! Вон отсюда!

— Спокойной ночи, господин капитан,— сказал Крафт. На душе у него было скверно.

12

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ И ХОРОШИЕ МАНЕРЫ

— Друзья,— обратился обер-лейтенант Крафт к фенрихам, — как известно, вовсе не требуется досконально быть в курсе какого-либо дела. Главное — уметь что-нибудь сказать о нем. А теперь перейдем к нашей сегодняшней теме: что надо знать о хороших манерах.

Поначалу урок шел как обычно. Офицер-воспитатель ставил предусмотренные программой идиотские вопросы; фенрихи давали на них такие же глупые ответы. В общем, настроение у всех было прекрасное: тема — легкая, нет в ней подводных камней, и отвечать на подобные вопросы — сущее удовольствие.

Например: кто кого приветствует первым? Мужчина всегда первым приветствует даму. Это бесспорно. Но вот как быть, если встретятся несколько джентльменов и дам и все они в разных чинах и званиях? Уже из одной такой стандартной ситуации быстро возникали бесчисленные варианты. Скажем, фенрихи встретили капитанов, которые вышли прогуляться с унтер-офицершами,— ситуация, конечно, чисто теоретическая, как Крафт не преминул заметить. Или лейтенант столкнулся с генералом, который в свою очередь повстречался с сестрой лейтенанта,— это, безусловно, на практике можно чаще встретить, учитывая, что в данном случае люди вращаются в узком офицерском кругу.

— Скажите, хорошие манеры приходят сами собой?— спросил Крафт и посмотрел сверху вниз на Хохбауэра.

— К офицеру никак нет, господин обер-лейтенант,— ответил тот быстро.

— А не кажется ли вам немного абсурдным,— спросил осторожно Крафт,— в разгар войны вот так серьезно рассуждать о формах обращения друг к другу людей, состоя-

щих в разных чинах и званиях, о том, как нужно и когда именно целовать руку даме?

— Это ни в коей мере не может показаться глупым,— ответил Амфортас, один из лейб-гвардейцев Хохбауэра,— ведь тема включена в программу.

Данный довод всегда действовал безотказно; даже Крафт не отваживался заявить, что это нелепо. Он просто ухмылялся.

Фенрихи, как водится, прилежно конспектировали. Меслер уставился прямо перед собой — он незаметно полировал под столом ногти и считал это практическим вкладом в изучение темы.

Конспект фенриха Редница, который сидел на задней парте рядом с Меслером, выглядел следующим образом: старость предпочтительнее молодости, женская персона — мужской. Исключение: лестница — джентльмен спускается впереди дамы; жене офицера отдается предпочтение по сравнению с унтер-офицершей — решает большее звание мужа; звание также решает, если кавалер выбирает, кому из дам отдать предпочтение; он отдает предпочтение и помалкивает, чтобы не нарушать устав.

— А как должны вести себя офицеры, если им нужно идти в клозет? — спросил нарочито безобидным тоном кадет Меслер, прервав полировку ногтей.

Обер-лейтенант Крафт ничтоже сумняшеся скомандовал, чтобы кадеты подумали и подготовили ответ на этот вопрос.

— Ну-ка, Хохбауэр? — спросил он через пару минут.

Хохбауэр встал. Он был достаточно умен, чтобы понять не только то, что вопрос Меслера — провокация чистейшей воды, но также и то, что именно его вызвал Крафт для достойного ответа. Он должен был, следовательно, утихомирить смешки и овладеть положением в классе.

И Хохбауэр с самой серьезной миной ответил:

— Офицер отличается от рядового и унтер-офицера, и не только своими личными качествами, чертами характера и знаниями, но также и внешним видом. Например: у него иная униформа, другие знаки различия и снаряжения — вплоть до нижнего белья. И питается офицер не в солдатской, а в офицерской столовой — казино. Он пользуется отдельным туалетом, имеет от него собственный ключ. Даже в полевых условиях имеются полевые офицерские стульчаки и переносные полевые клозеты, или по

крайней мере отгороженная часть в клозете для нижних чинов, или же, наконец, если такое невозможно устроить, выделяется специальное время для пользования отхожим местом только для офицерского состава. Ведь офицеру полагаются известные привилегии, которыми хоть в небольшой степени компенсируются огромная ответственность и трудные обязанности, возложенные на него.

— Разрешите сделать маленькое замечание,— сказал фенрих Меслер.— Я считаю рассуждения фенриха Хохбауэра теорией чистой воды. Я считаю, что могут возникнуть ситуации, при которых нельзя будет провести разницу между званиями. Если будет дозволено, сошлюсь на следующий пример: офицер портит воздух так же сильно или так же слабо, как и простой рядовой, по крайней мере, когда дело принимает серьезный оборот.

Тут поднялась оживленная дискуссия, которая грозила расколоть учебное отделение «Х» на два лагеря. И если все же фронты обозначались недостаточно ясно, то вот почему: никто не мог еще точно определить, каково же мнение инструктора-воспитателя. Это мешало большинству фенрихов занять однозначную позицию. Ведь Крафт только терпеливо улыбался. Он предоставил своим подопечным полную свободу, но внимательно наблюдал за ними.

Постепенно спор утих — и его великолепный результат был, как всегда, один и тот же: «верно как то, так и это»; «при известных обстоятельствах»; «в том-то и дело». С этим все были согласны, впрочем, как всегда,— неважно, умно это или глупо, — и выражали полное удовлетворение. Однако обер-лейтенанта на сей раз заело, и он решил показать, до каких пределов дошла их глупость.

Он обратился к притихшим фенрихам:

— Возьмем следующий случай. Кого-нибудь из вас пригласил к себе домой командир, и вы, конечно, к нему явились, если случайно не лежите на смертном одре. Там танцы. Вы пригласили супругу своего командира, что тоже само собой разумеется,— это вы обязаны сделать, так диктуют хорошие манеры. Дама принимает ваше приглашение, и вы темпераментно танцуете. И вдруг у вас из глаза выскальзывает монокль; подчиняясь силе тяжести, он летит вниз с большим ускорением, которое сообщили ему ваши энергичные па, и падает прямо за роскошно откровенное декольте супруги командира. Как вы поступите?

Фенрихи внимательно выслушали все это. Им нужно было хорошенько подумать, чтобы решить возникшую проблему: у них не было никакого иного выбора, кроме как принять слова обер-лейтенанта совершенно всерьез.

То, что кандидатов на офицерский чин необходимо заставлять поразмыслить над подобными глупостями — Крафт знал прекрасно, — было одной из излюбленных теорий майора Фрея. История с моноклем и женской грудью имела хождение в офицерских казино еще на рубеже двух последних столетий, но она, эта история, давала возможности выйти из создавшейся ситуации несколькими необычными путями, по меньшей мере тремя. Решение же подобных проблем, по мнению майора Фрея, обостряло интеллект. Крафт улыбнулся.

— Ну-ка, Амфортас? — спросил он.

Амфортас сидел рядом с Андреасом. Крафт уже давно догадался: эти двое были главными пособниками греко-германского юноши Хохбауэра. Они и внешне походили друг на друга — лишь были немного более худыми, бледнее и поменьше ростом, чем Хохбауэр, только чуть меньше. Но даже этих немногих деталей оказалось достаточно, чтобы представить Амфортаса и Андреаса в виде гипсовых копий — именно копий — с подлинной скульптуры.

— Слушаю, Амфортас! Не заставляйте нас слишком долго ждать, пока истина осенит ваш могучий интеллект. Итак — как вы поступите?

— Я принесу извинения, — пролепетал неуверенно Амфортас.

— А потом? — мягко спросил обер-лейтенант.

— Я принесу извинения,— повторил Амфортас на этот раз уже тверже.— И больше ничего делать не надо.

— Ну а ваш монокль? — спросил Крафт и к своему удовольствию заметил, что фенрихов наконец охватило веселое настроение.— Что с вашим моноклем? Разве вы оставите его там, где он приземлился? Потребуете возвратить его обратно? И полагаете, его вам действительно вернут? Или как?

Фенриху Амфортасу эта задача была явно не по плечу. Он тяжко ворочал мозгами, и неуверенность овладела им. Он ответил явно недостаточно, что, конечно, плохо. Но сейчас, при вторичном вопросе, он не нашел вообще никакого ответа, а уж это совсем паршиво. Потому что он нарушил одно из важнейших требований, предъявляемых к офицерам: нет такой ситуации, которая смогла бы при-

вести офицера в смущение; нет такого положения, из которого не смог бы выпутаться офицер. Ясно, что Амфортас схватил неудовлетворительную оценку.

— Ну а вы, Андреас, как бы поступили? — спросил Крафт.

— Я игнорировал бы все это, господин обер-лейтенант,— ответил Андреас с отчаянной решимостью.— Я бы сделал вид, будто ничего не произошло.

— Что вы там болтаете? — спросил Крафт и притворился удивленным.— Вы игнорировали бы? Вы уронили монокль за пазуху даме и сделали бы вид, словно ничего не случилось?

Этими словами Крафт как бы повергнул Андреаса наземь. Слушателей охватило беспокойство. Они стали побаиваться, не слишком ли рано предались веселью. Оказалось, что поставленная задача содержала неожиданные ловушки.

— Итак,— сказал Крафт,— давайте-ка резюмируем. Господа предложили несколько возможных вариантов решения. Первый: принести извинения. Второй: все происшедшее игнорировать. Третий: попытаться заполучить монокль. Но как? Хватают его собственноручно? Или же просят супругу командира самое достать монокль? Или же ждут, пока монокль сам по себе не вылезет наружу? Далее. Если приносят извинения, то в какой форме? Если игнорируют — каким образом? Если ищут монокль за пазухой — как это делается? А ну-ка, Хохбауэр, как бы вы поступили в данном случае?

— Я уверен, господин обер-лейтенант,— твердо заявил Хохбауэр,— со мной подобного никогда бы не произошло. Я держался бы на приличествующем расстоянии.

— Виляете, Хохбауэр! Видно, не желаете решать четко и конкретно поставленную мной задачу. Не так ли?

Вот и Хохбауэр попал в примитивную ловушку. Он тоже не знал ответа. Кроме того, он был убежден, что обер-лейтенант без труда разобьет любой его аргумент. Эта мысль совсем сбила фенриха с толку. Он молчал, пытаясь достойно выйти из положения. Но это не помогло: он чувствовал, что Крафт наносит ущерб его авторитету среди сокурсников. И он решил: нужно предпринять что-либо действенное против этого.

А Крафт был доволен. Он снова провел занятие именно так, как ему хотелось. Он сказал:

— Утром каждый из вас письменно доложит мне коротко свое решение данной задачи. На сегодня довольно. Занятие окончено.

Фенрихи отдельными кучками покинули помещение для занятий. Хотя до их барака было всего около сотни метров, этот путь они обязаны были проделать строем.

Крамер пытался построить фенрихов в затылок. Но это было не так просто, ибо фенрихи увлеклись обсуждением темы «монокль за пазухой».

— Что скажешь по этому поводу? — мрачно сказал Амфортас своему другу и собрату по оружию. Оба оглянулись на Хохбауэра, молча взывая о помощи.

— И все же решение совсем просто,— сказал тот совершенно серьезно.— Всегда, когда передо мной ставят трудную задачу, я спрашиваю себя: а что сказал бы по сему случаю мой фюрер? И тогда все решается легко.

— Ну и как ты думаешь: что сказал бы в этом случае твой фюрер?

— А сами вы об этом не догадываетесь?

— Нет, — чистосердечно признались оба.

— Ну, так подумайте-ка сами.

Фенрихи брели к своему бараку. Крамер несколько раз пытался навести порядок, призывал прекратить разговоры. Все напрасно.

Одни считали, что незачем письменно излагать решение. Другие убежденно говорили, что это придирка, очередная каверза. Третьи видели в этом хитрую уловку Крафта, чтобы проверить их поведение и образ мышления.

— Так уж всегда,— сказал глубокомысленно один из фенрихов,— офицеры хотят нас оболванить, к этому направлена вся их деятельность. И поможет нам лишь одно: мы должны всегда выполнять, что они потребуют! И если кто-нибудь из них прикажет мне написать сочинение о том, как нужно пользоваться туалетной бумагой, я сделаю это беспрекословно!

Между тем фантазия фенрихов разыгралась вовсю. Декольтированная грудь как тема для занятия—такое в конце концов встретишь не каждый день.

Фенрих Эгон Вебер, самый сильный в команде, заявил:

— Я просто подниму командиршу вверх ногами и буду держать до тех пор, пока монокль не выпадет. А затем я скажу: «Премного благодарен вам, милостивая государыня».

— Слишком церемонно! — высказал свое мнение Меслер.— Нужно сказать: «Разрешите, милостивейшая!» — и полезть затем прямо за пазуху. Конечно, сделать это тактично.

— А если попадется какое-нибудь старое пугало?

— Тем более! — пояснил Меслер.— Уже из одного человеколюбия! И если при этом речь идет о супруге командира, можно рассчитывать даже на повышение по службе.

— Или это кончится отправкой на фронт,— заметил Редниц.

— У вас нет ни малейшего поэтического чувства,— сказал Бемке, слывший большим фантазером.— Вы всегда думаете об одном и том же. А в данном случае предлагается пережить чудесный момент, достойный самого Боккачио. Если вы хотите заполучить монокль, который скрыт где-то в душистых прелестях дамы, для этого есть лишь единственный путь: нужно завоевать прелестницу. И не так — грубо лапать, как вы это обычно делаете, а за дамой надо поухаживать, осыпать ее ласками, признаться в нежной любви — и когда она в конце концов начнет раздеваться...

Фенрихи взорвались хохотом. Крамер боязливо огляделся, но к счастью, вокруг не было видно никого из начальствующего состава. Следовательно, он мог не вмешиваться в происходящее.

— Разойдись! — скомандовал он все же с облегчением, когда команда добралась до барака.

Фенрихи протиснулись в коридор. Служебная часть распорядка дня была окончена. Их разговоры в один миг стали совсем свинскими. Меслер толковал уже о том, что случилось, если бы монокль попал в трико жены командира.

У Хохбауэра подобные скабрезности вызывали растущее чувство отвращения. Он с раздражением воскликнул:

— Прекрати эту гадость!

— Это твой вид всегда вызывает у меня гадливое чувство! — парировал Меслер.

Фенрихи снова заржали. А Хохбауэр обратился к своим друзьям:

— Они будут теперь смеяться над любым дерьмом. Но когда-нибудь они все-таки поумнеют.

Хохбауэр был очень недоволен поведением своих со-

курсников. Он считал, что сегодняшний день никак нельзя было назвать удачным.

— Я думаю,— сказал Хохбауэр друзьям,— все это добром не кончится. Так требует элементарная порядочность.

— Разрешите обратиться, господин капитан,— сказал фенрих Хохбауэр. Голос его звучал просительно и твердо одновременно.

Капитан Ратсхельм находился в своей комнате. Он сидел в кресле под торшером. Теплый, спертый воздух, с тяжелым запахом сгоревших угольных брикетов, разморил его. Он скинул мундир и немного распахнул рубашку. На ней ярко выделялись красные подтяжки. Носки он носил бело-серого цвета. Капитан излучал фамильярное добродушие.

Фенрих вежливо сказал:

— Надеюсь, господин капитан, я вам не помешал.

Капитан Ратсхельм изобразил преувеличенно великодушный жест. Он закрыл книгу, над которой клевал носом. Это был том военной истории, то самое место, где описывались битвы Фридриха Великого.

— Рад вас видеть у себя в любое время, фенрих Хохбауэр, как и любого другого, конечно. Именно для этого я служу здесь. Садитесь, садитесь ближе ко мне. Не хотите ли сигарету? Нет? Очень похвально. Курение — это признак нервозности. Я тоже не курю, точнее, очень редко, чаще всего в гостях. Но что вас беспокоит, мой дорогой? Что огорчает?

Хохбауэр опустился на стул рядом с капитаном. Он рассматривал жирную, розовую грудь Ратсхельма и был склонен считать, что если капитан принял его в таком затрапезном виде, то это знак доверия. А может быть, даже еще больше — конфиденциальности?

— Господин капитан, очевидно, хорошо знает,— начал он доверительно,— в свое личное время я занимаюсь кое-какими частными делами, которые некоторым образом можно считать и служебными.

— Мне очень хорошо известно, и я приветствую это. Итак, докладывайте.

— Господин капитан! Принц Евгений был французом на австрийской службе. Граф фон Мольтке — датчанин, который одержал немало побед во славу Пруссии. Но

нельзя ли в таком случае предположить, пусть даже гипотетически, что оба полководца в известном смысле были первыми, кто придерживался великогерманского и вместе с тем общеевропейского образа мышления?

— Превосходная мысль! — согласился капитан Ратсхельм.— Я тоже думал об этом. И нахожу, что выводы, которые вы, фенрих Хохбауэр, сделали, заслуживают самого пристального внимания. Ибо в конце концов дело идет не только о Германии и присоединенных к ней странах, но и о гораздо большем.

Хохбауэр благодарно улыбнулся. Некоторое время они беседовали в полном согласии на эту поистине неисчерпаемую тему. Увлекшись разговором, капитан положил по-приятельски руку на колено фенриха, что было явным признаком воодушевления, с которым велась беседа.

Но через некоторое время Хохбауэр сменил тему. Немного смущенно он признался, что не может толком разобраться в одном случае.

— Не знаю, смею ли я затруднять господина капитана?

— Только без этой фальшивой стыдливости, мой милый,—подбодрил Ратсхельм.

Хохбауэр рассказал о монокле фенриха, упавшем во время танца за декольте супруги командира. И поспешил добавить:

— Я, конечно, не прошу господина капитана выполнить за меня домашнее задание. Но должен признаться, что мне это задание показалось чрезвычайно странным.

— Хм,— задумчиво произнес капитан Ратсхельм, рассматривая свои носки.

— Нахожу все это,—продолжал фенрих,— я бы сказал, неэстетичным. Да, мысль о подобном случае вызывает у меня отвращение.

Ратсхельм кивнул. Он пытался вообразить: голые груди, трясущаяся белая женская плоть... Капитан тоже нашел это почти отвратительным. И, конечно, неэстетичным.

— В данном вопросе я согласен с вами, фенрих Хохбауэр. По-моему, ярко выраженное чувство стыда — это всегда признак высокой морали.

И они почувствовали себя почти счастливыми из-за того, что были единодушны в оценке этого случая. Тем не менее капитан в любой момент помнил о своих служебных заповедях. А одна из них гласила: в присутствии подчиненного никоим образом не упрекать офицера-воспита-

теля, не говорить о нем худого слова. В противном случае это означало подрыв дисциплины.

— Я благодарю вас, господин капитан, за понимание.

— Мой милый Хохбауэр,— сказал Ратсхельм,— я умею ценить доверие, которое мне оказывают подчиненные. И смею надеяться, что они будут так поступать и впредь. Ибо старый, испытанный девиз гласит: доверие за доверие. И соответственно: верность за верность! Понимаете, что я имею в виду?

Фенрих Хохбауэр кивнул. В данном случае ему не требовалось никаких дополнительных пояснений. Он сделал вид, будто от сильного волнения не может вымолвить ни слова. Между тем Ратсхельм застегнул рубашку, натянул мундир, обул сапоги. Сердечно, по-товарищески хлопнул Хохбауэра по плечу.

— Я не из тех, кто много обещает,— сказал капитан.— Но я кое-что предприму, в этом могу вас заверить.

— Разрешите поговорить с вами самую малость, капитан Федерс?

— Нет,— ответил Федерс,— меня здесь нет, во всяком случае, если и есть, то не для каждого.

Капитан Ратсхельм был начальником учебного потока и в этом качестве старался точно соблюдать правила игры. Он никого не обходил в докладах по служебной лестнице, если не имелось достаточно веских оснований для противного. И поэтому он решил начать с капитана Федерса, который был здесь преподавателем тактики.

Однако Федерс совсем не хотел, чтобы ему мешали. Он играл в биллиард — причем сам с собой. Это было приятное занятие: таким образом он выигрывал каждую партию.

— Я отниму у вас всего пару минут,— уверял Ратсхельм, — а речь идет об одном деле, о котором я просил бы вас никому не рассказывать.

— Ну ладно, Ратсхельм, я молчу.

— Я и не думал иначе, Федерс,— начал сварливо начальник потока.— Я полагаю: то, что мы сейчас обсудим, останется между нами. Служебная тайна, так сказать. Меня очень беспокоит обер-лейтенант Крафт. Серьезные сомнения относительно его. Его методы вызывают у меня недовольство, более того — отвращение. Его действия свидетельствуют о том, что он несерьезен. У меня воз-

никло неприятное чувство: он высмеивает то, что для него должно было бы быть святым, во всяком случае — уважаемым согласно присяге. Давайте откровенно, Федерс. Что вы думаете о Крафте?

— Да отстаньте вы от меня с этим ничего не значащим новичком! — ответил с раздражением преподаватель тактики.— Я выхожу из себя, когда подумаю о нем. Просто глаза застилает. А мне нужно сейчас ясно видеть — я же играю в биллиард.

— Следовательно, я могу констатировать, что ваше мнение о нем резко отрицательное.

— Вы прирожденный провидец, Ратсхельм. И как таковой, должны наконец понять, что вы давно мне мешаете.

— Федерс, вы шутник.

— Может быть, но, к сожалению, я еще никак не могу придумать, как нужно вести себя, когда хочется смеяться до упаду над своим собеседником.

— Разрешите осведомиться, как вы поживаете? — любезно спросил Ратсхельм.

— Так себе,— ответила племянница майора.— А вы?

— Спасибо, тоже так себе.

Этот разговор, очень серьезный и многозначительный, состоялся в передней квартиры майора Фрея по адресу: Вильдлинген-на-Майне, Рыночная площадь, дом семь. Барбара Бендлер-Требиц, экономка, служанка и племянница в одном лице, приветствовала незваного гостя.

Майору пришлось сменить войлочные шлепанцы на ботинки, а его супруге — привести в порядок свою фасонную прическу перед зеркалом, кстати настоящим венецианским. Между тем Барбара, племянница-служанка, принимала капитана.

Она, судя по всему, была очень услужливой девицей: помогла Ратсхельму снять шинель, смахнула с мундира несколько пылинок и ниточек. Ратсхельм нашел, что сделала она это несколько утрированно, но очень по-женски. И его это тронуло. Барбара принялась за его тыловую сторону, прошлась ладонью вниз по спине почти до того места, где она кончалась.

— Очень благодарен,— сказал слегка смущенный Ратсхельм.

— Не стоит благодарности, лишь бы это вам понравилось.

Ратсхельм не успел ответить: появился майор. Его рыцарский крест сверкал, а голос звучал сердечно.

— Вы всегда желанный гость в моем доме.

В этом же самом заверила и фрау Фелицита, вошедшая вслед за майором.

— Разрешите предложить рюмочку мадеры? — Майор знал: это предложение — верный знак того, что супруга жаловала Ратсхельма. По какой-то совершенно непонятной причине Фелицита считала мадеру царицей всех вин. Только избранные гости получали мадеру, ну и он сам, конечно. Майор протежировал Ратсхельму и не имел ничего против, что тому предлагалась мадера. Ибо он мог доверить Ратсхельму не только службу, но и свою собственную жену. Капитан никогда бы не перешел дозволенных границ, так полагал Фрей.

— Вы человек с принципами, Ратсхельм,— заверил майор.— Я умею это ценить.

— Но, прошу вас, господин майор,— заскромничал капитан,— ведь каждый исполняет свой долг как может.

— Жаль,— сказала майорша задумчиво,— жаль, что вы до сих пор не женаты, дорогой господин Ратсхельм. Очень жаль. Вы же прирожденный глава семейства — верный и заботливый, праведный и твердый.

— Моя милая,— сдерживая супругу, вмешался майор,— сейчас у нашего Ратсхельма более чем достаточно забот с его фенрихами, да и с некоторыми офицерами к тому же. Не правда ли?

— Как всегда! — пылко заверил Ратсхельм.— У господина майора острый ум, который позволяет ему вовремя распознать зарождающиеся неприятности. У господина майора верный глаз на такие штучки.

Польщенный, майор улыбнулся и скромно воздел руки, как бы обороняясь от льстивых слов. Но фрау Фелицита бросила на супруга взгляд, весьма далекий от восхищения. Она была раздосадована: майор помешал ее маневрам, как устроить дальнейшую жизнь капитана.

— Итак, выкладывайте,— подбодрил Фрей.— Спокойно излагайте ваши доверительные сведения.

— Деликатная история,— сказал Ратсхельм,—и, полагаю, не для дамских ушей, конечно.

— Я супруга командира,— заявила Фелицита решительно.— И поэтому я имею отношение ко всему, что касается службы моего мужа.

— Благодарю тебя,— сказал майор.

— Следовательно, можете говорить совершенно откровенно, дорогой господин Ратсхельм.— Фелицита улыбнулась, сгорая от любопытства.— В конце концов, у нас достаточно жизненного опыта, не правда ли?

Капитан Ратсхельм кивнул. Затем он стал докладывать, сделав вид, что это ему очень не хочется. Он считал пример, который выбрал обер-лейтенант Крафт для разбора на занятиях по хорошим манерам, неприличным и возмутительным.

Майор усмехнулся.

— Ну, ну,— сказал он игриво,— конечно, немного смелая шутка, но, пожалуй, ничего особенного. В мое время, когда я был фенрихом, кстати лучшим слушателем в выпуске, мы тоже от всего сердца смеялись над подобными смешными ситуациями. Ха-ха-ха!

Однако смех застрял у него в глотке, когда он увидел каменное, искаженное судорогой возмущения лицо супруги. Своим женским инстинктом она мгновенно поняла всю наглость, все бесстыдство поведения Крафта.

— Арчибальд! Как ты можешь смеяться?! Неужели ты не понимаешь, какую цель преследовал этот тип, этот Крафт?! Он пытался высмеять меня и тем самым подорвать твой авторитет!

— Но почему? — спросил майор, не понимая, к чему клонит его супруга.

— Почему! — закричала она с гневным сарказмом.— Этот тип болтает о супруге командира,— значит, обо мне! Он утверждает перед четырьмя десятками фенрихов, что у меня бесстыдное декольте! Он открыто произносит слово «груди» — и это в связи со мной! Он убеждает неиспорченных юношей в том, что можно непристойно приближаться к даме! А ты, Арчибальд, хохочешь над всем этим.

— По мне, этот человек не подходит для должности офицера-воспитателя,— как бы откровенно сожалея, заявил Ратсхельм. — Жаль, конечно, но против него свидетельствует не только выбор темы занятий, по которой он задал даже домашнее сочинение. Как начальник потока, я бы мог во многом упрекнуть его. Преподаватель тактики в этой группе капитан Федерс также отрицательного мнения о нем.

— Вряд ли капитан Федерс заслуживает того, чтобы его считали кладезем высокой нравственности и морали,— заметила фрау Фрей.— Но раз даже он против этого ти-

па — тогда нужно в конце концов принять соответствующие меры.

Майор кивнул.

— Никакого сомнения,— сказал он.— Поистине никакого сомнения.

— Стыд-то какой! — воскликнула фрау Фелицита, прикинувшись очень расстроенной.— Подобные типы, может быть, и годятся, чтобы обучать новобранцев. Но в такие руки нельзя вручать судьбу молодых кандидатов в офицеры! Это же прекрасные юноши!

— Великолепный материал, милостивая государыня, — заверил Ратсхельм. — Милостивая государыня должна выбрать время, чтобы взглянуть на этих парней — это приободрит их.

— Ладно, Ратсхельм,— сказал майор,— вы меня убедили. Но сможем ли мы убедить и генерала?

Они заседали до полуночи. Пункт за пунктом, тщательно изложили они свои сомнения. Аргументация последнего пункта — они были убеждены — должна подействовать неотразимо.

— Это решающий пункт,— сказал Ратсхельм.— Генерал не терпит ни малейшего похабства в своем хозяйстве.

— Конечно, конечно,— глубокомысленно подтвердил майор.— Но все же мы затеяли, безусловно, рискованное предприятие. Как поступит генерал — наперед никогда не угадаешь.

— На этот раз он не сможет отмахнуться от твоих аргументов, — сказала Фелицита.

Наутро майор Фрей и капитан Ратсхельм попросились на прием к генерал-майору Модерзону. Генерал принял их незамедлительно.

— Переходите без лишних слов к делу.

Офицеры как можно более убедительно изложили генералу свои претензии к Крафту. И в заключение красочно рассказали о примере, который использовал Крафт на занятиях. Они были убеждены в том, что генерал найдет все это в высшей степени возмутительным.

Закончив докладывать, офицеры выжидающе уставились на генерал-майора Модерзона. Однако генерал невозмутимо глядел как бы сквозь них, словно они были стекла. Наступила такая прозрачная тишина, что им показалось: снежинки, падавшие за окном, стучат о землю, как крупные капли дождя.

Наконец генерал, растягивая слова, сказал:

— Задача, поставленная обер-лейтенантом Крафтом, решается просто: фенриху не положено носить монокль, в противном случае он стал бы кривлякой, фатом. А фат не может быть офицером — во всяком случае там, где я командую. Благодарю вас, господа.

И это было все.

ВЫПИСКА ИЗ СУДЕБНОГО ПРОТОКОЛА № IV

БИОГРАФИЯ МАЙОРА АРЧИБАЛЬДА ФРЕЯ, ИЛИ СВОБОДА ЦЕЛЕУСТРЕМЛЕННОГО ЧЕЛОВЕКА

Мои имя и фамилия Август Вильгельм Арчибальд Фрей. Отец мой был уважаемым торговцем бакалейных товаров. Звали его Август Эрнст Фрей, родом из Вердау в Саксонии. Матушку мою звали Мария-Магдалена Фрей, урожденная Циргибель. Происходила она из влиятельной помещичьей семьи. Я появился на свет в упомянутом Вердау 1 мая 1904 года, там же прошли мое детство и школьные годы.

Маленькая, хилая женщина, в чем душа держится,— это моя мамочка. Столь же некрупная, может только чуть пошире, ее тень — это мой папаша. У мамаши было личико маленькой мышки, отец же выглядел как хомячок перед зимней спячкой. Мамаша всегда была тихоней и много молилась богу. Папаша же всегда шумен, громогласен. Лавка его, маленькая и темная, тем не менее всегда забита доверху товарами. Ящики с ними торчали даже на кухне, и в туалете громоздились пакеты со стиральными порошками. Правда, коробки со сладостями и шкатулка с деньгами стояли под кроватью отца. И, прежде чем ложиться спать, он всегда просовывал руку под кровать — убедиться в целости и сохранности деньжат. Да и сон у отца очень чуткий — это уже было проверено на практике.

Господин пастор — чрезвычайно влиятельный человек, во всяком случае так считает моя мамуля. И она готова для него на все — так, во всяком случае, считает мой па-

паша. Кроме того, пастор для моего отца еще и клиент, который иногда, в частности к рождеству, покупает у нас восковые свечи для подарков, а также разные продукты. Отец торгует всем, что продается,— не только колониальными товарами, то бишь бакалеей. А после того как пастор заказал у нас масло для лампад — я обрел право петь в церковном хоре. На этом отец зарабатывает, по его признанию, около семи марок. Мамаша моя в то же время жертвует на церковь десяток марок, из коих три становятся чистой прибылью пастора — о чем мой папаша напоминает каждую неделю.

— Может, мне удастся сделать из тебя служителя культа,— говорит мне отец.— Кажется, это дело довольно выгодное.

В нашей лавке два колокольчика — один на дверях, другой на кассе. Тот, что на дверях, звонит резко и громко, а кассовый — серебристо и приятно. Оба их можно хорошо слышать около конторки отца, которая стоит в его спальне. Если звонит колокольчик кассы, отец сразу же тут как тут. Если же оба колокольчика звонят одновременно — а ведь тот, что на двери, звучит значительно сильнее — да если еще в это время кашлять погромче, то оказывается слышным только дверной колокольчик. Это тоже уже давно проверено. Но много наличных денег в кассе почти никогда не бывает. И ежели отец замечает, что деньги уменьшаются, то он пребывает в твердом убеждении, что вся церковь финансируется только за его счет, что, разумеется, сильно преувеличено. У матери поистине ангельское терпение, в котором, конечно, есть большая нужда.

Маленькая Мольднер, по имени Маргарита, любимица всего городка. Пастор при виде Маргариты всегда улыбается так, что становятся видны все его зубы, довольно испорченные, очевидно, вследствие того, что дантист имел иное вероисповедание. Учитель иногда говорит Маргарите даже такие слова: «Наш маленький любимчик». Участковый судья всегда гладил Маргариту и называл «кудряшкой». А парикмахер в своей цирюльне, что на углу, при виде Маргариты ласково скалится и шепчет: «О, многоуважаемая барышня!» А ведь этой Маргарите ровно столько же лет, сколько и мне. Вдобавок она косоглазая и ноги у нее толстые. А кудрей-то у нее и в помине нет — волосы похожи скорее на лошадиную гриву. Но ведь ее отец — владелец фабрики хлопчатобумажных тканей. Там

выпускаются также носки и кальсоны. А ее родной дядя — хозяин гостиницы с кафе и рестораном на рыночной площади. Вот потому-то у Маргариты всегда в руках кусок торта, или шоколад, или толстые бутерброды с сосисками, или бутылка лимонада; водятся у нее и деньжата. Я охотно охраняю девочку, чтобы кто-нибудь не отнял у нее что-либо. И за это она мне очень и очень благодарна.

Родной брат отца маленькой Маргариты Мольднер, владелец гостиницы,— славный парень. Однажды он оказался рядом со мной в то время, как я лупил одного мальчишку, очень дерзкого, хотя он и на два года моложе меня. Этот разбойник оскорбил Маргариту: он утверждал, что она обмочила ему штаны. Это была, конечно, клевета, в чем мы тут же, на месте, убедились. Во всяком случае, я его отлупил, а владелец отеля изрек: «Ты хороший парень». Я ответил: «Маргариту в обиду я не дам, оскорблять ее не позволю». И он мне опять говорит: «Это достойно с твоей стороны, ты настоящий рыцарь. А кроме того, ты ведь еще сын бакалейщика Фрея, не так ли?» Я подтвердил, что купец Фрей мой отец, и услышал: «Наверное, с твоим отцом можно иметь коммерческие дела— спроси-ка его, сколько стоит мешок сахару». И хотя мне было известно от отца, что мешок стоит тридцать четыре марки, я сказал: «Тридцать шесть марок». «Отлично!— выкликнул владелец гостиницы.— Тогда мне три мешка».

Ну а Маргарита все-таки каналья. Она пронюхала, что я добыл таким образом шесть марок, потом еще шесть и, наконец, еще восемь. Теперь она собирается донести на меня и только не знает кому — своему дяде или моему отцу. И в это время один мой приятель, Альфонс, подбросил мне хороший совет: я должен сделать с Маргаритой то, что он сделал с невестой своего брата. И это, в общем-то, неплохо. «Слушай,— сказал я Маргарите,— не выдавай меня: я же добыл эти деньги, чтобы сделать тебе подарок». «Правда?» — спрашивает она. «Честное слово»,— отвечаю я и трижды сплевываю. «И что же ты собираешься мне подарить?» — интересуется Маргарита. «Ну, что-нибудь особенно красивое,— говорю я.— То, что есть только у очень изящных женщин. Но для этого ты мне должна кое-что показать...» Мы отправляемся в лес, за кирпичный заводик,— и там она показывает мне многое. Ей это даже самой интересно. Вот она, оказывается, какая! Меня все это тоже ужасно интересует — только я

не показываю вида. Ведь, в конце концов, она все же каналья, она же хотела посадить меня в лужу, продать. И поэтому я говорю ей: «Если ты еще когда-либо захочешь мне навредить, я расскажу всем, что ты вытворяешь в лесу с парнями. И тогда увидишь, что тебе будет».

«Олух царя небесного,— обратился ко мне отец, узнав обо всем этом,— горе души моей! Ну как ты мог сотворить такое?! Или ты полный идиот? Или ты забыл, что я произвел тебя на свет,— за что же ты хочешь обрушить на меня несчастья? Эта малышка-то ведь дочь фабриканта, племянница владельца гостиницы — с такими не ссорятся, с такими стараются дружить!»

> *В 1918 году я окончил обучение в школе, получил начальное образование. Потом поступил в гимназию и в 1923 году покинул ее по чисто экономическим причинам, не получив аттестата зрелости. После ряда тяжелых лет, когда мне довелось трудиться на ответственных постах в промышленности, я принял решение стать солдатом. В 1925 году я вступил в тогдашний рейхсвер, желая сделать офицерскую карьеру.*

«Отечеству необходимы пушки,— сказал учитель.— Собирайте металл».

Собираем. В своем классе я ведаю сбором металлолома. Причем успешно. В конце концов меня назначают руководителем этой операции в общешкольном масштабе. Предпочтение отдается меди и свинцу. Порой на алтарь отечества жертвуется даже золото. Правда, не всегда это бывает добровольно. Но ведь мы действуем на благо родины, во имя повышения авторитета сограждан. И даже после окончания войны у нас еще оставались запасы собранного металла. Но теперь у нас иные задачи —скрыть их от разных разнюхивающих комиссий. В этом деле горячее участие принимает и отец, правда отнюдь не из альтруистических соображений — что приводит нас к конфликтам.

«Я же дам тебе эти деньги для продолжения образования,— говорит отец.— И это тоже означает действовать в интересах Германии».

И я понимаю, что он прав. Любимая родина по ночам кишит спекулянтами, мошенниками, мародерами. И все это должно означать сохранение истинных ценностей.

Смутное, мучительное время! Отечество, как говорится, повержено в прах, но не раздавлено и не уничтожено; оно лишь обескровлено. Все чиновники пресмыкаются. Все блюдолизы хотят протягивать ножки по новой одежке. Мать считают сторонницей попов, отца окрестили холопом капиталистов — и это при его-то неудачных попытках обогатиться. Ему приходится продавать сахар по мешку в компании с братом фабриканта Мольднера, владельцем гостиницы, приверженцем кайзера. Короче говоря, дела идут из рук вон плохо. Даже на наши драгоценные металлы почти нет спроса. Да и запасы их тают с невероятной быстротой. «Бедная Германия!» — это единственное, что можно сказать.

Но в утешение остаются немецкие женщины. Например, Эдельтраут. Эдельтраут Дегенхарт — офицерская вдова. Ее супруг был лейтенант от кавалерии. Позже он командовал какой-то интендантской частью, занимавшейся доставкой металлолома. Он не захотел — так говорят — разрешить мятежникам сорвать с его плеч погоны. Лучше принять смерть! Ну и принял соответственно. Защищая свою честь, как утверждает его вдова. «Он скончался от алкогольного отравления», — свидетельствуют сукины дети, духовные мародеры-люмпены в привычном для них всепринижающем, всепоганящем духе. Впрочем, даже если они отчасти и правы, даже если лейтенант сам вылакал доверенные ему бутылки с вином, вместо того чтобы отдать их в грязные лапы врагов отечества, то он конечно же выполнял до конца свой долг. Его молоденькая вдовушка живет в нашем доме, носит благородный траур и — настоятельно нуждается в утешении. По счастливому стечению обстоятельств у меня находится время на это: со школой я уже разделался, а подходящую для себя профессию еще не нашел.

«Эта мадам Дегенхарт вызывает у меня интерес», — признается мне один человек.

В данной ситуации я проявляю крайнюю осторожность и сдержанность. Этого человека зовут Корнгиблер. Я засек его, когда он крался за фрау Дегенхарт, как я подозреваю, с совершенно недвусмысленными намерениями.

«Эта фрау Дегенхарт, — говорю я,— настоящая дама». «Тем лучше, — говорит Корнгиблер, — мне очень желательно с ней познакомиться». «Как прикажешь это понимать?» — спрашиваю я.

Ну да, мне только-только стукнуло двадцать — он же по меньшей мере на двадцать лет старше меня. Но я же знаю, как это делается; я уже переспал с дочкой фабриканта, устраивал свидания уважаемому владельцу гостиницы и, несмотря на молодость, руководил акциями по сбору металлолома. И еще: мне доверилась офицерская вдова. И уж сам бог велел поставить вопрос: а кто, собственно, такой этот Корнгиблер и чего, собственно, он хочет?

«Я представляю крупную, уважаемую, не имеющую конкуренции фирму, — говорит он. — «Суперсиль», стиральный порошок для всех домохозяек, мы продаем его вагонами. И вы не останетесь в убытке — можете вы поспособствовать мне в знакомстве с этой дамой?»

«Ну, если вы имеете серьезные намерения и если ваши помыслы чисты — отчего же нет, зачем же я буду тянуть?» — отвечаю я.

Они женятся: офицерская вдова Эдельтраут Дегенхарт и генеральный представитель фирмы Корнгиблер. Я — шафер. Вся затея прокручивается с огромной помпой. Правда, такое настроение создается не в церкви, а потом, за завтраком с шампанским, а также с фортепьяно и скрипками, которые наигрывают фрагменты из «Тангейзера». Корнгиблер растроган до глубины души. После торжественно пьяной ночи он признается мне:

«Сначала мне совсем и не хотелось... с ней, понимаешь. Я сначала хотел чуть-чуть, просто... ну, об этом не будем. Ну вот, и когда все случилось, ну, со всеми последствиями... Эх, хорошо, если будет девочка. Это я могу себе позволить — дело верное, этот «Суперсиль». Честное слово, могу собою гордиться. Премного тебе благодарен, Арчи! Эту женщину можно представить в обществе. А ведь таким путем расширяется и оборот в делах. Нужды, правда, особой сейчас в этом нет, но и повредить не может — все на пользу. И тебя возьмем в дело. Не жеманничай — тебя можно использовать в нашем гешефте. Не так ли, моя прелесть?..» Его прелесть кивает головкой в знак согласия.

И вот я организую — вагон за вагоном, грузовик за грузовиком. Я — правая рука генерального представителя фирмы по «Суперсилю» в округе Хемниц. Работка не бей лежачего, времени отнимает немного, особенно для такого врожденного организатора, как я. Поэтому у меня широчайшие возможности для изучения — прежде всего, конеч-

но, для изучения жизни. Я оказываюсь достойным дружбы и доверия этого Корнгиблера еще в том отношении, что я самым безотказным образом посвящаю себя его супруге. Это, однако, вызывает негативную реакцию с его стороны.

«Арчибальд, — говорит мне этот Корнгиблер, — ты проник в спальню моей жены!» «Ну и что, — отвечаю я, — я искал тебя». «Но меня же не было дома, причем долгое время». «Точно, — отвечаю я ему, — я, собственно, тебя и дожидался там».

Это абсолютная правда — но мне тем не менее не верят. Происшедшее комментирует мой друг Альфонс: «Ты очень щепетилен в смысле чести, это скорее недостаток натуры. Тебе совершенно необязательно сообщать этому Корнгиблеру правду — такие люди ее не переносят. Они хотят быть обманутыми втихую, быть в неведении. И поэтому ты должен был бы сказать ему: «Твоя жена так создана — она соблазнит любого». И результат? Он ее выгнал бы к чертовой матери, а ты остался бы правой рукой генерального представителя».

Но ведь выше головы не прыгнешь: честь и справедливость для меня превыше всего. Ни словечка протеста, возмущения или стыда за него, когда он так выворотил передо мной свою мелкую душонку, этот Корнгиблер. Он отказывает мне в дружбе. Больше того: он выбрасывает меня из дела. Но и это еще не все: его жажда мести порождает черные, коварные замыслы — он утверждает, будто бы я — я! — утаил и присвоил его деньги, прикарманил-де кое-что. Вот такими, слепыми и отвратительными, делает этих людей жажда наживы.

Однако моя торговая карьера лопнула. Тощее отцовское состояние сожрала инфляция. Меня тошнит от возни этих мышей, заботящихся лишь об одном: бесстыдно обогатиться в трудный для Германии час. Все мое существо жаждет свежей атмосферы, и я вступаю в рейхсвер. Мой дорогой друг Альфонс уже в его рядах.

В 1925 году я получаю привилегию быть принятым в рейхсвер, несмотря на мой не так уж сильно продвинувшийся вперед возраст и благодаря, главным образом, поручительству солидных людей. Карьеру кадрового солдата я заканчиваю обычным образом — повышением в чине, законо-

мерным и внеочередным. С началом новых времен совершалось систематическое расширение рядов рейхсвера, превратившегося в конце концов в вермахт. В 1934 году мне оказали честь, разрешив в будущем служить своему отечеству в качестве офицера.

Какое же замечательное и, пожалуй, даже знаменательное это фото 1925 года, на котором я и мои друзья изображены в скромной серой военной форме! На этой фотографии виден и дрезденский Цвингер, его основной купол. А перед ним — мы, 6-е отделение, сгрудившееся вокруг нашего унтер-офицера, которого, как сейчас помню, звали Швайнитцер[1]. И еще, что чрезвычайно примечательно на фотографии: Швайнитцер улыбается, чего с ним никогда не бывало в казарме. И он — прошу особого внимания — улыбается именно мне. Ну конечно же. И если я не отважусь сказать, что был отличным солдатом, то уж и неважным я, во всяком случае, не был. Еще в самом начале, во время сбора новобранцев на учебном пункте, я был назначен старшим по казарме. И уже на втором году службы стал лучшим стрелком нашей роты. В том же году я удостоился чести стать помощником инструктора. Промчался год — и я уже командир отделения и даже руководитель ротного хора, хотя никогда не замечал за собой особых музыкальных способностей. Короче говоря, я был образцом во время всей службы. Наилучшая сноровка в строевой подготовке, высший темп в маршевых бросках, лучшие результаты в призовой стрельбе. К тому же отличный пловец, быстрый бегун, хороший велосипедист. Не раз хвалили меня и за превосходное знание уставов. И все же я был всего лишь один из обычных солдат.

Веселые часы, наполненные чувством сердечного товарищества, в погребке «Кайзерсруе». Он был назван так, потому что хозяина звали Кайзер и он сдавал комнатки. Главное увеселение — танцы каждую субботу. Здесь — только мы, унтер-офицеры, за нашим столиком для завсегдатаев. Там до самой полуночи мы проводили время в тесном кружке — только мы, мужчины, распивая пиво, беседуя, разглядывая девиц. Зубоскальство, тосты, в ос-

[1] Нечто вроде — свинтус. — *Прим. пер.*

новном из моих уст, соответствующие застольному обычаю, первый пункт которого гласил: досуг есть досуг и товарищество существует вечно, во всяком случае до полуночи, до того, пока дело не дойдет до девочек. Вот так-то и развлекались мы тогда. Попозже — самое главное: кто с какой девочкой проводит время после полуночи. Этим определялась очередь на первые танцы. Особенно примечательно: унтер-офицеры, унтер-фельдфебели, фельдфебели, обер-фельдфебели, штабс-фельдфебели — никто в эти вечера не хотел и слышать о каких-либо привилегиях по чину, всех объединяли тесные узы товарищества, дружбы.

Лейтенант Пекельман, превосходный офицер, образцовый и любимый подчиненными командир, вызвал меня к себе. В общем-то тут ничего особенного: он — начальник новобранцев, я, как фельдфебель и командир взвода, — его правая рука. Но этот вызов был поздним, около двух часов ночи. Я появляюсь у него на квартире, в ротном здании, второй этаж, вход с лестничной площадки. Он валяется в постели, рядом с ним лежит девица, на полу перед кроватью разбросана одежда, тут же пара бутылок из-под вина.

«Мой дорогой Фрей, — говорит лейтенант. — Вам можно доверять, не так ли?»

Я заверяю, что именно так и есть. Затем мы для начала выпиваем. Добрый Пекельман уже выдохся, но девица, бойкая продавщица грампластинок, еще довольно бодра.

«Фрей, — обращается лейтенант ко мне, — выведи девочку из казармы, но так, чтобы никто не заметил».

Затем он поворачивается на бок и мгновенно засыпает. Я же выполняю его пожелание и час спустя выпроваживаю девицу за пределы казармы, никем не замеченную. Ибо Альфонс, мой приятель, случайно оказывается дежурным именно в эту ночь.

«Мой дорогой Фрей, — говорит мне пару дней спустя лейтенант Пекельман, — вы не только надежны, но и благородны и обладаете тактом. Известная вам малышка очень похвально отзывается о ваших действиях в ту ночь. Скромность, кажется, у вас в крови. Я наблюдаю за вами уже длительное время, мой дорогой Фрей. Ваши солдатские качества превосходны. Таковы, очевидно, и ваши человеческие. К тому же, мне думается, у вас есть задатки к общественной активности. Короче: я полагаю, что

вам положено стать офицером. Посмотрим, как это осуществить.

И вот, уже в 1935 году, последовало мое производство в лейтенанты — после окончания с отличными показателями учебных курсов. А в 1938 году я был произведен в обер-лейтенанты, с чем было связано назначение на должность адъютанта командира учебного батальона в Лейпциге. В начале войны мне выпало счастье в качестве командира роты участвовать в походе на Польшу, где я сумел заработать железные кресты I и II степени.

На рождество того же года я обручился с фрау Фелицитой Бендлер-Требиц. После похода на Францию, в котором я был награжден рыцарским крестом, я женился на упомянутой даме и, отслужив в тылу, был назначен в 1943 году начальником курса 5-й военной школы.

Благороднейшая гармония компании в казино. Начальник военной школы — офицер добрых старых традиций, холостяк к тому же, похоже, обладающий утонченным вкусом к изящным женщинам и ярко выраженным стремлением к изысканному общению. Никогда не забыть мне первого летнего праздника в казино, включая террасу и сад: светлая лунная ночь, мягкая свежесть воздуха, чарующие звуки оркестра из самых лучших исполнителей музыкальной команды, который за живой изгородью из тиса играет Моцарта, Легара. Новенькая форма офицеров, стильные вечерние платья женщин, шипучее шампанское, журчащий фонтан и среди всего этого — господин Бендлер-Требиц, хозяин дворянского поместья Гросс- унд Кляйн-Марчинг, обер-лейтенант резерва, служащий в нашем полку. Приятный человек, но, разумеется, ему трудно сравниться со своей супругой по имени Фелицита, которая умеет сочетать величие и достоинство с шармом и сердечностью. И командир, этот закоренелый холостяк, восторженно восклицает: «О, что за баба!»

Суровая, долгая армейская служба — а все же она постоянно приносит радости. Тяжелый труд, однообразные недели — и вместе с тем веселые праздники. И все время это волшебство организации, эта страстная окрыленность

души, это чистое стремление к точности. Где-то далеко остался торгашеский дух, с которым мы когда-то сталкивались в прошлом, во времена юношеского периода бури и натиска, почти совсем забыты маленькие заблуждения и ошибки, которые имели место в нездоровой атмосфере обреченной с самого начала на гибель республики. Теперь все абсолютно четко: воспитательная муштра, перспективная учеба, широкое сознание ответственности, одним словом — осознанный германский дух. И в редкие свободные часы — постоянно возникающий незабываемый образ — Фелицита!

Дружба с Бендлер-Требицем на следующих учениях резервистов. Он отнюдь не выдающийся, но приятный человек. Не то что называется стопроцентный солдат, — но тем не менее действительно хороший парень. Получаю первое приглашение в поместье Гросс- унд Кляйн-Марчинг. Внушительное поместье. Впечатление, которое произвела на меня фрау Фелицита, растет. Безмолвные мгновения с выразительными взглядами. Никаких признаний, даже ни одного словесного намека — но безмолвное проявление простой, скромной преданной дружбы. И наконец, незабываемое 27 мая 1939 года, конец трехдневных весенних учений, невероятного подъема настроения, вечеринка друзей-офицеров, продолжавшаяся ночь напролет. А ранним утром — скачки, беззаботная спортивная затея офицерской молодежи. Обер-лейтенант резерва Бендлер-Требиц конечно же среди них. И в 5 часов 48 минут утра он падает с коня. Сначала это вызывает смех. Затем — молчание: падение имеет смертельный исход. Камерада Бендлер-Требица больше нет.

«Оповестите его вдову», — приказал мне командир части.

А затем, вскоре после этого случая, как счастливая неожиданность, — война! Борьба, борьба — и ничего, кроме борьбы. За фюрера, за народ, за рейх. И — за Фелициту: в глубине души я не могу утаить это от себя.

Все же я отправляю только пару коротких писем с полевой почтой: «Идем от победы к победе... я в числе передовых, заслужил Железный крест II степени, рвемся неудержимо вперед... я опять отличился, заслужил Железный крест I степени... никто не может оспаривать наши победы... разрешаю себе нижайше кланяться».

Первое военное рождество 1939 года, провожу в поместье фрау Бендлер-Требиц. Необычайно торжественно,

со службой в сельской церкви, с подарками слугам, праздничной трапезой в изысканном тесном кругу. Подается индюшка с бургундским. А потом — шампанское, и мы — вдвоем, наедине. Шелест шелка, потрескивающий камин. Отблески огня падают на мои ордена, на прелестное, порозовевшее личико Фелициты. Руки наши встретились — с легкой нежностью и вместе с тем напряженно-требовательно. А там, за стенами дома, в силезской зимней ночи, поют: «Один лишь конь скакал...»

Наутро мы считаем себя помолвленными.

Победный поход на Францию! Я уже слыву специалистом по захвату плацдармов. Я со своими солдатами не отступаю никогда, даже в том случае, когда против нас бросают озверевшие части из цветных. Мы охвачены пламенным боевым духом. В этом могут убедиться: идущие на нас танки противника уничтожены. Победу слегка омрачает ожесточенный спор с подразделением зенитчиков, которые утверждают, что это они подбили танки.

А затем — рыцарский крест! Откровенное ликование в мой адрес, зависть, конечно, не без этого. Неудержимо вперед, вперед — до момента, пока Франция не повержена. Полностью деморализованные части противника — включая и те, что противостоят моим. А потом идут недели, слившиеся в сплошной праздник победы. Взят Париж! Но я сдерживаю свой темперамент, участвую в увеселениях лишь с познавательной целью. Ибо передо мной одна-единственная цель — Фелицита! Поместье Фелициты Бендлер-Требиц Гросс- унд Кляйн-Марчинг, 800 гектаров с благороднейшим племенным скотом, и я добиваюсь руки Фелициты.

13

ВЫДВИГАЕТСЯ ТРЕБОВАНИЕ

— Обер-лейтенанта Крафта попросите ко мне, — говорит генерал. Он сказал это Сибилле Бахнер. Официальное служебное время согласно распорядку закончилось. Здание штаба постепенно пустеет. Сибилла Бахнер звонит в канцелярию 6-го потока и сообщает дежурному писарю: «Господина обер-лейтенанта Крафта просят явиться к господину генералу». Писарь извещает об этом унтер-

офицера канцелярии, а тот — дежурного фенриха. Меж тем желание генерала трансформируется в приказ, гласящий: «Обер-лейтенанту Крафту немедленно явиться к генералу».

Дежурный фенрих разыскивает обер-лейтенанта Крафта и объявляет:

— Господин обер-лейтенант! К генералу. Срочно.

Это звучит не особенно приятно. Но приятные звуки вообще не раздаются с генеральской стороны. Крафт согласно кивает, как будто бы для него явиться к генералу во внеслужебное время самое что ни на есть обычное дело на свете.

— Вы сказали — срочно? — переспрашивает Крафт.

— Так точно, — отвечает дежурный фенрих. — Срочно. Спешно и важно — так передал унтер-офицер канцелярии.

— Но штаны-то я, по крайней мере, могу натянуть? Или?.. — Крафт стремится ничему не удивляться и не позволяет никому выводить себя из равновесия. Ему, как он полагает, терять нечего, тем более что в данный момент он не узрел ничего особенного. — Хорошо, — говорит обер-лейтенант, — сейчас прибуду, ну, что-нибудь в течение четверти часа.

Фенрих расценивает это заявление как хвастовство. Он-то знает, что генерала нельзя заставлять ждать даже лишней секунды. А впрочем, какое ему дело — он выполнил, что велели.

Обер-лейтенант Крафт не спеша одевается. Потом звонит Эльфриде Радемахер.

— Я немного задержусь, — сообщает он ей.

— Что-нибудь важное, Карл?

— Да думаю — ничего. Какой-нибудь нагоняй или разнос. Я должен явиться к генералу.

— Может, это интриги капитана Катера?

— Вряд ли, — мягко отвечает Крафт. — Скорее, здесь дело не в закулисной интриге, а что-то из служебных вопросов. Но главное — что ты меня подождешь.

— И с нетерпением, — заверяет Эльфрида.

— Фройляйн Бахнер, я прибыл по вызову генерала.

Сибилла дружески смотрит на обер-лейтенанта Крафта. Это уже прогресс, хотя до ее доверительной улыбки, очевидно, еще далековато. Сибилла Бахнер испытующе глядит на него, потом говорит:

— Я не думаю, что речь о докладе, господин обер-лейтенант. Господин генерал не приказывал вызывать вас, а скорее высказал желание побеседовать с вами. Поэтому портупею, перчатки и фуражку вы можете оставить здесь, у меня в приемной.

— Вы не ошибаетесь, фройляйн Бахнер? — спрашивает Крафт.

Сибилла, улыбаясь, отрицательно качает головой. Затем смотрит на часы:

— Еще три минуты терпения: генерал как раз заканчивает один документ.

— А откуда вы знаете, когда он с ним закончит?

— Генерал имеет обыкновение заранее устанавливать определенное количество времени на каждый документ и предупреждает об этом или адъютанта, или меня. Разумеется, лишь в том случае, если нам следует об этом знать.

Крафт снимает с себя лишние для этой встречи доспехи. При этом он спрашивает Сибиллу:

— Ваша работа удовлетворяет вас?

Сибилла с удивлением воззрилась на него.

— Удовлетворяет? — отрешенно спрашивает она, растягивая слова.— Что вы хотите этим сказать?

— Ничего особенного,— спешит заверить Крафт.— Это был, собственно, риторический вопрос.

— Мне так не кажется,— говорит Сибилла и с недоверием взглядывает на обер-лейтенанта. А потом спрашивает: — Вы хоть знаете, для чего вас сюда пригласили?

— Не совсем,— отвечает обер-лейтенант.— Но полагаю, за какой-нибудь проступок: грешков у меня немало.

— Ну, у других их тоже хватает,— говорит Сибилла,— просто вам о них неизвестно.

— Это точно,— поддакивает Крафт.

— Сегодня утром,— говорит ему Сибилла Бахнер,— к генералу приходили господа Фрей и Ратсхельм.

— Благодарю,— говорит Крафт.— Чем могу отплатить вам за доброе отношение?

— Просто тем, что сразу же забудете о том, что я только что вам сообщила.

— Уже забыто, фройляйн Бахнер. А более я ничего не могу сделать для вас?

— Нет.

Ее дни проходили, одинаково запрограммированные. День за днем, как близнецы: 6.30 — подъем, 7.30 — завтрак. Служба с 8.00 до 18.00. Затем в 18.30 — ужин. После — обычная сверхурочная работа или то, что здесь называют досугом: починка нижнего белья, стирка чулок, порой письма к родителям, иногда чтение книги, концерт по радио или выход в кино, туда, вниз, где лежит маленький городок,— обычно в одиночку или же с женой адъютанта.

— Если я вам когда-либо понадоблюсь — я всегда в вашем распоряжении,— сказал ей обер-лейтенант Крафт.

— Спасибо,— ответила Сибилла,— но мне никто не нужен.

— Ну что вы — все же люди, и вы тоже, мало ли что...

— Господин обер-лейтенант, прошу, господин генерал ждет вас.

— Господин обер-лейтенант Крафт, к каким выводам вы пришли после изучения материалов военного трибунала по делу лейтенанта Баркова? — спросил генерал.

Крафт насторожился. К вопросу он не был готов. Ему понадобились несколько секунд, чтобы настроиться на неожиданный поворот. Он мгновенно выбросил из головы аргументы к ожидавшемуся им разговору на тему о «приличиях», в частности о случае «монокль и женские груди». При этом Крафт не заметил, что генерал ведет себя не совсем обычно: он не сидел в своей привычной позе, с негнущейся спиной, а чуть развернул свой стул и положил ногу на ногу.

— Подразделение,— начал докладывать Крафт,— в решающий момент было разделено на две группы. Значительно большая, в количестве тридцати двух человек, оказалась уже в укрытии. Остальные восемь помогали лейтенанту Баркову в последних приготовлениях к взрыву. Так обычно и делается, ибо ведь происходит не один взрыв, а несколько. В начальных приготовлениях — как то: связывание пакетов со взрывчаткой, отмеривание запального шнура, вставка запалов — участвовало все подразделение. На заключительном же этапе подготовки — при закладке взрывчатки, соединении контактов запалов и бикфордова шнура, очищении места для закладывания взрывчатки — в этих работах из соображений безопасности принимала участие лишь небольшая группа.

— До этого момента все, как положено.

— Так точно, господин генерал,— до этого момента. Но затем, когда вся подготовка к взрыву была закончена, произошло следующее: в той большой группе, которая находилась в укрытии, один из фенрихов вывихнул ногу. Лейтенант Барков немедленно подошел туда и выяснил, что ничего страшного. Он вернулся к месту взрыва. Как обычно, положил кончик бикфордова шнура на головку спички и чиркнул по коробку. Бывшие с ним восемь человек бросились в укрытие. Лейтенант же Барков, полагаясь на установленное время горения шнура, поднялся медленно. И так же медленно стал удаляться от места, где была заложена взрывчатка. Он не успел отойти, как неожиданно раздался взрыв.

Генерал откинулся на стуле. Казалось, он даже закрыл глаза. И Крафту тоже померещилось в этот момент то, что мысленно видел генерал: восемь бегущих в укрытие фенрихов, на фоне чистого синего неба — их развевающиеся плащи, быстро мелькающие руки и ноги и серые напряженные лица в блеклом свете дня. И — лейтенант, выпрямившийся во весь рост, четкий, узкий его силуэт, намеренно спокойные, размеренные движения, скупая усмешка, посланная вслед бегущим в укрытие. И тут же — грохот взрыва, всплеск яркого, режущего света: все это обрушивается на лейтенанта с уничтожающей силой, рвет на части его тело, и он падает лицом вниз. Потом все заволакивается тучей дыма. И — полная тишина.

— Кто были эти восемь фенрихов? — тихо спрашивает генерал.

— Крамер, Вебер, Андреас, Бемке, Бергер, Хохбауэр, Меслер и Редниц, господин генерал.

— А тот, что вывихнул ногу,— это кто?

— Фенрих Амфортас, господин генерал. Этот вывих оказался, как выяснилось потом, ушибом.

— Имеется ли на этот счет медицинское заключение?

— Нет, господин генерал. Фенрих Амфортас не ходил к врачу. Нога у него болела, но эпизодически, и, по его словам, он не считал, что нужно идти с этой мелочью к врачу. Теперь уж, разумеется, поздно проводить медэкспертизу — но ведь многие его сослуживцы видели синяки у него на ноге.

— Это все, что вам удалось выяснить, господин обер-лейтенант?

— В настоящий момент — все, господин генерал. Во всяком случае все, что удалось извлечь конкретно из сорокастраничного акта.

— Что вы еще предприняли?

— Пока ничего, господин генерал, точнее — ничего существенного.

Глаза генерала приобрели холодное выражение.

— Что вы думаете делать дальше, господин обер-лейтенант Крафт?

— Я думаю прощупать фенрихов моего подразделения. Полагаю, что это явится основой для последующего расследования. На это необходимо, естественно, какое-то время...

— А вот его-то у вас и нет! — бросил генерал.

Обер-лейтенант Крафт промолчал. Генерал принял свою обычную позу: опустил ноги на пол и выпрямился.

— Времени у вас очень мало, господин обер-лейтенант Крафт, или остается слишком мало, если вы будете и дальше действовать так же медленно. Начальник вашего курса и начальник учебного потока отнюдь не в восторге от результатов вашей деятельности.

Обер-лейтенант Крафт предпочел отмолчаться еще раз. Он хотел было ответить, что он тоже не в восторге от позиции своего начальства, но решил, что нет смысла возражать. Генерал сказал:

— В ближайшие дни, возможно завтра, к нам прибудет гость, к которому будете приставлены именно вы, — фрау Барков, мать погибшего лейтенанта. Я даю вам это поручение из двух соображений. Во-первых, вы приняли должность лейтенанта Баркова. Значит, вы лучше, чем кто-либо иной, сможете рассказать этой женщине, как любили здесь ее сына и как он служил. Во-вторых, вы, по-моему, и с точки зрения личных качеств наиболее подходящий человек для этой миссии.

— Что я должен сообщить фрау Барков, господин генерал?

— Официальную версию.

Крафт понял, что аудиенция окончена. Он поднялся, и генерал кивнул. Крафт подошел к дверям, хотел отдать честь, и в тот же миг генерал поднял руку.

— Крафт, — сказал он почти доверительно, и это обращение далось ему, видимо, нелегко, — надеюсь, что я

могу положиться на вас. Это отнюдь не означает, что я готов каждый раз прикрывать вас, когда вы совершаете необдуманные выходки. И только в одном определенном моменте — вы знаете, что я имею в виду, — можете рассчитывать на всяческую поддержку с моей стороны. Я хочу, чтобы убийство лейтенанта Баркова не осталось безнаказанным. Для этого вы мне и нужны. Поэтому я ожидаю, что вы не совершите ни одного необдуманного шага. Не разочаруйте меня, Крафт.

Обер-лейтенант молча отдал честь.

— Господин обер-лейтенант Крафт,— закончил аудиенцию генерал,— не забудьте, пожалуйста, следующее: вы получили четкое задание, а времени у вас в обрез. И паллиативного решения у вас нет.

— Есть у вас под рукой коньяк, фройляйн Бахнер? — обратился обер-лейтенант Крафт к Сибилле. Она внимательно взглянула на него.— Или что угодно другое, что можно выпить, по мне — хоть спирт.

Он ожидал услышать решительное «нет». Но она вдруг сказала:

— Если только это, то я вам помогу. Думаю, что могу в данном случае взять на себя такую ответственность.

Не долго думая, она достала из письменного стола генеральского адъютанта бутылку и стакан.

— Скажите мне, дорогая,— спросил слегка удивленный Крафт, прислонившись спиной к шкафу,— как реагирует генерал на невыполнение его пожеланий или приказов?

— Трудно сказать, господин обер-лейтенант,— ответила Сибилла.— Дело в том, что такого на моей памяти не было.

Она налила стакан до краев, протянула его Крафту и испытующе дружелюбно взглянула на него.

Обер-лейтенант одним махом опрокинул стакан. Блаженное тепло разлилось по телу. Но ожидаемого облегчения он не ощутил.

— Какую, собственно, роль играю я здесь? — раздраженно спросил Крафт.— Что я — ловец душ с завязанными глазами и автоматом в руках? Или, может, Дед Мороз, развешивающий гранаты на рождественской елке? За кого принимаете меня вы, скажем?

— За мужчину, достаточно умного, который сознает, что генерал никогда не отдаст приказа, за который он не нес бы ответственности.

Губы Сибиллы Бахнер чуть тронула улыбка. Крафт подумал: она так же скупа в выражениях чувств, как и ее генерал,— что ж, такое общение, разумеется, накладывает отпечаток на нее. И тем не менее она улыбнулась. Конечно, в этой комнате она пережила все мыслимые реакции офицеров, выходивших из себя под воздействием слов генерала: гордые, глупые, подхалимы, самоуверенные, балбесы, равнодушные, интриганы — все они могли сказать здесь только одно: «Яволь». И Сибилла улыбалась, глядя на них.

— Мне кажется, вы должны немного более уделять генералу внимания, фройляйн Бахнер, в чисто человеческом плане, — сказал Крафт без всякой задней мысли. Он был возбужден, ему нужен был кто-то, на кого он мог бы выплеснуть хоть часть бушевавшего в душе раздражения.— Вы бы попробовали немного рассеять его: кажется, сейчас это ему очень нужно.

— Это пошло,— сказала Сибилла Бахнер.

— А, бросьте,— не сдерживаясь, ляпнул Крафт,— я уж однажды говорил вам, стоит ли играть роль синего чулка. Вы же сотворены не из запчастей пишущей машинки. Вы — женщина! Почему же вы не ведете себя соответственно? Это было бы благо для нас, да и для генерала.

— Может быть, вы при случае скажете ему об этом сами? — с удивительным самообладанием парировала Сибилла Бахнер. Она даже как будто побледнела, и ее ладони сжались в маленькие кулачки. И хотя Крафт почувствовал, что он нажил себе очередного врага, ее трезвое замечание вернуло ему равновесие.

— Вы абсолютно правы, фройляйн Бахнер,— заметил он,— я тоже трусливый пес. Тут я распинаюсь, а так вести себя надо бы там, в его кабинете.

— Это уже более разумные речи.

— От меня слишком многого хотят,— продолжал Крафт.— Но я ведь тоже мелкая сошка. И что хуже всего — я сознаю это. Вы, очевидно, думаете, что я завидую другим, что они, утешенные и со спокойной совестью, могут спать, если благословение божье — или генеральское — нисходит на них. Но в наше время надо быть ребенком, чтобы беззаботно смеяться, заглянув в хлев.

— Я лучше дам вам еще коньяку,— сказала Сибилла Бахнер. Теперь она опять улыбалась, и улыбка ее не была ироничной; эта улыбка обещала в перспективе симпатию.

— А вы совсем не так уж злы,— сказал Крафт,— хотя, наверное, и не знаете об этом.

— Вот теперь знаю,— живо ответила она.

— Ну и прекрасно, и не забывайте об этом впредь.

— Загляните при случае и убедитесь сами...

В нижнем коридоре здания штаба было тихо и пусто, как в заводском цеху ночью. Горела лишь одна синяя лампа. Ее свет с трудом достигал пустых стен и темных дверей. Административно-хозяйственный отдел, располагавшийся здесь, внизу, был безлюден. Лишь через замочную скважину двери библиотеки просачивался луч света. Там Крафта ждала Эльфрида Радемахер.

— Прости,— сказал он ей,— но я раньше не смог.

— Ты пришел,— кивнула она,— и это главное.

Эльфрида никогда не сетовала, ни о чем не спрашивала, не выражала никаких настроений, не впадала в экстравагантность, в истерию, не знала меланхолии. Она была счастливой находкой для него.

— Время довольно позднее,— заметил Крафт.

Он осмотрел помещение библиотеки испытующим взглядом. Проверил светомаскировку, запер двери и прикрыл замочную скважину своей фуражкой. Потом стянул с себя китель и завесил им настольную лампу. Наконец, сдвинул вместе ящики, служившие стульями, бросил на них циновки и подстилки для пищущих машинок, соорудив нечто вроде ложа. Эльфрида протянула ему принесенный ею плед, и он принялся расстилать его.

— Посмотреть на тебя сейчас, так можно подумать, что тебе приходится заниматься такими делами каждый день.

— Не думай так,— сказал он, понизив голос,— помоги лучше растянуть плед.

Она опустилась рядом с ним на колени.

— Разговаривать будем лишь шепотом? — спросила она.

— Можешь, конечно, и кричать, если тебе нужны зрители.

Эльфрида поняла, что в этой ситуации требуется осторожность. Она вздохнула:

— Теперь я, по крайней мере, ощущаю серьезные преимущества супружества.

Это замечание внесло в душу Крафта неприятное ощущение. Когда речь заходила о женитьбе, он чувствовал себя неуютно. Желая переменить пластинку, он сказал:

— Это ты здорово придумала — использовать библиотеку не по ее прямому назначению.

— А,— усмехнулась она,— до меня это придумали уже многие. Ведающий ею унтер-офицер имеет обыкновение сдавать ее за сигареты всем по очереди.

— Тихо,— прервал он ее и схватил за руку. Они прислушались. Но никаких звуков не было слышно — только их дыхание.

— Ты сегодня слишком осторожен, Карл,— заметила Эльфрида.

— Просто мне не хотелось бы потерять тебя.

— Этого не случится, если у тебя не появится такого желания. А потом — библиотека совсем не единственное место, где мы можем встречаться. Одна моя знакомая из швейной мастерской, замужняя, живет там, внизу, в городе, правда в одной маленькой комнате, с мужем, конечно. Но он железнодорожник и часто бывает в отлучке. А моя подруга любит ходить в кино. Если мы будем покупать ей билеты да еще подбросим курева и что-либо выпить, она иногда будет уступать нам свою комнату на пару часов.

— Идея неплохая,— согласился Крафт.— Ведь тут, в казарме, мне не совсем удобно, да и небезопасно. Положение у меня на службе сейчас довольно шаткое. И если, вдобавок ко всему, меня застукают в сей пикантной ситуации, мне несдобровать.

— Иди ко мне,— смеясь, позвала Эльфрида.— Давай найдем друг друга, пока нас не сцапали другие.

Она откинулась на ложе и потянула его к себе. Крафт ощутил аромат ее кожи, и его руки заскользили по ее телу. Несмотря на то, что он знал ее всю, до кончиков ногтей, —каждый раз ему казалось, что он встречается с ней впервые. И в самый страстный миг кто-то постучал в дверь. Любовники испуганно оторвались друг от друга. Им понадобились считанные секунды, чтобы вернуться в суровую действительность. Крафт знаком приказал

Эльфриде — замри. Он осторожно встал и крикнул в дверь:

— Кто там? Прошу не мешать — я должен работать!

— Ах вот как! Это вы называете работой? — раздался резкий, грубый голос, показавшийся Крафту знакомым. Он взглянул на Эльфриду. Она кивнула ему и облегченно рассмеялась. Затем поднялась и встала в небрежной позе, почти не набросив ничего на себя. И довольно громко сказала:

— Это капитан Катер — ну кто же еще?

— Ну, Крафт, открывайте,— зашумел Катер почти добродушно.— Я бы хотел с вами кое о чем побеседовать.

— Сожалею,— бросил Крафт в закрытую дверь.— Я хотел бы просить вас учесть, что я не один.

— Ах, мой бедный друг, как будто я этого не знаю. Могу даже назвать имя вашей дамы. Мой нижайший приветик фройляйн Радемахер, меня-то уж ей нечего стесняться...

— Одну минуту,— попросил обер-лейтенант Крафт. Он помог Эльфриде натянуть платье. Нашел свои сапоги. Эльфрида ничуть не смутилась. Казалось, ситуация доставляет ей удовольствие. И, расправляя плед, она с живостью заметила:

— А чем он может нам повредить?

— Я и в самом деле не хотел вам помешать,— заверил Катер.

Он вошел в помещение, уже приведенное более или менее в порядок, бодрый, снедаемый любопытством, со своей обязательной улыбкой. Левой рукой он прижимал к себе четырехгранную литровую бутылку, очевидно с «Куантро». Он подмигнул присутствующим — Эльфриде отечески-доверительно, Крафту понимающе, как мужчина мужчине.

— Честное слово, очень сожалею, что появился немного преждевременно,— сказал он, щуря глазки,— но я ни в коем случае не хотел и опоздать.

— Откуда вы узнали, что мы здесь?

— Но, мой друг, я же, в конце концов, не из последних идиотов, а потом — есть же свои люди. Но, может, мы присядем?

Хозяйским жестом капитан включил верхний свет, придвинул три стула к письменному столу и поставил на него бутылку с «Куантро». Сделал приглашающий к сто-

лу жест. Эльфрида опустилась на стул. Крафт подумал, что почти полная еще бутылка поможет перенести присутствие Катера, и сел тоже.

— В принципе я — ваш друг,— заверил Катер и извлек из карманов брюк три стакана.— От всего сердца желаю вам только хорошего.

— Тогда можно было бы и не мешать нам.

Капитан Катер заблеял — он так смеялся, чтобы показать, что он принимает шутку, и даже с удовольствием. Наполнив стаканы до краев, придвинул их каждому.

— Не подумайте,—успокоил он,— что я хотел бы как-нибудь использовать сложившуюся ситуацию, ну разве только, если к этому меня принудят официально. Но в общем-то я галантен целиком и полностью. Я умею молчать. И от всего сердца желаю вам всяческих радостей.

— На каких условиях, господин капитан?

Катер ответил не сразу, ибо его внимание было отвлечено. Он уставился на Эльфриду, которая без стеснения поправляла чулки. Они сползли: она ведь надевала их в спешке. Вытянув ноги, сначала правую, затем левую, она подняла их так, что обнажились ляжки. Ее руки скользили по ним играючи, почти нежно. И в разгаре этого занятия она взглянула на Катера, который спешно схватился за стакан.

— Ваше здоровье! — воскликнул он, выпил и при этом причмокнул.

Крафт улыбнулся Эльфриде и тоже осушил стакан. Он моментально понял, чего достигла этой демонстрацией Эльфрида: она по-своему отомстила Катеру за вторжение. Наконец коротким движением она натянула юбку и тоже взялась за стакан. После того как выпили все, Катер, кашлянув, сказал:

— Неужели я дошел до того, чтобы ставить какие-то условия? Это непохоже на меня. Я застукал вас, так сказать, в интиме. Но почему я должен использовать это вам во вред, если мы на дружеской ноге? Я знаю, что мог бы доставить вам, мой дорогой Крафт, неприятности, ибо есть немало людей, которые к вам не благоволят. Они с удовольствием ухватились бы за удобный случай, свидетелем которого я оказался, и не только я, а, скажем, еще унтер-офицер, ведающий сим помещением, которого вы подкупили сигаретами. Но давайте не будем об этом.

— Ладно,— жестко сказал Крафт, поняв, что он попал в ловушку.— Что вы от меня хотите?

— Ничего, мой дорогой, как есть ничего. Во всяком случае, сейчас. Но я извещу вас, когда и вы сможете быть мне полезным. И вас, конечно, уважаемая фройляйн Радемахер. Да, что я еще слыхал, мой милый Крафт, вы должны опекать фрау Барков, которая приезжает завтра, не так ли?

— Да, вы верно слыхали, господин капитан.

— Дело это меня интересует, меня и моих близких друзей. Так сказать, из юридических соображений и из государственных. Но вам-то оно наверняка безразлично. Твердо известно пока одно: генерал через свой штаб заказал номер для фрау Барков, причем лучший номер в лучшей гостинице. А что, собственно, нужно этой даме у нас?

— Сходить на могилу сына, посмотреть, как он жил здесь, где он служил,— чего же еще?

— И все-таки многовато внимания родственнице павшего воина. Вы не находите? До чего мы дойдем, если за каждыми похоронами будут следовать посещения военной школы с офицерским сопровождением и ужином за столом начальника? Похоже, что тут замешаны какие-то особые, так сказать, личные связи.

— Почему вы так думаете?

— Вы полагаете, мне не бросилось в глаза, что генерал проявил необычный интерес к случаю с Барковом? С чего бы? Только потому, что он здесь начальник? Или потому, что лейтенант Барков был особо близок ему? Я имею в виду чисто человеческие отношения. Так сказать, интимные. Понимаете?

— Вы считаете генерала способным на такое?

— Я любого считаю способным на все,— ответил Катер и вновь наполнил стаканы.— Видите ли, мой дорогой Крафт, генерал всегда вел монашеский образ жизни. Говорят, что, кроме прелестной Сибиллы Бахнер, он пальцем не пошевелил для кого-либо. Но когда у нас появился лейтенант Барков, он сразу же принял его и потом не раз встречался и беседовал с ним. Больше того, он принимал Баркова в своей личной комнате, куда всем другим вход закрыт. И уж раз мы сегодня здесь только втроем и откровенны друг с другом, я кое-что открою вам: генерал сам затребовал лейтенанта Баркова для службы в нашей школе. Что вы скажете на это?

— Скажу, что мне ровным счетом наплевать. И это все, что я хотел бы сказать по сему поводу, господин капитан.

— По мне, мой дорогой, вы можете думать и говорить, что хотите, да и делать все, что вам заблагорассудится. В одиночку или в совокупности с фройляйн Радемахер. Но если вы узнаете, как обстоит дело с отношениями между генералом и лейтенантом Барковом, тогда я сегодня вечером ничего не видел и не слышал. Поняли вы меня?

— Вы очень точно выражаетесь, так что вас невозможно не понять.

— Ну, тогда дело в шляпе, и я могу лишь добавить: за тесное сотрудничество! Более я не хотел бы утруждать вас своим присутствием, вы же наверняка желаете малость побыть одни. И на сей раз без всяких помех. Бутылку можете оставить себе. Итак, приятной, спокойной ночи, мои дорогие!

14

ЗА ЭТУ ЖИЗНЬ НУЖНО ПЛАТИТЬ

— Ты можешь спокойно полежать еще,— сказала Марион Федерс мужу.— Я сделаю все, что нужно.

— Да я так и так не засну,— ответил капитан Федерс.

— Ну просто полежи, подремли, полюбуйся на потолок.

— Не пойдет,— пробурчал Федерс.— Когда я это делаю, то снова начинаю думать.

— Тогда думай о чем-нибудь приятном.

— Не могу: нет ничего приятного.

Утренний свет просачивался сквозь окна маленькой квартирки. Федерс щурился на свет, потом перевернулся на другой бок. Теперь свет ему не мешал: он видел только свою жену, стоявшую около умывальника. Федерс улегся на спину. Утро было свинцово-серым и душным. Затхлая атмосфера ночи господствовала в комнате. Капитан закрыл глаза. Сразу стали слышнее звуки утра: вода, струящаяся по телу, хлопотливые руки трут кожу, кусок мыла взят и положен на место, шаги босых ног,

И эти ноги — Федерс различал ясно — прошлепали по мокрому полу, по ковру, влезли в домашние туфли, потопали по кафелю.

— Застегни получше купальный халат,— сказал он,— обмотай платком шею и голову.

— Мне не холодно, Эрих.

— И все же сделай так.

Федерсу не нужно было поворачиваться к жене — он и так знал, что она делает. Он мог с закрытыми глазами отчетливо представить себе ее, нужно было только одно: чтобы она была тут, рядом.

— Прости,— сказала она, подкрепляя извинения просящим взглядом.

— Нечего извиняться,— сказал он. Он все еще смотрел в потолок, и ему чудилось на нем лицо Марион.— У тебя нет ни малейшей причины извиняться передо мной.

— Ну хорошо,— сказала жена и прошла в соседнюю комнату.— Я повяжу платок.

Она готовила утренний кофе усталыми, привычно механическими движениями. Ее лицо было серым и заспанным. Она увидела через открытую дверь, что Федерс встает. Он подошел к умывальнику и обнажил туловище до пояса. Она рассматривала его крупные, пропорциональные плечи, мощно вылепленную, мускулистую грудь, жилистые, крепкой хватки руки. Она подошла к двери.

— Ты красив,— сказала она.

— Смотри лучше за своим кофе,— проворчал он, не глядя на нее.

— Я люблю тебя.

— Я знаю — как любят картину или мелодию.

Он произнес эти слова с иронической горечью.

— Ты хочешь, чтобы тебе делали больно.

— Кто лезет на рожон, должен уметь сносить боль. Банальная истина. Кстати, вода для кофе закипела. И это сейчас самое важное: мне надо на службу.

— Что ты от меня хочешь? — спросила она с беспокойством.

— В данный момент ничего, кроме завтрака...

— Когда я вас вижу,— говорил капитан Федерс обер-лейтенанту Крафту,— мне становится ясно, что этот мир не так уж мрачен, как казалось вначале. Чем вы меня сегодня порадуете?

— У меня есть особое желание, господин капитан.

— Это уже хуже,— заметил Федерс.— Я ведь не Дед Мороз.

Капитан Федерс стоял у окна в коридоре учебного барака. Курил сигарету и таким образом заполнял обычный перерыв между двумя уроками тактических учений. Фенрихи стояли в приличествующем отдалении группами, размышляя над так называемым маленьким спортивным заданием на соображение. Преподаватель по тактике, чтобы они не скучали в перерыве, занял их маленьким, утонченным вопросом-ловушкой.

— Могу я поприсутствовать на ваших занятиях, господин капитан?

Федерс весело осклабился:

— Уж не хотите ли вы, Крафт, проверить мои способности и методы?

— Они мне достаточно известны,— сказал обер-лейтенант.— Я намерен лишь поближе разглядеть некоторых наших фенрихов, если разрешите.

— Это стадо баранов вы видите каждодневно, с раннего утра до позднего вечера. Вам этого мало?

— Раз уж я работаю с фенрихами, господин капитан, то я обязан следить за ними и обучать их. Я постепенно выяснил, как они реагируют на меня и на мои методы. Но мне необходимо знать, как они ведут себя у других офицеров.

— И поэтому вы явились именно ко мне, Крафт? Несмотря на то, что я известен вам как противник индивидуальной опеки? У меня любой реагирует так, как я того хочу, а не так, как ему захочется. Но если вам обязательно хочется все пощупать самому — прошу.

— Покорнейше благодарю, господин капитан,— сказал Крафт нарочито почтительно.— Меня вполне удовлетворит, если я смогу пристроиться где-нибудь в уголке.

Капитан Федерс испытующе взглянул на обер-лейтенанта, и глубокая складка прорезала его лоб.

— Очевидно, было бы глупо предполагать, что вы пришли что-либо вынюхать у меня, Крафт. В вашем положении это было бы неразумно. Кроме того, я не дал бы вам такой возможности. Любая глупость, но ни малейшей подлости. И несмотря на все, что вы слыхали от меня или обо мне...

— Если вы желаете такого разговора, господин капитан, то...

— Нет, я такого не хочу. Но и не уклонюсь от него.

— Обо всем, что вы сказали мне недавней ночью, я поразмыслил. И полагаю, что на вашем месте я думал и действовал бы примерно так же, как и вы.

Глубокая поперечная складка на лбу капитана стала заметнее. Он сжал зубы. Но глаза его поблескивали. Он ничего более не сказал, может быть, потому, что мимо прошли несколько фенрихов. Он перевел взгляд на улицу, на грязный снег, по которому бессильно скользили лучи февральского солнца. Наконец он опять повернулся к Крафту и спросил:

— Вы знаете виллу Розенхюгель?

— Нет, господин капитан.

— Я покажу вам ее, Крафт, и тогда вы узнаете обо мне больше. Эта встреча не порадует вас, но будет поучительна. Это я вам обещаю.

— Я всегда охотно воспринимаю все поучительное.

— Это я вижу. Вы познали и нечто очень существенное — вы учитесь даже на примерах подлости и глупости. Однако пойдемте на занятия. У вас есть какие-нибудь особые пожелания? Например, не хотите ли вы посмотреть каких-либо конкретных фенрихов в свободной дрессировке? Не стесняйтесь, можете спокойно назвать имена.

Обер-лейтенант Крафт мгновение помедлил. Затем вынул из обшлага пару листков и написал на них восемь имен. Потом прибавил к ним девятое. И передал капитану.

Федерс быстро взглянул на листки и расхохотался. Он посмотрел на Крафта с удивлением, но дружески:

— Это похоже на вас, Крафт. Ну точь-в-точь, как я вас себе представляю. Вы пытаетесь остановить крылья ветряка?

— Я пытаюсь изловить крыс, это более точно.

— Вы — Дон Кихот,— упрямо продолжал Федерс.— Но такие мне всегда нравились. Ну ладно, пошли, я подую на крылья вашего ветряка.

— Внимание! — прорычал командир учебного отделения.

Капитан Федерс вошел в помещение, словно полководец поднялся на холм, где стоит его шатер. Он махнул рукой еще до доклада командира отделения. Фенрихи сели. Федерс предложил обер-лейтенанту Крафту свое место. Закаленным в неприятностях кандидатам в офи-

церы даже не пришло в голову удивиться присутствию на занятиях офицера-воспитателя. Федерс уже отвлек их внимание первым вопросом:

— Крамер, какое задание было дано?

Тот вскочил, как ужаленный осой, и заорал:

— Рота располагается по квартирам. В глубоком тылу на своей территории или на местах проведения маневров. В каком месте должен расположиться офицер?

— Вздор,— коротко бросает Федерс.— Раскройте ваши уши, пожалуйста, пошире. Мы здесь не на курсах по обслуживанию гостиниц. Здесь не комнаты заказываются, здесь квартиры — они занимаются, отводятся, реквизируются.

Так с самого начала был разделан под орех командир учебного отделения — испытанный, бывалый унтер-офицер. Но, казалось, никто не был удивлен разносом. Крафт почувствовал это совершенно определенно. Каждый фенрих был занят сам собой. Все сидели, готовые мгновенно вскочить по приказу, и почти на всех лицах можно было прочитать, что они ожидали вызова, как прыжка в неизвестность. Насколько оправдана была эта предопределенная судьбой безнадежность фенрихов, Крафт узнал буквально через несколько минут.

— Ну-ка, Амфортас, какую квартиру займете вы, как офицер? При условии, конечно, что вы вообще когда-нибудь станете офицером. Ну, отвечайте — какую квартиру?

— Ту, которую мне предоставят.

— Дикая чепуха, Амфортас! — произнес Федерс с уничтожающей резкостью, но не повышая голоса.— Обеспечение роты квартирами — это задача унтер-офицерского сословия. Но ни один офицер не может позволить, чтобы ему подобрал какую-нибудь халупу его подчиненный— он подыскивает квартиру для себя сам, лично. Какую же он ищет, Бемке? Отвечайте.

— Офицер выбирает самую худшую квартиру, господин капитан,— обреченно вскрикивает фенрих,— ибо он должен показывать пример.

— Но не пример же идиотизма, парень! Вы учитесь в военной школе, а не в тренировочном лагере будущих святош.

Капитан Федерс бил с уничтожающей меткостью — быстро, хладнокровно, точно. И тут Крафт понял, что в этом классе нет ни одного фенриха, который в чем-то мог

хотя бы приблизиться к своему преподавателю тактики, а если такой и был, то опасался это показать. Федерс как хотел, так и вколачивал в головы своих слушателей истину, что офицер всегда прав. Кроме того, он демонстрировал им приемы, с помощью которых эту идею нужно было вбивать в головы подчиненных. Фенрихи таращили глаза на своего капитана, как кролики на удава. Правда, были и кое-какие нюансы. Некоторые, вроде Амфортаса, Андреаса и Бергера, высказывали правоверную преданность. Другие, скажем Крамер, Вебер и Бемке, были полностью подавлены авторитетом преподавателя. Третьи, такие, как Меслер или Редниц, постоянно выискивали лазейки, в которые можно было спрятаться, но большой надежды не было и у них. Лишь немногие, например Хохбауэр, стремились, казалось, к одному — выдержать испытание полностью, без скидок.

Следующей жертвой капитана был фенрих Бергер. Он тоже вскочил, как и предыдущие, будто подброшенный пружиной. Светловолосый, полный рвения, суетливый, готовый лопнуть от старания, он набрал полную грудь воздуха и ответил:

— Я занимаю квартиру среднего качества, чтобы подчеркнуть общность, чувство товарищества.

— Вы вообще ничего не должны подчеркивать, вы, бездарь. Вы же не бухгалтер. Общность существует только в братской могиле. Товарищество рождается не в выборе постелей. Следующий. Отвечайте вы, Редниц.

— Я занимаю, безусловно, лучшую квартиру,— ответил тот без запинки.

— Почему, Редниц? — всадил сразу же следующий вопрос Федерс.— Не потому ли, что сейчас для ответа нет больше выбора?

— Потому что офицеру по праву полагается все лучшее, господин капитан.

— Похоже, что вас это устраивает: не желаете ли вы проторчать войну в казино? Никакого участия в боевых действиях без портативного патефона, без ящика с вином, без одеколона и без офицерской картежной компании — так, что ли? Все лучшее! Если вы только поэтому хотите стать офицерами, дражайшие господа, то грош вам цена.

Эту издевательскую игру капитан Федерс продолжал еще с четверть часа. За это кратчайшее время он «высветил» всех девятерых фенрихов, фамилии которых

стояли в записке Крафта. И только после этого он снизошел до того, что дал все более терявшимся фенрихам возможность отыскать наполовину одобренные им формулировки. И результат выглядел примерно следующим образом: офицер должен занимать лучшую квартиру потому, что у него больше всего дел, то есть у него остается слишком мало времени для отдыха, и потому, что большие обязанности не исключают и больших прав, короче, потому, что он является офицером, а не унтер-офицером, не каким-то там нижним чином.

Карандаши фенрихов строчили по бумаге. Они стремились показать, что готовы раз и навсегда зарубить себе на носу эти сведения — чтобы затем уверенно применять их на войне. Когда с этим было покончено, капитан приказал:

— Достать карты и блокноты связи! Будем работать по топографической карте номер 674.

Фенрихи скорчили самые огорченные мины, на какие только были способны. Тем не менее они пытались, как и положено, показать деловое оживление. Явная нерасторопность неотвратимо влекла за собой минусы в оценках. Майор Фрей заявил им об этом совершенно четко в самом начале обучения, реализовав таким образом одну из своих знаменитых «заповедей на все случаи жизни», гласившую: «Я ожидаю, что вы всегда будете полны радости — даже в том случае, если от страха наложите в штаны». Капитану Федерсу подобные жизненные заповеди были чужды. Носили его фенрихи на лице маску радости или нет — ему было безразлично. Главное, чтобы они постоянно ощущали нажим. И если в начале занятий он проводил одиночные акции против фенрихов, то сейчас развернул фронтальную атаку на весь класс, используя топографическую карту номер 674. Эта карта относилась к так называемым «пособиям идиотов», ибо она представляла собой примитивнейшее средство обучения. На ней были нанесены не только обычные топографические знаки — там были отмечены еще некие «пространства», помеченные красными и синими кружочками. Это были определенные местности, которые по воле преподавателя означали запретные зоны, учебные полигоны, районы оперативных действий и так далее. Капитан Федерс сказал:

— Расположенная в зоне готовности рота переводится для участия в боевых действиях из квадрата А-4 в

квадрат Ф-7. Отдайте соответствующий приказ по роте. Время на подготовку — 15 минут. Начинайте.

Капитан положил перед собой часы. А сам в это время, казалось, начал не спеша изучать какое-то предписание. Однако он не читал его — он наблюдал за фенрихами. То же самое делал и Крафт. Он рассматривал их одного за другим: Меслер и Редниц без стеснения списывали друг у друга; Бемке беспомощно уставился в пространство; Вебер размышлял, исходя потом; Амфортас и Андреас изобразили на лицах крайнюю решимость, хотя им, по всей видимости, было абсолютно не ясно, для чего, собственно, им все это было нужно. Хохбауэр принадлежал к тем немногим, которые действительно сосредоточились на задании: он, видимо, четко знал, чего хочет. Через тринадцать минут капитан объявил:

— Время истекло. Крамер, соберите работы у всех, кроме Меслера и Редница,— те не годятся. Парни списывали друг у друга, а у меня на занятиях каждый производит свой навоз самостоятельно. Запомните это!

И пока командир учебного отделения вырывал из рук фенрихов их листки, на которых они спешили сделать последние поправки, капитан Федерс уже диктовал:

— Домашнее задание на завтра: рота занимает позицию в квадрате Ф-7. В ней отсутствует второй взвод. Восполните этот пробел за счет тыловых отделений. Сформулируйте соответствующий приказ. На этом занятия окончены — вываливайтесь. И чтобы через две минуты здесь не маячило ни одной физиономии.

В две минуты класс опустел. Только Федерс и Крафт стояли друг против друга. И капитан сказал:

— Если хотите, можете посмотреть дерьмо, которое написали парни. Можете даже взять его с собой.

— Но ведь эти работы будут вам нужны, господин капитан.

— Еще бы,— усмехнулся Федерс,— я растапливаю ими свою печку.

— И на следующем занятии вы не сообщите фенрихам об их ошибках? — удивленно поинтересовался Крафт.

— Я им скажу, как делать правильно, этого с них хватит. Писанина этих ребят все равно не верна, или не точна, или не закончена. Они и сами знают это. Потому и убежали, навалив полные штаны, а это самый главный эффект в воспитании, которого я добиваюсь. Зачем? Чтобы дать им ощутить предвкушение того ада, в который

они хотят попасть в качестве офицеров. Я заставляю их шевелить мозгами, пока они наконец не осознают свою крайнюю духовную скудость. Да мы, собственно, все таковы. Поедемте ко мне на виллу Розенхюгель, и я докажу вам это. Я заказал машину — она будет через полчаса.

Через полчаса автомобиль, полуоткрытый «мерседескюбель», выехал из казармы. За рулем сидел наглухо закутанный ефрейтор в меховой шапке с наушниками. На заднем сиденье расположились Федерс и Крафт в своих суконных шинелях. Они отчаянно мерзли, и выдыхаемый ими воздух превращался в маленькие облачка. Они объехали Вильдлинген-на-Майне и повернули на шоссе, которое вело в Вюрцбург. Мимо проносились плоские холмы, а выпавший снег навевал меланхолию.

— Чертовски холодно,— сказал Федерс.— Я должен вбить фенрихам в голову, что это такое — намертво промерзшая земля: она увеличивает воздействие взрыва и усложняет рытье могил.

Вскоре они свернули с шоссе, проскочили идиллические боковые улочки в направлении Ипфхофена, где рос чудесный виноград. Но сейчас горы были пусты, будто вымершие. А колышки между виноградными лозами в их застывшей последовательности походили на бесконечные ряды крестов, какие стоят на кладбищах героев.

— Что вы думаете о Хохбауэре, господин капитан? — осторожно спросил Крафт.

— Он наиболее способный в подразделении. Ярко выраженный одаренный тактик,— не задумываясь ответил Федерс.— Мыслит ясно, целеустремленный, решительный. И раз уж вы ему симпатизируете, могу сказать — он прирожденный офицер.

— А черты его характера?

— Ну, эта мура меня не интересует. Какое кому дело до характера, если все в том, чтобы обладать деловой сметкой, энергией и выдержкой. Офицер должен в первую очередь командовать, отдавать приказы — быстрые, четкие, целесообразные, и притом правильные. Без характера не обрести положения и уж тем более не завоевать.

— Это верно, но все-таки свойства характера...

— ...абсолютно десятистепенное дело, с моей точки

зрения, как преподавателя тактики. Чего вы, собственно, хотите от офицера? Доброты, понимания, человеколюбия, порядочности? С таким комплексом нечего лезть на войну, а уж тем более стараться выиграть ее. Свойства характера! Попробуйте вы, танцор-мечтатель, поизучать свое начальство с точки зрения черт характера. Начните лучше сразу с вашего высшего начальства. Что скажете, Крафт?

— Бессмысленно.

— И я так думаю,— согласился Федерс.— Вернемся лучше к нашим баранам. Поверьте, Крафт, самое главное свойство характера для офицера — это жестокость. В войне не остается иного выбора. Ибо война безжалостна, жестока и отвратительна. В ней подыхают или выживают. Но это еще не все, Крафт. Бывают такие, кто выживает, подохнув. Самое позднее через полчаса вы поймете, что я имею в виду.

Они молча ехали дальше через крохотные городки, в которых еще витал дух средневековья, забытые в закоулках страны, на которую надвигалась смертельная опасность. Кругом безжизненные поля, и среди них защитного цвета «мерседес-кюбель», инородное тело, жучок, ползущий по узкой дороге.

Они ехали дальше по боковому проселку, пока перед ними не появилась вилла, стоявшая на холме. Приют мечтательного одиночества — такой она казалась,— романтическая прелесть, обвитая вдали серебристой лентой реки Майн.

— А что, не так? — насмешливо спросил Федерс.— Не хватает только звука арфы или веселеньких бубенцов на санях, ведь как-никак зима.

Крафт при виде этой декоративной виллы был готов встретить тут что угодно: подпольный бордель для офицеров, тайный склад товаров или даже секретную научно-исследовательскую лабораторию.

— Вот там,— сказал капитан Федерс, показав глазами на вымершую, стоявшую перед ними виллу,— моя, так сказать, часовня. В последнюю ночь вы видели меня в моей худшей ипостаси — болтливый, хныкающий, беспомощный человеческий отброс. Но такие состояния депрессии у меня редки, и когда они грозят овладеть мной, я удираю сюда. Хозяин этого дома — мой единственный друг.

С приближением виллы Розенхюгель становилось все

яснее, что они в совершенно безлюдном районе. Прямая дорога была перекрыта шлагбаумом. Рядом с ним стоял щит с надписью: «Запретная зона». Немного дальше возвышался забор из колючей проволоки.

Автомашина остановилась. Федерс выпрыгнул из нее, подошел к воротам и нажал кнопку переговорного устройства.

— Прошу представиться,— раздался из динамика хриплый голос.

— Капитан Федерс и два сопровождающих.

— Пожалуйста, проезжайте,— ответил голос после короткой паузы.

Федерс влез в машину. Раздался жужжащий шум блоков — ворота автоматически раскрылись. Медленно — скорость свыше десяти километров в час не разрешалась — машина въехала во двор виллы. Федерс и Крафт вышли из автомобиля, шофер остался в нем. Очевидно, несмотря на мороз, он совсем не собирался сопровождать обоих офицеров, а может быть, по его прежним поездкам сюда, ему и не разрешалось это. Он немного постукал ногами одна о другую, закурил сигарету, а погасшую спичку сунул в коробок.

— Ну вот, мы у цели,— сказал капитан Федерс,— или в конце пути.

Режуще-белый холл виллы был пуст. Ступенчатый пол кое-где покрыт дорожками из дерюги. В воздухе витал резкий, спертый запах, сразу выдававший назначение здания: это была больница, лазарет. Но особый, в котором господствовала тяжкая тишина. Откуда-то сзади появился и быстро пошел им навстречу высокий худой мужчина в форме офицера, поверх которой развевался распахнутый белый халат. Движения человека были размашисты. Его голова как-то неестественно всунута между плечами. Когда он подошел ближе, Крафт понял, что у человека нет лица. На его плечах прилепилась бледно-розовая разбухшая масса, в которой мерцал один огромный глаз. Голубой, умный, добро смотрящий глаз.

— Разрешите познакомить вас,— произнес Федерс очень церемонно.— Майор медицинской службы Крюгер, мой друг,— обер-лейтенант Крафт, мой коллега.

Майор-медик протянул Крафту свою длинную руку. Длиннопалую, мускулистую, тонко сработанную ладонь, полную силы и одновременно нежную. Руку скрипача или хирурга, отмеченную высокой чувствительностью.

В бесформенной массе, которая когда-то была лицом — и, боже, каким, наверное, совершенной красоты лицом, если судить по руке,— открылась щель, сквозь которую майор-медик сказал:

— Было бы рискованно приветствовать вас, господин Крафт, словами «добро пожаловать». Но я имею привычку говорить обычно моим чрезвычайно редким посетителям: «Попробуйте не отчаиваться».

Обер-лейтенант взглянул на капитана Федерса, как бы ища поддержки. Майор перехватил этот взгляд и спросил:

— Эрих, ты предупредил нашего гостя, что его здесь ожидает?

— Разумеется,— твердо ответил Федерс.— Он должен знать все, что может предложить этот мир, даже если при этом его хватит кондрашка. Полагаю, что Хайнц назвал бы это шоковой терапией, не так ли?

Майор-медик задумчиво кивнул. Затем окинул взглядом обер-лейтенанта Крафта, будто намеревался ставить ему диагноз. Его глаз заблестел бриллиантовой голубизной. Снова открыл он щель, бывшую когда-то ртом:

— Мой друг Эрих Федерс и я знакомы со школьных лет. Мы были тогда неразлучны. Имели лучшие отметки, были отличными спортсменами и наиболее желанными партнерами на танцах, женились на красивейших девушках, оба были почти в одно и то же время изувечены войной. С тех пор как это случилось, мы стремимся открыть для себя новую, другую жизнь, но мы еще не в состоянии преодолеть старое. И порой Федерса обуревает оправданное желание найти человека, который понял бы нас,— и, найдя, он привозит его сюда.

— Не нужно лишних слов, Хайнц,— сказал капитан Федерс, обрывая монолог друга.— Просто я обнаружил в этом Крафте дельно функционирующий мозг, и мне не хочется, чтобы он захирел. Но его гложут расплывчатые идеалы, которые необходимо удалить самым жестоким хирургическим путем.

Похоже было, что глаз майора улыбнулся обер-лейтенанту. И он произнес своим сдавленным, без всякого выражения, голосом:

— Если вы, господин Крафт, никогда еще не видели того, что я вам покажу, или даже вообще ничего об этом не знали, то вы испугаетесь: иная реакция в этом случае немыслима. И вероятно, совсем нелишне, если вы

будете знать: вы можете смотреть, но вас видеть не будут. От того, что вы увидите, вы отделены стеклянной перегородкой, которая с другой, не видимой вам стороны кажется черной стеной. Голоса, которые вы услышите, будут идти из репродукторов, которые мы вмонтировали для контроля. Если же вы не услышите никаких голосов, значит, репродукторы выключены. Ну, идемте, дорогой друг.

Майор медицинской службы пошел впереди. За ним следовал Крафт. Замыкал шествие Федерс. Они прошли через серо-белый холл в узкий коридор. Стены были гладкие, холодные и угнетающе светлые. Внезапно они расширились, образовав помещение наподобие павильона. Здесь майор-медик открыл железную дверь и знаком пригласил Крафта войти. Обер-лейтенант вступил в узкую комнату.

Там сидел на корточках мужчина в белом халате. Согнутая углом спина, туловище наклонено вперед — он сидел не двигаясь. Голова втянута в плечи, без шеи, застывшая. Изувеченное человеческое тело. Человек был вахтером лазарета. Тут стояли распределительное устройство, часы, усилитель, микрофон. Судорожным движением вахтер повернул свой корпус и взглянул на вошедших. Затем, как бы желая отвлечь от себя взгляд обер-лейтенанта, он конвульсивно принял прежнюю позу и прищурился на стену. Крафт тоже посмотрел туда.

Он увидел всю из стекла стену, похожую на большую витрину. За ней находилось помещение, стены которого зеленовато мерцали. Там стояли кровати — узкие, плоские, низкие, какие делаются для детей. Но все они были застланы и пусты. Крафт взглянул наверх и увидел тюки, свисавшие с потолка,— угловатые, ящикоподобные, неуклюжие тюки. Они беспомощно болтались в пустоте, закутанные в полосатые белесоватые куски материи, напоминавшие спальные пижамы. Кожаные и джутовые ремни опоясывали каждый тюк, как прочная сеть, охватывающая мяч. Эти тюки — обер-лейтенант только что заметил — двигались. Не все, лишь некоторые. Они медленно вращались или раскачивались. И эти тюки имели головы. Человеческие головы.

Это были люди, эти тюки под потолком.

— Мои пациенты,— тихо сказал майор, стоявший сзади Крафта.— Туловища с головами — без остальных членов тела. Закутанные в спальные пижамы, опоясан-

ные несущими ремнями, подвешенные к крюкам, которые употребляются мясниками. У меня еще два таких зала,— добавил майор.

Казалось, тюки беседуют друг с другом. Они открывали губы — один чуть-чуть, другой широко. Третий разинул рот, как будто смеялся. А может, зевал? Или кричал? Но все происходило в потусторонней, удушающей тишине: вахтер выключил репродукторы.

— Живые существа, как и остальные люди,— сказал майор.— Только они не могут ходить и что-либо брать. Они неподвижны и поэтому беспомощны, как дети,— но с сознанием, чувствами и потребностями людей в возрасте двадцати — тридцати лет.

Обер-лейтенант почувствовал, что силы покидают его. Его тело обмякло, стало как ватное, в мозгу образовалась пустота, перед глазами поплыли круги. Он почувствовал руку, поддержавшую его, и вновь обрел равновесие.

— Люди-короба,— сказал капитан Федерс.— Конечный плод жестокости, какую только могла изобрести война. У многих этих людей не только оторваны руки-ноги, у них отсутствует половина легких, гортани, части желудка, половые органы и уши.

— Перестаньте,— мучительно выдавил Крафт.— Перестаньте. Хватит.

— Эти люди,— сказал Федерс,— считались мертвецами, павшими, погибшими. Но они — живы! Если это состояние можно назвать жизнью. И если они однажды, из медицинских или комфортных соображений, не будут переправлены в тот, другой, лучший мир — как они закончат свое так называемое земное существование? В корзинках? Беспомощные, как грудные младенцы? Их положение столь безнадежно, что они не имеют даже возможности покончить с собой. И рядом с ними нет ни женщины, ни друга, ни ближнего — только одни солдаты, изувеченные подручные войны, с искривленными позвоночниками, искореженными лицами и оторванными членами.

Обер-лейтенант Крафт отвернулся. Лицо его было бледно-серым.

— А теперь, Крафт,— сказал капитан Федерс с жесткой настойчивостью,— попробуйте в вашей дальнейшей жизни хоть одно мгновение побыть полностью беззаботным. Если вы на это способны, тогда...

Он умолк.

— Пойдемте,— мягко обратился к нему майор и повел Крафта к выходу.— Не говорите ничего, но думайте. Тогда, возможно, мы еще встретимся. И вот тогда я скажу вам: «Добро пожаловать».

15

ЖЕНЩИНА НЕ ДОЛЖНА ТЕРЯТЬ САМООБЛАДАНИЯ

— Арчибальд! — позвала жена майора.

Но муж не откликнулся. Каждый раз, когда он ей требовался, его не оказывалось на месте. Это в последнее время стало бросаться ей в глаза. Перед ней лежал список гостей на дружескую пирушку, и в связи с ним возникла одна проблема.

— Арчибальд! — крикнула она еще раз.

С некоторым облегчением услыхала, как хлопнула дверь. Шаркающие шаги раздались в коридоре — майор направился в спальню. Фрау Фелицита тотчас же пошла за ним.

— Арчибальд,— сказала она,— мне нужно срочно поговорить с тобой.

Майор сел на кровать сменить носки. Он недовольно поднял глаза, услыхав свое имя, произнесенное в тоне легкого приказания. Со времен знакомства с Модерзоном он хотел, чтобы с ним обращались таким образом лишь в случаях, когда он это разрешал. Но, в конце концов, он ведь еще не генерал и, кроме того, женат.

— Чем могу быть полезен, моя милая Фелицита? — спросил он. Голос его прозвучал в высшей степени услужливо.

— Нельзя ли обойтись без этого обер-лейтенанта Крафта? — спросила она настойчиво.

— Боюсь, что нет,— ответил майор с сожалением.

— Он нарушит гармонию моего тесного кружка,— предположила майорша.

Дружеские вечеринки устраивались у них раз в две недели, обычно в пятницу. Идею подала она сама. Майору оставалось лишь одобрить ее, что он сделал не без удовольствия. Ибо тем самым жена начальника курса

школы доказывала, что она не только является первой дамой в школе, но должна пользоваться и соответствующим влиянием.

— Я хотел его не приглашать,— заверил жену майор,— и мог бы не утруждать тебя обществом этого Крафта. Но речь в данном случае идет о принципе, милая Фелицита. Удивительно, что до сих пор ты не терпела никаких исключений и, несмотря на известные трудности, всегда умела добиваться, чего хотела.

Фрау Фрей примирительно кивнула.

— Ты же знаешь, Арчибальд, что до сих пор я приглашала обычно семерых молодых женщин...— Дело в том, что, по ее мнению, больше таковых в вильдлингенском обществе и не было.— Если же появится еще этот Крафт, то в целом окажется восемь холостых офицеров — один будет лишним.

— Ах, вот как,— сказал майор, делая заинтересованный вид.

— Ведь каждый офицер должен сидеть за столом со своей дамой,— пояснила фрау Фелицита,— иначе возникнет опасность беспорядочного ухажерства.

— А что же твоя племянница Барбара?

— Исключено. Барбара до зарезу нужна на кухне: я же без нее не обойдусь. Кроме того, тебе не мешало бы вызвать какого-либо ординарца из казино, иначе я не управлюсь. Или твоей власти не хватит для этого?

— Ну конечно, это можно сделать,— быстро ответил майор.

Усомниться в его влиянии — хуже нельзя было уязвить майора. Фелицита знала слабость мужа и использовала ее как вернейшее средство для выполнения своих желаний.

— А если еще раз вернуться к этому Крафту? Нельзя ли помешать его появлению, заняв его каким-либо срочным служебным делом?

— Это может случиться, милая Фелицита, если вечерний поезд из Вюрцбурга опоздает: Крафт имеет поручение, причем персонально от генерала, встретить на вокзале фрау Барков и проводить ее в гостиницу.

— Лично от генерала? — переспросила майорша чуть зазвеневшим голосом.

— Ты не думай, Фелицита, что для меня это хоть в малой степени важно. В последнее время между мной и генералом возникли существенные разногласия. Оказы-

вается, мои взгляды на мир перестали совпадать полностью с генеральскими, что при определенных обстоятельствах может иметь практические последствия. А обер-лейтенант Крафт и так торчит у меня в глазу, как сучок. Лично я не обменялся бы с ним и словом, тем более что сегодня он почти полдня, не предупредив меня, где-то болтался. Да еще с капитаном Федерсом.

Фрау Фрей окинула мужа внимательным взглядом. Он стоял перед ней в носках и изображал живейшее участие в ее проблемах: она-то хорошо его знала, слишком хорошо, как она иногда думала. Конечно, он побаивается генерала, хоть и утверждает обратное. А этот Крафт, кажется, пользуется протекцией Модерзона. Майор счел благоразумным учесть сие обстоятельство, хотя и был недоволен собой. Она была разочарована пассивностью мужа, которая, к сожалению, часто проявлялась в последнее время.

— Надень шлепанцы, Арчибальд,— посоветовала она.— Для твоего здоровья вредно бегать в носках, да и носки надо поберечь.

— Но я хотел сейчас помыться,— сказал майор извиняющимся тоном.

Он быстро вышел, а жена долго смотрела ему вслед. Ее взгляд выражал озабоченность. Кто-то постучал в дверь. Явилась Барбара и сообщила:

— Там пришел фенрих по поручению капитана Ратсхельма.

— Заботливый Ратсхельм, — сказала майорша, тронутая его вниманием.— Он всегда как рыцарь. Настоящий мужчина!

— Я бы не сказала,— заметила Барбара.

— Ну, ты, очевидно, подразумеваешь под этим нечто иное, чем я.

— Может быть,— согласилась Барбара.— Я как раз не нахожу в Ратсхельме особых мужских качеств.

— Барбара! — воскликнула майорша возмущенно.— Как ты можешь так говорить! Господин капитан Ратсхельм отличный офицер.

— Возможно,— ответила Барбара равнодушно.

Фелицита рассматривала свою племянницу с откровенным осуждением. Ну что за девица! Никакого стиля! Но на кухне она была незаменима.

— Мы еще поговорим на эту тему,— сказала она наставительно.

— Ладно. Впустить фенриха?

— Но не в спальню же. В комнату, разумеется. Проси.

Фенрих был представителен. Майорша тотчас отметила это про себя. Спортивная фигура, светлые волосы вошедшего приятно дополнялись отличными манерами.

— С вашего позволения, сударыня,— сказал посетитель с радующей взор, изысканной вежливостью и скромностью,— меня зовут Хохбауэр. Я из шестого потока, учебного отделения «X». Явился по поручению господина капитана Ратсхельма, чтобы передать вам, сударыня, некоторые книги.

Фрау Фрей обворожительно улыбнулась и протянула фенриху руку. Тот с учтивой смелостью приблизился, склонился перед ней, чтобы нежно пожать ей руку. Фрау Фрей увидела шелковые, тщательно зачесанные на косой пробор волосы, высокий выпуклый лоб, свидетельствующий о решительности мышления, под ним — выражающие преданность глаза, благородный тонкий нос и рот, как у королевского пажа, так считала майорша.

— Заботливый Ратсхельм,— сказала фрау Фрей, ничего другого ей не пришло в тот момент в голову.— Присядьте, пожалуйста, господин Хохбауэр. Что хорошенького вы принесли?

— Лучшую немецкую литературу,— ответил фенрих, послушно сев на стул. Он открыл портфель, лежавший у него на коленях.— Избранное германского духа, сударыня,— Йост, Елузих и Блунк.

— Чудесно,— сказала фрау Фрей и взяла из его рук книги. Это же руки не мужчины, подумала она, а скорее ребенка,— чувствительные, благородные.— Вы тоже много читаете?

— По возможности,— осторожно ответил фенрих,— если остается время от службы. А служба, разумеется, прежде всего. Она, конечно, не исключает общения с духовными ценностями, которые волнуют нашу нацию.

— Отлично сказано,— воскликнула Фелицита Фрей одобрительно. И, услыхав, что муж выключил в ванной воду, сказала в заключение: — Может быть, при случае мы несколько поподробнее побеседуем об этих вещах.

— Большая честь для меня, сударыня,— заверил фенрих Хохбауэр с благовоспитанной признательностью.

Он встал, склонился еще раз над протянутой ему рукой и пожал ее очень нежно.

Фелицита отметила: энергичная нежность. Когда Хохбауэр поцеловал ей руку, она почувствовала волнение, ощутила себя обожаемой и ей стало приятно.

— У тебя кто-то был? — спросил, входя в накинутом халате, майор.

— Ты не должен бегать по квартире неодетый, Арчибальд,— заметила она почти нежно, пребывая в блаженном состоянии.— Подумай, ведь в любой момент может войти Барбара. Я бы хотела уберечь ее от такой картины.

— Уберечь?

— Ну да, чтобы не вводить в искушение.

Майору было приятно услышать такой аргумент. Ибо он считал себя представительным мужчиной, каковым он, по общему мнению, и был, особенно в полной военной форме. И все же, чувствуя себя польщенным, он не забыл, что ответа на его вопрос не последовало.

— Кто же это был? — хотел-таки знать майор.

— А, фенрих,— ответила она небрежно,— из подразделения Ратсхельма. Принес мне книги. Кстати, очень воспитанный юноша с отличными манерами.

— Ага,— сказал майор, удовлетворенный ответом жены.— Наш людской материал не так уж плох, особенно если попадает в хорошие руки. Крафт не в счет.

— Его приход напомнил мне, что молодой дамы на вечеринку-то мне так и не хватает. В том случае, конечно, если действительно нельзя избежать приглашения Крафта на сегодняшний вечер.

— Слушай, пригласи-ка фройляйн Бахнер, секретаршу генерала,— сказал майор.

— Я не ослышалась? — спросила фрау Фрей с неприязнью.— Уж не собираешься ли ты составить протеже этой сомнительной персоне?

— Я просто предлагаю тебе вариант,— успокоил ее майор.

— Она же любовница генерала — это все знают.

— Никто не может этого доказать,— сказал майор.— И я прошу тебя, ради всех святых, пожалуйста, будь поосторожней. Как ты могла уже заметить, с генералом шутки плохи.

— Со мной тоже,— добавила Фелицита.

— Ну я прошу тебя,— виновато сказал майор.— Что тут поделаешь: если любовь нагрянет, то куда деваться?

— Вот это верно,— неожиданно улыбнулась майорша.

— Вот видишь,— обрадовался майор.— И потом не такой уж плохой ход свести эту девицу и обер-лейтенанта Крафта. Я не позавидовал бы генералу.

Оставшись одна, фрау Фрей озабоченно покачала головой и глубоко вздохнула. Она огладила руками свое платье и при этом убедилась, что бедра ее имеют прекрасную форму — не особенно пышные, но крепкие. Она была когда-то неплохой наездницей.

Затем она позвонила по телефону.

— Дорогая фройляйн Бахнер,— голос ее был полон сладкого дружелюбия,— пригласить вас к себе — мое давнее желание. Не доставите ли вы мне такую радость?

— Какую радость, сударыня?

— Посетить меня просто, по-домашнему... Собирается очень приятная компания — избранный круг. Да, собственно, ни к чему это подчеркивать.

— Вам и в самом деле не нужно это подчеркивать, сударыня.

— Так вы придете, любезная фройляйн Бахнер?

— Когда прикажете?

— Сегодня вечером. Я буду очень рада.

— Я тоже, сударыня,— сказала Сибилла и положила трубку.

Фелицита тут же побежала к мужу. Он прилег соснуть. Она отметила это не без раздражения. Он, видите ли, спит, а она должна за него отдуваться.

— Арчибальд,— окликнула она мужа довольно мягко,— мне все удалось.

— Что удалось тебе еще и на сей раз?

— Я уговорила Сибиллу Бахнер — она будет.

— О, браво,— протянул майор, зевая.— Тогда торжественности прибавляется.

Приглашенные офицеры маленькими группами топали с холма вниз, к городку.

— Я кажусь себе сейчас фенрихом,— сказал один из них.

— Даже хуже,— добавил другой.— Ведь дамский приказ выполняем мы, бравые мужчины. Нас будут разглядывать, испытывать и обсуждать точно так же, как мы кандидатов в офицеры.

А обер-лейтенант Рамблер, из четвертого потока, убежденно заявил:

— Свинство какое-то!

— Полагаю,— высказался обер-лейтенант Веберман,— дело тут больше в тщеславии, сдобренном заботливостью. Или во взрыве материнских инстинктов, оплодотворенных сословным самосознанием. А в общем и целом — квазидостойное дело.

— Ваша заушательская философия, мой дорогой Веберман, меня совершенно не волнует,— объявил Рамблер.— Что мне не по нутру, так это ограничение во времени, придуманное начальством. Торжественно-семейное удовольствие — строго по служебному распорядку!

Приказная вечеринка началась точно в восемь часов и окончилась в одиннадцать, минута в минуту. Причиной тому было отнюдь не жгучее стремление фрау Фрей к военной точности, а хитроумный расчет. Ибо заранее закрепленные за дамами офицеры должны были забежать за ними, но не слишком рано, а так, чтобы они точно в назначенное время прибыли к майору в гости. Завершение вечеринки так же точно по часам: родители девиц могли до минуты рассчитать, когда их дочери должны явиться к домашнему очагу. Таким образом, майорша стремилась предотвратить возможные нежелательные отклонения гостей от маршрутов.

— Вечно все должно идти скоропалительно,— жаловался обер-лейтенант Рамблер.— При таких темпах исчезают нюансы. Все по секундам! Настоящее свинство!

Остальные офицеры воздержались от высказывания какой-либо точки зрения. Большинство их напарниц отнюдь не обладали упомянутой Рамблером скоропалительной готовностью: они желали быть завоеванными без спешки и основательно. Совершающаяся обычным порядком помолвка являлась в большинстве случаев последним непреодолимым барьером на пути к желанной цели.

— Вся эта заваруха — совершенно ненужная и противоестественная цепь ухищрений, —твердил Рамблер, считавшийся специалистом в сей сфере.— Я сказал бы, эти ухищрения противны здоровому народному мироощущению.

— Добро пожаловать,— говорил майор каждому входившему в его жилище. Он стоял в коридоре, блестя сво-

им рыцарским крестом и масляно улыбаясь гостям,— герой и организатор, офицер и светский человек. Он принимал пришедших и передавал их дальше своей супруге, и та тоже сердечно приветствовала их.

— А эта Сибилла Бахнер еще не пришла, Арчибальд,— прошептала майорша мужу.— И чего она воображает?

— А я откуда знаю! — нервозно ответил он.

— И Крафта тоже нет. Не надо было нам вообще звать их. Вечно я слишком потакаю твоим желаниям, Арчибальд, и, наверное, зря. Во всяком случае, будем начинать. Или ты настаиваешь на том, чтобы еще подождать?

Собравшееся общество завело обычную светскую болтовню, считавшуюся веселой. Молодые люди, то бишь офицеры и доставленные ими сюда дамы, сгрудились вокруг старшего поколения, то бишь вокруг фрау Фрей, майора Фрея и некоторых местных влиятельных дам. Последних пригласили только для того, чтобы гарантировать архисолидность мероприятия. Тут сидели: жена местного группенляйтера, который одновременно был и бургомистром, и заместителем крайсляйтера, и ландратом,— сорокалетняя помещица с лунообразным лицом, с голосом, привыкшим командовать в хлеву, и с блеющим смехом; жена кондитера и владельца гостиницы — фюрерша местного дамского общества, угловатая мужеподобная баба с прической под девочку и с неожиданным для собеседника елейным голоском; жена строительного подрядчика, скромно прозывающаяся «миллионершей», красавица с резкими чертами и выразительными жестами, которые недвусмысленно давали понять, что когда-то она была любимой субреткой взыскательного городского театра.

Вначале главной темой разговора был концерт по заявкам германского радио «Дойчландзендер». Разговор катился... «Развивается новый вид народного творчества... просто самородки... и так радостно, когда смотришь некоторые номера Эрнста... у меня слезы навернулись на глаза, когда я услышала «Родина, звезды твои»... сказал мой муж; да, немецкая задушевность, она присуща только нам... и при исполнении «Бомбы над Англией» расчувствовался... торгашеская же сделка, эти типы не отдадут нам Среднюю Европу до Урала, и колонии не отдадут, где этот Черчилль жрет вино, как бездонный...

но все же «Мамочка, милая мамочка» самая прекрасная песня...»

— Да,— сказал майор громко, овладевая аудиторией,— мы полны благородства и целомудрия, в то время как они там, в Америке, предаются судорожным конвульсиям под эту извращенную джазовую музыку.

Но вот появилась Сибилла Бахнер. Она остановилась в коридоре и глядела сквозь приотворенную дверь в этот так называемый салон. Стройная, немного бледная, с красиво спадающими волосами, ладно сложенная и одетая подчеркнуто просто, в голубое, она стояла в ожидании.

— Она опоздала почти на восемнадцать минут,— возмущенно бросила майорша своему супругу.

— И к тому же — одна,— притворяясь тоже возмущенным, добавил майор.

— Этот Крафт,— сказала Фелицита Фрей,— не зашел за ней, как это полагается и как было запланировано. Он просто невыносим.

— Его поведение безобразно,— согласился майор.— Этого я так не оставлю.

Однако фрау Фрей держала марку.

— Добро пожаловать! — воскликнула она, идя навстречу гостье. Затем майорша передала ее своему супругу, который познакомил привилегированную сотрудницу с присутствующими.

Старшие дамы оценивающе рассматривали Сибиллу Бахнер. Молодые — с неодобрением, ибо они почувствовали серьезную конкуренцию. Офицеры же были приятно удивлены и размышляли над тем, как с ней обходиться: то ли ухаживать, то ли занять нейтральную позицию. Прорываться в предполагаемый интим генерала было вряд ли благоразумно.

— Нравится она тебе — или как? — спросила молодая женщина сидевшего рядом с ней Рамблера.

— Ты нравишься мне куда больше,— прошептал он.

— Надеюсь.

— Я же тебе серьезно доказал это.

— Может быть, даже слишком серьезно.

— Что ты хочешь этим сказать? Лишь для красного словца — или?..

— Или...— ответила она. И при этом взглянула столь многозначительно, что у него зародились подозрения.

— Итак, наши молодые дамы! — сказал майор, оте-

чески обращаясь к пожилым дамам, среди которых он сидел.— Когда я вижу вас вот так перед собой, я начинаю предчувствовать, сколь многообещающе будущее наших внуков.

Молодые женщины еще сидели, ожидая и немного робея, на своих местах. Они прислушивались к разговорам, которые им очень хотелось воспринимать как образец остроумия. При сем глаза их украдкой обращались к кавалерам. Дамы намерены были очаровать военных, тем более что они слышали о них как о лучших офицерах — тщательно отобранных и достойных того, чтобы преподавать в военной школе — «университете защиты отечества». Все офицеры были отмечены наградами, большинство имели даже рыцарские кресты. И все хотят когда-нибудь стать генералами.

Столь возбуждающее сияние, окружавшее женщин, разгорячило их. Некоторые из них порядком вспотели, но на офицеров это не должно было произвести негативного впечатления и уж тем более отпугнуть их.

— Ты ведь не всерьез,— прошептал Рамблер своей даме.— То, на что ты только что намекнула, может и не случиться.

— И все же я опасаюсь,— промолвила она.

— Этого не может быть,— взволновался Рамблер.

Ему было чертовски трудно беззаботно поглядывать вокруг.

— Конечно,— звучно произнес майор,— к поэзии надо иметь вкус даже солдату. Если речь идет, разумеется, о действительных духовных ценностях, как, например, у Теодора Кернера.

Майор подкинул гостям новую пищу для разговоров. Как образцовый хозяин, он заботился о приятных темах для беседы. На очереди были культурные события, то бишь литература. И — понеслось:

«Видите ли, нордическая раса... они воспринимают это глубоко, всей душой... я, например, постоянно обращаюсь к исландским сагам, это придает душе мужество, хотя я не хочу сказать, что у меня его не хватает... ну, если бы мы не обладали германским духом, то... полные декаденты, эти французы, ничего удивительного в том, что мы разнесли их в пять недель... и нас — сто́ящие враги нам нашлись только в лице русских... и потом — наследие, наследство, кровное наследство, кровь и земля, пласты... а мой муж говорит: когда я вдыхаю аромат гер-

манской земли, я не стыжусь слез... что я хотел еще сказать: одна из страниц книги, в переплете, с золотым тиснением, она была на следующий день вся влажная — от слез...»

Наконец появился обер-лейтенант Крафт. Он быстро осмотрелся, подошел к майорше. Слегка поклонился и произнес:

— Добрый вечер, фрау Фрей.

— Добрый вечер,— холодно ответила она.

Обер-лейтенант обратился к майору и сказал:

— Прошу извинить за опоздание, меня задержали на службе.

— Прошу, прошу,— соблюдая приличия, ответил майор,— служба прежде всего.

— Так точно, господин майор, — сказал обер-лейтенант Крафт.

Тут он оторвался от основного ядра этого изысканного общества и через все помещение прошел к Сибилле Бахнер. Вздохнув, он опустился около нее на стул.

— Вы должны простить меня,—сказал он приглушенно.— Я ведь должен был зайти за вами, но поезд опоздал на тридцать минут.

— Фрау Барков приехала? — с явной заинтересованностью спросила Сибилла.

— Да. Я отвез ее в гостиницу. А там ее уже ждал генерал.

— Что же это за дама? — немного помедлив, спросила Сибилла.

Крафт посмотрел на нее и слегка улыбнулся. Ее, несомненно, распирало от любопытства.

Он ответил:

— Фрау Барков — женщина лет сорока. Кажется, генерал прекрасно знает ее и видит не в первый раз.

Обер-лейтенант Крафт начал внимательно рассматривать присутствующих. В это время общий разговор как-то застопорился. «Надеюсь, не из-за моего появления»,— подумал Крафт, немного обеспокоенный. Он прислушался к словам, долетавшим до него, и ему показалось, что это сущий вздор. Он посмотрел, нет ли чего выпить. Но до этого по распорядку еще не дошло.

— Ну и манеры у этого типа,— прошептал майор своей супруге.

— Невыносимые,— ответила майорша.

Фрей отправился поглядеть, как идут дела на кухне,

ибо напитки стояли там. Майорша в это время пыталась направить в нужное русло иссякавший пустой разговор. Офицеры прикладывали усилия, чтобы поддержать ее, как и положено было по отношению к супруге их командира. Молодые дамы вели себя довольно пассивно; они старались не споткнуться на какой-либо оплошности, не принятой в свете, хотя никому до этого не было дела.

— Так ты что, уверена? — донимал свою подругу озабоченный Рамблер.— Ты действительно думаешь, что...

— По всей видимости, да.

— Может, ты ошиблась, просчиталась в сроках?

— Откуда ты это взял? — спросила его дама с удивлением.

— Ну, может, ты просто спутала числа в календаре, понимаешь?

— Я всегда хорошо умела считать,— ответила она.

«Проклятие,— подумал обер-лейтенант Рамблер.— Черт бы побрал эти сборища! И всех баб заодно».

Молодые местные дамы сидели вытянувшись, чуть наклонившись, что должно было производить соответствующий эффект, подчеркивать их недоступность. Они жеманно улыбались, серебристо смеялись, как правило, в подходящих местах беседы. Они были уверены, что должны достойно представлять свой маленький городок в этом высшем обществе, и все это — пока на них глядели. Некоторые из них могли составить хорошую партию для женихов, подобающих их сословию и приданому. Например, дочь бургомистра, маленькая, ядреная, свежая, с мясистым задом и лунообразной физиономией — как у мамаши. Она, правда, всегда потела, но ведь на ее имя были записаны два доходных дома и крупный земельный участок между городком и казармами. Затем дочь владельца бензоколонки, мастерской по ремонту автомашин, пункта проката автомобилей и продажи их, маленькое, куклообразное существо с миловидным личиком, но с громадными желтыми зубами. Однако единственная наследница. Девица, с которой имел дело Рамблер, была племянницей строительного подрядчика, который переделывал казармы и возвел весь военный городок,— пышногрудая особа, все время тяжело вздыхавшая, на вид кобыла кобылой, но интересовавшаяся политикой. Она руководила местным союзом германских девушек. Ее бездетный дядя был, как говорили в городе, очень

привязан к ней. И именно об этом думал сейчас обер-лейтенант Рамблер.

Он уже начинал рассматривать всю историю с ней в ином свете. Как говорят в союзе германских девушек, дети есть гарантия будущего...

— О чем ты думаешь? — спросила она Рамблера.— И улыбаешься...

— Я думаю о тебе,— ответил он.— О нас и о нашем будущем.

— Я ведь с самого начала поверила в тебя,— сообщила она.

— Ну я же офицер,— сказал он скромно.— Я знаю свои обязанности.

— Мы, женщины,— говорила меж тем Фелицита Фрей, — всегда знаем, что к чему. Иначе какие мы были бы женщины, германские женщины?

Так она нашла наконец новую тему для общей беседы. Девиз: благотворительность и обязанности женщин, особенно в военное время. И опять пошло:

«...как имеет обыкновение говорить мой муж, женщина должна сознавать, что она германская женщина, особенно в такие времена,— каждую неделю мы посещаем лазарет, если, конечно, остается время от других обязанностей... нет, как они нам всегда благодарны, наши дорогие солдаты... я всегда приношу им цветы, даже розы от моего мужа, я не считаюсь ни с чем... Арчибальд, говорю я ему, мы не имеем права мелочиться, даже если речь идет о твоем специально разведенном сорте «Гинденбург»,— вы знаете, изумительная вещь, алебастрово-белая, символ чистоты, душевной, разумеется... и как блестят их глаза, когда я прихожу, они теряются от переполнившего их чувства благодарности... у одного целиком оторвана рука, понимаете, даже правая, а он смеется и говорит мне: «Подумаешь, я же левша»... ха-ха-ха, от такого прелестного юмора у меня слезы навернулись на глаза...»

— Можно что-нибудь выпить? — громко спросил обер-лейтенант Крафт.

Присутствующие были шокированы или, в зависимости от натуры, удивлены. Реакцию фрау Фрей можно охарактеризовать как возмущение. И когда она наконец овладела собой, то сказала:

— Господин обер-лейтенант, еще не время.

— Но не для меня,— не смутившись, заявил Крафт.

От того, что она там болтала, его просто замутило: захотелось водки или свежего воздуха.

А майорша язвительно произнесла:

— Если вам наше общество неприятно, господин обер-лейтенант Крафт, то...

— Я и так собирался вскоре уйти,— поднялся Крафт.— Мне еще необходимо выполнить некоторые поручения генерала.

— Прошу,— сказала майорша,— мы вас не удерживаем.

— Тогда я тоже пойду,— сказала Сибилла Бахнер и встала.

— Как хотите,— объявила Фелицита Фрей сурово.

— Это был очаровательный вечер,— уверила хозяйку Сибилла Бахнер.

— Я присоединяюсь,— сказал Крафт.— И могу лишь добавить: премного благодарен.

Они ушли. В комнате надолго повисло ледяное молчание. Фелицита Фрей вздохнула так прерывисто, что это услышали все. Похоже, она готова была лопнуть от злости. В этот момент из кухни явился майор. Его глаза смотрели на супругу холодно, однако на лице была широкая, добродушная улыбка, очень похожая на гримасу. Он демонстрировал свой принцип: не теряться в любой ситуации. Голос его звучал возбуждающе-игриво.

— Полагаю,— воскликнул он,— мы могли бы перейти к приятной части вечера! Потанцуем немного, дамы и господа. Не возражаете, если я поставлю песню о чайке, которая летит на остров Гельголанд? Или о цветке, который называют «Эрика»? Он растет на пастбище.

Зазвучала первая пластинка. Некоторые пары послушно поднялись, отправились в соседнюю комнату и начали танцевать. Разговор более старших постепенно входил в свое русло. Майор отозвал в сторону супругу, как ему казалось, незаметно для других. И прошипел ей: «Этого не должно было случиться, Фелицита! Мы еще поговорим с тобой поподробнее. Заруби себе на носу!»

— Ну вот, теперь стало спокойнее,— сказала Барбара Бендлер-Требиц, племянница майорши.— Я уж знаю: если сначала подается пунш, то на кухне наступает передых по крайней мере на полчаса. Чем мы его займем?

— А что предлагаете вы, сударыня?

— Почему вы все время зовете меня «сударыня»? Вам доставляет это удовольствие?

— Но так принято, сударыня.

Обер-ефрейтор Гемм стоял около кухонного стола. Он был прислан сюда из казино капитаном Катером в наказание, ибо Гемм якобы разбил принадлежавшую лично капитану Катеру бутылку красного вина. И за это шесть или восемь часов на побегушках у майорши — поистине нелегкое наказание! Хотя эта племянница, что стояла по другую сторону кухонного стола, была довольно мила. Однако она — племянница майора! Значит, нужна крайняя осторожность.

— Вы часто бываете при таких обществах? — поинтересовалась Барбара.

— Слава богу, нет,— ответил Гемм. Но тотчас поправился и пояснил: — Я хотел сказать: к сожалению, нет.

— Вам это надоело, не правда ли?

— Я не хотел так сказать,— осторожно промолвил Гемм.— А потом — ведь вы здесь.

Барбара обошла стол и придвинулась к Гемму. Он осторожно подался немного назад. Но Барбара надвигалась на него, говоря:

— Вам действительно не стоит величать меня сударыней, я ведь тут служанка.

— Но вы же племянница майора!

— И вас это испугало?

— Испугало? Ну сами подумайте, как это я смею так просто с дамой из офицерского общества...

— Чего?

— Ну вы же понимаете... Но я ничего не сказал. Ни слова. Только то, что вы — племянница майора. И что принадлежите к офицерским кругам.

— А, дерьмо все это,— сказала Барбара с яростной убежденностью.— Плевать мне на всю эту кучу.

Гемм воспрянул духом.

— Вы действительно так думаете? — спросил он.

— Ну! — требовательно сказала Барбара.

Гемм оглянулся. Дверь кухни была закрыта. Все общество обреталось в салоне. Орал граммофон — там танцевали. Пунш был разнесен и, конечно, не выпит еще даже наполовину. Майор захватил с собой и свою потайную бутылку. Итак, вряд ли кто придет на кухню. Гемм и Барбара приняли одно и то же решение.

— Ты можешь быть более решительным,— ошарашила она его.— Я же не офицерская кукла.

— Ты — прелесть, моя милая!

— Ну, давай! — она кокетливо рассмеялась.

— Двери запираются? — настойчиво спросил Гемм.

— Иди сюда — заберемся в кладовку, уж там нам наверняка никто не помешает...

— Моя добрая репутация,— сказал резко майор,— для меня превыше всего! Понимашь, Фелицита? Превыше всего!

— Можешь не рычать на меня так,— ответила она.— Твое поведение оставляет желать лучшего, особенно в последнее время.

— Мой дом — чистый дом, солидный, гостеприимный дом! И кто этого не осознает, тот не может рассчитывать на нежную тактичность.

Они стояли друг перед другом: он кипел от злости, она испуганно глядела на него. Они и не думали приглушать свои голоса. Гости ушли, квартира была пуста. И Барбара, очевидно, уже спала. Да если бы и не спала — им было наплевать.

— Речь идет о моей чести, о моем авторитете, о моей карьере! Может, тебе все это безразлично стало? Я тебе доверял, оказывал всяческое внимание, даже обожал тебя — а ты?! Какая шлея попала тебе под хвост?! Ты что, рассудок потеряла?

— Ты просто не понимаешь меня, — сказала она жалобно и с горечью. — И никогда не понимал.

— Нет, речь идет о понимании с твоей стороны. Я тут командир, и об этом моем положении нужно заботиться. Ну хорошо, тебе не понравился этот Крафт, так постарайся как-то обойти его, не думай о нем, плюнь на него. Мне он тоже не по нутру. Но я же не выбрасываю его из дома только потому, что он мне не по душе. А тебе мало было поругаться с ним, ты еще удосужилась столкнуться с секретаршей генерала! Генерал не позволит наступать себе на пятки, он даст сдачи. И посему я ожидаю, что ты немедленно исправишь дело. И полностью. А уж как — это твоя забота!

Фелицита Фрей позволила себе упасть в кресло.

— Ты никогда не понимал меня, — повторила она. — Никогда ты не заглядывал в мою душу.

Но он уже не слыхал ее слов: он вышел, чтобы почистить зубы.

Скорчившись, она сидела и размышляла: что такое с ним стало? В прошлое канули его учтивость, тактичная рыцарственность, юношеская свежесть. Все улетучилось — его изысканная нежность, ласковая покорность полного любви супруга и послушного влюбленного. Ушло, исчезло. Что же дальше, Фелицита? Как жить? «Нет, я не позволю так обращаться с собой, — подумала она и выпрямилась. — Этого я не потерплю, он еще узнает меня».

ВЫПИСКА ИЗ СУДЕБНОГО ПРОТОКОЛА № V

БИОГРАФИЯ КАПИТАНА КОНРАДА КАТЕРА, ИЛИ БЛАГОСЛОВЕНИЕ КРЫС

Мой отец — виноградарь Эфраим Готлиб Катер. Моя мать — его супруга Клара, урожденная Клауснитцер. Они жили в Трибенбахе, деревушке в семи километрах севернее Трира. Там 17 июля 1900 года я родился и провел детство и школьные годы.

Дом, в котором мы обитаем, невелик. Обстановка скудная. Часто голодно, но жажды не испытываем. У нас есть виноградник. Но виноград, который там растет, и вино из него — кислые. Его трудно продавать. Поэтому наше вино пьет обычно только отец. При этом он поет громко и прочувственно. Мать стоит рядом. Ее лицо серое, как те камни, из которых выложен наш дом. У меня еще шесть братьев и сестер. И окрестные жители говорят: «Это — от вина, которое твой отец не может продать».

Я охотно помогаю матери. А эти шестеро не очень. Но ведь они глупы и ленивы; мне это на руку. Я и разделываюсь с ними по очереди. Потому что не терплю, когда мне мешают помогать матери, особенно на кухне. Я ношу дрова, чищу картошку, взвешиваю муку. Особенно я люблю помешивать варево, причем лучше всего, когда на кухне никого нет: тогда я быстренько пробую одну-две ложки. При этом порой обжигаюсь, но зато я почти всегда

сыт. Мои сестрички и братишки злятся на меня, некоторые даже ревут от ярости. Но все это оттого, что они мало помогают матери.

Мой сосед по парте в школе, толстяк с глупыми глазами, всегда с деньгами. Его отец мясник, и пальцы у него как сосиски. Сестры моего напарника тоже толстухи, а губы у них закругляются, как резиновые валики. Все они пахнут свежей колбасой. И колбасный суп, который они едят дома прямо из кипящего чугунка, — это высший класс: в нем плавают куски мяса, кровяная кашица и раскромсанная колбаса. Частенько я бываю там и ем вместе с ними, а одна из толстушек, та, которая с губами как у негритянки, потихоньку толкает меня коленом под столом. Но мне это не мешает...

Я протягиваю руку. Она держится прямо и не дрожит. Вижу свою ладонь, не совсем чистую. Я поднимаю взгляд и вижу тростниковую палку, которая бьет по моей ладони. Больно, жжет. Палка опускается на ладонь еще и еще раз. На ней вздуваются красноватые полосы. Они перекрещиваются, ложатся параллельно, разбегаются в разные стороны — как улицы на географической карте. Боль пронизывает меня всего. Но я держу ладонь вытянутой. И она все же не дрожит.

Фрау, которой я принес пакет, сидит на диване. Она ощупывает мою руку. «Ты сильный», — говорит она. «Есть немного», — отвечаю я. Она сажает меня рядом с собой, пальцы ее скользят по моему сюртуку, по мускулам моей груди. «Ты действительно очень сильный», — повторяет она уже тише. «И вы тоже не очень слабая», — говорю я и хватаю ее за груди. «Нет», — отвечает она.

После того как я, окончив школу, взялся управлять владениями отца, я без удивления узнал о том, что меня собираются уже в 1917 году призвать в армию и отправить на фронт. Я имел счастье быть принятым в армию и после короткой, но основательной военной подготовки был отправлен в часть, на Восточный фронт. Когда война официально окончилась, я не изменил военной форме, дрался в Верхней Силезии и очень рано примкнул к движению нашего фюрера. Чтобы обеспечить материально свое существование и одновременно послужить высоким политическим

целям, я разъезжал с фирменными товарами по Южной Германии и занимался этим до тех пор, пока не пробил решительный час.

«У нас почти нечего жрать, — сказал отец, подкрепившись стаканом вина. — Наступают плохие времена, а вы растете слишком медленно. Если так пойдет и дальше, то нам в пору ложиться в гроб, причем с пустым брюхом. Но некоторые из вас, слава богу, уже достаточно взрослые, чтобы вступить в армию. Становитесь-ка добровольцами, вы, прожоры! И я надеюсь, что война еще не скоро кончится...»

Мы шатались от усталости. В глазах все плыло и рябило. Одежда прилипла к телу. Но, как сказал унтер-офицер, все это во имя отечества. Мы падали в грязь и вновь поднимались. Один совсем выдохся. Минут через пять и другой. Голос унтер-офицера срывается. Мы забираемся в уборные, стоящие на краю учебного плаца. «Вот, вот, туда! — орет унтер-офицер. — И головы засуньте в дырки унитазов, чтобы вы уяснили наконец, кто вы есть!» Шутник же этот дрессировщик!..

Он умеет играть на рояле, этот мой приятель с девичьим лицом. Он лупит по клавишам. И пустые бутылки, стоящие на крышке рояля, подпрыгивают. Я подхожу к инструменту и тыкаю двумя пальцами в правые клавиши. Они звучат как треснувшие стаканы. Я выпиваю и снова стучу двумя пальцами дальше по клавишам. Они опять звучат как треснувшие стаканы. Польская девка стоит в дверях. Ее зовут, кажется, Соня или как-то еще. Она уставилась на этот дрянной роялишко: он принадлежит ей. Мы затаскиваем ее на крышку рояля. Приятель с девичьим лицом продолжает играть на нем. У Сони глаза как у помешанной, но кричать она не может: мы засунули ей в рот носок. Она пытается дрыгать ногами, но мы крепко прижали их руками. И все это на рояле, который принадлежит ей же...

Один из лучших вояк, этот Хаузер, которого окрестили рубакой, — офицер, но он не чванится и стремится быть товарищем для всех. Но он — шишка на ровном месте и в каждом деле признанный авторитет. Правая рука его прострелена, посему пистолет он держит левой. Он знает Верхнюю Силезию как свои пять пальцев и обладает верным нюхом на людей, особенно если они принадлежат

к германской нации. Мне доверено обеспечивать продовольствием всю команду Хаузера, которая хотя и немногочисленна, но все время находится в деле и поэтому обладает завидным аппетитом. Я — в своей стихии, и пока мы воюем, я занимаюсь снабжением.

«Унтер-офицер Катер, — обращается ко мне рубака Хаузер, — одно задание выполнено. Но за ним следуют другие, нужно только их придумать. Идешь со мной?»

Я утвердительно киваю. Быть взятым на дело самим рубакой Хаузером — большая честь, преимущество особого рода. Истинная Германия никогда не забудет своих героев. И вот мы перебираемся в Мюнхен.

Не только скромность мешает мне войти в круг приближенных фюрера Адольфа Гитлера. Рядом с рубакой Хаузером тоже дел хватает. Ведь мы участвуем в 9 ноября 1923 года и становимся арьергардом, который прикрывает отступление национал-социалистов и помогает избежать полной катастрофы. Вместе с Хаузером мне удается улизнуть от возмездия со стороны судебных органов. Проникнутый национальным духом фабрикант, владелец ликерного завода Штобмейер, помогает нам укрыться, и мы празднуем это событие, ибо Штобмейер и его дело пользуются уважением.

«Благородные капельки, — говорю я с признательностью. — Ароматные, от них остается тонкий привкус».

«Ты, приятель, понимаешь толк в апельсинах», — говорит мне Штобмейер как равному, хоть он и принадлежит к высшим сферам. Но здесь мы не мелочимся...

«Да, — отвечаю я скромно, — что умеем, то умеем. Это — моя специальность, ведь мой отец владеет виноградником вблизи Трира».

«Это здорово!» — радуется Штобмейер. — Мне всегда нужны хорошие, надежные люди. Как ты на это смотришь?»

«А что? — говорю я не спеша. — Если я могу удружить приятелю, то почему бы не сделать этого?»

И вот годы на службе в фирме Штобмейера в Мюнхене. Штобмейеровская можжевеловая, штобмейеровская горькая, штобмейеровские настойки на травах — согласно этикетке 45-градусные. Начало скромное: портфель в руки — и пешочком. Затем — ящик с образцами и железная дорога, вагон третьего класса. А вскоре у меня первый в жизни автомобиль, правда с прицепом для товаров. Через короткое время — собственная контора и долевое

участие в трех филиалах. Секретарша. И наконец собственный «мерседес», хотя поначалу без шофера. И плюс ко всему — пятнадцать процентов чистой прибыли.

Иметь девочек во всяких местах—сравнительно недорого и удобно. Но эту сеть нужно создавать и совершенствовать целеустремленно: сначала — примитивных торговочек, то тут, то там какую-нибудь буфетчицу, разных горничных в третьеклассных гостиницах. Это, так сказать, переходный период. И позже меня время от времени тянет к простым, скромным представительницам народа, они умеют делать существование приятным и удобным. Но и так называемый более классный контингент имеет свою прелесть, прежде всего — барменши, официантки, певички и танцовщицы. Бесспорно выше рангом — контрабасистки женской танцевальной капеллы, гастролирующие в Нюрнберге. Я считаюсь у них хорошо настроенным инструментом.

И при всем том не забывать идеологическую сторону. Владельцы ресторанов с ярко выраженным национальным духом пользуются у меня особым вниманием, хотя и за счет фирмы Штобмейера, которая таким образом поддерживает единомышленников. Проникновенные беседы происходят в задних комнатах таких ресторанов по ночам. Посещаю встречи братьев по идее, которым мы опять-таки оказываем предпочтение в снабжении. К этому же относится и широкая кампания по пропаганде немецкого коньяка, завершаемая любимой Штобмейером медвежьей охотой, к которой приурочено издание богато иллюстрированной брошюры под названием «Обе стороны Рейна — немецкие». Лозунг, известный всем бравым германским мужчинам.

«Друзья,— сказал я 30 января 1930 года,— наконец пробил час, которого мы так ждали».

И при сем слезы стояли у меня в глазах. Ибо пили мы по этому поводу штобмейеровскую, зажигающую душу 50-градусную.

С приходом новых времен и с ростом нового стремления к защите родины я все более испытывал желание отдать свои скромные силы во имя великой Германии и нашего фюрера. Так моя коммерческая деятельность должна была неизбежно уступить место военной карьере. Уже в

1934 году я — унтер-офицер первой мировой войны — прошел первые учения резервистов, за которыми последовали другие. В 1936 году я был уже лейтенантом и в 1938 году — обер-лейтенантом резерва. В этом звании отправился в поход и участвовал в решающих битвах, после чего в 1940 году последовало производство меня в капитаны с одновременным пожалованием мне креста за военные заслуги второго класса. В 1942 году я был переведен в 5-ю военную школу, где под моей командой оказалась административно-хозяйственная рота, которой я командовал столь успешно, что в том же году был представлен к кресту за военные заслуги первого класса.

Незабываемая немецкая весна 1933-го — радостное воодушевление повсюду, разумеется и в моей сфере. Достойное одобрения расширение гешефтов, быстрое основание новых филиалов. Перспективные беседы со Штобмейером о партнерстве в делах. Чувствительно-романтические часы в гостинице Кенигсхоф. Батареи пустых бутылок; сотоварищи уже дрыхнут в зарезервированных для них номерах гостиницы; приглушенная музыка из бара. Размышляя, сидим в креслах, передо мной — новые бутылки. Я предлагаю Штобмейеру: приобретем ликерный завод «Штобмейер унд Катер» — в принципе и в частности.

Настроение бодрое — до самого позднего германского лета 1933 года. Часто разъезжаю в своем «мерседесе», радуюсь растущему доверию и набирающей силу кредитоспособности. Уделяю особое внимание осознанию новых, высших ценностей, к которым принадлежат и усиливающиеся семейные чувства. Устал от одиночества, что, конечно, не имеет никакого отношения к моему возрасту, а скорее — к Эдельтраут Маркквардт. Достойная любви женщина, очень добротно сколоченная, очень немецкая, многообещающая. Она владеет гостиницей «У серебряного венца» в Штуттгарте. Пользующаяся хорошей репутацией гостиница, в старогерманском стиле, всегда переполнена, в высшей степени доходная. У Эдельтраут трое детей — двое от первого брака, третий незаконнорожденный. Ее муж исчез несколько лет назад — неуемная страсть

к приключениям или что-то в этом роде. Во всяком случае, он никогда не был хозяином, деловым человеком.

«Эдельтраут,— говорю я ей,— твоим детям нужен отец, не правда ли?»

«Возможно»,— отвечает она и смотрит на меня выжидающе.

«Чудные ребята,— говорю я,— правда, я мало их знаю, но ведь хорошее чувствуешь сразу. Как ты думаешь, из меня получится отец для них?»

«Безусловно,— говорит Эдельтраут, прижимается ко мне и добавляет: — Как это чудесно — ты думаешь о детях, а не о моей гостинице».

«Ну, я прошу тебя,— говорю я,— к гостинице твоей я совершенно равнодушен».

«Это прекрасно»,— радостно говорит она.

Чудесное настроение держится вплоть до весны 1934 года. Дел по горло, и не только в связи со свадьбой, назначенной на 30 января 1934 года. Дата выбрана после долгих размышлений: заключение германского брака плюс торжества в связи с годовщиной взятия власти — двойной праздник. Первый шафер — рубака Хаузер теперь в СС и в личной охране нашего фюрера — получает на мою свадьбу отпуск персонально от Гитлера, что отмечается нами особо. Второй шафер — советник коммерции Штобмейер из Мюнхена, германский национальный коммерсант,— в этот день сам не свой, чем-то удручен — очевидно, потому, что начал ощущать мое деловое превосходство, а может, потому, что в тот вечер мы пренебрегли штобмейеровскими ликерами. Но ведь у нас есть наш шнапс для гостей — мы пьем только самые лучшие вина.

Создаю сеть своих представителей. В пяти округах имя Штобмейера котируется высоко, стало нарицательным — благодаря моей неустанной деятельности. Сначала я замышляю завладеть филиалами, а потом — всей фирмой. Следующий мой замысел — создать гостиничный концерн, отталкиваясь от гостиницы «У серебряного венца». И пока я проворачиваю задуманное, вдруг, как снег на голову, телеграмма: присутствие в Мюнхене крайне необходимо! Я собираюсь — и что же я узнаю? Штобмейер в слезах, распсиховался — полный конфуз. Фирма летит к черту! А почему? Потому что этот Штобмейер, этот фрайер, отнюдь не арийский фольксгеноссе! Кто бы мог подумать?! Этот парень, националист до мозга костей, ста-

рый фронтовик, всегда поддерживавший отечественные организации — и оказался не арийцем! Вот те на!

«Вы меня глубоко разочаровали,— говорю я с горечью,— но, надеюсь, еще можно что-нибудь спасти».

Но ничего спасти уже невозможно. Все погибло. Вместо того чтобы предусмотрительно обговорить все со мной, вместо того чтобы своевременно перевести фирму на мое имя, в верные руки, хотя бы в форме фиктивной торговой сделки, этот тип, мелочный и подлый, думает только о своих деньгах, а не о моей работе. Разумеется, я привожу в действие все связи, как-никак у меня много влиятельных друзей.

«Камерад Хаузер, — говорю я,—ты обязан мне помочь. Ты же знаком со всеми людьми, имеющими вес в обществе. Одно твое слово — и виртшафтсфюрер округа даст мне карт-бланш».

«Друг Катер,— говорит рубака Хаузер,— ты еще имеешь наглость просить меня о чем-то?! Ты втянул меня в такое вонючее дело! Как же тебе пришло в голову спарить меня в шаферах именно с этим Штобмейером? Если об этом узнают, я погиб. Я же тебя тогда прирежу. Слушай меня внимательно: брось это дело, выбирайся из него немедленно. Лучше всего исчезни на какое-то время. Уходят же люди на учебу. Ты это можешь, как офицер-резервист. А там посмотрим».

И вот я на первых учениях резервистов. Все идет как нельзя лучше: всепонимающие начальники, которые, как и все настоящие мужчины, не чураются хлебнуть. Важнейшая работа — культивирование товарищеского духа, все — на высшем уровне, и я, как кандидат в офицеры, имею право на посещение казино. Рубака Хаузер, которого грызет все же совесть, организует мне встречу с одним крупным деятелем из личной охраны фюрера — адъютантом в блестящей форме и с орденом «Пур ле мерит» на груди. Организуем торжественную вечеринку в его честь, на которой я сижу между ним и командиром батальона. В результате меня отпускают со службы в чине фельдфебеля с аттестацией: полностью соответствует званию офицера резерва.

С новыми силами, набравшись мужества, я опять в коммерческой сфере. Фирмы «Штобмейер» более не существует, но мужчина с горячим сердцем в груди всегда смотрит только вперед. У меня же в распоряжении гостиница моей дорогой жены Эдельтраут.

«Прелесть моя, — говорю я ей, — мы должны с тобой серьезно поговорить о гостинице «К серебряному венцу».

«А о чем тут говорить, Конрад, дорогой мой...»

«И все же, — отвечаю я, — теперь я беру дело в свои руки».

«Нет, не выйдет, мой милый Конрад, — говорит она.— Гостиница принадлежит ведь не мне, а моему первому мужу. А он переписал ее на детей. Я просто управляю ею под присмотром нотариуса».

Я уезжаю на следующие учения резервистов. Они похожи на первые, но только интенсивнее, шире, успешнее. Постепенно меня охватывает разочарование в связи с недостойным, коварным поведением моей жены. Я был слишком добросердечным, слишком доверчивым с ней, мне нужно было бы своевременно потребовать от нее соответствующие документы. Ну ладно, есть ведь еще Хильда — послать ей доплатное письмо не проблема. Хильда из цветочного магазина, с которой я проводил чудесные свободные вечера, которая так охотно садится в мой «мерседес» и с радостью носит новые платья. Самоотверженная до предела. Уверенный в себе, полный сил, я возвращаюсь домой уже в чине лейтенанта.

Началась война. Я узнаю о ней ранним утром из первоисточника — от Хаузера. Мы сидим в доме одного художника, в отдельном апартаменте на верхнем этаже. Кругом — заслуженные люди, элита партии. К сожалению, из идеологического отдела, а не из экономического. К нашему удовольствию, появляются танцовщицы из государственной оперетты — прелестные куколки, гибкие, тренированные, очень шустрые. Довольно дорогие девочки, но могут принять в качестве платы и протекцию — все ведь идет за счет государства. Глухие голоса мужчин, чад, пенящееся шампанское, хихиканье девиц, сильный, одурманивающий аромат духов. И вдруг Хаузера вызывают к телефону.

«Ну вот, — говорит он, вернувшись, — началось».

Он исчезает, оставляя на меня свою попрыгунью, теперь у меня их две. И когда я на следующее утро просыпаюсь, лежа между ними, наши доблестные войска уже перешли польскую границу.

На меня обрушились почетные и ответственные задания: сначала я стал консультантом в управлении призывного района — важная, но ординарная работа. Затем —

начальником военно-медицинской комиссии в том же округе. Тоже, безусловно, важное дело, но не соответствующее моим особым способностям. Оживленная переписка с рубакой Хаузером — и, по его ходатайству, меня делают начальником продовольственного склада под Кобленцом. И наконец, предварительно отпраздновав, я становлюсь комендантом города Сан-Пьер после успешного завершения похода на Францию. Там мои силы уходят на организацию строительства плотины, на санитарные дела города, на связи с гражданским населением.

«Иоганна, — говорю я девице, — ты когда-нибудь размышляла, почему ты, собственно, здесь?»

«Потому что я голодная и потому что мне нужны деньги, — говорит она. — И потом меня зовут не Иоганна, а Жанетт».

Я сначала молчу, чуть обиженный. Осматриваю комнату, в которой мы лежим — номер в гостинице. «Труа роз» — старомодная, обжитая, о чистоте говорить не приходится. Что за народ, что за страна, никакой нравственности!

«Ты говоришь на нашем языке, Иоганна», — замечаю я.

«Это потому, что я из Эльзаса, — отвечает она, — мы можем говорить и по-немецки и по-французски. Тут есть свои преимущества, как вот сейчас».

«У тебя немецкие наследственные признаки, — упрямо продолжаю я. — В тебе говорит зов крови, неужели ты не чувствуешь его?»

«Нет, — отвечает она. — Не чувствую».

О, все-таки какое это возвышенное чувство — быть немцем, правда не всегда безопасное. В Сан-Пьере, где я городской комендант, шуруют те элементы, которые прозываются маки. Грабители, разбойники, убийцы-поджигатели. Никогда не знаешь, где тебя кокнут. Троих повесим — вместо них появляются тридцать. Жалкая страна. Никакой благодарности за наши заботы, за наше благоволение, за нашу дружбу. И если я принимаю решение смыться отсюда, то мной движет не дискомфорт или, упаси боже, не достойный осмеяния страх, нет — просто благородное разочарование. Да и с родины дошел до меня почетный призыв: военная школа нуждается в испытанном, надежном, достойном доверия офицере. Это — я.

16

ГЕНЕРАЛ НИ О ЧЕМ НЕ УМАЛЧИВАЕТ

— Вот уж никогда не думала, — сказала фрау Барков, — что когда-нибудь буду сидеть напротив человека, на совести которого мой сын.

И это фрау Барков сказала генерал-майору Модерзону.

Они сидели в отдельном зарезервированном кабинете ресторана гостиницы «У золотого барана» в Вильдлингене-на-Майне.

Они обменялись скупыми словами приветствия и приступили к ужину, почти так же молча — из-за обслуживающего персонала. Но вот теперь они остались одни. Вино и вода стояли на столе. Никто не стал бы им мешать — даже в том случае, если бы они дернули за колокольчик, висевший над столом.

Они молчали. Крестьянская, майнско-франконская солидность окружала их: крепко сработанная и все же выглядевшая изящно мебель, сервировочный стол с аккуратной резьбой, окна с цветными стеклами и орнаментом из свинца, на которых висели тяжелые тканые гардины. В помещении было тщательно прибрано — генерал отметил это не без удовольствия.

— Нет, — сказала еще раз фрау Барков с горечью, — об этом я никогда бы не подумала. Но теперь для меня всего просто слишком много — у меня нет больше сил сопротивляться чему-либо. И даже тебе.

Генерал слушал внимательно и, казалось, спокойно. Он воспринимал ее упреки с таким видом, как если бы она говорила о плохих жилищных условиях. Потом сказал с заметной осторожностью:

— Я ожидал тебя еще к погребению.

— Я заболела, — сказала фрау Барков. — Я была совершенно убита, когда пришло твое письмо.

Фрау Барков избегала смотреть на Модерзона. У нее не было ни потребности, ни смелости взглянуть на это неподвижное, замкнутое лицо. Это и ранее всегда давалось ей с трудом. Уже с давних пор было так, как будто он воздвиг вокруг себя пуленепробиваемые стеклянные стены.

Модерзон же пытался установить, что осталось в ней от той прежней девушки — Сюзанны Симпсон. Карие, с

нежностью смотревшие глаза? Конечно, хотя теперь они почти утратили светившуюся в них когда-то доверчивость. Выпуклый лоб, острый носик? Да, они остались прежними, хотя и покрылись тонкими морщинками. Рот, мягкий, всегда казавшийся слабым и податливым? Нет, он стал другим, теперь это только широкая полоска потрескавшихся бесцветных губ.

— Прошло уже более двадцати лет с тех пор, как мы виделись в последний раз, — сказал он задумчиво.

— Двадцать два года, — уточнила она с горечью. — А вернее, двадцать два года и три месяца. А я вижу все это совершенно отчетливо.

Модерзон также попытался представить себе все, что случилось тогда. Но это ему удалось с трудом. Картины прошлого были разорваны, потускнели и покрылись пылью времени. Смутно виделись только отдельные обрывки: 1921 год, поздняя осень, светящиеся нарядными красками леса — ярко-желтый и кроваво-красный цвета, местами последняя яркая зелень; лошадь, жеребец по имени Хассо, да, Хассо из Вангенхайма,— охотничий экипаж, покрытый черным лаком, с черным кожаным верхом и красными сиденьями; девушка в сером пальто, доверчиво улыбающаяся ему, — неясное лицо, но дорогое, нежное, еще не несущее на себе отпечатка житейских бурь, большие, как у косули, глаза, — Сюзанна Симпсон.

— Тогда моя карьера только начиналась, — сказал генерал задумчиво. Он налил в бокал немного вина, добавил воды и сделал большой глоток.

— А сегодня? — спросила она без всякого любопытства. — Где же ты сейчас? На вершине твоей карьеры?

— Может быть, у ее конца, — сказал Модерзон и отпил еще из бокала.

— Ты ожидаешь, что я тебя пожалею — после всего, что случилось?

Генерал как бы против желания покачал головой.

И по этому жесту она узнала его вновь. Это мрачное, серьезное отрицание, эта холодная, сознательно выработанная замкнутость, это жесткое подавление любого проявления чувства — все это она знала слишком хорошо. И она не смогла бы этого никогда забыть.

— Если бы знать, — сказал генерал, — как может сложиться жизнь, прожить которую ты собираешься...

— Ты бы снова стал жить так же, как ты и жил, Эрнст.

— Нет, Сюзанна, — сказал он решительно, — нет, этого я бы делать не стал. Теперь я это знаю совершенно точно.

— Ты всегда хотел быть только офицером, Эрнст, и ничего больше — ни другом, ни супругом, ни отцом.

— Верно, Сюзанна, так оно и было тогда. Стать офицером — было для меня все. Но это прошло — окончательно и на все времена. Ибо в этом мире нельзя быть больше офицером, не подвергаясь опасности быть вынужденным совершать преступления.

Сюзанна Барков впервые посмотрела на генерал-майора Модерзона совершенно открыто, в ее глазах были испуг и недоверие. У нее появилось сомнение, тот ли человек сидит напротив нее, которого, как полагала, она знает. Как же поразительно он переменился!

Перед ней встали картины, врезавшиеся в память и сохранившиеся с неизгладимой отчетливостью: лейтенант Модерзон из 9-го пехотного полка — серьезный, целеустремленный и правдивый, исполненный спокойной, полной силы энергии, с невозмутимым, даже сдержанным, веселым нравом во время своих немногих свободных часов, проводивший бессонные ночи над планами, наставлениями и военно-научной литературой. Пользовавшийся у всех своих товарищей уважением, граничившим с удивлением, имевший у начальства безоговорочную положительную репутацию, — человек, которого ждала блестящая карьера. Генерал-майор в сорок четыре года, начальник военно-учебного заведения, отмеченный высшими наградами и имеющий перспективу перехода в верховное главнокомандование вермахта! И он-то не хочет быть больше офицером?

— Если бы я тогда и женился на тебе, Сюзанна, — никаких перемен со мною все равно не произошло бы. Все было бы только более гнетущим. А теперь я один, и это даже к лучшему. Мне не нужно ни о ком думать и принимать что-либо во внимание. Я никому не доставлю огорчений и не сделаю больно тому, кто привязан ко мне. Я могу сделать любые выводы и принять любое решение, которое сочту правильным.

— Изглаживает ли это что-либо из памяти, Эрнст?

Фрау Барков смотрела на белую скатерть. Затем почти механически потянула к себе бокал, в который он налил для нее вина, но пить не стала. Она продолжала свою мысль:

— Поначалу мне было очень трудно осознать, что ты от меня уходишь. Но я это преодолела. — Она так никогда и не смогла этого преодолеть — ее глаза были полны грусти и выдавали ее. Однако она храбро заговорила вновь: — Вскоре после того я познакомилась с Готфридом Барковом и, немного поколебавшись, согласилась выйти за него замуж. Он был хорошим человеком, нежным супругом и любвеобильным отцом — так обычно принято говорить, но он и в действительности обладал этими качествами.

Готфрид Барков, торговец текстилем, досточтимый и пользующийся уважением коммерсант, порядочный и добросердечный человек, веселый, но весьма стеснительный и вместе с тем всегда готовый прийти другим на помощь. Он обожал свою жену и любил ее сына, не забывая отчетливо показывать ему эту любовь. Он воспринимал свою жену как большой подарок судьбы. И хотя не мог предложить ей ослепительной карьеры и головокружительного счастья, он дал ей вполне безопасное укрытие. Он погиб в 1940 году под Верденом, всего в нескольких километрах от того места, где в 1916 году был убит его отец.

— Я всегда знал, как ты живешь, — сказал Модерзон спокойно. — Общие знакомые информировали меня об этом время от времени.

— Я знаю, — ответила она просто. — Мне также всегда было известно, где ты находишься и как идут твои дела.

— Я тебе писал время от времени, — сказал он, — все эти годы. Не для того, чтобы навязываться или оказывать на тебя какое-либо влияние. Я хотел, чтобы у тебя была уверенность: если я тебе понадоблюсь, я всегда в твоем распоряжении.

Какое ужасное слово в этом контексте, подумала Сюзанна Барков: быть в распоряжении! И каким образом: предоставить в распоряжение кошелек, помогать словом и делом или именем? И более ничего? На один раз слишком много, а для всей жизни слишком мало!

Да и тогда, двадцать два года и три месяца назад, он предоставлял себя в ее распоряжение — бледный, потрясенный до глубины души, но целиком и полностью достойный уважения, как это предписывал ему его кодекс. Его глаза были темными и холодными, как вода глубокого озера под кристально-чистым слоем льда. И затем это:

я, разумеется, готов учесть все обстоятельства — пожалуйста, распоряжайся мною! И тогда она сказала: нет, никогда, ни при каких обстоятельствах!

И их пути разошлись как два рукава одной реки. Его жизнь устремилась вперед, ее же просачивалась через заводи и лужи обыденности.

— Я бы могла тебя постепенно забыть, — сказала Сюзанна Барков. — В жизни все забывается, едва ли найдутся раны, которые не могли бы залечить годы. И чем дальше все отодвигалось в прошлое, тем менее проблематичным оно мне казалось. Были даже такие часы, в которые воспоминания принимали приятный оттенок. И это все так и осталось бы прекрасным, хотя и неудавшимся эпизодом в моей жизни, если бы не Бернд, мой сын.

— Ты воспитала его самым примерным образом, — проговорил генерал.

— То, что ты скажешь именно это, — ответила Сюзанна с горечью, — я почти предполагала. В течение двадцати долгих лет я тоже думала, что хорошо руководила им и тонко оказывала свое воздействие. Но сегодня я знаю, что все это было ошибочным.

Бернд Барков, ее сын, был лейтенантом и офицером-инструктором, взлетел на воздух и похоронен в Вильдлингене-на-Майне. В детстве это был мальчик, похожий на сотни тысяч других мальчиков с нежным лицом, тихий, приветливый, искренне и преданно любивший свою мать, прилежный в школе, всегда среди первых в спорте и играх. Но чем взрослее он становился, чем четче делались черты его лица, тем явственнее в нем проявлялось сходство с Модерзоном. Первое, на что мать с удивлением и испугом обратила внимание, были его серо-ледяные, смотревшие испытующе глаза.

— Знал ли твой муж, что Бернд был не его сыном? — спросил генерал.

Сюзанна кивнула головой:

— Он знал даже, кто был отцом Бернда — или, может быть, в этом случае лучше сказать, — кто был его родителем. Ибо мой муж всегда относился к Бернду как отец — как добрый, справедливый и заботливый отец.

Но она не стала своему мужу той женой, какую он ожидал и какую заслуживал. Она видела в сыне единственного для нее мужчину. Того, кто когда-то поднял ее на вершину счастья, а затем допустил ее падение, низвер-

жение с высоты. Но тогда оно казалось ей долгим и блаженным парением в воздухе, и это состояние полной невесомости она никак не могла забыть.

Таким образом она и начала поддаваться искушению. Ей захотелось видеть в Бернде Баркове Бернда Модерзона. Она стала поощрять в своем мальчике то, что ей казалось достоинствами Модерзона. Она укрепила в нем его поначалу колеблющуюся решимость, поддерживала любое проявление самодисциплины, направила его внимание на историю вообще и военную историю в частности. И постепенно ей удалось сформировать волевого, общительного, стремящегося к знаниям юношу, в котором все сильнее росло желание стать офицером.

— А мне следовало бы привить Бернду ненависть к этой профессии, — сказала Сюзанна Барков.

Генерал-майор Модерзон молчал, сидя с неподвижным, словно окаменевшим лицом. Он положил руки на стол и сомкнул пальцы, кожа на их сгибе была серовато-белой.

Бернд хотел во что бы то ни стало стать офицером — как его настоящий отец, которого он не знал и о котором ничего не слышал. Когда Модерзон узнал об этом из писем знакомых, он испытал втайне гордость и чувство благодарности к матери. Он внимательно следил за становлением Бернда.

— Он был хорошим солдатом, — сказал Модерзон.

— Но почему он должен был умереть? Зачем тебе понадобилось перетягивать его к себе? Чтобы он здесь умер?

— Мне хотелось его видеть, — сказал Модерзон.

Когда генерал-майор был назначен начальником 5-й военной школы, он затребовал к себе лейтенанта Баркова — дело, не составившее каких-либо особых трудностей. И тогда он увидел своего сына — рослого серьезного молодого человека с холодными, серыми модерзоновскими глазами, отработанными пластичными движениями, хорошо воспитанного и полного чувства собственного достоинства. Зрелище, вызвавшее на его лице предательскую краску. Ни в один другой момент жизни ему не потребовалось большего самообладания, чем в этот.

— Так, стало быть, ты его видел, — сказала Сюзанна Барков. — И я дала в одном из писем свое разрешение на это. Это также было ошибкой. И ее тоже невозможно теперь исправить.

— Я видел своего сына, — сказал генерал Модерзон отрешенно. — И в те немногие часы, когда мы были вме-

сте, я был наполнен чувством благодарности. И во второй раз меня посетило то, что обычно называется счастьем. Два момента истинной радости — вот и вся моя жизнь.

Но это было не все. Генерал ничего не сказал о том беспокойстве, которое охватило его, когда он побеседовал несколько раз с Берндом. Это было беспокойство, граничившее со страхом.

Этот парень, его сын, был как он: так же тверд, решителен, требователен без снисхождения, как он сам. Прецедент столь же очаровывающий, сколь и удручающий. Генерал узнал себя в своем сыне. Все повторяется снова и снова, как будто бы жизнь описывает постоянно одни и те же колеблющиеся круги. Он, его сын, был офицером, только офицером и ничем больше. Он готов был сражаться, а если будет необходимо, то и умереть — как и поколения офицеров до него — за то, что называлось отечеством, за то, что они под этим понимали.

Но генерал уже понимал, что подобная жизнь была более невозможна.

Модерзон попытался объяснить сыну, который не подозревал, что с ним говорит отец, почему все так получилось. Пруссия была мертва, и пруссачество умерло вместе с нею. Раньше это звучало так: «За семью, родину и отечество!» Теперь же кричат: «Одна империя, один народ, один фюрер!» Солдат сражался уже не против солдат, он защищал не родину и не человека, а должен был, как во времена ландскнехтов, бороться с мировоззрениями, религиями и группировками, стоявшими у власти. И, что самое ужасное, он должен был мириться с преступлениями и тем самым санкционировать их, а следовательно, принимать в них участие. Германия потеряла свою честь. Человек, сделавший немцев бесчестными и поставивший на офицерах клеймо преступников, назывался Гитлером. А в его окружении — приспешники и подхалимы, подстрекатели и сутенеры в политике и, кроме того, еще ограниченные, узколобые немцы, считавшие себя благородной продукцией, а свою страну — пупом земли. Все это необходимо презирать, осуждать и обвинять! И ни малейшего доброго чувства по отношению к жестоким, необузданным людям, задающим тон в звериной ненависти. Все это он внушал лейтенанту Баркову, своему сыну. И тот воспринял все правильно. И поэтому он должен был умереть.

— Ты подарил мне сына, — сказала фрау Барков с усилием, — и у тебя он умер. Ты перепахал мою жизнь,

как поле, а затем все уничтожил. Или, может быть, ты не чувствуешь себя виноватым?

— Нет, — сказал генерал. — Я виноват. И я решил исправить эту вину — несмотря на возможные последствия.

Свет от лампы упал на полупустые бокалы, и красное вино засветилось, как кровь. Казалось, им больше нечего сказать друг другу. Звуки из соседнего зала стали навязчиво громкими.

Генерал попросил разрешения откланяться. Но он не ушел, не уточнив плана на следующий день: обер-лейтенант Крафт зайдет за фрау Барков в гостиницу около девяти часов, чтобы сводить ее на кладбище — он получит указание оставить ее у могилы одну на столько времени, на сколько она пожелает. Цветочный магазин на площади, через три дома от гостиницы, получил уже заказ подготовить венок по указаниям фрау Барков, с двойной лентой, надпись на которой она должна уточнить. В заключение предусмотрено — так же в сопровождении обер-лейтенанта Крафта — посещение военной школы, а именно учебного подразделения «Хайнрих», где лейтенант Барков проходил в последнее время службу.

— После обеда, — сказал генерал, — я буду вновь в твоем распоряжении — с четырнадцати часов, если это тебя устраивает. У меня есть несколько небольших вещиц, принадлежавших лично Бернду, — несколько фотографий, пара его работ, две книги с его заметками на полях — я их передам тебе, если ты разрешишь.

Сюзанна Барков кивнула головой. Генерал проводил ее через весь ресторан до вестибюля гостиницы, попросил у портье ключи от ее комнаты и здесь, у лестницы, ведущей к номерам, попрощался.

Когда она ушла, Модерзон сказал владельцу гостиницы, остававшемуся предупредительно на заднем плане:

— Все на мой счет, пожалуйста.

Когда все было оформлено, генерал быстрыми шагами вышел в ночь.

— Вам необходимо еще многому учиться, — сказал покровительственно капитан Катер Ирене Яблонски, — это видно по вас.

Они сидели в ресторане той же гостиницы. И для них был зарезервирован небольшой отдельный кабинет. Их

окружала та же крестьянская старо-франковская солидность. Хозяин знал, что избранным гостям необходимо воздавать должное. Генерал являлся для него отличной рекламой. Капитан Катер же означал выгодные связи. От ценной подсказки до выделения грузовой автомашины: с Катером нужно было считаться — пока это было основано на взаимности.

— Знаете ли вы, в чем состоит разница между сектом и шампанским? — спросил капитан Катер, с наслаждением затягиваясь сигарой.

Ирена Яблонски ответила с огорчением:

— Я не знаю ни того, ни другого, но хотела бы охотно этому научиться. Вы поможете мне в этом, господин капитан?

— Почему бы нет? В этом — и еще в ряде других вещей, если вы пожелаете.

— Еще бы я не хотела! Я действительно знаю еще очень мало. А хотела бы с удовольствием знать больше. Другие в моем возрасте значительно опережают меня.

— Ну да, — сказал капитан Катер, растягивая слова, — почему бы и нет?

И он внимательно посмотрел на девушку, сидевшую напротив него. Собственно говоря, малышка была совсем еще дитя — и как раз поэтому-то и привлекательна. Все же ей было уже больше шестнадцати лет.

— А вы не догадываетесь, почему я пригласил вас сюда? — хотел знать капитан.

— Потому что вы хороший человек! — сказала Ирена с пылом.

— Ну да, если полагать, что хорошим можно быть самым различным образом, то тогда это может соответствовать действительности. Вы нравитесь мне, малышка.

— Это меня радует! Вы нравитесь мне тоже.

В этом не было никакой лжи, лишь небольшое преувеличение. Она действительно была ему благодарна: он пригласил ее в самый фешенебельный ресторан в городе, здесь было подано так много хороших кушаний, и вино они пили тоже. Она чувствовала себя сытой и счастливой.

— Итак, мы нравимся друг другу взаимно, — констатировал Катер. — Это очень отрадно.

— Вы так благородны и относитесь ко мне по-отцовски!

Капитан Катер насторожился. Он посмотрел в голубые, полные доверия, восторженно смотревшие на него

детские глаза, и в нем шевельнулось ужасное подозрение. Может быть, эта малышка лишь играет в наивность? А в действительности достаточно продувная? Эдакая маленькая прожженная дрянь? Но у нее ведь не может быть опыта взрослой бабы: для этого она еще слишком молода! Пленительно молода!

— По-отцовски, — повторил он, растягивая слова. — Таким я вам кажусь, Ирена? Хотя — может быть... Я ведь уже не молод.

— Но вы ни в коем случае не стары, — заверила его Ирена тотчас же с приятной для него горячностью. — Вы солидны. А мне нравятся солидные мужчины. Я не переношу молодых хлыщей.

— Это понятно, — сказал Катер примиренно. — Эти молодые, неопытные люди делают главным образом лишь глупости. Они наносят больше вреда, чем приносят радости. Они просто не знают, как надо жить.

— А к вам поистине можно питать доверие. Я бы очень хотела постоянно находиться рядом с вами — лучше всего в машинописном бюро. Я буду очень стараться, правда. А то на кухне можно и закиснуть. Нет ли у вас чего-нибудь для меня? Пожалуйста!

— Хорошо, я посмотрю.

— Большое-пребольшое спасибо!

— Не торопитесь, — сказал Катер сдерживающе. — Я ведь не сказал — я это сделаю. Я только сказал — я посмотрю.

— Но этого вполне достаточно, если это говорите вы, господин капитан. В сказанном любым другим можно сомневаться — но не в сказанном вами.

— Ну хорошо, малышка, если это так, то я заслужил тогда какое-нибудь вознаграждение — или?..

— Ну конечно! Но чем же я могу вознаградить вас? У меня ведь ничего нет.

— Ну да что-нибудь все же можно найти. Как, например, в отношении маленького поцелуя?

— А разве можно?

— А почему же нельзя, малышка?

— И я действительно могу?

— Иди сюда. Подойди поближе. Еще ближе. Ну так что?

— Спасибо.

— Но не в лоб же, девушка! Куда надо-то? Или это было по-дочернему?

— Прошу, не надо! Я очень смущаюсь. Я ничего подобного еще никогда не делала... На этот раз лучше?

— Во всяком случае, это начало. Тебе нужно в этом потренироваться. Попробуй-ка еще разок.

— Сейчас я больше не могу. Мне надо идти.

Ирена Яблонски быстро возвратилась на свое место. Она казалась очень смущенной — и в то же время возбужденной. Катер разглядывал ее не без удовольствия.

— Не надо быть такой застенчивой, девушка! — сказал он. — И к чему такая поспешность? У нас еще много времени.

— Да, но мне нужно завтра очень рано быть на кухне.

— В этом нет необходимости. Можешь выспаться, об этом уж я позабочусь.

— О, это очень мило! Большое спасибо, господин капитан! Но тем не менее мне нужно идти.

— Но не сейчас — ведь вечер только начинается! Мы можем здесь еще немного выпить, а потом пойдем ко мне — смотреть картины.

— Может быть, в другой раз, господин капитан? Ах, я уже заранее радуюсь этому! Но теперь мне действительно нужно идти.

— Да почему же, черт возьми?

— Меня ждут, господин капитан.

— Тебя ждут? Кто же это?

— Моя подруга, с которой я живу в одной комнате, — Эльфрида Радемахер. Вы же ее знаете.

— Еще бы мне ее не знать!

— Она ждет меня здесь же, по соседству, в ресторане. И она сказала: если я не приду вовремя, она зайдет сюда и заберет меня.

— Это на нее похоже! А знает ли она, что ты здесь со мной?

— Да, конечно, — призналась Ирена Яблонски. — Я обговорила с ней все подробно. Ведь она очень хорошо разбирается в подобных делах. Итак, теперь — до свидания, господин капитан! И большое спасибо за все! Я так рада, что в будущем смогу работать у вас в машинописном бюро.

Легкий туман висел в воздухе. Он окутывал как бы произвольно разодранными клочьями старые производственные постройки. Улицы казались пустынными.

Шаги генерала дрожащим эхом отдавались от стен домов. Он высоко поднял воротник шинели и опустил голову. Он был наедине с самим собой.

Модерзон шел по улице в сторону холма, на котором были расположены казармы. Около двадцати тысяч жителей насчитывал этот маленький городок, ничем не отличавшийся от множества других небольших городков. И во многих других были казармы, однако эта вырисовывалась на фоне неба как массивная корона, сделанная из бетона. Казарма располагалась на западной окраине городка, поэтому при заходе солнца она погружалась в темноту на несколько минут позже, чем сам городок. В эти мгновения она как бы вспыхивала и высилась четкими контурами, господствуя на горизонте, как большая угроза.

Генерал никогда не рассматривал свою профессию как удовольствие, но в течение длительного времени не видел в ней и никакой опасности. Он всегда стремился в совершенстве овладеть тяжелым, трудным, смиренным ремеслом воина. Оно должно было, если это зависело бы от него, находить себе применение в отрыве от жизни — в основном примерно так же, как это осуществлялось когда-то в некоторых монашеских орденах. Выступать на защиту других — детей, матерей, бедных и страдальцев. Умереть за них, если не оставалось никакого другого выбора.

«Служить, — думал генерал. — Служить! Но кому?»

Путем, которым он шел этой ночью в сторону казармы, всегда ходила городская знать, так называемые уважаемые люди города. В последний раз они приходили сюда, когда он был назначен начальником военной школы.

Они пришли к нему: бургомистр, секретарь местной нацистской организации, два представителя ремесленной верхушки, предприниматель, представители национал-социалистского союза немецких женщин, противовоздушной обороны, Красного Креста, — делегация бюргерства, считавшая, что имеет на то полномочия и компетентность. И они приветствовали его, нового начальника военной школы, и заверили, что горды и счастливы видеть генерала и его солдат в своей среде. Они говорили о хорошем взаимопонимании между военнослужащими и жителями этого города и высказали пожелание и надежду, что так оно будет и впредь, а по возможности найдет свое углубление и упрочение. И в их глазах стояла жажда

признания, стремление к наживе, удовольствие от игры в солдаты.

Генерал посмотрел на них, ничего не говоря, и даже не предложил сесть. И эти твари сочли, что он, по-видимому, большой и очень своенравный человек, которому надлежит оказывать всяческое уважение и почтение. Его сознательная резкость вселила в них благоговейный ужас: могущественное лицо наподдало им в зад — контакт, который они установили, был таким образом очень тесным.

К воротам казармы генерал подошел с лицом, отчетливо выдававшим недовольство — в том числе недовольство и самим собой. Только немногие были подобны ему — это было для него ясно. Что же заставляло его продолжать, не прекращая, настойчивые поиски этих немногих? На нем лежала печать судьбы, этим вечером ему это стало ясно, как никогда ранее.

Когда он проходил ворота, корректно отдав честь в ответ на приветствие часового, то посмотрел наверх, в сторону здания, в котором размещался штаб. Окна его комнаты темно отсвечивали в ночи. Но в соседнем окне его зоркие глаза различили слабую полоску света — по-видимому, его секретарша, Сибилла Бахнер, еще работала в приемной.

Генерал вошел в здание и поднялся по лестнице, ведущей к приемной. Он открыл дверь и увидел Сибиллу Бахнер, сидящую за столом, а напротив нее — обер-лейтенанта Крафта. Бутылка и две рюмки стояли между ними.

Генерал остановился на пороге комнаты. Крафт немедленно вскочил. Сибилла Бахнер также поднялась после небольшой задержки и сказала:

— Господину обер-лейтенанту Крафту и мне было необходимо немного подкрепиться.

— Почему? — задал вопрос генерал, по-прежнему не двигаясь.

— Мы были на так называемом званом вечере, которые постоянно устраивает фрау Фрей...

— Понимаю, — сказал генерал. Он коротко кивнул и прошел в свою комнату. Дверь за собой он оставил открытой.

Сибилла Бахнер вошла туда вслед за ним и сказала:

— Мы как раз все равно заканчивали.

Генерал снял шинель и бросил ее на спинку одного из стульев. После этого он возвратился в приемную, сопровождаемый Сибиллой Бахнер. Крафт в это время собирался улизнуть из комнаты.

— Господин обер-лейтенант Крафт, — сказал генерал, — я могу понять, что у вас после подобного мероприятия появилась потребность выпить. Но я не понимаю, почему эта потребность должна утоляться в служебном помещении.

— Так точно, господин генерал! — сказал Крафт невозмутимо.

— Это ваша бутылка коньяка, господин обер-лейтенант?

— Нет, господин генерал.

— Заберите ее все равно. И фройляйн Бахнер, если таково будет ее желание.

Сибилла поспешила заверить:

— Мы только что перед этим собирались попрощаться, господин генерал. И если я могу еще что-нибудь для вас сделать...

— Возможно, — сказал генерал. Затем он подошел вплотную к обер-лейтенанту Крафту, посмотрел на него испытующе и спросил: — Как далеко вы за это время продвинулись в известном вам деле?

— Пока еще ненамного, господин генерал, — ответил Крафт.

— Не затягивайте дольше, — сказал генерал настоятельно. — Попытайтесь прийти к какому-то решению. Мне хотелось бы знать, и знать точно, почему это случилось, каким образом и кто это сделал. И по возможности скорее. И настройтесь на то, господин обер-лейтенант, что в будущем я стану часто приглашать вас к себе — из-за этого дела. В данный момент, разумеется, вы мне не нужны.

Обер-лейтенант бросил взгляд на Сибиллу Бахнер. Но она его не видела — она смотрела на генерала. Крафт отдал честь, как это предписано уставом, и вышел из комнаты.

— Ну а теперь с вами, фройляйн Бахнер, — сказал генерал и при этом открыто посмотрел на нее. — Сожалею, что мне пришлось только что побеспокоить вас, но я полагаю, вы понимаете, что за это я не могу принести вам извинения.

— Это мне необходимо извиниться, господин генерал, — сказала Сибилла. — И вы к тому же нисколько не помешали, действительно нет.

— А мне хотелось бы, чтобы помешал, — сказал генерал, скупо улыбаясь. — Я приветствую любое ваше развлечение, даже если это происходит и не непосредственно в нашем служебном помещении. А обер-лейтенант Крафт — несмотря на некоторую его ограниченность — неплохой выбор.

— У него определенно имеются свои положительные качества, — заметила Сибилла откровенно, — но для меня он не подходит.

— А кто же тогда?

Сибилла посмотрела на генерала широко открытыми глазами, в них отражалось как неприкрытое замешательство, так и быстро вспыхнувшая надежда. Она была готова поверить, что в этих словах заключен косвенный вызов ей — но рассудок отказывался принять это за возможное.

— Я думаю, настало время выяснить возможное недоразумение, — сказал генерал и выпрямился. — От меня не ускользнуло, фройляйн Бахнер, что вы испытываете ко мне определенную симпатию. Я всегда отмечал это как приятное явление, хотя, может быть, и ненужное. Мне очень не хотелось бы вас потерять: сотрудники как вы — большая редкость.

Сибиллу охватило сильное возбуждение. Внезапно ей показалось, что она видит все окружающее в ярком, слепящем свете. Она была не в состоянии о чем-либо думать, хотя и искала в отчаянии толкования, объяснений и зацепок для новой, пусть весьма слабой, но надежды.

— Фройляйн Бахнер, — сказал генерал, — мне нужны учебные планы второго курса на будущую неделю — детальные планы, а не принципиальная схема. И к ним объяснения начальника шестого потока. Через три минуты, если можно. А потом оставьте меня одного.

17

ЕЗДА НА ВЕЛОСИПЕДЕ ДОЛЖНА БЫТЬ ИЗУЧЕНА ТОЖЕ

— Пять тридцать, и ясное утро! — крикнул дежурный фенрих. — Подъем, лежебоки, или я подложу огня под

ваши усталые зады! Благодарите бога, что вы живы, и сбрасывайте одеяла!

Этот день начался для фенрихов как и все другие. Казалось, ничего необычного произойти не должно. Более того, все протекало обычным порядком: резкий звук сигнального свистка, стереотипные выкрики дежурного, тяжелый, душный, зловонный воздух. Полусонными они вылезали из своих походных кроватей и в течение нескольких секунд стояли молча на еще нетвердых ногах. Затем начинали шевелиться, так как было холодно.

— Во двор на построение, ленивые собаки! — крикнул дежурный фенрих. — Поднять сердца и снять ночные рубашки!

Обычная ночная рубашка была для фенрихов своеобразной и допустимой формой одежды на период времени между отбоем и подъемом. Только офицеры имели право надевать пижамы, поставляемые вещевой службой сухопутных войск трех образцов и пяти размеров, стоимостью от 28 имперских марок 40 пфеннигов до 34 марок 80 пфеннигов. Пока же, однако, им разрешалось носить лишь ночные рубашки, и только белого цвета, причем кармашек на левой стороне груди хотя и считался нежелательным, однако категорически не запрещался.

Инструкцию «Форма одежды для ночного времени» разработал майор Фрей, начальник второго курса. Майор был признанным мастером в разработке подобных, тщательно продуманных инструкций и распоряжений. И если тем не менее едва ли кто-то из фенрихов учебного подразделения «Хайнрих» придерживался особого распоряжения № 78, то на это были свои, особые причины.

Дело в том, что обер-лейтенант Крафт был новичком. Фенрихи знали это и использовали тонко подобное обстоятельство в своих интересах. Крафт не мог еще практически знать всех тонкостей и установок, измышленных начальником курса. И поэтому они задали ему притворно-простодушно вопрос: «Можно ли при больших холодах надевать на себя что-либо дополнительно из одежды на ночь?»

И вновь назначенный офицер-воспитатель ответил, ничего не подозревая: «Что касается меня, то вы можете спать и в мехах!»

Фенрихи учебного отделения «Х» вылезли из своих постелей поэтому закутанные кто во что горазд: многие были в носках или накрутили на себя кашне, некоторые

надели полностью или частично нижнее белье, а двое даже натянули на себя вязаные курточки.

Крамер, Вебер, Амфортас, Андреас и, естественно, также Хохбауэр с недовольством отмечали подобное кутание. Дело в том, что в одно прекрасное утро капитан Ратсхельм наверняка обнаружит эту теплолюбивую изнеженность. А это неизбежно должно повлечь за собой неприятности. Ибо если Ратсхельм будет присутствовать на подъеме своих питомцев, то он будет возмущен, не увидев их в ночных рубашках, как это предусмотрено инструкцией.

— Тут не поможет ни вытье, ни клацанье зубами! — крикнул дежурный фенрих.

Фенрихи подразделения «X», размещенные в восьми комнатах, сняли с себя ночные рубашки и все остальное, что на них было понадевано. Затем, зевая, ворча и чертыхаясь, разобрали спортинвентарь. Эти первые полчаса были самыми напряженными за весь день, и их можно было сравнить разве лишь с занятиями по тактике, проводимыми капитаном Федерсом: каждый день начинался с зарядки — в течение долгих пятнадцати минут.

В этот день проводить ее была очередь обер-лейтенанта Крафта. По опыту это не расценивалось как неблагоприятное явление. Каждый из офицеров имел собственную методику — методика Крафта была вполне терпимой.

«Разогревайтесь-ка, ребята!» — говорил он по обыкновению и при этом без стеснения закуривал свою утреннюю сигарету, следя за тем, чтобы ему не помешал кто-либо из вышестоящих начальников.

— А как, друзья, насчет пробежки на большую дистанцию? — крикнул он фенрихам.

Это не было предложением, как не было и приглашением — это был приказ. Фенрихи сразу же побежали рысцой. Темп, взятый ими, был умеренным, ибо по членам их была разлита еще утренняя усталость.

— Всегда то же самое, — простонал Меслер. — Каждое утро одно и то же! Как это надоело!

Все было, казалось, как и каждое утро. Однако произошло нечто, что вначале никому не бросилось в глаза. Обер-лейтенант Крафт сказал:

— Редниц, подойдите-ка сюда!

— Вот тебе на, — проговорил Крамер, продолжая и дальше тяжело бежать во главе своего подразделения, —

по-видимому, этот Редниц опять что-то натворил. От него этого можно ожидать в любое время.

Редниц вышел из строя трусивших рысцой фенрихов со смешанными чувствами. От разговора с начальником вряд ли можно было ожидать чего-то радостного, тем более ранним утром. Поэтому он приблизился к офицеру-воспитателю, изобразив на лице осторожную ухмылку — своеобразный тест, для проверки его реакции.

Эта выглядевшая очень приветливо ухмылка вызвала в ответ подобную же, что сразу создало соответствующую атмосферу. Хотя Редниц и знал не слишком-то много о Крафте, одно по крайней мере он успел установить: Крафт не был каннибалом.

— Мой дорогой Редниц, — сказал обер-лейтенант, — я хотел бы задать вам один вопрос, на который вы, собственно говоря, можете и не отвечать, если не желаете,— хотя я убежден, что вы сможете на него ответить.

Эти слова насторожили Редница и настроили его недоверчиво. Одно только обращение «мой дорогой» развеяло последнюю сонливость, оставшуюся после душной, разморившей его ночи. Редниц тотчас же почувствовал, что от него ожидают нечто необычное. Умными, любознательными глазами он посмотрел на обер-лейтенанта.

— Речь идет о следующем, — сказал Крафт спокойно. — Приехала фрау Барков — мать лейтенанта Баркова. На меня возложена задача по ее сопровождению — предположительно потому, что я являюсь преемником ее сына. И в течение предобеденного времени, очевидно что-то между одиннадцатью и двенадцатью часами, во время занятий я представлю наше подразделение фрау Барков.

В этом месте Крафт сделал хорошо рассчитанную паузу. Таким образом он предоставил Редницу возможность сориентироваться в обстановке. И Крафту показалось, что в глазах фенриха, обычно ясных, постоянно настороженных и очень часто лукавых, блеснуло понимание.

— Так точно, господин обер-лейтенант, — сказал он, ожидая что же будет дальше.

— Таким образом, Редниц, фрау Барков познакомится с фенрихами, которые присутствовали при гибели ее сына. Но мне, однако, до сих пор не ясно, каким образом эта смерть произошла. Не ясно мне еще также, кто же, собственно, мог быть ее виновником — в большей или меньшей степени, сознательно или несознательно, случайно или

намеренно. А из всего этого складывается особая ситуация, в прояснении которой вы должны мне помочь.

— Я, господин обер-лейтенант? — спросил Редниц тоном чрезвычайно осторожного отказа.

По фенриху было видно, что он в душе проклинал весь этот разговор. Крафт пытался поставить его в опасное и затруднительное положение. Он, Редниц, мог теперь заслужить благоволение обер-лейтенанта, но только если бы начал предательски болтать языком. Он мог прикинуться и незнающим и молчать — но тем самым испортить обер-лейтенанту настроение или — более того — рассердить его и тем самым легко превратить в своего врага.

— Редниц, — сказал Крафт, который, казалось, полностью разгадал мысли своего подчиненного, а их-то он предвидел заранее, — вопрос ведь не в том, что я ожидаю от вас доноса или наушничанья. Что мне нужно, так это только намек. Да вы представьте себе, что может случиться: по всей вероятности, фрау Барков захочет поговорить с тем или другим фенрихом, пожать ему руку и, чего доброго, даже выразить ему свою благодарность. А я полагаю, что в подразделении есть некоторые фенрихи, с которыми этого не должно случиться, те, которые не хотели или не могли понять лейтенанта Баркова, которые относились к нему отрицательно, а возможно, даже и ненавидели.

— В таком случае, — сказал Редниц с трудом, после длительной паузы, — я бы предложил господину обер-лейтенанту, чтобы фрау Барков обратилась ко мне. Я могу протянуть ей руку с чистой совестью.

— Только вы, Редниц?

— Еще целый ряд фенрихов, господин обер-лейтенант, по крайней мере те, которые сидят на задних скамьях.

— А те, что на передних, таким образом, нет?

Редниц посмотрел на своего обер-лейтенанта широко открытыми глазами, с беспокойством и одновременно с удивлением. У него было такое ощущение, что он неожиданно быстро и вопреки своему желанию попал в ловушку. Он лихорадочно искал слова, которые помогли бы ему выпутаться из этой ситуации, но, чем дольше он их искал, тем яснее становилось ему, что каждая проходившая секунда только усугубляла его личную катастрофу. Ибо его молчание являлось подтверждением сказанного.

— Ну хорошо, Редниц, — сказал обер-лейтенант Крафт, заканчивая разговор. При этом он сделал вид, как

будто бы не разгадал ничего существенного и вообще ничего не понял. — Я надеялся, что вы сможете мне помочь. Но, к сожалению, из этого, как мне кажется, ничего не получилось, в чем, разумеется не ваша вина. Рассматривайте то, что я вам сказал, как доверительную информацию. И забудьте обо всем, если хотите. Благодарю, Редниц.

Редниц сделал поворот кругом и побежал вслед за подразделением, чтобы занять место в строю. На его юношеском лбу собрались складки — с таким напряжением думал он о разговоре. Золотой мост, который в завершение его был построен обер-лейтенантом, казался ему особенно роковым. Он являлся навязчивым доказательством того, насколько он был неосмотрительным и насколько этот Крафт разгадал его.

— Чего хотел от тебя этот надсмотрщик рабов? — спросил Крамер, командир учебного отделения.

— Он очень хотел узнать от меня, у кого из нас на совести лейтенант Барков, — заявил Редниц вызывающе громко и занял свое место в строю.

— Старый болтун! — бросил Крамер слегка насмешливо. Он был абсолютно уверен, что Редниц отмочил одну из своих сомнительных шуток. Некоторые фенрихи засмеялись.

Но фенрих Андреас, бежавший между Хохбауэром и Амфортасом, крикнул возмущенно:

— Такими вещами, однако, не шутят, парень!

— Скажи это своему соседу! — крикнул Редниц в ответ.

— И при этом скажи ему также,— крикнул Меслер,— что я не разрешаю ему лизать мою задницу, поскольку он, чего доброго, будет рассматривать это как выражение благосклонности!

— Этого,— заметил Редниц предупреждающе Меслеру,— он тебе никогда не забудет.

— Будем надеяться,— ответил Меслер беззаботно.

Обер-лейтенант Крафт в это время докурил свою утреннюю сигарету. Он бросил ее щелчком по высокой дуге на середину плаца для занятий строевой подготовкой и дал сигнальный свисток: утренние занятия спортом были на этом закончены.

Учебные подразделения «Густав» и «Ида» отделились от подразделения «Хайнрих». Фенрихи обер-лейтенанта Крафта рысцой подбежали к нему, построились в шерен-

гу и ожидали команды своего офицера-воспитателя разойтись по казармам.

— В предобеденные часы занятий сегодня вносятся изменения,— объявил обер-лейтенант Крафт.— Первый час занятий — «Военная история» — отменяется. Четвертый час занятий буду проводить я. Тема занятий не определена. Если я задержусь, командир учебного отделения зачитает специальный приказ «сорок четыре» и даст по нему разъяснения. Первые три часа занятий проведет капитан Федерс. Занятия по тактике.

— Дело дрянь,— выпалил Меслер от всего сердца.

— Друзья,— сказал капитан Федерс с радостным воодушевлением,— сегодня у нас наконец будет достаточно времени, чтобы несколько подробнее, чем обычно, заняться учебным материалом. Я вижу с удовлетворением, что это заявление воспринято вами с оживлением.

Фенрихи недвижно сидели на своих скамьях, покорные судьбе. Они предполагали, что их ожидает. И они не обманулись.

Первым пунктом программы были поиски двух связных мотоциклистов. Фенрихи при нанесении обстановки на большой схеме, которую они разрабатывали совместно, забыли про этих мотоциклистов.

— Рассеянные болваны, пустые головы и лунатики!— дал им оценку капитан Федерс с мрачным удовлетворением. — Союз бродяг! Феодальный клуб мелких воришек! Забыть двух мотоциклистов означает оставить двух не занятых ничем людей, которые слоняются и бездельничают и могут от этого наделать глупостей. И более того, два оставленных слева мотоцикла означают, что передача своевременных сообщений будет сорвана, а это при определенных обстоятельствах может привести к невыполнению задачи и потерям. Эти и еще более тяжелые последствия могут произойти, безмозглые тупицы, если два мотоциклиста по глупости будут оставлены без дела.

Фенрихи воспринимали Федерса как божий бич. Наклонив голову, они исписывали свои тетради и записные книжки от корки до корки. Писанина была для них как маленькая, скромная попытка бегства — при этом они, по меньшей мере, не должны были смотреть в глаза своему преподавателю тактики. Поскольку ожидать его испытующего взгляда с открытыми глазами стоило нервов.

— Проклятие,— пробормотал Редниц.

Федерс, это Редниц понимал абсолютно отчетливо, совершенно сознательно превращал военную школу в своего рода предварительную огневую подготовку к ожидавшей их, по всей вероятности, преисподней. А обер-лейтенант Крафт — куда клонил он?

Однако на занятиях у капитана Федерса было почти невозможно, во всяком случае очень тяжело, следовать мыслям, далеким от преподаваемого предмета. Его рассуждения были подобны хитроумно установленному минному полю. Там почти любой фенрих мог легко взлететь на воздух вместе со своими мечтами об офицерской карьере. Поэтому даже Редниц прилагал усилия, чтобы сконцентрировать все свое внимание на преподавателе тактики.

— Кроме того, имеется вполне определенное доказательство того, что вы являетесь стаей диких обезьян,— сказал капитан Федерс с заметным удовольствием.— Когда я перед этим дал вам исходную обстановку, я позволил себе задать вопрос: «Все понятно? Никаких замечаний? Не нужны ли какие-либо объяснения?» И вы закивали головами наподобие фигурок в тире. А я при этом вывел вас на скользкий лед. Я допустил совершенно сознательно одну ошибку. Какую же?

Какую ошибку? Фенрихи задумались, пытаясь проанализировать каждое положение. При этом все их старания, это они знали абсолютно точно, были бесполезными. Ибо капитан Федерс в самом начале занятия, характеризуя исходную обстановку, вывалил на их головы от двадцати до двадцати пяти положений с тремя десятками различных цифр, знаков и вводных данных.

— Итак,— продолжил Федерс,— при характеристике обстановки между пятнадцатой и семнадцатой позициями я назвал пункт сбора трупов. И это, естественно, является сущей чепухой, которая должна была обдать вас немедленно зловонием. Но ваши органы обоняния, по-видимому, полностью притуплены.

Фенрихи, по меньшей мере большинство из них, не понимали еще точно, в чем же, собственно, заключалась ошибка. Было ли указано местоположение пункта неточно? Или была допущена ошибка в порядке перечисления? Или, может быть, пункт сбора трупов в данной обстановке был лишним, или нецелесообразным, или преждевременным? Сколь велико количество сбивающих с толку

возможностей! Именно поэтому они обычно говорили: тактика — дело везения. А тактика у капитана Федерса была подобна подсчету количества листьев высокостойного зрелого леса.

— Вообще никаких пунктов сбора трупов не существует, — заявил с удовлетворением капитан Федерс.— Во всяком случае в бою. Оно, конечно, вам хотелось бы соорудить военные кладбища, но для этого на войне нет времени. Пункты сбора идиотов, напротив, представляются мне более возможными — все ваше подразделение могло бы немедленно направляться туда.

«Никаких пунктов сбора трупов в бою»,— застрочили курсанты в своих записных книжках.

— Почему же нет? — продолжил Федерс.— Очень просто: транспортные средства необходимы боевым частям и подразделениям для подвоза снаряжения, продовольствия и боеприпасов. Ну а кто убит — будет захоронен. И по возможности — на том же самом месте, но, конечно, не перед входом в дома, на дорогах, в местах расположения войск, у складов и на позициях. Гробы излишни. Для этого достаточно палатки, но при условии, что речь идет о палатке, которая не пригодна для других целей, то есть простреленной или порванной палатке. Могильный крест из березы декоративнее, чем кресты из других пород деревьев. Не совсем недальновидные офицеры будут, впрочем, всегда заботиться о том, чтобы на складе был постоянно определенный запас заранее изготовленных крестов подобного рода. Итак, на войне бывают убитые, но никаких пунктов сбора трупов.

Фенрихи восприняли эти объяснения все с тем же учебным прилежанием, хладнокровно. Федерс посмотрел на часы и захлопнул учебное пособие. Фенрихи вздохнули облегченно.

— Поскольку мы как раз говорим о трупах,— сказал Федерс в заключение,— на следующий час занятий обер-лейтенант Крафт приведет гостя — мать лейтенанта Баркова. В данном случае вы можете наконец показать, насколько вы зачерствели. Попробуйте все же смотреть открыто фрау Барков в глаза — достойно и как в высшей степени порядочные люди, каковыми вам надлежит быть как будущим офицерам.

— Перерыв десять минут! — крикнул Крамер.— И я напоминаю, что курение в учебном помещении и в коридоре запрещено.

— А ты не обращай внимания,— заметил Меслер и вытащил помятую сигарету из нагрудного кармана.

— У меня весьма обостренное чутье на запахи, Меслер!

— В таком случае,— сказал тот и стал искать спички по карманам,— немного больше или немного меньше вони здесь не играет практически никакой роли.

Крамер промолчал. Он сделал вид, будто ничего не слышал, и занялся журналом учета занятий в подразделении.

Немало фенрихов использовали перерыв, чтобы восполнить свои записи. На задних и передних скамьях образовались две заметные группы. В передней Хохбауэр начал развивать теорию о том, что трупы могут представить собой отличное укрытие,— правда, лишь при сильном морозе. В задней группе Меслер дал одно из своих спецпредставлений «Только для боевых подразделений и частей!».

Меслер собрал вокруг себя всех искавших развлечения. На этот раз на очереди были так называемые анекдоты о вдовах, один из наиболее грубых и вульгарных, но очень популярных в их среде видов развлечений в форме беседы.

Слушатели смеялись резко и громко. Такая бурная реакция заметно подбадривала Меслера. И он не заметил в пылу, что к ним подошел Хохбауэр со своей свитой и остановился, внимательно слушая, с угрожающе серьезным лицом. После очередной непристойности Хохбауэр решительно протолкался вперед. Он встал лицом к лицу с Меслером и бросил резко:

— Свинья!

— Меслер. Очень приятно,— ответил курсант, использовав тем самым одну из старейших и избитых острот, которые тем не менее всегда вызывали веселую реакцию. Однако на этот раз не нашлось никого, кто бы засмеялся.

— Ты грязная, вонючая свинья,— сказал Хохбауэр Меслеру.

Это замечание было не совсем неправильным, по крайней мере в этот момент, и в другое время Меслер воспринял бы его невозмутимо. Но то, что именно Хохбауэр выдавал себя за блюстителя морали, нравов и приличий, возмутило Меслера.

— Тебе-то как раз сейчас необходимо,— сказал он поэтому вспыльчиво,— изображать достойного уважения че-

ловека! И ты с этим справишься, после того, как пропоешь матери лейтенанта хвалебный гимн и выскажешь ей свое соболезнование. И чего доброго, не постесняешься даже принять благодарность за проявленное усердие при рытье могилы.

И в этот момент Хохбауэр дал Меслеру пощечину.

Тот, охваченный яростью, хотел прыгнуть на Хохбауэра. Но два фенриха — Амфортас и Андреас — держали Меслера крепко, и Хохбауэр ударил еще раз — той же рукой и по тому же месту.

Меслер попытался освободиться и осмотрелся вокруг в поисках помощи. Но Редниц был в это время в туалете, Эгон Вебер курил где-то снаружи, а другие курсанты являлись безучастными наблюдателями.

Только Бемке, поэт, глотнул возбужденно воздуху и крикнул Хохбауэру:

— Ты не должен позволять себе подобное!

— Заткнись,— ответил Хохбауэр.

В этот момент Крамер, командир учебного отделения, крикнул озабоченно:

— По местам, камераден! Перерыв окончен!

Хохбауэр молчаливо повернулся и направился к своему месту на передней скамье. Его свита обеспечила ему отход. Фенрихи заняли свои места и раскрыли тетради. Меслер, преисполненный мести, массажировал свою правую щеку. А Бемке, возмущенный до глубины души увиденным, сказал еще раз:

— Он все же не должен позволять себе подобное!

— Фенрих Бемке,— крикнул командир отделения,— займи, как всегда, наблюдательный пост!

Бемке послушно вскочил. Он вышел из аудитории и занял свое обычное место наблюдателя у окна коридора, откуда ему была хорошо видна дорога к учебному помещению. Здесь он стал ожидать появления обер-лейтенанта Крафта.

— Ну ты ему дал! — сказал одобрительно Амфортас Хохбауэру.

— Эта свинья вполне этого заслужила,— ответил Хохбауэр решительно.

— Во всяком случае,— размышлял вслух Андреас,— он этого так просто не оставит. Он снова откроет рот, как только Редниц обеспечит ему прикрытие.

— Мы должны наконец создать здесь приличную обстановку,— сказал Хохбауэр.— Дальше так дело идти не

может. Или эти парни в конце концов добровольно заткнут свои глотки, или мы заткнем их им силой. Третьей возможности не существует!

— Прошу внимания, камераден! — крикнул Крамер.— Офицер-воспитатель может подойти в любое время. А до тех пор мы начнем занятия в соответствии с указанием.

Крамер требовательно посмотрел вокруг себя. Однако никто и не пытался нарушить дисциплину. Даже Меслер, который сидел, замышляя про себя месть. Крамер воспринял это не без удовольствия. Он раскрыл специальный приказ номер сорок четыре и собрался зачитывать его вслух.

Но фенрих Редниц еще не вернулся с перерыва. В результате расспросов было установлено, что отсутствующего видели в последний раз в туалете, где он читал бульварную книжонку с яркой обложкой. Крамер немедленно выслал поисковую команду. При этом он был достаточно осмотрительным и не послал на поиски никого из лейб-гвардии Хохбауэра.

С опозданием на семь минут Редниц наконец появился, сопровождаемый поисковой командой. Крамер потребовал от него объяснений, считая, что не только имеет на это право, но и обязан. В противном случае он будет, к сожалению, вынужден...

— Я читал устав,— заявил Редниц с готовностью,— и это было так захватывающе, что я полностью забыл о времени и месте.

Крамер отнесся к этому объяснению с недоверием, а беззаботное, веселое настроение, которое грозило охватить большую часть фенрихов, сбило его с толку. Он решил опереться на авторитет и попытался показать Редницу, что полностью о нем информирован.

— С каких же это пор на обложке устава появились яркие краски и полуобнаженные женщины?

— А у меня всегда так,— ответил Редниц, на которого это замечание не произвело ни малейшего впечатления.— Таким образом я маскирую все мои уставы и наставления. И это для того, чтобы товарищи не думали, что я тоже карьерист.— При этом было сделано легкое, но вполне четкое ударение на «тоже».

— Шарлатан! — воскликнул Хохбауэр сдержанно.

— Прошу спокойствия! — крикнул командир отделения. При этом он избегал смотреть прямо на Хохбауэра— таким образом его требование, казалось, было обращено ко всем присутствующим.— А ты, Редниц, садись немедленно на свое место! Я начинаю зачитку специального приказа номер сорок четыре.

Этот специальный приказ номер сорок четыре был одним из многочисленных организационных шедевров майора Фрея. Заголовок на нем гласил: «Использование и уход за служебными велосипедами, а также их получение и возврат». Он состоял из четырнадцати параграфов.

Крамер зачитывал этот удивительный продукт мышления громким, сильным голосом с четким нюансированием, небольшая пауза после запятой, большая пауза после каждой точки и еще большая пауза после каждого абзаца. Все обстояло так, как если бы он объявлял положения военной статьи, партийной программы или даже новой конституции.

Наряду с другими моментами Крамер зачитал следующее:

— «Лицо, пользующееся велосипедом, берется за руль, стоя с левой стороны велосипеда, одной рукой за одну ручку, а другой — за другую. Левая педаль должна достичь нижней точки».

— Не только левая педаль,— прокомментировал курсант Редниц. И при этом он любовно закончил изображение петрушки, которого набрасывал в своем блокноте. Он ожидал одобрительного хихиканья Меслера, сидевшего рядом с ним. Но Меслер молчал. Это показалось Редницу странным и побудило его обратить все свое внимание на друга.

А Крамер гремел дальше:

— «Далее пользователь ставит левую ногу на левую педаль, равномерно распределяя вес собственного тела, после чего делает правой ногой — без особого приложения силы, что в противном случае нарушило бы необходимое равновесие,— толчок от земли вперед».

Фенрихи слушали приказ с безразличным видом. Некоторые делали, как обычно, заметки. Большинство же клевало носом, думало туманно об обеде, о прошедших занятиях по тактике или о предстоящем визите фрау Барков.

— Эта собака ударила меня по лицу,— сообщил приглушенно Меслер другу.— Пока ты был в туалете.

Редниц тотчас же понял, что на этот раз речь идет не об одной из обычных меслеровских шуток. Его обычно дружелюбное лицо потемнело. Растягивая слоги, он спросил:

— Хохбауэр?

— Кто же еще,— ответил Меслер.— По лицу ударила меня эта свинья — два раза.

— А что за причина?

— Обычная. Я ему сказал правду.

— И ты не дал ему сдачи?

— Они меня держали. Что мне было делать? Бежать к тебе в туалет?

Редниц кивнул в раздумье. Затем сказал:

— Больше он этого никогда не сделает. Об этом я позабочусь.

— При первом же случае,— сказал Меслер, теперь снова полный надежды,— я куплю этого парня, когда он мне случайно попадется без охраны. И тогда я сделаю из него гуляш.

— От этого тебе придется отказаться,— сказал Редниц.— Хотя бы по той простой причине, что Хохбауэр сильнее тебя физически и не ты, а он сделал бы из тебя гуляш.

— В таком случае ты должен мне помочь,— потребовал Меслер,— ты или Эгон Вебер. Для чего же тогда вы называетесь моими товарищами?

— Мы твои друзья, Меслер, а это значит больше. Но одно я тебе гарантирую: Хохбауэр заплатит за свои пощечины — и такую цену, которая заставит его оголить зад. Дай мне только время, и я это сотворю.

Крамер продолжал непоколебимо зачитывать специальный приказ номер сорок четыре:

— «В случае какой-либо аварии необходимо: а) доложить об этом соответствующему начальнику; б) предпринять попытку устранить повреждение самостоятельно; в) сообщить о случившемся в пункт выдачи, независимо от того, удалось ли исправить повреждение или нет. При этом следует различать следующие виды аварий: повреждение шины, передней и задней, повреждение колеса, так же переднего и заднего, повреждение педального устройства, повреждение цепи, повреждение рамы, повреждение руля, повреждение седла».

После этого следовало подробное описание каждого вида повреждений с не менее подробными указаниями по

проведению вспомогательного ремонта. Наряду с этим давалась скрупулезная детализация инструментов, материалов для проведения ремонта и прочих принадлежностей. Однако до выслушивания курсантами дальнейших подробностей подобного типа дело не дошло. Бемке, влетел в аудиторию и сообщил, как всегда, слегка возбужденно:

— Идет обер-лейтенант Крафт с упомянутой дамой!

Крамер быстро пометил место в специальном приказе номер сорок четыре, на котором он был вынужден прервать свое чтение. Его голос сделался еще на одну ступень выше. Он подал команду, как если бы перед ними находились подразделения, построенные для парада и находившиеся на значительных расстояниях друг от друга.

— Смирно! — рявкнул он. — Господин обер-лейтенант, подразделение «Хайнрих» — в полном составе!

— Милостивая государыня, — сказал обер-лейтенант Крафт, показывая на фенрихов,— это и есть учебное подразделение «Хайнрих». И после короткой паузы добавил: — Господа, фрау Барков.

Фенрихи стояли как застывшие, не шевелясь. Крафт даже не предпринял никаких попыток чем-либо облегчить их положение. Он подвел фрау Барков к трибуне, откуда она могла всех хорошо видеть.

Фенрихи осторожно разглядывали мать лейтенанта Баркова, которая стояла перед ними маленькая, беспомощная и смущенная; ее лицо с приветливыми и одновременно печальными глазами было бледным.

Фрау Барков несколько обеспокоенно смотрела на вытянувшихся здоровых юнцов. Она видела в большинстве своем спокойные, смотревшие с любопытством лица. Но ей показалось, что она заметила и глаза, в которых слабо светилось какое-то подобие участия. Она с трудом открыла рот и, казалось, хотела сказать несколько слов, но Крафт опередил ее, начав свой рассказ:

— В этом учебном здании имеется два помещения. Это предназначено исключительно для подразделения «Хайнрих», здесь проводятся занятия по тактике, общей и политической подготовке. От десяти до четырнадцати часов занятия проводит офицер-воспитатель каждую неделю; здесь — пульт, за которым стоял и ваш сын. При проведении курсантами письменных работ мы, как правило, находимся в заднем помещении — прошу следовать за мной, милостивая государыня, — где окна выходят на автогаражи, что благотворно влияет на концентрацию

внимания... Пока Крафт говорил все это, сопровождая фрау Барков по помещению, он внимательно следил за подразделением, в особенности за передними рядами, но не заметил ничего такого, что могло бы вызвать у него какие-либо подозрения.

Лица фенрихов оставались застывшими и неподвижными. Слишком застывшими, слишком неподвижными, думал про себя обер-лейтенант, когда смотрел на Хохбауэра, Амфортаса и Андреаса, а также других фенрихов на передних рядах. Однако вызвать у них теперь сознательно определенную реакцию он был не в силах. Он не мог причинить горя фрау Барков: она оказалась человеком, завоевавшим его симпатию — совершенно против его воли и без всяких стараний с ее стороны.

Так же как она теперь стояла перед фенрихами, он видел ее стоявшей на кладбище: тихая, печальная покорность, никакой гнетущей отчаянной скорби, никаких отрывистых, рассчитанных на сочувствие слов, никакой потребности в дешевом болтливом утешении. Только это простое восприятие неизбежного. Вокруг нее стеклянные стены — как и вокруг Модерзона.

— Милостивая государыня,— сказал обер-лейтенант Крафт в заключение,— я надеюсь, что показал вам все, что вас в какой-то степени могло заинтересовать.

— Благодарю вас, господин обер-лейтенант,— ответила фрау Барков.

— Один из наших фенрихов проводит вас, милостивая государыня, до казарменных ворот, а именно — фенрих Редниц.

С этими словами обер-лейтенант открыл дверь. Фрау Барков кивнула еще раз подразделению, которое стояло все так же неподвижно, протянула Крафту руку и вышла из помещения.

А за ней, спотыкаясь, поплелся растерянный фенрих Редниц.

Обер-лейтенант Крафт сразу же повернулся лицом к своему подразделению. Он знал вопрос, который занимал теперь фенрихов: почему именно Редниц? Но он не дал им ни малейшей возможности поразмышлять об этом, заявив:

— Прошу садиться. Подготовьтесь к письменной работе. В вашем распоряжении двадцать минут. Тема: «Некролог о лейтенанте Баркове». Начали.

18

ИСКУШЕНИЕ НАЧАЛЬНИКА УЧЕБНОГО ПОТОКА

Капитану Ратсхельму была оказана честь стать свидетелем одного знаменательного события: господин майор Фрей, начальник второго учебного курса, был озабочен.

— Должен признаться, — сказал майор доверительно,— что в последнее время в области моей деятельности происходит немало такого, что заставляет меня задуматься.

Капитан кивнул головой. Если ему приходилось видеть, что кто-то из его начальников бывал озабочен, это его всегда волновало.

Они сидели напротив друг друга в служебном кабинете майора. То, что капитан Ратсхельм мог находиться здесь и был тем более облечен доверием, наполняло его скромной гордостью. Он чувствовал себя в какой-то степени избранным, поскольку из троих вполне заслуженных начальников потоков майор предпочел его. Какая честь! И наверняка плюс в вопросе перспективы его выдвижения.

— Господин майор могут на меня во всем положиться,— заверил капитан.

— Мой дорогой Ратсхельм,— сказал майор любезно и подчеркнуто доверительно,— вы видите меня озабоченным — и это не в последнюю очередь из-за вас.

Теперь капитан уже не кивал головой — он был крайне изумлен, что весьма отчетливо показало выражение его лица: ведь он был абсолютно уверен, что всегда правильно выполнял свой долг.

— Ваша работа, мой дорогой Ратсхельм,— пояснил сказанное майор, — является примерной, это я могу вам подтвердить весьма охотно в любое время. Но даже самая примерная работа может находиться под угрозой. И как раз это-то, как мне кажется, и имеет здесь место.

— Конечно, господин майор, — сказал капитан Ратсхельм несколько натянуто.— Но я тоже не могу сделать больше, чем вскрыть недостаток и просить об его устранении. Ибо назначение и замена офицеров-воспитателей, а тем более преподавателей тактики, не относятся, к сожалению, к области моей деятельности.

— И к моей тоже, — заметил майор мягко. И при этом он улыбнулся как бы с сожалением и бросил короткий

взгляд вперед, будто бы давая понять, что единственно компетентная в этих вопросах инстанция — сам генерал — витает в известной степени в облаках.— Поразмыслим-ка совместно, мой дорогой Ратсхельм,— предложил майор тоном вербовщика.— Дело обстоит таким образом: мне лично подчинены прямо, непосредственно три начальника учебных потоков, и я доволен всеми тремя, в особенности вами, мой дорогой. Но ваше несчастье заключается в том, что среди офицеров, непосредственно вам подчиняющихся, имеется один, если не два, которые ставят под угрозу вашу работу. И вот я спрашиваю вас: что же делать?

Этого Ратсхельм в данный момент не знал. Он считал, что соответствующий начальник, а в данном случае им являлся майор, должен взять на себя инициативу. Но поскольку здесь требовалось его сотрудничество, необходимо было высказать и свое соображение. И поэтому он сказал неопределенно:

— Может быть, нам следует еще раз попытаться просить господина генерала?..

Майор коротко рассмеялся, и смех его был горьким. Это был не вызывающий сомнений ответ на предложение капитана. В нем заключалась критика, если не упрек.

— Мой дорогой, уважаемый Ратсхельм,— сказал майор,— у нас с вами единое мнение, что ничто, абсолютно ничто не должно нам помешать выполнить свой долг.— Капитан в знак согласия энергично кивнул головой.— И поэтому мы не должны просто молча мириться с сомнительным самоуправством. Уже только одно полуофициальное посещение женщиной наших казарм вызывает у меня беспокойство.

— У меня также! — согласился капитан.

— Даже своей собственной жене,— сказал майор веско,— я никогда не позволял присутствовать на занятиях наших фенрихов. Ибо подобные явления нарушают не только четко спланированный ход любого учебного процесса, но также и установленный военный порядок. Это вместе с тем является нарушением наших основных положений. И против этого протестует мое чувство солдата.

И опять Ратсхельм не мог с ним не согласиться. Майор был теперь уверен в себе. Капитан Ратсхельм был заведен им наподобие граммофона, а нужная пластинка лежала в готовности к проигрыванию.

— Итак, мой дорогой Ратсхельм, то, что нам теперь

необходимо, так это факты и еще раз факты! По возможности веские, неоспоримые факты! Поскольку только с теориями и предположениями мы не сделаем и шагу вперед. А вы как раз тот человек, который сидит у источников. Смотрите таким образом вокруг себя, прислушивайтесь ко всему внимательно и прикладывайте свою сильную руку, не размышляя, в тех случаях, как только представится подходящий момент. Вы понимаете меня?

— Во всех отношениях, господин майор,— заверил его капитан Ратсхельм.

— Я знал, что могу полностью на вас положиться, мой дорогой. И я также уверен, что не смог бы найти никого лучшего для решения подобной задачи.

— Моей жены нет дома? — спросил майор и посмотрел вокруг с надеждой.

— Она ушла к жене бургомистра,— ответила Барбара и взглянула заинтересованно на Фрея. То, что у него было особенно хорошее настроение, она определила сразу же.— Пройдет не менее двух часов, пока твоя жена вернется.

— Прекрасно, прекрасно,— сказал майор довольно.— Я от души приветствую это ее развлечение.

— Да,— ответила Барбара,— время от времени каждому необходимо немного развлечься.

Снимая шинель, майор посмотрел на племянницу своей жены как бы со стороны. При этом он подумал: «Смешная девушка — глаза как у коровы, и выглядит всегда немного неуклюжей и как будто усталой, но в то же время чувственной. Созрела для постели, так сказать. Да, вот была бы штука!»

— Тебе чего-нибудь надо? — спросила Барбара и посмотрела на него, слегка склонив голову.

— Что ты сказала? — переспросил Фрей смущенно.

— Не хочешь ли, например, кофе или рюмку коньяку?

— Нет, нет,— ответил майор облегченно.— Может быть, попозже. Сначала я намерен немного поработать.

— Я должна тебя после этого разбудить?

— Да,— сказал майор, слегка рассерженный такой прямотой.— Разбудить меня незадолго до прихода жены.

Майор прошел в свой рабочий кабинет, чтобы оттуда проследовать сразу же в спальню. Он лег на кровать, зевнул и довольно прищурился, глядя в потолок.

Его радужное настроение казалось ему достаточно обоснованным. Во время разговора с Ратсхельмом ему удалось показать шедевр дипломатии. С одной стороны, он высказал приговор, не указывая конкретно на личность осужденного и в то же время не оставляя никакого сомнения, кого он имел в виду. С другой стороны, он поставил целый ряд требований, не облекая их в форму прямого приказа. Задание, которое Ратсхельм тем самым должен был выполнить, было важным и обязывающим; его же, майора, ответственность за это практически была равна нулю!

— А ты ботинки-то снял? — спросила Барбара, стоя у двери.

— Не мешай мне,— сказал майор несдержанно,— я размышляю.

— Но это можно делать и без ботинок,— заметила Барбара.— Помочь тебе их снять?

— А может быть, сразу и штаны, а? — крикнул майор возмущенно.

— Почему бы и нет? — невозмутимо заявила Барбара.— Меня тебе нечего стесняться. Я же ведь знаю, как ты выглядишь в подштанниках.

— Убирайся! — заорал майор.— Свои ботинки я сниму сам.

— Только обязательно сделай это,— напомнила Барбара. — Ты же знаешь, как рассердится твоя жена, если ты измажешь постельное белье.

Майор смотрел ей вслед, когда она уходила. «Смотри-ка,— подумал он при этом,— у малышки хорошо развитые плечи и неожиданно узкая талия. А зад — как у лошади». В его устах это звучало как комплимент, так как майор питал слабость к лошадям.

Но здесь он принудил себя не следовать далее за таким ходом мыслей. Какой-нибудь истории с племянницей своей жены он, естественно, не мог себе позволить.

Он попытался сосредоточиться на других вещах, в частности, продумать новый специальный приказ. У него будет номер «сто четырнадцать». И касаться он будет вопроса сбережения и хранения зимнего обмундирования, в особенности при высоких летних температурах с учетом отсутствия консервирующих средств.

— Тебе не холодно? — спросила Барбара. Она опять

стояла у двери и смотрела на него своими коровьими глазами.

— Нет,— ответил он отсутствующе,— наоборот, жарко.

— Может быть, у тебя температура? — спросила она и подошла ближе.

— Нет, я чувствую себя нормально!

— В самом деле? — переспросила она почти с надеждой.

— Абсолютно! А теперь не мешай мне, пожалуйста, больше. Я хочу немного отдохнуть, черт побери! Или я не имею на это права?

— Нет, ты имеешь право абсолютно на все! — заверила Барбара и улыбнулась.— Я хотела принести тебе одеяло.

Майор, лежа на спине, посмотрел на Барбару. Все у нее было больших размеров и выглядело довольно-таки округлым. Майор тоже начал улыбаться.

Не то чтобы Фрей был неравнодушен к племяннице своей жены, но ему льстило, что к нему относятся с такой теплотой. Его притягательное воздействие на женщин было огромным. Впрочем, так оно было и всегда!

— Только между нами, Барбара,— сказал он и немного приподнялся,— как у тебя дела с мужчинами? Я имею в виду: ты уже кого-нибудь разглядела поближе?

— А что ты понимаешь под словом «поближе»?

— Ну, как тебе, например, нравится капитан Ратсхельм? Это была бы хорошая партия — не правда ли? И ты знаешь, твоя тетка приветствовала бы это.

— Но только не Ратсхельм! — воскликнула Барбара с ужасом.

— А почему, собственно, нет, Барбара? Что тебе в нем не нравится?

— Ну,— сказала Барбара открыто,— я не могу себе представить его в постели — я имею в виду в постели с женщиной.

Майор немного испугался. Он ожидал откровенности — но не такой же! Удивительная девушка! И он прожил с нею несколько месяцев под одной крышей и не разглядел ее!

— Обер-лейтенант Крафт был бы для меня более подходящим,— заверила его Барбара чистосердечно.— Но он уже занят. Он использует, как говорится, внутренние возможности.

— Что ты такое говоришь? — спросил майор немного испуганно, но в то же время заинтересованно.— Что он использует?

— Он крутит с этой Эльфридой Радемахер — и как! Говорят, даже в кино!

— Верится с трудом,— сказал майор. Тем самым он имел в виду, с одной стороны, то, что делал Крафт — а знание этого было ему очень на руку,— с другой же стороны, ему казалось непонятным то обстоятельство, что именно Барбара, которую он всегда считал телкой, была настолько осведомлена в этих вопросах.— Скажи-ка, откуда ты все это, собственно, знаешь?

— Да об этом все говорят.

— Где об этом говорят? Кто рассказывает тебе подобные вещи? С кем, собственно, ты беседуешь на подобные темы?

— Да с тобой, например, как вот теперь.

— Барбара, я должен рассказать об этом твоей тетке.

— Зачем? Ты хочешь вызвать в ней подозрительность?

— Оставь меня в покое! — крикнул он ей раздраженно.— С меня достаточно!

— А чего же ты хочешь,— сказала Барбара доверчиво.— Ты спросил, я ответила. И еще я сказала тебе, что считаю обер-лейтенанта Крафта мужчиной. Так в этом же ничего нет особенного. Тебя я тоже считаю мужчиной — разве это действительно так дурно?

— Убирайся, Барбара! Или я не ручаюсь за себя!

— Действительно? — спросила она.

— Уходи немедленно! Я устал, я хочу спать.

— Это другое дело,— сказала Барбара и вышла.

— Прошу чувствовать себя непринужденно, господа! — крикнул капитан Ратсхельм трем своим офицерам-воспитателям.— Не обращайте на меня, пожалуйста, никакого внимания. Я здесь не как начальник потока, я пришел лишь немного позаниматься спортом.

Капитан Ратсхельм в плотно сидевших брюках и рубашке без рукавов смешался со своими фенрихами.

— Если я не нарушу ваши планы, господа, я предложил бы сейчас сыграть в мяч.

— Само собой разумеется, господин капитан,— сказал обер-лейтенант Веберман, являвшийся старшим сре-

ди трех офицеров-воспитателей шестого потока. Он пронзительно свистнул и крикнул: — Игра в мяч.

Фенрихи образовали немедленно противоположные группы и команды. Народный мяч, ручной мяч и итальянская лапта.

Капитан как бы совершенно случайно присоединился к фенрихам подразделения «Хайнрих». Посвященные ожидали этого. Но на этот раз он предпринял, как он сам считал, умный и удавшийся ему шахматный ход. Он стал играть против команды, в которой находился его явный любимец, «коллега» по спорту Хохбауэр.

Тем самым Ратсхельм получил возможность смотреть прямо в глаза Хохбауэру, игравшему против него. К тому же он мог любоваться точной и элегантной реакцией этого замечательного молодого человека.

Конечно, капитан выиграл уже первую игру. Хохбауэр воспринял свое поражение и поражение своей команды с достоинством. Он даже дал понять, что ему доставляет удовольствие проигрыш такому великолепному противнику. Столь примерным, думал Ратсхельм, был спортивный дух этого фенриха.

Обер-лейтенант Крафт невозмутимо смотрел на эту оживленную возню. Считая, что его подразделение находится в надежных руках, он отошел к лейтенанту Дитриху, чтобы немного поболтать с ним. Это им удалось без особых трудностей, так как подразделение Дитриха играло против подразделения обер-лейтенанта Вебермана. А у Вебермана хватало выдумки и выдержки, чтобы держать в постоянном движении обе команды играющих.

— Мой дорогой Крафт,— сказал лейтенант Дитрих, когда оба без помех бродили по спортплощадке,— задумывались ли вы когда-нибудь о том, почему наш начальник потока проявляет такую любовь к спортивным мероприятиям?

— А вы об этом думали, Дитрих? — спросил Крафт заинтересованно.

— Разумеется,— ответил тот весело.— И я, по-видимому, пришел к тому же результату, что и вы. Но, как и вы, я считаю целесообразным об этом молчать. Или, может быть, у вас другое мнение по этому вопросу?

— В данное время — нет, мой дорогой Дитрих,— ответил обер-лейтенант задумчиво и задал совершенно открыто вопрос: — Почему вы хотите меня предупредить?

— Может быть, из чисто товарищеских побуждений,—

сказал Дитрих не менее открыто, и ироническая усмешка появилась на его интеллигентном лице.— А может быть, чтобы напомнить вам, что вы здесь всего-навсего один из нескольких десятков офицеров и что в действительности существует нечто вроде духа офицерского корпуса школы.

— Не надо так, дорогой Дитрих, — возразил Крафт. — Вы же ведь не имеете в виду собственное гнездо, которое не следует пачкать? В таком случае вы обратились не по адресу. Может быть, вам лучше обратиться к капитану Ратсхельму?

Всегда несколько замкнутый, лейтенант Дитрих был одним из самых тихих среди громкоголосых и суетливых инженеров войны, человеком умным и образованным. И поэтому он сказал спокойно:

— Я имею в виду только то, что все мы имеем слабости. Решающим же является не то, что эти слабости вообще имеются, а то, в состоянии ли мы их побороть.

Офицеры вынуждены были прервать разговор, ибо капитан Ратсхельм закончил свои занятия — на десять минут раньше обычного. Партия в итальянскую лапту завершилась с прекрасным круглым результатом — лучшего окончания предобеденных спортивных занятий трудно было себе представить.

— Все под душ! — крикнул капитан фенрихам.

То, что капитан Ратсхельм мылся со всеми под душем, было обычным явлением. Фенрихи воспринимали это не без удовольствия из чисто практических соображений, поскольку даже принятие душа осуществлялось на основе тщательно разработанной инструкции: горячую воду предписывалось экономить,— начальник же потока мог допустить исключения. В большинстве случаев Ратсхельм именно так и делал и был поэтому желанным гостем у фенрихов.

Порядок принятия душа был изложен в специальном приказе номер пятьдесят три и предусматривал следующие положения: пользователи становились под душ, в течение двух минут им подавалась горячая вода для намыливания головы и тела, после этого, так же в течение двух минут, вода подавалась сначала теплая, а затем все более холодная и достигала восемнадцати градусов, ниже этого она не опускалась.

Если капитан Ратсхельм находился лично в одной из групп моющихся, то установленное время беззаботно превышалось. Тогда он подавал команды: пустить воду — открыть краны — поднять температуру воды — поддерживать температуру. И то, что обычно совершалось за пять — семь минут, в таких случаях продлевалось до полной четверти часа.

— Пустить воду! — крикнул Ратсхельм.— Открыть полностью кран горячей воды!

Ратсхельм был человеком, который любил чистоту. Для него кипенно-белый платок был верным признаком культуры. Белый цвет был его любимым цветом — кипенно-белый, белый как снег, молочно-белый.

Здесь, среди своих дорогих фенрихов, он вдыхал чистую, приближающую к природе свежесть. Сено на лугу, стакан парного молока, озерная вода в камышах — обычные явления для простого человека, ему же было дано воспринимать все это с первобытной радостью.

— Держать напор воды! — крикнул он.— Температура — тридцать градусов!

Хохбауэр стоял рядом с ним. Они улыбнулись друг другу сквозь завесу из брызжущих капель воды. И эта улыбка свидетельствовала о мужской радости, вызываемой совместными действиями. Юношеские фигуры фенрихов — как стена из тел вокруг слегка располневшей фигуры своего капитана! Фыркая, смеясь, отпуская веселые словечки, предназначенные лишь для мужского уха,— так они резвились в общей массе. Сколь прекрасен вид такой товарищеской обнаженности!

— Перекрыть воду! — крикнул Ратсхельм.— Намылиться!

И пока они намыливали и массировали мокрые тела, Хохбауэр сказал своему обожаемому начальнику:

— Удар, принесший господину капитану пятое очко, не смог бы удержать никто. Никто!

— Да, он был не из плохой серии,— ответил Ратсхельм. И протянул фенриху свой кусок мыла, более лучшего качества и сильнее парфюмированный.— Берите, пожалуйста, Хохбауэр, и передайте дальше, другим.

Фенрихам очень пришелся по душе этот жест; тем более что мыло капитана, по всей очевидности, было из французских трофейных запасов. Их же мыло почти совсем не мылилось и распространяло резкий запах дезинфекции — по-видимому, оно было изготовлено из па-

дали, и хорошо, если только из трупов животных! Во всяком случае, мыло капитана Ратсхельма было гвоздем программы стоявшей под душем группы фенрихов — оно таяло, как снег на плите очага.

Капитан радовался тому, что смог доставить удовольствие своим дорогим подопечным. Сам вид как бы оттаявших под воздействием горячих водяных масс фигур вызывал в его душе теплоту.

— Может быть, нам следовало бы создать в нашем потоке собственную сборную команду, господин капитан,— продолжил фенрих Хохбауэр, намыливая себе под мышками.— Во главе с господином капитаном, естественно. Я уверен, что подобная команда была бы непобедимой во всей военной школе.

— Неплохая идея, Хохбауэр,— ответил капитан Ратсхельм одобрительно.— Об этом нам следует поговорить — лучше всего сегодня же вечером. Приходите ко мне, а предварительно составьте список команды. У меня такое чувство, что дело может стоить того.

— У меня такое же чувство, господин капитан,— преданно поддакнул Хохбауэр.

— Пустить воду полностью! — крикнул Ратсхельм.— Дать максимальную температуру!

— Вы выглядите в последнее время немного усталой,— сказал капитан Катер Эльфриде Радемахер.

— А это, по вашему мнению, мешает работе?

— Ни в коем случае, дорогая фройляйн Радемахер. Пожалуйста, поймите меня правильно. Это не упрек, а просто констатация факта — следствие, так сказать, дружеской озабоченности.

— В этом нет никакой необходимости, господин капитан,— заверила его Эльфрида.— Есть ли у вас еще вопросы ко мне — я имею в виду по службе?

Эльфрида стояла напротив капитана, командира административно-хозяйственной роты. Катер сидел глубоко в кресле за письменным столом. Он смотрел на свою секретаршу, доверительно щурясь.

— Фройляйн Радемахер,— сказал он затем,— присядьте, пожалуйста. Нам необходимо обговорить еще некоторые мелочи.

— Пожалуйста,— ответила Эльфрида. Она села опять на свой стул, на котором обычно сидела, когда капитан

пытался ей что-либо диктовать. В большинстве случаев, однако, он исчерпывал свою мысль несколькими тезисами. Но этого вполне хватало. Обычно в ходу было не более двух десятков стандартных писем, и Эльфрида знала их все.

— Как я уже сказал,— продолжал Катер, потирая руки,— у меня в последнее время такое чувство, что вы мало щадите себя. Вы слишком много работаете! Вы могли бы здесь, на работе, делать и поменьше. Может быть, вам следует ввести перерыв, чтобы выпить немного кофе, поговорить по телефону или даже сделать то, на что имеется настроение. Более спокойная рабочая обстановка — что вы на это скажете? Это могло бы благотворно сказаться и на вашей личной жизни, не правда ли?

— Что это должно означать, господин капитан? Не хотите ли вы сократить объем работы или же увеличить штаты?

— У вас светлая головка, фройляйн Радемахер. Я это всегда чувствовал.

— Таким образом, вы собираетесь увеличить штаты вашего подразделения, господин капитан?

— Чтобы немного разгрузить вас, фройляйн Радемахер. А может быть, чтобы сделать приятное моему дорогому другу Крафту.

— Ага,— сказала Эльфрида.— А я даже знаю, кого вы хотите взять. Ирену Яблонски, не так ли?

— Вы великолепны,— рассмеялся звонко Катер, чтобы скрыть свое удивление.— Но в том-то и штука, что мы знаем довольно много друг о друге. Таким образом, вы догадались! Мы возьмем эту Ирену Яблонски к нам. Согласны?

— А что вы ожидаете от этого, господин капитан?

— Довольно много,— ответил он с подъемом.— Прежде всего я буду способствовать росту подрастающего поколения и дам возможность молодым силам проявить себя. Принцип оценки работы по ее результатам, фройляйн Радемахер. Это — требование нашего времени.

— Боюсь, однако, что Ирена не сможет делать что-либо другое, кроме работы на кухне. Она ведь не машинистка и не секретарь.

— Ну да, но она очень хочет учиться. Я уверен, что ее можно научить очень многому.

— Она еще очень молода, господин капитан Катер.

— Но это ведь не недостаток. Или?..

— Ирена Яблонски, по сути, еще ребенок.

— Но это может быть и преимуществом. Кроме того, малышке уже восемнадцать лет. Чего же вы хотите, фройляйн Радемахер? Вместо того чтобы быть мне благодарной за то, что я хочу разгрузить вас по работе, вы выдумываете проблемы, которых на самом деле нет.

— Для вас, по-видимому, нет, господин капитан.

— Что это значит? — спросил Катер уже раздраженно.— Вы что, возражаете против того, чтобы эта Ирена Яблонски поступила на работу в наше подразделение?

— О, совершенно напротив, господин капитан, я приветствую это!

— А что это снова означает?

— Это означает, что вы сделаете мне любезность, если возьмете сюда Ирену Яблонски.

— И этим я сделаю вам любезность?

— Конечно же! Ибо, видите ли, господин капитан, я чувствую себя ответственной за Ирену. Ей нужен кто-то, кому она могла бы довериться и кто присматривал бы за ней. А это я смогу сделать особенно хорошо, если она будет работать здесь, со мною. Такую возможность вы даете — и поэтому я вам благодарна. И вы убедитесь, господин капитан, что я буду следить за Иреной, как львица за своим львенком.

— Фенрих Хохбауэр прибыл по вашему приказанию, господин капитан!

— Прошу вас, мой дорогой,— сказал Ратсхельм,— не будьте столь формальны! Рассматривайте ваше пребывание здесь как, скажем, дружеский визит.

— Охотно, господин капитан. Очень благодарен.

— Присаживайтесь, мой дорогой. Истинное товарищество не знает разницы в званиях — и в то же время уважает их всегда. Это вопрос такта — а им вы обладаете. Итак, ближе, Хохбауэр, еще ближе!

Капитан Ратсхельм принял курсанта в своем кабинете: скудная обстановка, как, впрочем, и во всех других помещениях, но значительно украшенная умелой рукой. На столе лежала цветная крестьянская скатерть с Балкан. Подушка сине-бело-красного цвета была, по-видимому, вывезена из Франции. Россия добавила к обстанов-

ке самовар, на дне которого теперь горели угли — капитан готовил себе и своему посетителю чай.

Когда они выпили по чашке, Хохбауэр позволил себе сказать, что напиток был очень вкусным.

— Это, без сомнения, зависит от приготовления! — добавил он.

Ратсхельм с улыбкой принял комплимент, а затем рассказал, что этот чай из Индии, он был конфискован в Голландии и продан в Бельгии торговцами черного рынка в военный магазин, оттуда — обратно спекулянтам, а уж они перепродали его неким девушкам, одна из которых являлась постоянной приятельницей одного из его друзей.

— Неряшливое и неопрятное существо, до которой мне не хотелось дотрагиваться даже каминными щипцами. Но поскольку она постоянно говорила мне, что подарит все, что я обожаю, я взял в конце концов ее чай.

Фенрих Хохбауэр засмеялся, хотя и негромко, и сказал:

— Женская лабильность еще не полностью соответствует великим этическим требованиям нашего времени, которое можно поистине назвать героическим.

— Точно,— подтвердил Ратсхельм,— мы живем в эпоху всего абсолютно мужского.

— И поэтому стоит жить на свете! — произнес Хохбауэр торжественно.

Капитан кивнул головой и тяжелым движением положил руку на плечо своего посетителя в знак молчаливого согласия. Скупая, грубая нежность охватила его. И Хаген фон Тронье, думал он, так же однажды положил свою тяжелую руку на плечи соратников и притянул их к себе, чтобы они были ближе к его сердцу, которое билось для них и борьбы.

Они помолчали некоторое время. Капитану казалось, что он чувствует волны чистой гармонии. Но от его внимания не ускользнула тяжелая, почти мрачная серьезность, которая, казалось, лежала темной тенью на его дорогом госте. И после нескольких ничего не значащих слов о сборной команде и плане тренировок для сыгранности Ратсхельм спросил с явно выраженным участием:

— Что вас, собственно, угнетает, дорогой Хохбауэр?

— Господин капитан хороший психолог,— сказал

фенрих, смущенный и удивленный в одно и то же время.

— Да,— ответил Ратсхельм,— я обладаю способностью восприятия чувств доверенных мне солдат. Я знаю обычно больше, чем я говорю. А в вашем особом случае, мой дорогой Хохбауэр, от меня не ускользнуло, что вы в последнее время, в особенности в последние дни, производите впечатление не слишком счастливого человека.

Хохбауэр слегка наклонил свою красивую голову и ответил как бы после глубокого раздумья:

— Смерть лейтенанта Баркова касается меня в большей степени, чем это кажется на первый взгляд, то есть не смерть сама по себе, поскольку для каждого солдата она должна являться почти само собой разумеющимся явлением. Меня беспокоит то, что ныне предпринимаются усилия, не оставляющие мертвых в покое. И поскольку я знаю, что господин капитан любит искренность и прямоту,— в этом месте Ратсхельм кивнул головой в знак согласия,— я вынужден, к сожалению, сказать, что обер-лейтенант Крафт, мне кажется, предпринимает все необходимые меры, чтобы выяснить обстоятельства смерти лейтенанта Баркова.

— Ага,— сказал капитан Ратсхельм и отчетливо дал понять, насколько его заинтересовал этот вопрос. Вместе с тем он добавил: — А что же, собственно, там еще выяснять? Ведь расследование уже закончено — в том числе и военно-судебного характера, которое я, впрочем, всегда считал излишним, но которое по положению дел было, очевидно, неизбежным.

— Господин обер-лейтенант Крафт, по-видимому, сомневается в представленных официально результатах расследования.

— Что? Он сомневается в результатах военно-судебного расследования? Но это же невозможно! Он это сказал?

— Нет, господин капитан, отчетливо об этом никогда не говорилось. Но я абсолютно уверен, что господин обер-лейтенант Крафт занимается всеми подробностями, приведшими к смерти лейтенанта Баркова.

— Невероятно,— заметил Ратсхельм, качая головой.— Просто абсурдно! Что это значит? Какую цель он преследует?

— Господин обер-лейтенант Крафт ищет, по-видимому, виновного, господин капитан. И я никак не могу от-

делаться от мысли, что это я — то лицо, которое он ищет.

— Это просто невероятно! — выкрикнул Ратсхельм.— Ведь нет ни малейшего факта, который говорил бы о том, что эта смерть не является результатом обычного несчастного случая.

— К сожалению, господин капитан,— ответил Фенрих приглушенным голосом,— при определенных условиях подобный факт может быть сконструирован.

— Но не против же вас, мой дорогой Хохбауэр!

Фенрих ответил таким тоном, в котором, казалось, звучало искреннее сожаление:

— Между лейтенантом Барковом и мною были, к сожалению, довольно-таки натянутые отношения уже с самого начала, этого я отрицать не могу. И господин обер-лейтенант Крафт установит это рано или поздно — если уже не знает об этом.

— Мой дорогой Хохбауэр, напряженность, как известно, может привести к улучшению результатов и даже достижению наилучших показателей. Только противоречия приводят к появлению больших гармоний.— Капитан Ратсхельм вслушивался в свои собственные слова не без приподнятого чувства и удовлетворения тем, что в состоянии дать такой отличный ход мыслям.

— Однако имеются противоречия, господин капитан, которые являются непреодолимыми — наподобие тех, из-за которых мы взялись вести эту войну. Не правда ли, господин капитан, для немца не должно быть никаких противоречий с Германией?

— Конечно же нет! — воскликнул Ратсхельм убежденно.— Тот, кто не за Германию, не может быть немцем!

— А наш фюрер — это Германия, не так ли?

Капитан Ратсхельм подтвердил это с большой готовностью. Такой образ мышления был привит ему, и он в это верил, как и миллионы других. Ничто не казалось ему более само собой разумеющимся, чем это: фюрер, рейхсканцлер, верховный главнокомандующий вермахта — он олицетворял Германию! Так же как кайзер — империю, Фридрих Второй — Пруссию. В этом нечего было изменять. Все остальное было государственной изменой. А измена должна, совершенно ясно, караться смертью.

На этом месте Ратсхельм споткнулся. Здесь полет его

фантазии остановился: он сам дал ей такую команду. Вид Хохбауэра облегчил ему принятие этого решения: такой был способен лишь на благородные поступки! По-другому и быть не могло.

— Я не мог этому поверить,— сказал фенрих с трогательным, почти беспомощным выражением — поистине Эгмонт, полный печали о несовершенстве мироздания,— но лейтенант Барков осмеливался говорить о нашем фюрере с неуважением, не говоря уже о почитании или любви. И хуже того: он высказывал сомнения в способностях нашего фюрера, критиковал его и, в конце концов, даже стал поносить его.

— Это ужасно,— сказал Ратсхельм. И попытался представить себе Хохбауэра в этой страшной обстановке: благородный юноша, наполненный чисто шиллеровскими идеалами — «Соединись с отечеством, самым дорогим, что есть на свете!» — воодушевленный огненным дыханием Кёрнера — «Ты, мой меч с левого бока, что означает твое ясное мерцание?» — закаленный бодрым мировоззрением Фихте, Арндта, Штейна — «Не стоит никакого уважения нация, которая не отдает с радостью всего во имя своей чести!» — это дух, которым была наполнена немецкая молодежь. С ним она спешила под знамена и устремлялась к высоким и высочайшим поступкам и делам; юноши хотели стать офицерами фюрера и принять деятельное участие в решении проблем, выдвигаемых благородным величием времени, решающим часом истории, возвышенным моментом, в который решалась судьба всего мира. И при этом они натолкнулись на какого-то лейтенанта Баркова.

— Да, это действительно ужасно,— повторил Ратсхельм. Ему было необходимо время, чтобы немного успокоиться. Затем он спросил: — Но почему, мой дорогой Хохбауэр, вы не пришли с этим ко мне раньше?

И Хохбауэр, который теперь понял совершенно отчетливо, куда ему нужно клонить, сделал с ходу второе прямое попадание. Он объяснил, склоняя свою белокурую голову:

— Мне было стыдно за все это.

Это заявление наполнило душу капитана Ратсхельма восторгом. Его сердце немецкого солдата забилось сильнее и чаще, его грудь, полная возвышенного чувства товарищества, вздымалась, и скупая слеза показалась на его добрых голубых глазах.

Капитан встал, торжественно подошел к Хохбауэру, положил ему — родственной душе, брату по духу, соратнику по борьбе за истинную Германию — с любовью руку на юношеские плечи и сказал с мужской простотой:

— Мой дорогой юный друг, я стыжусь всего этого вместе с вами. И не только это — вы можете быть вполне уверены, что я понимаю вас и ценю ваше поведение, а также разделяю ваши чувства. И не бойтесь: пока я у вас, вы можете всецело рассчитывать на меня. В этом вопросе, если возникнет необходимость, мы будем бороться вместе, плечом к плечу,— до окончательной победы!

ВЫПИСКА ИЗ СУДЕБНОГО ПРОТОКОЛА № VI

БИОГРАФИЯ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА ЭРНСТА ЭГОНА МОДЕРЗОНА, ИЛИ ДУША СОЛДАТА

Фамилия и имя: Модерзон Эрнст Эгон. Время и место рождения: 10 ноября 1898 года, Планкен, район Штум. Родители: отец — Модерзон Максимилиан, управляющий имением Планкен; мать — Цецилия Модерзон, урожденная фон Кнобельсдорф-Бендерслебен. Детство и первые школьные годы провел в Планкене, район Штум.

Большие, белые, как полотно,— так выглядят стены моей комнаты. Обстановка ограничена самым необходимым: стол, стул, табуретка, шкаф, комод, кровать, рукомойник. Все из грубого, неотесанного дерева, тяжелое и массивное, неклееное, без единого гвоздя, только на шпунтах. На стенах ни одной картины. Через узкое окно виден маленький хозяйственный двор, прилегающий непосредственно к помещичьему дому. Оттуда в мою комнату доносятся шумы рабочего дня: бряцанье ведер и бидонов, ржание лошадей, голос кучера, кричащего на животных.

«Каждый,— говорит мой отец,— имеет собственную задачу, которая должна выполняться». Он говорит это не тоном требования, увещевания или приказа, а как о само собой разумеющемся деле. Первая моя задача, о которой я могу вспомнить, касается Хассо — охотничьей

собаки. Мне пять лет, и я должен один раз в день чистить, расчесывать и приводить в порядок Хассо — в течение примерно десяти минут. После этого мне надлежит показать Хассо отцу, а в его отсутствие — матери; если же нет и ее, то батраку Глубалке, который следит за лошадьми отца. «Эрнст,— говорит Глубалке мне,— каждое животное должно чувствовать, что за ним кто-то ухаживает и заботится о нем — это главное. Если этого не будет, то оно становится запущенным и дичает. И с людьми дело обстоит так же».

«Сегодня прибывает племенной бык из Зарница»,— сообщает отец за обедом и бросает взгляд на мать. Та хочет что-то сказать, но не говорит. После этого отец обращается ко мне: «Ты будешь помогать мне держать коричневую корову». «А он для этого не слишком мал?» — спрашивает мать. «Ты имеешь в виду,— отвечает отец,— что Эрнст еще недостаточно силен, чтобы держать корову, которую будет покрывать бык? Так я же буду ему помогать». Так происходит это, как и все остальное, что говорит отец, которого люди в поместье называют не иначе как «господин майор». А племенной бык из Зарница оказался сильным и диким и взбирался на корову так тяжело, что потребовались все мои усилия, чтобы держать ее. И моя куртка была вся забрызгана пеной, которая капала с морды коровы.

В круг моих обязанностей входит также поддержание чистоты и порядка в моей комнате. Каждое утро я проветриваю постель. Каждый вечер наливаю свежую воду в два кувшина. Отец указывает, насколько широко должно быть открыто окно ночью. Мытье полов является, однако, делом Эммы, одной из наших служанок. Летом я встаю в шесть часов, а зимой — в семь и ложусь спать в восемь или соответственно девять часов вечера. Иногда отец поднимает меня среди ночи, когда, например, жеребится кобыла, или благородные олени забираются в наш огород, или как тогда, в 1906 году, когда горел каретный сарай. Утром следующего дня мне разрешается поспать подольше, ровно столько, сколько времени заняло ночное происшествие.

Отец говорит мало, а мать — еще меньше в присутствии отца. Если она остается одна, то иногда поет, и голос у нее прекрасный. Но истории она мне не рассказывает — это делает Глубалке, если поблизости нет отца и матери и работа уже закончена. Глубалке рассказывает

о войне и кайзере и о своем брате, который зарубил свою жену. «Он ударил ее в висок,— рассказывает он,— и не чем иным, как топором. Ибо она его обманула, а когда один человек обманывает другого, его нужно ударить топором по черепу. Это и есть справедливость».

«И это действительно справедливость?» — спрашиваю я отца. А он отвечает: «Это — справедливость батраков и слуг!»

У учителя Франзена голос как у старой бабы. При этом ему не более двадцати пяти лет, и у него светло-голубые глаза и розовая, как у поросенка, кожа. Руки его находятся в постоянном движении, и иногда кажется, что они летают одна вокруг другой, как птицы. Он не ходит — кажется, что он ползает. «Он боится меня»,— говорю я отцу. «Чепуха,— отвечает он,— с чего ты это взял?» «Он боится меня, — говорю я, — потому что я твой сын — сын управляющего поместьем».

На следующий день отец приходит в школу с хлыстом в руке. Голос Франзена повизгивает, как у собаки, когда отец разговаривает с ним. Его спина согнута, как лук, а руки дрожат, как листва тополя. «Господин Франзен,— говорит ему отец, когда мы остаемся втроем в пустом классе,— вот это — ваш ученик. А то, что он к тому же является моим сыном, не должно вас беспокоить. Он должен учиться! И он должен учиться еще и послушанию тем, кто является для него авторитетом и властью. Вы можете быть тряпкой, господин Франзен, но для него вы являетесь авторитетом, представителем вашего ведомства. Действуйте, исходя из этого. А ты, Эрнст, должен с этим считаться».

Я сижу на тех же скамьях, что и ребятишки из деревни. Мой кусок хлеба, который я съедаю во время перерыва, не больше, чем у них. Я и одет не лучше, чем они. К тому же я не только учусь вместе с ними, но и выполняю совместно с ними домашние задания. Отец выражает желание, чтобы я принимал участие в их играх. Мы выпускаем в озеро рыб, пробираемся ползком по трубам, проложенным под железнодорожным переездом, запруживаем ручей и затопляем в результате этого луг. «Эрнст,— говорит мне отец,— вы причинили значительный ущерб. Ты присутствовал при этом?» «Да, отец»,— отвечаю я. «Ты мне назовешь имена мальчишек, принимавших участие в этом деле, если я тебя об этом попрошу?» — «Я назову их имена, отец, если ты будешь на

этом настаивать,— но я прошу тебя: не настаивай на этом». «Хорошо, мой сын,— говорит отец,— вопрос исчерпан, ты можешь идти».

Народная школа в Планкене, район Штум,— в возрасте от 6 до 10 лет (1904—1908 годы). Гимназия имени кайзера Вильгельма в Штуме — с 10 до 18 лет (1908—1916 годы). Там же — сдача экзамена на аттестат зрелости. В 1916 году — запись добровольцем в армию.

Из лета в лето происходит, рассматривая чисто внешне, все то же самое. В 5.00 подъем. В 5.45 завтрак. В 6.10 выход из дома и трехкилометровый марш до железнодорожной станции Ромайкен. С 6.52 до 7.36 поездка в пассажирском поезде, в вагоне IV класса, из Ромайкена до Штума. С 8.00 до 1.00 пополудни занятия в гимназии имени Кайзера Вильгельма в Штуме. С 1.00 до 3.00 пополудни выполнение домашних заданий первой срочности в зале ожидания III и IV классов на железнодорожной станции Штум. С 3.07 до 3.51 пополудни возвращение из Штума в Ромайкен поездом, далее пешком в Планкен. Прибытие туда около 4.30 пополудни. Здесь завершение школьных заданий, инструктаж отца, связанный по большей части с обходом конюшен и хлевов, ужин, отход ко сну. И так изо дня в день в течение всего лета.

В зимние месяцы — каждый раз с начала ноября до конца февраля — я нахожусь в школьном пансионате «Виктория» в Штуме по Шиллерштрассе, 32. Владелицей этого пансионата является фрау Ханнелоре Рормайстер, вдова офицера. Жизнь, текущая строго по регламенту,— с утра в понедельник до обеда в субботу — в точном соответствии с планом, включая присмотр за выполнением домашних заданий. С обеда в субботу до раннего утра в понедельник — нахождение в Планкене, в родительском доме.

Кроме меня в той же самой комнате находятся еще трое. Кровати — в два яруса. Курение запрещено. Употребление алкоголя грозит исключением из пансионата. В десять часов свет тушится. Прием пищи осуществляется совместно. У каждого свое собственное рабочее мес-

то, размером в два квадратных метра, точно вымеренных, границы обозначены белой полосой, нанесенной в свое время на деревянную поверхность общего стола. Каждые четыре недели фрау Рормайстер, владелица пансионата и вдова офицера, пишет нам свидетельства о поведении, которые должны быть показаны дома и подписаны родителями.

«Эрнст Модерзон,— говорит мне фрау Рормайстер, когда однажды я являюсь по ее вызову к ней в комнату,— ты порядочный и надежный парень, и я ценю это». Я ничего не отвечаю. «Я считаю,— продолжает она,— что тебе можно доверять». Я опять молчу. «И поэтому,— говорит она дальше,— принимая это во внимание, я намерена назначить тебя своим доверенным лицом в вашей комнате». «А каковы обязанности этого доверенного лица?» — спрашиваю я. «Ну,— отвечает она,— он пользуется моим доверием. Он помогает мне следить за порядком. Он следит за тем, что другие делают и говорят, и докладывает мне затем об этом». «Сожалею,— говорю я,— но эта задача мне не подходит».

«Все в жизни имеет собственную цену,— говорит доктор Энгельгардт.— За каждое слово, которого вы не будете знать, полагается удар по заду. Посмотрим, кто будет держать рекорд». Рекорд остается за Фусманом. Не проходит ни одного урока латинского языка, на котором он не получил бы по меньшей мере пяти ударов по заднему месту. «Я никогда не позволю себя ударить»,— заявляю я. «Тебе хорошо говорить,— замечает Фусман,— ты и так все знаешь».

Кисть левой руки отца представляет собой кровавую кашеобразную массу. Его лицо белое как снег. Он поскользнулся и попал рукой в работающую соломорезку. «Разрежьте мне рукав,— говорит он.— И рубашку тоже. Принесите чистую простыню. Завяжите руку! И немедленно запрягайте лошадей: мне нужно к врачу». Это все, что он говорит. Он держится еще более подтянуто, чем обычно. Неделю спустя он уже опять стоит посредине двора. О том, что его левая рука навсегда изувечена, он никогда не упоминает — и никто другой также об этом не говорит.

«Модерзон,— говорит доктор Энгельгардт, обращаясь ко мне,— встань! Я убежден, что ты мужественный парень». Энгельгардт только что вошел в классную комнату. Он подходит ко мне вплотную и говорит: «Как я

только что вычитал в последнем списке потерь, твой отец, майор Модерзон, храбро сражался в битве на Мазурских болотах и навечно остался на поле брани. Ты можешь гордиться им. Господин директор разрешил тебе три дня отпуска».

«Мама, — сказал я,—как только это будет возможным, я тоже запишусь добровольцем в армию». «Зачем?» — только и спросила она. «Этого я не могу тебе сказать. Но я должен так сделать. Отец ведь сделал так».

1916 год — начальная подготовка в 779-м пехотном запасном батальоне. Назначение в 18-й пехотный полк в Грольман. Первое участие в боевых действиях на Западном фронте, в районе Дюмона, осенью 1916 года. 18.1.1918 года присвоено звание лейтенант. После окончания войны — возвращение в Планкен, район Штум. Работа в качестве полевого инспектора.

«Модерзон?» — спрашивает полковник Тресков задумчиво. Я стою перед ним весь забрызганный грязью, в рабочем обмундировании, мокрый от пота. Полковник Тресков, у которого одна нога на деревяшке, инспектирует рекрутов. «Модерзон? — спрашивает он еще раз.— У меня был камерад, которого звали так же. Майор Модерзон из Планкена». «Это был мой отец, господин полковник»,— отвечаю я. «Он был хорошим товарищем,— говорит полковник Тресков.— Старайтесь быть достойным его». И ковыляет на своей деревяшке прочь.

Трактир называется «Под прусским орлом». Хозяин его — дядя одного из моих друзей. Мы отмечаем наше отправление па фронт. Среди нас несколько девушек; на некоторых, тех, что пришли из лазарета, платья сестер милосердия. Мы пьем вино. Освещение тусклое. Голоса звучат громко. Рядом со мною девушка, она прижимается ко мне. «Пошли,— говорит она,— выйдем на улицу». «Я останусь со своими коллегами», — отвечаю я. «Я тебе не нравлюсь?»—спрашивает она. «Нет»,—говорю я. И это правда. Но она не переносит правды. И она говорит: «Кто только теперь не становится солдатом!» Ей бесполезно объяснять, что солдатом, собственно, стать невозможно — им можно быть или не быть. Больше по этому вопросу ничего не скажешь.

Бледный лунный свет. Кратерный ландшафт. Коварная тишина. Осветительные ракеты, взлетающие, шипя, в высоту и тухнущие, мерцая. Сладковатое зловоние трупов. Передо мной в застывших руках — холодный пулемет. Рядом со мною товарищ, положивший голову на руки,— он спит или убит. У меня постепенно появляется ощущение, что за мной молча, неподвижно и призывно стоит человек — мой отец.

Полковник Тресков находится рядом со мной с часами в руках. «Еще семь минут,— говорит он,— тогда будет пора». Он уже два дня на фронте, принял полк и намерен вести его в наступление на высоту 304. Он карабкается на прислоненную к стенке окопа лестницу. «Еще одна минута». Затем рывком поднимается, выпрямляется и ковыляет в сторону противника два-три шага — и тут он вздрагивает, шатается и падает. Я бросаюсь к нему и падаю рядом. Он хрипит: «Никогда не признавать себя побежденным, мой боевой камерад Модерзон, никогда не сдаваться!» И умирает.

Шампанское! Последние бутылки, появившиеся из самых укромных уголков. В мою честь. Поношенный, изрядно потрепанный, пропитанный кровью китель, тщательно вычищенный, с погонами лейтенанта. Вокруг меня офицеры, серьезные, торжественные. «Камерад!» — обращаются они ко мне. Звенят стаканы. Кайзер, империя, отечество! Конец, стоящий уже у двери, кажется еще далеким, далеким. Никакой печали. Сознание вечности истинных ценностей.

«А теперь,— говорит мне несколько часов спустя знакомый ротмистр,— вы, боевой друг, можете отправиться в офицерский бордель, если хотите. Вы хотите?» «Нет»,— отвечаю я.

Возвращение в Планкен. Место отца занял другой управляющий. Мать живет в доме садовника, там есть комната и для меня. «То, что ты жив, мой мальчик,— говорит мать,— это — главное». Все вокруг меня тесное и чужое, родина уже не такая, как была прежде.

Все, кажется, стало другим. Но не то, что есть в нас.

1919—1921 годы — полевой инспектор в Планкене, район Штум. 1921 год — поступление на службу в одно из тех подразделений, из которых возник рейхсвер. Позднее — назначение в 3-й пехот-

ный полк в качестве лейтенанта. В 1926 году присвоено звание обер-лейтенанта, в 1930-м — капитана, в 1934-м — майора, в 1937-м — подполковника, в 1939-м — полковника, в 1940 году — генерал-майора.

Народ, живущий в несчастье, становится больным. Напряжения большой войны оказались слишком большими. Люди захирели — жадные до наживы, малокровные, слабые. Жить только сегодняшним днем кажется им единственно достойной целью. Города разлагаются, страна истекает кровью. Мать молчит еще больше, чем раньше. Алчность видна на лицах обывателей, их глаза дерзко горят от бесстыдства. «Почему ты не хочешь спать со мной?» — спрашивает меня жена управляющего, который занимает пост моего отца. «Потому, что ты вызываешь у меня отвращение»,— отвечаю я ей. И думаю: «Потому, что ты являешься частицей великой бессмыслицы в стране, за которую пали миллионы людей».

Четыре события произошли в то незабываемое лето. Умирает мать — тихо, с улыбкой, как жила, однажды утром просто не проснувшись. Затем новый управляющий, преемник моего отца, бьет меня по лицу посреди господского двора перед собравшимися людьми и утверждает, что я пытался приставать к его жене. Я не говорю ни слова. Я ухожу. Третье: я вновь надеваю форму. И наконец, вскоре я встречаю Сюзанну. И все это в одно, то самое лето: смерть, оскорбление, гордость и любовь.

Остаток жизни — работа, одиночество и поиски смысла солдатского бытия.

Больше о себе сообщить ничего не могу.

19

НОЧЬ ПЕРЕД РЕШЕНИЕМ

Ночи в военной школе были короткими. В 22.00 давался отбой, после которого в казармах, по крайней мере у фенрихов, наступала полная тишина. С особого разрешения позволялось работать до 24.00.

Это особое разрешение, рассчитанное на карьеристов и тупиц, к числу которых относилось несколько фенрихов, было точно сформулировано майором Фреем в его приказе № 27. В этом приказе, между прочим, указывалось: «После отбоя светильники, в том случае, если в них имеется необходимость, должны быть затемнены бумагой, картоном или тканью, с тем чтобы свет не мешал желающим спать. При этом нужно иметь в виду, чтобы закрывающий светильники материал не был горючим и находился от лампы не ближе 3—5 сантиметров».

Фенрихи использовали в качестве затемняющего материала газету «Фелькишер Беобахтер», кальсоны, полосатые жилеты, развешивая их вокруг лампочек. На столах лежали тетради, карты, блокноты, уставы. Каждый третий что-либо делал после отбоя: писал письма родным или невесте, просто сидел задумавшись, поскольку ему не хотелось спать, так как за коротким, тяжелым, как свинец, сном следовало скорое пробуждение.

Немногие шепотом переговаривались, но это уже являлось нарушением приказа № 27, где было четко сказано: «Дабы не мешать спящим, разговоры, в том числе вполголоса или шепотом, запрещаются. Разрешается лишь давать краткие указания и делать объявления вполголоса».

Таким образом, в помещениях фенрихов с 22.00 слышались лишь отдельные приглушенные восклицания и тихое бормотание.

Проходящие службу в административно-хозяйственной роте были ограничены несколько в меньшей мере. Они могли до 24 часов пользоваться буфетом. Хотя и здесь при малейшем шуме появлялся дежурный офицер.

У офицеров школы все было, само собой разумеется, совсем по-другому. Эта разница должна была резко подчеркиваться фенрихам в первую очередь по чисто воспитательным соображениям. Кандидат в офицеры должен был постоянно видеть и чувствовать, насколько вожделенной является цель, которой он стремится достичь по окончании обучения в школе, насколько велико различие между ним и офицером.

Офицеры могли приходить и уходить, когда им заблагорассудится. Казино теоретически было для них всегда открыто. Они могли при желании оставлять в своих квартирах всю ночь свет не выключенным, в любое время ходить друг к другу в гости, всячески развлекаться, играть

в карты, опоражнивать бутылки со спиртным, выходить за пределы казарменного городка. Само собой разумеется, они пользовались правом в любое время блуждать по казармам под предлогом контроля за поведением подчиненных им фенрихов.

Во времени и пространстве их ограничивало лишь расписание занятий и дежурств.

Это, так сказать, теоретически. На практике все выглядело немного иначе. Генерал придерживался той точки зрения, что офицер постоянно находится на службе. Офицер свободен в выборе занятий и может делать что угодно. Но он не мог пользоваться в прямой мере этой свободой. Генерал следил за офицерами непрерывно. От его бдительности ничто в училище не могло укрыться. Он не только витал, как тень, над всем и вся. Он обязательно появлялся лично в самое неожиданное время, в самых неожиданных местах. От его испытующего взора трудно было что-либо скрыть. Он мог появиться в кафе, вынырнуть в ванной комнате, в залах, в лазарете.

Эта постоянно висевшая над школой грозовая туча порождала более мелкие облака по своему образу и подобию. Так же, как и генерал, за фенрихами следили два начальника курсов, шесть начальников учебных потоков и восемнадцать офицеров-воспитателей.

В военной школе в Вильдлингене-на-Майне повсюду и почти всегда имелись бдительные наблюдатели, от глаз которых трудно было что-либо скрыть.

Тем не менее ночи были темные, территория большая, имелось бесчисленное количество уголков и закоулков, укрытий и переходов. Вояки с боевым опытом знали, как выходить из любого затруднительного положения. Тем более что даже сам Модерзон не мог одновременно быть повсюду.

Фенрихи Редниц, Меслер, Вебер не стеснялись громко разговаривать друг с другом. Они не боялись помешать кому-либо, поскольку, кроме них, в комнате никого не было, если не считать фенриха Бемке, поэта, но, когда он читал «Фауста», для него не существовало ничего вокруг.

— Я взываю к нашему товариществу,— высокопарно говорил Меслер,— вы должны пойти с нами.

— А зачем, собственно? — возразил Редниц. — Может быть, чтобы тебе посветить?

— Каждому перепадет что-нибудь,— пообещал Меслер.— Об этом я позабочусь. Главное, чтобы ни одна девушка не осталась без кавалера и у них не возникло чувства зависти. В том случае, если каждая будет занята, соблюдается, как во фронтовых условиях, правило: если один что-то имеет, другие тоже должны иметь.

— Что же в таком случае должно отломиться для меня? — поинтересовался фенрих Вебер.— Я неприхотлив, но отбросы мне не нужны. Соответствует ли она моему вкусу, заслуживает ли моего внимания?

— Отличный экземпляр! — воскликнул Меслер с красноречивыми жестами.— Как раз для такого здорового мужика, как ты. К тому же она работает на кухне.

Последнее замечание, казалось, убедило Вебера. Для старого, опытного вояки девушка, работающая на кухне, имеет не меньшую прелесть, чем для старого селадона балерина. Сомнения Вебера рассеялись.

— Если так,— промолвил он покровительственным тоном,— я ничего не имею против. Только из любви к тебе, Меслер.

— А ты, Редниц, двинешь с нами?

— Я что-то устал,— ответил тот и зевнул.

— Это у тебя пройдет,— с жаром возразил Меслер.— Для тебя предусмотрена куколка — маленькая, грациозная, живая как ртуть. Ты не успеешь и до трех сосчитать, как она будет в твоих объятиях.

Но это не тронуло Редница, он остался равнодушным, повторив еще раз, что устал и хочет спать.

Это несколько огорчило его друзей, и они начали упрашивать не срывать им развлечения. В конце концов ему задали провокационный вопрос, не трусит ли он. Но это не достигло цели. Редниц в ответ лишь расхохотался.

— Дело обстоит таким образом,— признался наконец Меслер.— Моя девушка живет с двумя другими, и они следят за нею. Им тоже хочется вырваться на свободу, но они одни не могут. Короче говоря, моя мышка может прийти ко мне лишь в том случае, если остальные пойдут с ней.

— И где эта встреча должна состояться?

— В спортзале. Я снял там всю кладовую для инвентаря, включая рефлекторы для обогрева и матрасы.

— Как тебе удалось сделать это? — спросил Вебер.

— Очень просто,— с гордостью ответил Меслер.— Я там случайно застал кладовщика с его пчелкой. И по-

ставил ему ультиматум: или он теряет свое место, или иногда пускает туда меня. Сейчас самые благоприятные условия: незадолго до закрытия ворот я все дело в столовой подробно обговорил. Через двадцать минут девушки будут ждать у заднего окошка коридора их помещения. Оттуда через газон — и в спортзал на зарядку.

— Чего же мы тогда медлим? — вскричал Вебер и вскочил с койки.

— Я не поползу в обход всей территории,— заявил Редниц.— Я слишком устал для этого. Если уж на то пошло, давайте совершим совсем дикое турне.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Меслер.

— Каски, шинели и карабины,— ответил Редниц.— Мы выходим как дополнительный патруль под командой дежурного. Это самая надежная маскировка. Целым маленьким подразделением мы маршируем совершенно спокойно через центральную площадь казарменного городка. И я гарантирую вам успех. Так можно пройти любому, кто пожелает. Никто нас не спросит, что мы там делаем.

— Это слишком опасно,— озабоченно промолвил Меслер.

— То, что мы собираемся делать, так или иначе опасно,— заметил Редниц.— Итак, или в полном снаряжении, или без меня.

— Пошли! — крикнул Эгон Вебер.

— В ружье!

Капитан Федерс смотрел через стеклянную дверь, за которой размещались калеки. Они лежали сейчас, как обрубки, в узких огороженных кроватях, похожих на те, в которые кладут детей, освещаемые розовым матовым светом. Для них тоже наступила ночь. Они находились в забытьи.

— Спят почти нормально,— проговорил майор медицинской службы Крюгер, стоявший за Федерсом.

Только они сейчас находились в пустом охраняемом помещении. Часто доктор целыми часами наблюдал за своими пациентами совершенно один, без сопровождения фельдшеров и санитаров. Капитан Федерс иногда составлял ему компанию.

— Ты усыпляешь их морфием? — спросил он.

— Не всех, — ответил доктор, поморщившись. — Только некоторых, и то слабой дозой.

— Ты, если захочешь, можешь их, вероятно, усыпить навсегда?

— Если бы я этого пожелал, конечно, смог бы,— ответил медик своим приглушенным голосом. Лицо его перестало морщиться. Казалось, он надел на него маску, чтобы скрыть его истинное выражение на этом ужасном костюмированном балу войны.

Федерс сидел на стуле лицом к спинке, опершись на нее руками и положив на них подбородок. Его глаза были почти закрыты. Он тихо спросил:

— Почему же ты не сделаешь этого?

Майор не ответил на вопрос. Ему уже задавали его неоднократно.

— Почему ты не делаешь этого? — повторил вопрос Федерс.— Почему ты не увеличиваешь изо дня в день дозы морфия, чтобы эти человеческие обломки нашли безболезненную и разрешающую все проблемы смерть? Им же для этого немного нужно. Может быть, ты боишься ответственности?

— Ответственность с меня снята,— заметил Крюгер усталым голосом.— Я имею право умерщвлять их, правда при определенных, подтвержденных письменным заключением условиях. Но этим условиям, Эрих, удовлетворяет почти каждый из моих пациентов.

— И почему же тогда ты не делаешь этого?

— Я не убийца,— коротко бросил доктор.

— Но ты, по крайней мере, положишь конец их страданиям. Ты усыпишь их, и они избегнут предсмертных мук.

Лицо доктора Крюгера было бесстрастным. Он поднял в молчаливой просьбе руки и потом вновь бессильно опустил их. Затем он еле слышно спросил:

— Сколько людей до настоящего времени ты убил, Эрих, сознательно и по желанию?

— Не знаю точно,— задумчиво ответил капитан Федерс.— Но их было во всяком случае немало.— Он подумал о ручных гранатах, которые он бросал в окна подвалов, о пулеметных очередях по кустам, за которыми были люди, о лопатке для отрытия окопов, которой он разбивал черепа,— у него имелся серебряный знак за рукопашный бой.— Лучше быть трупом, чем таким обрубком,— заметил он.— Есть лишь две возможности решить эту проблему: показать человечеству этих мучеников массового сумасшествия или лишить их жизни, ос-

вободив от мучений, поскольку их жизнь в этом обществе забывчивых и бессовестных тварей никому не нужна.

Доктор покачал своей изуродованной головой и промолвил:

— Человек без рук и ног остается человеком. Ты, Эрих, можешь все, кроме интимного общения с женщиной. Мне не хотелось бы показываться на людях с моим искалеченным лицом, в остальном я вполне здоров и могу делать все. До тех пор, пока человек может видеть, слышать, говорить, думать, чувствовать, он принадлежит к тем, кого мы называем «венцом творения», и участвует в жизни общества. Мир никогда не будет опустошен и мертв, пока в нем имеется хотя бы одно разумное существо, хотя бы с одним из проявлений этого разума.

— Нет,— возразил Федерс.— Я хочу или жить полной жизнью, или совсем не жить.

— И ты смог бы их убить? — тихо спросил майор. Он предоставил другу время на ответ, но не получил его.— Если можешь, я тебе не буду препятствовать делать то, что разрешено инструкциями и — даже более того — что прямо рекомендуется. Так как же, Эрих? Показать тебе, как это делается?

Капитан Федерс испытующе посмотрел на друга. Рубцы на лице доктора стали багровыми, руки слегка дрожали.

— Мы сегодня проделали значительную часть работы,— сказал капитан Катер, с удовлетворением потирая руки.— И если наступит время выполнить наш долг, мы не замедлим это сделать.

Катер заявил это в канцелярии административно-хозяйственной роты своим ближайшим помощникам: хауптфельдфебелю Рабенкаму, Эльфриде Радемахер и Ирене Яблонски — новой машинистке.

Составление квартальной сводки штатно-должностного и наличного состава требовало всегда много времени, но не для Катера. У него были отличные помощники, на которых он мог положиться. Вся его деятельность состояла обычно в том, что он должен был поставить внизу свою подпись.

— Действительно,— повторил капитан Катер с признательностью, — прекрасная работа. Я очень доволен.

— Недостает только даты, и затем господин капитан может подписать,— доложил хауптфельдфебель.

— Понятно, я еще должен все основательно пересчитать и проверить,— заметил Катер.— В этих случаях я педант. Сводка штатно-должностного и наличного состава является своеобразной визитной карточкой части, и она должна тщательно контролироваться.

Хауптфельдфебель бросил беглый взгляд на Эльфриду Радемахер, которая не могла сдержать улыбку. Оба понимали, что их шеф вновь, в который раз, разыгрывает роль требовательного и трудолюбивого служаки. Сейчас он изображал из себя контролирующую инстанцию. Это представление было новым лишь для Ирены Яблонски, которая смотрела на капитана широко открытыми детскими глазами.

— Итак,— резюмировал Катер,— я прошу выделить в конце итоговые данные.

— Через две минуты будет сделано, господин капитан.

— Я прошу — без спешки. Медленно, основательно, точно. В подобных случаях это мой девиз. Просмотрите все самым тщательным образом, пересчитайте отдельные графы, устраните мельчайшие погрешности.

— Все в полном порядке, господин капитан.

— Тем не менее проверьте еще! Если и после этого все будет в норме, прошу через полчаса доложить мне в моем кабинете весь материал с приложениями. И чтобы не отнимать у вас времени, материал может принести мне фройляйн Яблонски.— Катер отечески кивнул Ирене и вышел из канцелярии.

Хауптфельдфебель собрал документы, поставил дату, на что потребовалось десять секунд, и сказал:

— Готово.

— На сегодня все,— заметила Эльфрида.— Самое время кончать. Ты, Ирена, отправляйся к себе. Ясно?

— Но я должна пойти к капитану Катеру.

— Ничего ты не должна,— промолвила решительно Эльфрида.— В это время ты должна спать. Марш! Иди в свою комнату. Через десять минут я приду проверить, лежишь ли ты в кровати.

— Но господин капитан сказал...

— Капитан Катер, очевидно, забыл посмотреть на часы. Конец на сегодня. Никаких возражений, Ирена.

Ирена Яблонски последовала указаниям Эльфриды и поплелась к себе.

— Я не хотел вмешиваться, — проговорил хауптфельдфебель,— но вам, вероятно, ясно, фройляйн Радемахер, что они затевают?

— Это мне так же ясно, как и вам. Но они должны оставить и помыслы об этом. Я принимаю, мягко выражаясь, всю ответственность на себя, и документы капитану Катеру доложите вы. Воображаю, как он будет удивлен, увидев вместо Ирены вас.

Генерал-майор Модерзон прервал свою ночную работу. Он прислушался к шуму холодного дождя, капли которого тяжело падали на оконные стекла, и потер руки. Они были холодными и влажными. Голова генерала горела, его знобило, как обычно при перемене погоды.

Модерзон заставлял себя не думать о неудачах. Позже в своей комнате он примет хинин и запьет его водой.

Генерал вызвал адъютанта. Тот был на месте; там же находился и писарь. Никогда нельзя было застать Сибиллу Бахнер одну, особенно в вечерние часы, когда генерал оставался один.

— Обер-лейтенант Бирингер! Подготовьте учебный план до конца этого выпуска,— приказал генерал.

— До конца выпуска? — с удивлением спросил адъютант.

Генерал молча посмотрел на него. Бирингер поспешил себя застраховать:

— Учебный план до конца выпуска. Слушаюсь, господин генерал.

— Сколько дней вам понадобится для этого, господин обер-лейтенант?

— Три дня, господин генерал.

— Таким образом — послезавтра.

— Так точно, господин генерал.

— Передайте, пожалуйста, фройляйн Бахнер, что я жду ее работу. Пока все, господин обер-лейтенант.

Адъютант исчез в приемной. Мгновение он стоял в задумчивости у двери, которую тщательно закрыл за собой. Затем медленно пошел к своему столу и начал нервно перелистывать какие-то бумаги, посматривая на Сибиллу Бахнер, сидевшую за пишущей машинкой. Наконец Бирингер осторожно спросил:

— Вы понимаете, фройляйн Бахнер, что здесь происходит?

Сибилла Бахнер оторвалась на некоторое время от работы и посмотрела на него с удивлением. Адъютант крайне редко говорил с нею таким доверительным тоном. Она должна была высоко оценить это и тем не менее ответила ничего не значащим:

— Нет.

— Я не могу пока ничего узнать точно,— продолжал адъютант,— но то, что здесь сейчас происходит, чертовски похоже на заключительный аккорд. Над чем, собственно, вы сейчас работаете, фройляйн Бахнер?

— Над выпускными характеристиками фенрихов, как обычно перед окончанием обучения.

— Уже сейчас? — спросил Бирингер озабоченным тоном.— До выпуска еще шесть недель. Может быть, речь идет о характеристиках отдельных лиц?

— Нет, господин обер-лейтенант. Почти на всех. Очень на немногих они еще не готовы, и это, как правило, на фенрихов второго потока и на некоторых из шестого.

— Я этого не могу понять,— промолвил задумчиво Бирингер. Ему до сих пор ни разу не удавалось угадать намерения генерала, хотя за это время все его указания были четкими и не носили какого-то скрытого, секретного характера.— Все это должно означать лишь одно,— заметил Бирингер, задумчиво глядя перед собой,— генерал отсюда уходит.

— Но почему? — спросила озабоченно Сибилла.— Может быть, он просто решил пойти в отпуск?

Бирингер отрицательно покачал головой:

— Генерал летом прошлого года был в отпуске, как раз перед тем, как нам перебраться в этот свинарник. Нет, нет! Эта завершающая работа генерала должна означать что-то другое.

Сибилла Бахнер была слегка расстроена. Она тоже заметила те же симптомы, что и адъютант, однако не решалась говорить о них. Она не хотела думать о возможных последствиях. У обер-лейтенанта Бирингера дела были относительно проще: генерал возьмет его с собою, а ее нет.

— Генерал ждет вашу работу, фройляйн Бахнер.

Сибилла кивнула, открыла верхний ящик письменного стола, где лежало зеркало, поставила его перед собою

и, не обращая внимания на адъютанта, начала себя рассматривать.

Обер-лейтенант Берингер украдкой наблюдал за девушкой. Он обратил внимание на ее немного полные, но грациозные руки, которые приводили в порядок прическу. Затем Сибилла вынула заколки, придерживавшие ее волосы на затылке, и они волнистыми прядями распустились по ее плечам. Она заботливо расчесала их, и улыбка скользнула по ее губам.

Берингер тоже улыбнулся, но его улыбка была с известной долей скептицизма.

Сибилла Бахнер встала, бросила последний испытующий взгляд на зеркало, взяла папку с готовой работой и направилась в комнату генерала.

Модерзон взглянул на нее или, по крайней мере, на папку с напечатанными бумагами. Он протянул руку, взял папку, открыл ее, посмотрел внутрь и через несколько секунд спросил:

— Что у вас еще, фройляйн Бахнер?

Тогда она набралась смелости и спросила:

— Вам не мешает моя новая прическа, господин генерал?

— Нет,— ответил Модерзон, не отрывая глаз от бумаг.

В этот момент Сибилла почувствовала себя почти счастливой. Как ни скупо прозвучал ответ генерала, он показал ей совершенно ясно, и это было главное,— он заметил ее новую прическу, он со вниманием смотрел на нее даже тогда, когда казалось, что он ее не замечает. Его «нет» было явным доказательством этого, думала она. И ее глаза заблестели.

— Фройляйн Бахнер,— промолвил генерал,— я хотел бы, чтобы вы подумали о том, где бы вам хотелось работать, если дела здесь, в штабе, будут закончены. Я даю вам три дня на размышления, после чего вы сообщите мне о своем желании. На сегодня все. Благодарю, фройляйн Бахнер.

Марион Федерс, жена капитана, вошла с беспокойством в спальню, включила маленькую лампу и взглянула на кровать мужа. Она была пуста и заботливо заправлена.

От этого беспокойство Марион Федерс еще более уси-

лилось. Она устало повернулась и посмотрела в гостиную. Там стоял обер-лейтенант Зойтер Миннезингер. Он налил рюмку коньяку, посмотрел его на свет и выпил с заметным удовольствием.

Марион Федерс на мгновение закрыла глаза, подошла к своей кровати и навзничь упала на нее. Свет ослеплял ее, и она быстрым, нервным движением повернула к себе абажур лампы.

Затем она вновь взглянула в гостиную. Миннезингер крутил рукоятку радиоприемника, пытаясь найти какую-либо музыку. Затем подошел к окну и взглянул на висящий на стене барометр. Стрелка указывала «Переменно». Посмотрев на часы, он налил себе еще коньяку.

— Ты скоро будешь готова? — спросил он.

Марион Федерс не отвечала, хотя отчетливо слышала каждое слово. Ее лицо застыло, стало похоже на маску, только в глазах светилось беспокойство.

Офицер еще в гостиной, идя в спальню, начал расстегивать мундир. Он вел себя так, как ведут люди, которым все разрешено и которые уже добились своей цели. В дверном проеме он остановился, посмотрел с удивлением на кровать, на лежавшую на ней Марион Федерс и сказал:

— Ну, что произошло?

Марион Федерс посмотрела на него, на его атлетическую фигуру, красивое лицо, руки, готовые обнять ее, улыбку мужчины, имеющего все основания быть довольным собою.

— Что с тобою, Марион? — спросил он несколько недовольным тоном.— Ты больна?

— Здорова,— последовал ответ.

— Может быть, ты боишься, что твой муж придет слишком рано? — Офицер взглянул на свои водонепроницаемые, антимагнитные часы со светящимися циферблатом и секундомером.— Раньше полуночи он никогда не возвращается домой, в особенности если уезжает из расположения части. Куда, собственно говоря? Да это и не наше дело. Во всяком случае мы гарантированы, что до полуночи нас никто не потревожит. Так в чем же дело? Будешь ты раздеваться или нет?

— Я не хочу,— ответила Марион Федерс. Он не на шутку удивился. Будучи светским человеком, он часто сталкивался с женскими капризами. Но здесь он ожидал их меньше всего.

— Ты не хочешь? — спросил он и присел к ней на кровать, наклонился и положил руку на ее колено.

— Я не хочу больше,— ответила Марион Федерс.— Я не могу больше. Пять минут забытья — и двадцать четыре часа пустоты, сменяются двадцатью четырьмя часами отвращения. Это как инфекционное заболевание, такое, как корь, коклюш. С возрастом они исчезают и не опасны. Ими нужно лишь переболеть. То же происходит при отрыве ребенка от груди матери, при прорезывании у него зубов.

— Что за чушь ты несешь?! — воскликнул он, деланно улыбаясь.— Это не твои мысли. Их тебе кто-то внушил.

— Я всегда об этом думала,— ответила она.— То, что мы с тобою делаем, это не решение вопроса.

— Ну, иди, иди,— сказал он.— Ты же не против.

И она почувствовала, как его рука с ее колена начала подниматься все выше. Ее мускулы напряглись, а он коснулся бедер и продолжал скользить дальше.

— Я не хочу больше,— повторила она. Нет, она не могла больше выносить, как ее муж молча страдал, как он прятал от нее свое лицо. Он дал ей полную свободу. Но истинная свобода, которую, как ей казалось, она теперь осознала, заключалась лишь в том, что ей предоставлялось право самой решать, как жить. И жить она хотела с ним — своим мужем.

Марион Федерс еще раз повторила:

— Я не хочу больше.

Обер-лейтенант Зойтер засмеялся. Он решил, что ее отказ является утонченным приемом кокетки, который можно и должно преодолеть насилием. Почему бы нет?

Он с жаром схватил Марион, накинулся на нее и с удивлением почувствовал, что она лежит неподвижная и холодная, как камень.

— Ты мне противен,— сказала она. Это было для него уже слишком. Он поднялся, привел себя в порядок и вышел, не удостоив ее даже взглядом.

— В движение человечество приводят только великие мысли,— сказал капитан Ратсхельм.

— К примеру, мысли фюрера,— подтвердил фенрих Хохбауэр.

Ратсхельм кивнул головой.

— Но великие дела,— продолжал он,— лишь те, которые удерживают человечество в движении.

— Если бы все офицеры думали так, как господин капитан,— заметил Хохбауэр с благородным подъемом в голосе,— то мы эту войну уже выиграли бы. Но, к сожалению, не все офицеры так думают.

Капитан Ратсхельм поник головою, как при настоящем трауре. Он неукоснительно придерживался тезиса: все офицеры думают так, как положено думать офицерам. Возможно, конечно, что некоторые из них выражают свои мысли несколько иначе, чем он. Но при всех условиях позиция, взгляды офицеров всегда ясны, безупречны, чисты.

Далее он говорил, что если эта война до сих пор еще не выиграна, то это зависит не от офицеров, не от унтер-офицеров и даже не от солдат, руководимых этими офицерами. Если имеются обстоятельства, тормозящие достижение победы, то их нужно искать где-то в другом месте: в досадном превосходстве сил противника, слабой подготовке пополнения, в безголовых штафирках на гражданских постах, которые терпят вокруг себя нытиков и маловеров, в целых толпах блуждающих по рейху иностранных рабочих, которые позволяют провоцировать себя коммунистам и другим изменникам родины и присяги. И так далее и тому подобное, но отнюдь не в офицерах.

Все это капитан Ратсхельм сказал бы любому фенриху. Но Хохбауэр был в его глазах завидным исключением. Он думал и действовал уже как офицер.

— Мы, офицеры,— говорил поучающе Ратсхельм,— стремимся к совершенству. Но образованным из нашей среды, к числу которых я отношу и себя, не всегда удается стать полным совершенством. В лучшем случае нам удается лишь приблизиться к этому совершенству. Но общая масса офицеров, приближающихся к таким рубежам, должна все увеличиваться.

Капитан Ратсхельм наслаждался возвышенными речами. Он чувствовал себя во время уроков почитаемым и любимым фенрихами примерно так же, как благодарные школяры боготворят некоторых своих учителей.

Ему вспоминался Платон, который, сидя у ног Сократа, внимательно слушал его речи, чтобы в последующем сделать своего учителя бессмертным.

Это сравнение наполняло радостью Ратсхельма. О та-

ких блестящих лекциях он лишь мечтал при поступлении в военную школу. Как ему казалось, его распирали познания и мудрость, и тем не менее он был вынужден выполнять здесь роль извозчика. Он должен был согласиться вдалбливать фенрихам основы офицерской этики. При этом он старался создать такой тип школы, в которой распространялись бы его тяжелые для понимания тезисы и философия солдатского воспитания. До последнего времени это ему не удавалось. И наконец на его жизненном пути попался Хохбауэр, этот благородный юноша, имя которого с этого времени не сходит с уст капитана.

— Совершенство, так сказать, является высшей целью, и достигнуть ее, не избавившись от всего несовершенного, невозможно. Вы понимаете, что я хочу этим сказать. Слабости присущи человеку. Даже среди двенадцати апостолов Христа нашелся один Иуда, предатель. Но мы не будем вдаваться в церковные истории, не правда ли? В конце концов, мы являемся первой нацией, покончившей со средневековыми порядками. Нами начинается новая блестящая глава мировой истории. Вы не считаете, мой дорогой Хохбауэр?

Хохбауэр считал только так.

— Господин капитан,— проникновенным голосом с благодарностью говорил фенрих,— господин капитан, вы окончательно внесли необходимую ясность и убедили меня, что это именно так. Какие значительные высказывания, какая глубина мысли в тезисе, высказанном вами, господин капитан: совершенства можно достигнуть, лишь отвергая несовершенное. Это напоминает мне давно прочитанную историю, которая тем не менее волнует меня до сих пор. Офицер армии Фридриха Великого сидел однажды в кабаке и услышал, как другой офицер ругает короля. Он встал, выхватил пистолет и пристрелил предателя со словами: «Негодяй тот, кто не чтит своего короля!»

— Да,— промолвил капитан Ратсхельм нравоучительно,— это были великие, исторические времена.

— Но, господин капитан, германский дух не должен умереть! — промолвил фенрих, весь сияя.

Капитан Ратсхельм многозначительно кивнул, подтверждая сказанное Хохбауэром, хотя он почти не слушал его. В этот момент капитан был погружен в мысли о героическом прошлом, о матерях спартанцев, которые были

счастливы, если им приносили мертвых сыновей, убитых в грудь, а не в спину. Он думал о великом короле, который кричал своим солдатам: «Ребята, я вам обещаю бессмертие!» — о гвардии, которая умирает, но не сдается; о кайзере, который требовал от солдат стрелять в отцов и братьев, если он прикажет. Это был мир капитана Ратсхельма, лучший из всех миров.

Эльфрида Радемахер с наслаждением потянулась. Она лежала прислонившись к груди Карла Крафта.

— Как хорошо,— промолвила она.

Он тоже находил все отличным. На пять минут он забыл обо всем, кроме лежавшей рядом с ним женщины. Исчезли война, школа, маленький город и убогая комната, в которой они находились. Это была квартира Эльфридиной подруги, которая ушла со своим знакомым в кино. Позабыт был муж этой подруги, всегда очень занятой железнодорожник, перевозивший в настоящее время солдат и военные грузы по просторам Германии.

Они лежали, изнеможенные, на кушетке, и им казалось, что их сердца готовы выпрыгнуть из груди, так громко они стучали. Но внезапно они услышали стук совсем иного характера. Кто-то барабанил кулаком в дверь, и высокий громкий мужской голос повторял:

— Наконец-то я тебя поймал! Ты мне за все ответишь, потаскушка! Немедленно открывай дверь! Я убью твоего хахаля!

Эльфрида и Карл вскочили. Они с беспокойством прислушивались и растерянно смотрели друг на друга.

— Это, вероятно, вернулся муж моей подруги, ее железнодорожник,— предположила Эльфрида.

Это предположение подтвердилось. Железнодорожник колотил в дверь с такой силой, что, казалось, мог сдвинуть с места целый товарный поезд.

— Я застал тебя на месте преступления, паршивая свинья,— рычал мужчина.— А проходимцу сейчас же сверну шею! Я застрелю его, как шелудивого пса, и тебя вместе с ним. Ты, грязная тварь!

Крафт подошел к двери и сказал:

— Не орите же так! Сбежится весь дом. Вашей жены здесь нет.

— Что? — загремел железнодорожник с возмущением.— Вы что, хотите меня купить, считаете меня идио-

том? Я же собственными глазами видел ее сквозь замочную скважину!

К двери подбежала Эльфрида и крикнула:

— Я не ваша жена! Будьте благоразумны!

Но разъяренный железнодорожник не хотел слушать никаких призывов к благоразумию. Его честь была затронута — в этом не было сомнений.

— Я тебе покажу, проститутка, как еще и прикидываться посторонним человеком!

Крафт понял, что угомонить разбушевавшегося ревнивца, жаждавшего мести за свою поруганную честь, не удастся. Нужно было быстрее одеваться и по возможности целыми уносить ноги.

Тем временем крик хозяина комнаты взбудоражил весь дом. Полюбоваться на даровое представление выскакивали многочисленные зеваки. Одни возмущались, другие ожидали драки. Все возрастал угрожающий гул голосов, кое-кто ругался. Обстановка накалялась.

А разошедшийся железнодорожник продолжал орать:

— Дайте мне пистолет — я уложу эту суку и ее любовника!

Некоторые хотели успокоить его, по крайней мере попытки уговорить хозяина квартиры были слышны через дверь. Эльфрида и Карл с лихорадочной поспешностью одевались. Железнодорожник как сумасшедший прыгал перед дверью.

— Дай я все улажу,— промолвила Эльфрида.

Карл Крафт покачал головой.

— Это мужское дело! — решительно заявил он.

Осторожно повернув ключ, он стремительно открыл дверь как раз в тот момент, когда разъяренный хозяин бросился на нее. Не найдя опоры, он пролетел в дверной проем и растянулся в комнате на ковре. Крафт поспешил вновь закрыть дверь изнутри. При этом он должен был оттолкнуть некоторых зрителей, которые пытались проникнуть в помещение вслед за хозяином. С этой целью он схватил первого попавшегося и, используя его, как шар в кегельбане, бросил на остальных, выталкивая их из комнаты.

Карлу пришло в голову использовать немецкую привычку подчиняться. С этой целью обер-лейтенант подошел к железнодорожнику и начал его строго рассматривать.

Мститель за свою поруганную честь был заметно смущен, и совсем не падением на собственный ковер. Неожиданный оборот событий лишил его дара речи. Он был убежден, что схватит своего соперника, и вместо этого увидел совершенно незнакомых людей. Помимо того, он видел перед собой рослого, здорового офицера. И этому офицеру он осмеливался неоднократно угрожать!

— Имя? — требовательно спросил Крафт.

— Бенке,— последовал смущенный ответ.

— Профессия?

— Железнодорожник.

— Были на военной службе?

— Так точно, господин обер-лейтенант,— ответил железнодорожник, готовый провалиться сквозь землю. Он действительно служил в армии и даже был кандидатом в унтер-офицеры, поэтому солдатская муштра еще у него не выветрилась.

— Тогда я приказываю вам не мешать нам больше. Ваша жена в кино. Можете идти.

— Слушаюсь, господин обер-лейтенант,— пролепетал окончательно сбитый с толку железнодорожник и вышел.

Три фенриха — Редниц, Меслер и Вебер — уютно расположились со своими дамами на матах в инвентарном складе спортивного зала. Их освещал мягкий розовый свет, излучаемый рефлекторами и шкалой радиоприемника. Между ними стояли три бутылки.

— Друзья! — воскликнул Меслер.— Нет ничего лучше непринужденных отношений и дружеской атмосферы.

Фенрих Меслер, по его собственному мнению, родился слишком поздно и в совершенно неподходящих условиях. Он считал себя аристократом, рожденным для прожигания жизни. Вместо этого судьба втянула его в теперешнюю вшивую войну. Это, однако, не мешало Меслеру проявлять даже здесь свое жизнелюбие и некоторый аристократизм. Например, если не удавалось сервировать обед со свечами, то по крайней мере при распитии водки на столе должен был светить хотя бы ночник.

— Сколько я принес в жертву этой войне,— говорил он,— трудно себе представить.

Он всегда имел свою точку зрения о внешней стороне дела и являлся сторонником приличного оформления:

мягкое освещение, нежащая теплота и, прежде всего, музыка. Без музыки, по меньшей мере без радиоприемника, у него не могло быть хорошего настроения. И вот теперь, хотя обеспечение сегодняшнего вечера приемником стоило ему вдвое больших усилий, чем «организация» трех дам, компания была обеспечена музыкой.

— Больше всего я люблю рояль,— заявил он мечтательно.— Шопена или Шумана, а также Моцарта я предпочитаю всем другим композиторам. Закроешь глаза или погасишь свет — и чувствуешь, будто над тобою ночное небо, светит луна. Во Франции мы пили только шампанское. Икру при этом просто не ели. Я считаю, что закусывать шампанское икрой слишком вульгарно. Такую вольность можно допустить лишь с крымскими шипучими винами.

— Ну тогда ты должен быть доволен, что я сюда не захватил икры,— промолвил Эгон Вебер.— Мне кажется, что крепкий шнапс тоже неплохая штука. Как вы думаете, девушки?

Девица, сидевшая рядом с Вебером, жеманно улыбнулась. Это была типичная кухарка, толстая и грубая, но с претензиями на знакомство с манерами высшего общества. Она насмотрелась на офицерских дам, и в ее крошечном мозгу запечатлелись некоторые великосветские обычаи. Она повернулась к Веберу и спросила его:

— Не слишком ли ординарен шнапс для известного круга?

— Милое дитя, для известных кругов не существует вообще ничего, что было бы ординарным. Люди с высшим образованием имеют тоже самые различные склонности.

— Не рискнуть ли нам немного потанцевать? — предложил Меслер.

Редниц отрицательно покачал головой, а Вебер коротко бросил:

— К чему эти фокусы? Мы должны избегать лишнего шума.

— Все предусмотрено,— возразил Меслер.— Спортзал расположен крайне удобно для нас. Он в стороне от направлений, по которым постоянно ходят люди. Кроме того, музыка будет приглушена, а маты, которые здесь всюду расставлены, создают неплохую звукоизоляцию. Если даже запустим радиоприемник погромче, то и в

этом случае нам никто не помешает. Конечно, можно вообразить, что кому-либо из офицеров взбредет в голову ночью совершить несколько упражнений на брусьях или турнике. Но, я думаю, таких идиотов среди наших воспитателей не найдется.

Девушки рассмеялись. Они находили фенриха очень веселым и остроумным. Большинство их коротких любовных приключений проходило обычно на солдатских одеялах или на лестничных ступеньках, всегда в страхе, без всякой гарантии. В этот раз все было по-другому, весело и походило на настоящий маленький праздник.

Девушка, сидевшая рядом с Меслером, повизгивала от восторга. Та, которая была с Редницем, немного скучала и выжидала, когда ее кавалер попытается вызвать ее благосклонность. Туповатая кухарочка сразу заинтересовалась подробностями обычаев и привычек в офицерском корпусе.

— Большое значение придается благородному происхождению офицерских жен? — интересовало ее.

— Первое,— заметил Вебер,— никаких офицерских жен нет. Если только у них до этого дошло, они называются дамами, а до их происхождения никому нет никакого дела.

— Неужели? — с надеждой спросила девушка.

— Ясное дело,— ответил Вебер.— У нас был даже один генерал-фельдмаршал, который женился на уличной девице, и как только она вышла замуж, так сразу стала дамой. Жена генерал-фельдмаршала не может быть иной. Наш любимый фюрер даже был у них шафером.

— Да,— протяжно промолвила девушка,— когда я думаю о нашем фюрере, у меня становится на сердце совершенно по-иному.

— Может быть, мы уединимся? — спросил Вебер, которому обстановка показалась благоприятной. — Пойдем в спортзал!

Но девушка не хотела или не спешила. Информация о путях становления дамой, которую она получила от Вебера, очень заинтересовала ее. То, что она нравится офицерам, по крайней мере будущим офицерам, она это знала. Они буквально увивались вокруг нее. Этот Вебер был особенно статным парнем. В конце концов, она была бы хорошей парой этому или подобному ему фенриху. По сравнению с ней многие офицерские дамы гроша не

стоят, думала она. Например, эта майорша, эта худущая коза.

— Ну, пойдем? — спросил еще раз с нетерпением Вебер. Но его вопрос запоздал. Меслер уже провальсировал в спортзал со своим жучком, и тем самым вход в него для остальных, по меньшей мере на полчаса, был закрыт.

— Как ты думаешь,— упрямо выспрашивала девушка,— могу я стать женой офицера?

— Конечно,— ответил Вебер и прислушался, так как ему почудились подозрительные шорохи. А впрочем, это могла быть и ошибка — порыв ветра или шум автомашины, проехавшей вдали.

Он крепко прижал к себе свою кухарочку, мечтающую стать офицерской дамой.

Ночь была полна волнений и тревог...

Майор Фрей зашел на кухню, чтобы выпить стакан воды. Барбара сидела за кухонным столом и подрезала ногти на ногах.

Майор вначале взглянул на ногти, затем на ступни и перевел взгляд на ноги.

— Скажи, Барбара,— грубо спросил он,— тебе не совестно?

— Почему? — спросила она и посмотрела на него широко раскрытыми глазами.

Майор строго заметил:

— Ногти на ногах не подстригают на кухне,— пойми ты это наконец.

И майор поплелся в своих войлочных шлепанцах в кабинет. Здесь сидела его жена Фелицита и читала интересную, по ее мнению, немецкую книгу. На вошедшего мужа она посмотрела без всякого выражения.

Майор присел к столу и начал писать.

— Над чем работаешь, Арчибальд? — спросила Фелицита.

— Над особой инструкцией, милая,— ответил майор.

— Ну что это за особая инструкция?

— В ней будет идти речь о различных вещах, и она должна объединять многие разрозненные указания, как, например, порядок стрижки, увольнения и другие.

Фелицита кивнула и продолжала чтение. Это была одна из тех книг, которые ей прислал капитан Ратсхельм

с этим милым фенрихом Хохбауэром. Невольный вздох вырвался из ее груди.

— Тебе что, нездоровится, Фелицита? — спросил майор механически.

Не взглянув на мужа, она ответила, что здорова, и продолжала читать или, вернее, делать вид, что читает, а муж вновь склонился над своей инструкцией, хотя дело у него не клеилось, мысли не концентрировались.

— Как тебе нравится имя Эгон? — внезапно задал он вопрос.

— Ужасное имя! — последовал ответ.

— Наши вкусы совпадают,— подтвердил майор.

— Двоюродный брат моей матери,— заметила майорша,— совершенно распущенный человек и, понятно, не имевший отношения к военной службе, не офицер, носил это ужасное имя.

— Человек не сам выбирает себе имя. Ему дают его при крещении.

— Это я знаю, Арчибальд.

— Я хочу сказать следующее. Мы сейчас живем в такое время, что случайные имена тут уже не могут быть вечным балластом человеку. Есть, например, фамилия Грабовский — это звучит по-славянски. Если он немец, то он должен изменить фамилию на Грабов. Это уже другое дело. Это звучит по-прусски. Не правда ли? Судебная процедура смены фамилии — пустая формальность. И я придерживаюсь такого мнения, что немецкий офицер должен иметь фамилию и имя, звучащие по-немецки. К счастью, у нас имен, как правило, по меньшей мере два. Такие имена, как Эгон, я не хочу слышать. Это звучит как в анекдоте, ты понимаешь?

Фелицита Фрей зевнула. И это было не только от содержания книги. Она подняла ее к лицу и вновь зевнула. Книга напоминала ей статного золотоволосого фенриха, который ее передал. Она задумчиво улыбнулась, и муж принял ее улыбку за дружеское согласие с его мнением.

— Собственно, мне жаль этих фенрихов,— заявила она непосредственно. Майор сморщил лоб. Он не мог понять этого утверждения и удивленно спросил:

— Почему тебе их жаль?

— Да,— ответила фрау Фелицита,— я подумала: а как эти молодые люди проводят вечера?

— Но они работают. Что же еще им делать?

— Я очень хорошо помню фенрихов моего времени. Тогда были часы танцев, концерты, экскурсии, балы. Они вращались в обществе.

— Я прошу тебя,— промолвил майор, укоризненно покачав головой.— Мы не в Дрездене или Берлине, моя милая, и, кроме того, сейчас не мирное время, а самый разгар войны.

— И тем не менее,— упрямо возражала фрау Фелицита,— нужно изыскать все возможности, чтобы молодые люди не отрывались от общества, не забывали свои обязанности перед ним. Таким путем у них укрепляются человеческие связи, чувство собственного достоинства. Не правда ли, Арчибальд?

— Конечно, ты права,— заметил майор.— Но нужно учитывать, что для проведения всех этих мероприятий у нас нет должных условий и существует ряд ограничений.

— Это я понимаю и учитываю,— мягко заметила майорша.— Но эта проблема начинает меня интересовать все больше. Если ты разрешишь, я ею займусь. Это будет в твоих же интересах. Не мог бы ты попросить милейшего капитана Ратсхельма, чтобы он завтра прислал мне опять книг, так же как он делал это раньше?

Эльфрида Радемахер под холодным проливным дождем спешила к себе домой. На территории училища ее остановил патруль.

— Вас вызывает капитан Катер,— сообщили ей.

— Это что, не терпит до утра? — поинтересовалась девушка.

— Какие-то дела по службе,— ответил старший патрульный.— Капитан ждет вас в кабинете.

Это замечание не смутило Эльфриду. Она подошла к зданию, где размещалась административно-хозяйственная рота, и направилась через канцелярию к кабинету капитана. Когда она вошла, Катер демонстративно посмотрел на часы и промолвил с деланной улыбкой:

— Поздновато, не правда ли?

— Если бы я даже знала, что вы меня здесь ожидаете, я все равно не пришла бы быстрее,— грубо бросила в ответ Радемахер.

Капитан Катер весь как-то сжался. Тон, которым от-

ветила эта баба, ему явно не понравился. Но он тем не менее, сохранив на лице улыбку, заметил:

— Очень мило с вашей стороны.

— Я не знаю, что вы, собственно, хотите,— продолжала Эльфрида, решив показать, что она будущей беседе не придает никакого значения.— Мне непонятно, зачем я понадобилась вам в столь позднее время. Если вы намеревались поговорить со мною об Ирене Яблонски, то это можно было с успехом перенести на утро.

— Как вам это могло прийти в голову? — деланно удивился Катер.— Что вы хотите этим сказать? Эта девушка совсем не интересует меня.

Эльфрида отлично знала: то, что она воспрепятствовала Ирене пойти на квартиру к капитану, явилось для него ударом. Он это не забудет, не простит и постарается рассчитаться с нею за это.

— Садитесь, Эльфрида,— пригласил капитан.

— Моя фамилия Радемахер,— ответила девушка.

— Ну что же, пожалуйста, фройляйн Радемахер,— прорычал он. Ему хотелось разделаться с этой бабой. Некоторые вещи можно было в его положении позволить себе только один раз.— Фройляйн Радемахер,— промолвил Катер, достав из большого ящика письменного стола стакан вина и отхлебнув из него,— в последнее время вы часто отлучаетесь из казармы и поздно возвращаетесь в свое общежитие.

— Это мое личное дело, господин капитан,— твердо ответила Эльфрида.

— Не совсем так,— возразил капитан и вновь подкрепился большим глотком вина.— Совершенно не безразлично, где, при каких обстоятельствах и с кем вы проводите время. И, поскольку здесь я за вас отвечаю, вы должны разрешить мне заботиться и о вас, и о том молодом человеке, с которым вы встречаетесь.

— Откуда вы это взяли? — спросила Эльфрида.

Катер про себя ухмыльнулся. Ему было хорошо известно, откуда он это взял, поскольку в этот день, последние минуты которого уже истекали, произошли три события, предостерегавшие его и заставлявшие спешить. Первое: его подчиненная, эта Радемахер, осмелилась вмешаться в его личные дела. Второе: генерал потребовал от него итоговый доклад о работе. Третье: старший военный советник юстиций Вирман прислал ему личное письмо с предупреждением.

— Я питаю к вам симпатии, фройляйн Радемахер. И даже там, где, казалось бы, мне совсем нет дела, в отношении вашего старшего лейтенанта, этого, как его... Крафта, я тоже принимаю участие. Он мне нравится, и мне, право, жаль, что он не отвечает мне взаимностью.

— Это меня совершенно не касается,— возразила Эльфрида.

— Поверьте мне,— продолжал Катер, сделав вид, что он не обратил внимания на ее слова,— ему в его положении очень нужны искренние друзья. Я знаю по меньшей мере двух человек, которые его распяли бы живого.

— Кажется, мне теперь известен и третий.

Капитан Катер, польщенный, улыбнулся.

— Не совсем верно,— возразил он.— Понятно, я могу многое, если захочу. Но зачем мне это, если речь будет идти о моем друге? С другой стороны, как офицер, я имею моральный долг. Например, я могу подать рапорт, если мне известно о нарушении этики и морали кем-либо из офицеров. Знаю ли я об этом? Иногда эти факты мною просто забываются, иногда я их не принимаю во внимание, поскольку они касаются моих друзей. Но я должен точно знать, кто является действительно моим другом и кто нет.

— Зачем вы говорите мне все это? — спросила Эльфрида.— Скажите об этом обер-лейтенанту Крафту.

— Послушайте, милое дитя,— вкрадчиво продолжал капитан Катер.— Я хочу быть с вами совершенно откровенным. Здесь нас никто не слышит. Итак, ваш обер-лейтенант Крафт немного экспансивный парень. Это мне совершенно ясно. Я не могу вести с ним прямой, откровенный разговор. Он схватит меня и попытается задушить, и поэтому я решил подключить для этого вас. Вы все это расскажете ему, поскольку в полном объеме я ему сказать все это не могу. Но если, при всех условиях, мои предупреждения не подействуют, я, как вы, вероятно, догадались, ни о чем не говорил, ни о чем. Понимаете? В этом случае я с вами говорил только о служебных делах, и ни о чем другом. Но может быть, вы, как любовница обер-лейтенанта Крафта, пожелаете по-иному интерпретировать мою беседу с вами и дать ей огласку? В таком случае оба вы попадете в такую кашу, заваренную вами же самими, что ваш Крафт сломает себе шею. Это я вам гарантирую.

— Я понимаю,— сказала Эльфрида уже мягче. Она подумала о том, что произошло этой ночью. Если история с ревнивым железнодорожником дойдет до Катера, то это будет целый поток воды на его мельницу.

— Ну вот,— с удовлетворением промолвил капитан. Считая, что всякая маскировка теперь уже излишня, он достал из ящика стакан и бутылку и поставил их на стол.— Зачем ходить вокруг да около, если речь идет о совершенно ясных делах.

— Хорошо,— согласилась Эльфрида Радемахер,— я с ним поговорю.

— Имейте в виду, милое дитя: этот Крафт должен выложить карты на стол. Я хочу знать, в каких отношениях находился генерал с лейтенантом Барковом и особенно с матерью Баркова. Он должен это выяснить. Не попусту же он часами проводит с нею время. Что мне потребуется в дальнейшем, я сообщу ему позже. Ну вот, а если Крафт ничего не скажет вообще, я, к сожалению, вынужден буду выполнить свой долг относительно морали и этики. Правда, имеется еще третья возможность, Эльфрида: вы жертвуете Крафтом, если только эту потерю можно назвать жертвой. Я это буду только приветствовать, поскольку моя слабость в отношении вас слишком велика.

Обер-лейтенант Крафт медленно шагал к своей квартире. Холодный дождь перешел в крупные снежные хлопья, и шинель Крафта стала тяжелой, а лицо блестело от влаги. Но все это не беспокоило обер-лейтенанта. Ему нужно было несколько остыть.

Дело с железнодорожником казалось ему опасным. Если эта история по одним из многих каналов приведет в военное училище, то неприятности ему гарантированы. В этих вопросах генерал, понятно, шутить не любит. Тем более что последний всегда утверждал: сейчас нельзя себя ничем компрометировать. Хорошо ему распространяться на эту тему: у него же нет Эльфриды Радемахер.

Обер-лейтенант замедлил шаги. Стояла мертвая, удручающая тишина. Не было слышно ни обрывков какой-либо мелодии, ни шума поезда, ни боя церковных часов — ничего.

Но внезапно Крафт услышал приближавшийся топот

солдатских сапог, которые ритмично маршировали по бетону. Было уже за полночь, солдаты, очевидно, чувствовали себя усталыми и не замечали наблюдения, так как вели себя довольно развязно. Чем ближе проходило маленькое подразделение, тем яснее замечал это опытный наблюдатель.

Мимо Крафта проходили три солдата. Очевидно, два патрульных под командой третьего. В темноте и при снегопаде лица солдат различить было трудно. Старший из них приветствовал офицера с необычной поспешностью.

Обер-лейтенант Крафт ответил на приветствие, приложив руку к козырьку фуражки, и с удивлением посмотрел вслед странному подразделению. Что за манера подчеркнуто приветствовать в темноте? Это было необычным. Капитан Ратсхельм был бы от этого в восторге, а у обер-лейтенанта Крафта это вызвало подозрения.

Он внимательно посмотрел за прошедшими, и фигуры солдат, в особенности старшего патрульного, показались ему знакомыми. Его отличная память сразу начала лихорадочно работать, и он воскликнул с удивлением:

— Не Редниц ли это?

Солдаты маршировали несколько ускоренным темпом: ничего другого им не оставалось в их положении.

Полагая, что он мог ошибиться, Крафт поспешил за тремя мушкетерами и скомандовал:

— Группа, стой! Кру-гом!

Он не ошибся. Перед ним стояли Редниц, Меслер и Вебер. Карманный фонарь освещал их смущенные и ставшие мертвенно-бледными лица. Они смотрели на Крафта, как будто он должен был немедленно объявить им приговор, но надежда на помилование была еще не совсем потеряна. Они молчали. Впрочем, их ни о чем и не спрашивали.

Обер-лейтенант Крафт решил безошибочно — что-то не в порядке. Он сразу догадался — здесь и не пахнет караульной службой, патрулированием, выполнением особых заданий, тем более что от «постовых» разило шнапсом.

— Через пять минут зайдете ко мне,— приказал он и скомандовал: — Кру-гом! Шагом марш!

Понурив голову, друзья потопали в казарму. Ноги их дрожали.

— Что будем делать? — озабоченно спросил Вебер, когда они зашли в свое помещение.

— Может быть,— предложил, несколько помедлив, Меслер,— мы доложим обер-лейтенанту, что отрабатывали несение караульной службы?

— Балда! — воскликнул Редниц.

При этом восклицании проснулся четвертый обитатель комнаты — фенрих Бемке. Он высунул свою кудлатую голову из-под одеяла. «Фауст» лежал у него на подушке.

— Вы уже вернулись? — дружески спросил он.

— Замри! — прикрикнул Редниц.— Ты ничего не слышал и ничего не видел, ты ничего не знаешь, поскольку читал своего «Фауста», а затем заснул. Все, что было после, тебе неизвестно. Ясно? Если ты не скажешь таким образом, то Крафт ощиплет тебя, как рождественского гусака. А нам бы этого не хотелось. За сегодняшнюю ночь достаточно трех жертв.

— Ты хороший товарищ,— заметил с благодарностью Бемке. И, чтобы подтвердить свою благодарность, процитировал:— «Все может совершить благородный и быстро соображающий...» — после чего вновь нырнул под одеяло.

— Мы попались, — глухо промолвил Вебер. — Он теперь может с нами сделать что захочет.

Их судьба теперь находилась в руках Крафта. Он мог позаботиться о том, чтобы они уже завтра покинули училище. А там — адью офицерская карьера, назад в строй, на фронт.

— Что-либо скрывать теперь вряд ли имеет смысл,— сказал Меслер подавленным тоном.

— У обер-лейтенанта Крафта это не пройдет, — убежденно заявил Редниц.

— Дамы должны быть вне игры,— потребовал Эгон Вебер.— В конце концов, я кавалер. Не можем же мы заявить, что нас обольстили.

Все было бесполезно — в этом фенрихи вскоре убедились. Тихо подошли они к двери кабинета обер-лейтенанта Крафта, робко постучались и вошли. Стояли с убитым видом, не смея поднять глаза на своего воспитателя.

Обер-лейтенант Крафт был краток.

— Слушайте меня внимательно, друзья. Вы вполне заслужили эту бессонную ночь, и я хотел бы с вами побеседовать. В частности, я хотел бы задать вам несколько вопросов, в том числе связанных со смертью лейтенанта

Баркова. Поймите меня правильно. Только одни эти вопросы интересуют меня. Если вы правдиво и исчерпывающе ответите на них, больше вопросов у меня к вам не будет. Понятно?

Фенрихи кивнули. У них теперь оставался выбор только между двумя возможностями: или они вылетают из училища, или говорят правду.

— Мы скажем правду, — заявил фенрих Редниц.

20

МИНА ПОДГОТОВЛЕНА

— Вы пишете сочинение,— сказал своим фенрихам обер-лейтенант Крафт.— Времени на эту работу — полчаса. Тема: «Смерть за отечество сладка!» Начинайте.

Тем самым обер-лейтенант Крафт подложил мину. Он почувствовал с некоторым удовлетворением, что должной ясности по теме ни у кого нет. Фенрихи смотрели на него с некоторым смущением, затем уставились перед собою. Через них прошло уже много идиотских, ни уму ни сердцу, тем.

— Начинайте, друзья,— подбадривающим тоном заметил Крафт. — Чего вы ждете? Недаром говорят: от смерти не уйдешь. И прежде чем она придет, было бы совсем неплохо, если бы вы по этому поводу высказали несколько мудрых мыслей.

Обер-лейтенант Крафт со своей трибуны шутил над воспитанниками, наблюдая за ними, как насторожившийся сенбернар. Выглядел он переутомленным. Некоторые из его фенрихов провели, как и он, не менее беспокойную ночь. Это были Редниц, Меслер и Эгон Вебер. Крафт выжал их, как лимон. Пробило три часа, когда они, полностью опустошенные, приплелись к своим койкам.

Крафту же понадобилось еще около часа, чтобы составить несколько заметок. И когда он наконец их закончил, дорога, которой он должен был следовать, была для него определена.

Эти заметки обер-лейтенант записал на маленьких листках бумаги своим аккуратным, похожим на печатный, почерком. Они воспроизводили в сокращенном виде все

то, что Крафт считал важным, и выглядели следующим образом.

Записка 1. Фенрих Эгон Вебер. Лейтенант Барков являлся только офицером. Он не интересовался ни партией, ни фюрером. Некоторые фенрихи, такие, как Амфортас, Андреас и, конечно, Хохбауэр, ставили фюрера превыше всего. Их самым любимым выражением было: «Мы — офицеры фюрера». Это приводило к противоречиям и спорам. Точка зрения лейтенанта Баркова была однозначна. Вышеуказанные фенрихи опасались, что курс не разделяет их мнения (Вебер показал дословно: «Все они боялись за свою задницу, и только Хохбауэр не боялся, что ему оторвут хвост»). На занятиях по саперному делу в Хорхерштанде мне ничего подозрительного не бросилось в глаза (Вебер — дословно: «А впрочем, всего можно было ожидать. Я все допускаю»).

Записка 2. Фенрих Редниц. Лейтенант Барков при каждом удобном случае подчеркивал, что здесь готовят солдат, а не партийных деятелей, здесь школа по подготовке офицеров. Его любимым выражением являлось: «Полностью и до конца можно отдаваться лишь одному делу: или армии, или партии». Точка зрения Хохбауэра: армия и фюрер — едины. Партия и фюрер составляют одно целое, и через него партия сливается с армией. Ответ лейтенанта Баркова на эти высказывания Хохбауэра: «Глупости! Кто хочет быть хорошим солдатом и посвятить себя военной службе, должен отдаться ей целиком или вообще не браться за это дело». На занятии по инженерному делу в Хорхерштанде перед подготовкой к взрыву крупной мины готовились в порядке тренировки, в учебных целях, многие малые заряды, в том числе и тот, который позже взорвался. Время горения бикфордова шнура в этих зарядах — пять секунд. Изготавливались они Амфортасом. Помогали ему Хохбауэр и Андреас. (Дословные показания Редница: «При последней решающей фазе работы присутствовало по меньшей мере восемь человек, из них трое стояли неподалеку от места происшествия. Всегда находятся любители, которые при всякой работе лезут вперед».)

Записка 3. Фенрих Меслер. Лейтенант Барков всегда был тверд как сталь. (Меслер заявил дословно: «В миниатюре он являлся копией нашего генерала, если я могу позволить себе такое замечание».) Лейтенант как бы представлял собою все солдатские идеалы и превозносил

их. У Хохбауэра тоже имелись свои идеалы, но его позиции были шатки, непрочны. (Меслер сказал буквально: «Может быть, это ему только казалось. Но, во всяком случае, у Хохбауэра его акции были невысоки. Не исключено, что поэтому он так упорно прикрывался фюрером».) Перед взрывом, как только была зажжена запальная трубка, Хохбауэр дал команду: «Все в укрытие!» (Меслер — дословно: «Все ее выполнили. Не могло же что-то просто взбрести ему в голову. Мы поверили Хохбауэру в тот момент, так как, очевидно, ему что-то было известно».)

Бикфордов шнур и запалы были всегда на месте работы в большом количестве, и незаметно взять часть их всегда представлялось возможным.

Сопоставив три записки, обер-лейтенант Крафт задумчиво посмотрел на них. Кое-что там было подчеркнуто, исправлено, часть недоговорена или преувеличена. Но при всех условиях материала было вполне достаточно, чтобы загнать дичь в расставленные сети.

Крафт сошел с трибуны и начал обходить ряды столов, за которыми сидели лихорадочно скрипевшие перьями фенрихи. Таким образом он прошел по всей аудитории вплоть до задней стены. Здесь он остановился и пристально посмотрел на согнутые спины своих подопечных. Терпеливая бумага покрывалась буквами, словами, предложениями, абзацами, которые по замыслу руководства должны были составлять идейный заряд неимоверной мощи: «Как сладко умереть за отечество».

— Простите, я не хотел вам мешать, коллега, — промолвил капитан Федерс, заглянув в аудиторию,— но мне нужно с вами поговорить в течение нескольких минут.

— Пожалуйста, господин капитан, очень рад, — ответил Крафт и, покинув свой тыловой наблюдательный пункт, направился навстречу вошедшему.

Федерс подошел к первому ряду столов и с любопытством заглянул через плечи фенрихов. Увидев, над какой темой они работают, он приятельски подмигнул Крафту и заметил фенрихам:

— Не поломайте все зубы над вашей темой, друзья. Оставьте несколько для меня, чтобы и я мог эти остатки у вас вырвать на своих уроках.

Фенрихи посмотрели на капитана Федерса снизу вверх и в рамках, дозволенных субординацией, рассмеялись над его шуткой, но смех прозвучал неискренне, как-то устало.

Этот Федерс, говорили они себе, конечно, сразу определил, что тема может подложить пишущему большую свинью. Эта «сладкая смерть за отечество» в их понимании превратилась в типичную письменную болтовню, содержащую обычные штампы и общие фразы. Но, спровоцированная громким названием, каша из обрывков мыслей оказалась неудобоваримой, и фенрихи, давясь, пытались ее теперь проглотить.

— Оставим ребят корпеть над темой, — промолвил капитан Федерс. — Выйдем на минутку в коридор.

— Крамер, присмотрите в мое отсутствие за порядком, — приказал Крафт старосте группы.— Никаких переговоров друг с другом! Понятно? Я не хочу, чтобы у соседей или сидящих спереди и сзади были одни и те же фразы, как близнецы. Это будет не что иное, как воровство чужих мыслей. А мне не доставляет удовольствия принимать участие в воспитании фенрихов с криминальными наклонностями.

— Для этого у вас еще будет время впереди, когда вы наконец станете офицерами,— не задумываясь, бросил капитан.

Федерс и Крафт оставили фенрихов одних и отправились в коридор. У окошка они остановились. Здесь никто не мог им помешать и услышать их беседу.

— Кого вы хотите поймать на вашу «сладкую смерть», дорогой Крафт? — поинтересовался Федерс, дружески подмигнув обер-лейтенанту.

— Господин капитан,— откровенно ответил Крафт, — можете вы себе представить, что один или несколько наших воспитанников совершенно умышленно подорвали лейтенанта Баркова?

— Конечно могу, — не удивляясь, ответил капитан.— Такие случаи бывают. Количество их в процентном исчислении уменьшается, но это, очевидно, происходит оттого, что эти случаи скрывают из боязни начальства.

— Господин капитан! Здесь речь идет о фактах.

— Именно о них я и говорю,— сказал Федерс. — Еще в мирное время я знал одного солдата, который разрядил свой карабин в унтер-офицера прямо на плацу. Унтер-офицер перед этим дал солдату взбучку — тот рассвирепел и убил командира. Далее: прямо после начала войны один ефрейтор сбросил хауптфельдфебеля вместе с автомашиной с обрыва. Машина и хауптфельдфебель разбились вдребезги, а ефрейтор своевременно спрыгнул. И да-

лее — у меня на глазах был убит командир соседней роты. Он шел в атаку впереди своих солдат. Ему выстрелили в спину, и не раз, а дважды.

Для Федерса, вероятно, не существовало ничего, что бы могло его удивить. Сама смерть ему казалась пустяком.

— Вы считаете, — продолжал он, — что кто-то из наших фенрихов прикончил Баркова? И тот был настолько глуп, что позволил себя убить? Очевидно, фенрихи совершили эту операцию мастерски. Это их преимущество. Неужели вы, любезный Крафт, серьезно считаете, что вам удастся найти преступника или преступников?

— А если это мне действительно удастся, господин капитан?

— Тогда я был бы первым, кто помог бы вам рассчитаться с убийцами, Крафт. Но не питайте иллюзий, мой дорогой: лисичка слопала утенка и исчезла в своем домике.

— Я попытаюсь ее выманить оттуда.

— Тогда я могу только сказать: ни пуха ни пера, дорогой Крафт, но будьте осторожны с оружием. Оно иногда стреляет назад, в охотника.

— Посмотрим,— заметил Крафт, на которого беседа с капитаном не подействовала воодушевляюще.

— Это на вас похоже,— угрюмо заметил Федерс.— Я послежу за этим, Крафт. Через несколько дней я почувствую, куда вы выйдете и кто вас на это инспирирует! Вы хотите голыми руками вытащить из навоза целую гору. Вы прирожденный кандидат в самоубийцы. А в основном вы на меня похожи. Мне вас жаль, Крафт, но вы мне нравитесь.

— Вы мне тоже нравитесь, капитан Федерс.

Капитан внимательно посмотрел на Крафта и с горечью кивнул. Затем он резко ударил его по руке, хотел что-то сказать, но, очевидно, не подыскал в этот момент нужных слов, резко повернулся и пошел прочь.

— Вы хотели мне что-то сказать, господин капитан?— крикнул ему вслед Крафт.

Федерс остановился и посмотрел на него.

— Совершенно верно, — ответил он.— Я хотел вас просить подменить меня на следующих уроках. Вы согласны?

— Конечно, — сказал Крафт и задал обычный воп-

рос:— Начальник учебной части или начальник курса знают об этом?

— Ни тот ни другой, — ответил Федерс вновь добродушным тоном. — Я хочу уладить личные дела. Мне нужно поговорить с Миннезингером моей жены. Мне кажется, она вчера выставила его из дома. Что вы на это скажете, Крафт?

— Я бы приветствовал это, будь я на вашем месте.

— Но вы не на моем месте, Крафт. И несколько дней назад я уже вам говорил, что вы должны быть этим довольны! А теперь мне, право, трудно сказать, кто из нас двоих больше достоин сожаления: вы со своим испорченным мозгом или я со своим искалеченным телом.

— Каждый несет свой крест,— промолвил Крафт, — в том числе и ваша жена.

— Я стараюсь, Крафт, совершенно честно ни в чем ее не ограничивать. Почему она противится этому?

— Потому что она пришла к убеждению, что ей нужны только вы, Федерс.

— Откуда вы это взяли? Эта область, в которую вы пробрались, весьма опасна. Я вас предупреждаю.

— А, да что там, — не задумываясь, ответил Крафт.— Вы вмешиваетесь в мои дела, я озабочен вашими. Мы, таким образом, начинаем друг друга исследовать.

— Прекрасно. И что же вы при этом установили?

— Нечто весьма простое, голый факт: что замена является не чем иным, как только заменой. Вы сами толкнули на это вашу жену. Она вас не отвергала. Наоборот, она сама искала близости с вами. И то, с чем она теперь столкнулась, не явилось следствием вожделения, как обычно думают. И она убедилась в этом. А это значит, что она прогнала его сознательно. Она излечилась. Она вернется туда, где она должна быть. И это произойдет в исключительно короткий срок. Вам не кажется это, Федерс?

— Крафт, — промолвил взволнованный капитан, — только теперь мне стало ясно, кем вы являетесь в действительности. До настоящего времени я принимал вас за разновидность мечтателя. Но это оказалось далеко не так. Вы затеваете свои дела не из любви к приключениям, как я думал раньше, — вы идете с расчетом и точно зная куда.

— Выгоните Миннезингера.

— Еще рано, — промолвил Федерс. — Одному я на-

учился у вас, Крафт. У вас есть терпение. Вы можете выжидать длительное время. Я поступлю точно так же.— Капитан повернулся и хотел идти, но вновь остановился и посмотрел на обер-лейтенанта Крафта. Казалось, он чего-то ждал. Подойдя к Крафту вплотную, он серьезно сказал: — Вновь возвращаюсь к вашей теперешней добровольной роли Шерлока Холмса, милый Крафт. Поверьте мне, нет необходимости искать виновных и вскрывать их. Вы не должны упускать из виду, что в этом деле, должно быть, замешано много лиц, в том числе, предположительно, кто-то руководил им. Подумайте о цепочке: руководитель — исполнители — сообщники и, очевидно, какое-то количество посвященных и непосвященных свидетелей. Ход размышлений по этому делу укладывается примерно в такую схему: почему нет безапелляционных доказательств, почему до сего времени молчали, почему не собрали исчерпывающих отправных данных? Только предположения, подозрения, домыслы.

— Об этом я уже думал, господин капитан.

— Надо полагать, мой дорогой. И к каким же итогам вы пришли? Допустим, вам нужны признания, чтобы подготовить материалы для разбирательства военным судом. Или, может быть, вы намерены сами выступить в качестве судьи? Я допускаю и такой вариант, но предостерегаю вас от него. Если же вы намерены представить виновного по команде, Крафт, то вам необходимо проделать следующее: вы должны его изолировать; вы должны отрубить все его связи с его кликой; вы должны разбить его влияние — и только тогда, когда он останется совсем один, вы можете его схватить. Ясно?

— Я готов к этому, — сказал обер-лейтенант просто.

— Превосходно, — заметил Федерс, — но вначале составьте завещание.

— Ваше время истекло, — промолвил обер-лейтенант Крафт своим фенрихам.— Крамер, соберите работы! Перерыв десять минут.

Фенрихи вышли из аудитории. Они разбились в коридоре на маленькие группы. Эгон Вебер хмуро промолвил:

— Легче умереть, чем расписывать об этом.

— На практике это происходит значительно быстрее,— бросил Меслер.

— Интересно, — спросил Редниц, — чего, собственно, хотел обер-лейтенант Крафт добиться постановкой этой

темы? Какой-то скрытый смысл она, безусловно, имеет.

— Точно сказать трудно, — заметил Меслер.— Может быть, он тоже устал, и ему не хотелось заниматься чем-либо более полезным.

— «Сладкая смерть», — протянул Вебер задумчиво.— Тьфу, черт!

— Твое возмущение не помешало тебе, однако, — сказал жестко Редниц, — заявить в сочинении, что ты готов за отечество пойти куда угодно, в любое «сладкое путешествие», даже на тот свет.

— Что поделаешь, — резонерски бросил Вебер.

— Как приятно спать за отечество, — сказал, ухмыляясь, Меслер.— Я выбрал бы себе такую тему на весь курс обучения.

— По вашему приказанию письменные работы собраны,— доложил командир отделения фенрих Крамер.

— Положите на кафедру, — сказал Крафт.

— Слушаюсь, господин обер-лейтенант, — отчеканил Крамер, старательно собрав все работы в пачку и положив их перед Крафтом. Он делал все подчеркнуто аккуратно и не спеша.

Обер-лейтенант с интересом смотрел на него. Крамер был необыкновенно услужлив — это бросалось в глаза. Он, очевидно, примыкал к клике Хохбауэра. Крафт хотел в этом убедиться. Здесь, во всяком случае, имелась возможность выбить камень из стены, которую требовалось разрушить. И не было необходимости для этого терять много времени.

— Скажите, дорогой Крамер, — спросил Крафт,— давно ли вы здесь командиром отделения?

— С начала обучения, господин обер-лейтенант.

— И вы намерены оставаться им до конца обучения?

Этим прямым, коварным вопросом фенрих Крамер был сбит с толку. Он никак не мог найти подходящего ответа.

Крамер сразу догадался, чем грозил ему коварный вопрос обер-лейтенанта. Его пост командира учебного отделения находился в опасности. Положение Крамера, как командира отделения, конечно, налагало на него дополнительные обязанности, но и давало существенные преимущества по сравнению с другими фенрихами. Он являлся как бы посредником между ними и офицерами —

преподавателями и воспитателями. Он являлся их связующим звеном и помощником, доверенным лицом и погонщиком.

Он избирался фенрихами и, конечно, рассчитывал продержаться на своем посту до конца обучения. Это гарантировало бы ему выпуск в числе передовых и успешное начало офицерской карьеры. Снять его могли лишь в случае каких-либо немыслимых проступков: например, кражи серебряных ложек, насилия над женой начальника училища и еще черт знает каких преступлений. И это должно быть отлично известно обер-лейтенанту.

— Мне бы не хотелось вас потерять, Крамер,— с уничтожающим дружелюбием заметил Крафт,— но я боюсь, что это может произойти, если вы будете забывать свои основные обязанности и правила на посту командира отделения. Я имею в виду — абсолютный нейтралитет и объективность. Вы подчинены только мне и ко всем должны относиться совершенно одинаково, не отдавая предпочтения какой-либо группировке или клике. Вы не имеете права выполнять обязанности цензора и давать товарищам какие-либо оценки и характеристики. Предоставьте эту работу командирам и воспитателям. Еще раз повторяю, вы должны стараться быть полностью объективным. Если вы не совсем представляете, что под этим следует иметь в виду, можете в любой момент обращаться ко мне. Надеюсь, вы меня правильно понимаете, фенрих Крамер?

— Так точно, господин обер-лейтенант! — ответил пораженный фенрих.

Крамер понимал — у него нет выбора. Он был вынужден демонстрировать свою объективность, чтобы выполнить по возможности без конфликтов задачи, стоявшие перед учебным отделением. Этой цели он мог достигнуть лишь с помощью обер-лейтенанта Крафта. Отнюдь не в процессе конфронтации с ним, так как это привело бы к новой замене офицера-воспитателя в третий раз за короткий срок обучения. Конечно, это могло произойти, но лучше было избежать подобной замены.

— Ну, — промолвил Крафт, — я надеюсь на дальнейшее плодотворное сотрудничество.

— Так точно, господин обер-лейтенант!

Между тем Крафт начал просматривать сочинения своих фенрихов. Делал он это весьма бегло, но то, что он увидел, оправдало его ожидания. Одна-единственная ра-

бота привлекла его особое внимание и вызвала интерес. Она показалась ему удивительной. Ее содержание превосходило самые смелые ожидания Крафта. Это особо ценное для него творение, продукт старательного измышления, он заботливо отложил в сторону.

Тем временем Крамер занимался с учебником. Он сидел на своем месте и делал какие-то пометки, поглядывая время от времени на своего руководителя.

— Господин обер-лейтенант, разрешите задать вопрос? — осмелился он наконец.

— Пожалуйста, Крамер.

— Разрешите узнать, действительно ли вы имеете намерение работать со мною?

— Крамер, — дружески промолвил обер-лейтенант, — в вашем качестве командира учебного отделения вы являетесь в мое отсутствие как бы моим заместителем. Это должно вам говорить все. Вы делаете то, что, по вашему мнению, сделал бы и я. Это же очень просто.

— Так точно, господин обер-лейтенант, — преданным тоном подтвердил Крамер.

— Само собой разумеется,— пояснил Крафт,— я всегда поставлю вас в известность, если у меня возникнут какие-либо особые желания. Но сейчас в этом нет необходимости. Сейчас вы должны объявить об окончании перерыва, ну... скажем, через пять минут. До этого времени я просмотрю оставшиеся работы.

— Перерыв окончен! — раздался голос Крамера в коридоре. — Быстро, быстро! — подгонял он своих коллег.— Что вы плететесь, как сонные мухи! Может быть, мне приделать вам ноги?

Фенрихи устремились в аудиторию. Они не обращали внимания на окрики Крамера. Это был здесь обычный тон, повседневная манера обращения, к которой они привыкли. То, что Крамер сегодня был особенно ретивым, не произвело на них должного впечатления и осталось незамеченным. Они тайком бросали взоры на воспитателя, и от их наблюдательных глаз не могло скрыться, что настроение обер-лейтенанта, очевидно, не ухудшилось. Это был хороший симптом, и, в ожидании его разбора, они начали рассаживаться по местам.

— Итак, начнем, — промолвил Крафт.

Командир отделения, очевидно желая показать, насколько он является ревностным, соответствующим назначению служакой, оглушительно, как на плацу, рявкнул:

— Внимание! — и отдал рапорт.

Крафт махнул рукой. Крамер вновь прорычал:

— Садись!

Фенрихи, как кули с мукой, шлепнулись на стулья.

Крафт медленно обводил глазами аудиторию. Всеобщее беспокойство постепенно возрастало. Наконец обер-лейтенант показал рукой на сочинения, лежавшие перед ним.

— Друзья, после беглого знакомства с вашими работами у меня возник вопрос: почему вы все еще живы, хотя, по вашему же собственному единодушному утверждению, умереть за отечество неимоверно приятно, просто сладко?

Фенрихи вначале как-то пригнулись, а затем с интересом уставились на преподавателя. Их офицеры, в том числе и капитан Федерс, всегда удивляли неожиданными интерпретациями того или иного положения.

— То, что каждый из нас когда-то должен умереть,— продолжал обер-лейтенант Крафт, — пожалуй, единственное, что нам известно с абсолютной точностью. Не ясны лишь время и обстоятельства этого печального события. Возможности здесь чрезвычайно многообразны. Начиная от грудного младенца, который может подавиться соской, и кончая глубоким старцем, чье вконец изношенное сердце останавливается. При этом имеется удивительно богатый выбор разновидностей смерти — от естественных до насильственных и, наконец, от естественно-насильственных до насильственно-естественных, и среди них — смерть на так называемом поле чести. Это поле чести может быть лугом, покрытым цветами, и навозной кучей, романтически журчащим ручьем или грязной лужей. Смерть является неисчерпаемой темой для репортажей и стихов.

Фенрихи смущенно переглянулись. Им понемногу становилось ясно, что их утомительная работа не являлась, как им казалось, безобидным упражнением. По мнению обер-лейтенанта Крафта, а его мнение было здесь безапелляционным, работа имела серьезный характер. Эта «сладкая смерть» являлась, очевидно, не чем иным, как тонко замаскированной ловушкой.

Обер-лейтенант взял несколько, видимо первых попавшихся ему под руку, работ и начал цитировать их отдельные фразы.

— Вот что, например, пишет фенрих Меслер: «Еще

в Древней Греции ее граждане с радостью умирали за отечество». Это можно допустить, тем более что противное в настоящее время весьма трудно доказать. Кроме того, во все времена имелось определенное количество людей, которые охотно умирали. Например, самоубийцы. Ну, конечно, и некоторые герои также. Меня удивляет и заявление фенриха Амфортаса, который, между прочим, пишет: «Нет прекрасней смерти». Я мог бы назвать несколько видов смерти, которые, по меньшей мере, так же прекрасны, как и смерть на поле боя. А вот, например, фенрих Андреас, как мне кажется, беседует по заданной теме с самим господом богом, так как он пишет: «Солдату предначертано провидением умирать такой прекрасной смертью». Могу по этому поводу заметить: этим любимцам провидения, очевидно, выпадает возможность пробраться вперед, чтобы по крайней мере остальным остаться в живых.

Фенрихам показалось, что имеется прямой повод для смеха. Кое-кто улыбнулся. Отдельные смешки переросли во всеобщий хохот.

Крафт взял наконец работу, которую перед разбором заботливо отложил в сторону.

— Здесь, — промолвил он, — я обнаружил особый, буквально роскошный экземпляр «сладкой смерти», прямо, можно сказать, из кондитерской. Я позволю себе отрезать на пробу кусочек. Цитирую: «Смерть за отечество означает благороднейший и чистейший в истории человечества поступок. Она должна венчать героическую жизнь. Она сладка в смысле наслаждения бессмертием». Я спрашиваю себя: как может нормальный человек слепить вместе это дерьмо?

Фенрих Хохбауэр встал бледный как полотно. Ему, герою ортодоксальных взглядов, не оставалось ничего иного.

— Господин обер-лейтенант, — промолвил он, — тем, что я написал, мне хотелось выразить мысль, что смерть за отечество является почетнейшей смертью.

— Это-то и является спорным, — заявил Крафт, — но, к сожалению, спорить об этом можно не с каждым. Я лично мог бы привести в пример много иных видов смерти, которые являются почетными, но среди них нет, пожалуй, ни одной, которая была бы сладкой. Чем восторгаться? Человек на поле боя издыхает иногда в считанные доли секунды, а иногда мучится целые сутки.

— Тезис о том, что смерть за отечество сладка, — упрямо оборонялся Хохбауэр, — нужно рассматривать как непреложное классическое завещание, изложенное в соответствующей образной форме, господин обер-лейтенант. Это изречение украшает и сейчас многие памятники и триумфальные арки. Оно имеется в книгах для чтения и цитируется на многих торжествах.

— С тех времен, когда в туманной древности какой-то подстрекатель-бард сочинил стихи о «сладкой смерти», прошло несколько тысяч лет, — промолвил Крафт, которому упорство Хохбауэра, казалось, пришлось по душе. — За это время люди вряд ли стали значительно умнее, но они могли накопить опыт, хотя сама память о войнах в историческом разрезе невелика. Тем не менее повсюду утверждают, что именно ведущаяся война по сравнению со всеми предыдущими является образцовой. Каких-либо несколько десятилетий назад распевали: «Вчера еще был в полной силе, а сегодня с простреленной грудью лежит в могиле». Но война начхала на стихи поэтов. Она редко бьет в грудь. Она рвет, раздирает, жжет, раздавливает в лепешку, дробит в клочья. Понятно, что при этом вряд ли кто осмелится сказать о ее сладости, от этих рассуждений не остается и следа.

— Господин обер-лейтенант, по этому вопросу такой же точки зрения придерживаются господа Ремарк, Ренн и Барбюс, — настаивал на своем Хохбауэр.

Фенрихи испуганно переглянулись. Они сразу увидели, что последние аргументы Хохбауэра были опасного свойства и были задуманы как уничтожающие, беспощадные удары ниже пояса. Точно так же, как тогда, когда на месте Крафта перед ними стоял лейтенант Барков. Барков ответил тогда полным отрицанием, в то время как обер-лейтенант Крафт, наоборот, весь засиял, как будто ему сделали давно ожидаемый подарок. Фенрихи терялись в догадках, в чем же дело.

Крафт действительно с трудом скрывал свой триумф. Хохбауэр как раз попал в положение, на котором Крафт хотел его поймать. Он настиг свою жертву. Теперь ему оставалось только прихлопнуть ее.

Крафт спокойно сказал:

— Я констатирую, Хохбауэр, что вы имеете дерзость приписывать высказывания нашего фюрера господину Эриху Мария Ремарку.

Эта фраза явилась как бы своеобразной колонной, на

которую налетел лбом фенрих Хохбауэр. Он смотрел вокруг себя совершенно обескураженно, будучи не в состоянии даже полностью осознать, что ему только что сказал обер-лейтенант. Его физиономия выражала абсолютную беспомощность. Остальные фенрихи насторожились, почувствовав, что присутствуют на интереснейшем представлении.

И Хохбауэр почти беспомощно спросил:

— Нашего фюрера?

Крафт кивнул с удовлетворенной улыбкой:

— Совершенно верно! Я говорю о нашем фюрере, Хохбауэр. И я не позволю сравнивать его с Ремарком. Я нахожу просто неслыханным, что вы осмеливаетесь подозревать его в этом, если не просто позорить. Как вы можете стать офицером, если даже не удосуживаетесь знать и уважать взгляды вашего верховного главнокомандующего?

Хохбауэр просто не знал, что с ним произошло. Может быть, действительно, он допустил ошибку? И это он, считающий себя верным и преданнейшим солдатом фюрера! Он не находил слов. Фенрихи сидели разинув рот, с широко открытыми глазами.

— Вы должны постоянно, — промолвил Крафт, — заглядывать в книгу Гитлера «Майн кампф», Хохбауэр, а у вас, очевидно, для этого не хватает времени. Я вам настоятельно рекомендую делать это систематически. А может быть, у вас вообще нет намерения стать офицером фюрера? Мне кажется, это так, и, к сожалению, я должен сделать соответствующие выводы.

Хохбауэр бессмысленно уставился на своего воспитателя. То, что с ним произошло, было просто чудовищно! Если ему не изменяет слух, здесь сомневаются в том, что он всегда считал смыслом своей жизни. Он, для которого фюрер всегда был превыше всего! Превыше всего на свете!

Крафт поучал далее, что Адольф Гитлер, как фронтовик еще времен первой мировой войны, никогда не мог сравнить поле боя с кондитерской. О «сладкой смерти» у него никогда и нигде не было сказано. Наоборот, фюрер всегда подчеркивал, что смерть не пряник. Обер-лейтенант Крафт по этому вопросу так долго распространялся, что фенрих Хохбауэр окончательно сломался, постепенно сам убедился в своей неправоте и осознал, что должен стыдиться своих высказываний.

Это было событие, которое взбудоражило весь курс. Фенрихи видели, что клин можно выбить клином. Хохбауэр впервые был побит, и причем своим собственным оружием. Меслер почти стонал от блаженства, понимая, что Крафт погасил у Хохбауэра последнюю искру сообразительности, «запудрил ему мозги».

В заключение обер-лейтенант Крафт заявил:

— Хохбауэр, я рассматриваю вашу концепцию как подрывающую мощь наших вооруженных сил. Если речь идет о нашем фюрере, я не знаю пощады. Заметьте себе это.

21

ПРОВЕДЕНИЕ СВОБОДНОГО ВРЕМЕНИ

— Господа,— сказал, проснувшись, фенрих Меслер,— сегодня суббота — день кандидатов в офицеры! Радуйтесь и веселитесь! Уже с полудня мы можем развлекаться, а вечером вообще наслаждаться жизнью до упаду.

Фенрих Эгон Вебер перевернулся на своей койке, громко зевнул и заявил:

— Когда я просыпаюсь в субботу, я всегда только и думаю, как бы мне где-либо поудобнее прилечь и вздремнуть вновь.

— Тоже мне заботы! — воскликнул весело Редниц, натягивая спортивный костюм.

— А мне бы твои заботы, дружище,— возразил Вебер.— Меня лично всегда беспокоит мысль: что там не срабатывает в наших планирующих штабах, как выиграть войну? Может быть, близорукость некоторых деятелей мешает окончательной победе? А может быть, имеет место сознательный саботаж?

— Ты что, заболел? — спросил озабоченно Редниц. — Может быть, тебе нужно освобождение от занятий?

— Дай мне докончить! — воскликнул с возмущением Вебер. — Что это за идиотское планирование, спрашиваю я себя. Как мог любой более или менее нормальный офицер от канцелярии перевести целую военную школу в это захолустное, богом забытое место? Он должен быть или импотентом, или гомосексуалистом, поскольку женская часть населения среднего возраста в этом городке не со-

ответствует ни в малейшей степени нашим запросам и потребностям.

— Браво! — воскликнул Меслер с признательностью.— Ты должен по этому вопросу подать рапорт по команде.

— А ведь действительно, друзья! В нашей дыре нет ни дома отдыха для женского персонала, ни института благородных девиц, ни лагеря трудовой повинности для женщин. Поэтому самую животрепещущую из проблем каждому приходится решать в диком порядке, как ему заблагорассудится.

Бюро регистрации новорожденных по этому вопросу могло бы дать здесь исчерпывающую справку. Каждый выпуск оставлял в городке от тридцати до пятидесяти внебрачных детей. Значительная часть их вообще не учитывалась статистикой. Определить, кто является отцом, было просто невозможно, так как на этот вопрос следовал стереотипный ответ: «Отцом является фенрих». А их в каждом выпуске было до тысячи, и найти милого папу было просто невозможно.

Практики вроде Меслера быстро ориентировались в обстановке и делились опытом.

— Никогда нельзя сообщать женщинам свою настоящую фамилию,— советовал он своему другу Редницу.— Я, например, всегда называю себя при знакомствах с девицами Хохбауэром. Не правда ли, милая шутка?

Редниц пропускал эти советы мимо ушей. Они его не смешили. К тому же все, что было связано с Хохбауэром, давно не доставляло ему удовольствия и не вызывало интереса. И это не только потому, что этот Хохбауэр когда-то ударил по лицу беззащитного Меслера.

— Да,— промолвил задумчиво поэт Бемке. — Вечно женственное! — Начав день, так сказать, с цитат Гете, он оглянулся вокруг с удовлетворением.

— Наш Бемке, — заметил Вебер, — опять исчерпывающим образом решил проблему. Итак, друзья, что меня особенно беспокоит, так это то обстоятельство, что здесь уже давно мышь считают слоном. В прежние времена кухарка млела от счастья, если за нею увивался извозчик. А теперь ей подавай по меньшей мере кандидата в офицеры с прямыми шансами, что он вырастет до генерала. Что это, собственно говоря, за свинство творится на белом свете?

— Что, твой жучок сегодня не придет? — весело спросил Меслер.

— Представьте себе, — доверительно сообщил Вебер,— маленькая кухонная стерва начала мне ставить условия. Она, видите ли, желает, чтобы ее приняли в обществе. Но я это у нее выбью из головы, даже если бы мне для этого пришлось половину Вильдлингена превратить в развалины.

— Ты имеешь что-либо против меня?— спросил фенрих Хохбауэр.

Он стоял перед Редницем в умывальнике. Редниц, не прекращая намыливаться, быстро взглянул на Хохбауэра.

— Ни против тебя, ни за тебя, — ответил он, продолжая свое занятие.

— Было бы досадно, если бы мы не поняли друг друга, — промолвил Хохбауэр почти навязчиво. — Ты не находишь?

— Нет,— ответил Редниц, — поскольку это мне совершенно безразлично.

— А мне нет, — сказал Хохбауэр подчеркнуто.— Вероятно, когда-нибудь нам придется искать взаимопонимания. И может быть, это будет связано с большими преимуществами для нас обоих.

— Совершенно бесполезно, — бросил Редниц и направил струю воды себе на грудь. — Я не ищу преимуществ, особенно с твоей помощью.

— Может быть, твое мнение еще изменится,— промолвил Хохбауэр перед тем, как покинуть умывальную комнату. — Дай мне знать, если это случится.

Хохбауэр направился в свою комнату. Он открыл шкаф и начал одеваться. На внутренней стороне дверцы его шкафа красовался портрет фюрера. В развевающейся шинели на фоне облаков, испытующий, направленный вдаль взгляд, отличная прическа, энергичные щетки усов, несколько убегающий назад лоб и подбородок боксера — Гитлер-полководец в четыре краски. Хохбауэр счел совершенно необходимым серьезно задуматься о своем теперешнем положении в военной школе. Обер-лейтенант Крафт дал ему в этом направлении последний толчок. И если ему было еще не ясно, что он там нагородил в сочинении со своей «сладкой смертью», то одно было ему бесспорно известно: его позиции поколебались. Это было ему точно известно. Теперь против него были не только

отдельные фенрихи, как, например, Редниц и его друзья, но и офицер-воспитатель.

Хохбауэр осмотрелся вокруг. У фенрихов, находившихся пока в их спальнях, очевидно, еще сидела в костях утренняя усталость. Они медленно передвигались по комнатам и ворчали. Казалось, они не замечали Хохбауэра, и его мозг сверлила мысль: «Что все это должно означать? Умышленно они это делают или мне так кажется? Чуждаться меня они стали, что ли?»

Хохбауэр остановил Андреаса. Он схватил его за руку и сказал:

— Я забыл свое полотенце в умывальнике. Принесешь его мне?

— Мне нужно вычистить свои сапоги, — хмурясь, ответил Андреас.

— Ты не хочешь? — с угрозой спросил Хохбауэр.

— Сейчас пойду, — сказал без особого энтузиазма Андреас. — Почему я буду отказываться, если ты просишь меня о товарищеской услуге?

— Ладно, — промолвил Хохбауэр с удовлетворением. Он выпустил руку своего соседа по койке, и на его лице вновь показалась обычная холодная улыбка. — Ты можешь сэкономить себе путешествие в умывальник. Я вспомнил, что полотенце взял с собой.

— Ну вот видишь! — крикнул Андреас с облегчением. Он схватил свои сапоги и выскочил в коридор.

Хохбауэр посмотрел вслед своему товарищу. Особенно услужливым он не был, но явного нежелания выполнить его поручение не проявил. Помимо этого, могло быть и так, что он просто не выспался. Во всяком случае, нужно быть начеку. Каждую позицию важно не только завоевать, но и удержать.

И поэтому Хохбауэр направился к Амфортасу. Он подошел к нему, остановился напротив, посмотрел дружелюбно-испытующим взглядом и спросил:

— Ты захватишь с собой на занятие мои книги и конспекты?

— Ты что, один не донесешь?

Однако Амфортас сразу почувствовал, что́ его ожидает в случае отказа. Он не стал осложнять положение и, не дожидаясь, пока Хохбауэр подойдет вплотную и скажет угрожающим тоном: «Ты не хочешь?» — быстро застраховался:

— Но если это тебе доставляет удовольствие, я, само

собою разумеется, захвачу твои вещи. Ты, кажется, хочешь первым выступать?

— Ну, вот так-то, — самодовольно промолвил Хохбауэр и тут же спросил подкупающим тоном:

— Ты, конечно, не думаешь, что я когда-либо делаю или требую что-нибудь несправедливое, не правда ли?

— Я даже представить себе не могу, чтобы ты когда-нибудь смог это сделать, — с готовностью подтвердил Амфортас.

Хохбауэр величественно кивнул. Если он что-либо делал, то, по его мнению, он это делал не для себя, а для Германии. С этой целью он подбирал себе друзей, был готов принимать от них жертвы и полагал, что только он может требовать этих жертв. Он был глубоко убежден в том, что все, что им самоотверженно совершается, является добром, направленным на благо Германии. Часть его товарищей находилась в оппозиции к нему. Это не исключало, что разница во взглядах иногда усиливалась, следуя вечному закону, по которому добру всегда сопутствует зло.

Насколько блестящи и верны были его взгляды и познания, Хохбауэр убедился вновь на первых же сегодняшних занятиях, которые проводил со всем потоком многоуважаемый капитан Ратсхельм. Тема занятий: «Присяга фюреру и верховному главнокомандующему вермахта».

Капитан Ратсхельм закончил лекцию словами:

— Присяга является самым святым, что только может быть у солдата. Понятно всем? Открыть окна. Опять в аудитории нечем дышать. Большой перерыв.

Капитан внес соответствующие записи в дневники отдельных учебных отделений, расписавшись с причудливыми, почти художественно выполненными завитушками, после чего вызвал к себе фенриха Хохбауэра. Тот незамедлительно прибыл. Казалось, Хохбауэр ожидал этого вызова. Образцово вытянувшись, он сразу появился перед Ратсхельмом и уставился в него преданным взглядом.

Капитан улыбнулся. Он немного наклонился к нему и спросил:

— Вы не смогли бы оказать мне любезность, Хохбауэр?

— Так точно, господин капитан! — гаркнул фенрих.

— Фрау Фрей, — доверительно продолжал капитан, — высказала мне пожелание продолжить чтение наших книг.

И, если я не ошибаюсь, она просила пересылку этих книг осуществлять через вас, мой дорогой Хохбауэр. Сегодня после обеда она ждет вас к вечернему чаю. Это чудесный признак доверия. Кроме того, госпожа Фрей не только дама высокой культуры и образования, но и пользуется колоссальным влиянием в обществе.

— Благодарю вас, господин капитан, — тепло промолвил Хохбауэр.

Он вновь отправился к коллегам из своего отделения. Черные мысли, с утра бродившие в его голове, рассеялись. Он как бы забыл о них. Высокоуважаемый и влиятельный начальник учебного потока ценил его и избрал для связи с офицерскими кругами.

— Что от тебя нужно шефу?— спросил с любопытством Андреас.

— Личное поручение,— ответил, подумав, Хохбауэр.

— Да,— протянул Амфортас, — ты, вероятно, пользуешься у него доверием, не правда ли?

— Что же особенного,— бросил Хохбауэр,— мы хорошо знаем друг друга.

Остальные тоже заинтересовались и придвинулись ближе. Ни от кого не укрылось, что Ратсхельм выделяет Хохбауэра из общей среды, и всем не терпелось узнать причины этой близости.

— Господа,— заявил покровительственно Хохбауэр,— не насилуйте меня. Но — доверие за доверие. Я сегодня после обеда приглашен на квартиру к майору Фрею.

— Вот это здорово! — с уважением пронеслось среди фенрихов. — Вот это здорово!

Подобные замечания подняли настроение Хохбауэра на недосягаемую высоту. Это настроение удерживалось у него все утренние часы, даже во время последних трех уроков, на которых фенрихи писали контрольную работу по тактике. Хохбауэр закончил ее в два с половиною часа, и, как ему казалось, без единой ошибки.

В этот день Хохбауэр не видел больше обер-лейтенанта Крафта. Это обстоятельство также в немалой степени способствовало укреплению его самоуверенности.

— Должен вам сказать, — провозгласил он,— до тех пор, пока у нас будут такие начальники, как капитан Ратсхельм и майор Фрей, в училище все будет в полном порядке. При них одаренность и способности будут всег-

да должным образом оцениваться и находить себе дорогу. Вы это почувствуете на себе. Попомните мои слова.

— Выходи строиться на осмотр оружия! — подал команду дежурный фенрих. — Быстро, ноги в руки, пушку за плечи!

Было уже 14 часов. Рабочая часть дня в субботу обычно заканчивалась построением с осмотром оружия. Выдержавшие эту проверку могли рассчитывать на использование оставшегося времени по своему усмотрению.

— После осмотра оружия, — объявил фенрих Крамер, — я должен прочитать вам частные распоряжения.

— Опять! — пронеслось в толпе фенрихов.

По приказанию майора Фрея зачитка различных распоряжений и приказов относилась всегда на конец недели. Таким образом начальник курса хотел еще раз внушить свою волю подчиненным до того, когда они окунутся с головою в субботние развлечения.

Наконец фенрихи уже стояли в ожидании своего офицера-воспитателя. Но он не появлялся. Вместо него прибыл лейтенант Дитрих из учебного отделения «И». Он коротко спросил:

— Оружие у всех готово к осмотру?

— Так точно, господин лейтенант! — ответили фенрихи. Другой ответ трудно себе было представить.

— На этом осмотр оружия закончим,— проговорил лейтенант и ушел, оставив фенрихов в изумлении.

Этой процедурой практически рабочий день заканчивался. Последний рабочий день недели. То, что за этим следовало, являлось фактически обременительной, формальной и никому не нужной рутиной: командир учебного отделения зачитывал очередное особое распоряжение за № 131.

Фенрихи молчали, но едва ли хоть один из них слышал, о чем шла речь в читаемом документе. Их мысли витали далеко и в большинстве своем были заняты планированием предстоящего вечера. Некоторые из них опирались на винтовки, как будто это были тросточки, другие тупо уставились перед собой. А фенрих Меслер, стоявший в третьем ряду, чистил штыком ногти на руках, поскольку ему там никто не мешал.

Первым разделом сегодняшнего особого распоряжения являлись правила, определяющие подготовку к отпуску за пределы училища: приведение в порядок обмун-

дирования, с особо подробными указаниями о личных вещах, таких, как носовой платок, солдатская книжка, презервативы, с подчеркнутым упором на необходимость соблюдать личную гигиену; перечислялись правила поведения в общественных местах. Это были прописные истины для новобранцев, но украшенные необыкновенно богатым запасом словесных выкрутасов.

— Ты что, не можешь читать быстрее? — по-приятельски спросил один из фенрихов Крамера.

Другой предложил закончить чтение и доложить, что все распоряжения изучены.

Меслер совершенно серьезно порекомендовал вывесить эти особые распоряжения в отхожем месте. Его посещают все, и каждый имеет там достаточно времени, чтобы индивидуально ознакомиться с объявляемыми важными документами.

— Тихо! — с возмущением прорычал Крамер. Последнее время он стал чрезвычайно раздражительным. Ведь речь шла о его дальнейшем пребывании на посту командира отделения. — Может быть, кто-то имеет намерение помешать мне выполнять мой служебный долг? Пусть он выйдет из строя и доложит об этом.— И, как бы испугавшись, что найдется кто-то, кто выступит с таким заявлением, он добавил: — Осталось немного.

Далее Крамер читал в заметно возросшем темпе:

— Следующий раздел касается фамилий и имен будущих офицеров с особым упором на их национальную и народную принадлежность.

Фенрихи слушали терпеливо все, что излагалось в директивах и распоряжениях, если только они вообще могли еще слушать.

— «Имена это не простой звук. Они в значительной мере указывают на происхождение, образ мыслей и стремления того или иного человека. Ни один настоящий немец, в особенности офицер, не потерпит, чтобы его фамилия звучала Карфункельштейн или Гречинский, а имя — Исаак или Иван. Еврейские и славянские, равно как и другие не германские, имена будут рассматриваться как нежелательные, обременительные и недостойные. Напримр — Эгон, это имя как будто взято из юмористического журнала».

— Что там сказано об Эгоне?— спросил обеспокоенно Вебер.

— «Это имя как будто взято из юмористического жур-

пала», — пояснил издевательски Меслер.— Тебе что, уши заложило? По мнению майора и твоего начальника курса, ты носишь смешное имя, как будто взятое из юмористического журнала.

Фенрихи дружно заржали. Даже Хохбауэр присоединился к общему смеху.

Один Крамер пытался сохранить серьезность и достоинство, но и он скоро увидел, что это бесполезно. Он прервал дальнейшее чтение особых распоряжений и громко крикнул:

— Разойдись!

Фенрихи окружили возмущенного Эгона Вебера и пошли с ним в их барак. Настроение у них было превосходное.

— Это очевидная ошибка, — заявил Вебер. — Там что-нибудь просмотрели.

— Офицер, — разъяснил Меслер с особым удовольствием, — никогда не ошибается, даже если он является майором и начальником курса в военном училище. Ясно одно: с таким именем ты вряд ли закончишь училище. Еще можно допустить, чтобы офицер был смешон, но чтобы он имел смешное имя, то эта шутка уже выходит за всякие рамки. Тут уж не до смеха.

— Это, несомненно, ошибка! — воскликнул Эгон еще раз и тряхнул головой.

— Безусловно, ошибка, но только с твоей стороны, — добавил Меслер, смеясь. — Против своего имени ты должен был яростно возражать еще в люльке. У тебя же, однако, не было в ту пору развитого офицерского самосознания. И вот доказательство налицо.

— Друзья,— промолвил Эгон Вебер в конце концов,— я сейчас торжественно заявляю, что, если кто-либо в дальнейшем будет высмеивать мое имя, я набью тому морду, не считаясь с потерями и независимо от того, является ли это лицо майором или каким-либо иным начальником. Ясно это, друзья? — Всем было ясно.

— Итак, подсчитаем наши силы! — воскликнул Меслер и повалился на свою койку. — Мы должны использовать отведенное нам на отдых время с наибольшей эффективностью.

Каждую субботу в этом плане решалась примитивная арифметическая задача. Около тысячи фенрихов устремлялись в долину, в город. Там они разбредались по двум

кинотеатрам, двадцати восьми ресторанам и кафе и по семидесяти — восьмидесяти готовым ко всем услугам девушкам и временно одиноким женщинам, находившимся в окрестностях Вильдлингена-на-Майне. И что можно было вообще предпринять при таком невыгодном соотношении, если речь шла о свободном времени с 18 до 24 часов?

Офицерам военного училища было немногим лучше, чем их фенрихам. Некоторые из них отправлялись в Вюрцбург, но это было непросто. Во-первых, нужно было испрашивать разрешения генерала, а во-вторых, эта поездка пожирала массу времени.

Счастливы были только женатые и помолвленные, да еще те, кто утверждался более или менее прочно в семьях добропорядочных бюргеров Вильдлингена. Их субботний отдых был обеспечен, и время на его организацию сэкономлено. Остальным ничего не оставалось, как следовать примеру своего генерала и работать. Но в отличие от него они делали слишком большие перерывы между занятиями по личному совершенствованию и проводили их в казино. Здесь они отдавались на милость капитана Катера.

— Господа! — обычно восклицал он. — Я не какое-нибудь чудовище, как обо мне говорят повсюду. Я предлагаю бутылку вина на троих. Дальнейшие дотации — в соответствии с личными потребностями и возможностями.

— Разрешите, милостивая государыня,— сказал Хохбауэр, вытянувшись по стойке «смирно», — по поручению господина капитана Ратсхельма передать вам несколько книг.

Фелицита Фрей жеманно и с явным удовольствием улыбнулась.

— Я очень рада! Как вы поживаете, господин Хохбауэр?

— Благодарю вас, милостивая государыня, — любезно промолвил тот и добавил: — Вы очень добры ко мне.

Хохбауэр считал, что его воспитанность безупречна. Он позволил себе присесть, взял чашку чая и, хотя этот напиток всегда вызывал у него отвращение, сделал вид, будто он в восторге и чаепитие доставляет ему несказанное наслаждение.

Перед ним стоял чудесный ароматный напиток, предложенный ему дамой, которая по воспитанию и манерам оставляла далеко позади чопорных английских аристо-

краток. Кроме того, он где-то слышал, что даже сам фюрер пьет чай, и только индийский. Это, несомненно, давало основания полагать, что индусы относятся к арийцам.

— Я, конечно, не имею права вас задерживать, господин Хохбауэр,— промолвила Фелицита Фрей.

— Вы не должны беспокоиться, милостивая государыня, об этом не может быть и речи, — заверил фенрих.

— Вероятно, — произнесла с понимающей улыбкой фрау Фрей — правда, эта улыбка выглядела несколько вымученной, — вас сейчас ожидает где-нибудь юная дама?

— Ни в коем случае, милостивая государыня,— заверил фенрих с необыкновенной поспешностью и убежденностью. — Для этого у меня нет времени.

— Вероятно, вы сожалеете об этом, — задумчиво заметила Фелицита Фрей, и ее улыбка стала еще более понимающей.

Хохбауэр позволил себе сделать замечание:

— Я пришел к выводу, милостивейшая государыня, что молодым дамам даже в лучшем обществе недостает духовной глубины.

— Да, здесь, пожалуй, вы правы, — охотно подтвердила Фелицита.

— Современным молодым дамам, — осторожно добавил Хохбауэр, — не хватает тонкой чувствительности, так сказать, внутренней культуры. Я говорю это, конечно, не в порядке упрека. Определенное влияние в этом направлении оказала война, и мы должны с этим так или иначе примириться. Поэтому я виню здесь создавшиеся условия.

— Это характеризует вас с весьма хорошей стороны, и я представляю себе, как вы страдаете в таком обществе.

— Я переношу все это лишь потому, что отдаю себя целиком и полностью службе. Но если я имею счастье оказаться в таком изысканном обществе, как сегодня, то у меня вновь возникают стремления к прекрасному.

Таким образом, весело и оживленно, протекала беседа. Собеседники пили чай и чувствовали, что отлично понимают друг друга.

Фелицита Фрей призналась:

— Эта встреча доставила мне большое удовольствие.

Однако беседа внезапно была грубо прервана. Вошел майор Фрей. Махнув небрежно рукой, он дал сигнал фенриху, который при его появлении тотчас же вскочил, чтобы тот садился, после чего обратился к жене и промолвил:

— Мне нужно с тобой срочно переговорить.

— Нельзя ли это сделать немного позже, Арчибальд?

— Это очень срочно, — повторил майор и вышел из гостиной.

— Досадно, — с непритворным сожалением заметила фрау Фелицита. — Это была необыкновенно интересная, волнующая беседа. Не правда ли, господин Хохбауэр?

Фенрих Хохбауэр был того же мнения. Он не преминул тотчас же распрощаться, нежно поцеловав руку хозяйки.

— Я рассчитываю на продолжение нашей беседы, и в ближайшее время, — заметила она.

— Для меня это большая честь, милостивая государыня.

— Надеюсь, не только это, — сказала она немного кокетливо.

— Это было бы для меня большим удовольствием, милостивая государыня.— И он удалился.

«Как молодой германский бог»,— подумала Фелицита.

— Фелицита, прошу тебя! — позвал майор из соседней комнаты. — Это срочно, очень срочно! Взгляни! — обратился майор к жене.

— Арчибальд! — промолвила она с недовольным видом. — Я вновь должна с сожалением заметить, что твой способ обращения в последнее время оставляет желать лучшего. Как ты можешь прервать меня так грубо, когда я беседую?

— Брось, пожалуйста! — резко воскликнул майор. — Ты не можешь от меня требовать, чтобы я миндальничал даже с фенрихами и считался с ними! Кто считается со мною? Мне нужно обсудить с тобой весьма важный вопрос. Пойми ты наконец это.

Майор хлопнул тяжелой ладонью по бумаге, лежащей у него на столе. Фелицита невольно подошла ближе и увидела особое распоряжение № 131.

— Вот, — глухо произнес майор, — этого можно было избежать, и тем не менее это произошло! А ведь я спрашивал по этому вопросу твое мнение, Фелицита, но ты не учла важности вопроса, или, что еще хуже, ты считаешь второстепенными вещи, которые для меня имеют решающее значение, занимают меня, составляют круг моих обязанностей. Короче говоря, ты меня оставляешь в беде.

— Я не знаю, о чем ты говоришь, — промолвила фрау

Фрей с возмущением. Она чувствовала себя непонятой, измученной и решила пойти в контрнаступление. — За то, что я непрерывно пытаюсь тебе помогать, поддерживать тебя, даже изучать твоих фенрихов, я получаю вместо благодарности какие-то упреки. Что это значит?

Вместо ответа майор протянул жене свои особые распоряжения за № 131. На документе стоял входящий номер, датированный сегодняшним числом, и штемпель штаба. Одно предложение в указаниях было подчеркнуто зеленым карандашом, которым в училище делал пометки только генерал. В подчеркнутом предложении говорилось: «Например — Эгон, типичное имя из юмористического журнала...» И рядом с этим предложением на полях документа имелась единственная резолюция генерала, начертанная зеленым же карандашом в опасно лапидарной форме:

«Принял к сведению. Эрнст Эгон Модерзон, генерал-майор».

— Это ужасная катастрофа! — воскликнул в отчаянии майор. — Кто бы мог предположить, что одно из имен генерала — Эгон. Ты меня подвела, Фелицита. Ты меня просто подвела.

— Ты не можешь сваливать на меня ответственность за свои ошибки! — воскликнула майорша.

— Если бы ты была внимательной, — утверждал он, — этого никогда бы не произошло, но тебе, очевидно, совершенно безразлично то, что меня волнует.

— Ты неблагодарный! — со злостью бросила она. — Что бы с тобой стало без меня?

— Очевидно, я был бы всем довольный и спокойный человек, — сказал майор.

— Это плохо! — воскликнула фрау Фелицита. — Это очень плохо! Из твоего поведения я вижу, как мало я для тебя значу, Арчибальд. Ты меня больше не любишь. Это теперь мне совершенно ясно. В противном случае ты бы никогда мне не делал таких упреков!

Произнеся все это, фрау Фрей выбежала из комнаты и хлопнула дверью.

— Если она не опомнится в ближайшее время, — глухо промолвил майор, — могут произойти неприятности.

Фенрих Хохбауэр стоял на рыночной площади Вильдлингена-на-Майне. Он все еще чувствовал себя наполнен-

ным радостью от интимной беседы с высокопоставленной дамой из офицерского общества. Он просто не знал, что ему теперь предпринять.

Возможностей было много: например, пойти обратно в казарму к книгам, уставам, наставлениям и конспектам; он мог совершить одинокую прогулку по легкому морозцу; наконец, получить разрядку и духовное удовлетворение — посмотреть интересный фильм с участием какой-либо кинозвезды.

После некоторого раздумья Хохбауэр решительно направился в кинотеатр, который высокопарно назывался дворцом кино. Здесь, слившись с массой зрителей, так же, как и он, затаив дыхание смотревших на экран, он отдался восприятию картины, возвышающей немца и расширяющей его государственный и политический кругозор.

С возрастающим возмущением смотрел Хохбауэр на то, как англичане жестоко расправлялись с беззащитными жителями Южной Африки, убивали их и тысячами направляли в лагеря, где большинство из них умирало от голода, жажды и истощения, проклиная коварный Альбион. При этом показывались злодеяния британцев не в отношении местного «грязного» цветного населения, состоящего из людей, которые, как известно, являются расовонеполноценными существами низшего сорта; речь шла также и не о евреях, а о бурах — людях арийской расы, полноценных во всех отношениях, и вот их-то и терзали в фильме коварные и кровожадные британцы, эти бесчеловечные садисты, изверги рода человеческого. Хохбауэр дрожал от возмущения. Некоторые зрители, сидящие рядом с ним, смотрели с раскрытыми ртами. Причем трудно было понять, было это от удивления или потому, что они жевали сладости.

Укрепившись в своих национал-социалистских убеждениях, хотя он в этом и не нуждался, фенрих вышел из кино. Он посмотрел на небо, как бы спрашивая господа бога, совместимо ли то, что он только что видел в кино, с деяниями «венца творения». Но тут же подумал, что он в принципе отвергает все религиозные связи из убеждений, а также по совету своего отца. И это было правильно. Не мог же он верить в того же бога, что и англичане.

Хохбауэр почувствовал желание что-нибудь выпить, и ему пришло в голову завернуть в кабачок «Пегий пес».

Там обычно собиралась, как ему было известно, большая компания из их группы под руководством командира учебного отделения.

Кабачок «Пегий пес» находился на берегу Майна, и по кривым, тесным переулкам дойти до него можно было минут через десять. Хохбауэр располагал временем. Он тащился медленно, разглядывая старые домишки ремесленников. «Памятники маленькой ограниченной эпохи,— думал он, — симпатичные, аккуратные, но устаревшие и обветшалые. Все они так или иначе обречены на снос. Штурм нового времени промчится над ними как смерч. Исторические руины, на которых расцветает новая жизнь благодаря пробудившейся деятельности германского народа».

Хохбауэр перешагнул порог кабачка. Его встретил людской шум, в нос ударил захватывающий дыхание аромат вина, пива и пота. Зал был полон фенрихов. Лишь кое-где виднелись девушки в цветных платьях, окруженные фигурами, одетыми в защитную форму.

Раздвижные двери, ведущие в соседний зал, были широко открыты, и там тоже сидели фенрихи, но уже из отделения «X». Хохбауэр поднял в приветствии руку.

— Замечательно, что ты наконец пришел! — крикнул ему Крамер. — Подвиньтесь, друзья!

Появление Хохбауэра заинтересовало некоторых фенрихов из его группы: до настоящего времени он избегал посещения таких сборищ. Но сейчас, придвигая стул, он заявил:

— Должен же я вас когда-то научить, как вести себя в обществе.

Меслер подумал с простодушной миной: «Надо полагать, ты сам-то в этом понимаешь не больше, чем мы. Просто, как мне кажется, больше воображаешь».

— Одно я должен вам сказать, друзья,— заявил капитан Федерс, тасуя карты для следующей игры в скат, — если здесь кто еще раз попробует с меня «снять штаны», тому придется со мной поближе познакомиться.

В ответ раздался хохот, звучавший почти дружески, однако при этом слышались лишь глухие, сдавленные, прерывистые звуки, среди которых не слышно было открытого товарищеского смеха. Громко никто не засмеялся.

«Стащить штаны» было специальное выражение при игре в скат. Играть собирались Федерс, Крафт и майор медицинской службы Крюгер. Все трое были одеты в белые медицинские халаты, натянутые поверх мундиров. Они сидели в вилле Розенхюгель. Каждый из них имел партнера.

— Должно же наконец случиться,— сказал Крафт Федерсу,— что кто-либо подтасует себе «смерть».

Майор Крюгер предостерегающе взглянул на Крафта, поскольку тот только что совершил нарушение правил. Это выражение тоже относилось к числу жаргонных, принятых у игроков в скат. Но в этом кругу некоторые понятия были строго под запретом. К ним относились: вино, женщины и смерть.

Три партнера трех игравших офицеров висели у них за спиной. Это были инвалиды без рук и без ног. Они свешивали головы через плечи игравших, с тем чтобы можно было рассмотреть карты.

Человек, торчавший за обер-лейтенантом Крафтом, значился в больнице под номером 73. У него было худое морщинистое лицо с грубыми чертами — лицо рабочего, который в мирное время много перенес в жизни, работал на стройках, лесоразработках, за рулем грузовика. Крафт знал лишь, что его зовут Вилли.

— А теперь,— промолвил Вилли, — мы покажем остальным где раки зимуют. Сейчас мы пойдем по всем. Как вы считаете, господин обер-лейтенант?

— Мы можем рискнуть,— ответил Крафт и кивнул своему партнеру.— При том преимуществе, которое мы имеем.

— Нам нужно играть совместно,— заметил Вилли, человек под номером 73.— Мы закончим отличным образом. Вы не находите?

— А как же иначе, — ответил Крафт.— Вдвоем мы их согнем в бараний рог. И если здесь будет организован турнир, то мы на нем обязательно победим.

Крафт схватил карты, которые ему бросил Федерс. Он медленно разложил их по порядку и взглянул на своего партнера, примостившегося сзади. Он имел многообещающую червонную масть и к тому же две карты бубен. Крафт скользнул правым указательным пальцем по этой выигрышной масти. Вилли кивнул и утверждающе кашлянул.

Крафт оглянулся и заметил с удовлетворением, что

доктор не смотрит в его сторону. Таким образом, он поступает правильно. Капитан Федерс взглянул на него с признательностью.

Эта партия в скат была составлена по предложению Федерса. Майор медицинской службы согласился принять в ней участие лишь после долгих уговоров. Этой попытке предшествовала целая серия партий в шахматы. Дальнейшим развитием этих сражений было выделение так называемой комнаты для игр. При этом в играх принимало участие в качестве наблюдателей столько инвалидов, сколько было партнеров.

Подготовка к играм была чрезвычайно сложной. Майор Крюгер проверял у каждого из своих пациентов, принимавших в них участие, психическое, духовное и физическое состояние. Радость тех, кто попадал после такого отбора к участию в игре, была неподдельной. Но она не должна была стать чрезмерной, так как это могло повредить их здоровью. Крюгер заботился о том, чтобы о результатах отбора остальные калеки не знали и в связи с этим у них не возникал нездоровый ажиотаж. Сама игра также не должна была носить азартный характер. Об этом должны были заботиться основные партнеры, которыми обычно являлись обслуживающий персонал, почти всегда сам Крюгер и часто капитан Федерс. Крафт был здесь в первый раз.

— Нет ли у вас сигареты?— спросил Вилли у Крафта.

Обер-лейтенант Крафт взглянул на доктора. Тот едва заметно кивнул. Крафт закурил, сделал несколько глубоких затяжек и вложил сигарету в рот Вилли.

Вилли курил и тяжело дышал. Он не отрывал взора от карт, которые Крафт держал перед ним в правой руке.

— Теперь мы открываем. Не правда ли, господин обер-лейтенант?

Обер-лейтенант Крафт начал объявлять карты. Собственно говоря, это была задача Вилли, но он в этот момент курил. С его согласия Крафт начал делать это вместо него. Двое других калек отвечали ему. Они делали это медленно, часто предварительно проконсультировавшись шепотом со своими партнерами.

Но право решать имели только они. Это была их игра. Три офицера как бы давали им на время свои руки — и не больше. Изредка калеки пользовались их советами.

Крафт медлил. Он не хотел продолжать игру, не по-

советовавшись со своим партнером. Он повернулся к Вилли и вынул у него изо рта сигарету.

— Как вы думаете, — спросил он, — стоит нам подниматься еще выше?

— Будем подниматься насколько возможно!—воскликнул номер 73.

Играющих освещал яркий свет. Он падал на карты, находившиеся в руках офицеров, заливал лица калек, которые не отрываясь следили за этими картами.

У калек были разные лица: у одного грубое и язвительное, у другого тупое и плоское, у третьего искаженное, изуродованное шрамом от лба до левой части подбородка. Сейчас они думали только об игре, и ни о чем больше.

Глаза Крюгера сияли радостью. Было видно, что он счастлив.

— Вы прекрасный партнер, обер-лейтенант Крафт,— сказал майор медицинской службы.

— Так точно, — подтвердил не задумываясь Вилли,— и поэтому мы с ним рискнем еще на одну партию.

— Прекрасно! — воскликнул Крафт. Он вставил остаток сигареты, из которой вновь несколько раз затянулся, в рот человеку под номером 73 и продолжал играть по его указаниям сначала бубнами, затем целым набором червонной масти. Он с треском выбрасывал на стол одну карту за другой.

— Кулаками! — крикнул Вилли Крафту сквозь зубы, поскольку во рту у него торчала сигарета.— Бейте кулаками! Только так утверждается победа.

И Крафт вновь дал на время свои руки Вилли, у которого не было ни рук, ни ног. В этот момент они как бы слились воедино. Они не знали, как это произошло. Они не думали об этом. Но это было так.

— Ну, мой дорогой друг, — сказал Крафт Вилли после того, как игра была закончена и они выиграли, — начнем снова?

— Товарищество — прекрасная вещь,— заявил фенрих Хохбауэр в заднем зале кабачка «Пегий пес». — Я целиком и полностью за него. Но оно должно быть обоюдным. А я не замечаю этого.

Хохбауэр протиснулся между Крамером и Амфортасом на скамейку. Он был в отличном настроении, готов был

пойти со всеми коллегами на компромисс и, заняв свое место, принялся внимательно рассматривать присутствующих. В комнате находились около 30 фенрихов. Такое большое количество прибыло сюда, очевидно, потому, что командиру отделения удалось установить тесный контакт с хозяином кабачка. Очевидно, поэтому перед каждым фенрихом стоял полный стакан, а под стулом, на котором сидел Крамер, находился бидон с пятьюдесятью литрами вина. Он мог получить его целую бочку, поскольку выменял хозяину кабачка два фотоаппарата. Во всяком случае, щедрость Крамера была необычной и говорила о том, что его отделение вряд ли могло иметь лучшего командира.

— Пей, Хохбауэр! — говорил покровительственно Крамер.— У нас еще есть. — И Крамер посмотрел торжествующе на соседние столы, где сидели фенрихи из других групп. Хозяин поставил перед ними по одному-единственному стакану вина: на большее у них, очевидно, не хватило средств. Это только потому, дал понять Крамер, что у них нет такого командира, как он. — За ваше здоровье, друзья! — произнес он величественно, и его коллеги ответили ему дружным «Прозит». Крамер был уверен, что его два фотоаппарата сыграли отличную роль. В дальнейшем, думал он, его фенрихи будут всегда стоять за него горой.

Хохбауэр заметил также в числе посетителей кабачка дам. Эти сомнительного пошиба девушки были, вероятно, кухарочками, и сидели они в конце стола, рядом с Меслером, Редницем и, конечно, Эгоном Вебером, который сегодня был без дамы. Он внимательно рассматривал толстую деревенскую красотку, которая сидела за соседним столом.

Хохбауэр поднял стакан и залпом осушил его. Он содрогнулся от одного взгляда на эту примитивную девушку. «Одно мясо,— думал он с отвращением. — Ни интеллекта, ни грации, ни женственной красоты, как в высших офицерских сферах».

— Послушай, Хохбауэр, — поинтересовался, подмигнув, умышленно громким голосом Меслер. — Почему ты не приведешь с собою какую-нибудь симпатичную девицу? Что, ты не можешь или не хочешь?

— У него, конечно, есть какая-нибудь красотка, — деловито сказала одна из девиц, сидящих в заднем ряду. — С его фигурой и внешними данными...

— А, внешние данные еще ни о чем не говорят, — вызывающе промолвил Меслер. — Для того, чтобы нравиться девицам, нужно кое-что другое. Потому некоторые и не хотят, что не могут.

Хохбауэр хотел с возмущением вскочить, но Крамер успокаивающе положил руку на его плечо. Он не хотел ссоры. Вечер проходил под его руководством, и он заботился не только о выпивке, но и настроении и поведении своих подчиненных коллег. Это был его вечер, и он должен проходить в полной гармонии.

Поэтому Крамер демонстративно поставил на стол бидон с вином и крикнул:

— Разговор — серебро, а выпивка — золото! В конце концов, у нас каждый развлекается по своему усмотрению.

— Ты прав, — промолвил Меслер, на которого вид полного жбана подействовал примиряюще. — Этот сосуд в самом деле обещает развлечение, которое меня вполне устраивает. Давай пускай его по кругу! Надо заметить, что, когда я пью, я молчу, а если я смотрю в стакан с вином, то не вижу Хохбауэра. Для меня этого вполне достаточно, чтобы быть в хорошем настроении.

Жбан пошел по столу, а затем вновь в подвал за новой порцией вина.

Фенрихи из параллельного отделения, сидевшие за соседним столом, позеленели от зависти. Крамер торжествовал. Он наслаждался своим триумфом, был в восторге от все возрастающего веселья его коллег. «Гармония, — думал он, — это и есть гармония».

Затем Крамер обратился к Хохбауэру. Он по-товарищески пытался его успокоить, проникновенно говоря, что всерьез принимать легкие подтрунивания и дружеские насмешки отдельных шутников не стоит. Над ними тоже следует смеяться, отвечая на шутку шуткой. Они будут рады этому, как дети, и прекратят свои выпады.

— Но иногда детские выходки Меслера и его друзей действуют мне на нервы, — сказал с озлоблением Хохбауэр.

Крамер продолжал его уговаривать. Он пытался использовать все свое красноречие, чтобы успокоить рассерженного фенриха. Крамер все свое внимание уделял Хохбауэру и совершенно упустил из виду то, что происходило на противоположном конце стола, где сидел Эгон Вебер.

Вебер в этот день был еще молчаливее, чем обычно. Он даже пренебрег своим обычным послеобеденным сном. После прочтения особого распоряжения номер 131 его охватила черная тупая злоба.

За свою солдатскую службу Эгон Вебер многократно вынужден был переносить оскорбления и обиды. Началось это с его рекрутской жизни, когда унтер-офицер заставил его семь раз подряд чистить отхожее место. Затем позже фельдфебель приказал ему переобуться и сменить носки в самом людном месте. Этому строгому начальнику, видите ли, показалось, может быть и не без оснований, что его ноги недостаточно чисты. Вспоминалась ему также одна француженка в городке Дрё. Она пыталась вылить ему на голову содержимое ночного горшка. Однако над всеми этими неприятностями можно было в глубине души только посмеяться.

Другое дело теперь, когда его имя выставили на посмешище всей школы. Его имя, которым он втайне гордился, хотя внешне и не показывал этого, всегда произносили с лестными эпитетами: остроумный Эгон, голосистый Эгон, здоровяк Эгон, грохочущий Эгон, и все эти прилагательные говорили о его высоких человеческих качествах. И вдруг совершенно неожиданно имя Эгон признано в высшей мере предосудительным и нежелательным, похожим на взятое из юмористического журнала.

— Я сегодня напьюсь, — глухо промолвил он.

Печальная история с его именем была не единственная неприятность, которая удручала Эгона Вебера. Имелось еще нечто, будоражившее его кровь. Это «нечто» носило длинную прическу, и сидело за соседним столом в обществе фенрихов из другого учебного отделения. Эти фенрихи, по мнению Вебера, относились к банде лодырей, руководимой офицером-воспитателем, известным под кличкой Миннезингер.

— У меня возникает большое желание разогнать этих тупиц, — подстрекал он свое окружение.

А тем временем девица лениво выпрямилась и как бы случайно скользнула взором по Эгону Веберу. Это показалось ему вызовом. Он знал эту красотку вдоль и поперек еще с той ночи в складе спортинвентаря. Однако он, очевидно, не соответствовал ее душевным запросам, так как ей, по всей вероятности, хотелось не только отвечать грубым вожделениям фенриха, но и почувствовать себя дамой.

Эгон Вебер наклонился и промолвил заплетающимся языком:

— Иди сюда, Эрна! Садись с нами.

Эрна заносчиво ответила:

— Ты же видишь, что я здесь в обществе.

— Мое лучше! — убеждал Вебер.

Фенрихи, окружавшие Эрну, заволновались. Один из них, который, судя по всему, вряд ли уступал по силе Веберу, промолвил:

— Не вмешивайся в наши дела, малыш. Девушку привели сюда мы — и на этом кончим.

— Но это моя девушка, — промолвил Эгон, стараясь пока сохранить мир. — Я имел на нее право несколькими днями раньше. Не так ли, Эрна?

— Ты не кавалер, — бросила отчужденно девица. — Прошу не приставать ко мне.

— Ты слышал, — прогремел здоровяк фенрих из другого учебного отделения, — дама требует, чтобы ты перестал к ней приставать.

— Иди сюда, Эрна, — повторил Эгон Вебер.— Не будешь же ты весь вечер и, вероятно, остаток ночи проводить с этим грязным горшком.

— Фи, Эгон! — воскликнула девица.

— Как его зовут? — спросил здоровяк обрадованно.— Если я не ошибся — Эгон. Вы слышали, друзья? Его зовут Эгон. А в соответствии с сегодняшним особым распоряжением это имя взято из юмористического журнала.— И он оглушительно захохотал.

Вебер вскочил бледный и дрожащий от ярости. Он подошел к здоровяку и, не говоря ни слова, дал ему кулаком в подбородок. Тот с остекленевшими глазами в мгновение ока свалился как мешок на пол. На его лице застыло изумление.

Меслер в боевом задоре вскочил и закричал:

— Прошу дам отойти назад! Освободить ринг! А теперь начинаем! — При этом он схватил стул, попавшийся ему под руку, покачнулся, но, удержавшись на ногах, поднял его и со всей силой бросил в середину «вражеского» учебного отделения.

И началось побоище.

Руки Вебера, как своеобразные дубины, опускались на головы фенрихов, до которых он мог дотянуться. Меслер бегал между сражающимися и предпринимал все уси-

лия к тому, чтобы схватка распространилась до всеобъемлющих масштабов — до задних рядов.

Практичный Редниц отбивал ножки у стульев и передавал их фенрихам своего отделения.

Крамер, возмущенный до глубины души, бросился к клубку дерущихся, пытаясь их разнять. Хохбауэр неукоснительно последовал за ним в самую гущу. Во-первых, он слышал, как в отношении его было брошено однажды электризующее слово «трусить»; во-вторых, требование Крамера помочь навести порядок относилось в прямом смысле к нему; в-третьих, он являлся принципиальным сторонником порядка. Таким образом, Крамер и Хохбауэр двинулись на дерущихся впереди, за ними, сохраняя верность, как во времена нибелунгов, наступали Амфортас и Андреас.

— Прекратить! Будьте благоразумны! Стойте! — рычал Крамер. Внезапно он умолк. Одна из ножек стульев, демонтированных Редницем, попала в руки противника. И как раз эта ножка со свистом опустилась на голову командира учебного отделения. Он свалился под стол, опрокинув на себя жбан с вином. К счастью, его там осталось уже немного, но эти остатки вылились Крамеру на голову и залили ему мундир.

Фенрих Хохбауэр, пытавшийся разнять двух сцепившихся, как петухи, вояк, получил сильный удар в спину, который отбросил его прямо в центр «вражеского» отделения.

Здесь ему не оставалось ничего иного, как с ожесточением бить всех вокруг себя. Ему казалось, что он должен был бороться за свою жизнь.

Шум раздавался ужасный, разжигающий страсти, подогретые вином: звенели стаканы, трещали ножки стульев, раскалывались столы, визжали девицы, здесь и там вскрикивали, хрипя и стеная, мужчины.

Хозяин громко, стараясь перекричать весь этот гомон, взывал вначале к благоразумию, затем — к чести собравшихся и наконец начал звать полицию.

Схватка продолжалась пять минут.

Кабачок за это время был полностью разгромлен, но «вражескую» группу все же из него изгнали. Тяжело дыша, окровавленные, с горящими глазами, победители остались на месте.

— Господа, — счастливо простонал Меслер, — вот это, я понимаю, отдых!

ВЫПИСКА ИЗ СУДЕБНОГО ПРОТОКОЛА № VII

БИОГРАФИЯ ЭЛЬФРИДЫ РАДЕМАХЕР, ИЛИ ТРЕБОВАНИЯ И ПОВОД

Мое имя — Эльфрида Радемахер. Я родилась 21 сентября 1919 года в Нойштатте-на-Инне. Отца звали Эрнст, он был смотрителем на вагоностроительном заводе. Мать — Маргот, урожденная Гутимур. Я имею четыре сестры, которые значительно старше меня. Детство я провела в своем родном городе. Там же пошла в школу.

Крыша нависает надо мною. Она наклонная, шероховатая и холодная.

Я лежу внизу на матрасе и когда поднимаю руку, то касаюсь этой проржавленной крыши. Я пытаюсь подняться и упираюсь в нее изо всех сил. Мои руки белеют от напряжения. Но крыша не поддается. Я лежу целыми часами и смотрю вверх. Кроме дождя, барабанящего наверху, не слышно ни звука. Скоро прекращается и дождь. Кажется, что на свете, кроме меня и этой крыши, нет никого, даже матери. И начинает чудиться, что крыша опускается на меня или я поднимаюсь ей навстречу. Кажется, я лежу молчаливо, неподвижно, беспомощно под громадным прессом, который медленно приходит в движение.

В страхе я кричу, но звуки замирают у меня в горле. Мне запрещено шуметь.

Собака, с которой я играю, вся заросла шерстью. Она свисает у нее до полу. Шерсть можно завязывать у собаки за ушами или заплетать на спине в косички. В будние дни я вплетаю в шею собаке голубой бантик, в воскресенье — зеленый, а в праздничные и особо торжественные дни — красный. Исключение составляют дни рождения, мой и родителей, когда я украшаю мою собаку желтым бантом. Однако мне приходится долго ожидать смены бантов на этот цвет, слишком долго.

Внизу, в нашем маленьком домике, много народа. Это все товарищи отца по работе. Они празднуют его день рождения. Там громко разговаривают, и голоса гостей доносятся ко мне наверх. Если один из них смеется, его поддерживают все и тоже начинают смеяться. Но почему им весело, над чем они смеются, мне неизвестно. О чем

они толкуют, я тоже не могу понять. Я встаю со своей кровати и иду босиком тихо, тихо к двери, открываю ее и смотрю вниз в узкую щель. Я вижу своего отца, который стоит у открытой двери в подвал. В руках у него бутылка пива, лицо белое как мел. Он тяжело дышит и вдруг, как подстреленный, падает мертвым на пол.

У меня лихорадка, сильный озноб, и на меня глядит месяц. Он входит в мою комнату, садится на кровать. Я протягиваю к нему руки, но он не дает себя схватить. Тогда я пытаюсь оттолкнуть его, но он не уходит. Что мне с ним делать?

Моя подруга Марина, к которой я иной раз захожу, смотрится в большое зеркало, висящее в спальне ее матери. Я стою вплотную рядом с Мариной и рассматриваю ее. Лицо моей подруги задумчивое и несколько озабоченное. Она начинает внимательно рассматривать себя в зеркале, расстегивает платье, стягивает его и сбрасывает на пол. Она снимает через голову рубашку, бросает ее и говорит мне: «А ты что медлишь? Раздевайся». Я делаю то же, что и она, и мы долго рассматриваем друг друга.

У девушки, которая преподает у нас в школе священное писание, родной язык и историю, необыкновенно красивые руки с длинными, словно точеными, пальцами, розовыми ногтями, которые матово поблескивают, как слоновая кость. Эти руки, вооруженные мелом, рисуют на доске замысловатые фигуры, ложатся на учебник, пишут слова, значение которых для меня иногда непонятно, и я их не слышу. Эти руки держат мои руки, и я успокаиваюсь. Я прислоняюсь щекой к этой чудесной руке, чувствую нежную, как бархат, кожу, вдыхаю аромат лаванды. «Эльфрида!» — говорит она, и я произношу: «Мне хочется стать такой, как вы». Она берет мою голову в обе руки, долго грустно смотрит на меня и говорит: «Лучше не надо».

В нашем маленьком доме теперь поселился мужчина, который занял место моего отца, и мать делает все, что ему вздумается. Мои сестры уехали от нас, и мы теперь живем втроем. Его глаза всюду следят за мною. Они останавливаются на моих руках, когда я ем, они читают вместе со мною школьные книги, наблюдают, как я вывожу прямые буквы в письменных работах, заданных на дом, они преследуют меня, когда я причесываюсь, застегиваю ботинки, мою посуду, и мать говорит мне тогда: «Иди сейчас же в свою комнату!»

В томительные дни, когда я наконец остаюсь одна, я закрываю дверь на все запоры, останавливаюсь перед зеркалом и рассматриваю себя. Чтобы лучше видеть, я наклоняюсь вперед, и тогда я могу рассмотреть свои глаза. Я смотрю как зачарованная в их глубину и вижу в них пустоту и усталость. Кожа на лице у меня грубая, с большими порами, серая, и мне становится противно смотреть на себя. Я ложусь, вслушиваюсь в саму себя и чувствую тянущую боль, которая просачивается откуда-то издали. У меня ленивая кровь, думаю я, и сама я — грязная дурнушка. Я боюсь этих дней.

Мужчина, который с матерью живет как мой отец, проходя мимо, всегда шлепает меня по заду, а если я мою полы, то обязательно пройдет мимо. Больше он ничего не делает. Бьет он, не причиняя боли, слегка, как бы любезничая и позволяя себе шутку. Я всегда жду его появления, когда ползаю по полу или стою нагнувшись. Я знаю, что он должен прийти, и вздрагиваю всегда, когда чувствую его руку. Иногда кажется, что мне хочется чувствовать на себе эту руку, возникает желание ощущать ее. Я не двигаюсь и тихо стою, закрыв глаза, думая при этом: когда же он предпримет что-либо большее? Но он всегда проходит мимо.

Руки юноши, стоявшего на коленях рядом со мною у клумбы, были сильными. Они разрыли землю и заботливо уложили ее вокруг растений. Мне пришла в голову мысль: если бы он захотел, то смог бы в равной мере сломать цветы, порвать их в клочья и разбросать. И когда в последующем я чувствовала руки на своем теле, сначала на плечах, затем на спине, скользящие, ощупывающие, лезущие под одежду, я отталкивала их, чтобы не ощущать прикосновения их, разрывающих землю, ощупывающих цветы, еду и людей, и я думаю при этом о своем грязном теле. Мне становится обычно противно, и я плачу.

С 1933 по 1936 год я проходила профессиональное обучение на фирме Халлигера, где я работала в бюро. Затем один год в деревне отбывала трудовую повинность, после чего до 1940 года работала в различных учреждениях машинисткой. В 1940 году по мобилизации прибыла в Вильдлинген-на-Майне.

«Девочка,— спросил меня однажды старый Халлигер, — сколько тебе лет?» «Почти пятнадцать»,— ответила я. «Невероятно, — промолвил старик, — ты выглядишь значительно старше. И я знаю почему. Ты мало смеешься. Не правда ли? Не отвечаешь? Ну, засмейся». «Я не смеюсь по команде»,— заявила я. «По-моему, ты вообще не умеешь смеяться, — продолжал старый Халлигер. — И не только надо мною, поскольку я выгляжу как садовый гном». Здесь я действительно захохотала, так как старик и вправду выглядел как гном, да еще так говорил о себе.

«Девочка, — продолжал Халлигер, — если бы ты знала, как чертовски смешон этот мир, ты бы непрерывно хохотала».

Бюро занимает большое помещение, и я там почти всегда одна. Запах зерна окутывает меня, и я охотно вдыхаю его, так как он сильнее всех запахов, исходящих от людей.

Иногда против моего письменного стола усаживается старый Халлигер. Он сидит молча, лишь иногда подмигнет мне правым глазом, и мне становится смешно, так комично он выглядит. При этом он говорит: «Смешная эта жизнь, не правда ли?» И мне это кажется теперь тоже. В особенности если он здесь, со мной.

Но если заведующий складом Кройке, следящий за качеством посевного зерна, на работе, шуток не получается. Кройке смотрит на меня, как тот мужчина, который стал вместо моего отца. И когда он появлялся передо мною с различными бумагами в руках, буквально пожирая меня глазами, старик Халлигер медленно вставал со своего места, расстегивал ремень и крепко хлестал Кройке по пояснице, приговаривая: «Мальчик, не таращи глаза на то, что тебе не принадлежит!» И когда заведующий, красный как рак, уходил прочь, Халлигер обращался ко мне: «Для тебя это только отсрочка. Рано или поздно каждый поддается слабости. И иногда как раз в этот момент не находится вблизи никого, кто бы дал своевременно пинка похотливому козлу».

•

Двое мужчин появились однажды в бюро. Они были одеты в темно-серые дождевики, хотя на улице была хорошая, ясная погода. «Халлигер, — сказал один из этих мужчин,— хватит! Мы долго терпели твою трепотню, а

ты продолжал все шире разевать свою пасть. Теперь мы положим этому конец, и причем навсегда. Пошли!» Старый Халлигер встал, взял шляпу, достал портфель, который уже три месяца лежал в его письменном столе, и медленно двинулся к выходу. Но прежде чем выйти, он обернулся ко мне и промолвил: «Смешной мир, не правда ли?» После чего удалился в сопровождении двух незнакомцев. Больше я его не видела.

Начальницу, которая опекала меня во время работы в сельском хозяйстве, звали Шарлоттой. Шарлотта Керр. Она была высокой, широкоплечей и шагала как мужчина. Но она не была злой. Ко мне она была всегда добра. «Эльфрида, — спросила она меня однажды, — у тебя есть друг?» «Нет», — ответила я. «Тогда я тебе подберу, — сказала она, — поскольку это необходимо для здоровья. Но для этого нужно настроиться соответствующим образом, в противном случае нет смысла иметь его. Ты вскоре заметишь это сама». «Я здорова, — ответила я, — чувствую себя превосходно и не нуждаюсь в друге. Кроме того, я так устаю на работе, что меня преследует одно желание — спать». «Тем и хороша трудовая повинность», — заметила Шарлотта Керр.

Мне не хотелось возвращаться в наш маленький дом, где вместо моего отца был принят какой-то мужчина. Не было у меня желания также ехать к моим старшим сестрам, которые к этому времени уже все были замужем. Они стали мне почти чужими, как и моя мать, поскольку она как-то сказала своему новому мужу, показав на меня взглядом: «Если она тебе так нравится — ради тебя я все перенесу. Я люблю тебя, ты это знаешь». Поэтому я ушла. Мне хотелось остаться одной. Но всегда ли я была одна?

Мой новый начальник вел себя совершенно иначе, чем все предыдущие мужчины. Я видела его всегда перед собою сидящим за письменным столом, видела его широкий, стиснутый по бокам затылок, всегда тщательно подстриженный, его густую шатеновую шевелюру, переходящую в гладкую кожу. Он был прямолинеен, корректен, широкоплеч, слегка сутуловат; у его письменного стола стояло громадное кресло, в котором человек как бы исчезал. Я его видела таким. Он и сейчас передо мною, вплотную передо мною, и его руки обнимают меня. Я слишком устала, чтобы обороняться. И я думаю: в конце концов,

это должно когда-то произойти, и если не он, так кто-то другой. После я думала: почему это был именно он?

Куча щебня и мусора, лежавшая передо мною, была когда-то маленьким домиком, в котором я жила. Здесь я произнесла первые слова, здесь сделала первые шаги, здесь смеялись люди, умер мой отец, здесь я мечтала и плакала, здесь мы с Мариной рассматривали наши развивающиеся тела, здесь я почувствовала грязь, которой полон наш мир. Сейчас на этом месте находилась груда битого кирпича, обломков балок, торчащих вверх, к небу, разрытые клумбы с увядшими цветами и умирающие деревья. Здесь, где-то там внизу, лежит моя мать, должна лежать моя мать. И я повернулась и пошла без слез. Плакать я не могла.

«Влечение полов, — сказал человек в очках, сидевший напротив меня, глубоко погрузившись в свое кресло, — функционирует только единожды и должно найти свое удовлетворение. Это примерно то же самое, как и у других органов: руки хотят хватать, глаза — смотреть, уши — слышать. Это — закон природы, и он совершенно естествен и последователен. Все остальное противоестественно. Вы согласны с этим?» «Нет, — ответила я».

«Я могу предложить вам неплохое место», — промолвил человек в очках и, улыбаясь при этом, внимательно посмотрел на меня. Мне ничего не оставалось, как сказать: «Ваши аргументы весьма убедительны».

Мужчина, стоящий перед другим мужчиной,— мой шеф. Перед ним, согнувшись в поклоне, с выраженной на лице готовностью выполнить любое приказание, стоит человек. Глаза, устремленные на моего начальника, напоминают мне глаза нашей собаки, с которой я в детстве играла, заплетала ей косы, подвязывала бантики. «Так точно», — произносит он. «Само собою разумеется», — говорит он. «Вы можете на меня положиться»,— утверждает он, и, кланяясь, пятится к двери. Шеф удовлетворенно смеется, я тоже улыбаюсь, не стараясь скрыть мое презрение. О мужчины, думаю я, рабы, подлые твари! Никогда я не почувствую перед вами слабость.

Первый взял меня быстрой хваткой. Его желание было велико, а времени у него не хватало, и я уступила ему, как неизбежной болезни, полученной в пути. Второй был

мужчина, которого я знала еще со школьных дней. В ту пору я его просто не замечала. Мы сошлись с ним всего на три ночи. Потом он уехал на фронт и там погиб. Третий добивался меня с нежностью и терпением. Он был опытным человеком и когда заявил мне наконец, что женат, то сразу упал в моих глазах. Четвертый набросился на меня во время воздушного налета, когда я была почти беззащитна и вдобавок сильно пьяна. В ту же ночь при повторном налете его завалило в рухнувшем подвале, откуда я в последний момент сумела выскочить. Пятым был жених моей подруги Марины. Она, по ее словам, уступила его мне, и я не могла устоять, так как он был хорош как бог, но испорчен, как свинья. С шестым мы были помолвлены, до тех пор пока его у меня не отбила Марина, и он сделал это как само собою разумеющееся. Так было: масса мужчин вокруг и абсолютная пустота в душе, которую никто не мог заполнить. Действительно ли никто?

Но однажды все изменилось! Он меня не видит. Я не знаю, что он видит вообще, куда он смотрит. Почему он меня не замечает? Он не смотрит на меня, но я чувствую его руки, и голос находящегося рядом со мною человека говорит: «Я слаб и устал. Если бы было возможно, я бы навеки уснул. Не жди от меня ничего, не надейся на меня, но оставайся со мною, пока это возможно». «Пока это возможно», — думаю я и после этого уже ни о чем не думаю. Этого человека зовут Карл Крафт.

22

ВОСКРЕСЕНЬЕ ТОЖЕ ПРОХОДИТ

Время, которое, как известно, неукротимо идет своим путем, утром в воскресенье дошло наконец до холмов Вильдлингена-на-Майне. Оно привело также в движение командира административно-хозяйственной роты капитана Катера. Он покинул территорию военного училища с праздничным выражением лица, поскольку только что отлично позавтракал. Но главной причиной его торжественно-серьезного вида, который он умышленно подчеркивал, являлось его доброе намерение: он следовал в церковь.

Это было не потому, что капитан Катер являлся чрезмерно религиозным человеком. К сожалению, в церковь его вело стремление показать себя, установить и закрепить полезные контакты. Понятно, что даже в церкви он оставался солдатом.

Следуя по городу, он буквально сиял в лучах утреннего солнца. Он дружески отвечал на приветствия тех, кто приветствовал его первым. А таких было немало: Катер являлся в Вильдлингене-на-Майне видной фигурой.

Как командир административно-хозяйственной роты, он тесно соприкасался с гражданским населением городка. Он производил в большом объеме необходимые закупки, торговал, менял, перепродавал. Он давал советы, указания, справки, при желании мог выделить необходимый транспорт, бензин и даже людей. И самое главное, он осуществлял представительские функции. Начальник интендантской службы школы при нем был не чем иным, как мальчиком на побегушках. Он действовал исключительно по его указаниям, и с ним как с офицером никто не считался.

Капитан Катер пользовался доверием широкого круга лиц, и он пользовался им в лучшем смысле этого слова. Собиралось ли на Новый год общество отведать лучшие сорта вин — Катер был там. Освящали ли новый дом, хоронили ли какого-либо почтенного бюргера, праздновали ли годовщину какого-либо общества — ни одно из подобных мероприятий не обходилось без капитана Катера. И «Вильдлингер беобахтер», местная газетка, на следующий день писала: «...среди присутствовавших находился также представитель начальника нашей военной школы господина генерал-майора Модерзона — господин капитан Катер», или «...поздравления и пожелания счастья передал в самых теплых тонах господин капитан...», или «...среди многочисленных сопровождавших усопшего в последний путь находился капитан Катер, который произнес траурную речь и возложил венок».

Представительская работа входила в круг его служебных обязанностей. И, несмотря на кажущиеся неприятности и хлопотливость такого рода деятельности, при тщательном рассмотрении можно было увидеть, что она приносила немалые преимущества. Даже посещение церкви проводилось капитаном по расчету, поскольку в этом маленьком живописном городке, расположенном вдали от больших магистралей, господствовали еще трогательные

архаические отношения, присущие религиозным людям. Даже влиятельные партийные деятели посещали здесь церковь.

Таким образом, Катер встретил на площади перед церковью и с готовностью приветствовал заместителя бургомистра, заведующего городской кассой, нескольких видных коммерсантов, чиновников городского магистрата и представителей различных благотворительных обществ. Дамам он всегда говорил «милостивая государыня», а что касается мужчин, предпочитал выражение «мой дорогой друг». Так он добился расположения у мужчин и прослыл галантным кавалером у дам.

После того как Катеру удалось установить несколько весьма полезных контактов и договориться по ряду вопросов с нужными людьми, он проследовал в церковь. Там он пробрался на одну из передних скамеек и сделал вид, что погрузился в молитву, что по заслугам было оценено общиной.

Подчеркнуто отрешенно опустил он взор, внимательно рассматривая свои ботинки. Он с удовлетворением констатировал, что они основательно вычищены, но должный глянец им не придан. При этом сейчас же подумал о своем ординарце, который стал лениться, но, к сожалению, знал о капитане слишком много, чтобы его можно было просто выставить на фронт. В то время, когда Катер был занят всеми этими вопросами, размышляя о них под пьянящие звуки органа, к нему подвинулась какая-то важная фигура и он услышал приглушенный, доверительно звучащий голос:

— Слава творцу, господин капитан.

Катер оторвал взгляд от ботинок и осторожно посмотрел на соседа. Он узнал Ротунду, видного бюргера и крупного виноторговца, владельца кабачка «Пегий пес». Торжественно-постное выражение лица Катера сменилось сдержанно-дружелюбным, и он приветливо улыбнулся, промолвив в ответ:

— Слава господу, мой дорогой господин Ротунда.

Они незаметно обменялись под церковной скамьей сердечными рукопожатиями. Орган гремел, заглушая хор. Присутствующие открыли молитвенники.

Господин Ротунда был для капитана Катера нужным человеком. Не один раз капитан с избранными друзьями в тиши заднего кабинета «Пегого пса» обедал, и им всегда подавали вкуснейшую дорогую форель и отличное вино.

У Ротунды был самый лучший винный подвал во всей округе. Его «вильдлингско-майнское» восхищало самых требовательных знатоков вина, а его марка «Вильдлингская арфа» была даже отмечена премией рейхсмаршала. Несколько бутылок этого благородного напитка Катеру не повредили бы, в особенности закладки 1933 года, или «сильванерского», а может быть, и «сухого отборного».

Капитан нагнулся к виноторговцу и доверительно спросил:

— Как дела, дорогой Ротунда? Как торговля?

— Плохо, — прошептал Ротунда. — Совсем никуда.

— Весьма печально, — прошептал в ответ Катер. Некоторое мгновение он прислушивался к пению хора, который в это время пытался достичь невероятного пианиссимо, что весьма затрудняло дальнейшую беседу. Катер переждал этот момент, набожно возведя взор к потолку церкви, и дождался, пока Ротунда вновь начал ему шептать.

— Вчера вечером ваши ребята разгромили все мое заведение, — промолвил он.

— Вероятно, из-за какой-нибудь бабы, не правда ли?

Ротунда подтвердил это предположение капитана, подумав про себя: «С этими фенрихами всегда одна и та же история. Перепьют — погром, недопьют — все равно погром. Если так пойдет дальше, то в конце концов доход от предприятия не в состоянии будет покрывать расходы на восстановление поломанного».

— Вы не смогли бы мне чем-либо помочь? — осторожно спросил Ротунда.

Капитан сделал вид, что он напряженно думает над этим вопросом. Он тоже считал, что с этими фенрихами настоящая беда и все одно и то же. Почти постоянно внизу, в городе, возникали крупные или мелкие стычки. Как правило, они замалчивались или улаживались внутренними усилиями, без придания этому огласки. После скандала протрезвевшие фенрихи охотно оплачивали нанесенный хозяину ущерб. Едва ли нашелся бы хоть один владелец злачного места, потребовавший официального расследования происшествия. Он имел бы после этого крупные неприятности. Но в союзе с капитаном Катером такой опасности можно было избежать.

— У вас сохранилось еще несколько бутылочек в вашем сокровенном уголке? — поинтересовался Катер.

— Для вас всегда, мой дорогой капитан, — заверил Ротунда.

Они могли теперь говорить друг с другом не стесняясь, так как вся община в полный голос пела какой-то псалом, а органист нажимал на все регистры.

— Обычно я на все это закрываю глаза, — заверил капитана хозяин заведения и виноторговец Ротунда. — Но на этот раз ваши вояки разошлись настолько, что это перешло всякие границы. В разгроме принимало участие целое учебное отделение.

Капитан Катер делал вид, что он во весь голос поет вместе со всеми. При этом он спросил, не показывая своего интереса:

— Вы, конечно, не знаете, о каком отделении идет речь?

— Знаю, — ответил Ротунда. — На этот раз я совершенно случайно узнал об этом. Это было отделение «Х» из шестого потока.

Капитан Катер стоял некоторое время с открытым ртом, не говоря ни слова. Затем глаза его заблестели, а угреватое лицо засияло от удовольствия, и он тихо промолвил, наклоняясь к Ротунде:

— То, что вы мне сейчас сообщили, мой милый друг, небезынтересно. Я займусь этим делом из дружеских чувств и любви к вам. Сколько бутылок сможете вы, как вы сказали, выделить в настоящее время?

— Двадцать? — спросил осторожно Ротунда.

Капитан утвердительно кивнул. На первых порах с него было достаточно. Он не был мелочным. В конце концов ему нужно было этот свалившийся на него случай принять к разбирательству даже без всякого гонорара.

— Дальнейшие подробности позже, — прошептал он и полностью отдался пению.

После богослужения капитан имел более подробную беседу с господином Ротундой.

— Поскольку, — сказал Катер, — если хочешь кому-либо помочь, никогда нелишне иметь подробную информацию.

— Вы не можете себе представить, господин капитан, — заверил Ротунда, — как я вам благодарен. Я уверен, что это досадное происшествие попало действительно в надежные руки.

— В этом вы можете быть уверены, мой дорогой. Раз-

бирательство подобных щекотливых случаев является одной из моих специальностей.

— Мой дорогой капитан Ратсхельм, — промолвил подчеркнуто любезно Катер, — мне искренне жаль нарушать ваш воскресный отдых, но что поделаешь!

— Прошу вас, дорогой господин Катер, — со сдержанной вежливостью ответил Ратсхельм, — без церемоний! В какой-то мере мы ведь всегда находимся на службе, не правда ли? Чем могу быть полезным?

Капитан Ратсхельм посмотрел с легким сожалением на книгу, которую перелистывал. Это был словарь, и Ратсхельм в своем исследовании как раз дошел до слова «империя». Это было понятие, которое в различных словосочетаниях занимало более двенадцати страниц: «имперский порядок», «имперская академия», «имперская прокуратура», «имперское гражданство», «имперская трудовая повинность», «имперские автострады» и так далее. Ратсхельм с сожалением отложил импонирующий ему имперский словарь в сторону.

— Я, право, не знаю, как начать, — продолжал Катер с деланным смущением. — Дело в том, что предмет, о котором я хочу вам доверительно сообщить, не касается непосредственно моей сферы деятельности. Но помимо службы имеется еще и долг товарищества, и его я не могу нарушить.

— Я ценю это в весьма высокой мере, — заметил Ратсхельм.

— Я был уверен в этом, — с благодарностью и признательностью продолжал Катер. — Разрешите мне быть полностью откровенным.

И капитан Катер рассказал о своем посещении церкви, которое представил как полуслужебную обязанность. Он подробно остановился на том, что его служба требует быть своего рода связующим звеном между органами военного училища и гражданскими учреждениями и лицами в городе. Он убедительно просил при этом Ратсхельма терпеливо выслушать его.

Катер таким образом добился того, что Ратсхельм начал проявлять признаки нетерпения. Он стал нервничать и беспокоиться. И когда Катер заметил это, он решил, что пора переходить к делу: разгром кабачка, разгон гостей, нанесенные в большом количестве членовредительства,

угрозы гостеприимному хозяину, пение непристойных песен.

— И все это совершило учебное отделение «Х».

— Немыслимо, — промолвил Ратсхельм с возмущением. — Вы, вероятно, ошиблись, господин Катер!

— Я никогда не ошибаюсь, — возразил Катер с убежденностью, — в том числе и на этот раз.

— Совершенно немыслимо, — повторил Ратсхельм. — Речь не может идти о всем отделении «Х», не может она также идти и о его большинстве. Понятно, что и в нем имеются неустойчивые элементы. За них я не могу поручиться и положить руку в огонь. Я даже могу сказать: как раз в этом отделении имеется больше сомнительных военнослужащих, чем где-либо, что связано с достойными сожаления ошибками в комплектовании личным составом и недостатками воспитания.

— Вы имеете в виду обер-лейтенанта Крафта? — спросил с живостью Катер.

— Я не вправе делать какие-либо категорические утверждения, — промолвил твердо Ратсхельм, но тут же добавил: — Мне кажется, вы обнаружили зерно истины. Но как могло случиться, что целое учебное отделение приняло участие в этом скандале? Как раз в нем имеется несколько превосходных молодых людей — прекрасные будущие офицеры.

— Мне жаль, но это было так. Почти все отделение «Х», по меньшей мере около тридцати человек, — подтвердил Катер безошибочно.

Ратсхельм смущенно покачал головой. Такое количество сразу не могло попасть под плохое влияние. Если это соответствует действительности, то под большое сомнение ставилась вся учебная и воспитательная работа самого капитана Ратсхельма, его деятельность как начальника потока.

— Итак, — промолвил с удовлетворением капитан Катер, — я оставляю вас наедине с вашими проблемами. Вы, надеюсь, будете меня держать в курсе событий. Я со своей стороны настоятельно советую разобрать это дело возможно скорее, так как в противном случае потерпевший может передать его полиции. И тогда скандала не избежать. А чем это грозит, вы знаете.

— Невероятно, — сказал капитан Ратсхельм и покачал головой, — совершенно невероятно!

Случалось, что он разговаривал сам с собою. Это было

своеобразное выравнивание его, как он сам полагал, чрезмерной молчаливости в присутствии других. Когда капитан был один, он как бы освобождался от строгого воздействия самодисциплины. Тогда он пытался возместить себе вынужденное молчание, выговориться. Он делал доклады, речи, разносы. При этом он репетировал наиболее подходящие для этих выступлений жесты и телодвижения.

— Что-то здесь должно произойти! — говорил он сам себе. — Наконец-то мой инстинкт меня не подвел.

И, чтобы убедиться в этом, капитан Ратсхельм приказал вызвать к себе фенриха Хохбауэра.

Но при одном взгляде на Хохбауэра все его оптимистические надежды на благополучный исход события развеялись в прах. Греческая физиономия с классически арийским профилем была слегка искривлена, залеплена пластырем и покрыта синяками. Преданный взор фенриха говорил: «Я тоже».

— Итак, вы тоже, Хохбауэр, — с огорчением констатировал Ратсхельм.

— Господин капитан, — доложил фенрих,— я готов извлечь любые, необходимые для вас выводы из своего поведения.

— Как все это произошло? — спросил озабоченно капитан.

И чем больше он рассматривал Хохбауэра, чем дольше тот стоял перед его испытующим взором, тем ему становилось яснее: имели место какие-то существенные, веские основания для этого происшествия. Если даже такой многообещающий, дисциплинированный фенрих счел необходимым включиться в побоище, стало быть, случилось что-то необычное, провоцирующее.

— Очевидно, можно предположить, что какие-то особые причины легли в основу всего этого. Не правда ли, Хохбауэр?

— Так точно, господин капитан! — ответил фенрих. Он с готовностью ухватился за спасательный канат, брошенный ему капитаном. — Я хотел разнять дерущихся и при этом попал в рукопашную, между двух огней.

— Ага, — промолвил капитан Ратсхельм, — так вот как обстояло дело. — И затем, не задумываясь больше, он продолжал убежденно и успокаивая самого себя: — Иначе, собственно, и не могло быть.

— Мои друзья вместе со мною и командиром отделения делали все, чтобы прекратить спровоцированный про-

тивной стороной спор. Но на нас набросились, и мы не имели иного выхода, как защищаться.

— Очень хорошо, Хохбауэр. Я вам верю. Вы с вашими товарищами должны были восстановить спокойствие и порядок, но, к сожалению, это вам не удалось, хотя вы прилагали к тому все усилия. Не правда ли?

— В меру наших сил мы пытались сделать все возможное, господин капитан.

— И как возник этот спор, мой дорогой Хохбауэр?

— Точно я не могу сказать, господин капитан. Я знаю только, что какой-то фенрих неизвестного мне учебного отделения оскорбил нашего коллегу Вебера, заявив, что у него имя — как будто взятое из юмористического журнала. Так это или не так, я не могу сказать. Точно знаю лишь, что это утверждение было сделано в общественном месте в присутствии гражданских лиц, среди которых находились персоны женского пола.

— Женщины сомнительного поведения, по всей вероятности? Я надеюсь, вы не имели с ними ничего общего?

— Я презираю эти создания, господин капитан.

— Ну хорошо, мой дорогой, — заметил Ратсхельм, полностью удовлетворенный сведениями, полученными от фенриха. — Мы расследуем это дело.

Хохбауэр ответил на ряд общих вопросов, как, например, о количестве и именах участвовавших в драке фенрихов. Он также сообщил время начала потасовки и попытался изложить детали ее возникновения и дальнейшего хода, с особым упором на их попытки только обороняться.

— Я благодарю вас, мой дорогой Хохбауэр, — сказал в заключение капитан.

— Я заверяю вас, господин капитан, что я глубоко сожалею о случившемся.

— Прекрасно, мой дорогой. Это, конечно, не ваша вина.

— Я очень признателен вам за доверие, господин капитан.

— Не стоит благодарности, дорогой Хохбауэр, — сказал Ратсхельм и протянул своему фенриху руку. — Надеюсь, вскоре мы вновь выберем часик для наших бесед.

— Это все успокаивает меня в какой-то мере, — промолвил капитан Ратсхельм, — но оснований быть беззаботным и довольным я не вижу.

Капитан пришел к этому выводу, измеряя шагами свою комнату. Он жестикулировал, как будто его слова жадно ловила многочисленная аудитория. Творческий мыслительный процесс первой степени, по его мнению, начинался.

«Первое, — наметил он, — не дать распространиться сведениям, что кабак разгромлен. Второе, уже смягчающее вину обстоятельство: так называемый разгром кабака произошел по побуждениям защиты чести; и третье... третье — необходимо признать проступок, заключающийся в совершении дебоша». Это была тяжкая проблема, и, чем дольше он размышлял о ней, тем ему становилось все яснее и яснее, что он не в состоянии нести всю ответственность. Он должен был найти кого-то, кто снял бы с него хотя бы часть ее, причем, по возможности, значительную часть.

С этой целью капитан направился к обер-лейтенанту Крафту.

Достигнув цели своего путешествия, капитан столкнулся с высшей степени неприятным для него обстоятельством. Ратсхельм установил, что обер-лейтенант не один. В комнате Крафта на койке сидело существо женского пола, и это существо рассматривало капитана и начальника потока с любопытством и наглостью.

Ратсхельм остановился у порога сначала молча, как бы ожидая объяснения от своего офицера-воспитателя. Но этого объяснения не последовало. Очевидно, что Крафт считал его излишним. Он произнес только:

— Пожалуйста, господин капитан.

— Пардон, — сказал Ратсхельм сдержанно, — но я не ожидал застать здесь даму. Это не совсем обычно.

— Могу я тебе представить господина капитана Ратсхельма? — промолвил, не смущаясь, Крафт, обращаясь к Эльфриде. — Позвольте, господин капитан, представить вам мою невесту фройляйн Радемахер.

— Это, — поспешил изменить свое мнение Ратсхельм, — совершенно другое дело.

Капитан переключился тотчас же на манеры человека светского. Он подошел к Эльфриде и без промедления произнес:

— Мне составляет особое удовольствие познакомиться с вами.

Ратсхельм произнес это, несмотря на то что ему достаточно подробно было известно о прошлом Эльфриды Радемахер, месте ее работы. Но слова офицера ему было достаточно. Перед ним стояла невеста Крафта. Это, вероятно, решено. Тут уж ничего не скажешь.

— Мои сердечнейшие поздравления, господин обер-лейтенант.

— Спасибо, господин капитан.

Крафт не был в чрезмерном восторге от такого внезапного объявления Эльфриды своей невестой. Но это являлось, думал он, лучшим решением вопроса, по меньшей мере на время его пребывания здесь, в военной школе.

— Простите, фройляйн, — произнес официально капитан Ратсхельм, — к сожалению, я должен увести вашего жениха. Нам нужно срочно обсудить одно служебное дело.

Эльфриду Радемахер ее новая, внезапно объявленная роль офицерской невесты, казалось, рассмешила, но не смутила. Она манерно поклонилась капитану Ратсхельму, как это обычно делали вильдлингенские офицерские жены, и ей удивительно легко удался этот салонный стиль поведения. Крафту она сказала с улыбкой и подчеркнуто жеманным тоном капризной маленькой девочки:

— Иди, мой милый, но не оставляй свою маленькую невесту слишком долго одну.

Крафту стоило усилий овладеть собой. Он понял, что ему предстоит пережить еще много неожиданностей со своей «маленькой невестой». Но сейчас у него не было времени представить себе все это подробнее.

Капитан Ратсхельм проследовал по коридору и вышел на площадь. Он оглянулся, чтобы убедиться, не мешает ли им кто-либо. Затем сразу взял быка за рога.

— Знаете ли вы, господин обер-лейтенант, что натворило вчера вечером ваше учебное отделение?

— Нет, — ответил Крафт откровенно.

— Ваши фенрихи вчера вечером передрались.

— Я так и подумал, — заявил обер-лейтенант без всякой задней мысли. — Я сегодня видел некоторых из моих фенрихов совершенно расцарапанными, с перевязками.

— И это все, — воскликнул с возмущением капитан, — что вы можете сказать?

— А что же мне еще сказать по этому поводу? — за-

метил Крафт с невинным выражением лица. — Чем они заняты в свободное время — это их личное дело. По мне, если им хочется, они могут разбить себе голову. Главное, чтобы это не мешало выполнению служебных задач. Зачем нам делать трагедию, если речь идет о простой шутке? Ну представьте себе: фенрихи затеяли игру в снежки, или, оступившись, свалились с лестницы в каком-либо подвальчике, или, читая уставы, наткнулись на спинку кроватей.

— Они разгромили целый кабак! — воскликнул капитан с раздражением. — И это в присутствии гражданских лиц, и даже женщин!

Крафт внимательно посмотрел на своего капитана и затем протяжно спросил:

— Откуда вам это известно? Что, последовало официальное заявление?

— Я получил пока частное, товарищеское сообщение обо всем этом.

— Забудьте о нем, господин капитан! — воскликнул Крафт.

— Оно пришло от господина капитана Катера!

— Тем более забудьте о нем как можно скорее, — повторил обер-лейтенант. — Зачем вам, собственно, понадобилось хватать раскаленное железо, которое вам даже не протягивают? И если фенрихи действительно совершили какую-то глупость, дайте им время, чтобы все сгладилось. Послушайтесь моего совета, господин капитан: подождите поступления официального рапорта по этому вопросу от полиции или из каких-то иных инстанций, и я держу пари, что вы будете понапрасну ждать его.

— Так не пойдет, господин Крафт! — воскликнул рассерженно капитан. — Это не выйдет ни при каких обстоятельствах, во всяком случае, пока я руковожу потоком!

А он-то думал, что этот обер-лейтенант Крафт тотчас же безоговорочно согласится разделить с ним ответственность, продолжить расследование, найти зачинщиков, реабилитировать невиновных! Вместо этого Крафт имеет наглость давать ему советы, как удобнее избежать ответственности, так сказать уйти из-под огня, и кому даются эти советы — ему, капитану Ратсхельму, испытанному и многократно награжденному борцу за высокое качество подготовки офицеров!

— Господин Крафт, — строго промолвил Ратсхельм, — я официально приказываю вам доложить об этом досад-

ном происшествии господину капитану Федерсу как преподавателю тактики в учебном отделении «Х». Предупредите его, чтобы он был готов доложить подробно о всем этом майору Фрею. Все это относится в равной мере и к вам. Когда состоится беседа с майором, зависит от ряда обстоятельств, но во всяком случае — не позже чем сегодня после обеда. Вы меня поняли, господин Крафт?

— Так точно, господин капитан, — промолвил медленно Крафт. — Если вы придаете всему этому такое значение, то ваша воля. Но я на вашем месте не делал бы этого.

— Но вы не на моем месте, — прервал его с нетерпением Ратсхельм.

— К счастью, — заметил Крафт.

— Ваши взгляды, — промолвил с упреком капитан, — во все большей мере кажутся мне непродуманными. Я это говорю вам откровенно, поскольку откровенность является моим принципом. Я нахожу ваши методы опасными.

— Для кого, господин капитан?

— У меня нет желания вступать с вами в дебаты, господин Крафт, особенно сейчас. Я направляюсь к господину майору, а вы выполняйте отданное вам приказание.

— Будет выполнено, — заверил обер-лейтенант.

— Ну, уважаемая дама, — сказал обер-лейтенант Крафт Эльфриде Радемахер, — могу я спросить, как ты себя чувствуешь?

— В высшей степени глупо, — ответила Эльфрида. — Я начинаю о тебе беспокоиться. Ты совершенно неразборчив в выборе средств.

— Ты ошибаешься, — возразил Крафт. — Все совсем наоборот. Я стараюсь поступать, предварительно обдумав все «за» и «против».

Крафт стоял перед Эльфридой, которая все еще сидела на его походной койке. После беседы с капитаном он сразу же вернулся к себе в комнату. Ему предстояло сделать массу дел, но то, которое он намеревался обсудить с Эльфридой, казалось ему самым важным.

— Во всяком случае, — промолвила она, — твою шутку можно счесть тщательно взвешенной.

— А это не было шуткой, — возразил Крафт.

— Ну хорошо, тогда это был спонтанный случай, разновидность шахматного хода. Ты решил избежать безвы-

ходного положения, поэтому и выдал меня за свою невесту. Ведь это так?

Он улыбнулся, сел рядом с нею, положил руку ей на плечи и твердо сказал:

— А ты прекрасно подыграла, Эльфрида.

— Ну конечно, я должна была это сделать для тебя, — медленно сказала она. — Вначале эта роль меня даже смешила.

— Ну и хорошо, останемся в этом состоянии, — предложил Крафт. — Времена сейчас слишком серьезные, почему мы должны пренебрегать тем, что вызывает смех?

— Ты что, серьезно? — спросила она робко. Он с удовольствием посмотрел на нее и затем пояснил, заговорщицки подмигивая:

— Дела обстоят таким образом, ты должна об этом знать: повсюду, где бы я ни был, у меня невесты: две в Силезии, три в Польше, четыре в Рейнланде, семь во Франции и одна в России. Такой мой стиль работы.

— Это не твой стиль.

— Ну и прекрасно, — серьезно сказал он. — Может быть, ты и права. Во всяком случае, когда-то нужно начинать. Не правда ли?

— Карл, — тихо сказала она, — я этого от тебя не требую.

— Я это делаю еще и поэтому, моя девочка!

То, что он выдал ее за свою невесту, конечно, получилось спонтанно, внезапно, но не без предварительной внутренней подготовки.

— Ну хорошо, — сказала она просто и быстро поцеловала его в щеку. Она была смущена.

— Я только боюсь, — сказал он весело, — что у нас сегодня не будет слишком много времени, чтобы воспользоваться поводом — нашим обручением и должным образом его отметить, поскольку, если я не ошибаюсь, сегодня несколько наших быков собираются организовать рысистые испытания. И я, с твоего разрешения, должен буду подготовить им дорогу.

— Я тебе все разрешаю.

— Ты всегда должна оставаться такой, — сказал он, обнимая Эльфриду.

— Я всегда буду такой, какой ты бы хотел меня видеть, Карл.

Он, казалось, слегка оцепенел, затем немного отошел в сторону, посмотрел на девушку и сказал:

— Эльфрида! Ты должна мне обещать одно: ты никогда не предпримешь попыток свою жизнь подогнать под мою. Ты не должна прилагать ни малейших усилий к тому, чтобы думать, как я. Ты должна избегать поступать, как я. Ты должна оставаться такой, какая ты есть. Не быть моим эхом, дополнением или тенью. Обещаешь ты мне это?

— Об этом не беспокойся. Не задерживайся. У меня сейчас тоже масса дел. Я должна подумать, что мне, как невесте, предстоит перестроить в своих привычках.

— Займись этим, — сказал он и с облегчением засмеялся.

Выйдя из своей комнаты, он остановил первого встретившегося ему фенриха из своего отделения и приказал ему не позже чем через три минуты вызвать к нему Крамера, Вебера и Редница.

Три фенриха незамедлительно явились. Они вытянулись перед Крафтом и уставились на него настороженными глазами. Их терзали угрызения совести, мучил страх. Надежд на благоприятный исход не было почти никаких. Они были готовы ко всему. Но того, что произошло, никто из них не ожидал: обер-лейтенант громко расхохотался. Вид физиономий, залепленных пластырем, разукрашенных синяками различной расцветки, вызвал у Крафта на несколько секунд приступ неудержимого веселья. У фенрихов промелькнула на лицах робкая улыбка. Они обменялись удивленными взглядами. Битва хотя и закончилась победой, но пробуждение было грустным. Кто-то уже распространил слух о том, что решено все отделение отправить прямым путем «домой», то есть на фронт, со следующей формулировкой: «За коллективное нарушение основных правил пребывания в военном училище». Однако в глубине души у многих еще теплилась надежда. Если кто и может в этом деле помочь, так это Крафт. Они уже собирались послать к нему делегацию. Но согласится ли он? И теперь вдруг оказалось, что такая возможность не исключена.

— Вы выглядите как «пегие псы»! — весело воскликнул обер-лейтенант.

Фенрихам сразу стало ясно, что Крафту известно все. Он даже знал название кабачка, где они одержали пиррову победу.

И Крамер начал с готовностью:

— Если господин обер-лейтенант разрешит доложить...

— Меня не интересуют ваши развлечения в свободное время, и доклады об этом я слушать не желаю. Я намерен лишь рассказать вам вспомнившуюся мне сейчас маленькую историю.

Фенрихи молча удивлялись. Они сразу поняли, что их офицер-воспитатель не имеет ни малейшего желания стать их поверенным и соучастником совершившегося. Но он не намерен также и выступать в роли их судьи. Какую же цель он преследует, что же ему нужно?

— Во время похода во Францию, — рассказывал обер-лейтенант, — я конфисковал у французов отличный объект — винный погреб. Я был доволен своим поступком, по крайней мере в момент конфискации. Но вскоре, кажется на следующее утро, мне стало известно, что я не был правомочен совершать какие-либо реквизиции, и в особенности такие, какие были совершены мною. За мою инициативу я подлежал строгому наказанию. О моих действиях стало известно начальству, которому кто-то из моих доброжелателей уже донес. Ну что я вам должен сказать? Когда начальство пожелало осмотреть конфискованный мною погреб, оно не могло его найти. Такого винного погреба там вообще не бывало.

Теперь фенрихи поняли все и с благодарностью смотрели на своего обер-лейтенанта.

Фенрих Крамер спросил:

— Могу я попросить разрешения для себя и моих товарищей выйти на некоторое время в город? Нам необходимо там срочно решить несколько важных вопросов.

— Разрешаю, — ответил Крафт.

Фенрихи с радостными лицами четко повернулись кругом и поспешили удалиться. После короткого раздумья Крафт вернул фенриха Редница. Тот подошел, вытянулся перед Крафтом по стойке «смирно» и взглянул на обер-лейтенанта с доверительной улыбкой.

— Еще один вопрос, — промолвил Крафт. — Строго между нами, Редниц, Хохбауэр тоже принимал участие в этой свалке?

— А как же, господин обер-лейтенант! Сначала он не хотел. Но у него не оставалось выбора. Я тоже позволил себе немного помочь своим, а он бросился в ряды противника, как снаряд, выпущенный из орудия.

— Как, по вашему мнению, Редниц, кем или чем было вызвано столкновение?

— Это известно совершенно точно, господин обер-лейтенант. Причиной явились особые распоряжения № 131,— с готовностью ответил Редниц. Он заметил при этом некоторое изумление на лице своего командира и понял, что ему ничего не известно о существовании этих распоряжений. — Эти распоряжения поступили к нам в субботу пополудни и во время обычного построения были зачитаны фенрихам. В этих распоряжениях между многими иными говорилось, например, что имя Эгон похоже на взятое из юмористического журнала. И как раз это было сказано с насмешкой Веберу кем-то из соседнего отделения. Это оскорбило его, и он ударил обидчика. После все и началось.

— И что же это было за отделение, Редниц?

— Это было учебное отделение «Бруно», первого потока, господин обер-лейтенант.

Только теперь Крафт показал свою реакцию на доклад фенриха: он улыбнулся. Крафт теперь знал, что на совещании у майора, которое должно было вскоре начаться, он может рассчитывать на поддержку капитана Федерса, так как отделением «Бруно» руководил Миннезингер. Это могло иметь при обсуждении решающее значение.

— Ценные сведения, мой дорогой Редниц,— заметил обер-лейтенант Крафт. — С ними можно кое-что предпринять. А теперь я не намерен вас больше задерживать, тем более что вы с товарищами выполняете срочную и ответственную миссию в городе.

— По предварительным расчетам, нам потребуется около часа, господин обер-лейтенант.

— О результате немедленно сообщите мне, Редниц, вне зависимости от того, где я буду находиться, даже если вам придется вызвать меня с совещания.

Чрезвычайное закрытое совещание началось в 16 часов. Оно было относительно кратким и закончилось для некоторых совсем не так, как им хотелось. Оно проводилось в служебном кабинете начальника второго курса. Участники: майор Фрей, капитаны Ратсхельм и Федерс, обер-лейтенант Крафт, последний в качестве ответственного за воспитание фенрихов обвиняемого учебного отделения.

— Господа, я возмущен! — так начал майор Фрей. Он сидел в своем кресле прямо, с достоинством, в полной уверенности в своей непогрешимости. — Я весьма сожалею, господа, — промолвил майор, — что вынужден нарушать ваш воскресный отдых. Я тоже предпочел бы провести это время в кругу своих друзей, в достойном обществе. Как раз сейчас моя супруга, как вы все хорошо знаете, проводит прием жен господ офицеров моего курса. Внезапно возникшая ситуация вынудила меня, однако, пренебречь обществом дам подчиненных мне офицеров. Что вы можете сказать по этому поводу, господин обер-лейтенант Крафт?

— Ничего, господин майор, — просто ответил Крафт.

У Фрея, как всем показалось, перехватило дыхание, и он уже строгим, требовательным тоном произнес:

— Ваше отделение, за которое вы в первую очередь несете ответственность, учиняет в общественном месте драку. Ваши фенрихи дерутся, как пьяные лесорубы, и вам по этому поводу нечего сказать?

— Прежде всего, — спокойно заявил Крафт, — я не считаю доказанным, что драка с разгромом кафе имела место. Это еще нужно расследовать. Далее необходимо установить, действительно ли отделение «Хайнрих» полностью или частично несет за это ответственность, а возможно, оно даже не виновато. Ведь в драке принимали, кажется, участие фенрихи, пользующиеся безупречной репутацией. Не правда ли, господин капитан?

Ратсхельм схватил эту приманку, как собака кость.

— Совершенно верно, — с готовностью подтвердил он, — это обстоятельство заслуживает особого внимания. Можно почти утверждать, что даже лучшие, многообещающие фенрихи были втянуты в это фатальное происшествие, что вызывает особые размышления.

— Из-за чего же разгорелся сыр-бор? — промолвил майор, глубоко убежденный, что ему удастся наказать виновного. — Вы, господин обер-лейтенант, не должны забывать, что за все случившееся вы один несете ответственность.

— Готов к этому, господин майор, — заверил Крафт не раздумывая. — Мне только не ясно, какого рода ответственность вы имеете в виду. Чтобы внести в расследование должную ясность и объективность, нужно также не оставлять без внимания и другое отделение, прини-

мавшее участие в дебоше. Речь идет об отделении «Бруно» из первого потока.

— О каком отделении? — спросил с удивлением Федерс.

Обер-лейтенант Крафт охотно ответил, и Федерс громко, с удовлетворением захохотал.

Майор проговорил строгим тоном:

— Не вижу повода для смеха, господин капитан!

— Господин майор, я нахожу всю эту историю в высшей степени комичной.

— К сожалению, господин капитан Федерс, — промолвил майор явно недовольным тоном, — я не нахожу здесь ничего смешного, и я попрошу вас вести себя серьезнее.

— Попытаюсь, — ответил Федерс и подмигнул Крафту, — но боюсь, что это мне удастся с трудом.

— Следует доложить, что возникновение драки произошло по невероятнейшему поводу, — продолжал Крафт. — Предметом ссоры явилось объявление имени Эгон смешным, взятым из юмористического журнала.

— Этого не может быть! — воскликнул Федерс, который был в отличном настроении. — Это же какой-то абсурд.

— Я тоже так считаю, — подтвердил, не зная существа дела, капитан Ратсхельм. — Я нахожу заявление обер-лейтенанта Крафта по меньшей мере поспешным и преувеличенным. Вряд ли мы можем поверить, что такое безобидное и нелепое замечание могло привести к дикому побоищу, достойному вандалов.

— К сожалению, это так, — упорно утверждал Крафт. — Выражение «имя из юмористического журнала» использовали в качестве насмешки. Один из фенрихов, носящий это имя, расценил шутку как оскорбление своей чести и решил ее защищать. А то, что подобное выражение является нелепым, так я уверен, что господин майор имеет по этому вопросу совершенно иную точку зрения.

Три офицера посмотрели на своего начальника, который уже проявлял признаки беспокойства. Предательская краснота разлилась по его всегда такому энергичному лицу. Майор выглядел раздраженным, пальцы его нервно барабанили по столу.

По привычке Фрей решил на удар ответить контрударом.

— По удивлению, возникшему у вас, господа, я вижу, что вы не читали подготовленных мною особых распоряжений за номером «131». Я считаю, что это бросает особый свет на то, как воспринимаются мои письменные указания и распоряжения. Последние распоряжения были подписаны мною вчера примерно в 10 часов и должны были в тот же день от 12 до 14 часов быть прочитаны во всех учебных подразделениях. Таким образом, у господ офицеров имелось достаточно времени, чтобы ознакомиться с ними. Однако, по всей вероятности, никто из них не счел нужным сделать это.

Все было действительно так. Приказы приходили, регистрировались, направлялись по инстанции и весьма редко принимались во внимание. С болью в сердце узнал об этом майор. Его особые распоряжения, тщательно продуманные им, четко сформулированные, достойные плоды солдатской мудрости, не читались. И даже такими ревностными служаками, как Ратсхельм. Печально.

— Тем не менее, — промолвил Крафт, который как хороший нападающий оказался у мяча, чтобы дать решительный удар по воротам, — факты упрямая вещь. Фраза «имя Эгон взято из юмористического журнала» явилась причиной побоища.

— Это результат ошибки, — с жаром заметил майор. Он пытался как-то оперативно вывернуться из создавшегося щекотливого положения.—Не что иное, как ошибка!

— Драка фенрихов является ошибкой? — не стесняясь, спросил Крафт.

— Ошибкой является утверждение, что имя Эгон взято из юмористического журнала, — быстро произнес майор. — Не будем останавливаться на этом. Все будет исправлено.

— Тем не менее, — с упрямством продолжал Крафт, упорство которого начинало постепенно действовать на нервы присутствующим, и особенно майору, — тем не менее исключительно эта ошибка, как говорят здесь господа офицеры, привела к страшному побоищу, которое не могло присниться даже пьяным лесорубам. Имя Эгон, якобы взятое из юмористического журнала, стало как бы паролем, приведшим к разгрому кафе, если этот разгром действительно был совершен. Учитывая все это, не сочтете ли вы, господа, что проще, умнее и лучше будет, если мы станем считать, что у нас ничего не происходило?

Майор не сказал «нет», что всеми присутствующими

было расценено как чрезвычайно важное событие. Фрей сидел за своим письменным столом, как кучер на козлах. И выглядел как провинившийся подчиненный перед начальником. Он дошел до такого состояния, когда ему во что бы то ни стало хотелось, чтобы кто-либо подсказал ему содержание убедительно звучащего приказа, опираясь на который он мог бы выйти из затруднительного положения. Ища выход, он оглядывался вокруг.

В этот момент появился один из его писарей. Он сообщил, что фенрих из отделения «Х» по весьма важному делу намерен переговорить с офицером-воспитателем. Фрей разрешил Крафту выйти и прервал совещание. В течение этих минут ему не было необходимости ни давать объяснения, ни принимать решения.

Лишь после ухода Крафта из кабинета Фрей спросил:

— Ну, господа, что вы скажете по этому вопросу?

Господа ничего не могли сказать, во всяком случае чего-либо вразумительного. Федерс показал свою полную незаинтересованность в разбираемом вопросе. Ратсхельм дал понять, что он предпочитает присоединиться к мнению майора, как только он его сочтет нужным высказать. Но как раз по этому вопросу у Фрея не было сложившегося мнения.

Одно было ясно майору: если он будет настаивать на наказании виновных, то в конце концов сам пострадает и сам будет признан виновным. Если генерал узнает об этой катастрофе, которая произошла из-за того, что имя Эгон в его, Фрея, распоряжениях называлось смешным, взятым из юмористического журнала, то Эрнст Эгон Модерзон сотрет его в порошок.

В этот момент в кабинет майора вернулся обер-лейтенант Крафт и доложил:

— Господа, я только что получил от одного из моих фенрихов сообщение, что все вопросы, связанные со вчерашним происшествием, улажены. Владелец «Пегого пса» господин Ротунда не только не имеет никаких претензий к нашим фенрихам, но и готов при необходимости дать показания, что имела место какая-то ошибка. Вчерашний вечер в его заведении проходил совершенно нормально, как и все предыдущие.

— Ну вот видите, — промолвил Федерс. — К чему был весь этот театр!

Майор вздохнул с заметным облегчением. Гора величиной с Монблан свалилась с его руководящих плеч. Он был спасен. Счастье вновь улыбнулось ему, а давно известно, что это бывает лишь с энергичными и деятельными людьми. Сознание этого вновь придало ему уверенность в своих силах. И строго начальственными приемами он начал вновь карабкаться на белую лошадь власти, с которой он только что свалился.

— Господа! — высокомерно, независимым тоном начал он. — Поскольку только что установлено, что некоторые из вас допустили ошибку, в чем я, откровенно говоря, был убежден с самого начала, тем не менее поведением вашим я удивлен.

Вы, например, господин капитан Ратсхельм, в будущем меня, как вашего командира, никогда не обременяйте неподготовленными вопросами. Вы, господин капитан Федерс, впредь ведите себя серьезнее и не осмеливайтесь важное совещание называть театром. И наконец, вы, господин обер-лейтенант Крафт, должны больше заботиться о воспитании своей группы. Тогда заключительный доклад, который вы только что сделали, вы смогли бы представить нам не в конце, а в начале нашего совещания. Но вы знаете, господа, что я не мелочный. Я не делаю из сегодняшнего разбирательства никаких дисциплинарных выводов. Благодарю вас, господа.

Как только три офицера покинули кабинет своего начальника, он, не теряя времени, начал обдумывать, как ему в блестящей форме выйти из создавшегося положения.

Майор Фрей взял чистый лист бумаги и начертал на нем слова, которые на следующий день привели в восторг и удивление всю военную школу — от генерала до последнего фенриха. Эти достойные глубокого ума слова звучали следующим образом.

Дополнение к особому распоряжению номер «131».

Касательно: изложенного ниже.

В вышеуказанном особом распоряжении, в разделе 3, абзац 2, допущена досадная опечатка. Было написано слово «Эгон», вместо «Эде».

Подпись: Фрей,
майор и начальник 2-го курса

23

ПРИГЛАШЕНИЕ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ.

— Ее нет,— доложил капитану Катеру унтер-офицер.

— Что значит нет? — спросил рассерженно Катер.— Она что, исчезла?

— Очевидно, нет, господин капитан,— ответил унтер-офицер.— Она вышла.

— Вышла? — спросил Катер с расстановкой.— Как это могло произойти?

Оба — командир административно-хозяйственной роты и его писарь, унтер-офицер,— говорили об Ирене Яблонски, новой сотруднице.

— Что, вы не слышали моего распоряжения,— рассерженно продолжал Катер,— что эта Ирена Яблонски поддежуривает?

— Так точно, слышал, господин капитан.

— Почему же ее нет на месте?

— Фройляйн Радемахер распорядилась по-иному.

— Кто? — грозно спросил Катер.— Эта Радемахер? Как она посмела?

— Не знаю, господин капитан,— терпеливо отвечал унтер-офицер.— Она только сказала: если у господина капитана будут какие-либо дела, то она в вашем распоряжении.

— Ага,— сказал Катер удовлетворенно.— Она действительно так сказала?

— Так точно! Если у господина капитана будут какие-либо дела.

— Ну хорошо, можете идти.

Унтер-офицер вышел из канцелярии капитана Катера и на некоторое время остановился в задумчивости, затем с улыбкой покачал головой и, промолвив: «О, эти женщины», подошел к окну.

Бинокль капитана Катера был отличного качества, добротного немецкого производства. В условиях военной школы он использовался офицерами лишь в одном направлении.

Капитану Катеру не приходилось наблюдать ни за передвижением противника, ни за положением своих войск. Он из своей комнаты обычно наблюдал лишь за зданием, расположенным через дорогу. Там расквартировывался женский персонал.

Наблюдения капитана Катера были сконцентрированы на окошке квартиры, расположенной на первом этаже. Там жили Эльфрида Радемахер, Ирена Яблонски и еще несколько девушек. Но в этот момент помещение казалось совершенно пустым.

Что намерена предпринять против него строптивая девица? Эта мысль не давала ему покоя. Все было не так просто, как казалось вначале. Утверждения этой Радемахер, что она намерена защитить Ирену, конечно, явились лишь уловкой! Постепенно ему становилось яснее лишь одно: что Эльфрида метит на теплое местечко, но не желает это показать и признаться в этом.

«Ну что ж, почему бы нет,— думал Катер.— Эта Ирена к тому же ничем не примечательна. Так себе, начинающая... С Эльфридой Радемахер ее нельзя сравнить. Та уже созревший, роскошный экземпляр».

И действительно, в последнее время она начала все больше привлекать внимание Катера. Ее всегда несколько упрямую манеру поведения можно было легко принять за реакцию на неудовлетворенные желания. А эпизод с Крафтом являлся своеобразным ходом. В конце концов, она же не дура и должна предвидеть, что положение ее обер-лейтенанта пошатнулось. Умные женщины всегда своевременно пересаживаются на другую лошадь.

Капитан Катер немного наклонился, как бы намереваясь точнее или лучше рассмотреть «цель». Он увидел в бинокль Эльфриду Радемахер, которая только что вошла в комнату.

Она включила свет и огляделась вокруг. Кроме нее, в помещении никого не было. Она начала медленно расстегивать кофточку и при этом, подойдя к окну, задернула занавески.

Капитан Катер опустил бинокль и быстро закончил переодевание в предписанное приказом обмундирование. Он решил отправиться на инспекцию, и, поскольку решил инспектировать женское общежитие, он не мог отправиться в домашней одежде или купальном халате. Правда, подобные проверки он мог проводить лишь в присутствии старшей сотрудницы из числа женского персонала. Но в нужных случаях он мог обойтись и без нее и отправиться в женское общежитие один. По мнению Катера, сейчас имел место именно такой случай.

Перед тем как покинуть комнату, он осмотрел себя

в зеркало. Вне всякого сомнения, вид у него был внушительный и производил должное впечатление.

Он прошел по коридору, вышел из штаба, пересек улицу и переступил порог дома, у входа в который красовалась большая вывеска: «Женское общежитие. Вход посторонним строго воспрещен».

Он-то не был посторонним. Внизу стояла его подпись: «Катер. Капитан и командир административно-хозяйственной роты».

Перед дверью комнаты за номером «102» он на мгновение остановился и быстро, нервными движениями рук, еще раз проверил, как сидит его мундир, и затем, оглянувшись по сторонам, вошел в комнату, не постучав.

Картина, которую он здесь увидел, сразу повысила его кровяное давление. Эльфрида Радемахер стояла, наклонившись перед платяным шкафом, одетая только в трусы и бюстгальтер. Ее формы, подчеркнутые этой более чем легкой одеждой, говорили о совершенстве ее фигуры.

Эльфрида Радемахер выпрямилась и вопросительно взглянула на Катера. Девушка не проявила ни особенного удивления, ни стыда.

Она привыкла чувствовать, что мужчины мысленно ее раздевают, и знала, что Катер видит ее сейчас такой, какой он ее уже не раз себе представлял.

— Что вы здесь потеряли? — спросила Эльфрида с показным равнодушием.— Почему вы входите без стука?

— Я хотел вам, Эльфрида, передать приглашение,— ответил он дрожащим голосом, оставшись у порога.

— Я для вас не Эльфрида, а Радемахер,— заявила она отчужденно.— И помимо того, от вас я не приму никаких приглашений. Выйдите, пожалуйста, из комнаты или по крайней мере отвернитесь, пока я не накину пальто.

— По мне, вы можете оставаться такой, как есть. Вы мне не мешаете,— промолвил капитан.

— Но вы мешаете мне,— воскликнула Эльфрида. Она схватила купальный халат и накинула его на себя.

Катер вздохнул. У него возникло большое желание присесть, а может быть, и прилечь, если бы к тому были предпосылки. Но холодный, насмешливо-отталкивающий взгляд Эльфриды не оставлял ему ни малейшей надежды.

— Послушайте,— промолвил сдавленным голосом Катер, который все еще продолжал стоять в дверях,— вы меня не проведете. Я точно знаю, куда вы намерены удрать, и это соответствует также и моим желаниям. Я знаю, вы

трезво мыслящая, практичная девушка, и вы мне нравитесь.

— Но вы мне совершенно не нравитесь,— заявила Эльфрида.

Это прозвучало достаточно убедительно, но не для капитана Катера. Он был уверен, что добьется своей цели. Все так поступают, думал он. Вопрос упирается в цену. И он твердо решил не быть чрезмерно мелочным.

— Мы сойдемся,— обещал он.— Приходите около десяти часов ко мне.

— Не подходит! — воскликнула Эльфрида и беззаботно рассмеялась.

— А мне очень хорошо подходит,— промолвил он.— В десять часов нам никто не помешает.

— Я помолвлена,— заявила наконец Эльфрида,— с обер-лейтенантом Крафтом.

— Не имеет значения,— ухмыляясь, промолвил капитан.— Мне это ни в малейшей мере не мешает. Я бы сказал, совсем наоборот. Это даже создает благоприятные условия. Это даже еще в большей мере должно повысить вашу готовность быть ко мне благосклонной. Мне достаточно шевельнуть пальцем — и ваш так называемый жених исчезнет из военной школы и загремит на фронт. Не недооценивайте моих возможностей и дружбы со мною, Эльфрида, и имейте всегда в виду, что я знаю больше, чем многим бы хотелось для личного благополучия. Мне достаточно завтра зайти к генералу и шепнуть ему на ухо несколько деталей. Возможно, вы жаждете, чтобы ваша так называемая помолвка нашла скорый и бесповоротный конец? Итак, в десять часов. И не заставляйте меня слишком долго ожидать, Эльфрида. Я стал несколько нетерпеливым.

— Вам придется слишком долго ждать,— промолвила Эльфрида.— Сегодня вечером я занята, и в следующем месяце, и в следующем году также.

— Все изменится,— пообещал Катер.— Я гарантирую это. Но я пойду вам навстречу. Вы можете вместо себя подослать заместителя, например Ирену Яблонски. Но лучше, если вы придете сами, Эльфрида. Зачем мы будем откладывать то, что так или иначе должно случиться? Не правда ли?

Эльфрида Радемахер сидела напротив зеркала. Она была совершенно спокойна, холодна и неподвижна, как све-

жевыпавший снег. И она с удивлением размышляла: «Моя кожа стала совершенно иначе выглядеть. Она свежая, гладкая и чистая. Мой мозг работает совершенно иначе, чем раньше. У меня нет безразличия к мужским связям. Я хочу принадлежать только ему одному. Я изменилась, и это настоящий дар. Но существуют ли в жизни подобные дары?»

Однако у нее не было ни времени, ни желания заниматься далее подобными вопросами. Ее ожидали, и более важного для нее сейчас ничего не существовало.

Она быстро оделась, написала записку, в которой сообщала, где она будет находиться, и положила ее на кровать Ирены Яблонски.

Затем она выбежала из дома, прошла по центральной улице казарменного городка и направилась к отдельно стоящему бараку, где располагались отделение «Х» и его офицер-воспитатель.

Комната, в которую она вошла, была насквозь прокурена. В ней имелась одна расшатанная полевая койка, к которой вела вытертая дорожка, и на ней стоял Карл Крафт. Он встретил ее нежной улыбкой заждавшегося человека. Уверенность в своих силах, исходившая от его фигуры, сообщилась и ей. Чем объяснить, что с ним она чувствует себя в безопасности?

Эльфрида бросилась к Крафту, как бы ища у него защиты.

— Наконец-то! — воскликнула она.— Наконец!

— Не так бурно,— сказал он, обнимая ее.— У тебя или нечистая совесть, или произошли какие-нибудь неприятности.

— Ко мне пристает Катер, он шантажирует меня!— проговорила она.

— Милая,— сказал он, успокаивая ее,— все его существо — это шантаж и подлость.

— Может он тебе чем-нибудь навредить? — хотела узнать Эльфрида.

— Навредить может даже вошь,— спокойно заметил он.— И не только та вошь, которая переносит сыпной тиф. Обычная вошь может остановить часы.

Эльфрида рассказала Крафту все, что с нею произошло.

— Что мне делать? — спрашивала она.— Может быть, в следующий раз дать ему пощечину?

— Не слушай его, делай вид, что ты его не замечаешь, что он для тебя не существует. Впрочем, ты ведь

теперь так называемая дама, Эльфрида, невеста офицера, и ты должна вести себя соответствующим образом.

— Легко у меня это не получится, Карл! Это я могу тебе прямо сказать!

— Ты к этому уже привыкла,— сказал он.— Ты же женщина умная и сможешь примениться к обстановке.

— Это так,— промолвила Эльфрида под влиянием его спокойного, уверенного рассуждения. Она вплотную подошла к нему и обняла за шею. — К тебе, Карл, во всяком случае,— сказала она,— я приноравливаюсь с большой охотой.

Он нежно освободился от ее объятий.

— Ты будешь сейчас иметь возможность потренироваться в роли офицерской дамы. Мы приглашены.

— И мы что, не сможем побыть здесь одни? — разочарованно произнесла она.

— Вначале мы должны пойти к капитану Федерсу и его жене. Оба они хотят с тобою познакомиться. Тебя что, это ни в какой степени не радует? Это же, так сказать, официальное приглашение.

— Первое в моей жизни, — задумчиво произнесла она.

— Нужно же однажды начать что-то совсем новое в жизни.

— И обязательно с визита к капитану Федерсу?

— Ты его знаешь?

— Лично нет, знаю лишь, что говорят о нем. О нем и его жене.

— Забудь это, Эльфрида. Говорят всегда много, в том числе и о нас.

— Тебе нравится этот капитан Федерс, не правда ли? Это чувствуется даже по тому, как ты о нем говоришь. А может быть, тебе нравится его жена?

— Они оба интересуют меня. Это необыкновенная пара. В капитане Федерсе и его жене ты увидишь людей, которых волнуют иные проблемы, чем нас. Пойдем!

Дружно шагали они по казарменному городку. Выпал свежий снежок. Его слепящая белизна настраивала на идиллический рождественский лад, хотелось прокатиться на санках. Они шли, взявшись за руки, и чувствовали, как приятная внутренняя теплота согревает их. Помолвленные начали привыкать к своей помолвке.

— Для любимцев Вильдлингена двери всегда открыты! — воскликнул при виде их капитан Федерс.

— Вы что, пригласили нас, чтобы показывать как редких зверей? — спросил с улыбкой Крафт.

— Вы угадали,— ответил Федерс и подвел вошедшую пару к своей жене.— Мы просто не верили, что увидим реально существующую пару возлюбленных. Не правда ли, Марион?

Марион Федерс приветствовала вошедших сдержанно, даже застенчиво. Она, очевидно, стеснялась видеть перед собою людей, которые могли бы смотреть на нее свысока, с чувством собственного достоинства.

— Мы вам очень благодарны за любезное приглашение,— сказала Эльфрида, обращаясь к Марион Федерс, и откровенно добавила: — Для меня это первое приглашение в жизни.

— Бедное дитя! — воскликнул Федерс с деланным сочувствием.— И надо же вам было попасть именно к нам!

— Тяжелое начало не всегда бывает плохим,— дружески заметила Марион.

— Спасибо,— ответила Эльфрида.— У меня как камень свалился с плеч.

Марион Федерс улыбнулась Эльфриде и пододвинула ей стул. Ее предположения не оправдались. Девушка ей понравилась. Простая, не жеманная, красавица в расцвете лет.

Они присели к маленькому низкому столику, на котором уже стояла бутылка вермута.

— Собственно,— заметил Федерс,— нам бы нужно было сейчас пить шампанское. Но мы не крезы и не катеры. Кроме того, любой напиток хорош, если его пьешь среди друзей.

Они выпили первую рюмку молча.

— Слухи о нашей помолвке распространились с невероятной быстротой,— заметил Крафт.

— Система оповещения с помощью барабанов, принятая у бушменов, у нас сейчас заменена телефонами. И если дикари все делают с варварской откровенностью, то техника сделала из нас шептунов и наушников. Добрейший капитан Ратсхельм — наша героическая болтунья в штанах — как только услышал о вашей помолвке, так и повис на телефоне. И, конечно, в первую очередь он сообщил эту сенсационную новость майорше.

— Ну, это избавит нас от необходимости рассылки объявления о помолвке,— заметил Крафт.

— Но не оградит вас от любопытства нашей командирши,— заметил Федерс и вновь налил рюмки.— Госпожа майорша, несомненно, станет рассматривать невесту сквозь лупу. Будьте готовы ответить ей на ряд немыслимых вопросов, фройляйн Радемахер. Происходите вы, например, из видной или по крайней мере благонамеренной фамилии?

— Мой отец был смотрителем зданий на вагоностроительном заводе, кроме того, он пел в церковном хоре,— заявила не задумываясь Эльфрида Радемахер.

— «В высшей степени достойное занятие»,— скажет майорша.— И Федерс, которому понравилась эта игра, продолжал, повернувшись к Эльфриде, допрос, имитируя голос командирши:— «А какой у вас образовательный ценз — пансион или что-либо иное?»

— Начальная школа, и ничего больше.

— «Ну да,— произнесет госпожа майорша.— Надеемся на ваше самообразование и на внутреннюю одаренность. А как обстоит дело с вашим драгоценным здоровьем, я имею в виду будущее материнство?»

— Это нужно проверять на практике.

Капитан Федерс звонко рассмеялся.

— Превосходно,— промолвил он.— Если вы скажете все этой нашей командирше, вы будете, вероятно, освобождены от дальнейшего допроса. Фройляйн Радемахер, еще раз всего хорошего.— Он поднял свой стакан.— Я пью за ваше здоровье.

— А как обстоят дела с материнством у самой госпожи майорши? — поинтересовалась Эльфрида.— Это может быть вопросом с моей стороны, если она заговорит на эту тему.

— Уважаемая фройляйн Радемахер,— весело сказал капитан Федерс,— разрешите обратить ваше внимание на важнейшее правило, по которому в армии выдвигаются, образуются государства и успешно ведутся войны. Это правило звучит примерно так: зерно королю добывают ослы, что можно понять следующим образом: войне нужны жертвы — их приносят солдаты. Для благополучия власть имущих требуются деньги — их платят маленькие люди. Государствам нужны граждане — их дает народ. Генералы погибают редко. Государственные деятели никогда не бывают бедными. У дам общества цифры рож-

даемости значительно ниже, чем у женщин из простого народа. И поэтому ничего нет удивительного, что некоторые женские существа только проповедуют материнство, а сами его избегают.

— Может быть, ты не прав в отношении госпожи Фрей? — заметила Марион Федерс.— Иногда мне кажется, что у нее развиты материнские чувства.

— Ты думаешь? — спросил Федерс.— Когда она выходила замуж, она, несомненно, не думала о детях, а лишь об одной карьере. Она вышла замуж лишь тогда, когда ее избраник был уже многократно награжден и имел явные шансы стать штаб-офицером. Мнение, что она имеет ярко выраженные материнские чувства, по моему мнению, слишком смелое. Как ты полагаешь, Марион?

— Ты же знаешь, что я не особенно долюбливаю госпожу Фрей.

— Я всегда высоко ценил твой отличный вкус.

— Но когда она недавно на ее скучном приеме жен офицеров говорила о молодых фенрихах, то в ее словах было так много теплоты, что это бросилось в глаза и удивило присутствующих.

— Что знают эти дамы о наших фенрихах? — промолвил Федерс.— Они же не выходят за рамки офицерского круга. Дело же пока не доходит до того, чтобы они инспектировали наши учебные отделения.

— Мне кажется, ты ошибаешься,— промолвила Марион Федерс, которая не сдавалась и продолжала защищать свою точку зрения, заметив при этом, что обер-лейтенант Крафт следит за ее выводами.— По меньшей мере одного из фенрихов госпожа Фрей, безусловно, знает.

— А именно? — промолвил осторожно Крафт.— Речь идет случайно не о фенрихе, который ей приносит книги, не правда ли?

— Да,— подтвердила Марион Федерс с живостью.— Это так! Откуда вы это знаете?

— Очень просто,— пояснил Крафт с готовностью.— Каждый фенрих, покидающий казарму по служебным или по личным делам, должен получить у своего офицера-воспитателя разрешение. Особое распоряжение № 39.

— И кто же избранник? — с любопытством спросил Федерс.

— Это как раз тот, о ком и вы думаете.

— Смотри-ка! — воскликнул Федерс. — Это может стать водою, которая будет литься на вашу мельницу, при

условии, что у вас будет достаточно зерна для помола. И если я захочу также сделать ей удовольствие, то тоже смогу нашей почтенной майорше в благоприятное время, тем же способом, с тем же человеком послать несколько книг.

— Они будут с благодарностью приняты,— пояснил Крафт.

— Могу я узнать,— заинтересовалась Эльфрида,— о ком мы сейчас говорим?

— Моя дорогая фройляйн Радемахер,— весело заметил Федерс,— мы беседуем здесь о преимуществах нашей контрольной системы, с помощью которой можно установить бракованный товар и принять меры к лучшему использованию нашей аппаратуры.

Они выпили еще и почувствовали себя так, будто бы они уже давно знают друг друга. Марион непринужденно улыбалась, а Эльфрида чувствовала себя как дома. Капитан Федерс, показавший себя в беседе необыкновенно веселым партнером, просто доставлял ей удовольствие.

— Я удивляюсь вашей смелости, дорогой Крафт,— заметил капитан Федерс.— Все, что вы делаете, вы доводите до конца. На примере вашего обучения я это отлично понимаю. Но, я надеюсь, вы не имеете намерения обручиться также и с нашей верховной юстицией? Я предостерегаю вас! У нас в Германии эта дама точит зубы на всех.

— Мой муж,— заметила Марион Федерс, улыбнувшись Эльфриде,— считает такие примеры особенно убедительными.

Федерс засмеялся и поднял свою рюмку.

— Пойдемте, фройляйн Радемахер,— промолвила Марион Федерс,— в соседнюю комнату. Я хочу вам показать, как живут офицерские жены. Как они проводят время, вы, вероятно, уже знаете.

Они встали и ушли в соседнюю комнату.

— Мне кажется,— сказал Крафт Федерсу, когда они остались одни и вновь осушили рюмки,— я знаю вашу личную проблему. Вы все время думаете о тех людях в корзинах, о калеках-инвалидах войны, с которыми мы играли в скат. До последнего времени вы считали, что для этих людей смерть являлась единственным выходом из положения. Лучше умереть, говорили вы, чем так жить

дальше! Но теперь вы уже так не можете сказать. Функе жизнь устраивает. Жизнь, даже если она разбита и искалечена в буквальном и переносном смысле, имеет надежду: надежду на хорошую книгу, картину, отрывок музыки, игру в скат или, может быть, даже на любовь женщины.

— Вы пройдоха и хитрый парень, Крафт,— промолвил резко Федерс.— Вы напоминаете мне моего младшего брата. Никто не мог заглянуть ему в душу. Его уже нет в живых. Он схватил за уздечку взбесившуюся лошадь, и она затоптала его. Правда, он тем самым ценой своей жизни спас две человеческие жизни: проститутки и жулика.

— Иногда я чувствую себя способным выступить против такой одичавшей, взбесившейся лошади,— задумчиво произнес Крафт.— Однажды я уже пытался.

— Теперь это не лошадь, а танки, причем танки из предвзятости, локомотивы, которые приводятся в движение ложью. Смотрите, Крафт! Вы пытаетесь плыть навстречу водопаду.

— В настоящий момент,— сказал Крафт,— я думаю вытряхнуть нечистоты из одного ночного горшка. Сейчас уже десять часов, и я не могу забыть об этом. Я не могу заставить ждать капитана Катера. А ожидает он мою невесту.

— В такое время? — с удивлением заметил Федерс.— По службе?

— Ничего общего, для личных целей.

— Ага,— с удовлетворением промолвил Федерс.— Вы хотите ему объявить о вашей помолвке!

— В этом нет необходимости. Он о ней знает.

— И тем не менее?

— Именно поэтому, скажем так. Ему, видите ли, это обстоятельство ни в малейшей мере не мешает. Он осмелился об этом заявить сам. Вы извините меня, господин капитан. Я вам буду весьма признателен, если фройляйн Радемахер сможет задержаться здесь у вас с четверть часа. Вся процедура вряд ли продлится более пятнадцати минут.

— Возьмите меня с собою,— попросил Федерс.— Я прошу вас об этом. Сделайте мне удовольствие!

— Может быть, лучше,—медленно промолвил Крафт,— обойтись без третьих лиц, чтобы не было свидетелей?

— Совсем наоборот,— возразил Федерс.— Самое безопасное иметь при этом свидетеля, который подтвердит

при необходимости, что вы были в бархатных перчатках. Ну скажите «да».

— Ну хорошо, согласен.

Федерс потер руки с готовностью действовать.

— Мой дорогой Крафт,— сказал он,— вы доставили мне большое удовольствие.

— Я не вижу здесь ни малейшего удовольствия,— возразил обер-лейтенант.

— Оно еще появится,— ответил Федерс. Он подошел к двери соседней комнаты, открыл ее и произнес: — Разрешите мне сообщить, что мы решили предпринять освежающую прогулку продолжительностью в полчаса.

— С чего это вы вздумали? — спросила Марион Федерс.

— Мы имеем намерение охладить разгоряченные головы.

— Это не повредит,— согласилась Эльфрида.

Они вышли из общежития. Сквозь занавески квартиры, в которой проживал генерал, пробивалась узкая полоска света. Федерс показал на нее рукой.

— По всей вероятности,— весело заметил капитан,— старик работает над своим любимым творением об этике офицеров на примерах великой Пруссии, как ее представляет себе маленький Мориц.

Бросающаяся в глаза приподнятость настроения капитана обеспокоила Крафта. И, когда они подошли к штабу, он озабоченно произнес:

— Может быть, мне поговорить с капитаном Катером наедине?

— Ни в коем случае, мой милый, ни в коем случае! Я делаю все, как надо.

— Но, в конце концов, это все же мое личное дело.

— Вы ошибаетесь, мой дорогой. Это касается также вашей невесты и ваших друзей. Кроме того, вы должны практично мыслить, Крафт. Если вы один изобьете этого Катера, то при известных обстоятельствах ваши действия можно рассматривать как оскорбление действием начальника при исполнении им служебных обязанностей. Если же это сделаю я, то все это можно перевести на товарищескую попытку убедить его с применением силы. И наконец, я смогу посмотреть, как будет себя вести эта

безнравственная свинья, и я не изменю своего намерения.

Федерс пошел вперед. Он подошел к комнате капитана Катера, распахнул дверь и крикнул:

— К вам гости, Катер! — и затем пропустил Крафта.

Катер встал с кресла. Он был в купальном халате и заметно недоволен этим грубым нарушением его радостного ожидания. Он был удивлен, и наконец его охватило беспокойство, заметное по дрожащим пальцам, оправляющим складки халата.

Обер-лейтенант выступил вперед и промолвил:

— Моя невеста, фройляйн Радемахер, к сожалению, не может прийти, чтобы лично отвесить вам пощечину. Я попытаюсь ее заменить при выполнении этой грязной работы.

— Что вы от меня хотите? — выкрикнул Катер, пытаясь в поисках укрытия зайти за кресло.— Я не понимаю, о чем вы говорите! И как вы можете допускать подобный тон в разговоре со старшим в чине офицером!

— А мы говорим здесь не со старшим в чине и должности, а с безнравственной свиньей! — пояснил Федерс, приятельски улыбаясь.— И мы позволим себе представлять здесь фройляйн Радемахер. Ну давайте, начинайте. Попытайтесь же ударить нас в подбородок!

Катер стоял в оцепенении. Он беспомощно оглядывался вокруг, отыскивая пути к бегству. Но он видел перед собою две крепкие фигуры, преграждавшие ему выход. Кричать тоже не имело смысла: здание штаба в это время было совершенно пустым. Прекрасные условия, в которых ему никто не мог помешать, созданные им к этому времени, превратились внезапно в опасную ловушку. Ему не оставалось ничего иного, как переключиться на мягкие тона примирения.

— Но, простите, господа, здесь, очевидно, какое-то недоразумение.

— В отношении вас, Катер,— промолвил Федерс и осмотрел комнату испытующим взором,— мы не допускаем ни малейшей ошибки. Вы жалкий негодяй, понимаете?

— При всех условиях, если вы будете приставать к моей невесте,— решительно заявил Крафт,— я изуродую вас, как бог черепаху!

— Это что, угроза? — взвизгнул срывающимся голосом Катер. — За это я вас под суд отдам!

— Но перед этим попадете в госпиталь,— заметил Крафт.

— Тихо, друзья, только тихо,— промолвил Федерс.— Прежде всего — об угрозах вообще нет никакой речи. В этом я могу присягнуть. Мы здесь мирно беседуем, тихо, спокойно, так же, как и вы, Катер. Понятно? И никогда не забывайте о том, что здесь имеются показания двух против одного, двух фронтовых товарищей против одной тыловой крысы, что для военного суда, как следует из опыта, имеет немалое значение.

Капитан Катер понял, что его положение почти безнадежно, если посетители имели какие-то серьезные намерения. Он прислонился к стене. Колени его дрожали.

— Перейдем к делу,— произнес капитан Федерс.— Как у вас обстоит с крепкими напитками, Катер?

Катер показал трясущейся рукой на стол. Там стояло несколько бутылок и рюмок, очевидно приготовленных для обворожительной, пьянящей ночи.

Федерс медленно подошел к столу, взял одну из бутылок, поднял ее кверху, чтобы рассмотреть этикетку, и недовольно покачал головой. При этом он уронил бутылку на пол так, что она разбилась. Вино забрызгало ковер и мебель. В комнате распространился острый, пьянящий запах алкоголя.

— Это для нас не подойдет! — лаконично констатировал Федерс.— О чем вы, собственно, думаете? Какой-то дрянной коньячишко! Так дешево вы от нас не отделаетесь!

И он брал одну бутылку за другой, ронял их на пол, разбивая вдребезги. Затем он исследовал шкаф и комод и обнаружил там новые бутылки, с которыми поступил так же.

Различные сорта крепких водок, коньяков и вин, смешавшись, создали отталкивающий запах. Хоть топор вешай, как говорит пословица. Куча осколков разбитых бутылок и громадная лужа все увеличивались на полу. И посредине, в войлочных туфлях, стоял Катер с беспомощным взглядом и дрожащими руками и ногами. Вандалы заявились к нему! И он был выдан им полностью, без надежды на спасение, по крайней мере в настоящий момент.

Федерс посмотрел вокруг. Однако полного удовлетворения он еще не выражал. И в заключение воскликнул:

— Здесь чертовски тесно! Ты не считаешь, Крафт?

Обер-лейтенант утвердительно кивнул и промолвил:

— По моему мнению, кровать здесь совершенно лишняя.

— Правильно! — воскликнул Федерс.— Она мне все это время только мешала. Кроме того, мы должны известить наших друзей о том, что он злоупотребляет этим видом мебели.

Они объединенными усилиями разломали полевую кровать и выбросили обломки в коридор. За ними последовали стулья. Когда друзья закончили все это, они вставили ключ в дверь с наружной стороны.

Однако прежде чем капитан Федерс изолировал стоявшего с понурой головой капитана Катера от внешнего мира, он ему сказал:

— Мы весьма признательны вам за этот исключительно милый вечер. Мы всем о нем расскажем именно в таком свете, если, конечно, нас об этом кто-либо спросит.

24

ГИБКАЯ СОВЕСТЬ

Всю ночь капитан Катер не мог избавиться от чувства гнева. Более того, ему не удалось успокоиться даже на следующее утро, когда он спускался в Вильдлинген, чтобы нанести визит бургомистру в его собственной резиденции.

Бургомистр Хундлингер одновременно являлся крайслейтером и начальником окружного управления, то есть был лицом вполне влиятельным и сильно занятым. Однако, несмотря на это, Хундлингер без промедления принял всеми уважаемого капитана Катера. Такая любезность не просто успокоила Катера, он воспринял ее как льстивое признание его заслуг. Здесь его ценили, уважали, более того, здесь его почитали.

— Чем могу быть полезен, дорогой капитан? — приветливо спросил Хундлингер входившего в кабинет офицера. Для бургомистра капитан Катер являлся живым олицетворением важного звена, которое связывало военную школу с местным населением, то есть был одним из трех столпов германского рейха — вермахта. Два же дру-

гие столпа — партию и государство — олицетворял он сам, Хундлингер.

— Просто шел мимо и решил заглянуть на минутку к вам,— с наигранным благодушием проговорил капитан.

— Всегда рад видеть вас,— заверил Хундлингер с неменьшей наигранностью, успев за первые десять секунд разгадать причину появления Катера. Он по опыту знал, что капитан был человек на редкость расчетливый и ничего не делал без пользы для себя. Бургомистр на всякий случай был готов к тому, чтобы выслушать любое требование или просьбу Катера. Это давало возможность и ему самому порой обращаться к Катеру с различными просьбами.

— Меня кое-кто беспокоит,— доверительным тоном начал Катер,— и не кто иной, как господин Ротунда.

— Понятно! Продолжайте,—ободряюще произнес Хундлингер, моментально сообразив: «Ротунда — владелец небольшого виноградника и хозяин кабачка «Пегий пес», член партии, правда не пользующийся авторитетом, что, собственно, позволяет не обращать на него особого внимания. Короче говоря, мелкая рыбешка, не больше, хотя Катеру знать это вовсе не обязательно».

А Катер между тем уже обрушился на Ротунду, нисколько не сдерживая себя, так как, обвиняя хозяина кабачка, намеревался привести в движение лавину, которая, как он надеялся, поможет ему смести Крафта, а возможно, и Федерса вместе с их учебным отделением «Х».

Этот Ротунда, объяснял далее Катер, просто бросил его в беде. Он бесхребетный и ненадежный человек, склонный к резким колебаниям. Короче говоря, он не из тех настоящих людей, которые нужны стране в такое время, как сейчас.

«Он рассчитывает, видимо, на мою помощь,— подумал бургомистр.— Но ведь я не какой-нибудь изверг или чудовище, а человек, способный поддержать любое стоящее начинание. В военной школе я его поддерживаю, заступаюсь за него, а что делает этот Ротунда? Он вдруг идет на попятную. Он поддается уговорам влиятельных фенрихов и делает вид, что ничего особенного у него в кабачке не случилось. И тут на тебе — вдруг выступаю я, как какой-нибудь дурак, который, видите ли, еще раз решил выступить в защиту требований местного населения и за свои усилия не получил ничего, кроме неблагодарности и осуждения».

Хундлингер придал лицу задумчивое выражение. Он хорошо понял сложившуюся ситуацию, из которой мог извлечь для себя не ахти какую выгоду: самое большее — это выпросить на неделю военный грузовик. По-видимому, капитан Катер очень заинтересован в этом деле. Не будь у него личных причин, этот хитрый лис отнюдь не стал бы плести столь сложные интриги из-за такого пустяка. Он вполне мог бы обойтись телефонным разговором. Так что же, собственно, кроется за всем этим? Хундлингер решил незамедлительно добраться до сути.

— Разрешите мне лично уладить это дело,— сказал он великодушно.— Я сейчас же переговорю с Ротундой и дам ему понять, что этот инцидент он должен урегулировать исключительно так, как вы считаете необходимым.

— Это,— перебил его Катер,— не совсем соответствует моим желаниям.

Хундлингер опустил свои дородные телеса в кресло. И тут же автоматически решил про себя повысить ставку: он потребует за эту услугу не один, а два грузовика, и на две недели, вместе с водителями, сопровождающими и запасом бензина.

— Все это можно утрясти,— пояснил он.— Для вас, дорогой капитан, я всегда готов! В конце концов, в этом заключается наше сотрудничество. Так было и так должно быть в будущем. Короче говоря, я лично намекну Ротунде, что и как следует сделать, разумеется, не упоминая при этом вашего имени.

— Мы прекрасно поняли друг друга,— с признательностью произнес Катер.— Мне осталось только напомнить, я подчеркиваю — это очень важно, Ротунда должен обратиться лично к генералу. Прямо к самому генералу! Не забудьте об этом, прошу вас.

К обоюдному соглашению они пришли очень быстро. Военная школа предоставляла сроком на две недели в распоряжение бургомистра города Вильдлингена-на-Майне господина Хундлингера рабочую команду с двумя военными грузовиками для проведения так называемых общественных работ. Бензин — за счет лимитов военного училища. А господин Хундлингер, со своей стороны, обязался уладить дело, о котором они только что говорили.

Они расстались так же, как и встретились: как братья по духу, повторяя про себя: «Еще не перевелись у нас немцы, на которых вполне можно положиться! Как приятно это сознавать!»

Все, что произошло вслед за этим, лишний раз свидетельствовало о том, что господин Хундлингер является полноправным повелителем гражданского населения города, умеющим успешно и быстро добиваться своего; для этого ему достаточно снять телефонную трубку и поговорить с кем нужно и как нужно.

— Я, разумеется, не собираюсь давить на вас, партайгеноссе Ротунда,— проговорил Хундлингер тоном, каким подобает говорить окружному руководителю партии.— Однако я намерен дать вам хороший совет.

— Я слушаю вас, крайслейтер,— послушно сказал Ротунда.

— То, что вы сделаете, вы сделаете совершенно добровольно. Я вам отнюдь не приказываю, так как, если я начну приказывать, партайгеноссе Ротунда, мне придется быть жестким, очень жестким. В этом случае я буду говорить с вами не как друг, а как руководитель партии. Надеюсь, вы этого не хотите, не так ли?

— Разумеется, не хочу, крайслейтер.

— Вот видите, мой дорогой Ротунда, мы с вами прекрасно поняли друг друга. Другого ответа от вас я и не ожидал. Теперь идите к генералу, лично к генералу, и все ему изложите. Большего от вас не требуется.

— Я вам очень благодарен, господин генерал, за то, что вы любезно согласились принять меня,— сказал хозяин кабачка Ротунда, оказавшись в кабинете генерала.

— Будьте добры, без церемоний,— произнес в ответ генерал-майор Модерзон.— В чем, собственно, дело?

Ротунда в мягких выражениях коротко изложил суть дела, заключавшегося в драке, порче инвентаря, оскорблении гражданских посетителей кабачка, совершенных фенрихами из учебного отделения «X». При этом Ротунду не оставляло крайне неприятное чувство. И совсем не потому, что его мучила совесть. Удручало его главным образом то, что ему казалось, будто он разговаривает не с живым человеком, а с каменным изваянием.

Модерзон сидел в кресле не шевелясь, в своей привычной позе. Лицо его казалось окаменевшим, взгляд был неподвижен, но направлен на Ротунду. Когда тот наконец закончил, Модезрон спросил:

— Господин Ротунда, все сказанное вы изложили письменно?

— Так точно, господин генерал! — оживившись и почти с облегчением воскликнул Ротунда, обрадовавшись тому, что молчаливое могущество может не только слушать, но и разговаривать. Как-то само собой Ротунда принял положение «смирно». Надежный инстинкт гражданина Германии подсказал ему, что он должен проникнуться полным уважением к представителю военных властей. С дрожью, но счастливый от сознания, что поступает так, как хочет вышестоящий начальник, он положил перед генералом свою бумагу.— Я позволил себе изложить случившееся в форме информационного заявления.

Не изменив положения корпуса, всего лишь протянув руку, Модерзон взял листок и, положив его перед собой, сказал:

— Я дам вам знать о своем решении, господин Ротунда.

Хозяин кабачка и виноградника моментально понял, что аудиенция окончена. Он поспешно вскочил со стула и выкинул вперед и вверх правую руку, но для генерала он, казалось, уже перестал существовать: Модерзон был занят — он внимательно читал поданную ему бумагу.

— Хайль Гитлер, господин генерал! — выкрикнул Ротунда.

— С богом! — ответил генерал, так и не поднявшись с места.

— Фройляйн Бахнер, ко мне! — коротко распорядился Модерзон.

Сибилла, с длинными волнистыми локонами, в бежевом, хорошо сшитом платье, танцующей походкой пересекла кабинет и, грациозно отставив левую ногу чуть-чуть в сторону, произнесла:

— Слушаю вас, господин генерал.

Модерзон скользнул удивленным взглядом по машинистке, которая за последнее время заметно похорошела. Однако Сибилла не заметила во внимательном взгляде шефа ни капли неудовольствия или неодобрения. Это обрадовало ее. Однако спустя три секунды она поняла, что радость ее была преждевременной и беспричинной.

— Вот это переписать,— деловито распорядился генерал,— и направить начальнику второго курса. Срочно. Пусть доложит свое мнение.

Генерал переложил заявление Ротунды на правую сторону стола, что означало — с этим делом покончено. Но

крайней мере, генерал Модерзон не имел обыкновения отдавать своей секретарше бумаги в руки.

— Это все,— бросил он в заключение.

А спустя каких-нибудь полчаса эта щекотливая бумага уже лежала на столе у начальника второго курса майора Фрея, который первым делом прочел резолюцию генерала. Она представляла собой обычную формулировку и мало что говорила: «Доложите свое мнение».

И лишь после этого майор прочел заявление хозяина кабачка Ротунды. И прочел не без душевного смятения. Фрей даже немного изменился в лице.

Причину проступившей на лице майора бледности, когда он читал бумагу, было нетрудно понять. Тут имелись по крайней мере две причины: во-первых, в ней излагалось дело, которое майор Фрей уже считал решенным; во-вторых, майору вдруг стало ясно, что речь снова пойдет об ужасно неприятном приказе номер сто тридцать один. А это могло принять нежелательный оборот! Если генерал вдруг сообразит, что непосредственным поводом драки послужило появление несчастного приказа, могут возникнуть осложнения, которые свалятся на его, майора, голову одно за другим.

Однако майор и сам был человеком, мыслящим по-военному; он хорошо знал заповеди военной службы. Они не только давали ему передышку, но и особенно удачливым, а майор относил себя к таким людям, предоставляли возможность переложить ответственность за любое дело на другого, желательно на нижестоящего подчиненного.

Исходя из этого принципа, майор Фрей украсил лежавшую перед ним бумагу следующей резолюцией: «Весьма срочно! Передать для немедленного исполнения начальнику шестого потока».

Так автоматически бумага была передана дальше. Следующим лицом, к которому она попала, был капитан Ратсхельм, который в свою очередь сначала прочел резолюцию своего непосредственного начальника, затем — резолюцию генерала и только после этого заявление Ротунды.

Ратсхельм был всегда готов выполнить любое приказание, уважая, разумеется, при этом мнение и решения своих начальников; более того, он старался всегда и во

всем подражать им и следовать их примеру. Ход самого дела огорчил его, однако приходилось брать то, что есть. И он без промедления направил бумагу дальше, украсив ее следующей надписью: «Весьма срочно! Передать для незамедлительного и внимательного исполнения офицеру-воспитателю учебного отделения «Х».

В конце концов трижды отфутболенную бумагу получил обер-лейтенант Крафт.

И получил ее обер-лейтенант как раз в тот момент, когда он проводил занятие с фенрихами на тему: «Ведение служебной переписки». Крафт также в первую очередь прочел скупую резолюцию своего непосредственного начальника. Он сразу же обратил внимание на то, что гриф «срочно» превратился под конец в «весьма срочно».

Однако ничего забавного Крафт в этом не нашел. Он сразу же сообразил, что заявление Ротунды — документ весьма опасный. Он перечитал его дважды, притом очень внимательно.

О том, что это чтение не доставило офицеру удовольствия, фенрихи, сидевшие на занятии, моментально догадались по выражению его лица и забеспокоились. Инстинктом кандидатов в офицеры они почувствовали возможные осложнения.

— Господа,— проговорил после внушительной паузы обер-лейтенант, окинув всех взглядом,— поскольку мы сейчас как раз изучаем правила ведения деловой переписки, я хочу познакомить вас с удачным примером деловой обработки жалобы, поступившей от одного гражданского лица. Вот, послушайте.

И тут Крафту в голову пришла смелая идея: он вслух прочитал всю жалобу. Прочел абсолютно все, от «шапки» до даты (пятого марта тысяча девятьсот сорок четвертого года), включая резолюции начальника военной школы, начальника курса и начальника потока.

Когда обер-лейтенант кончил, в классе воцарилось тягостное молчание. Старшина учебного отделения Крамер возмущенно пыхтел. У Редница глаза приняли испуганное выражение. Хохбауэр закусил нижнюю губу. И лишь один Меслер открыто заявил:

— Да это самое настоящее свинство! — И, словно в подтверждение его слов, одни закивали головой, а другие забормотали что-то одобрительное.

— Друзья,— остановил фенрихов Крафт,— я запрещаю вам личные высказывания по этому делу. Мы рассматриваем эту бумагу как учебный материал, и ничего больше. Именно поэтому я не собираюсь затевать с вами полемику, а прошу лишь высказывать деловые предложения. Всем понятно?

Постепенно фенрихи начинали понимать. За четыре недели, проведенные со своим офицером-воспитателем, они многому научились у него, в частности умению видеть главное и избегать второстепенного и ложного. Он помог им освободиться от уставных мелочей, вывел их из дебрей на простор надежным и эффективным способом, который обычно приносил желаемые плоды. Руководствуясь этим принципом, обер-лейтенант и на этот раз решил под маркой изучения деловой переписки познакомить фенрихов вполне открыто и в то же время в несколько завуалированном под учебный материал виде с делом, которое было равносильно раскаленному железу.

Меслер оказался в числе первых, кто сообразил, что же тут происходит. Во всяком случае, он довольно оригинально отреагировал на предложение воспитателя, встав и с сияющим видом заявив:

— Я предлагаю написать на предложенной нам бумаге следующую резолюцию: «Срочно! Весьма срочно! Молния! Присланную офицеру-воспитателю бумагу передать через старшину учебного отделения фенриху Хохбауэру, знакомому, по его же собственному донесению, со всеми деталями дела, для незамедлительного и срочного доклада».

Воспитатель с облегчением рассмеялся, а Хохбауэр метнул уничтожающий взгляд в сторону Меслера. Крафт сделал вид, что не заметил этого. Он объяснил:

— На этом обычно заканчивается компетентность последнего офицера. Мне любопытно, что из этого выйдет.

Затем слова попросил Редниц и, получив разрешение высказать свое мнение, встал и выпалил:

— Любая жалоба, от кого бы она ни исходила, сначала должна быть проверена на достоверность. Бывают случаи, и к тому же не такие уж редкие, когда изложенные в жалобе или заявлении факты либо полностью, либо частично не соответствуют действительности.

— Вполне возможно, Редниц,— согласился с фенрихом Крафт.— Однако вы не обратили внимания на то, что эта бумага помечена сегодняшним числом.

— Это недоразумение,— вмешался Крамер.— Мы ведь все уладили по-мирному.

Слова еще раз попросил Редниц, которому точка зрения Крамера показалась чересчур навязчивой.

— При более близком знакомстве с делом иногда оказывается, что ведение надлежащих переговоров между сторонами, подкрепленных соответствующим возмещением убытков, приводит к полюбовному соглашению без необходимости совершения письменных формальностей.

— И как вы полагаете,— не без любопытства спросил Крафт,— может быть достигнуто подобное соглашение на практике?

И тут обер-лейтенант получил исчерпывающий ответ на свой вопрос: мол, нужно только сходить к пострадавшему, пожать ему руку и по-дружески все объяснить, попытаться убедить в том, что весь ущерб будет ему с лихвой восполнен, более того, он получит даже возмещение за пережитый страх, при этих словах ему нужно еще раз крепко пожать руку. И все.

Короче говоря, таким простым способом Крафт все выяснил, причем не спрашивая об этом, о том дебоше, который его фенрихи устроили в воскресенье в кабачке Ротунды. Более того, он узнал эти детали от различных лиц. Оказалось, что в дебоше не принимала участия совсем небольшая группа во главе с Хохбауэром, которая находилась, так сказать, в резерве и предусмотрительно выжидала развития дальнейшего хода драки, что особенно понравилось Крафту.

— Очень любопытная точка зрения,— заметил обер-лейтенант и тут же добавил: — Сейчас на некоторое время я покину вас. Оставляю за себя командира учебного отделения. А чтобы вы не скучали, сочините образец соболезнования, как один из видов переписки, по случаю кончины моей кузины. Она умерла позавчера. Все ясно?

Сначала фенрихи недоуменно переглядывались между собой, а потом захихикали: как-никак им предоставлялась возможность попробовать свои силы в довольно оригинальном виде письма. Однако подобные трюки никак не могли ошеломить фенрихов, единственное, что их беспокоило, был недостаток времени. Собственно говоря, сколько же минут оставалось в их распоряжении? Все зависело от того, куда уходит обер-лейтенант Крафт: то ли в туалет, то ли в свое убежище, в канцелярию, или, быть

может, он намеревается даже спуститься в Вильдлинген, чтобы пропустить там стаканчик-другой винца.

Тем временем Крафт застегнул портупею и надел фуражку. Однако, прежде чем выйти из класса, он решил нанести слушателям коварный удар в спину. Дойдя уже до двери — командир учебного отделения громко подал команду «Смирно», и все фенрихи вскочили с мест, — он вдруг остановился и, повернувшись кругом, спокойно, четко произнес:

— Все вы пытались направить свои старания, чтобы совместно уладить это дело, приложив при этом больше усилий, Хохбауэр, чем вы приложили их во время драки, в которой вы лично даже не участвовали.

Этими словами обер-лейтенант еще раз заклеймил фенриха Хохбауэра, который словно прирос к своему месту, не смея что-либо возразить. Он предпочел осторожность. В тот момент большая часть фенрихов целиком и полностью симпатизировала обер-лейтенанту Крафту.

— Господа,— заговорил вдруг Эгон Вебер, чувствуя поддержку аудитории,— наша повозка по оси увязла в дерьме, и если кто ее и способен из него вытащить, так это наш обер-лейтенант!

— Однако как он собирается это сделать, для меня лично остается полной загадкой,— высказался Меслер.— Ведь он не волшебник.

Бемке, поэт по призванию, и на этот раз нашел подходящую цитату из «Фауста» и прочел ее вслух:

Благородный может всего достигнуть.
Он все понимает и все быстро схватывает.

— Я хотел бы поговорить с господином генералом,— сказал Крафт.

Обер-лейтенант Бирингер, адъютант Модерзона, поднял голову, оторвавшись от своей работы. Судя по его виду, он явно не одобрял неожиданное вторжение нежданного посетителя, да и сама интонация, с которой к нему обратился Крафт, ему тоже не понравилась. В этих святых покоях подобным образом не осмеливался вести себя ни один солдат и ни один офицер. Однако Бирингер не проронил по этому поводу ни единого слова, лишь бросил беглый взгляд в сторону Сибиллы.

— Господин генерал ждет вас,— дружеским тоном произнесла Сибилла.

— Ждет меня? — удивился Крафт.

Сибилла кивнула:

— Да, и уже около часа. Господин обер-лейтенант, можете смело заходить к генералу.

Крафт откашлялся, скрывая свое удивление от такого быстрого приема. Выпрямившись, одернул китель и, как всегда без стука, прошел в кабинет генерала.

— Ну-с? — спросил Модерзон, внимательно изучая обер-лейтенанта своими светлыми глазами.— Докладывайте.

— Должен доложить вам, господин генерал, о драке и дебоше в кабачке «Пегий пес», в котором принимало участие и подчиненное мне учебное отделение.

— Оставьте свои комментарии,— прервал его Модерзон,— и сразу же переходите к сути, господин обер-лейтенант.

— Господин генерал,— начал Крафт,— показания Ротунды основываются, безусловно, на фактах. Драка, как таковая, действительно имела место. Налицо употребление спиртных напитков, наличие женщин легкого поведения и прочее. Однако на следующий день после этого происшествия подчиненное мне учебное отделение попыталось уладить этот инцидент. Причем Ротунда был согласен все уладить миром, и потому инцидент можно было считать исчерпанным. Однако днем позже Ротунда вдруг ни с того ни с сего встал на дыбы, и, как мне кажется, исключительно из желания насолить мне.

— С чьей помощью, господин обер-лейтенант?

— С помощью капитана Катера,— твердо заявил Крафт.

— С какой целью? — поинтересовался генерал.

— По многим причинам, господин генерал.

— И по какой же причине в особенности, Крафт?

— Из-за одной женщины, господин генерал,— ответил Крафт, твердо уверовав в то, что в этой подкупающей откровенности и заключается его главный шанс, с помощью которого он может сухим выйти из этой скандальной истории.— Речь идет о фройляйн Радемахер.

— Я кое-что слышал об этой даме,— сказал генерал, вставая. Выдержав внушительную паузу, продолжил: — Господин обер-лейтенант Крафт, прежде всего я приношу свои поздравления по случаю вашей помолвки. В то же время должен высказать вам свое неудовольствие, но отнюдь не по поводу драки, которая вполне могла иметь

место, а потому, что вы не полностью уладили это дело. Я, знаете ли, как-то не привык исправлять упущения, допущенные подчиненными мне офицерами. Прошу вас сделать так, чтобы господин Ротунда незамедлительно навестил меня. И передайте моему адъютанту, чтобы он приказал капитану Катеру немедленно явиться ко мне. Вы же, господин обер-лейтенант, остаетесь пока в моем распоряжении. В данный момент у меня все.

Вскоре после этого разговора произошло событие, которое лица из окружения генерал-майора Модерзона, по обыкновению, называли избиением или же выволочкой.

Первым, кто предстал перед очами господина генерала, был капитан Катер.

— Господин капитан Катер,— начал генерал, буравя офицера глазами,— скажите, вы лично вмешивались в дело о драке в кабачке «Пегий пес»?

— Если господин генерал позволит, то я...

— Отвечайте: да или нет, Катер?

— Так точно, господин генерал, поскольку я думал...

— Что вы при этом думали, господин капитан, меня нисколько не интересует. Решающим является результат. А он, как явствует, нанес удар по авторитету нашей военной школы! Подготовьте дела к сдаче, я отстраняю вас от должности командира административно-хозяйственной роты. Я буду настаивать на вашем откомандировании. До получения приказа о новом назначении к вам будет прикомандирован офицер, без согласия которого вы не имеете права принимать какие бы то ни было решения и отдавать распоряжения. Говоря об офицере, я имею в виду капитана Федерса. Можете идти, господин капитан Катер.

Вторым визитером был Ротунда.

— Господин Ротунда,— начал генерал, когда хозяин кабачка «Пегий бес» вошел в его кабинет,— я прочел ваше послание и предпринял необходимые меры. Однако, читая его, я невольно задавал себе вопрос: намерены ли вы и впредь настаивать на написанном вами или же вы склонны рассматривать эту писанину как некое недоразумение с вашей стороны?

— Господин генерал,— с откровенным простодушием ответил Ротунда,— это мое законное право.

— Никто его у вас не оспаривает, господин Ротунда. Меня, собственно, беспокоит лишь одно особое обстоятельство.

— Какое же именно, господин генерал?

— Господин Ротунда,— с ударением произнес генерал,— если то, о чем вы написали в своей бумаге, подтвердится, я буду вынужден назначить специальное расследование, в результате которого, по-видимому, последует дисциплинарное наказание виновных фенрихов.

— Право, господин генерал, должно оставаться правом.

— Разумеется, господин Ротунда, и я готов объяснить вам, к каким последствиям это приведет. Представим себе, господин Ротунда, что ваши показания опираются на неопровержимые факты; в этом случае должно произойти следующее: я немедленно запрещаю всем солдатам посещать ваше заведение. Этот запрет будет отдан в форме приказа. Далее я должен буду войти в ходатайство к бургомистру и в ландрат с просьбой вообще закрыть ваш кабачок...

— Но,— дрожащим голосом прервал Ротунда генерала,— этого не должно произойти...

— Это и не произойдет, — продолжал Модерзон, — если вы признаете свою жалобу недоразумением и заберете ее обратно.

В этот момент перед мысленным взором Ротунды промелькнули самые страшные видения: он, казалось, уже видел входные двери своего кабачка и перед ними — грозного часового. А в местной газете «Вильдлингер беобахтер» короткое объявление примерно такого содержания: «Немцы не посещают кабачок Ротунды!» При одной только мысли об этом хозяину «Пегого пса» сразу стало не по себе. А взбудораженная фантазия уже рисовала ему более страшные картины: он вдруг объявляется врагом народа, общественность требует разгрома его заведения, владеть которым он якобы не имеет никакого права, эта же общественность требует вылить все его вина в корыта свинарника, так как он-де оказался чуждым элементом для такого великого времени, которое переживает Германия, а сам он вообще должен быть вычеркнут из памяти!

Однако больше всех этих страхов Ротунду занимала мысль, которая вдруг пришла ему в голову и засела в ней как якорь спасения. Что же он, собственно, пообещал бургомистру, крайслейтеру и господину ландрату?

А обещал он им только пойти к господину генералу и ознакомить его со своим заявлением. И ничего другого! Ни о чем другом не было и речи. Но ведь они отнюдь не спорили и даже ничего не говорили о том, что это будет за заявление.

Вспомнив об этом, Ротунда с явным облегчением поспешил заявить:

— Это было явное недоразумение, господин генерал. Я забираю свое заявление обратно.

Третьим лицом, принятым генералом, был обер-лейтенант Крафт.

— Господин обер-лейтенант,— начал генерал с некоторым сожалением в голосе,— вы меня разочаровали.

— Я очень сожалею об этом, господин генерал,— признался Крафт.

— Я тоже,— сказал Модерзон.— Я вас как-то уже предостерегал относительно того, чтобы вы случайно не оказались замешанным в какой-нибудь сомнительной авантюре и чтобы мне не пришлось снова поднимать ваш авторитет. К тому же я настоятельно просил вас сконцентрировать все свои усилия на одном-единственном деле, которое я считаю самым важным. Почему вы этого не сделали?

— В какой-то степени все это взаимосвязано, господин генерал,— робко попытался оправдаться Крафт.

— Эта драка и эта ваша помолвка, не так ли? Враждебное отношение к капитану Катеру и ваши постоянные пререкания с начальником вашего курса? Все это, по вашему мнению, может иметь хоть какое-то отношение к лейтенанту Баркову, вернее говоря, к человеку, который подорвал его на мине?

— Господин генерал,— начал Крафт, решив сделать свой последний отважный прыжок,— я ни на одну минуту не забывал о порученном мне вами деле.

— И как далеко вы в нем преуспели, Крафт?

— Я мог бы, господин генерал, даже назвать вам фамилию одного фенриха, но для этого мне необходимы последние доказательства. И все же я могу заявить вам о том, что я близок к завершению своего расследования.

При этих словах генерал-майор Модерзон на несколько шагов отступил от Крафта, словно желая лучше рассмотреть его с этого расстояния. Глаза генерала, а они

стали теперь холодными и серыми, словно загрязненный снег, буквально впились в лицо обер-лейтенанта.

— Хорошо,— проговорил он после небольшой паузы уже более мягко.— В вашем распоряжении, Крафт, имеется еще несколько дней. Но уж тогда я желаю видеть результаты, какими бы они ни были! И потрудитесь не влипнуть еще раз в какую-нибудь некрасивую историю! В противном случае вы можете уже не рассчитывать на мою помощь. Я вас предупредил. А теперь, пожалуйста, оставьте меня одного!

ВЫПИСКА ИЗ СУДЕБНОГО ПРОТОКОЛА № VIII

БИОГРАФИЯ ФЕНРИХА ОТТО МЕСЛЕРА, ИЛИ БЕЗЗАБОТНЫЕ РАДОСТИ

Зовут меня Отто Меслер. Родился я 1 мая 1922 года в городе Клейн-Цахнов, район Лукенвальде. Мой отец, которого, как и меня, звали Отто, работал в то время на железной дороге. Моя мать — Эмма, девичья фамилия Крессенфус. Сначала вся наша семья проживала в Клейн-Цахнове, где я начал учиться в фольксшуле.

Коня, который стоял в нашей конюшне, звали не как-нибудь, а Вильгельмом, а точнее, Вильгельмом Третьим, так как это была третья по счету лошадь с таким именем и принадлежала она моему дедушке, который был по профессии жандармом и всегда отличался верноподданническим духом по отношению к кайзеру. Мой дедушка по линии матери, Крессенфус, у нас в селе в отсутствие помещика фон Кайбеля являлся своеобразным маленьким королем, а сам Кайбель, как известно, большую часть времени жил в Берлине, где занимался политикой. Вот и получилось так, что мой дед, служивший в жандармерии, поступал как ему заблагорассудится и командовал не только всем селом, но и своей дочерью, то есть моей матерью, да и моим отцом, который за глаза ругал его.

— Этот солдафон,— говорил он матери,— постоянно действует мне на нервы,

— Он хороший человек,— не соглашалась с ним мать,— к тому же мы с тобой живем в его доме. Сначала тебе нужно побольше получать, а уж потом критиковать.

Мой дед, жандарм Крессенфус, умел делать все на свете: ездить верхом на лошади, пахать землю и сеять, косить и командовать людьми в строю. Когда дед, находясь в кухне, запевал какую-нибудь песню, голос его был хорошо слышен в гостинице с кабачком. Когда же он поет, сидя в кабачке, его слышит все село. Зайдя в кабачок, он приказывает принести ему самую большую молочную кружку, предварительно наполнив ее до краев пивом. Выпив ее до дна, он встает, широко расставив ноги, причем лицо его постепенно становится помидорно-красного цвета и все блестит. Когда он пьет пиво, оно льется у него из уголков рта и затекает за воротник.

Наблюдая эту картину, сельский учитель, очень неуживчивый по характеру человек, обычно говорил деду:

— Это ваш здоровый желудок протестует против алкоголя.

На что дед, жандарм Крессенфус, отвечал коротко и грубо:

— Канделябр ты несчастный!

— Это село мне до чертиков надоело,— говорил мой отец.— Я должен уехать отсюда, иначе я здесь задохнусь.

— На железной дороге ты неверняка в люди не выбьешься,— уговаривала отца моя мать.— Служащим тебе там ни за что не стать.

— Я им и не стану, так как вовсе не хочу этого! — защищался отец.— Пойми же ты, наконец, я еще молод и должен найти свой путь. Махну-ка я в Берлин!

— А что будет со мной и Отто? — поинтересовалась мать.

— Вы приедете ко мне,— говорил отец, а затем тут же добавлял: — Если мне там улыбнется счастье.

Играет духовой оркестр, развеваются знамена, а местные ополченцы маршируют мимо помещика фон Кайбеля, который, натянув на себя мундир офицера-резервиста, принимает этот «парад», приложив руку к каске. Один из моих дядей марширует в первом ряду этого «воинства», другой дядя — в четвертом ряду, а третий — в восьмом. Я же пою в школьном хоре, и притом первым голосом. Мама при виде «воинства» энергично машет платочком своему дяде. А в это же самое время мой дед Крессенфус становится жандармом до мозга костей, оберегая порядок

и спокойствие. Однако когда помещик фон Кайбель, выступая с речью, начинает говорить о значении Германии, о позорном для нее мире, заключенном в Версале, и об ударе в спину кинжалом, нанесенном любимому фатерланду, дед украдкой смахивает с ресниц слезы, так как по своим убеждениям он считает себя левым. И я подаю ему носовой платок.

Мой дядя, марширующий в четвертом ряду, особенно хороший человек. С тех пор как отец уехал в Берлин, где он тоже занялся политикой, дядя иногда заботился о моей маме. Ко мне он всегда очень добр и хорошо знает, какой шоколад я люблю больше всего. Схватив меня за волосы, он по-дружески трепал их и смеялся, а смеялся он точно так же, как и мама. А еще он смеялся тогда, когда время от времени оставался вдвоем с мамой в соседней комнате. Правда, гораздо чаще оттуда доносилось его посапывание.

— Порядок — вот кто мой родной дед,— любил говорить мой дедушка, жандарм Крессенфус.— Нам необходим порядок.— После этих слов он по обыкновению выпивал свое пиво и задумчиво озирался вокруг.— Ты моя дочь, — обращался он к моей маме,— и потому должна точно знать, что такое настоящий порядок.— После чего он снова выпивал кружку пива. — А ты,—говорил дед мне,— мой внук, и настанет время, когда и ты поймешь, что такое настоящий порядок.

— А я и сейчас знаю, что такое порядок и что такое непорядок,— отвечал я деду, который ласково улыбался на это и совал мне под нос свою кружку с пивом, чтобы я отпил из нее несколько глотков.

Вдруг, совершенно неожиданно, домой вернулся мой отец. Дела у него, видимо, идут совсем неплохо, так как на нем хороший костюм, да и по голосу это тоже чувствуется.

— Я своего добился,— говорит он,— и нахожусь на правильном пути. Наступают новые времена, которые я своевременно почувствовал. Я теперь служу в тайной полиции. Вы удивлены, не так ли?

Но по-настоящему это известие удивило моего деда, который от изумления открыл рот и довольно долго не закрывал его.

— А там хорошо платят? — поинтересовалась мама.

— Прекрасно! — воскликнул отец.

Летом 1933 года наша семья переезжает в Берлин, по месту службы отца. Жили мы там в Шарлотенбурге на Уландштрассе. В 1936 году я окончил школу, после чего меня отдали в ученики на фирму Рамке.

Жизнь в Берлине мало чем отличалась от нашей жизни в Клейн-Цахнове, с той лишь разницей, что тут гораздо больше людей. Однако других отличий, по сути дела, не было. Так, вместо двух кабачков с их хозяевами здесь их было двести, а быть может, даже целых две тысячи. Однако пьяные везде одинаковы: и в селе и в городе. И если в селе насчитывалось четыре или пять лодырей, двое шулеров, семеро развратников, один вор, один совратитель детей, шесть нечестных торговцев, подмешивавших разный суррогат в продукты, двое заядлых пьяниц — то в городе тоже имелись такие лица, только в сотни и сотни раз большем количестве. Улицы в городе такие же прямые, как борозды на полях, а автомобили стоят, подобно лошадкам, на своих стоянках, и даже пиво в пивных течет точно из таких же кранов, как и в селе. И кругом, куда ни посмотри, флаги со свастикой. Нашлись и в Берлине дяди, которые заботились о маме, когда отец бывал в отъезде. Короче говоря, все было как и в Клейн-Цахнове, только в больших, значительно больших размерах.

Ее звали Магда, и жила она в нашем доме. Я любил ее, и она любила меня, хотя ей и было этак лет под тридцать. Отдавалась она мне либо стоя, либо лежа. Если стоя, то это происходило на углу улиц Уландштрассе и Курфюрстендам, а лежа — в своей собственной постели, когда она оставалась одна в доме и я приходил к ней, но уже при закрытых дверях.

— Бедный юноша,— говорила она мне порой и при этом так прижимала меня к своей груди, что я с трудом хватал ртом воздух. А вообще-то она была очень доброй, за что ее все любили, в том числе и мой отец, когда он бывал дома.

— Отто Меслер, — как-то обратился ко мне в школе учитель,—кем ты, собственно, хочешь стать, когда вырастешь?

— Я пока еще не знаю,— ответил я.

— Ты же все знаешь,— заметил учитель.

— Но этого как раз я и не знаю,— упорствовал я.

— В таком случае у тебя, видимо, есть какое-то заветное желание, а?

— Да, конечно,— отвечал я,— больше всего мне хочется стать постоянным другом Магды.

— Пфу!..— с отвращением воскликнул учитель.— Как ты смеешь такое говорить!

Из этих слов учителя я понял, что он сам был прекрасно осведомлен о том, какой женщиной была наша Магда.

— Наш сын знает слишком много,— сказала мама однажды отцу, когда он вернулся домой.

— Ну и что, это, по крайней мере, лучше, чем знать слишком мало,— не согласился с ней отец.

— Он научился всяческим гадостям! — пояснила мама.

— Однако не от меня,— парировал ее слова отец.

— Ты должен быть для него примером,— не отступалась от своего мама,— мальчику это необходимо.

— В этом ты совершенно права,— согласился на этот раз с ней отец.— Я сам займусь им и научу тому, что ему потребуется в жизни.

— Отто,— обратился однажды ко мне отец,— скоро ты заканчиваешь учение в школе, и тебе пора приобрести настоящую специальность.

— А могу не быть тем, кем являешься ты, папа? — поинтересовался я.

— Этим тебе лучше не заниматься,— согласился со мной отец,— это дело не для тебя. Вот посмотри: твой дедушка был чиновником, и для Клейн-Цахнова этого было вполне достаточно. Я сам работаю в государственной полиции и тем самым преуспел в жизни. Кто-кто, а я-то прекрасно знаю, где можно урвать кусок пожирнее. Умные люди говорят, что сейчас самое верное — это хорошее ремесло. Это, может, и так. Но еще лучше, если сочетать хорошее ремесло с гешефтом — это будет уже такое соединение, на котором можно неплохо заработать. Это и есть настоящее дело для тебя!

Мастер Рамке, к которому я был определен в ученики, обращался к своим ученикам, а их у него было двое, со следующими словами:

— Своих клиентов мы должны рассматривать с двух точек зрения: с точки зрения их задов и их кошельков. Ибо мы в конечном счете не что иное, как монтеры. А наши клиенты останутся довольными только тогда, когда

они смогут твердо сидеть на своих местах. Добиться этого — и есть наша цель. Следовательно, нам нужно обращать побольше внимания на их кошельки и их задницы. И заметьте себе, что обе эти вещи в большинстве случаев взаимосвязаны. А это уже психология. Только тот, кто может себе позволить много жрать, испытывает необходимость и много... Да, да!..

Слушая подобные разглагольствования мастера, мы согласно киваем головой, так как хорошо понимаем, что он продувная бестия и одновременно хитрый торгаш.

А когда я рассказал о мастере Рамке отцу, тот охарактеризовал его следующими словами:

— Как я вижу, этот старый пес отнюдь не лишен чувства юмора.

Моя следующая симпатия оказывается не столь опытной, как первая, что, как я от кого-то слышал, еще больше разжигает в партнере страсть. Когда мы с ней катались в парке на гигантских шагах, да еще по третьему разу подряд, когда земля под нами пролетала быстро-быстро, а разноцветные огни мерцали, то вспыхивая, то потухая, я как бы случайно, будто потеряв на миг равновесие, ухватился за ее грудь, которая оказалась на удивление пышной и крепкой.

Тут же я мысленно задал себе вопрос: «Интересно, она только притворяется или же на самом деле не хочет меня?»

Но в следующий момент она сама уже хватает меня, ее дрожащие руки ищут опору и вцепляются мне в ляжки.

После аттракциона я решил немного погулять с ней на свежем воздухе, так я ей, по крайней мере, объяснил, незаметно, но настойчиво увлекая ее в темноту. Она настолько понравилась мне, что я буквально озверел. Что со мной, собственно, случилось в первый раз в жизни. Однако стоило только мне коснуться ее, как она, как сумасшедшая, с силой оттолкнула меня от себя и ударила по лицу. Крикнув мне: «Ты свинья!» — убежала прочь. А я как парализованный стоял на одном месте и думал: «Да она, никак, ненормальная!»

— Послушай меня внимательно, Отто,— сказал мне как-то отец.— Ты тоже у меня не дурак, а это уже немало, однако ты еще не врос в жизнь, и потому я хочу коечто рассказать тебе из своей практики. Прежде всего ты должен твердо усвоить, что у каждого человека хребет не

самое прочное место и его можно сломать. Все будет зависеть от наличия времени. Для того чтобы поставить на колени сильного человека, к сожалению, требуется довольно много времени. Сегодня у меня на допросе был один, но он оказался настоящим слюнтяем: после первого часа его бросило в пот; после второго — он распустил слюни и заговорил, а после трех часов допроса он был похож на загнанного теленка. Допрашивать этого типа было страшно скучно, и я даже начал зевать. А спустя еще три часа он сказал мне все, что я от него хотел услышать. Завтра утром он подтвердит все, что мне нужно от него, под присягой. Более того, в тот момент он и сам будет верить собственным словам. В тот момент — да. Послезавтра он уже не будет в это верить, но будет уже поздно. Видишь ли, Отто, таковы люди. Все в них далеко не совершенно, даже их слабости.

Этот совет отца помог мне сэкономить несколько недель, когда я начал снова приставать к Магде.

Войдя в ее комнату, я положил на стол деньги и спросил:

— Этого будет достаточно?

— За что достаточно? — спросила она.

— За твою любовь.

— Ты маленький идиот! — возмутилась Магда.— Немедленно забери свои деньги обратно!

— Ты не хочешь взять деньги? — изумленно спросил я.

— О, ты форменный идиот,— повторила Магда,— кто тебе сказал, что я не хочу денег? Мне просто непонятно, почему ты собираешься заплатить мне за то, что можешь взять бесплатно? Не смотри на меня, как теленок, и лучше запри дверь на ключ.

Мое ученичество закончилось в 1939 году. В том же году я был призван в армию, чтобы выполнить свой гражданский долг. Службу проходил в различных частях и подразделениях до тех пор, пока не был назначен кандидатом в офицеры, а затем откомандирован на учебу в военную школу.

Солдатская жизнь мало чем отличается от службы фенриха в военной школе. Никто не мог вбить мне в голову всех военных премудростей, поскольку большинство

их я уже усвоил до этого. Однако мне дали почувствовать, что такое начальство. Да и как же не дать, если это доставляло им удовольствие! По мне, любой из начальников может корчить из себя павлина или же вести себя, как дикий кабан, я к этому так привык, что и глазом не моргну.

— Отто,— начал со мной разговор отец, когда я впервые заявился в родительский дом в военном мундире,— теперь ты настоящий мужчина, и я хочу поговорить с тобой как мужчина с мужчиной. Эмма, охлади-ка для нас несколько бутылочек пива,— сказал он матери,— а потом оставь нас одних. То, о чем мы будем беседовать, не для женских ушей. Так вот слушай, Отто, поскольку мы с тобой здесь одни, я скажу тебе откровенно, что именно я думаю о жизни. А именно: ничего! Ты меня правильно понял? Ничего, потому что все на свете одно дерьмо!

Отто, — продолжал отец дальше, — я в своей жизни видел довольно много трупов, и часть из них была, так сказать, живыми трупами. Все они были изготовлены словно на конвейере, и не только нами, а тем, что мы обычно называем жизнью. Да и что, собственно, представляет собой человек? Труп, и не больше. Таков ход событий. Такова и сама жизнь, Отто. Ты об этом никогда не забывай!

Во время такой войны человек учится понимать людей, знакомится с ними. В любом углу тебя подстерегает какой-нибудь монстр, этакое чудовище в форме человека: сумасшедший начальник, возомнивший себя черт знает кем; жалкий трус, какой-нибудь безмозглый идеалист или же какой-нибудь слюнтяй-полководец! Ну их всех к чертовой матери!

И я как бы потерял ориентировку, я перестал воспринимать факты и события такими, какими их следовало воспринимать. Моя голова раскалывалась на части, а глаза закрывались сами собой, помимо моей воли. Вдруг кто-то пробормотал у меня под ухом мое имя, и я с трудом заставил себя открыть глаза. Голова моя кружилась, батарея винных бутылок, стоявших передо мной на столе, казалось, пустилась в пляс, а вместе с бутылками танцевали и блики скупого освещения.

И вдруг сквозь шум и кутерьму, сквозь изгородь пустых бутылок, я, несмотря на скупое освещение, увидел софу, на которой лежала девушка. Я видел ее полуоткрытый рот, из уголков которого текла слюна, видел ее бур-

но вздымающуюся грудь, которая, как мне казалось, приближалась ко мне. На самом же деле оказалось, что мои коллеги бросили на меня шутки ради голую девушку. Однако мне было настолько плохо, что меня начало выворачивать наизнанку: попросту говоря, я был сильно пьян. Ну и посмеялись же они тогда надо мной!

Готлиб Дегерсвайлер симпатизировал мне и потому старался держаться ко мне поближе. Поскольку ему сильно не везло с женщинами, я иногда помогал ему в этом, что имело свои преимущества, так как Готлиб служил в полевой жандармерии и имел друзей в роте пекарей и мясников. Тогда он устраивал лично для меня импровизированные представления, чтобы немного развлечь.

Металлическая бляха, висевшая на его груди, красноречиво свидетельствовавшая, что он является законным представителем полевой жандармерии, раскачивалась на цепочке, когда Готлиб вырывал из рук офицера портфель, который тот нес. Офицер в свою очередь пытался вырвать портфель из рук Готлиба, но не тут-то было, так как тот держал его крепко: как-никак он находился при исполнении своих прямых служебных обязанностей. Офицер начинал было протестовать, но Готлиб грубо обрывал его:

— Закрой свое хайло, дружище!

Портфель оказывался запертым, и Готлиб требовал от офицера ключ, чтобы открыть портфель, но офицер ключа не давал. Тогда Готлиб ловко открывал портфель штыком. В нем оказывались сигареты и консервы. То и другое числилось в списке запрещенных вещей.

— Все это я конфискую, а вас арестовываю! — объявлял Готлиб ошеломленному офицеру.

Женщину, которую я, собственно, отбил у одного майора, звали Марита Шиферс. Сделать это оказалось для меня не так трудно, так как майор был пожилым, уставшим мужчиной, а в жилах Мариты буквально кипела кровь. Она была так же безудержна в любви, как сама война, и послушна, словно солдат-новобранец. Она принимала любую позу, какую я ей приказывал. Мне было достаточно пошевелить пальцем, чтобы свалить ее на бок. Я навещал ее днем, в любой час ночи, ранним утром. Мне было достаточно сказать одно-единственное слово: «Сейчас!» — и она беспрекословно делала то, что я ей говорил. Я чувствовал, что она нужна мне, нужна потому, что я как бы самоутверждался с ней. Да и сама она

не могла себя вести иначе, так как ее желание всегда сливалось с моим требованием, а мое желание становилось ее желанием. Таков уж, видать, этот мир.

Однако спустя некоторое время настал день, когда Марита Шиферс воспротивилась моей воли, и я снова передал ее майору, который был настолько растроган этим моим поступком, что пожелал во что бы то ни стало отблагодарить меня за это. Он буквально светился от счастья. С его помощью я стал кандидатом в офицеры.

25

ОШИБОЧНЫЙ РАСЧЕТ

— Отвратительный парень,— убежденно сказал фенрих Хохбауэр, глядя на обер-лейтенанта Крафта, стоявшего на том месте в аудитории, где положено стоять преподавателю. Точнее говоря, эти слова Хохбауэр даже не сказал, а так тихо прошептал, что их не смогли расслышать даже те, кто находился близко от него. Однако, как бы там ни было, он все же сказал то, что он думал.

И сказал он это, поскольку узнал, что обер-лейтенант Крафт отнюдь не является его другом и доброжелателем. Правда, у него не было особо веских доказательств, чтобы прийти к такому выводу, однако Хохбауэр хотя и не без труда, но все же дошел до этого. Теперь же он был уверен в этом и мысленно решил сделать для себя окончательные выводы.

Хохбауэр продолжал придерживаться принципа нападать на тех людей, которые не являлись его друзьями. Он думал так: «Затруднения и препятствия встречаются в жизни на каждом шагу, и тот, кто хочет победить, должен уметь постоять за себя».

Хохбауэр знал, что дерьмо обычно старается раздавить героя и уничтожить его. Святой Георгий, поражающий согласно легенде своим копьем дракона, был, несмотря на свое мифическое происхождение, любимым героем Хохбауэра, только его личные драконы носили чужие, свойственные иудеям черты; они либо взирали вокруг себя с лживой христианской кротостью, либо препятствовали настоящему прогрессу с крестьянско-варварской хитростью, как, например, этот обер-лейтенант Крафт.

— Подонок! — прошептал Хохбауэр себе под нос.

— Господа,—произнес обер-лейтенант Крафт, подняв целую кипу исписанных листков бумаги,— я только что поручил вам в порядке тренировки написать соболезнование по поводу смерти моей кузины. Вот здесь ваши труды! И я должен вам сказать, что вы не только удивили меня, но и превзошли мои самые смелые ожидания.

Фенрихи, сидевшие позади Хохбауэра, глупо захихикали, а некоторые даже что-то промычали, так по крайней мере показалось Хохбауэру, который в душе считал, что вокруг него отнюдь не так уж и мало различных скотов. Он был в этом прямо-таки убежден, исключение составляли совсем немногие, и именно эти немногие, по его оценке, и являлись исключительными людьми. Себя он причислял к их числу. Однако это накладывало на него и определенные обязанности: подминать под себя слабых, оттеснять обыденное, устранять препятствия.

«Однако обер-лейтенант Крафт,— думал дальше Хохбауэр,— для меня больше чем обычное препятствие — он опасен». И чем дальше Хохбауэр наблюдал за своим офицером-воспитателем, тем тверже убеждался в этом. Одно только появление его в аудитории красноречиво свидетельствовало о том, насколько он неэлегантен, по-крестьянски неуклюж, с плохими манерами! В нем не было заметно ни тени той строгой грации, которая обычно свидетельствует о внутренней силе, никаких следов качеств, которыми обычно обладали представители господствующей военной элиты, никаких следов классической чисто выбритой красоты. Самый заурядный солдафон, и не больше.

— Я должен с удовлетворением признать,— продолжал тем временем обер-лейтенант Крафт, подмигнув,— что меня глубоко тронуло живое соболезнование моего учебного отделения, высказанное по столь печальному для меня случаю. Именно поэтому я позволю себе процитировать вам несколько наиболее удачных мест из ваших сочинений. Так, например, фенрих Бергер не ограничился моими данными, он купил свежий номер газеты и, познакомившись с опубликованными там некрологами, написал буквально следующее: «Ознакомившись с некрологом в газете, я по-настоящему понял, уважаемый господин Крафт, какую тяжелую утрату вы понесли».

Фенрихи громко рассмеялись. Хохбауэр обернулся и с презрением посмотрел на них.

«Выходит, этот обер-лейтенант Крафт не кто иной, как

типичный элемент разложения! — невольно подумал Хохбауэр. — Ничто свежее, созидательное ему не свойственно. Ему явно не хватает традиционной серьезности. А уж чувства святой ответственности за извечные ценности германской нации у него нет и в помине. Вот он каков! В душе этого Крафта живут одни извращения, короче говоря, все то, что смело можно назвать чуждым германской расе. Вполне возможно, что его мозг отравлен идеями иудаизма!»

— А вот фенрих Меслер,— продолжал Крафт, отыскав написанное Меслером,— в своем, так сказать, сочинении, раскрыв передо мной свою сердечную тайну, прямо-таки удивил меня, написав следующие строки: «Тяжело потрясенный известием о кончине Вашей кузины, которую мы все так глубоко любили и уважали, я долго и тщетно старался найти в себе подходящие слова, чтобы...» И так далее. Последнее замечание очень меткое, что же касается написанного другими фенрихами, то я не думаю, чтобы кто-нибудь из вас старался бы с помощью лести установить со мной фамильярные отношения с целью облегчения своей учебы и службы посредством такого дешевого приема.

«Безнадежная чепуха! — думал при этом фенрих Хохбауэр.— Сплошной бред, ни строчки о величии, о могуществе фатерланда, ни строчки о народе, о рейхе и фюрере. Одни пустоты и напыщенные фразы. И все это пишется в то самое время, когда все мобилизовано для достижения окончательной победы над врагом. И в такой ответственный период этот человек занимается разложением пусть не таких уж далеких, но все же способных на лучшее умов некоторых бедных, легковерных фенрихов, которых можно так легко ввести в заблуждение! Да все это можно смело рассматривать как панесение удара по военной мощи страны».

Разумеется, обер-лейтенант Крафт и думать не мог, что его поведение находится под огнем столь сокрушительной критики. Как ни в чем не бывало он продолжал зачитывать, и следует сказать, к безграничной радости большинства фенрихов, строчки из их сочинений.

— Наш Бемке излил на бумаге целый вулкан чувств. Он пишет: «...И вот она удалилась от Вас, высокоуважаемый господин Крафт. Она была такой юной и юной увяла. И я вместе с Вами тяжело переживаю утрату. Трудно перенести эту потерю, но уж так суждено...»

Даже после прочтения этой цитаты, встреченной бурным хохотом, фенрих Хохбауэр не отказался от надежды серьезных перемен в обучении. К этому были многие основания. Могло случиться так, что никакой кузины не было и в помине, да и само составление некролога и соболезнования были не чем иным, как ширмой.

Таким образом сам Хохбауэр (внутренне) был готов позитивно оценить результаты этого занятия. Он ерзал на месте и не спускал глаз с обер-лейтенанта, показывая тем самым, что очень хотел бы, чтобы его спросили.

Однако Крафт, казалось, не замечал его. Он не только не прочел вслух ни одной цитаты из работы Хохбауэра, но даже не задал ему ни одного вопроса. Можно было подумать, что Хохбауэр вообще не существовал для Крафта.

Офицер-воспитатель зачитал фенрихам еще семь или восемь цитат из их сочинений, чем вызвал у них еще большее оживление. И тут Хохбауэру пришла на ум мысль, что, видимо, таким образом он намеревался поймать фенрихов. Хохбауэр решил в их же собственных интересах встать на их защиту.

— Должен признаться, что я глубоко тронут вашими работами,— еще раз сказал обер-лейтенант, а затем сухо, не меняя выражения лица, добавил: — Судя по вашим соболезнованиям, смерть, как таковая, должна доставлять удовольствие.

Это высказывание воспитателя, вернее, бо̀льшую его часть, Хохбауэр занес в свою записную книжку, а затем еще раз оценивающим взглядом посмотрел на обер-лейтенанта.

Следующая тема занятий касалась вопроса о дисциплинарных взысканиях: их формулировки, объявления и приведения в исполнение. Правда, сам офицер-воспитатель прислонился спиной к задней стенке аудитории и безразличным взглядом уставился прямо перед собой в пустоту, заставив одного из фенрихов вслух читать выдержки из устава. Сам же он явно скучал и даже время от времени лениво позевывал.

— Читайте громко,— произнес Крафт спустя несколько минут,— а не то все здесь заснут от тоски.

А Хохбауэр тем временем мысленно продолжал подводить свой баланс. При этом его осенила мысль, что вот-вот должно произойти нечто значительное, что при его помощи, как одного из лучших слушателей курса, должно повлиять на весь ход учебного процесса. Для этого, ему

казалось, у него имелись неплохие возможности, так как начальник потока капитан Ратсхельм со свойственной ему симпатией стоял на его стороне. А капитан Федерс, преподаватель тактики, выставлял Хохбауэру за его работы самые высокие оценки. С майором же Фреем, начальником курса, он вообще был, так сказать, на короткой ноге. Единственным человеком, который являлся крупным препятствием на его пути, был этот несносный обер-лейтенант Крафт.

— Однако это нельзя откладывать в долгий ящик,— проговорил Хохбауэр, и при этом так громко, чтобы его слова были услышаны обер-лейтенантом Крафтом.

Фенрихи, сидевшие поблизости от Хохбауэра, еще ниже нагнулись над своими столами, как бы демонстрируя этим, что они заняты выполнением задания. Глядя на них, Хохбауэр презрительно рассмеялся.

— Если вы что-то хотите сказать нам,— громко произнес Крафт, не трогаясь со своего места,— то скажите достаточно громко, чтобы вас все слышали, Хохбауэр. Ну-с, что вы хотели нам заявить?

— Ничего, господин обер-лейтенант,— ответил фенрих.

— Выходит, вы признаете, что вам нечего нам сказать! Это уже само по себе кое-что. К тому же это звучит вполне убедительно. Таким образом, вопрос остается открытым, так как неясно, о чем, собственно, идет речь?

— Скажи, Хохбауэр, наш обер-лейтенант Крафт имеет что-нибудь против тебя? — спросил своего друга по комнате Амфортас, когда они остались вдвоем.

— Это я имею кое-что против него, а он заметил, и это пришлось ему не по вкусу,— ответил Хохбауэр, стараясь продемонстрировать при этом свое полное безразличие.

В комнате, кроме них, никого не было: только что начался обеденный перерыв, и для задушевного разговора более удобный момент трудно было подыскать.

Разговор этот происходил при обстоятельствах, когда Хохбауэр великодушно разрешил Амфортасу помочь стащить с него сапоги. Тот зажал сапог между ног и даже позволил Хохбауэру упереться ногой в его зад.

Более того, Амфортас пытался создать более непринужденную атмосферу для разговора и потому спросил:

— А что он, собственно, может тебе сделать, это с твоими-то связями?

Хохбауэр позволил присесть Амфортасу на краешек своей койки. Тот воспринял это как награду и благодарно улыбнулся, так как умел ценить благосклонность Хохбауэра, часто получавшего из дома посылки с дефицитными продуктами. Эти посылки собирали вокруг него довольно тесный кружок друзей, а они в свою очередь могли поделиться своими знаниями, обеспечив выполнение домашних заданий. Все это и составляло основу великолепных связей Хохбауэра.

— То, что ты только что назвал связями, не падает как манна с неба,— заметил Хохбауэр все еще улыбающемуся Амфортасу. — Для того чтобы их иметь, необходимы особые предпосылки или качества, как-то: умение, способности, особые таланты.

— Все это у тебя есть! — заверил Амфортас друга, тайно надеясь, что ему удастся списать у него очередное задание по тактике, которая ему всегда давалась с большим трудом.

— Тут ты абсолютно прав,—наигранно выдержав паузу, заметил Хохбауэр,— в тактике меня считают одним из лучших слушателей.

— Ты и есть самый лучший! — поспешил заверить его Амфортас.— Этого никто не собирается оспаривать.

— И я не собираюсь спорить по данному поводу,— чистосердечно признался Хохбауэр.— Что же касается начальника нашего потока, я имею в виду капитана Ратсхельма, то я с ним, так сказать, на дружеской ноге.

Амфортас согласно кивнул, давая понять, что ему об этом прекрасно известно, а затем сказал:

— Кто-кто, а уж он-то сможет за тебя постоять!

При этих словах Хохбауэр скользнул по лицу друга холодным, испытующим взглядом, но ничего, кроме дружелюбного выражения, не прочел на его лице.

— Капитан Ратсхельм и я,— продолжал Хохбауэр,— оба стараемся по всем правилам, понятно тебе?

— Разумеется, понятно! — словно эхо отозвался Амфортас.

— А вот обер-лейтенант Крафт мне почему-то не нравится,— сказал Хохбауэр, а затем неожиданно спросил: — Может быть, он тебе нравится?

Амфортас незамедлительно заверил в противном. У него с Хохбауэром не было расхождений во мнениях

по крайней мере до тех пор, пока он находился в его непосредственном окружении. Уж если Хохбауэр со своим умом так считает, то ему и беспокоиться нечего. Как бы ни был силен этот Крафт, но Хохбауэр-то к нему, Амфортасу, ближе стоит.

— А ты не находишь, Амфортас, что наш обер-лейтенант Крафт распространяет несколько странные идеи, а?

Амфортас находил это тоже.

— Можно сказать даже, что его идеи более чем странные.

— Ты, видимо, имеешь в виду легкость, с которой он говорит о человеческой смерти, не так ли?

— Да-да, разумеется!

— Выходит, и у тебя сложилось впечатление, что для него не существует ничего святого, ни рейха, ни даже фюрера?

— Точно так! — машинально согласился Амфортас.

— А раз это так,— в голосе Хохбауэра появились требовательные нотки,— изложи все это на бумаге. Ну, скажем, в форме рапорта или донесения.

— Но...— жалко пролепетал ошеломленный фенрих, вытаращив испуганно глаза.— Но ведь этого нельзя...

— Можно, Амфортас, можно и нужно. Это я тебе говорю со всей серьезностью. Напиши подробно все, что ты мне только что сказал. Бумагу эту я возьму себе.

— Ну, а что будет дальше, Хохбауэр, после того как я это сделаю?

— А в дальнейшем, Амфортас, ты должен целиком положиться на меня. В конце концов ты мой друг и коллега.— Проговорив это, Хохбауэр смерил друга презрительным взглядом.— Или, быть может, ты не хочешь?

— Нет,— с трудом произнес Амфортас.— Я этого не могу сделать. И ты не должен требовать от меня этого. Хватит подлостей!

Хохбауэр осмотрелся вокруг, хотя, кроме них, в комнате все еще никого не было и им никто не мог помешать, так как обеденный перерыв все еще не кончился. К тому же двое остальных обитателей этой комнаты в тот день находились в наряде.

Фенрих Хохбауэр схватил Амфортаса за грудки, слегка оторвал от пола, а затем с силой бросил наземь, да так, что тот перелетел через две табуретки. В тот же миг Хохбауэр подскочил к нему и, снова схватив за китель, так

тряхнул, что затрещали нитки на швах. Приподнятый с полу, Амфортас увидел над собой бледное, холодное, словно окаменевшее лицо Хохбауэра и уже был готов сделать то, что от него требовали.

При этом Хохбауэр пронзительным голосом не сказал, а скорее отрезал словно бритвой:

— Не вздумай еще раз сказать подобное! А то, видите ли, я от него требую подлости! Забудь это дело с лейтенантом Барковом, а не то я тебе покажу!

И только проговорив это, фенрих Хохбауэр расцепил пальцы руки, которой он держал Амфортаса за грудки, а вслед за этим этой же рукой наотмашь отвесил ему одну за другой две звонкие пощечины. И лишь после этого он повернулся кругом и направился к своему шкафчику.

Спокойным, но твердым движением руки он достал полевой устав с грифом «Для служебного пользования». Раскрыв его наугад, он углубился в чтение.

В душе Хохбауэр был глубоко убежден в том, что он действовал совершенно правильно. «Внушительный призыв к мужеству и чести,— считал он,— время от времени необходимо бросать, так как человек по своей природе слаб и постоянно подвержен всевозможным соблазнам до тех пор, пока не попадет в спокойный и верный поток».

Сев к столу, фенрих Хохбауэр начал писать письмо, даже не удостоив взглядом Амфортаса, который с горящим от пощечин лицом все еще стоял на том же месте.

Письмо это он писал своему отцу, коменданту Оренсбурга, и начиналось оно вполне безобидно. В самом начале Хохбауэр сообщал папаше общие сведения, не связанные с основным смыслом письма, затем он заверил его в своем полном здравии. И лишь после этого пошли возвышенные строчки о значении великогерманского национал-социалистского патриотизма. А уж затем Хохбауэр начал осторожно подбираться к самому главному: он поинтересовался состоянием здоровья брата отца, который занимал один из ответственных постов в министерстве юстиции, а тот, в свою очередь, имел племянника, служившего в штаб-квартире фюрера, и был лично хорошо знаком с генеральным прокурором армии.

Далее Хохбауэр писал буквально следующее:

«Учась в военной школе, я познакомился со многими офицерами — начальниками, достойными

полного уважения, и среди них, например, начальником потока капитаном Ратсхельмом, но тут же я натолкнулся на одного такого офицера, деятельность которого и поступки меня по-настоящему огорчили, и не только меня, но и многих фенрихов. Я вынужден характеризовать этого офицера как своего рода разрушителя, да иначе его поведение и назвать нельзя. Этот человек не только склонен к садизму, прежде всего он позволяет себе неблагожелательно высказываться о германском народе, рейхе и фюрере, к тому же еще с такой завуалированной хитростью, которую подчас и разгадать-то бывает невозможно. Я считаю, что такие типы не могут быть офицерами и уж тем более они не имеют права занимать ответственные должности. В данном конкретном случае речь идет о некоем обер-лейтенанте Карле Крафте, занимающем в настоящее время должность офицера-воспитателя 6-го потока в военной школе № 5».

В конце своего письма Хохбауэр снова упомянул о кое-каких мелочах, поделился несколькими замечаниями, не имеющими никакой связи с главным, о чем писалось в письме, затем, пожелав здоровья и благополучия родным и близким, написал: «Хайль Гитлер!» А в постскриптуме приписал следующее:

«Передай мой самый сердечный привет твоему брату, а моему уважаемому дядюшке из министерства юстиции. Полагаю, он будет рад, если ты покажешь ему это письмо. Остаюсь и впредь любящим тебя сыном».

Заклеив столь важное послание, Хохбауэр невольно подумал о том, каким образом ему и впредь принуждать своих коллег к верности себе. Мысленно он спросил самого себя о том, может ли он с Андреасом поступить точно так же, как с Амфортасом, а также о том, каким образом ему лучше всего завербовать на свою сторону Крамера.

Пока Хохбауэр размышлял обо всем этом, в комнату вошел дежурный фенрих и положил на стол пакет с книгами.

— Хохбауэр,— сказал дежурный фенрих,— капитан Федерс приказал вам сегодня под вечер отнести эти книги фрау Фрей. Капитан Федерс просил передать, что она ждет вас.

— Хорошо,— произнес Хохбауэр, делая вид, что ему это совершенно безразлично, чувствуя в то же время, как всего его распирает от гордости и удовлетворения.— Положи книги вон туда, на стол.

— Ты говоришь об этом так, как будто это самое что ни на есть обыкновенное дело,— с изумлением заметил Хохбауэру дежурный фенрих.

— Для меня лично в этом нет ничего удивительного, так как я уже не раз бывал на квартире начальника курса, более того, меня там даже чаем угощали.

Дежурный фенрих даже присвистнул от удивления, так как он умел ценить подобные вещи. А сам факт, что это приказание отдавалось через капитана Федерса, красноречиво свидетельствовал о их связи! Честь и слава этому Хохбауэру!

Сам Хохбауэр также рассматривал это поручение как своего рода поощрение. Так капля по капле вокруг него собирались знаки признания: симпатия Ратсхельма, признание Федерса и даже, быть может, благоволение самой супруги господина майора, которая пользовалась большим влиянием. А все это, вместе взятое, могло дать ему в руки завидные козыри.

— Ну так что, Амфортас,— обратился Хохбауэр к коллеге, рассматривая переданные ему книги,— смогу я получить от тебя желаемую бумагу или нет?

— Да, конечно,— устало ответил Амфортас, на которого сильно повлияло то, что сам Федерс начал благоволить к Хохбауэру. — Надеюсь, ты используешь ее с толком.

— Об этом ты можешь не беспокоиться,— ответил ему Хохбауэр, любовно поглаживая пакет с книгами.

После обеда время у фенрихов обычно проходило очень быстро, хотя Хохбауэру на этот раз казалось, что оно тянется медленно. В тот день по плану проходило тактическое занятие на ящике с песком по теме «Взвод в наступлении». Все, что нужно было знать по данной теме, опытные фенрихи схватывали, можно сказать, на лету и могли ответить в любое время безо всяких затруднений.

Сидя на занятии, Хохбауэр думал о своем: прежде всего о Фелиците Фрей и о тех возможностях, которые он мог приобрести с ее помощью. Даже Крафт, проводивший занятия, не мог помешать Хохбауэру мечтать.

Занятие на ящике с песком кончилось так же неожиданно, как и началось. Обер-лейтенант был более чем краток:

— На сегодня все! — и тут же исчез.

— Готов биться об заклад,— заметил Хохбауэр по этому поводу,— наш воспитатель не имеет ни малейшего представления о том, как должен вести себя настоящий офицер.

Однако никто спорить с Хохбауэром не собирался: ни желания, ни времени для этого ни у кого не было.

— Наш Крафт всего дважды был на квартире у майора Фрея, а я сегодня пойду туда уже в третий раз. Разве это ничего не говорит?

Окружавшие Хохбауэра фенрихи удивлялись и одновременно завидовали ему. Они смотрели на своего «предводителя», следя за каждым его движением.

После занятий, готовясь к визиту к фрау Фрей, Хохбауэр даже сменил носки, затем тщательно протер одеколоном подбородок, на котором, собственно, еще и щетина не успела отрасти. Однако он отказался взять чистый носовой платок, который ему любезно предлагал Амфортас.

— Видишь ли, мой дорогой,— начал дружелюбно Хохбауэр,— носовой платок предназначен для вытирания соплей или слез, а у меня не может быть ни того, ни другого!

Схватив пакет с книгами, Хохбауэр сначала намеревался направиться к обер-лейтенанту Крафту, чтобы доложить тому, как это и предусматривалось уставом.

— Итак, камераден, — ехидно заметил он коллегам,— вот мы и посмотрим, кто же имеет больше веса: преподаватель тактики или же офицер-воспитатель.

Фенрих Хохбауэр нашел обер-лейтенанта в канцелярии, где он сидел, склонившись над столом. Однако Крафт вовсе не работал, как могло показаться сначала. Он всего-навсего рассматривал бутерброд с сыром, прежде чем съесть его.

Хохбауэр застыл по стойке «смирно» и доложил:

— Прошу разрешения, господин обер-лейтенант, выйти в город. Господин капитан Федерс поручил мне отнести книги для фрау Фрей.

— Хорошо,— проговорил небрежно обер-лейтенант, не отрываясь от своего занятия.

В течение нескольких секунд Хохбауэр не мог побороть родившегося в нем удивления.

«Как же так,— думал фенрих,— отпустить в городское увольнение без проверки внешнего вида, отпустить, даже не задав ни одного каверзного вопроса, даже нисколько не постращав? Удивительно, да и только! Что бы все это могло значить? Неужели обер-лейтенант Крафт потерял ко мне всякий интерес?»

Все эти мысли сильно занимали Хохбауэра, когда он спускался с холма, приближаясь к небольшому городку. Поведение Крафта было загадочным, так как он отличался способностью неожиданно и хитро маневрировать, становиться равнодушным, уметь убеждать, осторожно избегать давления на себя со стороны других, умел хитро вести себя даже при проигранной игре. Короче говоря, он был способен на многое, вернее говоря, на все! Менее всего он был способен полностью доверять другим, что, собственно, и омрачало мысли Хохбауэра.

Однако от плохого настроения фенриха не осталось и следа, как только он увидел Фелициту Фрей: ему улыбалась дама очаровательная и зрелая, знающая себе цену и в то же время доступная.

— Милости прошу, мой дорогой,— сказала она Хохбауэру.— Очень и очень рада видеть вас.

Фенрих с юношеским пылом поклонился и, изящно наклонившись, поцеловал ей руку, млея от удовольствия. Когда Хохбауэр выпрямился и взглянул на майоршу, то заметил, что Фелицита слегка зарумянилась.

— Для меня настоящий подарок, что я могу находиться здесь,— заверил юноша, сияя от удовольствия.

— А для меня это большая радость.

Сначала разговор зашел о книгах. При этом было выпито по рюмке густой мадеры, любимого напитка майора. Однако в последнее время доставать мадеру становилось все труднее и труднее, и теперь она подавалась в этом доме лишь в исключительных случаях. И хотя Хохбауэр точно не знал, какая именно честь была ему здесь оказана, он все же чувствовал это по нежным взглядам фрау Фрей.

— Если вы желаете чашку чая,— проговорила фрау,— я охотно приготовлю его, только вам придется немного подождать. Я одна в квартире: моя племянница уехала и

вернется только поздно вечером, а супруг, как обычно, занят на службе. Генерал проводит снова какие-то учения, а они, как правило, ранее полуночи не кончаются.

— Да,— робко проронил фенрих,— это так.

— Значит, вы хотите чая? — обрадованно переспросила любвеобильная фрау.

Хохбауэр посмотрел на Фелициту: он не совсем ясно ее понял и потому еще раз склонился над ней.

— Вы хотите чашку чая? — переспросила Фелицита, слегка смутившись.

— Я, многоуважаемая фрау, всегда дорожу вашим гостеприимством.

Тут они снова заговорили о книгах. Правда, на этот раз речь зашла о книгах, в которых описывались жестокие бои и блестящие победы, говорилось о германском духе, о мужской силе и женской красоте.

— Да, нечто возвышенное, если так можно сказать, императорское, бывает свойственно отнюдь не только лицам императорской семьи; бывают люди, которые просто-напросто по-императорски думают.

— Вы очень правильно сказали, милостивая государыня! — поспешил заверить супругу Фрея фенрих Хохбауэр.— И в наше время, разумеется, имеются такие исключительные лица, хотя они и не носят благородных имен.

Так они и беседовали, электризуя друг друга взглядами. Постепенно сгустившиеся сумерки отбрасывали густые тени от мебели, погружая все в приятный полумрак.

Чтобы не разрушить интимного настроения, фрау Фелицита зажгла желтую свечу, при свете которой налитая в рюмки мадера таинственно отливала золотом. Содержимое бутылки постепенно подходило к концу. Однако оба собеседника были готовы продолжать приятную беседу, правда, переменив тему. Разговор зашел о императрицах и их пажах, которыми они могли распоряжаться по собственному усмотрению.

— Об этом неоднократно писали и пишут самые лучшие писатели нации,— заверил Хохбауэр, ощупывая счастливыми глазами тело фрау.

— Вы считаете, что подобное можно встретить и в наше время?

— Вот именно, в наше время в особенности, так как настоящее великое сейчас превращается в нечто мас-

штабное, когда даже сама любовь служит делу борьбы за нашу победу.

Фелициту Фрей, казалось, окрылили эти слова. Свет свечи окрашивал всю обстановку, в которой находилась эта пара, в золотые тона; один из них чувствовал себя пажом, а другая — императрицей.

Фрау протянула юноше руку. И он схватил ее, прижав к своему разгоряченному лицу. Словно загипнотизированный, Хохбауэр, будто ища поддержки и защиты, медленно двигал свою руку вверх, пока не достиг плеча, и все это он проделал молча, не проронив ни единого звука, с нежным и подобострастным упорством и даже нажимом.

Начиная с этого момента Фелицита Фрей забыла обо всем на свете, кроме, разумеется, самой себя и своего пажа, который увивался вокруг нее. Комната, в которой они находились, как нельзя лучше располагала к проявлению чувств, тем более что господина майора дома не было...

Позже, значительно позже Фелицита сказала:

— Вот, возьми мой платок!

Хохбауэр и не собирался пользоваться собственным платком, который никак не подходил для подобной ситуации. Дело в том, что, уходя из казармы, он забыл положить в карман чистый платок. Платком, как он до этого говорил, можно вытирать только сопли и слезы, а тут он убедился в том, что его вполне можно использовать и для совершенно другой цели.

Он послушно взял голубой батистовый платок и, бросив беглый взгляд на замысловатую вязь монограммы «ФФ», использовал его по назначению, а затем сунул в карман в качестве трофея.

26

ВЕЧЕР СРЕДИ КОЛЛЕГ

— Послушай, а что ты скажешь, если мы организуем дружескую пирушку, а? — спросил фенрих Крамер.

— Вернее говоря, дружескую попойку, не так ли? — поправил его фенрих Меслер.— Я не против. Главное,

чтобы напитков было достаточно, все же остальное образуется само собой.

— Я думаю о том,— уклончиво заметил Хохбауэр,— как бы нам опять не пришлось сидеть вместе с какими-нибудь хулиганами.

— Друзья! — воскликнул фенрих Крамер.— Сейчас речь идет не просто о пьянке, да еще с дракой, а всего-навсего о дружеской пирушке, а дружбу, как известно, нужно крепить.

— А раз так,— заметил кто-то из фенрихов,— то пусть так оно и будет.

— А этого никак нельзя избежать? — спросил Амфортас, инспирированный Хохбауэром.

— Камераден,— с важностью начал фенрих Крамер, окинув строгим взглядом все учебное отделение, которое сидело перед ним в аудитории,— свое предложение я заранее как следует обдумал, к тому же оно вполне естественно.

Фенрихи с усмешкой переглянулись, так как они хорошо знали Крамера: уж если он в чем-то проявлял инициативу, то никому не позволял перехватывать ее у себя, особенно тогда, когда речь шла о дружеской пирушке или же о подобном проведении свободного времени; тут-то его фантазия не знала границ, тут он мог выступать как руководитель отделения, права которого никто не смел оспаривать.

— Дело обстоит так,— продолжал Крамер,— что мы должны еще более крепить наши дружеские связи. Но кроме всего этого мы должны пригласить на свой вечер капитана Федерса и обер-лейтенанта Крафта с целью создания полезной и гармоничной атмосферы, да еще перед аттестацией.

Эти слова прозвучали как решающий аргумент.

— Таким образом, — заключил Крамер, — мое предложение, как я вижу, принимается единогласно. Ничего другого я, собственно, от вас и не ожидал. Тот же, кто осмелится не пойти на такой вечер, докажет этим, что он не дорожит дружбой с нами. Я полагаю, что ни один из вас не пожелает оказаться под подобным подозрением, не так ли? Итак, каждый из вас обязан явиться на вечер!

— Мы позволим себе, господин капитан, пригласить вас на наш скромный дружеский вечер!

Эти слова, обращенные к капитану Федерсу, фенрих Крамер произнес перед строем всего учебного отделения. Преподаватель тактики сразу же разгадал причины, которые двигали фенрихами.

— Ага, вы хотите меня умаслить,— по-дружески заметил капитан,— тем более перед вашей аттестацией.

— Этот дружеский вечер,— смело попытался заверить офицера Крамер,— был запланирован нами давно.

— Зато сейчас вы выбрали довольно-таки подходящее время, не так ли? — Капитан Федерс рассмеялся.— Вы можете пригласить меня хоть на званый обед, на котором вы будете стоять на голове, весь вечер петь «Хорст Вессель», однако все это ни в какой мере не отразится на моих оценках ваших достижений. А так, пожалуйста, сегодня вечером я беседую с вами по учебному материалу, а завтра утром — вы испытаете свое счастье.

Из этого разговора стало ясно, что промежуточной аттестации фенрихам не избежать, так или иначе им придется отчитаться за свою работу по сегодняшний день. Разговор учеников с педагогом поставил все точки над «и».

— Приходите ко мне по одному,— проговорил капитан Федерс, опустившись на стул в углу.— Каждому я отпускаю три минуты.

Капитан Федерс провел опрос и на этот раз так, как от него можно было ожидать. Опросив каждого, он довольно откровенно дал понять фенрихам, что ни один из них не достоин быть офицером. Даже Хохбауэр.

— Один за другим все ко мне! — распорядился после этого обер-лейтенант Крафт.

Офицер-воспитатель проводил промежуточную аттестацию в своей комнате. В отличие от Федерса он явно не спешил и вел неторопливый разговор с фенрихами.

— Мой дорогой друг,— так по обыкновению начинал свой разговор с фенрихом Крафт,— сейчас мы с вами попытаемся выяснить, что мы можем сказать друг другу.

После этого офицер-воспитатель задавал фенрихам несколько вопросов, которые звучали вполне безобидно, что сбивало опрашиваемых с толку.

— А чего вы, собственно, ждете от этого дружеского вечера? — поинтересовался Крафт.

Большинство фенрихов ожидало всего самого хорошего. Они рассматривали дружбу, как нечто само собой разумеющееся, как проявление настоящего мужского по-

рыва, как истинную солдатскую добродетель, короче говоря, как нечто очень важное, что надлежит беречь в любое время.

— А какого вы мнения о дружбе по отношению к тем, кто не является для вас другом? — как бы между прочим поинтересовался обер-лейтенант Крафт.

Об это препятствие споткнулись многие. Однако, несмотря на это, Крафт оставался дружелюбным, а его формулировки позволяли надеяться на лучшее. Все фенрихи после разговора с Крафтом ушли довольные.

«Все они наполовину ненормальные»,— решило большинство фенрихов.

— Как всегда, все осталось спорным,— заметил Хохбауэр своим друзьям.

И лишь фенрих Крамер высказался определенно:

— Все это еще раз подтверждает мою точку зрения относительно того, что действительно настало время еще более укреплять дружбу. Наше приглашение подействовало как чудо, иначе и нельзя рассматривать обнадеживающие результаты, которых мы добились.

Во всяком случае, несколько позднее выяснилось, что подобные промежуточные аттестации можно смело сравнить с фатальной неизбежностью. И не только с ней, но и с действительностью, которую иногда нельзя разгадать заранее. В самом конце своего собеседования по случаю аттестации Крафт имел обыкновение говорить следующие слова: «Мой дорогой... (далее следовала фамилия фенриха), если вы и дальше будете так же работать, то можно не сомневаться в исходе вашей учебы».

При этих словах воспитателя фенрихам не оставалось ничего другого, как делать хорошую мину при плохой игре. В конце концов выяснилось, что, по крайней мере, восемьдесят процентов кандидатов в офицеры благополучно заканчивали подобные курсы, так как война продолжалась и срочно требовала офицерского пополнения. Большего же процента брака в своей продукции фабрика офицеров допустить уже не могла — время настоятельно требовало стабильности в выпуске офицеров.

— Во всяком случае, я надеюсь,— продолжал обер-лейтенант, обращаясь в заключение ко всему учебному отделению,— что вы в этих стенах все-таки кое-чему научились. Можете расходиться!

— Вы играете чрезвычайно осторожно,— сказал Феликс, который играл под номером «33».

— У меня такая манера игры,— ответил обер-лейтенант Крафт, все еще не решаясь сделать следующий ход.

Феликс смотрел на своего партнера в одно и то же время рассеянно и внимательно. Его глаза, большие и темные, были красивы. При этом он улыбался, но улыбка его была скорее похожа на застывшую маску.

Обер-лейтенант Крафт старался не смотреть на лицо Феликса, а глядел на шахматную доску, лежавшую перед ним, за которой сидел беспомощный субъект в кожаном мешке. И все же № 33 относился к числу счастливчиков: он научился любить книги, понимал кое-что в музыке и умел играть в шахматы.

В данном же конкретном случае ему просто здорово повезло. Феликсу позарез нужен был партнер с хорошими связями. Каждый свой ход он объявлял, не нарушая при этом смысла и удовольствия от игры.

— Не утомляет ли вас моя манера игры? —спросил его Крафт.

— Нет,— ответил Феликс,— поскольку свободного времени у меня очень много. К тому же ваша манера игры в шахматы довольно интересна.

— Я знаю, что играю необычно и не придерживаюсь уже опробованных комбинаций.

— В этом ваше преимущество,— вежливо согласился с ним Феликс.— Вы умеете, так сказать, удивить своего партнера неожиданным ходом, более того, даже сбить его с толку. Это что, ваш расчет или же чистая случайность?

— Я думаю, что это и есть моя манера игры.

Обменявшись такими репликами, оба некоторое время играли почти молча. Лишь иногда Феликс бросал короткие замечания, называя комбинации или же подкрепляя ход его буквенно-цифровым обозначением.

Они одни сидели в комнате между белыми стенами, освещенными с потолка ярким светом. Зрение у игрока № 33 было, видимо, ущербным, так как глаза у него постоянно слезились. Время от времени он наклонял голову, чтобы незаметно вытереть выкатившуюся из глаза слезинку.

— Зачем вы здесь находитесь? — неожиданно спросил Феликс.

— Затем, чтобы играть с вами в шахматы,— проговорил Крафт, передвигая своего слона на четыре клетки

вперед. При этом он застегнул свой врачебный халат, который всегда надевал поверх формы.— Теперь ваш ход.

— Что у вас за ранение? — поинтересовался Феликс, понимая, что тот не мог быть не раненным. Каждый, кто находится в этом помещении, имел награды. И даже если внешне нельзя было заметить, в чем заключалось ранение того или иного лица, можно было смело предполагать, что у каждого что-то да отсутствует: у одного — часть легкого, у другого — часть желудка. Вполне возможно, что у кого-то в теле бродил осколок. Возможно кто-то потерял чувство равновесия.

— Не будем об этом говорить,— заметил Крафт. — Лучше займемся игрой.

— Скажите, а у вас порой не бывает чувства этакой полной бессмысленности? — спросил Феликс.— Околачиваться здесь было бы не столь трудно, если бы человек хоть как-то мог объяснить самому себе причину, почему он поступил так, а не иначе. Предположим, я взорвал мост для того, чтобы спасти жизнь другим, а во время этого все и случилось, то есть меня ранили, а почему бы и нет? Разве такого не могло быть? Или, к примеру, прямо перед строем солдат я бью генерала по физиономии, меня за это, разумеется, расстреливают, но тут я по крайней мере знаю, за что именно. А ведь я ничего подобного не делал, а просто-напросто спал, а когда проснулся, я уже оказался в таком положении, в каком вы меня сейчас видите.

— Вы далеко не единственный человек, мимо которого смерть прошла тогда, когда он спал,— объяснил обер-лейтенант Крафт, стараясь придать голосу равнодушную окраску.

— А вы? — спросил Феликс.— Что произошло с вами? Вы разве не думали над тем, почему или ради чего вы оказались изувеченным?

— У меня, к сожалению, пытались выцарапать мозг,— сказал обер-лейтенант Крафт.— Но это еще не самое плохое, что может быть. Правда, для большинства из нас мозг так или иначе является лишней частью организма. Только вы внимательно следите за игрой: вашему ферзю грозит опасность. Я объявляю вам шах.

— Я уже не могу внимательно следить за игрой,— признался Феликс, — у меня сильно слезятся глаза. Давайте сегодня на этом закончим партию, если вы не возражаете, конечно.

— Я не возражаю.

— Значит, мы заговорили о мозгах, — проговорил Феликс с закрытыми глазами.— Неужели и вы прожили свою жизнь бессмысленно? Или, быть может, вы спасли жизнь товарищу, защитили детей и женщин или вообще сделали что-то такое, что имело глубокий смысл? Или же и вы совершали только то, что иначе как бессмысленным и назвать нельзя? А?

— Давайте закончим игру,— предложил обер-лейтенант Крафт.

— Знаете, если я еще буду способен на что-нибудь,— сказал Феликс,— то я попытаюсь, чтобы остаток моей жалкой жизни обрел смысл, попытаюсь сделать что-нибудь такое, как, например: рассказать правду о чем-нибудь, разоблачить убийцу, умереть, спасая другого, сохранить нечто прекрасное, задушить ложь, посадить сад. Вы меня понимаете?

— Да,— согласился с ним Крафт.— Нечто подобное хочется сделать и мне.

— Дружеский вечер объявляется открытым!

Все учебное отделение в полном составе собралось в кабачке «Пегий пес». То, что выбор пал именно на этот кабачок, Крамер счел особенно удачным, так как таким образом им представлялась возможность отпраздновать очень важное событие, заключающееся в ловком обходе опасной «подводной скалы», что было бы просто невозможно, если бы Ротунда не изменил своих показаний. И сам факт, что они снова сидели не где-нибудь, а в «Пегом псе», воспринимался не иначе как полный триумф.

— Я докладываю господам офицерам! — произнес Крамер.

При этих словах все учебное отделение вскочило как один человек, а его командир подошел к Федерсу и Крафту и, остановившись перед ними, застыл по стойке «смирно», глядя прямо через офицеров, словно оба они были прозрачными. Это был своеобразный тактический ход. Крамер никак не хотел показать, что он может предпочитать одного офицера другому. Свой доклад он отдал сразу им обоим.

— Вот мы и собрались вместе,— заметил Федерс, обращаясь к Крафту.

Все уселись рядком, друг возле друга, по краям на скамейках фенрихи учебного отделения «X», а в середине, на почетном месте,— их преподаватель тактики и офицер-воспитатель. Все выглядело прямо-таки торжественно: гладко выбритые лица фенрихов, напомаженные прически, тщательно отутюженная выходная форма, а брюки, видимо, полежали всю ночь под матрасом. Разговаривали все спокойно, лица светились радостью, движения были размеренными, короче говоря, все было великолепно! Так это обычно делалось на общих обедах в присутствии офицера-воспитателя, чему их уже научили.

— Камераден,— обратился Крамер к фенрихам,— я предлагаю спеть хором.

— Согласны! — охотно отозвались фенрихи.

— Можем мы спросить господина капитана,— обратился Крамер к Федерсу,— какой песней мы могли бы его порадовать?

— Если вы придаете этому значение, то давайте споем «Люнебургскую степь».

— Поем «Люнебургскую степь»! — громко возвестил Крамер.— По специальному желанию господина капитана. Два-три, начали!

Фенрихи запели стройно и громко, больше громко, чем хорошо. Капитан Федерс со скупой улыбкой на лице слушал хрипловатое пение услужливых фенрихов.

А в широко раскрытых дверях стоял хозяин кабачка Ротунда и с явно наигранным удовольствием слушал пение своих гостей, которых он никак не мог себе представить такими мирными: сидят такие милые, солидные, благовоспитанные молодые люди, в которых просто невозможно узнать тех самых дебоширов, что всего лишь несколько дней назад разгромили его заведение, да еще за какие-то считанные минуты.

Сейчас же они орали «Люнебургскую степь», энергично раскрывая и закрывая свои сорок ртов. И в то же самое время сорок пар глаз внимательно следили за реакцией на пение их офицеров. Заметив, что и преподаватель тактики и офицер-воспитатель, кажется, довольны ими, фенрихи повеселели и приободрились. По крайней мере ни один из офицеров не проявлял и капли агрессивности. Конец песни прозвучал радостно и энергично.

— Слово предоставляется господину капитану Федерсу! — провозгласил громко Крамер.

Федерс на миг задумался, затем поднялся с места и своим обычным тоном, разве что несколько мягче, сказал:

— Хотя я здесь и не просил никого предоставлять мне слово, поскольку тут нет человека, который мог бы лишить меня этого, но раз уж я встал, то я не хотел бы пропустить лишнюю возможность, чтобы не обратить ваше внимание на небольшой нюанс. А именно на тот факт, что все вы находитесь не на занятии по тактике, что, по-видимому, особенно всех вас радует. А как частное лицо, в данном случае я хотел бы сказать вам следующее. Пусть никто из вас не пытается гордиться великими достижениями, не употребляет высокопарных слов и не считает себя сверхчеловеком! Лучше не доверяйте всем и каждому, и в первую очередь самим себе, так как сейчас на каждом шагу злоупотребляют человеком. А теперь забудьте все это, если, конечно, можете, по крайней мере до завтрашнего утра.

Фенрихи делали вид, что они внимательно слушают своего преподавателя, а некоторые из них даже кивали, как бы подтверждая правильность сказанного им, хотя вряд ли хоть один из них понимал, услышал ли он глупость или же нечто умное. В подобных сомнительных случаях было принято делать задумчивый вид, который никак нельзя было бы истолковать как неоптимистичный и легкомысленный.

Все фенрихи выпили за здоровье капитана Федерса, предварительно получив от него разрешение на это.

Затем снова встал Крамер, который все время следил за ходом вечера, продуманным им до мельчайших деталей. Повернувшись к Крафту, он заговорил словами, которые были заранее обдуманы:

— А теперь мы хотели бы попросить господина обер-лейтенанта назвать нам его любимую песню и разрешить нам спеть ее.

— «В поле, на жесткой земле»,— ответил Крафт.

Крамер, довольный, улыбнулся, так как он ожидал, что Крафт назовет именно эту песню, и потому еще до вечера несколько раз прорепетировал ее с фенрихами. Крамер еще раньше заметил, что обер-лейтенанту почему-то нравится эта песня, быть может, потому, что другой он просто не знал, да это было уж и не так важно, главное заключалось в том, что тот высказал желание и отделение, которым он командовал, могло его выполнить.

Все пели с таким чувством, что, казалось, вот-вот заплачут от умиления.

— Этак и завыть можно,— тихо прошептал Меслер, обращаясь к своим соседям по столу.— Дайте мне кто-нибудь носовой платок, а то мне свой на это жаль, к тому же он у меня один-единственный и находится в белье.

Некоторые из фенрихов, и среди них, разумеется, поэт Бемке, были по-настоящему тронуты песней: «В поле, на жесткой земле, растянусь я усталый!..»

Даже сам Крафт слушал далеко не без сочувствия, в этом можно было не сомневаться: он размечтался о сугубо личном, тронутый меланхоличной мелодией, которая представляла собой искусную смесь церковного псалма с народной песней. Под такую никак нельзя было маршировать.

Как только утихли последние слова песни, так растрогавшей всех, Крамер снова решил взять бразды правления в свои руки.

— Господин обер-лейтенант, разрешите предоставить вам слово.

— Ваше здоровье! — ответил Крафт.

Сказав это, он, чтобы отрезать все пути к многословию, поднял бокал и, кивнув фенрихам, которые даже не успели опомниться, выпил его до дна. Всех это несколько насторожило, но зато и заметно оживило.

— А теперь можно курить и разговаривать,— проговорил Крамер, обращаясь к фенрихам.

Все сразу же заговорили, довольно оживленно, но все же не чересчур громко. Причем разговор их был совершенно безобидным, ни одно слово не могло покоробить слуха офицеров.

Время от времени они что-нибудь пели, поскольку пение являлось лучшим способом избежать какого-нибудь упущения, да и сами песни, которые они пели, были лишены каких бы то ни было грубых сексуальных выражений и не носили ни малейшего намека на политику. Именно поэтому у всех было хорошее настроение.

Однако, как бы там ни было, в душе все очень обрадовались, когда капитан Федерс и обер-лейтенант Крафт начали прощаться с ними.

— Если вы еще раз пожелаете разгромить какой-нибудь кабачок,— с усмешкой проговорил капитан Федерс,— то сначала подумайте о том, к каким последствиям это может привести. Подумайте и о том, кто же из вас будет

выступать в роли козлов отпущения, так как позже, когда вы предстанете перед полицией, вам уже должна быть ясна общая картина положения. Самым верным способом искупления вины пока все еще является война. С ее помощью можно урегулировать все на свете. Гораздо легче, прикрываясь именем справедливости, мира или свободы, сжечь дотла какую-нибудь деревню или же стереть с лица земли город, чем разбить от избытка чувств винную бутылку.

Перед своим уходом из кабачка обер-лейтенант Крафт сказал своим питомцам:

— Ровно в полночь, друзья, все вы до одного должны быть в казарме, и безо всяких песен, без потасовок и без шума. А теперь желаю вам хорошо повеселиться!

— Ну а теперь начинается самая приятная часть вечера! — воскликнул Крамер.

Откровенно говоря, такого признания он смело мог и не делать, так как, стоило только офицерам удалиться из кабачка, от степенного поведения фенрихов, а при них они вели себя как подобает в казино, не осталось и следа. Сразу же поднялся страшный шум. Бокалы с вином опустошались с неимоверной быстротой. Прошло всего лишь несколько минут, как первый оратор уже встал ногами на стул.

— Камераден! — закричал он.— Наконец-то мы остались одни! Так поднимем же выше наши бокалы!

— Камераден,— обеспокоенно проговорил Крамер,— только пусть все будет мирно и прилично!

Очень скоро выяснилось, что же именно понимали фенрихи под словом «приличие». Некоторые из них заорали, требуя, чтобы хозяин обеспечил их новой порцией алкогольных напитков, делая ему при этом кое-какие недвусмысленные намеки. Ротунда сразу же все понял и был готов охотнее лить вино, чем быть еще раз свидетелем того, как в его заведении проливается кровь. Однако в первую очередь он ни при каких обстоятельствах не хотел еще раз иметь дело с бургомистром и не собирался еще раз стоять перед генералом. Взглянув бегло на часы, он несколько успокоился, так как до полуночи оставалось немногим более часа. Короче говоря, сколько бы они за оставшееся время ни пили, до опасного состояния опьянения им уже все равно не дойти.

— У меня каждый веселится как может,— пообещал фенрихам Ротунда.— Не думайте, что я могу испортить вам настроение.

— Долой длинные вступления! — дико заорали фенрихи.

Хозяина кабачка как ветром сдуло. Спустя три минуты на столе появился здоровенный кувшин вина, встреченный фенрихами возбужденно-радостным ревом.

Крамер еще раз попытался было направить дружескую попойку в нужное русло, скомандовав казарменным голосом:

— Камераден, песню!

— Поем «В Гамбурге, где я бывал»! — воскликнул Меслер. И не успел Крамер возразить, как все отделение уже затянуло предложенную Меслером песенку.

Крамер, разочарованный, уселся на место, понимая, что хотя он и отвлек фенрихов от выпивки, но все же допустил при этом досадную ошибку. Предлагая спеть песню, он должен был заранее подумать над тем, что же именно нужно спеть. Пусть уж теперь орут эту песню, лишь бы только не переходили границ дозволенного и не превращались в свиней. Пение этого гимна легкомысленных девиц еще можно было в какой-то степени простить солдатам, так считал в душе Крамер, но отнюдь не кандидатам в офицеры, за поведение которых он нес полную ответственность.

Однако, дабы не нарушать единства общества, Крамер сам подпевал фенрихам. Но когда певцы стали приближаться к тому месту в песне, где речь шла о талере, полученном девушкой за ее работу в подворотне, голос Крамера в общем хоре стал почти неслышен. А когда хозяин кабачка предусмотрительно закрыл дверь в помещение, где сидели фенрихи, чтобы их пьяное пение не обременяло слух немногих посетителей «Пегого пса», сидевших в соседнем зале, командир учебного отделения воспринял собственную ошибку как досадный просчет, который привел его в ярость.

— Ты не должен был позволять петь такую песню! — набросился на него Хохбауэр.

— Какое тебе до этого дело, дерьмо ты этакое! — заорал Крамер на Хохбауэра, потеряв самообладание, а потеряв его, он уже не мог сдержаться от охватившего его гнева, который так и выплескивался через край.

— Но все-таки как-то можно было направить их,— обиженно заметил Хохбауэр.

— Если можешь, сделай это сам,— посоветовал ему вконец осоловевший Крамер.— Я давно заподозрил, что ты метишь на мое место, никак тебе не терпится стать командиром учебного отделения.

Хохбауэр смущенно замолчал. В душе он, разумеется, мечтал об этом, однако никому никогда не говорил этого. А Крамер за последнее время начал спотыкаться на каждом шагу. Хохбауэр понимал, что было бы неплохо, если бы командиром их учебного отделения был назначен новый человек, однако этого никак не могло произойти без согласия офицера-воспитателя. Вот где была собака зарыта.

Тем временем песня подошла к концу. Крамер и Хохбауэр сделали вид, что они тоже добросовестно поют, а сами тайком настороженно наблюдали друг за другом. Каждый из них ожидал, что другой попросит у него извинения, однако ни тот ни другой не собирались этого делать.

В конце концов, Хохбауэр, как более умный и хитрый, решил сдаться. Мысленно он решил, что ему ни к чему в лице Крамера приобретать себе еще одного врага, которых у него и без того хватало. В глазах Хохбауэра Крамер был ни больше ни меньше как безмозглый осел, безвольная марионетка, если быть более точным.

Однако сразу Хохбауэр не сообразил, что ему было бы выгодно перетащить командира учебного отделения на свою сторону, чему в какой-то степени помешали шум и гвалт, начавшиеся на конце стола, где поднялся горлопан Меслер и что было силы заорал:

— Я требую, чтобы наш дорогой камерад Бемке прочел нам вслух свое собственное стихотворение, и если можно, то о любви!

Бемке начал ломаться, желая, чтобы его побольше попросили. Его начали просить настойчиво, но грубо, что Бемке, однако, тоже принял за комплимент, как, собственно, и было на самом деле. В конце концов, еще немного поломавшись, Бемке заявил, что он охотно прочтет свой последний опус, в котором, к сожалению, ничего не говорится о любви. При себе же у него, по чистой случайности, только стихи, в которых говорится о войне и о природе.

— Отклоняется! — заорал Меслер, выразитель группы

дебоширов.— Твои стихи о войне не интересуют ни одну собаку. Нас интересуют только стихи о любви!

— Но в настоящий момент,— пытался защищаться Бемке,— у меня таких стихов нет!

— Тогда какой же ты поэт! — заорал Меслер ко всеобщему удовольствию.— Ведь ты же пишешь стихи! Тогда удались в укромное место и немедленно напиши! Тебе никто не станет мешать, я тебе это гарантирую. А мы все встанем, так сказать, в почетный караул, чтобы оберегать твой покой, а ответственность за это будет нести, ну, например, Хохбауэр.

— А может, мы лучше споем песню? — предложил Хохбауэр.— Ну, например, «По ту сторону долины»! Что ты думаешь по этому поводу, Крамер?

Однако Крамер по данному поводу ничего не думал.

Неожиданно с места, словно тигр, который готовится наброситься на слона, вскочил Меслер. Можно было подумать, что он только и ждал, когда на его пути возникнет препятствие, да не какое-нибудь, а в лице Хохбауэра.

— А ты можешь что-нибудь возразить против этой темы? — заорал он.

Этот далеко не безвредный вопрос был задан во всеуслышание. Фенрихи прислушались. Они не только начали подталкивать друг друга локтями, но даже прекратили свои разговоры. Одних разбирало любопытство, другие же еще немного поговорили и замолчали. Скоро все они уселись на свои места. Они надеялись быть очевидцами любопытного зрелища, наблюдать за которым они намеревались, так сказать, из своих «лож», откуда они лучше всего могли видеть и Меслера и Хохбауэра, на лицах которых появилось выражение, какое обычно бывает у гладиаторов перед самым боем.

— Так что же ты все-таки имеешь против любви? — не сдавался Меслер. Задал он этот вопрос тоном, каким во время религиозных войн противники задавали друг другу вопросы о том, почему противная сторона не исповедует настоящей веры. Меслер, во всяком случае, вел себя так, как будто он начинал ссору ради лучшей половины человечества.

Хохбауэр обернулся к Крамеру и спросил:

— Мне что, не обращать на это внимания?

— А разве он не может задать тебе вопрос? — ответил вопросом на вопрос Крамер, став тем самым как бы на нейтральную позицию, чего от него всегда требовал

Крафт. Кроме того, он этим показал, что человек, собирающийся занять его должность, никак не может рассчитывать на его благосклонность.

— Ну так что же? — настаивал Меслер.— Выходит, что ты выступаешь против любви, да? Уж не хочешь ли ты сказать, что охотнее всего ты бы послушал стишок о твоем капитане Ратсхельме, а? В конечном счете ты еще, чего доброго, начнешь верить, что любовь и капитан Ратсхельм — понятия равнозначные?

Фенрихи с настороженными лицами переводили взгляд с одного противника на другого, чувствуя, что на этот раз словесная дуэль доведена до крайности. Бо́льшая часть фенрихов, возглавляемая Редницем и Вебером, примкнула к Меслеру. Другая же группа, хотя и не столь многочисленная, но отнюдь не менее сильная, симпатизировала Хохбауэру. Третья группа, возглавляемая самим Крамером, сначала вела себя подчеркнуто нейтрально. И лишь Бемке, поэт, почувствовал себя несчастным и клял свою судьбу, так как он был уже готов призвать на помощь музу. Однако вся эта орава невежд как ни в чем не бывало снова загорланила марш.

Однако фенрих Хохбауэр почти единственный сумел с предельной ясностью разобраться в создавшейся ситуации. За последнее время он понял, что те незабвенные времена, когда он мог безбоязненно бить Меслера по морде, уже прошли. Он понимал, что часть фенрихов отделения, воспитанная Крафтом, настроена против него, однако до сих пор он не предполагал, что их число столь велико. О драке в данный момент нечего было и мечтать, так как ее итог, более чем очевидно, был бы не в его пользу.

Исходя изо всех этих причин, Хохбауэр посчитал целесообразным предпринять для начала умный и хитрый с тактической точки зрения отход. Он заставил себя улыбнуться, что, по-видимому, удалось ему, а затем сказал:

— Почему я должен с тобой спорить, Меслер? Я не совсем понимаю, чего ты хочешь. Твои намеки меня нисколько не трогают, я совершенно спокоен.

Меслеру понадобилось несколько секунд, чтобы перенести столь неожиданный удар. Какое-то мгновение он выглядел так, как может выглядеть человек, который взял разгон для того, чтобы преодолеть препятствие, которого на самом деле вовсе не существовало. Он невольно завертел своей крупной головой, как конь, опустивший мор-

ду в ясли, в которые был насыпан не овес, а черт знает что.

— Я случайно не ослышался? — спросил Меслер, готовый каждую секунду снова ринуться в бой. — Ты отказываешься от симпатии, которую так питал к своему капитану?

— Какая чепуха! — воскликнул Хохбауэр и даже рассмеялся, стараясь продемонстрировать полное самообладание. Блестяще парировав удар противника, он перешел в наступление, используя при этом малейшую его оплошность. Не без смелости он начал объяснять: — Я полностью нормален, если ты хочешь знать. Нормален в такой же степени, как и все здесь собравшиеся, нормален в такой же степени, как и ты сам, Меслер.

— Что ты говоришь? — воскликнул ошеломленный Меслер и оглянулся, ища себе поддержку.

Между тем группа фенрихов, придерживавшихся нейтралитета, все увеличивалась.

— А ну-ка повтори это еще раз! — возбужденно выкрикнул Меслер.

— Я даже могу изложить тебе свою точку зрения письменно,— пояснил Хохбауэр. — Я не являюсь поклонником и обожателем легкомысленных девиц, которых при любых обстоятельствах и почти на каждом шагу можно иметь дюжинами. Для меня они слишком примитивны. Я предпочитаю дам, и притом дам из высоких кругов.

— Да что ты говоришь! — еще раз воскликнул Меслер, которому в данный момент пришло на ум только это выражение.

С каждой секундой Хохбауэр все больше и больше упивался чувством собственного превосходства. Симпатизирующие Хохбауэру фенрихи с изумлением смотрели на своего кумира. А некоторые из нейтралов, возглавляемые Крамером, не заставили себя ждать и согласно закивали головами. Это придало Хохбауэру еще больше сил. С едва скрываемой иронией он посмотрел вокруг и после небольшой паузы продолжал:

— Я могу рассказать вам о таких вещах, что у вас от удивления глаза на лоб полезут. И отнюдь не о маленьких грязных похождениях, которые, как правило, совершаются в спешке. А нечто совсем другое! О таких вещах, о которых не могут мечтать даже такие люди, что так любят хвастаться своими похождениями.

С этими словами Хохбауэр извлек из кармана кителя тонкий батистовый платочек голубенького цвета, извлек к всеобщему огромному удивлению. Небрежно помахав им перед собственным лицом, он на какое-то мгновение понюхал платочек, изобразив на физиономии удовольствие.

От изумления, которое их охватило, фенрихи широко раскрыли и рты и глаза. А Редниц во время этого маленького представления буквально не отводил глаз от платочка. Спустя, однако, минуту Хохбауэр довольно элегантным движением спрятал ажурный платочек в карман своего кителя.

— На эту тряпочку я охотно посмотрел бы еще разок,—шепнул Редниц, обращаясь к своему другу Меслеру.

Но Меслер не слушал его, поскольку был занят тем, чтобы придумать еще что-либо, с чем снова можно было бы предпринять атаку на Хохбауэра. И ему казалось, что он уже нашел такую зацепку.

— Так вот оно что! — возбужденно выкрикнул он. — Выходит, если верить твоим словам, ты принадлежишь к числу таких кавалеров, которые наслаждаются радостями жизни, но помалкивают об этом. Только об этом ты можешь рассказывать своей бабушке или своему капитану Ратсхельму, а не нам. Подобные сказки может придумать каждый.

— Так дальше продолжаться не может! — с поэтическим восторгом взорвался Бемке. — Имя дамы всегда должно оставаться в тайне! На него наложено табу!

— Чепуха! — вмешался в спор Эгон Вебер. — О каких дамах может здесь идти разговор?! Суть дела от этого нисколько не меняется.

— Уж не хочешь ли ты собирать их адреса! — выкрикнул Амфортас, готовый вступить в спор.

— Какие там еще адреса! — недовольно пробормотал Эгон Вебер. — Для меня лично достаточно и того, что она носит юбку. Что же касается наших маленьких легкомысленных девушек, то я не позволю здесь их и себя оскорблять! Тем более я не намерен выслушивать оскорбления от того, кто считает себя галантным кавалером, а всех нас скоморохами! Ну, кто осмелится сказать, что я скоморох? Если такой найдется здесь, я его тут же изобью, а потом сам же потащу к нашему генералу, которого, как все вы хорошо знаете, как и меня, зовут Эгоном. Запомните это!

— Камераден! — успокаивающим тоном гаркнул Крамер. — Камераден, так же нельзя!

Да фенрихи и сами уже поняли, что дальше так вести себя невозможно. Всех их несколько смутили громогласные тирады Эгона Вебера. Возникла необходимость внести известную ясность. Столь интересующая всех фенрихов тема не должна была увязнуть в песке.

— Могу я по этому поводу кое-что сказать?— спросил деликатно Редниц.

— Нет! — моментально закричал Хохбауэр.— Ты не можешь!

— Пусть говорит, — произнес нейтральный Крамер.— Вдруг ему в голову пришла хорошая идея?

— Я считаю,— начал объяснять Редниц коллегам, внимание которых сейчас было направлено на него, — это дело довольно простым. Наш друг Меслер обвинил камерада Хохбауэра в том, что тот якобы способен к проявлению ненормальных чувств. Вот и я сейчас, со своей стороны, полагаю, что это слишком тяжкое обвинение, которое мы не можем позволить нашему Меслеру ни при каких условиях.

— Ну наконец-то! — выпалил Амфортас.— Это первое разумное слово по данному делу. — Он хотел еще что-то добавить, но Хохбауэр жестом заставил его замолчать.

— Ну продолжай же! — подстрекающе воскликнул Крамер.

— Как я уже сказал, — продолжал Редниц прерванную мысль, — мы никак не можем терпеть подобных обвинений. А сейчас подошло время доказать обратное!

— Как ты себе это представляешь? — спросил его Крамер.

— Нет ничего более легкого, — охотно откликнулся Редниц. — Хохбауэр должен предоставить нам убедительные доказательства своей правоты, надеюсь, что сделать ему это будет совсем нетрудно. Пусть он убедит нас в том, что он имеет успех у дам, и только!

— Как вы можете такое говорить! — возмутился Хохбауэр. — Я не стану мараться с потаскушкой. Для этого я слишком жалею себя.

— Если все твое беспокойство заключается только в этом, — произнес опытный в подобных делах Эгон Вебер,— то тебе легко помочь. В этом красивом маленьком городке живет одна крошка, непорочная и очаровательная! Стоит только на нее взглянуть, как сразу же начи-

пают течь слюнки. Хорошенькая, как киноактриса, и чистая, как монашка из собора. По многочисленным высказываниям, она настоящая девственница. По сравнению с этой крошкой дама, про которую ты тут говорил, не что иное, как старая кобыла. Крошку эту зовут Мария Кельтер.

По мнению Крамера, это предложение уводило их слишком далеко. Редниц был согласен с ним.

Однако Меслер недовольно ворчал:

— Такого Хохбауэр никогда не сможет сделать! Я знаю крошку, она недотрога!

— Это не тот масштаб,— возразил Хохбауэр.

— Дело не в масштабе! — упрямился Меслер. — Скажи лучше, что тебе просто не хватает смелости. Сама она тебе ни за что не отдастся. Ну а если тебе удастся завоевать ее, тогда ты смело можешь назвать меня трепачом и можешь дать мне пинок в зад перед строем всего учебного отделения, даю тебе честное слово кандидата в офицеры!

— Я принимаю твой вызов! — согласился Хохбауэр. Лицо его побледнело, но в голосе чувствовалась решительность. Судя по всему, он черпал ее во взглядах фенрихов, которые подбадривали его.

— Браво! — заорали фенрихи хором.

— Пари заключено! — прокричал Меслер. — Хватит тебе десяти дней на исполнение?

— Мне будет достаточно и пяти, — пояснил Хохбауэр, решивший в душе во что бы то ни стало восстановить свой авторитет среди фенрихов учебного отделения.

27

ДЕНЬ, В КОТОРЫЙ НАЧАЛАСЬ КАТАСТРОФА

Первыми, кто раньше всех вставал в казарме по утрам, были те, кто был накануне выделен в наряд по кухне. Дневальные будили их в четыре часа утра. Они неохотно вылезали из своих кроватей, лениво потягивались и, зевая, тащились к зданию кухни. Сначала разжигали огонь под котлами, а уж затем варили бурду, которую официально называли кофе.

В пять часов утра вставали некоторые офицеры, шоферы и солдаты, назначенные для выполнения особых поручений.

В начале шестого пробуждались офицеры, осуществлявшие всевозможного рода контроль, и часто в одно время с ними просыпался и сам генерал. Почти в это же время поднимались дежурные фенрихи.

В половине шестого поднимали административно-хозяйственную роту, вернее говоря, рядовой состав этой роты, так как унтер-офицеры обычно нежились в кровати еще целый час, если, разумеется, они не были назначены в наряд на утренние часы.

Капитана Катера, командира этой роты, как правило, в расположении увидеть в это время было нельзя, так как он обычно очень поздно возвращался после ночных сидений в казино или же после затянувшейся допоздна пирушки в городе.

С шести часов утра по-настоящему начинали пробуждаться ото сна восемьсот фенрихов. Их будили шестнадцать дежурных. Фенрихи ворчали, ругались и, лениво позевывая, покидали свои койки под какофонию командирских свистков и резких криков унтеров. И все это делалось под одним девизом — чем больше и громче шум в казарме, тем легче просыпаться фенрихам.

А ровно четвертью часа позднее фенрихи толпой выскакивали во двор школы. Они разбегались по своим подразделениям. На шести плацах одновременно начиналась утренняя гимнастика, длившаяся ровно пятнадцать минут независимо от того, было ли офицеру-воспитателю холодно или не было, и независимо от того, в каком настроении он в то утро пребывал. Практически настроение офицера-воспитателя чаще всего зависело от того, находится ли в то время поблизости вышестоящий начальник, а часто — сам генерал.

После того как утренняя гимнастика заканчивалась, казарма автоматически снова превращалась в хорошо организованный человеческий муравейник: разносчики кофе бросались на кухню, уборщики по коридору вооружались ведрами, тряпками и метлами, часть фенрихов наводняла умывальники, другая часть устремлялась в туалеты, одни наводили последний глянец на свои сапоги, другие еще как бы досыпали на ходу, а третьи (их было отнюдь не мало) уже начинали завтракать.

Около семи часов просыпалась оставшаяся часть офи-

церов, а также унтер-офицеров административно-хозяйственной роты и даже женский военнообязанный персонал, находившийся на казарменном положении. Офицеры направлялись в офицерское казино, чтобы позавтракать там, а одновременно и поболтать. Как ни странно, но и они смотрели на начинающийся день, вернее говоря, на выполнение своих обязанностей, так же, как и фенрихи.

К учебным занятиям приступали согласно плану ровно в восемь.

Для обер-лейтенанта Крафта этот день начался довольно весело. Вместе с капитаном Федерсом он направлялся к зданию, в котором размещалась административно-хозяйственная рота. Оба они надеялись увидеть капитана Катера убивающим время в муштровке своих подчиненных.

— Вы не должны пропустить такое удовольствие, — заметил Федерс. — С того момента как генерал посадил мне на шею нашего дорогого Катера, здесь стало твориться нечто невообразимое: все перевернулось к чертовой матери! Сам Катер, видимо, считает себя мышью, а ведь я ему оказываю всяческую помощь.

Федерс и Крафт, преподаватель тактики и офицер-воспитатель, были вынуждены вдвоем присутствовать на первых уроках этого дня, так как начальник потока капитан Ратсхельм лично проводил занятия со всем потоком по международной обстановке, делая основное ударение на смысл смерти, как таковой. Слушая его, можно было подумать, что все войны, которые когда-либо велись до этого, возникали по иным побуждениям и лишь фюрер вел справедливую войну во имя величия Германии. Набивать головы своих слушателей подобными мыслями при его богатом опыте было не так-то уж и трудно.

Что же касалось капитана Катера, то ему в тот день вообще некогда было подумать о чем-то главном, так как капитан Федерс, приставленный к нему, завалил его огромным количеством мелкой, будничной работы.

Это «наказание», которое ежедневно продолжалось не менее часа, могло проводиться в любое время суток, иначе говоря тогда, когда заблагорассудится капитану Федерсу. В этот день оно, как известно, было назначено ровно на восемь. Именно по этой причине капитан Катер и находился столь рано на своем месте.

— Садитесь, Катер, — обратился к нему Федерс вместо приветствия.— Чтобы мне не было скучно на этих занятиях, я захватил с собой обер-лейтенанта Крафта. Я надеюсь, Катер, что вы ничего не имеете против?

— Только слишком долго не затягивайте, Федерс,— со злостью огрызнулся Катер, усаживаясь за свой письменный стол.— В настоящее время я вам подчинен, но имейте в виду, что долго так продолжаться не может.

— Разумеется, нет, мой дорогой Катер, — мирно согласился Федерс, — но ваш тон! Угрожающий тон, как и сами угрозы, всегда меня веселил, а вы, дорогой, вряд ли собирались меня веселить? — Проговорив эти слова, Федерс удобно уселся, предлагая жестом сесть и Крафту.

В ответ на это капитан Катер пробормотал что-то непонятное, но, судя по его виду, явно недружелюбное. По приказу генерала на шею ему был посажен этот Федерс, который с ним, опытным капитаном, пытался играть роль учителя. Этот человек даже требовал от него быть положенное время на службе, то есть с восьми до двенадцати до обеда и с двух до шести после обеда. А столь долго на службе Катер никогда не находился за все время, как стал офицером.

— Могу я взглянуть на папку с документами, подготовленными для подписи? — дружелюбно спросил Федерс.

Капитан Катер недовольно кивнул и подвинул своему временному инспектору папку, которая перед ним лежала. Капитан Федерс взял папку, наугад раскрыл ее и начал листать. Бросив беглый взгляд на первый листок, капитан достал из кармана остро зачиненный красный карандаш, усмехнулся и, покачав головой, с нажимом перечеркнул страницу, проведя жирную черту из правого верхнего угла в нижний левый.

— Мой дорогой капитан Катер, — начал Федерс, — к своему огромному удивлению, я вижу, что вы верите, вернее, придерживаетесь мнения, что... Да и кто может охотно утверждать?.. Дело это ошибочное и вряд ли может быть передано для исполнения унтер-офицеру. Вы знаете, что я имею в виду?

— Да говорите же наконец! — проворчал Катер, и в его глазах мелькнуло что-то недоброе, что, однако, не ускользнуло от внимания Федерса.

— Ошибка заключается в самом названии документа, мой дорогой Катер, — охотно начал объяснять Фе-

дерс. — У вас эта бумага названа донесением, а в донесении, как известно, содержатся обычно факты. Они излагаются предельно коротко и в то же время исчерпывающе, по возможности, разумеется. Вы же начинаете бумагу с изложения собственного сомнения и пишете: «Я начал верить...», чего солдат вообще никогда не делает, так как вера, как известно, такое понятие, которое имеет отношение к церкви и ее делам, а раз вы начинаете о чем-то только предполагать, то это, разумеется, никакое не донесение, а, по крайней мере, изложение вашей точки зрения. Разве я не прав, Крафт? Вы, как педагог по служебной переписке, знаете это лучше других.

— Вы совершенно правы, господин капитан, — ответил Федерсу Крафт.

— Это меня радует, — заметил Федерс и, повернувшись к Катеру, любезно сказал: — Могу я вас просить, мой дорогой, учесть это мое замечание в своей будущей работе?

— Продолжайте! — беспомощно буркнул Катер.

— Охотно! — произнес капитан Федерс и тут же воспользовался данным ему советом.

Из двенадцати лежавших перед ним в папке бумаг капитан Федерс забраковал девять, поскольку три оставшиеся были не чем иным, как заполненными анкетами. Капитан Федерс по каждый бумаге поучал Катера, отчего тот, казалось, с каждым поучением становился все меньше и меньше.

— А какого вы мнения о коньяке?— поинтересовался Федерс, закончив разнос Катера по служебной переписке. — Он у вас еще имеется?

— Что вам, собственно, от меня надо?! — возмущенно заорал Катер. — Вы же прекрасно помните, что конфисковали у меня все напитки, какие только были!

— Мой дорогой капитан Катер, — продолжал издеваться Федерс,— не употребляйте, ради бога, выражений, которые могут ввести кое-кого в заблуждение. Я у вас ничего не конфисковывал. Я, к сожалению, только отметил кое-что и предпринял меры, которые вы, как вижу, просмотрели. К тому же тогда речь шла вовсе не о вещах, которыми вы владели, вы ими лишь распоряжались, не так ли? Так как же обстоит дело с коньяком, есть он у вас или нет?

— Ну хорошо, — произнес Катер, решив, что с помощью коньячной подачки ему удастся по крайней мере на

один день отделаться от подобного унизительного оскорбления.— Я не такой человек, как вы думали! — Проговорив эти слова, он демонстративно открыл ящик своего письменного стола и вынул из него целую бутылку коньяка и три рюмки.

Федерс сопроводил эти приготовления довольной улыбкой, а немного помолчав, сказал:

— Ваши рюмки, Катер, вы можете преспокойно убрать обратно в стол, так как я отнюдь не говорил, что хотел бы выпить коньяку, я только поинтересовался, есть ли у вас коньяк. Дело в том, что я догадывался относительно того, что вы держите при себе запрещенные вещи. И должен вам признаться, что мне это совсем не нравится... Еще несколько дней назад я попросил вас представить мне полный список имущества, однако я никогда не говорил о том, что одобряю хранение подобных вещей в служебном помещении.

При этих словах Катер моментально сник, пожирая Федерса полными ненависти глазами.

— Когда-нибудь вы пожалеете об этом! — выпалил Катер, обращая эту угрозу не только к Федерсу, но и к самому генералу.

— Если бы наш Катер мог делать то, что ему хочется, то он охотнее всего бросился бы на меня с кулаками, да и на нашего генерала тоже, — моментально заметил Федерс.— Вся беда в том, что он не может этого сделать и потому надеется на чудо, а чудеса, как правило, на свете случаются очень и очень редко. До сих пор, мой дорогой Катер, вы поступали справедливо. Сделайте одолжение и внесите и эту бутылку в вашу опись. И хорошенько подумайте о том, есть ли у вас еще бутылки. Если вы хотите, то я могу помочь вам в этом.

— Вы собираетесь учинить у меня обыск?

— Неплохой совет вы нам даете, Катер. Однако в данный момент меня интересует нечто другое. Сейчас в боевой готовности к выезду находятся пять водителей персональных машин, не так ли? Двое из них в резерве: один постоянно находится в распоряжении господина генерала, а другой в распоряжении начальников потоков, по мере надобности, а одной машиной распоряжается лично командир административно-хозяйственной роты. Так?

— Так точно, — подтвердил Катер.— Командир административно-хозяйственной роты постоянно нуждается в легковой машине для выполнения особых поручений, под-

держания деловых контактов с нужными людьми и тому подобное.

— Никаких возражений по данному поводу не имею,— сказал Федерс. — Разве что поправлю вас немного, а именно: практически не вы сейчас являетесь командиром этой роты, а я, и, следовательно, машиной этой распоряжаетесь не вы, а я. И притом я воспользуюсь этим правом немедленно. Распорядитесь по данному поводу, мой дорогой Катер, и это будет все на сегодня.

В этот день согласно расписанию у фенрихов шестого потока с девяти часов до двенадцати проводилось занятие на местности. Тема: наступление отделения. Место: Хорхерштанд. Ответственные за проведение: начальник потока и офицеры-воспитатели учебных отделений.

С небольшими интервалами три учебных отделения — «Г», «Х» и «И», входившие в шестой поток, покинули казарму. Расстояние до места занятия было не особенно большим, следовательно, и времени на марш отводилось немного, что в свою очередь позволяло быстрее и лучше осуществлять контроль за передвижением.

Офицер-воспитатель учебного отделения «И» лейтенант Дитрих довольно просто изживал все осложнения, которые могли возникнуть на марше, как-то: разговоры в строю, невнимательность, задавание лишних вопросов,— он приказывал фенрихам надеть противогазы и совершать марш в противогазах. Обер-лейтенант Крафт в большинстве случаев шел позади своего учебного отделения «Х», с тем чтобы лучше наблюдать за строем. Он, как правило, никому никаких замечаний не делал, он просто все запоминал, и только.

Обер-лейтенант Веберман, офицер-воспитатель учебного отделения «Г», напротив, всегда старался на марше поучать фенрихов: на каждом шагу он замечал какие-то недостатки и тут же делал замечания такого толка, как, например: такой-то фенрих шел, «спустив нос в дерьмо», другой «нес карабин, как зонтик»; третий «шел по земле как на ходулях»; четвертый «как маятник, размахивал руками»; многие не шагали, а «тащили свои ноги»; и у всех до одного отсутствовал свободный взгляд вперед. То и дело офицер-воспитатель громко восклицал: «Настоящее стадо свиней!»

Капитан Ратсхельм охотнее всего останавливался на вершине холма, откуда он имел возможность наблюдать картину, которую ему «рисовали» на местности сами фенрихи и которую он находил великолепной, в чем был не всегда прав, так как стоило только фенрихам заметить его, а он, как правило, старался стоять на видном месте, как они сразу же подтягивались, принимая более или менее приличный вид, начинали поднимать повыше ноги и даже запевали строевую песню. И все это не почему-нибудь, а только потому, что капитан Ратсхельм являлся начальником их потока. А он смотрел на них и каждый раз восхищался их подвижностью, юношеским мужеством, их блестящими взглядами и походкой.

Достигнув места назначения, то есть преодолев расстояние в два километра, которые отделяли казарму от Хорхенштанда, на что обычно затрачивалось минут двадцать, учебные отделения рассредоточивались.

Учебное отделение, офицер-воспитатель которого стремился занять своих фенрихов шагистикой, а таковым обычно оказывался Веберман, предпочитало заниматься ею на так называемой лужайке идиотов.

Лейтенант Дитрих, стремившийся закалить здоровье своих подчиненных несложными физическими упражнениями, всегда держался со своими людьми поближе к каменоломне. А обер-лейтенант Крафт, желавший, чтобы его как можно меньше беспокоили, уводил свое учебное отделение поближе к Кастенвальду.

Как только отделение Крафта доходило до леса, обер-лейтенант незамедлительно распускал его, приказав расположиться цепью, предварительно выставив охранение как с флангов, так и впереди. Причем делалось это под предлогом борьбы с «кукушками», то есть солдатами «противника», засевшими на деревьях. Развернувшись в цепь, закутавшись вместе со всем своим снаряжением, вплоть до шанцевого инструмента, в пестрые плащ-палатки, они передвигались по местности, высматривая несуществующего противника. Короче говоря, все делалось как в боевой обстановке — с указанием как можно скорее обнаружить «противника».

Лишь один Бемке, поэт, не имел особого желания принимать участия в этой игре, он не собирался отыскивать «противника», а поскорее камнем падал на землю.

Крафт в таких случаях смотрел на него с удивлением и спрашивал:

— Бемке, уж не хотите ли вы выдать себя за передового наблюдателя противника, или, быть может, вы грибы собираете?

Ответ, которым Бемке удостаивал командира, свидетельствовал о том, что поэт был себе на уме. На этот счет у него была масса остроумных анекдотов. К радости Крафта, он объяснял ему:

— Я ищу мину, господин обер-лейтенант.

— Тогда смотрите в оба, — посоветовал ему офицер-воспитатель, — будет очень жаль, если вы наступите на нее.

Шутка эта была грубой, но по-настоящему солдатской. С ее помощью был установлен приемлемый контакт между офицером-воспитателем и учебным отделением, который за последние дни стал достаточно тесным, так как фенрихи узнали, что Крафт обладает двумя важными способностями, которые поднимают его как командира в глазах подчиненных: во-первых, он стремится понять их, а во-вторых, он не позволяет им надувать его. Многие фенрихи за все это были готовы даже полюбить его, а число фенрихов, недолюбливавших обер-лейтенанта, с каждым днем уменьшалось.

— Окопаться! — приказал обер-лейтенант Крафт.

Отдав эту команду, Крафт по меньшей мере минут на десять занял своих воспитанников, а сам получил возможность в это время подумать над тем, что бы ему еще сделать такое, чтобы завоевать симпатии фенрихов. А он-то уж хорошо знал, на какую именно педаль ему следует надавить. Ему оставалось только избрать для этого более подходящий способ.

Задумавшись, Крафт наблюдал за окапывающимися фенрихами. Там, где виднелись самые большие вымоины, обер-лейтенант, как и ожидал, увидел Хохбауэра и сразу же туда направился.

— Хохбауэр,— сказал Крафт,— соберите все учебное отделение и займитесь с ним отысканием целей.

— Слушаюсь, господин обер-лейтенант! — моментально откликнулся Хохбауэр и тут же громко подал команду: — Отделение, ко мне! Занимаемся отысканием целей!

Хохбауэр охотно повторял бы этот приказ до тех пор, пока он не потерял бы весь смысл, если бы вдруг не послышалась другая команда:

— Приготовиться к построению! Направление движения — на выемку!

Хохбауэр прекрасно понимал, что подача такой команды, как «Занимаемся отысканием целей!», является не чем иным, как свинством, однако он не подал виду. Несколько дней назад по этой теме уже проводилось занятие, и фенрихи обломали на ней зубы, так как по данному поводу в уставах ничего не говорилось. Обо всем можно было в них прочесть: об организации наступления, о приказах на открытие огня, о боевых порядках, все эти вопросы более или менее понятно излагались, а вот об отыскании целей в уставах даже не упоминалось. Решающим фактором при выполнении этой задачи была сама местность.

Между тем Хохбауэр собрал вокруг себя фенрихов всего отделения. А собрав, он сразу же переложил всю ответственность за выполнение приказания на Редница. Крафт, собственно, рассчитывал на это, так как у Редница была светлая голова и тот, по мнению Хохбауэра, был в силах спасти положение; если же, в крайнем случае, он осрамится, это тоже будет на руку Хохбауэру.

Фенрихи навострили уши.

Редниц же прекрасно знал, что поиски целей относятся к теме, в которой сам Хохбауэр не очень-то разбирается. Исходя из этого, он, не долго думая, скомандовал:

— Дистанция...

— Неверно! Отставить! — скомандовал небрежно Крафт.

— Отставить! — повторил фенрих Хохбауэр.

Редниц мгновенно сообразил (разумеется, благодаря указанию Крафта), в чем именно заключается ахиллесова пята Хохбауэра. Однако он простодушно спросил:

— А в чем же тут ошибка, Хохбауэр?

— Объясните ему это, — потребовал обер-лейтенант Крафт.

Однако тот и сам не знал, в чем же, собственно, заключается его ошибка. Он беспокойно оглядывался, ища помощи со стороны. Хохбауэр побледнел и почти до боли закусил губу, однако поблизости от него не оказалось никого, кто бы хотел и мог ему помочь. Эгон Вебер как бы оттеснил их от него, а остальные фенрихи с напряженным вниманием смотрели в направлении, о котором только что говорилось в отданной команде.

— Хохбауэр, — начал обер-лейтенант Крафт мягким тоном, — мне известно, что у вас неудовлетворительные знания по военной истории, но с этим еще кое-как можно

мириться. Жаль, конечно, что вы не можете подкрепить устремления нашего фюрера необходимыми знаниями. Однако меня удивляет то, что вы не имеете ни малейшего представления о самых простейших военных понятиях. А чтобы вы могли спокойно поразмыслить над этим, командовать вместо вас учебным отделением мы попросим фенриха Вебера.

Услышав свою фамилию, Вебер браво выскочил вперед, а Хохбауэр, покраснев от стыда, встал на свое место. Он весь дрожал от негодования и злился на себя за то, что Крафт отыскал его, как он думал, единственное слабое место, в чем он признавался сам себе. Это было самое настоящее поражение, и тем более постыдное, что он не нашел что ответить.

Итак, Эгону Веберу было поручено командовать учебным отделением. Сначала он испытующим взглядом обвел всех фенрихов. И хотя он был одним из немногих, кто хорошо знал этот материал, он все же решил обезопасить себя от возможных осложнений. И тут он заметил, что Редниц снова просит слова.

— Теперь я понял, в чем заключалась ошибка, — сказал Редниц совершенно спокойно. — Я забыл указать направление. Моя команда должна была звучать так: «Прямо три сосны. Левее два пальца — заросли кустарника. В них — станковый пулемет».

— Верно,— согласился с ним фенрих Вебер и слегка кивнул головой в сторону Хохбауэра. До Редница только теперь дошел закулисный, так сказать, смысл всего этого инцидента. Выходит, он был всего лишь подсадной уткой и сам попался в ловушку.

— Теперь все верно, — довольным тоном констатировал обер-лейтенант. — Так и нужно было докладывать.

Между одиннадцатью и двенадцатью часами генерал совещался с начальниками обоих курсов военной школы, отведя для каждого из них ровно по полчаса. Однако начальник 1-го курса провел у генерала всего лишь двадцать минут, поскольку заранее угадывал все желания своего начальника, а начальнику 2-го курса майору Фрею удалось удлинить аудиенцию на целых пять минут.

Сам генерал, разумеется, не обмолвился об этом и словом, он лишь один раз бегло взглянул на часы, отчего брови его полезли вверх. Уже одно это следовало рассматривать как уничтожающий укор. Майор сразу же заметил это, и ему стало как-то не по себе.

Господин генерал вообще не любил много и долго говорить, однако на этот раз он молчал целых семь минут. Казалось, все внимание генерала было приковано к одной-единственной цифре: 63 процента. Он, видимо, сравнивал эту цифру с другими, а все они фигурировали между 81 и 87 процентами, а это означало, что все учебные отделения добились нужного процента и только учебное отделение «X» не достигло необходимого уровня.

— Как вы объясните эту разящую разницу, господин майор? — спросил генерал.

Майор Фрей попытался было сказать, что этому вообще нет никакого объяснения, по крайней мере смягчающего. Он, разумеется, получил все эти цифровые выкладки, а затем передал дальше, как обязывает его долг. Он, правда, был несколько удивлен этими цифрами, однако у него и мысли не было оспаривать их.

— Поскольку это, так сказать, промежуточные, а далеко не окончательные данные, то я полагаю, что они могут еще измениться,— этими словами майор Фрей закончил свое выступление.

— И это все, что вы полагаете, господин майор?

Постепенно майору начало казаться, что в кабинете генерала чересчур душно.

— Довольно оригинальное толкование утвержденных методов оценки работы, как мне кажется.

— А что вы еще думаете, господин майор?

— Я думаю, что к концу учебного года эти цифры изменятся.

Генерал сузил глаза и сказал:

— Вы думаете, вы полагаете, а что вы знаете?

— Господин генерал, — начал майор с мужеством человека, которому нечего терять, — капитан Федерс успехи фенрихов каждого потока постоянно оценивает оригинальным, свойственным только ему способом. А сейчас, когда вместе с ним работает и обер-лейтенант Крафт, выставленные им показатели стали еще хуже. Более того, я даже могу сказать, что оба этих офицера вместе саботируют нашу работу; они сбивают нас с толку, о чем, собственно, и свидетельствуют приведенные здесь цифры.

— Капитан Федерс,— холодно начал генерал,— является признанным педагогом по тактике в нашей школе. Не кто иной, как он, разработал методическое пособие для преподавания тактики в военных школах. Да и обер-

лейтенант Крафт кажется мне чрезвычайно эрудированным офицером.

— Безусловно, — сразу же, как только генерал замолчал, заговорил майор,— оба они хорошо знают свое дело, этого я не собираюсь оспаривать.

— А если два таких офицера в один голос и со всей ответственностью утверждают, что в вашем курсе лишь шестьдесят три процента всех фенрихов достойны быть офицерами, а не восемьдесят четыре, как у других, какой вы, господин майор, делаете из этого вывод?— спросил Фрея генерал.

Майор Фрей опасался делать скоропалительные выводы, тем более что он не догадывался о том, куда клонит генерал. Поэтому он неопределенно сказал:

— Недоразумения везде и всегда возможны.

Генерал на миг закрыл глаза, чтобы не показать своего пренебрежения.

— Подумайте, пожалуйста, господин майор, о том, что будет, если оба эти офицера со своими выводами окажутся правы, а остальные нет? Быть может, вы считаете, что вся наша система несовершенна и лжива и, следовательно, требует улучшения? Быть может, мы из каждого потока выпускаем двадцать процентов офицеров, которые по своей подготовке не заслуживают этого? Знаете ли вы, господин майор, что бы это могло означать? Вы хоть раз задумывались над этим, господин майор Фрей?

— Так точно, господин генерал, думал, — ответил майор, и при этом с такой твердостью, что стан его выпрямился, отчего рыцарский крест у него на груди заметно закачался. Естественно, что он еще никогда в жизни не высказывал подобных мыслей. Интересно, что думает этот генерал? Выпускать лишь сорок процентов офицеров от общего числа фенрихов, и это в середине войны, незадолго до окончательной победы? Да это равносильно катастрофе! Настоящему немцу подобная мысль и в голову не придет! Это равносильно недооценке самого смысла существования офицерских школ.

— Ведь мы же фабрика офицеров, Фрей! — воскликнул генерал.

Майор и без того был недалек от мысли утверждать то же самое, да в известном смысле так оно было и на самом деле. Они здесь штамповали офицеров, как в гончарной мастерской изготовляют горшки или другую посуду, как на военном заводе изготовляют каски или грана-

ты. С той только разницей, что их деятельность здесь, в стенах школы, намного сложнее, ответственнее и важнее. На заводах и в мастерских работают машины, рабочие и инженеры,— здесь же трудятся, и трудятся творчески, офицеры-преподаватели, конечным продуктом деятельности которых являются свежевыпеченные офицерики в звании лейтенантов.

Однако говорить об этом генералу было бессмысленно и далеко не безопасно, не тот у него был характер. Но майор Фрей был не робкого десятка: он не привык к позорному бегству и по-своему продолжал борьбу.

— Цифры, приведенные капитаном Федерсом и обер-лейтенантом Крафтом, свидетельствуют лишь о поверхностном подходе к подведению итогов и являются, так сказать, их личным заблуждением,— пояснил майор.

— Это еще одно из ваших предположений? — спросил Модерзон.— Или же на этот раз вы располагаете конкретными доказательствами?

— Я позволю себе сослаться на точку зрения капитана Ратсхельма,— сказал майор, не собираясь, естественно, излагать перед генералом все свои взгляды. — Взгляды и оценка капитана кардинально отличаются от взглядов и оценки вышеуказанных лиц. Особенно наглядно это можно проследить, если остановиться на результатах учебы фенриха Хохбауэра. Этот фенрих оставляет о себе самое лучшее мнение. Родом он из авторитетной семьи военного. Его отец даже был командиром СС...

— Господин майор, меня в данный момент нисколько не интересует, кто из какой семьи происходит. Для меня решающим является то, что человек делает, чего он достиг.

— Я тоже, господин генерал, придерживаюсь точно такого же мнения. Я позволю себе критиковать слова капитана Ратсхельма. Для нас с вами представляет интерес не столько сам Хохбауэр, сколько чрезвычайно противоречивые мнения о нем. Обер-лейтенант Крафт, например, считает, что Хохбауэр не имеет качеств, необходимых офицеру, и, следовательно, не может и не должен стать таковым. Капитан Федерс, со своей стороны, утверждает, что в вопросах тактики Хохбауэр разбирается великолепно, а в остальном он придерживается оценки обер-лейтенанта Крафта. Капитан же Ратсхельм утверждает, что Хохбауэр во всех отношениях заслуживает офицерского звания, и притом с похвальным отзывом.

— Это довольно любопытно, — проговорил генерал. — Прошу оставить мне все цифровые выкладки, самое позднее, до сегодняшнего вечера.

С двенадцати до четырнадцати часов по расписанию занятий в школе значился «перерыв на обед». Однако эти два часа не имели ничего общего с понятием «перерыв», так как в этих стенах даже принятие пищи являлось служебной обязанностью и было строго регламентировано.

Однако прежде чем попасть на обед, фенрихи должны были устранить, так сказать, самые грубые следы своей дообеденной деятельности. Если до обеда состоялись классные занятия, то нужно было немедленно восполнить возможные пробелы, с тем чтобы затем спрятать эти записи. Если же фенрихи перед обедом возвращались с занятий на местности, то им надлежало почистить свои «тряпки», как они выражались. Переодеваться перед обедом они должны были в любом случае, так как фенрихи принимали пищу только в выходном обмундировании, если, разумеется, речь шла о так называемом офицерском обеде. А таких обедов насчитывалось пять в неделю, начиная с понедельника и кончая пятницей.

Распорядок дня фенрихов был чрезвычайно плотным, так как в нем была расписана буквально каждая минута. Например: двенадцать часов пять минут — возвращение с занятий. От двенадцати часов пяти минут до двенадцати пятнадцати — последний предобеденный осмотр оружия, боевой техники, конспектов и повседневного обмундирования. От двенадцати часов пятнадцати минут до двенадцати двадцати — переодевание для обеда, включая причесывание и чистку ногтей. С двенадцати двадцати до двенадцати тридцати — построение на обед, осмотр обмундирования и столовых приборов командирами учебных отделений, следование в столовую, усаживание за столы, накрытые бумажными салфетками. Ожидание прихода офицера-воспитателя.

Офицеры-воспитатели в столовой появлялись, как правило, в двенадцать двадцать пять, самое позднее, в двенадцать сорок. Они тотчас же становились на свои места во главе стола и принимали рапорты командиров учебных отделений, а выслушав их, говорили:

— К застольному тосту, становись!

Команда «К застольному тосту, становись!» была традиционной. Появилась она в армии еще во времена кайзеров и состояла преимущественно из застольных тостов в честь его императорского величества. Во времена Веймарской республики прежние тосты были заменены тостами в честь «великих германских солдат», недостатка в которых, разумеется, не было. Позже непосредственно перед обедом вслух зачитывались цитаты из высказываний фюрера. В учебном же отделении обер-лейтенанта Крафта в этом отношении царила некоторая свобода: он заставлял всех фенрихов (по очереди, разумеется), так сказать, экспромтом произносить то, что им приходило в голову. Очередность устанавливалась по алфавиту, по указанию командира отделения или же по настоятельному желанию кого-нибудь из фенрихов.

В этот день очередь дошла до Бемке, поэта, коллеги которого порой охотно предоставляли ему такую возможность. А Бемке, как правило, цитировал каждый раз что-нибудь из своего любимого «Фауста». И на этот раз он прочел оттуда четыре строки, после чего обер-лейтенант Крафт сказал:

— Приятного аппетита! — и сел первым.

Следуя примеру своего офицера-воспитателя, фенрихи тоже рассаживались по местам и хлебали суп. В самом начале обеда никто никаких разговоров не заводил, что, однако, совсем не означало, что все фенрихи про себя обдумывали только что произнесенный застольный тост. Откровенно говоря, они попросту утоляли голод. И даже жиденький картофельный суп сомнительного вкуса казался им чрезвычайно аппетитным.

Справа от Крафта сидел Крамер, слева занимал свое место Редниц. Так получилось не по воле слепого случая, не по чьему бы то ни было заранее обдуманному расчету — это был результат каждодневной смены мест за столом. И только сам офицер-воспитатель никому своего места не уступал.

В то время как на противоположном конце стола фенрих Меслер распространялся о Гёте, обер-лейтенант Крафт спросил у командира отделения:

— Слышали что-нибудь новенькое о гомосексуалистах, Крамер?

— Так точно, господин обер-лейтенант, — ответил он. — Такое встречается все чаще, но ведь это наказуемо.

— А разве тот, кто знает об этом, но не докладывает, не подлежит уголовному наказанию?— спросил Редниц.

От ответа на этот довольно щекотливый вопрос удалось увильнуть, к счастью, и самому обер-лейтенанту Крафту, и командиру отделения, так как в этот момент в столовой появился ординарец, который сообщил, что господина обер-лейтенанта срочно и по очень важному делу вызывают к телефону.

Крафт не стал тянуть время, однако, прежде чем выйти из столовой, он распорядился, чтобы фенрихи продолжали трапезу, на практике же это означало, что если он не вернется к моменту, когда фенрихи съедят суп, то они смело могут приниматься за жаркое, более того, им даже разрешается съесть вишневый пудинг с сиропом.

Оказалось, что к телефону Крафта звал капитан Федерс. Его голос звучал в трубке менее спокойно, чем обычно, скорее в нем чувствовались настойчивость и решительность.

— Вы должны подменить меня сегодня после обеда на занятиях, Крафт, — сообщил капитан. — Дело в том, что у меня нет времени на эту пустую болтовню: мне нужно побывать на вилле Розенхюгель.

— Там что-нибудь случилось?— поинтересовался обер-лейтенант.

— Пока нет, — быстро ответил Федерс. — Но час назад там распоясался один профессиональный убийца — бригадный генерал медицинской службы, который творит там черт знает что, и я не знаю, что там может случиться.

— Хорошо, Федерс, — не медля ответил Крафт, — я, разумеется, заменю вас на занятиях после обеда. Если я могу быть вам чем-нибудь полезным, дайте мне об этом знать.

На этом телефонный разговор закончился, и обер-лейтенант направился обратно в столовую. Когда он вошел туда, фенрихи, ожидавшие его какое-то время, уже принялись есть второе, то есть жаркое. Каждая порция жаркого, согласно калькуляции, должна была состоять из ста граммов мяса и двухсот пятидесяти граммов картофеля, политого соусом с сильным запахом, короче говоря, это был типичный продукт питания военного времени.

Обер-лейтенант Крафт зубами разорвал кусок мяса, лежавший у него на тарелке, а затем сказал:

— Занятия по тактике, которое по расписанию долж-

но было состояться сегодня после обеда, не будет. Вместо него мы проведем занятие на местности.

— А по какой теме, господин обер-лейтенант? — не без любопытства спросил Редниц.

— Повторим что-нибудь из пройденного, — задумчиво ответил Крафт. — Наверняка найдется тема, которую мы до конца не проработали, и вот сегодня мы как раз ее и закончим.

Крамер посмотрел ничего не понимающим взглядом на своего офицера-воспитателя.

Однако его хорошо понял Редниц, который тут же заметил:

— Занятие по подрывному делу. Взрыв бункера. То самое занятие, во время которого погиб лейтенант Барков.

— Точно,— проговорил обер-лейтенант Крафт и принялся за свой картофель.— Подготовьте необходимую материальную часть для проведения занятия на эту тему.

Ровно в четырнадцать часов начинались послеобеденные занятия, которые продолжались, как правило, до семнадцати часов.

Ровно в положенное время учебные отделения снова выстроились на плацу, а затем согласно расписанию занятий их развели по учебным аудиториям, на плац, в спортивный зал или же по учебным полям.

Учебное отделение «Х» получило на складе боепитания № 3 все необходимое: лопаты, кирки, молотки, взрывчатку и взрыватели. Выделенные для получения всего этого фенрихи не забыли ничего, вплоть до изоляционной ленты. На эти приготовления ушло не менее тридцати минут, и только после этого учебное отделение «Х» могло двинуться к месту занятий.

Когда же фенрихи прибыли на Хорхенштанд, началась живая работа, так как бункер, который им подлежало подорвать, прежде всего нужно было построить.

А для того чтобы построить солидный бункер, необходимо немало времени. Сорок человек в течение полутора часов занимались созданием того, что должно будет взлететь на воздух в течение каких-то долей секунды. Фенрихи старались вовсю, а обер-лейтенант приказал помимо бункера еще отрыть дополнительно траншею.

А тем временем в казарме продолжались классные занятия с фенрихами. Офицеры спрашивали их, выстав-

ляя в своих блокнотах отметки или же просто запоминая все плюсы и минусы в их ответах. А в это же время в классных комнатах составлялись письменные работы по таким темам, как: проведение промежуточной аттестации № 1, проведение промежуточной аттестации № 2; писалась большая работа по тактике, две небольшие работы по тактике, сочинение по внешней политике, составлялись таблицы для проведения занятий по строевой подготовке и гимнастике; проводился врачебный осмотр фенрихов, перепроверялись списки на вооружение и материальную часть. Для каждого фенриха существовала толстая папка. На четверых фенрихов полагался один солдат, который обслуживал их. На сорок фенрихов приходилось по два офицера, а на пятьдесят фенрихов приходилась одна женщина.

В последнее время женщинам было строго-настрого запрещено вступать в контакт с фенрихами. Первое время, когда в школе обучались еще первые потоки фенрихов, к этому запрету относились несерьезно, так как женский персонал школы не только сам предоставлял себя фенрихам в полное распоряжение, но и готов был выполнить любое их желание. Однако с приходом в школу генерал-майора Модерзона женский персонал уже не имел возможности вступать в прямые служебные контакты с фенрихами.

Так, Эльфрида Радемахер работала у командира административно-хозяйственной роты, а Марион Федерс — в хозяйственном отделе. Как только они познакомились, они довольно часто перезванивались. Более того, даже встречались друг с другом в рабочее время; с папками в руках (что придавало им деловой вид) они могли спокойно поболтать о своих делах.

Чаще всего они встречались в канцелярии административно-хозяйственной роты, и не только потому, что запасы кофе у Катера были неистощимы, помимо этого, они заметили, что капитан Катер старается обходить их стороной, делая вид, что не замечает их. Однако обе они не знали, что капитан Катер, наблюдая их встречи, делал у себя в блокноте пометки об этом, указывая точное время и продолжительность беседы.

— Я сама себе создаю заботы, — сказала как-то Марион Федерс.— До этого я постоянно беспокоилась о муже, который за последнее время, как я заметила, сильно изменился.

— Уж не хотите ли вы сказать,— довольно откровенно, как обычно, поинтересовалась Эльфрида Радемахер,— что вас беспокоит дружба вашего супруга с обер-лейтенантом Крафтом?

Марион Федерс кивнула:

— А вы не находите, что оба они образуют несколько необычную пару, а? С тех пор как они встретились и познакомились, оба начали высказывать порой довольно опасные идеи.

— Я мало что понимаю в этом, — уклончиво ответила Эльфрида.

— Но ведь вы это чувствуете, не так ли?

— Я не имею никакого влияния на обер-лейтенанта Крафта.

— Но ведь вы же помолвлены с ним!

Эльфрида рассмеялась:

— Мы любим друг друга, или, по крайней мере, каждый из нас надеется на это. Однако, несмотря на это, я не пользуюсь никакими правами.

Марион Федерс уставилась на Эльфриду Радемахер задумчивым взглядом. Немного помолчав, она наконец сказала:

— Вы очень его любите, не так ли? А потому вы не имеете права не предупредить его, не уберечь его от совершения какой-либо глупости. Дело в том, что оба они бросаются в глаза. Кто их знает, тот не может не заметить даже тогда, когда они пытаются скрыть свои помыслы. Хочу сказать вам вполне откровенно: сначала я очень обрадовалась, что два этих необыкновенных человека подружились, но со временем меня охватил страх.

— Уж не хотите ли вы, Марион, чтобы они раздружились?

— Да,— ответила фрау Федерс с изумительной готовностью. — Когда они вместе, они представляют собой опасность, хотя оба и руководствуются самыми лучшими мотивами. Если нам удастся разъединить их, то мы как бы автоматически уменьшаем опасность вдвое. И сделать это — ваша обязанность, Эльфрида.

— Почему я должна это делать? — уклончиво спросила Эльфрида Радемахер.— И почему вы думаете, что именно мне это удастся? Я знаю обер-лейтенанта Крафта всего несколько недель. А вы, Марион, как-никак супруга капитана Федерса, и уже довольно давно.

— Вы знаете, Эльфрида, что это за брак, к тому же

я не имею на него сильного влияния. У вас же, как мне кажется, все обстоит несколько иначе. И исходя из этого, вы должны сделать все возможное для того, чтобы разъединить их, пока еще не поздно.

Прибыв на местность, на которой он должен был проводить занятия по подрывному делу, обер-лейтенант Крафт произвел последние приготовления.

Он лично подготовил удлиненный заряд, восемь специально назначенных фенрихов находились в непосредственной близости от него, остальная часть учебного отделения расположилась в пятидесяти метрах от него в укрытии. Все было продумано до мелочей.

Погода, словно по заказу, была великолепной. Деревья простирали свои ветви в голубое высокое небо. Земля замерзла от легкого морозца, и когда на нее наступали, казалось, что под ногами жесткий бетон. Каждый звук растекался в морозном тумане.

Однако ни одному фенриху не было холодно.

Они молча и внимательно следили за каждым движением обер-лейтенанта Крафта, видели его неторопливые, точные движения, слышали его спорные, но ясные распоряжения. На этот раз он действовал искуснее обычного, а выражение его лица было серьезнее, чем когда бы то ни было.

Постепенно до фенрихов стало доходить, что сейчас здесь происходит не что иное, как то, что позволяет восстановить обстановку и атмосферу того самого дня, когда погиб лейтенант Барков, все, до самых мельчайших деталей. Взрывчатка, инструмент, все лежало на тех же самых местах, да и сами фенрихи были разбиты точно на такие же группы, как и в тот раз.

Вот обер-лейтенант Крафт приступил к установке взрывного заряда весом в десять килограммов. Встав на колени на свежевыброшенной из углубления земле, он посмотрел вверх: вокруг него сгрудилось восемь фенрихов. Двое из них, Андреас и Хохбауэр, находились к нему ближе остальных, трое, а именно Крамер, Вебер и Бергер, находились на удалении нескольких метров, а трое остальных располагались несколько в стороне, это были Меслер, Редниц и Бемке.

— Кто тогда помогал лейтенанту Баркову? — спросил обер-лейтенант.

— Я,— ответил фенрих Хохбауэр, стараясь произнести это короткое «я» с небрежностью.

— Тогда попытайтесь, Хохбауэр, делать то же самое, что вы делали тогда.

— Слушаюсь, господин обер-лейтенант, — проговорил Хохбауэр с явно наигранной небрежностью.— Я попытаюсь.

Хохбауэр тут же подошел к обер-лейтенанту Крафту и встал рядом с ним на колени. Оба начали подготавливать заряд, затем они уложили его в землю, сверху заложили несколькими кирпичами, а уж потом засыпали землей. Из земли торчал лишь бикфордов шнур.

Когда все было сделано, обер-лейтенант встал с колен. Внимательно осмотрев место взрыва, он взглянул на часы. И уж только после этого быстрым шагом направился к остальной группе фенрихов, что располагалась в укрытии, метрах в пятидесяти от него. Подойдя к группе, он сразу же обратился к Амфортасу:

— Скажите, на каком именно месте вы тогда вывихнули себе ногу?

Амфортас, судя по виду, явно нервничал. Он засуетился, чтобы поскорее показать это место — небольшую выемку, до которой было всего-навсего несколько шагов.

На вопрос Крафта о том, что же случилось после этого, Амфортас ответил:

— Лейтенанта Баркова кто-то позвал, и он подошел сюда точно так же, как сейчас подошли вы, господин обер-лейтенант. Он внимательно осмотрел мою ногу и распорядился, чтобы меня немедленно отправили в укрытие. Вот и все.

— Хорошо, всем в укрытие!

Отдав эту команду, обер-лейтенант Крафт направился к группе подрывников, что находилась метрах в пятидесяти от него. На ходу он еще раз взглянул на часы. Прошло немногим более четырех минут. Как только он дошел до места взрыва, то спросил:

— Что здесь произошло за мое отсутствие?

— Абсолютно ничего, — ответил ему фенрих Хохбауэр.

— А что произошло тогда, при лейтенанте Баркове?

— Тоже ничего, господин обер-лейтенант, — с готовностью ответил Хохбауэр и посмотрел на остальных фенрихов.

— Андреас, — обратился офицер к фенриху, который

стоял к нему ближе остальных,— вы тогда что-нибудь заметили?

— Ничего не заметил, господин обер-лейтенант,— поспешно ответил Андреас. — Абсолютно ничего.

Однако, несмотря на это, Крафт одного за другим опросил каждого фенриха, хотя заранее догадывался о том, что они ему могут сказать. Крамер, Вебер и Бергер уверяли, что они ничего не видели, так как в тот момент были заняты разговором. Меслер, Редниц и Бемке заявили, что они вообще находились в таком положении, что ничего не могли видеть. Крафт тотчас же проверил, соответствует ли их заверение истине. Оказалось, что действительно ни заряда, ни шнура они со своего места видеть никак не могли.

— Всем уйти в укрытие! — приказал обер-лейтенант.— Хохбауэру остаться со мной.

Фенрихи удалились в укрытие. Разумеется, все они были рады тому, что их как бы исключили из этой игры. Однако деловитость, с которой обер-лейтенант пытался восстановить события, произошедшие тогда, действовала им на нервы. Все они поглубже спрятались в укрытие.

Крафт и Хохбауэр остались вдвоем. Обер-лейтенант внимательно поглядел на фенриха. Тот не выдержал этого взгляда и отвел глаза. Оба долгое время молчали, хотя ни один из них и не показывал признаков нервозности.

— Теперь мне ясно, как вы тогда все сделали, — проговорил обер-лейтенант Крафт после паузы.— Лейтенанта Баркова позвали к Амфортасу. Он осмотрел его ногу, а затем вернулся на свое место. На все это ему потребовалось немногим более четырех минут. А за четыре минуты здесь многое могло произойти. Посмотрите на свои часы, Хохбауэр.

После этого Крафт быстрыми движениями разрыл землю, вытащил из углубления кирпичи, которыми была прикрыта сверху взрывчатка. Затем вынул шнур с взрывателем из заряда и заменил его другим, который он вынул из кармана шинели. Затем снова заложил взрывчатку кирпичами и засыпал ямку землей.

— Ну, сколько времени мне потребовалось на замену взрывателя и шнура?

— Немногим менее трех минут, — ответил Хохбауэр слегка дрожащим голосом.

— Следовательно, так, — констатировал Крафт.

Фенрих Хохбауэр попытался было улыбнуться, однако улыбки не получилось.

— Прекрасный опыт, господин обер-лейтенант, — сказал он.

— Остальное могло происходить следующим образом, — проговорил Крафт, прижав конец бикфордова шнура к спичечной коробке, из которой он вынул одну спичку. Бросив на Хохбауэра беглый взгляд, обер-лейтенант чиркнул спичкой по коробку. Спичка загорелась, и в тот же миг загорелся и бикфордов шнур. А пока тот горел, Крафт внимательно следил за выражением лица фенриха.

А Хохбауэр с широко раскрытыми глазами следил за маленьким огоньком, который все быстрее и быстрее пожирал бикфордов шнур, приближаясь к заряду. Лицо его побледнело и стало белее снега. Пальцы невольно сжались в кулаки. И вдруг он вскочил и судорожным движением вырвал шнур из заряда.

Выдернув шнур, фенрих, словно ослабев, устало опустился на землю. Все его тело дрожало мелкой дрожью, и лишь в глазах застыло выражение неприкрытого гнева.

— Даже в том случае, если это сделал я, вы все равно никогда не сможете доказать,— проговорил он, тяжело дыша.

— Вы это и сделали, — тихо сказал обер-лейтенант.

— Так точно, я это сделал, — все еще не владея полностью собой и в то же время с некоторым триумфом сказал Хохбауэр.— Я имел на это право. По крайней мере, точно такое же право, как и вы сейчас, когда пытались взорвать одного из нас, а может, и обоих. Я признаюсь в своем поступке, но только перед вами, с глазу на глаз. Никому другому я об этом ни слова не скажу. Да никто и не сможет доказать моей вины. Никто. Это прекрасно знаете и вы, обер-лейтенант Крафт!

— Мне вполне достаточно вашего признания,— тихо произнес Крафт. — А сейчас я имел возможность лично убедиться в том, что у вас слабые нервы, Хохбауэр. Вы не выдержали испытания. Рано или поздно вы все равно раскололись бы. В данный момент я нащупал в вас несколько слабых пунктов: двумя из них являются Амфортас и Андреас. Могу вам посоветовать только одно — пишите завещание.

— Меня вам не расколоть, — огрызнулся Хохбауэр, весь собравшись в комок в готовности броситься в бой.— А нервы у меня стальные.

— Ваши нервы, Хохбауэр, никуда не годятся. А здравого ума у вас меньше, чем у комара. Вы, видимо, считали меня идиотом, который из-за вас способен рисковать собственной жизнью и готов взлететь на воздух. Но я не дурак и не самоубийца. Посмотрите повнимательнее на вставленный мной запал — ведь он пустой. Взрыва сейчас никак не могло быть. Вот вы и попались!

В семнадцать часов учебное занятие в военной школе заканчивалось, однако до девятнадцати часов никто из школы официально не мог выходить. Но на самом деле большинство офицеров из числа преподавателей и воспитателей всякими правдами и неправдами удирали домой.

В течение этих двух часов фенрихи могли немного передохнуть, так как чувствовали, что за ними никто не следит. Согласно распорядку дня в эти часы проводилась уборка помещений, чистка оружия, всевозможного рода работы, спевка сводного хора, урок закона божьего; последнее мероприятие проводилось довольно редко, и только для добровольцев, когда даже самые верующие были сильно уставшими.

Правда, в течение этих двух часов иногда можно было увидеть и некоторых офицеров. По крайней мере, фенрихи в любой момент могли ожидать их появления. Учебными отделениями в это время, как правило, руководили командиры из фенрихов.

В тот день возможность появления офицеров в подразделении была сведена до минимума, поскольку генерал-майор Модерзон собирал их перед ужином на совещание, на которое обычно уходило немало времени. Во всяком случае начало совещания было назначено на семнадцать часов тридцать минут, а ужин для офицеров обычно накрывался в казино в девятнадцать часов пятнадцать минут, однако ужин мог начаться и в двадцать один час, и даже позднее, если бы генерал захотел этого и своевременно не распустил офицеров.

— Надеюсь, сегодня это будет длиться не слишком долго, — нервно заметил капитан Федерс. — У меня совсем нет времени: мне нужно срочно попасть на виллу Розенхюгель, пока там не случилось большого несчастья.

Крафт по голосу капитана понял, что тот чем-то чрезвычайно обеспокоен.

— Неужели дело так серьезно, Федерс? — спросил Крафт.

— Возможно, Крафт! Я должен уехать отсюда. А если говорильня, затеянная господином генералом, затянется, то я просто встану и выйду из зала, так как мне теперь уже все равно.

— Ну, я посмотрю, как ты это сделаешь, — заметил Крафт.

Проговорив это, обер-лейтенант вышел в коридор из большого зала казино, где собралась большая часть офицеров. Там он и дождался генерала, который появился через несколько минут в сопровождении своего адъютанта.

Обер-лейтенант отдал честь и, посмотрев в холодные, настороженные глаза Модерзона, сказал:

— Я прошу вашего разрешения, господин генерал, покинуть зал совещания до его окончания вместе с капитаном Федерсом в связи с хорошо известным вам делом.

Адъютант генерала Бирингер, шедший позади своего начальника, энергично закачал головой и закатил глаза, показывая всем своим видом невозможность подобного, как-никак ему такого никогда ранее видеть не приходилось, чтобы обер-лейтенант на глазах всех офицеров остановил генерала!

Генерал Модерзон несколько мгновений изучал Крафта своими серыми холодными глазами, а затем сказал:

— У вас неопрятная прическа, господин обер-лейтенант.— Вымолвив эти слова, генерал как ни в чем не бывало проследовал в зал в сопровождении адъютанта, пройдя мимо застывшего по стойке «смирно» обер-лейтенанта, которому ничего не оставалось, как последовать вслед за ними.

Генерал молча выслушал рапорт старшего по должности офицера, а им был начальник первого курса. Затем он кивком головы дал знак, означавший, что офицеры могут сесть на свои места. После этого Модерзон подошел к столу, стоявшему посередине, опустился на стул и молча ждал до тех пор, пока в зале не установилась полная тишина.

— Господин обер-лейтенант Бирингер, прошу вас, начинайте, — произнес он после долгой паузы.

Сорок пар глаз уставились на адъютанта, громко возвестившего:

— Тема нашего сегодняшнего занятия: пожар в казарме. В третий раз.

— Черт знает что придумали, — тихо шепнул капитан Федерс на ухо Крафту. — Старик старается держаться в форме. Что-то он придумал на сегодняшний день?

Капитан подошел к доске, стоявшей позади, и развернул большую схему, которая, судя по всему, была специально изготовлена для данного случая. На огромном листе ватмана была вычерчена схема казармы в масштабе 1 : 100. Контуры всех зданий были вычерчены черной тушью, а в центре — множество красных кружков, волнистых и прямых линий, обозначающих очаги пожара, и притом в опасной стадии.

Капитан Федерс бросил на схему беглый взгляд и сразу же все понял; возможно, он был единственным офицером, который сообразил это.

— Господа, — начал Федерс деловым тоном, сразу же взяв верх над нервозным беспокойством,— да это же настоящий хаос. Нечто подобное можно встретить довольно редко. Над решением такого ребуса поломает голову девять десятых офицеров.

И вдруг от радости капитана Федерса, разгадавшего загадку этого тактического шедевра, не осталось и следа.

— Если генерал пожелает разыграть этот вариант до конца, то нам не освободиться отсюда и до полуночи. Проклятие! — мрачно сказал капитан Крафту.

«Проклятие! — думали и другие офицеры. — Черт бы побрал нашего генерала!»

А генерал, слегка сузив глаза, рассматривал офицеров. Ни один мускул не дрогнул на его лице.

Адъютант генерала тем временем, как обычно на подобных занятиях, зачитал список участвующих в игре. И, как всегда, никто не был забыт, все офицеры без исключения были заняты в предстоящих «скачках». Даже оба начальника курсов и те были задействованы: один — в роли бургомистра, а другой — коменданта железнодорожной станции, что уже само по себе свидетельствовало о том размахе, который должна была принять эта игра.

Поэтому не вызвало особого удивления даже то, что один из офицеров был назначен по плану игры начальником военной школы номер пять. И этот жребий, который сначала был воспринят как особая честь, пал на капитана Ратсхельма, который с гордостью поднялся со своего места, услышав собственную фамилию.

— Я всегда считал Ратсхельма «канделябром», — проговорил Федерс. — Однако того, что ему сейчас предстоит сделать, я бы ему никогда не пожелал.

А спустя четыре минуты предсказание Федерса уже оправдалось. Стоило только Ратсхельму отдать свое первое распоряжение: «Блокировать всю казарму!» — как господин генерал тотчас же вмешался. А спустя две минуты Ратсхельм был повержен, ибо генерал Модерзон объявил ему, что блокирование казармы в создавшейся ситуации подобно самоубийству.

— На вашем месте любой фенрих, бросив беглый взгляд на схему, сообразил бы, что для эффективной борьбы с пожаром никак не обойтись без помощи извне, — язвительно заметил генерал.

Затем в игру вошел бургомистр, за ним — вновь назначенный комендант железнодорожной станции, после чего последовали распоряжения пожарных служб, и так далее и тому подобное.

Через девять минут после начала игры Ратсхельм был положен на обе лопатки. Он тут же был «отстранен» от должности начальника военной школы номер пять и назначен старшим вспомогательной команды, которая должна была тушить пожар ведрами с водой. «Разжалованный» Ратсхельм уныло поплелся на свое место. Почти упав на стул, он уже был не в состоянии воспринимать происходившее вокруг.

Майор Фрей вдруг побледнел и сразу же сник, так как до него дошел смысл того, что здесь разыгрывалось, да и его утренний разговор с генералом красноречиво свидетельствовал об опасностях, которые из него вытекали. И он не на шутку начал опасаться за свое положение.

Однако еще далеко не закончив окончательный разгром, генерал своим деловым, холодным тоном, каким он обычно привык отдавать распоряжения, проговорил:

— Господин капитан Федерс и господин обер-лейтенант Крафт свободны от продолжающейся игры.

— Вы вполне могли бы и не ходить со мной, Крафт,— сказал капитан Федерс, обращаясь к обер-лейтенанту, когда оба офицера вышли в коридор. — То, что я намерен сделать, я вполне могу сделать один. — А заметив, что Крафт покачал головой, мрачно добавил: — Только не пытайтесь помешать мне сделать намеченное!

Они сели в машину и поехали по заледенелым улочкам, особенно осторожничая на крутых поворотах. Фары машины были замаскированы, и их свет пробивался лишь в узкие щелочки. Было видно, что шел снег, а улицы были такими пустынными, будто городок этот представлял собой театр военных действий, только по ту сторону бойни, откуда к линии фронта беспрерывно шли эшелоны со смертоносными грузами.

Капитан Федерс вел машину, обер-лейтенант сидел рядом. Настоящего водителя машины Федерс оставил в казарме, как полноправный командир роты, он имел на это право. Мотор натужно ревел, увлекая машину вперед по дороге.

— Бригадный генерал медицинской службы, которого мы сейчас увидим, — объяснял Федерс,— самая настоящая свинья, не имеющая ни малейшего представления об этике. Он намерен всех бедняг, которые сейчас находятся на той вилле, попросту говоря угробить.

— Дайте газ, Федерс!

— Большего из этой колымаги уже не выжмешь. Однако мы и так не опоздаем, и все благодаря вашей интервенции против генерала. Дело в том, что я зарезервировал местечко для бригадного генерала в одной гостинице, где он сможет поесть печенки, кровяной колбасы и отдохнуть. А я ему сейчас такой десерт преподнесу, что он у него в горле застрянет.

— А что, если он на самом деле окажется человеком с принципами и никого не собирается сживать со света, тогда что?

— Тогда, Крафт, я брошусь ему на грудь и выплачусь на ней.

Вскоре они свернули с главной улицы на боковую, приближаясь к вилле Розенхюгель. Запретная зона оказалась неоцепленной, ворота раскрыты настежь, шлагбаум поднят, ну а уж таблички с надписью «Скорость 10 км» для них и вовсе как бы не существовало. Они подъехали к главному входу, у которого уже стояла машина марки «мерседес», принадлежащая бригадному генералу медицинской службы, на переднем сиденье которой преспокойно спал водитель. Судя по его виду, нетрудно было догадаться, что и он, видимо, плотно поужинал, и притом с возлияниями.

Быстро выйдя из машины, Федерс и Крафт направились к парадному, где под фонарем уже стоял майор ме-

дицинской службы Крюгер. От скупого света фонаря, падавшего на его лицо, он казался старше и выше обычного.

— Добро пожаловать, господин обер-лейтенант Крафт, — поздоровался он, протягивая ему руку.

— Ну?— спросил Федерс.

— Девятнадцать, — ответил Крюгер.

— Ах эта свинья! — бросил Федерс, направляясь внутрь здания. Пройдя несколько шагов, он остановился и, обращаясь к майору Крюгеру, сказал: — Ты, Гейнц, выходишь из игры, иди к своим больным, которым ты нужен, а уж остальное предоставь нам. Крафт, пошли со мной.

Оставив Крюгера, который еще ниже опустил голову, на месте, они, миновав безлюдную ординаторскую, вошли в кабинет майора медицинской службы, в котором как раз и находился тот человек, которого они разыскивали,— бригадный генерал медицинской службы. Это был небольшой господин с розовым, круглым, кажущимся добродушным лицом и голубыми глазами. Руки он скрестил на груди, как это обычно любят делать задиры мальчишки. Сначала он с довольным видом осмотрел бумаги, лежавшие перед ним, а уж только после этого взглянул на вошедших.

— А-а, это опять вы, мой дорогой! — воскликнул генерал-медик, обращаясь к Федерсу.— А я уж думал, что вы уехали, даже не попрощавшись со мной, особенно после того, как мы с вами так великолепно поговорили. А ужин, который вы для меня заказали, за что я вам очень благодарен, был просто великолепен. Ну а уж вино, мой дорогой, тысяча девятьсот тридцать третьего года не вино, а настоящая поэма. Что с вами? Вы себя неважно чувствуете?

— Вы уже закончили свою работу здесь?— спросил Федерс, подходя к генералу ближе. Он забыл представить Крафта, и тот стоял, притворив за собой дверь и прислонившись к косяку, будто намереваясь никого не выпускать отсюда.

— Разумеется,— начал генерал-медик несколько расстроенным, но отнюдь не обеспокоенным тоном, — самую тяжелую и ответственную работу, которую не могу никому передоверить, я действительно закончил. И закончил с результатом, который можно было предвидеть заранее. Правда, далось мне это нелегко, но здесь речь шла о мо-

ем профессиональном долге. Вы, конечно, знаете — это требование часа, так сказать, требование нашего этического самосознания.

— Выходит, вы намерены лишить девятнадцать человек жизни, и только потому, что это якобы является вашей обязанностью?

— Позвольте! — произнес генерал голосом, в котором уже слышались нотки некоторого беспокойства. — Так просто этого не объяснишь. Здесь, господин капитан, действуют несколько факторов, которые мне вам, как дилетанту, будет очень трудно объяснить, так как вы все равно не поймете.

— Однако, несмотря на это, вы все же попытайтесь объяснить.

— Я не понимаю, какой в этом смысл, — проговорил генерал-медик, и его розовощекое лицо покрылось красными пятнами. — Как врач, я, разумеется, обязан заботиться о жизни и здоровье людей, это так. Но помимо этого я еще обязан избавлять людей от страданий. А бывают такие страдания, избавлением от которых может быть только смерть. Кроме всего прочего я еще и солдат...

— И, по-видимому, член нацистской партии.

— Я знаю, что такое смерть-избавление, — нервно продолжал генерал-медик. — В ней не отказывают даже лошади. А вы подумайте о требованиях нашего времени! И разве не добро избавить страдающих от мучений? Вы лучше подумайте о том, что госпитали наши переполнены, врачей у нас катастрофически не хватает, это в равной мере относится и к квалифицированному среднему медперсоналу. На одной койке сплошь и рядом лежат по трое тяжелобольных...

— Заткните глотку! — рявкнул Федерс.

— Что вы сказали? — недоуменно спросил генерал, уверенный в том, что ослышался.

— Вы должны заткнуть свою глотку, — спокойно повторил Федерс и тут же схватил бумагу, что лежала перед генералом, и пробежал ее глазами.

— Что вам, собственно, от меня нужно? — с трудом ворочая языком, спросил генерал.

— Совсем немногое,— ответил Федерс, разрывая бумагу, которую он только что прочел.— Вам придется еще раз написать свое заключение. И оно должно быть таким, чтобы ни один человек, я повторяю, ни один из этих

несчастных не переселялся бы в потусторонний мир. Понятно?

— Но это же... это...

— Насилие! — подсказал генералу стоявший у двери обер-лейтенант Крафт. — И все же это гораздо лучше, чем смерть!

И тут Крафт медленно подошел к остолбеневшему генералу, расстегивая кобуру. Подойдя вплотную к столу, он вынул пистолет и со стуком опустил его на стол.

— Ну, быстро, —с угрозой сказал Крафт, — пишите новое заключение, и такое, какое от вас требуют.

— Хорошо, — буркнул генерал-медик, бледный как полотно, — я подчиняюсь насилию.

— Даем вам пятнадцать минут, — сказал Федерс, ставя на стол пишущую машинку. Вставив в машинку чистый лист бумаги, капитан подвинул ее генералу.

Генерал дрожащими пальцами начал печатать.

Федерс тем временем отвел Крафта к двери и там тихо шепнул ему:

— А сейчас вы, Крафт, окажите мне еще одну услугу, лично для меня и наших друзей, которые висят здесь в своих корзинках. Уберите прочь с моих глаз машину генерала вместе с его шофером. Езжайте вместе с ним в казарму первыми, а я несколько позднее привезу самого генерала. Можете вы оказать мне такую услугу?

— Согласен, Федерс. Только вы тут сработайте все чисто, так как в противном случае мы с вами оба окажемся в лапах гестапо, а я хочу еще немного пожить. У меня еще имеются кое-какие дела, которые я должен завершить.

Официально учебные занятия заканчивались по плану в девятнадцать часов, после чего обычно уже не давалось никаких служебных заданий, хотя они вполне могли быть. Отсутствие в плане определенных мероприятий отнюдь не означало, что в школе замирала любая деятельность.

Просто это означало, что сейчас появлялась возможность иметь кое-какие свободы. Так, например, ужин, который разносился по комнатам, можно было начать немного позднее и несколько затянуть его. Можно было сбегать в лавочку, в которой ничего из спиртного, кроме легкого пива, не было. Те же из фенрихов, кто испытывал жаж-

ду культурных запросов, могли, разумеется, посетить комнату-читальню, где на столах были разложены такие великолепные немецкие журналы, как «Рейх», «Сигнал» и «Унзере вермахт». А по радио в это время, как правило, передавали жизнерадостную музыку.

Всем этим можно было воспользоваться, если, разумеется, не жалеть времени, так как фенрих должен был еще успеть сделать целый ряд вещей, как-то: привести в полный порядок свое обмундирование, вычистить оружие и приборы, которые за ним числились, завершить свои заметки, выполнить все письменные задания. Все это включало в себя подготовку к завтрашним занятиям.

Об увольнении в город среди недели обычно нельзя было и мечтать, так как для этого не оставалось свободного времени, да и само разрешение можно было получить только от офицера-воспитателя. Редкие увольнения из расположения школы после окончания занятий получал лишь тот из фенрихов, кому удавалось: а) убедить командира в том, что он привел все свои дела и вещи в безупречное состояние; б) доказать, что он полностью подготовлен к несению службы на следующий день; в) убедительно обосновать свою просьбу об увольнении.

Найти такие обоснования было можно в различных вариантах, но они обязательно должны были звучать серьезно. Самыми популярными причинами для увольнения были так называемые полуслужебные причины, например, желание купить писчебумажные принадлежности, фотографирование для документов, сдача предметов военного обмундирования в художественную штопку. Причины, носившие, так сказать, культурный характер, рассматривались как довольно подозрительные. К ним относились: желание посмотреть новый фильм, взять книги в библиотеке, посетить какое-нибудь предприятие. Все эти просьбы воспринимались с большим недоверием. Дело в том, что если фенрихи хотели получить увольнение в город для того, чтобы сходить к девочкам, поесть и выпить где-нибудь в кабачке, что было доподлинно известно офицеру-воспитателю, то и тогда они все равно должны были придумывать уважительную причину.

В тот же день офицеры-воспитатели были заняты, так как даже после восьми часов вечера все они сидели в зале казино, где генерал лично проводил с ними занятие. В отсутствие офицеров-воспитателей разрешение на увольнение в город имел полное право выдать командир учебно-

го отделения. Так, по крайней мере, должно было быть по теории, однако на практике нередко случалось так, как это обычно делал фенрих Меслер.

Меслер подошел к Крамеру и просто сказал:

— Я еду в город, хочу посидеть в кафе.

— Это следует понимать так, что ты просишь разрешения отпустить тебя в увольнение, — поправил его Крамер, стараясь хоть таким образом поддержать свой авторитет.

— Только не петушись, — как ни в чем не бывало заметил Меслер. — Я ухожу, а уж твое дело внести меня в список увольняемых. Считаю, что по-дружески так и следует поступать.

— А какой причиной можно обосновать твою просьбу на увольнение?

— Это уж ты сам придумай со своей светлой головой.

— Так гладко это не пройдет! — выкрикнул Крамер, задетый за живое. — Нет уж, ты изволь изложить мне какую-нибудь причину.

— Ну ладно, — по-дружески согласился Меслер. — Иду к девкам!

— Однако, дружище, я не могу записать это!

— Тогда напиши иначе: для поддержания связей между вермахтом и гражданским населением.

С этими словами Меслер отошел от возмущенного Крамера, однако не сразу вышел из казармы, сначала он зашел к Веберу, с которым поговорил о чем-то, и они пришли к общему соглашению.

После этого Вебер подошел к Редницу и рассказал ему о своем разговоре с Меслером. Выслушав его, Редниц сказал:

— Делайте что хотите!

Эти слова Вебер воспринял как одобрение и пошел дальше.

На пути Веберу попался Хохбауэр, которого он тут же отвел в угол и начал:

— Я надеюсь, ты помнишь о пари, которое заключил.

— Разумеется, — неохотно буркнул Хохбауэр. — И я его выиграю.

— Однако у тебя остается мало времени, Хохбауэр.

— Ты за меня не беспокойся, Вебер.

— Надеюсь, ты не собираешься отталкивать от себя дружескую руку, которая хочет тебе помочь? — с горечью произнес Вебер, и, как всегда, при слове «дружеская» он

уставился на собеседника. — К тому же сегодня для этого самые благоприятные условия.

— Этого ты мог бы мне и не говорить, Вебер, я об этом и сам подумал.

— Ну и великолепно. Просто отлично. Тогда мы все пойдем с тобой, как деликатные свидетели. Скажу тебе, Хохбауэр, по секрету, так сказать, с глазу на глаз: твой авторитет среди фенрихов отделения в настоящее время далеко не высок. Ты немедленно что-то должен сделать, чтобы поднять его, и для этого тебе предоставляется хорошая возможность. Докажи ты им наконец, что ты настоящий мужчина, Хохбауэр! Это необходимо сделать немедленно!

И сразу же к Крамеру повалила целая толпа фенрихов, которые пришли к нему просить увольнения в город. Вслед за Меслером появился Вебер, который в тот вечер взял на себя обязанности судьи. Вместе с ним пришел Бемке, который пока еще не догадывался, о чем именно идет речь, и которому, однако, была отведена роль эксперта. Вместе с Хохбауэром появился Амфортас, который, так сказать, намеревался ассистировать своему другу по духу. Вслед за ними к Крамеру повалили остальные фенрихи, а таковых набралось восемь человек.

Крамер сначала заколебался, но, поскольку он уже дал увольнение Меслеру, ему было неудобно отказывать другим. Сам же он, как и Редниц, намеревался выйти из игры.

Вначале все происходило довольно просто, как и обычно в таких случаях. Хохбауэр надеялся на собственный авторитет. Он наслаждался уважением коллег, которые окружали его.

Договорились, что, разбившись на небольшие группы, они будут дожидаться остальных перед зданием городского дома культуры, в котором проходил какой-то вечер. По мнению опытных «наблюдателей», вечер этот должен был закончиться где-то около половины девятого, а после вечера девушки толпой вываливались на улицу, а между ними должна была быть и жертва пари фенрихов — Мария Кельтер. Как только она появилась, согласно договоренности начал действовать Вебер, который сразу же пристал к малышке, что ему всегда обычно удавалось. Затем к ним подошел Хохбауэр, заговорил с Марией и взял ее под свою защиту.

— Благодарю вас, — сказала ему Мария Кельтер. — Вы были очень любезны.

— Это моя святая обязанность, — поспешил заверить ее Хохбауэр с самым серьезным видом.— Я должен извиниться за этого человека, который к тому же является моим другом. — Эта формулировка тоже подействовала убедительно. — Могу я вас проводить немного?

— Конечно, — произнесла Мария голосом, который свидетельствовал о том, что она покраснела, но улицы были не освещены и этого нельзя было заметить.

Следующая остановка предусматривалась в кафе «Попп», которое попросту называли кафе «Пуфф». Войдя в кафе, Хохбауэр уселся вместе с Марией за столик в углу, который для них заранее зарезервировал Вебер. Они заговорили о различных приятных вещах, и в девушке росло чувство восхищения этим красивым, элегантным фенрихом, для которого в данный момент, кроме нее одной, никого и ничего не существовало на всем белом свете. В кафе сидело еще несколько фенрихов, которые вели себя степенно и тихо. А когда Хохбауэр заказал две чашки чая, ему в чайной чашке вместо чая принесли для подкрепления сил и смелости чистого рома (это была помощь Вебера, который числился в кафе «Пуфф» завсегдатаем и потому мог использовать свои связи).

— Я почти совсем не хожу в питейные заведения,— доверчиво произнесла Мария.

— Это украшает вас, — заверил ее Хохбауэр и с радостью отметил для себя, что фенрихи, сидевшие за спиной Марии Кельтер, взглядами подбадривали его.

— Я больше люблю природу,— разоткровенничалась девушка.

— Я тоже, — подтвердил Хохбауэр, решив использовать предоставившуюся ему возможность. — Что может быть лучше прогулки на свежем воздухе? Даже сейчас, зимою, вы не находите?

Мария Кельтер была согласна с ним. Девушка не заставила себя долго упрашивать и сразу же последовала за Хохбауэром, чтобы вместе с ним насладиться ночными прелестями природы. Она бросила радостный взгляд на своего высокого стройного провожатого, который к тому же вел себя на удивление по-рыцарски. Она с гордостью шла рядом с ним.

Еще одна остановка была сделана Хохбауэром в городском парке, где среди кустов уже спряталось несколь-

ко фенрихов. Вебер первым из них бесшумно пробрался поближе к памятнику жертвам минувшей войны, где уже находился Хохбауэр с Марией. Место это было хорошо известно фенрихам, и по субботам использовалось ими для своих нужд, поскольку ступеньки и колонны могли служить удобными точками опоры.

— Пожалуйста, не надо! — неожиданно запротестовала Мария, а затем со смущением и удивлением добавила: — Вы не должны этого делать!

— Именно это-то он и должен сделать! — тихо шепнул Вебер Бемке, который находился рядом с ним, уставившись в ночную полутьму. Он услышал несколько обрывочных слов, хотя саму пару не видел.

А в этот самый момент Хохбауэр не без труда усадил девушку на каменную ступеньку, и они совсем скрылись из виду.

— Что там происходит? — взволнованно спросил Бемке.

— Отгадай, даю тебе три минуты, — прошептал Вебер.

— Он не должен этого делать! — Бемке был вне себя.— Девушка защищается, разве ты не слышишь?

— Чепуха все это! — спокойно проговорил Вебер. — Все они первый раз делают вид, что защищаются! Это уж так положено. И эта крошка нисколько не лучше других. При этом она вовсе не подозревает, что Хохбауэр с большим удовольствием заменил меня.

— Все вы свиньи! — возмущенно бросил Бемке, дрожа от негодования.

— Ах, брось, мы мужчины, и об этом не надо забывать, — заметил Вебер.

Они сидели друг возле друга на солдатской койке: Эльфрида Радемахер и Карл Крафт, сидели в барачной комнатушке обер-лейтенанта. Трудно было что-либо возразить против визита возлюбленной, и потому дверь в комнату была заперта на ключ.

— Карл, — осторожно и нежно заговорила Эльфрида,— иногда, особенно в последнее время, у меня появляются самые глупые желания.

— Забудь о них, — посоветовал ей Крафт. — Рождественская ночь, в которую, как говорят, исполняются желания, только через три месяца.

— Я хочу, Карл, — продолжала Эльфрида, — чтобы мы как можно больше были вместе. Ведь я тебя люблю и хочу с тобой жить, и долго-долго, насколько это возможно.

— Эльфрида, скажи, разве я тебе когда-либо давал какие-нибудь обещания? — спросил Крафт серьезно.

— Нет.

— Разве я тебя хоть раз пытался ввести в заблуждение?

— Нет, Карл.

— Хорошо, Эльфрида. Здесь все ясно. Мы любим друг друга, но мы с тобой договорились никогда не думать о том, как долго будет продолжаться наша любовь. Она может длиться очень долго, но она может и кончиться в любой день. Какой-нибудь приказ, который, быть может, подписывается в данный момент, может разлучить нас. Однажды утром ты проснешься, а меня уже больше нет здесь. И такое может случиться даже завтра! Так давай же свыкнемся с такой мыслью и не будем больше никогда об этом говорить.

— Карл, и тем не менее все, может быть, не так сложно. Это твой первый выпуск, а ведь должно быть еще два или три выпуска, следовательно, в нашем распоряжении еще несколько месяцев. А во время такой войны — это бесконечно долгий срок, и это будет для нас счастливое время, Карл. Я хочу верить в это.

— Не делай этого, Эльфрида.

— Ты должен выполнять здесь свою работу! — возбужденно воскликнула Эльфрида. — Одно это обеспечит нам целых полгода, когда мы будем вместе. А вместо этого ты пускаешься в какие-то авантюры, за которые ты не можешь не нести ответственности, ты связываешься с людьми, отношения с которыми грозят тебе опасностью.

— Думаю, сейчас уже поздно, — спокойно произнес Карл Крафт. — Очень поздно, и тебе пора идти.

Эльфрида встала растроганная и ничего не понимающим взглядом уставилась на Карла. Она увидела, что он улыбнулся. Это была улыбка, которой Крафт пытался скрыть свою боль.

— Эльфрида,— начал обер-лейтенант, положив руку ей на плечо,— не пытайся ослу объяснять, что у того выросли чересчур длинные уши, не пытайся объяснять быку, что красный цвет — это цвет дружбы. Скорее тебе

удастся сделать то и другое, чем отговорить меня от того, что я задумал.

Крафт помог надеть Эльфриде пальто, надел шинель, открыл дверь и вывел возлюбленную в коридор. И остановился, освещенный матовым светом электролампочки: перед ним словно из-под земли появился фенрих Редниц. Он отдал офицеру честь.

— Могу я минутку поговорить с вами, господин обер-лейтенант?

— Вы меня здесь ожидали, Редниц?

— Да, господин обер-лейтенант, ожидал примерно с четверть часа, так как я не хотел вам мешать.

Обер-лейтенант понимающе кивнул. Следовательно, фенрих был осведомлен о его личной жизни, возможно даже, что он кое-что слышал о ней от других.

«Ну, если об этом известно пока только одному Редницу, то это еще терпимо», — подумал Крафт и, обратившись к Эльфриде, попросил:

— Пройди, пожалуйста, немного вперед, я тебя сейчас догоню. Или, быть может, вы, Редниц, собираетесь надолго меня задержать?

— На три минуты, господин обер-лейтенант, не больше.

Обер-лейтенант Крафт вместе с Редницем вернулся в комнату. Первый взгляд офицер невольно бросил на неубранную кровать, но Редниц, казалось, не замечал ее: он не сводил глаз со своего обер-лейтенанта.

— Господин обер-лейтенант, — откровенно начал фенрих, — могу я спросить вас, о чем вы сегодня разговаривали с Хохбауэром перед подрывом бункера?

Крафт, казалось, нисколько не был удивлен таким вопросом, а если даже и был удивлен, то по крайней мере не показывал этого. Он посмотрел на фенриха с той же откровенностью, с какой тот глядел на него.

— Вы это могли бы и не спрашивать, Редниц, так как и без меня все знаете.

— А каков результат, господин обер-лейтенант, могу я узнать это?

Крафт внимательнее присмотрелся к фенриху и заметил на его лице выражение не только откровенности и доверия, но и участия.

Немного помолчав, обер-лейтенант сказал:

— Я хочу спросить вас, Редниц, зачем вам понадобилось знать это. Дело в том, что многого я вам не могу

сказать, но не скрою, что Хохбауэр признался в том, что он сделал.

— Ну что ж, — с удовлетворением отметил Редниц,— тогда все ясно.

— К сожалению, мой дорогой, ясно далеко не все,— проговорил обер-лейтенант и опустил голову.— Речь здесь идет не столько о признании, сколько об установлении факта, который совершился, так сказать, без свидетелей, и, следовательно, Хохбауэр может смело отказаться от тех слов, которые он сказал мне. А у меня, Редниц, нет никаких доказательств его вины, ни одного доказательства. Я знаю убийцу, но не могу призвать его к ответу, Редниц. Вот как все это выглядит. Вы это хотели узнать от меня?

— Если все действительно выглядит так, как вы сказали, господин обер-лейтенант, тогда, пожалуй, имеется другая возможность. Один обходный маневр, но он-то и приведет вас к цели. Или вы, быть может, намерены всю эту историю похерить?

— Говорите же, дружище! Говорите! Выкладывайте, что вы еще знаете!

И фенрих Редниц рассказал о трех любопытных вещах.

Во-первых, о наличии довольно подробного описания, в котором с указанием времени (вплоть до минут) были зафиксированы все частные визиты фенриха Хохбауэра к начальнику потока капитану Ратсхельму. Более того, в этой бумаге перечислялись все свидетели этих визитов и их высказывания по данному поводу.

Во-вторых, о красивом голубом батистовом платочке, слегка запачканном, с вышитой монограммой «ФФ», что расшифровывалось не иначе как Фелицита Фрей.

В-третьих, о некой Марии Кельтер, проживающей в Вильдлингене-на-Майне по улице Кранихгассе, четыре, с дополнительными данными о городском парке, памятнике жертвам минувшей войны и событиях, происшедших примерно в двадцать один час тридцать пять минут.

— Дружище, этого вполне достаточно, — с убеждением сказал обер-лейтенант Крафт.

В двадцать два ноль-ноль рабочий день в казарме официально заканчивался, так как в это время объявлялся отбой.

В это время хозяин военного ларька выпроваживал последних гостей и выключал свет. Часовые, стоявшие у ворот, запирали их и даже закрывали калитку, однако еще не запирали ее.

В это же время начинали действовать дежурные, ответственные за дисциплину и порядок в казарме: дежурный унтер-офицер по административно-хозяйственной роте; дежурные фенрихи по потокам; дежурные девушки из числа женского гражданского персонала. Все они выясняли количество присутствующих, количество отсутствующих, их фамилии, проверяя их по спискам уволенных в городской отпуск. В общем, в тот вечер все было в порядке.

В казино жизнь била ключом: офицеры только что управились со своим ужином, так как игра, затеянная генералом, заняла гораздо больше времени, чем предполагалось, казалось, ей конца не будет. Игра эта потребовала большое количество жертв, но главной жертвой оказался капитан Ратсхельм. После ужина каждому офицеру было разрешено выпить по полбутылки вина, и они стремились немедленно воспользоваться этим разрешением. После игры каждый из них знал, как он себя должен вести во время большого пожара.

После объявления отбоя многие фенрихи еще не спали, большинство из них работало, тихо переговариваясь между собой. В помещении учебного отделения «Х» было оживленно: отмечалось успешное окончание операции «Памятник воинам прошлой войны», которой руководил Вебер, а Хохбауэр торжествовал победу. Участники этой операции несколько запоздали и вернулись в расположение части через забор.

И лишь один Бемке вернулся в расположение части без опоздания. Свое возмущение он высказал Редницу. В данный момент он искал утешения в любимом «Фаусте», подолгу обдумывая очередную строфу.

На узле телефонной связи для столь позднего времени царило необычное оживление. Обе дежурившие на коммутаторе телефонистки едва успевали работать, их то и дело отвлекали некоторые фенрихи, а им нужно было еще следить за летной обстановкой, так как ожидалось несколько воздушных налетов противника.

— Вот как! — произнес один из гостей. — Выходит, что здесь самолеты противника еще ни разу не появля-

лись. Готов спорить, что на их картах эта дыра вовсе и не значится.

— Устраивайся поудобнее, девочка,—предложил капитан Катер. — Чувствуй себя как дома. Или, быть может, тебе не нравится мое бунгало?

— О нет, — заверила капитана Ирена Яблонски, с любопытством оглядывая обстановку.— Мне здесь все очень нравится.

— Тогда садись, куда хочешь. Ну, например, на кровать.

— Спасибо, — охотно согласилась Ирена и села на указанное место.

Ей действительно нравилось все, что она видела. Помещение показалось ей слишком большим, в такой комнате смело могли расположиться пять или шесть девушек. На полу лежал большой ковер, на окнах висели цветные гардины из тяжелой материи. Кровать застлана пушистым покрывалом.

— Ты спокойно можешь снять туфли, — великодушно сказал Катер. — А то выйдешь на улицу и сразу же простудишься: погода-то вон какая скверная.

— На меня погода не влияет, — сказала Ирена.

— Все-таки лучше сними туфли, — посоветовал ей Катер. — А ноги можешь спрятать под одеяло: так будет и приятно и тепло.

Ирена Яблонски сделала так, как ей советовали. По характеру она была покладистой и чувствовала свое превосходство: остальные девицы лежали на жалких койках в своих клетушках, а она как-никак являлась гостьей своего шефа капитана Катера.

— Сейчас я открою бутылочку шампанского,— проговорил Катер,— чтобы отпраздновать сегодняшний день.

— О, чудо! — воскликнула Ирена.

Катер открыл окошко и достал из-за него бутылку шампанского, которую он выставил туда для охлаждения. Затем достал два фужера, взятых, судя по всему, из казино. Подсев к Ирене на кровать, он сказал:

— Ну а теперь выпьем!

Он наполнил фужеры до краев. Шампанское сильно пенилось, и несколько капель упали Ирене на платье. Катер попытался вытереть пятна. Причем делал он это

так активно, что Ирена жеманно захихикала и заломалась.

— Ну, выпьем! — предложил еще раз Катер.

— О, чудо! — воскликнула Ирена еще раз, выпив шампанское, считая его похожим на зельтерскую воду. Игриво надув губки, она сказала: — За последнее время вы уделяли мне слишком мало времени, я уже начала думать, что вы меня забыли.

— Да, моя милая крошка! Человек далеко не всегда может поступать так, как он хотел бы. Служба есть служба; надеюсь, ты понимаешь, а на ней бывают всевозможные осложнения, бывали дни, когда я не имел ни одной свободной минутки.

К своему удовлетворению, Катер заметил, что Ирена понимающе кивнула ему. По крайней мере, она делала вид, что старается понять его.

«В ней есть какая-то наивность,— подумал про нее Катер, — а это уж имеет свои преимущества, в чем я убедился на собственном опыте».

Во всяком случае, представившаяся возможность казалась ему благоприятной. Федерс со своим другом Крафтом куда-то уехали на машине. Эльфрида сидит у фрау Федерс. В казарме все тихо и идет своим чередом, так что можно не опасаться, что им кто-то помешает.

— Однако пятно на твоем платье оставило след. Сними его: у меня есть превосходный пятновыводитель.

— Я, право, не знаю...

— В комнате довольно тепло, или?..

— Я, правда, могу...

— А почему бы и нет! — произнес Катер таким тоном, как будто речь шла о каком-то само собой разумеющемся пустяке. — Ведь мы с тобой здесь вдвоем. А пятнышко с платья нужно вывести. Жаль будет, если оно останется. Кроме того, если ты захочешь, я могу купить тебе новое платьице.

— Вы так добры ко мне, — произнесла Ирена.

— Иди ко мне, девочка, не стесняйся. Подвинься ко мне поближе, я помогу тебе снять его. Вот так, уже лучше. Еще поближе. Ну, вот видишь!

Ирена Яблонски позволила Катеру снять с нее через голову платье.

— Так же приятнее, не так ли?— проговорил капитан и поспешил снова наполнить фужеры вином. Делая это, он не спускал глаз с Ирены, мысленно отмечая, что

она хотя и жеманна, но ноги, вернее, ляжки у нее развиты как у женщины, вполне приличная грудь и аппетитный полуоткрытый рот.

Катер почувствовал, как у него начали дрожать руки. Шампанское снова полилось через край, на этот раз уже без намерения он забрызгал трусики Ирены.

— Ну вот видишь! — заметил он. — Их тоже нужно посушить, не так ли?

— Кажется, так,— пробормотала Ирена.

В этот момент зазвонил телефон. Он звонил долго и настойчиво. Катер сначала посмотрел на Ирену Яблонски, которая откинулась на спинку кровати, потом перевел взгляд на телефон, который все звонил и звонил. Наконец он снял трубку и крикнул в нее:

— Черт возьми! Что бы это могло значить? Это в такое-то время! Посреди ночи! Никак не дадут человеку отдохнуть!

Помолчав несколько секунд, он вдруг произнес:

— Ах, так! Я сейчас приеду.

— Ты уходишь? — тихо спросила Ирена.

— Да, — выдохнул он с искренним сожалением.

— Жаль.

— Это воздушная тревога, — сказал Катер. — Оденься пока.

Посреди ночи капитан Федерс вел машину в Вильдлинген. Рядом с ним сидел генерал медицинской службы, судорожно ухватившись рукой за ручку двери, так как скорость была большой, дорога неровной и генерала то и дело бросало из стороны в сторону.

— От этой поездки вы могли бы меня и избавить,— недовольно проворчал генерал. — Я ведь сделал все, что вы от меня требовали. А уж командовать моей машиной было совершенно излишне.

— Ничего излишнего здесь нет, и я никак не мог избавить вас от этой поездки! — почти выкрикнул Федерс и прибавил газу.

Фуражка генерала съехала на лоб. Он попытался было сесть поудобнее, но потерял равновесие. Румяное лицо его обезобразила злая гримаса.

Неожиданно капитан Федерс нажал на тормоза, и машина на миг замерла на гладком асфальте, но тут же ее отбросило к бровке, и лишь после этого, заскрипев тор-

мозами, она окончательно остановилась; генерал медицинской службы ударился головой о лобовое стекло и сразу же заныл.

— Тихо! — грубо прикрикнул на него капитан, и генерал моментально замолк.

Федерс прислушался. Теперь он отчетливо слышал доносившийся из Вильдлингена рев сирен, оповещавших о воздушной тревоге. Сирены завывали монотонно и через равное количество секунд.

— А это совсем неплохо, — первым нарушил тишину Федерс.

— Что вы имеете в виду?— испуганно спросил его генерал.

— Об этом я вам вполне откровенно скажу,— начал пояснять капитан Федерс и даже повернулся к нему, чтобы лучше видеть блестящее, потное лицо генерала. — Сейчас я вас отправлю на тот свет для того, чтобы кое-кто из ваших пациентов мог еще некоторое время пожить на этом свете.

— Это, — начал было генерал, испуганно глотая воздух широко открытым ртом,— это, должно быть, шутка! Я ведь все сделал, что вы хотели. Я написал письменное заключение о том, что все больные и раненые вполне могут выздороветь. Вы имеете официальный документ, значит, все будет в полном порядке. Подтвердите, что только что сказанное вами ни больше ни меньше как обычная шутка, не так ли?

— Послушайте, за кого вы меня принимаете? — спросил капитан Федерс генерала.— Я хорошо знаком с правилами игры! Неужели вы думаете, что я верю вашим словам? Тот, кто лишает больных жизни для того, чтобы освободить койку, или же бредит о каком-то германском духе, тот способен на любую подлость. Я хорошо знаю, что будет дальше. Стоит только вам вырваться из моих рук, как вы незамедлительно откажетесь от своей собственной подписи, а девятнадцать несчастных калек будут немедленно лишены жизни. Кроме того, вы рассчитаетесь со мной и с майором медицинской службы Крюгером тоже. Именно поэтому я не могу поступить иначе. Разве это не логично?

— Ничего этого не будет, я могу вас заверить в этом,— взмолился генерал.— Я даю вам слово, честное слово!

— Я плюю на честное слово человека, который убивает больных! Сейчас я стою перед выбором: спасти жизнь

вам — убийце или же девятнадцати беспомощным людям. Кто знает, сколько сотен таких несчастных уже на вашей совести! Нет, иного выбора нет! Вы должны в это уверовать.

Мотор машины снова взревел, машина резко рванулась вперед, генерала прижало к сиденью, а монотонный вой сирены смешался с бешеным воем мотора в один сплошной рев.

— Сейчас здесь будут бомбардировщики! — закричал капитан.— Надеюсь, они будут нас бомбить, и тогда я сброшу ваш труп на кучу других трупов. А если этого не будет, то я утоплю вас в Майне, так как я очень хочу сделать хоть одно доброе дело!

Они уже не слышали рева бомбардировщиков над собой, как не слышали и воя падающих на землю бомб. Они только видели, как вокруг них поднимались грибы разрывов, освещенные ярким, слепящим светом, а вслед за этим уже слышался грохот. Машину бросало из стороны в сторону, генерал же сжался в комочек на своем месте.

Федерс неожиданно нажал на тормоз, мотор захлебнулся. Выскочив из машины, капитан Федерс выхватил из нее генерала, лицо которого было искажено ужасом.

Однако не успел капитан Федерс поднять руку с пистолетом, как какая-то страшная сила выбила оружие из его рук. Перед глазами блеснул яркий свет. И в тот же миг взрывная волна бросила Федерса на землю, втиснув в серовато черный снег.

Через несколько секунд капитан пришел в себя и медленно встал на ноги. Машину разбило и перевернуло, а под ней лежал бригадный генерал медицинской службы, бледный и изуродованный; он был уже мертв.

— Выходит, не я один рассчитался с ним, — глухо пробормотал капитан.

Пламя горящих домов освещало страшную картину разрушения. Человеческие крики сливались с ревом сирен.

А капитан стоял на месте и, ничего не понимая, смотрел прямо перед собой в пустоту.

Небольшое подразделение вражеских бомбардировщиков, вероятнее всего шесть — восемь самолетов, в двадцать два часа сорок три минуты пролетело над Вильд-

лингеном. Бомбардировка продолжалась ровно три минуты. В двадцать два часа сорок шесть минут воздушная опасность уже миновала.

После бомбардировки на земле остались груды обломков, в основном самые большие разрушения пришлись на восточную окраину города, где разбомбили четыре улицы, пятьдесят восемь домов, пострадало двести семь человек, среди них один бригадный генерал медицинской службы и один фенрих, опоздавший вернуться в часть, в остальном жертвы были только среди гражданских лиц.

— Нам еще повезло! — прокомментировал ночную бомбардировку капитан Федерс после того, как убедился в том, что рыночная площадь осталась целой и невредимой, а вместе с ней и его собственная квартира.

Все пожарные команды города трудились вовсю, и из казармы военной школы были высланы отряды, развернувшие активную деятельность. Недавно проведенная игра под кодовым названием «Крупный пожар» принесла свои богатые плоды. Все были удивлены даром предвидения генерала, могло даже показаться, что бомбардировка города была организована по его распоряжению. Однако утверждать подобное не отважился даже капитан Ратсхельм.

Сам бургомистр, он же крайсляйтер и ландрат, побывал на месте происшествия (правда, с соответствующей охраной), но пробыл там недолго. Он распорядился все организовать как следует. Прежде чем уехать оттуда, не без гордости объяснил окружавшим его людям:

— Они, конечно, хотели разбомбить нашу железнодорожную станцию, которая является важным узлом коммуникаций.

Однако такое предположение отнюдь не успокоило некоторых офицеров. Они чувствовали себя оскорбленными, поскольку предположение бургомистра как бы перечеркивало их важность.

А один из них даже заявил во всеуслышание:

— Нет никакого сомнения, что они намеревались разбомбить нашу военную школу. Но эти мазилы сбросили свои бомбы в трех километрах от нее. Наши асы никак бы не допустили такого промаха!

Казарма военной школы стояла на холме в целости и сохранности, освещенная пламенем горящих в долине домов. Ни одна черепица не упала с крыши школы, из окон не вылетело ни одного стекла.

Около трех часов утра самое трудное было уже позади. Подразделения фенрихов вернулись в казармы. Причем комбинезоны некоторых фенрихов были подозрительно раздуты: под ними они среди прочих трофеев пронесли в казарму не одну сотню бутылок со спиртным, которое было вырвано ими из огня пожарищ. И хотя все фенрихи основательно устали, несчастными они себя отнюдь не чувствовали.

Господин же генерал, прежде чем лечь в постель, отдал распоряжение:

— Завтра все строго по расписанию занятий.

ВЫПИСКА ИЗ СУДЕБНОГО ПРОТОКОЛА № IX

БИОГРАФИЯ ФЕНРИХА ГЕЙНЦА-ХОРСТА ХОХБАУЭРА, ИЛИ ЧЕСТЬ УБИЙЦЫ

Я, Гейнц-Хорст Хохбауэр, родился 21 марта 1923 года в семье капитана в отставке Герберта Хохбауэра. Моя мать Виктория, девичья фамилия Зандерс-Цофхаузен, родилась в Розенхайме, на площади Торплац, 17. По настоятельному желанию отца я своевременно вступил в патриотический союз, что сыграло положительную роль в моем воспитании. Четыре класса фольксшуле я успешно окончил в том же Розенхайме.

Отец брал меня на руки и подбрасывал высоко вверх, но только в том случае, если я при этом громко кричал «ура». Это была у нас самая любимая игра. Сильные руки отца подбрасывали меня, и я, визжа от удовольствия, поднимался выше всех и вся. Подо мной была наша мебель, там же находилась и мама, которая весело смеялась, и мои сестренки, смотревшие на меня, высоко задрав голову. Я видел их маленькие кудрявые головки и светящиеся завистью глазенки. Все хорошо знали, что отец любил меня больше всех, и я от радости кричал «ура».

Мои братья и сестренки, которых звали Хуго и Геральд, Хельга и Гермине, как и я, родились в марте, разумеется, только в разные годы. Мама наша родилась двадцатого июня. Этот день случайно совпал с днем свадьбы моих родителей.

Отец мой был человеком занятым, к тому же он часто бывал в отъезде, так что мы, дети, видели его дома довольно редко.

«Он ездит ради Германии, ради будущего нашего рейха, ради будущего фюрера!» — говорила нам мама.

Однако отец никогда не забывал нас, он денно и нощно думал о нас, и раз в году, а именно двадцатого июня, он всегда возвращался домой, где проводил нам осмотр, творил суд и давал указания в отношении нашего будущего воспитания, и, разумеется, в эти дни он увеличивал численный состав нашей семьи. Сделав все это, он собирался и снова уезжал вести свою борьбу, а мама говорила нам:

«Он настоящий человек!»

Муха будет бегать, если ей оторвать одну ногу, более того, она будет бегать даже без двух ног, только нужно будет сообразить, какие же именно ноги ей следует оторвать: какую переднюю и какую заднюю. Если же ей оторвать, например, переднюю левую и заднюю правую, то она сразу же теряет ориентировку и очень скоро погибает.

«Мухи распространяют грязь и являются разносчиками всевозможных болезней,— поучала нас, детей, мама,— они отвратительные твари, и потому их нужно убивать».

Время от времени в нашем доме появлялись какие-то мужчины, присланные отцом. Они привозили матери деньги и письма, приносили одни посылки и забирали для отца другие. Некоторые из этих посланцев оставались у нас в доме на несколько дней, некоторые жили в кладовке и спали на земле, другие спали в спальне, на месте отца. Мы, дети, всех их называли дядями. Большинство из них имели военные звания, а те, что ночевали в спальне, как правило, были офицерами, героями войны, как наш папа, и так же, как папа, они носили на груди множество наград.

«Это настоящие смельчаки! — говорила о них мама.— Я обязана принимать их как следует, так как на их плечах будущее нашего рейха».

«Мой милый мальчик, — говорила мне моя тетушка Шемберляйн-Шипер, — научись как можно раньше разбираться в людях, ты ведь уже понимаешь, что собой представляет жизненный порядок. Люди на земле не одинаковы и не равны, даже перед господом богом. Очень

многие из них являются неполноценными. Даже в самой обыденной жизни повсюду имеются начальники и подчиненные, и притом в самых различных званиях. Будь таким, как твой отец, будь фюрером, и тебя будет сопровождать целая свита людей».

Кто-кто, а моя тетя должна была хорошо знать это, так как один из ее родственников был крупным философом, который, как говорили люди, мог потрясти мир своими мыслями.

А мой отец однажды так сказал о тетушке:

«То, что она носит в мыслях, мы носим в своем сердце».

Мои друзья Конрад и Карл-Фридрих отводят меня в угол школьного двора, где стоит мусорный ящик. Остальные ученики бегают кругом, девочки играют в свои девчоночьи игры у входа. Они играют в игру, которая называется «небо и земля». Они прыгают, визжат, смеются. Одна из девочек толстая, и ее тяжелые косы танцуют по жирной спине, когда она подпрыгивает. Зовут ее Эльфридой, хотя все ее называют запросто Эльфи. Мы смотрим на нее, так как она нас «раскрыла» и должна быть за это наказана. Тайно посовещавшись, мы решили отрезать ей косы, для чего заманили во двор. В руках у нас мешок и ножницы, которые мы выпросили на время в лавке у отца Эльфриды.

Мне лично кажется, что штраф, которому мы ее подвергли, слишком мягок, нам нужно было еще сильно подергать ее за волосы, чтобы она запомнила.

До сих пор я помню, будто это было вчера, как мы играли в детскую игру «солнечное колесо», в которой меня назначили старшим так называемого флажка. На нашем вымпеле было изображено черное солнечное колесо в белых лучах на красном поле. Вымпел наш придумала сама тетушка Шемберляйн-Шипер, а мама сшила его, нес же его один из моих братьев, а материал для вымпела, как сказала мама, прислал отец из запасов какого-то спецфонда. Когда же был разожжен костер, наши лица так и сияли от удовольствия.

«Побольше огня! — кричал я, и все бегом тащили сучья и какие-то банки, чтобы бросить их в костер. Костер разгорался, а я расходился еще больше и счастливым голосом снова кричал: — Еще больше огня!»

И тогда в костер летели бутылки с керосином, даже канистра с бензином.

«А теперь всем прыгать через огонь! — кричал я. — Все за мной! Кто не прыгнет, тот трус! Прыгать всем! Среди моих друзей не должно быть ни одного труса!»

«Хохбауэр, — сказал мне однажды учитель Марквард,— я слышал, что ты вместе со школьниками организовал свой кружок. Так ли это?»

«Да, это правда, — ответил я, — а разве это запрещено?»

«У меня не запрещено, — заметил учитель Марквард, — и я его не запрещаю потому, что это, так сказать, народный кружок. А разве доброе деяние можно запретить?»

Об этом я рассказал своему отцу в его очередной приезд домой, а отец рассказал об этом своим друзьям, один из которых оказался членом школьного совета.

Далее события развивались так, что в один прекрасный день учитель Марквард был назначен директором нашей школы.

«И все это потому, — сказал отец, — что справедливость обязательно должна победить».

После успешного окончания фольксшуле (а окончил я ее с оценками выше средних) как-то само собой было решено, что я должен продолжать свое образование. Для продолжения образования в 1932 году меня послали в Нейштадт учиться в гимназию имени принца Евгения. Собственно говоря, я потому и попал в Нейштадт, что в этой гимназии имелись превосходные педагоги, а помимо этого, в городе жила моя тетушка Шемберляйн-Шипер, которой отец доверил мое дальнейшее образование. Там я пробыл до 1940 года, принимая самое активное участие в развитии духовной жизни рейха. В тот же год я с отличием закончил гимназию. А вскоре после этого я, разумеется добровольно, подал заявление с просьбой забрать меня в ряды вермахта. Мне повезло: меня взяли в армию и направили учиться на офицера.

Самым счастливым моментом в моей жизни был день, когда я закончил школу в родном городке, а основанный мною юношеский кружок в полном составе был принят

в организацию гитлерюгенд. Играл духовой оркестр. В последний раз развевался в воздухе наш вымпел. Ко мне подошел железнодорожный начальник по фамилии Копельски. Лицо у него было серьезное-серьезное, а из глаз от волнения текли слезы. Он, как взрослому мужчине, пожал мне руку.

«Именем фюрера!» — воскликнул Копельски и, забрав у меня из рук вымпел «солнечного колеса», тут же вручил мне вымпел гитлерюгенда. И я сразу же был назначен руководителем группы гитлерюгенда.

В то время мой отец уже разъезжал в персональной машине, восьмицилиндровом «мерседесе», на нем был коричневый военный мундир, грудь его украшал орден «Pour le merite». А когда он смеялся, то не слышно было даже шума мотора. У него был собственный шофер, а рядом с ним постоянно находились адъютант и ординарец — и все они в коричневой форме.

«Строиться! — шутливо крикнул нам отец, что свидетельствовало о том, что он пребывал в превосходном настроении. Затем он внимательно осмотрел всех членов своей семьи, а когда его взгляд остановился на мне, глаза его радостно заблестели, так как на мне тоже была коричневая рубашка.— Ты мой самый любимый сын,— сказал отец, обращаясь ко мне. — Как я вижу, ты прекрасно понял, какой цвет сегодня является самым главным!»

«Я же твой сын», — не без гордости сказал я и тут же оказался в крепких объятиях отца.

...Я встаю и говорю:

«Чеснок».

Член школьного совета Вассерман смотрит на меня, вытаращив глаза, и наивно спрашивает:

«Что ты хочешь этим сказать, Хохбауэр?»

«Чеснок, — упрямо повторяю я. — Здесь сильно пахнет чесноком. А в таком зловонии не сможет работать ни один человек».

«Послушайте, Хохбауэр,—говорит Вассерман,—умерьте, пожалуйста, свой пыл».

«Чесночная вонь не позволяет нам оставаться здесь,— говорю я ему, — мы не можем дышать одним воздухом с некоторыми лицами».

«Вон!» — рассерженно кричит на меня член учительского совета Вассерман.

«А вы хорошо подумали над тем, кого вы выгоняете из класса?» — спрашиваю я его.

«Вон!» — кричит он еще раз.

После вторичного «Вон!» я выхожу из класса, но вместе со мной из класса выходят четырнадцать моих друзей, выходят так, как будто мы заранее договорились об этом.

А спустя три дня все классы были перетасованы и из них удалены все чуждые нам элементы. Мы одержали победу, хотя и не окончательную, так как Вассерман пока еще продолжал преподавать, но только одну латынь.

На кафедре, с которой преподавал Вассерман, мы установили табличку с надписью: «Евреи здесь нежелательны!» Когда он вошел в класс и увидел ее, то молча взял в руки и так же молча спрятал ее к себе в карман.

В ответ на это мы написали на него жалобу, обвиняя Вассермана в том, что он-де присвоил себе чужую собственность. Вассерману сказали, чтобы он вернул нам эту табличку, которую он куда-то выбросил. После этого случая он уже был не в силах выносить нас. Ему было рекомендовано купить точно такую же табличку в магазине и вернуть ее нам, что свидетельствовало бы о том, что он, как и мы, настроен в национал-социалистском духе. Вассерману, в конце концов, не оставалось ничего другого, как заказать себе такую табличку. Однако типографию, куда он намеревался обратиться с просьбой, мы заранее обо всем предупредили. И там ему было сказано, что они, конечно, смогут выполнить его заказ, но только в том случае, если он закажет не менее пятидесяти таких табличек.

Вассерману пришлось согласиться и на это, поскольку другого выхода у него не было.

Так мы стали обладателями целых пятидесяти подобных табличек, которые мы развешивали повсюду, где появлялся Вассерман: в учительской, перед его домом, перед его квартирой, перед его сараем, перед входом в школу. И Вассерман вскоре исчез из города. Это была наша окончательная победа.

И вот снова настал июнь, но только тысяча девятьсот тридцать четвертого года, когда отец снова на государственной машине приехал домой. Однако сначала он разыскал не маму, а тетушку Шемберляйн-Шипер. Было это как раз ночью, и шофер отца, его адъютант и ординарец ожидали его на улице.

«Матильда, — обратился отец к тетушке,— складывается очень серьезное положение, но у тебя есть связи, и ты должна мне помочь. В конце концов, ты родствен-

ница одного из видных философов, на которого молится наш фюрер».

Отец рассказывает это при мне, так как я был свидетелем их разговора, а я с восторженным лицом внимаю ему. Оказалось, что речь шла о распрях внутри самой партии. Начальник штаба одной из частей СА, по фамилии Рем, бывший участник войны и хороший друг отца, задумал захватить руководящую должность в руководстве рейхом.

«А у него есть шансы?» — деловито поинтересовалась тетушка.

«Но не против фюрера», — отвечает ей отец.

«Тогда чего же ты медлишь? — спрашивает удивленно тетушка.— Твое место возле Гитлера».

«Ты, конечно, права, но как мне безопаснее всего добраться до него?»

«Самым кратчайшим путем».

Через несколько недель отец снял с себя коричневую военную форму. Теперь он носит черный галстук. Этот цвет идет ему гораздо больше.

«Он выглядит очаровательно в своей новой черной форме,— сказала мама. — А его орден «Pour le merite» украшает его еще больше».

Узнав об этом, тетушка Шемберляйн-Шипер отозвала меня в сторону и сказала:

«Ты стал свидетелем больших событий, никогда не забывай об этом! Твой отец стоял перед труднейшим выбором, какой только может стоять перед мужчиной. Речь идет о верности. Кому он должен был быть верен? Камераден? Фюреру? Нет — рейху, а его олицетворял сам фюрер. Ты должен никогда не забывать о том, что Германия стоит превыше всего! Даже тогда, когда ради этого придется пожертвовать жизнью тысяч и тысяч людей!»

...Ее звали Ульрика. У нее каштановые волосы, она хорошо сложена, а походка у нее гибкая и пружинистая. При малейшей возможности она часто и подолгу смеется, смеется смехом здоровой, жизнерадостной немецкой девушки. Она была всего лишь на год старше меня, что, собственно, не имело особого значения, если не обращать внимание на то, что она была опытнее, нежели я. Мы вместе с ней занимались спортом и вместе отдыхали в оздоровительном лагере «Френдсберг» на берегу озера Аммерзее, где тысяча молодых людей, и среди них триста семьдесят девушек, жили в различных палаточных городках,

но зато питались они на общей кухне, их собирали и строили на общем плацу, и штаб-квартира у них была тоже общей.

Когда проходило первое обсуждение их планов, Ульрика опустила полог палатки, а затем сказала:

«Сначала нам нужно как следует познакомиться друг с другом. Это самое важное, а все остальное утрясется само собой».

А через три дня в лагере появился Либентраут, гебитсфюрер, который был прикомандирован к штабу рейхсюгендфюрера. Он проверял весь лагерь и не скупился на слова.

«Мне здесь нравится у вас, камераден, — сказал он.— И я у вас тут останусь. Но оздоровительные задачи — это, так сказать, самое главное».

И он действительно остался в лагере, устроившись жить в штабной палатке, чем почти до белого каления довел Ульрику.

«Он нарушает нашу гармонию»,— сказала как-то Ульрика, которая, хотя и понимала, что Либентраут делает с нами одно дело, однако все же придерживалась мнения, что, поскольку они являются представителями различных полов, то, следовательно, и к общей цели должны идти различными путями. Именно поэтому Ульрика и исчезла из штабной палатки. Однако у меня с гебитсфюрером Либентраутом установились настоящие теплые дружеские отношения. А когда лагерные сборы закончились, я был представлен к званию обербаннфюрера.

Однажды в нашей группе появился трус, по фамилии Зениг. Это был высокий юноша в очках, он сутулился. Он был карьерист, имел сестру с экзотическим уклоном, который смело можно было назвать русским.

Семья Зенигов переселилась в эти края из Рейнской области, судя по всему, оккупационные солдаты оставили свои следы в этой семье. Дома мать при случае разговаривала с детьми по-французски. Однако сам Курт Зениг наотрез отказался вступить в юношеский кружок и не пожелал прыгать в озеро с вышки. Тогда мы силком затащили его на вышку для прыжка в воду. Он сопротивлялся, упирался руками и ногами, пинался и даже плевался в нас. Он кричал, визжал, орал, как маленький ребенок. Однако мы, не обращая на это внимания, затащили его на самый верх вышки, а затем оттуда столкнули в воду. С ним случился сердечный удар, и он умер.

Сразу же началось расследование. Всех учеников стали вызывать на допрос.

«Кто присутствовал при этом?» — спрашивал нас директор школы.

В ответ на его вопрос вместе со мной поднялся весь класс.

«Кто в этом виноват?» — хотел узнать от нас директор.

И как только я сел на место, вместе со мной сел весь класс.

«Как это могло случиться?» — допытывался директор.

«Его хватил сердечный удар, — ответил я. — Это доказано. А удар хватил его от страха. Если в этом кто и виноват, то только он сам».

«Достойно сожаления,— проговорил наконец директор уклончиво, — но теперь уже ничего не изменишь».

«К тому же сейчас идет война, — заметил я.— И каждый из нас хорошо знает, что трусы не имеют права на существование».

«Хохбауэр, ты нас всех спас, — говорили мне одноклассники после этого разговора. — Если бы ты не привел столь веских доказательств нашему директору, наше дело было бы швах».

«Ну что вы, друзья, — ответил я. — Каждый из нас должен иметь мужество и должен знать свою цель, а когда есть то и другое, тогда какая же может быть неудача».

И после того как я вместе со всем нашим классом ушел добровольно в вермахт и прошел курс начального обучения, меня направили в часть, что, к сожалению, произошло уже после окончания похода во Францию. Но уже весной 1941 года нашу часть перебросили в генерал-губернаторство в Польшу, откуда с началом восточного похода перебросили на восточный фронт, сначала под Белосток и Минск, где я отличился в боях, за что и был награжден железным крестом второго класса. После участия в последующих боях против мировой большевистской опасности и учения на полковых курсах и курсах по подготовке кандидатов в офицеры под Дрезденом я был откомандирован в военную школу № 5, находившуюся в Вильдлингене-на-Майне.

Унтер-офицер Домике, назначенный командовать новобранцами, не был слизняком. Он то и дело командовал: «Ложись!», «Встать!». И очень скоро после выполнения таких команд все мы оказывались в грязи, она была у нас даже в уголках рта, в ушах, за воротником, а пот тек у нас по всему телу. Однако Домике и тогда не смягчился. Он заставил нас без отдыха маршировать по казарменному двору из конца в конец, и так продолжалось до тех пор, пока один из новобранцев не упал в обморок.

«Хохбауэр! — окликнул меня унтер-офицер. — Вы не считаете, что с вами обходятся несправедливо?»

«Никак нет, господин унтер-офицер».

«Вы не считаете, что вас «шлифуют» запрещенными методами?»

«Никак нет, господин унтер-офицер».

Такие ответы понравились Домике, поскольку правда всегда нравится.

После таких тренировок я дышал довольно спокойно и, следовательно, пульс у меня был близок к нормальному, а сердце не делало перебоев. К тому же я знал, что тело должно быть закалено, если я, разумеется, хочу добиться хороших результатов в службе. Я вспомнил, как сам закалял своих ребят в нашей организации гитлерюгенд. Следовательно, это не что иное, как система, целая система воспитания. Лодыри, слабаки и трусы в таких случаях обычно говорят о каких-то там мучениях, так уж пусть они с ними тогда на самом деле познакомятся.

...Партизан поставили к стенке за зданием школы. Это были трое мужчин и одна баба, задержанная с охотничьим ружьем. Она была в таких лохмотьях, что распознать, что она баба, а не мужик, можно было только по ее длинным волосам.

Нашу роту построили перед партизанами. Мы пялили глаза то на партизан, то на лейтенанта, который стоял перед нашим строем.

«Мне нужны добровольцы,— сказал лейтенант.— Этот сброд, — он ткнул рукой в сторону партизан,— вчера ночью поджег дом и убил двух наших солдат. Итак, добровольцы, выйти из строя».

Я вышел из строя первым, а мои друзья по отделению последовали моему примеру, все без исключения.

«Другого поступка я от вас и не ожидал», — похвалил меня лейтенант.

Между тем мой отец становится комендантом войск СС

в Орденсбург-Пронхаузене. Здание, которое он занимает, скорее даже не здание, а целый артиллерийский комплекс, украшенный древнегерманско-кельтскими стилевыми элементами, был построен давно и искусно вписался в местный ландшафт. И все это подчинено фюреру, разумеется, через посредство рейхсфюрера СС. Отец вместе с матерью и младшими братьями и сестрами живет в великолепной вилле с не менее великолепным розарием. Это, так сказать, и служебное помещение коменданта, где он проводит, если так можно выразиться, свои отпускные дни между двумя битвами. Самым счастливым днем в моей жизни был день, когда отец позволил мне сопровождать его во время обхода строя будущих СС-фюреров. Страстная речь отца, стержнем которой являлся лозунг «Верность за верность!».

Однажды вечером отец спросил меня:

«А как фамилия командира твоего полка? Кажется, Варнов, не так ли?»

«Так точно, отец,— ответил я ему. — Полковник Варнов».

«Тогда это его сын проходит службу у меня в Орденсбурге, — говорит отец. — Передай мой привет от меня своему полковнику, когда вернешься на фронт».

«Я очень рад, мой дорогой Хохбауэр, — говорит полковник Варнов, обращаясь ко мне. — Я от всего сердца рад, что дела у моего сына идут хорошо, что он делает успехи и что он находится в надежных руках вашего отца. Может, у вас есть желание, которое я бы охотно выполнил?»

Я прошу полковника послать меня на фронт. Однако позиция нашего полка явно не благоприятная. Нам довольно редко удается пробиться в первую линию.

«Унтер-офицер Хохбауэр,— говорит мне полковник Варнов, — я беру вас под свое покровительство. Вас переведут ко мне, в штаб полка. И никаких возражений! Скоро вы сами убедитесь в том, что, где я, там и идет война!»

Летняя ночь в России. Полутемно и так душно, что пробивает пот. Господин полковник снимает с себя френч. Свой рыцарский крест он обмывал в широком кругу друзей. Мне, как его личному ординарцу, разрешалось присутствовать при этом. Господин полковник расстегивает рубашку, а затем снимает ее через голову.

Мы сидим в комнате простого крестьянского дома, который выглядит несколько примитивным, однако и его

удалось облагородить по немецкой системе: чехлы на стульях, цветы в обливных горшках, знамена и портрет фюрера на стенах. На столе целая батарея крымского шампанского — двадцать восемь бутылок на семь человек приглашенных. Атмосфера в комнате постоянно теплеет. Господин полковник стаскивает брюки и, наполнив шампанским бокал, выливает его себе на широкую грудь, чтобы хоть немного освежиться. Остальные офицеры следуют его примеру. Взгляды настоящих мужчин, познавших полную гармонию.

«Мой дорогой Хохбауэр, — говорит вдруг полковник Варнов, обращаясь ко мне, — поди в мои объятия, мой сын, ты настоящий офицер».

Далее полковник Варнов говорит о том, что я якобы имею некоторое отношение к его геройскому подвигу и к тому, что он награжден рыцарским крестом. Оказывается, я могу гордиться тем, что одним из первых отыскал слабое место в обороне противника. К тому же все боевые донесения проходили через мои руки: четыре подбитых танка на одной высотке подсказали мне слабое место у противника. Затем господин полковник лично повел в прорыв полковой резерв. На поле боя остались лежать свыше четырехсот наших солдат, вот как героически мы сражались.

«Хохбауэр, — обращается ко мне полковник после боя, вытирая с подшлемника кровь своего шофера, который не успел вовремя нырнуть в убежище, — одного мы не должны никогда забывать: ради победы за правое дело ни одна жертва не может быть чересчур большой».

28

ИСТИНА ОПАСНА

На следующий день обер-лейтенант Крафт был освобожден от службы, чтобы иметь возможность завершить расследование, так сказать, по горячим следам, поскольку через несколько дней, как он считал, могло быть уже поздно. А сейчас у него еще было мужество сделать то, что он считал нужным и даже необходимым.

Сначала Крафт попросил капитана Федерса заменить его на полковых занятиях. Федерс сразу же согласился, даже ничего не спросив.

— Слава охотникам! Я, со своей стороны, взял было на мушку одного дикого кабана, но всемогущий господь бог лично распорядился и доложил: дикий кабан сдох от удара. Что вы на это скажете?

— Возможно, вы пытались вмешаться в дело господне, — заметил Крафт, — а ему это пришлось не по вкусу. У меня же дела обстоят несколько иначе. Я намерен показать госпоже юстиции, так сказать, оборотную, и притом ничем не прикрытую сторону бытия. Риска тут никакого нет, так как дама, как известно, слепа.

— Тогда тащите ее на свалку, а я тем временем буду держать наше учебное отделение под парами.

Выйдя из казармы, Крафт направился в город. Его восточная часть все еще дымилась, а смрадом оттуда несло еще сильнее, чем прошлой ночью.

Однако переулок Кранихгассе, в который свернул Крафт, оказался в полной сохранности. Там он разыскал Марию Кельтер и имел с ней разговор, прошедший, по его мнению, удачно. При этом обер-лейтенант вел себя так, как будто выполнял отданное ему распоряжение, правда, очень деликатное, но неизбежное. Это был метод, который вряд ли оказал бы действие на его бравых подчиненных, однако на ничего не понимающую девушку он произвел впечатление.

Поговорив с Марией Кельтер, обер-лейтенант Крафт вернулся в казарму. Сначала он решил зайти в здание штаба и не без цели заглянул в приемную генерал-майора Модерзона. Коротко, но не без теплоты он поздоровался с Сибиллой Бахнер, а затем сказал, обращаясь к обер-лейтенанту Бирингеру, адъютанту генерала:

— Я хотел бы поговорить с господином генералом.

— Это полностью исключено, — сказал Бирингер.— В настоящее время у генерала очень важное совещание с представителями партии и местных властей Вильдлингена, на котором обсуждаются мероприятия по ликвидации последствий вчерашней ночной бомбардировки.

— И как долго продлится совещание?

— По меньшей мере еще с час.

— Так долго я вряд ли смогу ждать. Пожалуйста, доложите обо мне генералу. Я задержу его не более чем на три минуты.

— Мой дорогой Крафт, — изумленно произнес Бирингер, — в какое положение вы хотите меня поставить? Вам пора бы знать нашего генерала, который не терпит, когда ему мешают, и особенно в присутствии посторонних. Ни я, ни вы на это не пойдете.

— Но ведь вы, кажется, еще никогда и не пытались сделать это.

Крафт отвернулся от адъютанта к Сибилле Бахнер. Она доверчиво улыбнулась ему, и он вопросительно посмотрел на нее.

Вдруг она встала со своего места и сказала:

— Прежде чем вы, господин Крафт, попытаетесь принудить меня к этому, я лучше на свой страх и риск доложу о вас господину генералу, только вы уж на меня, в случае чего, не пеняйте.

— А я тем временем, Крафт, подготовлю проект приказа о вашем переводе, раз уж вы такой необузданный,— проговорил Бирингер. — Беспокоить генерала во время совещания — да это настоящее безумие!

Сибилла Бахнер подошла к двери, что вела в кабинет генерала. Перед дверью она выпрямилась, быстрым движением руки поправила прическу и вошла в кабинет.

Крафт и Бирингер уставились на дверь кабинета. Адьютант рассчитывал на самое худшее в то время, как Крафт надеялся на самое лучшее.

Спустя несколько минут дверь генеральского кабинета снова отворилась, в ее проеме можно было видеть самого генерала, а позади него — улыбающуюся Сибиллу Бахнер.

Потом Модерзон встал и неторопливыми шагами вышел к обер-лейтенанту Крафту и подал ему руку. Увидев это, Бирингер, почти ничего не понимая, опустился в свое кресло.

— Ну-с, господин обер-лейтенант Крафт, — довольно официально, как и обычно, но, однако, не без ноток дружелюбия спросил генерал, — что вы желаете?

— Господин генерал,—начал обер-лейтенант Крафт,— я прошу разрешения на исключение.

— Чье исключение?

— Фенриха Хохбауэра, господин генерал.

Модерзон не пошевелился, он лишь немного сощурил глаза.

— Исключение из военной школы — мероприятие

очень редкое, я бы сказал, исключительное. Вы располагаете такими данными, которые позволили бы мне сделать такой шаг?

— Я убежден в этом, господин генерал, — твердо сказал обер-лейтенант, а несколько тише он добавил: — Это единственная возможность.

Генерал несколько мгновений помедлил, а затем спросил:

— Когда?

— Сегодня же, господин генерал, — решительно произнес обер-лейтенант Крафт. — Лучше всего под вечер, а я к тому времени все подготовлю.

— Согласен,— сказал генерал.

Проговорив это, генерал повернулся к своему адъютанту:

— Подготовьте все необходимое, Бирингер, для отдачи приказа об исключении фенриха Хохбауэра из шестого потока, учебное отделение «Хайнрих». Обоснование — доклад обер-лейтенанта Крафта, председатель комиссии по расследованию — начальник второго курса майор Фрей. Время: пятнадцать часов. Устно доложить завтра утром. Если вам что-то будет неясно, Бирингер, за разъяснением обратитесь к обер-лейтенанту Крафту.

Адъютант смущенно кивнул, не отрывая удивленного взгляда от своих записей.

Сибилла Бахнер подарила Крафту обнадеживающую улыбку, которой она, как правило, баловала только самого господина генерала.

Генерал-майор Модерзон размеренным шагом подошел к двери и остановился. Затем он обернулся, и тут произошло нечто необычное: генерал кивнул обер-лейтенанту Крафту, а уж затем исчез за дверью своего кабинета.

Бирингеру потребовалось немало времени для того, чтобы прийти в себя. А когда он опомнился, то спросил:

— У господина обер-лейтенанта будут еще какие-нибудь распоряжения для штаба?

— В настоящий момент нет, — ответил Крафт, бросив благодарный взгляд в сторону Сибиллы Бахнер.— Разве что одно, Бирингер. Попробуйте довести до сознания начальника курса, что в данном случае речь идет об окончательном исключении, а не о каком-то временном шаге.

— Ясно, — сказал Бирингер.

— Майор Фрей должен наконец понять, что любая

ошибка, которую он может допустить при этом, обернется против него самого. Помимо этого, обратите его внимание на то, чтобы не было никаких лишних разговоров. Все, что нужно будет разъяснить, будет разъяснено. Более того, я сам объясню это начальнику курса.

— Что вы имеете в виду под излишними разговорами?

— Об этом вам лучше спросить вашего генерала, — ответил Крафт.

— Ага,— со значением выдавил из себя майор Фрей,— я понимаю.

— Генерал желает подписать приказ об исключении,— объяснил по телефону майору Фрею адъютант генерала Модерзона,— и безо всяких обсуждений.

— Само собой разумеется, — поддакнул Фрей.— Мне все ясно.

Хотя на самом деле ему ничего не было ясно. Положив трубку на рычаг, майор еще некоторое время не сводил неподвижного взгляда с телефона. Он понимал, что Бирингер передал ему приказ генерала, и притом срочный приказ. Любопытно, чего хочет генерал-майор Модерзон?

Это был животрепещущий вопрос, требовавший глубокого анализа, и, чтобы заняться им в спокойной обстановке, майор Фрей решил поехать домой. С собой он забрал портфель, набитый всевозможными бумагами. Он решил, что в тиши собственной квартиры, после сытного обеда его наверняка осенит.

— Дорогая Фелицита, — обратился Фрей к жене, доедая суп, — мне официально поручено провести дознание исключительной важности.

— Ну и проводи, раз приказано,— поспешно сказала жена. — Ты не новичок и по документам и протоколам докажешь то, что тебе нужно.

Фелицита в последнее время, как заметил Фрей, была какой-то невнимательной. Он вовсе не нуждался в ее совете, он просто хотел за обедом поговорить с ней немного.

— Подобные вещи, — заговорил он, когда Барбара подала на стол жаркое, — у нас встречаются чрезвычайно редко. За все время существования нашей школы подобное встречалось всего лишь пять раз. А вот при генера-

ле Модерзоне это первый случай. Но это, разумеется, ничего не значит.

— Для тебя, конечно, ничего, — заметила фрау Фрей.

Чувствовалось, что ее это нисколько не интересует. Она даже не полюбопытствовала, как же зовут жертву. В последнее время она часто находилась в состоянии апатии, что было заметно даже за столом.

После обеда майор удалился к себе в кабинет, а фрау Фелицита прилегла на диван. Барбара принялась варить крепкий кофе с сахаром.

Майор намеревался хорошенько все продумать, но ему то и дело мешала Барбара. Она наклонилась к нему, поставила чашку с кофе на стол и спросила, обласкав взглядом:

— Не хочешь ли выпить рюмку коньяка?

— Я хочу поработать, — ответил он уклончиво.

— Однако тебе необходимо немного и отдохнуть, — посоветовала Барбара.

Майор еще ниже склонился над своими бумагами, стараясь сконцентрировать весь свой ум на ответах на целый ряд вопросов. Чего именно хотел генерал? Какую цель он преследовал? Какие именно документы его заинтересуют? Что следует подготовить, а что можно временно отложить в сторону? Ну и, наконец, кардинальный вопрос. Поскольку до сих пор генерал еще ни разу не прибегал к подобной мере, хочет ли он этого на самом деле? Проблемы, одни проблемы!

Неожиданно Фрей почувствовал что-то теплое на своей спине. Ему понадобилось всего лишь несколько секунд, чтобы сообразить, что это такое: это племянница Барбара прижалась к нему.

— Ты с ума сошла! — воскликнул он удивленно.

— Не сердись,— с трудом вымолвила Барбара.— Разреши мне немного посмотреть на тебя, только и всего.

— Перестань, — с трудом проговорил майор.— Каждую секунду сюда может войти твоя тетушка!

— Она спит, — тихо вымолвила Барбара и еще плотнее прижалась к майору. Ее влажные открытые губы коснулись его уха.

— Ты забываешь, что твоя тетушка является моей женой.

— Именно поэтому.

Нельзя сказать, чтобы Арчибальд Фрей активно защищался, отнюдь нет, скорее всего он несколько раз поше-

велился, возможно для того, чтобы занять более удобную позицию.

— Тебе не стыдно? — бросил он.— Это белым-то днем!

— Ночью на это каждый способен, — проговорила Барбара, садясь ему на колени.

Арчибальд Фрей, словно бы защищаясь, опустил руку на грудь Барбары. При этом он успел посмотреть на часы; было уже поздно, ужасно поздно.

Он так резко вскочил на ноги, что Барбара съехала на ковер; не вставая, она смотрела на него жадными глазами.

— Немедленно встань,— сказал майор.— Будь благоразумной и не делай глупостей! Ты никогда не должна забывать о том, что я женат на твоей тете, и счастливо женат! Не смейся так, я тебе это говорю вполне серьезно. К тому же в данный момент у меня нет ни минутки свободного времени. Сначала я должен разделаться с очень важными служебными делами. Мы с тобой позже поговорим!

Около пятнадцати часов майор покончил со всеми приготовлениями. Он хотел быть принципиальным и решил начать расследование минута в минуту. Тут же он рассудил, что для бесед лучше всего подойдет учебная аудитория номер семь, в которой им никто не будет мешать, да и отапливается она лучше других.

Для участия в расследовании необходимо пригласить следующих лиц: капитана Ратсхельма, капитана Федерса, обер-лейтенанта Крафта, фенриха Хохбауэра. Кроме того, какого-нибудь неболтливого унтер-офицера для ведения протокольных записей. Затем потребуется еще один унтер-офицер в распоряжение самого майора, по-видимому в качестве посыльного.

Помещение было соответствующим образом обставлено: в центре отдельный стол для майора, на нем папка с документами. Перед столом — ряд стульев. Затем стоят еще два стола, пока еще никем не занятые, один — слева, другой — справа.

Были собраны офицеры и солдаты, которые молчали. Никто из них еще не знал, о чем, собственно, пойдет здесь речь.

Майор Фрей, казалось, с головой ушел в лежавшие перед ним бумаги. Крафт стоял прямо и неподвижно, не замечая дружески-ироничных взглядов, которые бросал на него капитан Федерс. Хохбауэр старался выглядеть

мужественно и время от времени поглядывал на капитана Ратсхельма, который улыбкой старался поддержать его. Унтер-офицеры глядели равнодушно прямо перед собой, выражая всем своим видом, что ничего интересного в военной школе произойти не может.

Майор, немного подумав, важным тоном заговорил:

— Согласно полученному мною приказу заседание комиссии по расследованию поведения фенриха Гейнца Хохбауэра, рожденного двадцать первого третьего тысяча девятьсот двадцать третьего года в Розенгейме, в настоящее время фенриха учебного отделения «Хайнрих», шестого потока, объявляю открытым.

— Вношу предложение, — сразу же заговорил капитан Ратсхельм, как только майор кончил говорить, — прекратить ведение расследования за отсутствием веских причин для этого.

— Со своей стороны вношу предложение отстранить капитана Ратсхельма от участия в данном расследовании по причине его пристрастности.

Капитан Ратсхельм залился краской и, не выдержав, выкрикнул:

— Я протестую против подобных подозрений!

— Здесь речь пойдет не о подозрении, а о совершении проступка, который я докажу!

— Это клевета! — возмущенно выкрикнул Ратсхельм.

— Но, господа! — произнес майор строго.— Я попрошу вас вести себя подобающим образом, ведь вы находитесь не в казино!

Чтобы еще больше подчеркнуть серьезность сказанного, майор Фрей стукнул ладонью по столу. Он был поражен: не успел он открыть заседание, как его уже хотят закрыть. И кто? Его же подчиненный. К чему это может привести?

— Я предлагаю,— начал капитан Федерс,— обсудить суть дела сначала, так сказать, при закрытых дверях.

— Именно это хотел предложить и я, — с облегчением вздохнул майор.— Итак, всем, кроме офицеров, покинуть помещение!

Фенрих Хохбауэр и оба унтер-офицера поспешили выполнить это распоряжение. Они торжественно отдали честь и вышли из аудитории.

Когда дверь за ними закрылась, капитан Федерс бодро сказал:

— Нельзя никого принуждать смотреть на наше грязное белье. Я выступаю за то, чтобы все сказанное здесь осталось между нами и чтобы мы побыстрее покончили с этим делом. Нам ясно следующее: Крафт и я голосуем за исключение Хохбауэра из школы. Капитану Ратсхельму я бы посоветовал воздержаться от голосования. А вы, господин майор, естественно, не занимаете ничью сторону.

— Напротив! — воскликнул капитан Ратсхельм с бойцовским азартом. — Я решительно выступаю против!

— Двое — за исключение, — как ни в чем не бывало продолжал Федерс, — один — против. Теперь вы видите, что ваша не прошла, и если вы благоразумны, то скажите свое «да», и покончим на этом.

— Я всегда стоял и буду стоять за справедливость! — высокопарно заявил Ратсхельм.

— Господа, господа! — воскликнул майор.— Так дело не пойдет! Мы собрались с вами для того, чтобы вынести свое официальное обоснованное решение об исключении. Весь смысл нашего сегодняшнего заседания будет состоять в том, — в этом месте майор остановился и заглянул в свои записки,— чтобы мы, выслушав и детально обсудив все «за» и «против», пришли к ясному выводу и желательно единогласно проголосовали бы за наше решение. Решение должно быть принято, так как перенос заседания, как и его передача в другую инстанцию, маловероятны.

Майор внимательно осмотрелся, а чтобы не дать офицерам перегрызться между собой как собакам, он прибег к следующему методу: он разрешал то, что не мог запретить, и одновременно пытался соединить все воедино.

— Господа, мне лично поручено провести это совещание, и я жду от подчиненных мне офицеров поддержки безо всякого желания повлиять на их взгляды. Господин обер-лейтенант Крафт взял на себя роль обвинителя фенриха Хохбауэра. Будет вполне допустимо, если один из господ офицеров возьмет, так сказать, сторону фенриха, в этой роли вполне может выступить капитан Ратсхельм; я же надеюсь, что капитан Федерс возьмет на себя обязанности эксперта. Все согласны?

— Хорошо, — ответил Федерс.

— Согласен, господин майор, — произнес Ратсхельм послушно.

— Я не согласен, — заупрямился Крафт. — Я продолжаю настаивать на отводе господина капитана Ратсхельма.

— Обоснуйте свое требование! — потребовал майор Фрей прежде, чем капитан Ратсхельм успел что-либо сказать.

Фрей знал, что обер-лейтенант Крафт ни за что не отступится от своего, а отговаривать его от этого было равносильно пустой трате времени, так что практически ему не оставалось ничего другого, как взять этот барьер. Но удобнее всего это было сделать тогда, когда Ратсхельм будет вести себя тихо. Поэтому майор и сказал:

— Могу я просить вас, господин капитан Ратсхельм, сообщить нам свои аргументы.

— Так точно, господин майор,— ответил Ратсхельм.

По знаку майора Фрея обер-лейтенант вышел вперед. Вынув из папки какую-то бумагу, он положил ее на стол перед майором со словами:

— Здесь записаны все посещения фенрихом Хохбауэром капитана Ратсхельма за последние две недели.

— Что означает этот тайный сыск?! — возмутился Ратсхельм. — Это похоже на методы гестапо!

— Ваше последнее замечание,— усмехнулся капитан Федерс,— вполне можно рассматривать как подрыв государственных устоев...

— Я этого не слышал, — оборвал его Фрей.

Ратсхельм тотчас же сообразил, что допустил грубую ошибку, и тут же признался:

— Ничего подобного я, разумеется, не имел в виду. Подрывать государственные устои я никогда не стану, так как это противоречит моей натуре. Следовательно, считайте, что я ничего подобного никогда не высказывал.

Крафт насторожился, готовый к прыжку.

А майор тем временем продолжал:

— Я не могу видеть что-то предосудительное в том, что фенрих посещает своего начальника курса.

— Будь такое посещение случайным, его вполне можно было бы считать нормальным, но столь частые посещения при определенных обстоятельствах отнюдь не могут рассматриваться как нормальные, тем более если учесть, что некоторые из них занимали по времени до трех и более часов.

— Трех и более часов? — удивленно спросил майор Фрей.

— Можно подумать, — усмехнувшись, заметил Федерс, — что этот фенрих является родственником нашего уважаемого капитана, либо женат на нем или же влюблен в него.

— Здесь речь шла только о выполнении мной моих обязанностей, — пытался защищаться капитан Ратсхельм, по одному виду которого нетрудно было догадаться, что он смущен.— Как мне кажется, каждый воспитатель должен быть заинтересован в лучшей подготовке подрастающего поколения молодых офицеров.

— Трех и более часов? — еще раз переспросил майор, сильно растягивая слова. — При всем желании вас понять, капитан Ратсхельм, не слишком ли жирно тратить столько времени на одного фенриха? Тем более что вам доверено воспитание ста двадцати фенрихов.

— Но этот, господин майор, особенно одаренный, он — приятное исключение из общего числа.

— А мы, его непосредственные начальники, придерживаемся совершенно другого мнения. Мы не считаем его чрезвычайно одаренным, а его отношение к капитану Ратсхельму позволяет нам трактовать это иначе, — заговорил Крафт. — Фенрихи моего учебного отделения говорят об этом довольно открыто.

— Я вас не совсем понимаю, Крафт, — перебил его майор, все еще не понимая, куда тот клонит, — что вы, собственно, хотите сказать? То ли вы хотите обвинить господина капитана Ратсхельма в том, что он дает Хохбауэру родственные поблажки, то ли хотите обвинить его во взяточничестве, насилии или в чем-нибудь подобном?

— Я счел бы ниже своего достоинства,— покраснев как рак, начал Ратсхельм,— обращать внимание на подобные подозрения.

— Говорите яснее, Крафт! — потребовал майор.

— Осторожно, господин майор! — по-дружески воскликнул Федерс. — Вы можете сесть в лужу! И если вы этого еще не замечаете, то вас не грех об этом предупредить. Во всяком случае, господин майор, сейчас у вас остается одна возможность: проявлять человеческую симпатию, а лучше, мужскую симпатию...

— Хватит! — выкрикнул майор тревожно. Наконец-то и до него, видимо, дошло, что на него накатывается. Он, здравомыслящий солдат и начальник, был недалек от того, что чуть было не опрокинул бочку с дерьмом. Последствия этого шага было трудно предвидеть,

если бы он сделал еще один шаг. — Все остальные слова напрасны!

Немного опомнившись, майор Фрей начал пытаться обезопасить себя.

— Господин капитан Ратсхельм, — начал он с небольшим упреком, но в то же время и с некоторой долей сочувствия, — я всегда ценю офицеров, которые не жалеют времени на своих фенрихов. Однако слишком большое усердие может нарушить необходимое равновесие. А здесь, как мне кажется, тот самый случай. Я не могу этого одобрять, но не могу и осуждать, поскольку я предполагаю, что вы руководствуетесь исключительно добрыми мотивами.

— Я готов заверить вас, господин майор, — начал пояснять Ратсхельм,— что бы я ни делал, я всегда руководствуюсь долгом. Я считаю фенриха Хохбауэра одним из лучших и способнейших кандидатов в офицеры на моем курсе. Я готов положить руку в огонь. И продолжаю считать абсурдной, если не сказать подлой, саму мысль об исключении его из школы...

— Господин капитан, — перебил его майор, которому пришлись не по вкусу последние слова Ратсхельма, — я попрошу вас не забывать о том, что мне поручено провести это расследование, а это означает, что уже по одному этому оно не может быть ни абсурдным, ни тем более подлым.

— Я прошу господина майора разрешить мне забрать обратно столь неудачно сказанные мной слова, о чем я очень сожалею.

Майор Фрей отнесся к этой просьбе капитана великодушно. Он встал на путь незначительного сопротивления, который вел через Ратсхельма. Этот неуправляемый Крафт стоял как стена, и устранить его можно было только взрывом.

— Известное предубеждение, в котором я не вижу ничего пристрастного, завело господина капитана Ратсхельма в трудное положение. Однако я не вижу никаких препятствий для продолжения расследования. Давайте перейдем ближе к делу. Прошу вас, господин обер-лейтенант Крафт.

Крафт вышел вперед и сказал:

— Я обвиняю фенриха Хохбауэра в изнасиловании.

— Абсурд! — выкрикнул капитан Ратсхельм. — Полный абсурд! Фенрих Хохбауэр такого не может сделать!

— А откуда вам это знать? — с любопытством спросил Федерс.

— Как раз в этом-то отношении фенрих Хохбауэр имеет твердые принципы,— возмущенно проговорил Ратсхельм.

— Господин майор, у меня есть доказательства. Пострадавшую девушку зовут Марией Кельтер. В настоящий момент она находится неподалеку отсюда и по вашему вызову готова предстать перед вами. Могу я послать за ней унтер-офицера?

— Смешно! — не сдержался капитан Ратсхельм. — Пусть эта девица смело приходит, если уж мы непременно хотим осрамиться.

Майор, которого уже начало бросать в пот, сначала кивнул, а затем сказал:

— Пусть девушка придет, но до этого мы хотим поближе познакомиться с фенрихом Хохбауэром. Я надеюсь, что все со мной согласятся в том отношении, что пока нам следует отказаться от ведения протокола и от присутствия здесь низших чинов. Согласны? Ну и хорошо! Тогда давайте продолжать. Прошу вас, господин обер-лейтенант Крафт.

Крафт вышел в коридор и приказал Хохбауэру войти в аудиторию. А когда тот вошел, Крафт еще раз вышел в коридор и передал унтер-офицеру приказ майора Фрея сходить во второй буфет и привести оттуда фройляйн Марию Кельтер.

А тем временем фенрих Хохбауэр вновь предстал перед комиссией. Он стоял большой, гибкий, без каких-либо признаков беспокойства. Крафта он, казалось, не замечал и смотрел мимо него. На Федерса он тоже старался не смотреть. Однако, поймав на себе бодрящий взгляд капитана Ратсхельма, Хохбауэр повернулся к майору Фрею и начал внимательно разглядывать его.

— Фенрих Хохбауэр, — деловито начал майор, — вы находитесь перед комиссией по расследованию. Все присутствующие вам, видимо, лично знакомы. Перед нами поставлены задачи — определить, можете ли вы впредь оставаться в нашей военной школе или не можете. Решение, которое вынесет наша комиссия, обжалованию не подлежит, то есть оно окончательно. Если мы решим исключить вас, ваша солдатская карьера на этом закончится: вы будете разжалованы из фенрихов и уже никогда не сможете стать офицером. Само собой разумеется,

что вы должны говорить перед нами правду, только правду и ничего больше. Вам все ясно, фенрих?

— Так точно, господин майор! — корректно ответил Хохбауэр.

— Тогда перейдем к сути дела!

— Господин майор, — заговорил фенрих Хохбауэр, чувствуя, что он обязательно должен оправдаться, — я позволю себе сослаться на то, что мое дело, если о таковом вообще можно говорить, уже закончено. И закончено официальным следствием в штабе начальника военной школы. Возобновление его будет затруднено тем, что оно может совершиться только с помощью той же инстанции. В случае же появления новых подозрений об этом придется ставить в известность старшего военного советника юстиции господина Вирмана. Другого выхода быть не может.

Проговорив это, Хохбауэр по очереди посмотрел на лица четырех офицеров, которые в свою очередь с изумлением смотрели на него. Хохбауэр воспринял их реакцию на свое заявление как чистое изумление и был готов насладиться этим. Ему казалось, что он великолепно подготовился к этому разбирательству, заранее взвесил все «за» и «против», как следует выдрессировал свидетелей, которые могут понадобиться, короче говоря, подготовился так, что ничто уже не могло его удивить.

Однако стоило только Хохбауэру взглянуть на Крафта, как он вдруг почему-то почувствовал в себе неуверенность, так как глаза обер-лейтенанта излучали спокойствие и уверенность.

— Послушайте, о чем вы, собственно, говорите? — угрожающе спросил майор.

И тут Хохбауэр заметил, как капитан Ратсхельм еле заметно покачал головой. Это еще больше обеспокоило Хохбауэра. Он тотчас же начал лихорадочно соображать, что было уже бесполезно, так как все его приготовления рухнули как карточный домик.

Что же, собственно, случилось? Он натолкнулся на сильное сопротивление, а сейчас этот Крафт, попросту говоря, хитро подставил ему ножку. Он споткнулся, но по-настоящему понял это только тогда, когда за его спиной голос вошедшего в аудиторию унтер-офицера произнес:

— Господин майор, фройляйн Мария Кельтер находится здесь!

«Так вон оно что!» — мысленно воскликнул Хохбауэр и тут же попытался взять себя в руки и сосредоточиться. Что этим хочет доказать Крафт? И все ли это? Что можно ожидать еще?

В поисках поддержки Хохбауэр бросил взгляд на Ратсхельма, но тот с недовольным видом разглядывал только что вошедшую девушку.

Мария Кельтер, маленькая и изящная, застенчиво приблизилась к столу майора, сопровождаемая пятью парами глаз, которые смотрели на нее частично с любопытством, частично с озабоченностью. По узкому лицу девушки разлился густой румянец.

Сначала майор попросил унтер-офицера снова удалиться в коридор, а уж только после этого он довольно дружелюбно обратился к Марии Кельтер, при этом в голосе его даже послышались отеческие нотки. Затем майор поблагодарил девушку за то, что она пришла сюда, и заверил ее, что он очень ценит это. Потом Фрей попросил Марию помочь им отыскать истину, ссылаясь при этом на ее откровенность.

— Поскольку я уже заверил вас в том, что буду предельно деликатен, и не только я, но и остальные присутствующие здесь лица, могу вам сказать, что все, о чем тут будет идти речь, останется между нами и никуда не выйдет из этих стен. Поэтому я рассчитываю на вашу помощь, фройляйн Кельтер, не так ли?

— Да, — ответила майору Мария.

— Простите, пожалуйста,— проговорил майор.— Я забыл вам представиться. Я — майор Фрей, командир этой военной школы. Вы же спокойно можете называть меня господином майором.

— Да, господин майор, — проговорила Мария Кельтер.

— Итак, фройляйн Кельтер, — мягко начал майор,— на вас напали, да?

Мария Кельтер испуганно посмотрела на него, а затем как-то беспомощно огляделась.

— Нападение и изнасилование — это не одно и то же, — поспешил ей объяснить капитан Федерс.— А господин майор хотел бы знать следующее: были ли вы, фройляйн Кельтер, силой принуждены к удовлетворению любовной утехи, на что вы добровольно не соглашались?

— Да,— произнесла Мария Кельтер.

— Таким образом, — начал майор с подъемом, — вы

ответили на первый вопрос, который я вам задал. Тогда перейдем к следующему вопросу. Это сделал фенрих Хохбауэр?

— Да, — чуть слышно ответила Мария.

— Этого не может быть! — выкрикнул побледневший как стена капитан Ратсхельм. — Хохбауэр, скажите же им, что это неправда!

Однако Хохбауэр ничего не сказал, а лишь низко опустил голову. По выражению его лица было заметно, что он пытался что-то лихорадочно сообразить. Он должен был найти какой-то выход! После долгой паузы он сказал:

— Это дело скоро прояснится. Скорее всего это недоразумение.

— Ага! — воскликнул Федерс.— Вы хотели изнасиловать другую девушку.

— Нет, совсем нет! — быстро ответил Хохбауэр.

— Значит, эту!

— Это было вовсе не насилие! — сказал Хохбауэр.

Но капитан Ратсхельм вряд ли слышал эти слова фенриха, так как они оставили его равнодушным. Ему было ясно одно: это сделал Хохбауэр! Этот примерный юноша скатился на путь порока, да еще сексуального! Так низко пал его идеал! Этим признанием для капитана Ратсхельма был разрушен целый мир. И разрушителем этого мира был не кто иной, как Хохбауэр!

— Сейчас я попрошу вас, Хохбауэр, быть особенно точным, — начал майор, обращаясь к фенриху.— Если вы, Хохбауэр, утверждаете, что это было отнюдь не насилие, то тем самым вы одновременно утверждаете, что фройляйн Кельтер сказала нам здесь неправду! Скажите, фройляйн Кельтер, вы не отказываетесь от сказанного вами ранее?

— Нет, господин майор, — тихо, но отчетливо произнесла девушка. — Это произошло против моей воли.

— Хохбауэр, — потребовал майор, — как вы нам это объясните?

— Я был уверен,— отвечал фенрих, — что в известной степени между нами было согласие.

— Фройляйн Кельтер, что вы скажете на это?

— Против меня совершили насилие.

— Вы сопротивлялись? — поинтересовался майор.

— Да.

— Вы звали на помощь?

— Я не знаю. Кажется, нет.

— А почему?

— Это было бесполезно. Мы находились в городском парке, поблизости не было ни одной живой души. Может быть, я и кричала, только не очень сильно.

— Я думаю, господин майор, — произнес обер-лейтенант Крафт, — остальные детали мы можем и опустить. Нам и так все ясно. Я считаю, что нам все ясно.

— Мне тоже,— заметил Федерс.

— А вам, господин капитан Ратсхельм? — спросил майор Фрей.

— Я нахожу дело попросту отвратительным. И чем быстрее мы с ним покончим, тем будет лучше.

Проговорив это, Ратсхельм бросил уничтожающий взгляд на Хохбауэра, у которого не было ни времени, ни потребности замечать разочарованность капитана. До Хохбауэра только сейчас дошло, что ему во что бы то ни стало необходимо найти какой-то выход. И совершенно неожиданно он понял, что нашел его!

Уставившись на Марию Кельтер, Хохбауэр горячо и проникновенно сказал:

— Мария, мне очень жаль, что все так получилось. Я же этого не хотел. Извини, пожалуйста! Конечно, вел я себя непростительно, но ведь я, Мария, преследовал самые серьезные намерения, со всеми вытекающими из них последствиями. Я сегодня же схожу к твоим родителям и попрошу у них твоей руки, Мария. Но ты не можешь говорить, что я овладел тобой силой.

— Да ведь это не что иное, как подкуп свидетеля,— деловито констатировал Федерс и подмигнул Крафту.

— Господин майор, — начал энергично Крафт, — я прошу вас пресечь подобные поползновения.

— Если я все правильно поняла, господин майор,— быстро заговорила Мария, — то это, возможно, была даже любовь.

— Так точно,— подтвердил Хохбауэр, отметая в сторону ловушку Крафта.— Да, я готов ко всем последствиям, Мария, и сегодня же вечером.

— Не спешите, не спешите! — воскликнул майор, почувствовав, что подошло время снова взять бразды правления в свои руки.

В душе майор подумал о том, что такой поворот в ходе разбирательства не так уж и плох, так как случай изнасилования в его подразделении лег бы черным пят-

ном на его собственную репутацию, а такой поворот отнюдь не сулил никакого наказания, а сама по себе помолвка разом разрешила бы все проблемы. Лучший аргумент для решения этого разбирательства было трудно и представить. Да и почему, собственно, он должен делать одолжение этому упрямому офицеру Крафту? Вопрос теперь заключался только в том, как именно провести это дело на последнем повороте.

— Итак, фройляйн Кельтер, — важно произнес майор, — сначала вы утверждаете, что над вами было совершено насилие, а потом начинаете уверять нас в том, что ничего подобного не было. Так каково же ваше последнее утверждение?

— Да, господин майор, — начала Мария Кельтер, бросив беглый, но красноречивый взгляд на застывшего Хохбауэра,— я кое-что передумала. Мне только сейчас стало ясно, что... что до насилия дело и не дошло. Да и какое это могло быть насилие?

— Значит, говорите, до этого дело не доходило? — спросил майор, наморщив лоб.

— Нет, разумеется, нет,— подтвердила девушка. — Сначала он вел себя так дико, что я даже начала было защищаться. Но когда дело пошло дальше, то он вообще ничего не... Если вы понимаете... — И она замолчала.

Капитан Федерс так захохотал, что казалось, вот-вот свалится со стула на пол. Созданный им шум можно было принять за прорыв плотины. Все присутствующие уставились на него такими глазами, как будто он был пришельцем с другой планеты.

— Боже мой! — сквозь смех громко удивлялся капитан.— До чего же комичен наш мир!

— Я надеюсь, капитан Федерс, — прервал его майор Фрей,— что вы возьмете себя в руки и сможете продолжать следить за ходом разбирательства. А теперь, фройляйн Кельтер, мы благодарим вас за оказанную нам помощь. Вы можете идти.

Мария Кельтер дружески улыбнулась всем, но особенно нежная улыбка предназначалась Хохбауэру.

— Я жду тебя, — сказала она ему нежно, хотя в голосе ее все же чувствовался нажим. Сказав это, она быстро вышла из комнаты.

— Таким образом, дело можно считать ясным, — сказал майор. — На этом мы его закрываем. Или я заблуждаюсь, господин Крафт?

— Так точно, господин майор, — ответил ему обер-лейтенант.— Вы действительно заблуждаетесь. И мне очень жаль вас. Или я могу надеяться, что и вы тоже пришли к негативному решению?

— Как я могу к нему прийти, это после таких-то ущербных доказательств, с которыми вы нас познакомили, Крафт!

— Ну, хорошо, господин майор, тогда вы сейчас придете к этому!

Сказав эти слова, обер-лейтенант Крафт под внимательными взглядами присутствующих полез в свою папку и достал из нее тонкий батистовый платочек. Затем он положил его на стол перед майором, и положил так, что монограмма «ФФ» была хорошо видна.

Майор уставился на него, словно перед ним лежал не платочек, а свернувшаяся клубком чрезвычайно ядовитая змея. Постепенно лицо майора начало медленно принимать бессмысленное выражение, а затем исказилось улыбкой, скорее похожей на гримасу.

— Что это такое? — глухо спросил он.

— Об этом, господин майор, — начал Крафт без всякого снисхождения, — вам лучше спросить фенриха Хохбауэра. Этот носовой платочек находился у него. Кому принадлежит этот платочек, господин майор, нетрудно установить.

— Что это значит?— вскричал майор.

Все присутствующие, словно сговорившись, уставились на Хохбауэра. Он побелел, словно свежевыпавший снег, и не находил слов, чтобы дать какое-то объяснение.

— Вы свинья! — заорал майор, уже не владея собой.— Ах вы грязный пес! И вы осмелились протянуть свои лапы к моей... моей... Вон отсюда! Вон! Пока я вас не убил!

Хохбауэр повернулся кругом и, низко опустив голову, забыв отдать честь, вышел из аудитории.

А майор все никак не мог оторвать взгляда от лежавшего перед ним платочка. Голова и лицо его стали красными. Присутствующие тактично старались не смотреть на него, даже капитан Федерс.

— Господин майор, — первым прервал тишину обер-лейтенант Крафт,— я голосую за исключение Хохбауэра.

— Я тоже, — сказал Федерс.

— Подобных субъектов мы не можем терпеть в своей среде, — объяснил слегка дрожащим голосом капитан

Ратсхельм. — Ему нечего делать в наших рядах. Он не заслуживал моей симпатии. Исключить!

— А ваше мнение, господин майор?

— Вон эту свинью! — выкрикнул майор таким голосом, будто он только что очнулся от долгого и глубокого сна.— Гнать пора таких, как он! Ну расходитесь же вы наконец! Да не пяльте на меня глаза! Я хочу побыть один! Я хочу, в конце концов, остаться один!

Ночью, последовавшей за заседанием комиссии, капитан Федерс и обер-лейтенант Крафт до чертиков напились. Они проклинали мир, который принуждал их стать убийцами. А Марион Федерс и Эльфрида Радемахер ужасно боялись за них.

Той же ночью капитан Ратсхельм написал рапорт с просьбой срочно перевести его в часть, действующую на фронте.

Майор Фрей тоже писал, он писал специальный приказ, с помощью которого намеревался срочно довести до фенрихов, что от них в особо щекотливых случаях потребуют нравственность и мораль.

В ту же самую ночь фенрих Хохбауэр пришел к заключению, что его честь запачкана, авторитет потерян, а карьера рухнула раз и навсегда. Все это утвердило его в мысли, что жизнь его лишилась всякого смысла, в таких условиях может существовать только собака.

Все это он и изложил в своем прощальном письме, а затем взял свой карабин и застрелился.

29

СМЕРТЬ ТОЖЕ ИМЕЕТ СВОЮ ЦЕНУ

Смерть фенриха Хохбауэра, как выяснилось позже, наступила на рассвете двадцать первого марта тысяча девятьсот сорок четвертого года. На календаре значилось: «Начало весны». Более точно: смерть наступила в пять часов пять минут. Место смерти (оно явилось особенно неприятным и безрадостным обстоятельством) — туалет в конце барака.

В это время в нем как раз находился фенрих Меслер, пытавшийся освободить свой кишечник. Сидел он там с закрытыми глазами, уставший, погруженный в нечто похожее на полусон, и вдруг услышал звук выстрела.

— Я очень испугался,— рассказывал позже Меслер.— Сначала я даже подумал, что мне показалось, будто прогремел выстрел. Такого быть не может, тем более в такое-то время. Я подошел к двери и, толкнув ее, увидел его.

К счастью Меслера, что тоже будет установлено позже, он был первым свидетелем произошедшего, но отнюдь не единственным. Этот выстрел слышал и фенрих Бергер, находившийся в наряде. Бергер только что встал и был бодр не в пример Меслеру. Услышав выстрел, он вышел в коридор и поспешил в туалет, так как звук выстрела донесся именно оттуда.

И там Бергер увидел лежавшего на полу человека, освещенного скупым светом лампочки. Это был фенрих, одетый в форму. Рядом с ним лежал карабин. Затылок лежавшего был весь залит кровью.

«Это, вероятно, Хохбауэр», — мелькнула у него мысль.

И только тут Бергер с испугом заметил фенриха Меслера, который, судя по всему, сам только что пришел сюда.

— Боже мой! — воскликнул Бергер. — Что все это значит?

Меслер ничего не ответил. Он опустился на колени и внимательно рассматривал лежавшего, но не дотрагивался до него. Потом поднял голову и сказал:

— Готов!

— Он мертв! — воскликнул Бергер, беспомощно оглядываясь по сторонам. — Этого не может быть! Что же случилось? Что я должен делать?!

— Сначала ты должен закрыть свой рот! — посоветовал ему Меслер. — Своим криком ты поднимешь всю казарму! Будет лучше, если сначала ты сообщишь о случившемся обер-лейтенанту Крафту.

— Я сейчас же сделаю это! — согласился Бергер. — Это будет самое лучшее.

Однако было уже поздно, так как выстрел и громкие выкрики дневального разбудили нескольких фенрихов. Они бросились в туалет. Заспанными и удивленными глазами они смотрели на труп, обступив его.

Фенрих Меслер повернулся к Бергеру и сказал:

— Ты должен немедленно изолировать это место по крайней мере до тех пор, пока не получишь другого приказа от офицера-воспитателя.

— Но что я, собственно, должен сделать? — беспомощно спросил Бергер.— Не могу же я одновременно торчать здесь и бежать за обер-лейтенантом Крафтом!

— Ребята, расходитесь! Не стойте здесь! — распорядился подошедший сюда командир учебного отделения Крамер. Он протолкнулся вперед, чтобы лучше все видеть, а увидев, побледнел.

Однако Крамер и в столь сложной обстановке оказался на высоте фельдфебеля. Он тотчас же взял командование на себя и распорядился:

— Всем покинуть помещение! Бергер, ты становишься часовым у двери. Ты, Меслер, оповещаешь о случившемся обер-лейтенанта Крафта. Я лично буду охранять место происшествия.

— И как долго все это будет продолжаться? — поинтересовался отнюдь не ради пустого любопытства один из фенрихов, скрываясь в коридоре.

Когда на месте происшествия появился обер-лейтенант Крафт в стареньком банном халате в бело-голубую полоску, все расступились, пропуская его. Он был бледен, лицо уставшее и какое-то застывшее.

Увидев офицера, фенрих Крамер вытянулся и, приложив руку к головному убору, доложил:

— Случилось чрезвычайное происшествие, господин обер-лейтенант. Фенрих Хохбауэр застрелился в начале шестого.

Крафт жесткими шагами приблизился к трупу. Затем наклонился и несколько секунд рассматривал его. Когда же выпрямился, лицо его стало еще бледнее, чем было до этого.

— По всей вероятности, самоубийство, — заметил фенрих Крамер.

Крафт еле заметно кивнул, но не произнес ни слова.

— Судя по всему, так оно и было, — объяснил Крамер, видимо, мало тронутый случившимся. Он решил играть тут важную роль, стараясь показать, что он может прекрасно ориентироваться в любой обстановке. — Карабин был заряжен. Он вставил дуло в рот и пальцем ноги нажал на спусковой крючок. Смертельный исход неизбежен, и притом на месте.

— Дайте плащ-палатку, — распорядился обер-лейтенант.

— Бергер, немедленно принесите плащ-палатку, — передал Крамер приказ офицера дальше.

— Но моя плащ-палатка мне еще понадобится, — заметил Бергер, сообразив, что его чистой плащ-палатке грозит опасность. — У нас же сегодня полевые занятия.

— Возьмите плащ-палатку Хохбауэра, недотепа! — невольно рассердился Крамер на недогадливость Бергера.

Бергер тут же исчез. Но тут подошли другие фенрихи.

— Кто знает, было ли это самоубийство, Меслер ведь при этом не присутствовал, — высказал свое мнение Амфортас.

Меслер чуть было не бросился на Амфортаса, но его остановил Редниц.

— Спокойно! Не горячись! Довольно здесь пока и одного трупа. Все остальное так и так выяснится.

Тем временем вернулся Бергер с плащ-палаткой; это была его собственная палатка, так как, взяв плащ-палатку Хохбауэра, он сразу же заметил, что она оказалась новее и лучше его собственной, и решил оставить ее себе. Быстро накрыв палаткой труп, он доложил:

— Ваше приказание выполнено!

— Крамер, — распорядился обер-лейтенант Крафт, — побеспокойтесь о том, чтобы о случившемся были извещены все офицеры. Сообщите им следующее: в начале шестого утра в учебном отделении «Хайнрих» покончил жизнь самоубийством фенрих Хохбауэр. Пошлите посыльных к преподавателю тактики, начальнику курса, начальнику потока. Начальника школы и следователя военного трибунала о случившемся я оповещу лично. А пока это помещение должно быть закрыто и охраняться. Без моего разрешения никого сюда не впускать. Если не последует других распоряжений, все должно идти по плану. Разойдись!

Сам обер-лейтенант Крафт направился в умывальник. Он принял холодный душ, побрился и вернулся к себе в комнату, где быстро оделся. Приведя себя в полный порядок, он позвонил генералу.

Однако к телефону подошел обер-лейтенант Бирингер. Адъютант генерала сообщил, что утром генерала

здесь не будет, поскольку он выехал в Вюрцбург на совещание.

— У меня очень важное дело! — крикнул Крафт в трубку. — Генерал обязательно должен знать об этом!

— Я попрошу вас, дорогой Крафт, — спокойно ответил ему адъютант,— успокоиться, подобные самоубийства случаются у нас чуть ли не каждый месяц, так что ничего особенного в этом нет. Не стоит из-за этого волноваться! Я пришлю к вам капитана Шульца, офицера из военного трибунала; он сделает все, что необходимо в таких случаях.

Первым офицером, появившимся на месте происшествия после Крафта, был капитан Федерс.

Федерс шел быстрыми шагами и еще издали, завидев Крафта, спросил:

— Это правда или это твой очередной трюк по заслушиванию, Крафт?

— К сожалению, это не так, — ответил Федерсу обер-лейтенант и приказал дневальному открыть дверь, ведущую в туалет.

Федерс бросил короткий внимательный взгляд вокруг, а затем сказал, обращаясь к Крафту:

— Это настоящее свинство!

— Это можно назвать и иначе, — тихо заметил Крафт.

— А быть может, это рука справедливости, а? Мой дорогой Крафт, это случилось! Итак, все по местам! Вон идут мародеры.

Появились майор Фрей и капитан Ратсхельм. Начальник потока, как и подобает, шел на два шага впереди своего начальника. Фрей, судя по всему, едва успевал за ним.

— Этого не должно было случиться! — выговорил майор Фрей. — Это ужасно, ужасно! — И он закачал головой.

А капитан Ратсхельм, обойдя майора, приблизился к трупу Хохбауэра. Подойдя к нему вплотную, он остановился и несколько секунд молча рассматривал мертвеца. На его лице застыло выражение боли, руки повисли вдоль туловища, однако ладони он сжал в кулаки.

Затем он медленно поднял глаза и взглядом разыскал обер-лейтенанта Крафта.

— Вы один виноваты в его смерти, — сказал он глухо, словно через ватную повязку, но вполне отчетливо. — Смерть этого человека лежит на вашей совести!

— Прекратите разыгрывать здесь театр! — грубо оборвал Ратсхельма капитан Федерс, проходя вперед и отодвигая обер-лейтенанта Крафта назад. — Что означает ваш тон, коллега?

— Я отвечаю за свои слова, — тоном угрозы пояснил Ратсхельм. — Здесь совершено убийство человека, и я требую отмщения.

— Вы! — отрубил капитан Федерс решительно. — Здесь человек сам отправил себя на тот свет, а это его личное дело. Так что проваливайте вместе со своим героем! Это был шарлатан и болтун, раздувавшийся от важности, а как только дело дошло до серьезного, так он сразу же на попятную, и даже наложил на себя руки!

— Вы способны ругать мертвого! — вырвалось у Ратсхельма.

— Подумаешь, какая важность! — перешел в наступление Федерс. — Я хочу вернуть рассудок живому!

— Господа, — попросил майор Фрей, — господа, я вас очень попрошу, перестаньте!

Командир нашел необходимым срочно вмешаться в этот неприятный спор, поскольку кругом стояли фенрихи, у двери находились дневальный и вездесущий командир учебного отделения.

— Господа, — произнес майор Фрей, когда установилась тишина, — я прекрасно понимаю ваше волнение! Я тоже принимаю к сердцу этот печальный случай, к тому же я здесь старший по званию. Однако это не исключает и того, что и здесь должен быть порядок. Поэтому я попрошу вас, господин капитан Ратсхельм, умерить свой пыл и не высказывать никаких предположений, которые не подкреплены доказательствами, тем более что я очень и очень сомневаюсь в том, что вы способны вообще что-нибудь доказать. А вас, господин капитан Федерс, я попрошу быть осторожным в формулировках, тем более что мы здесь не одни!

— Во всяком случае, я требую отмщения! — не отступал от своего Ратсхельм.

Капитан Федерс не выдержал:

— Вы следуете за идеей фикс, Ратсхельм. Тому, кто задумал покончить жизнь самоубийством, никто не может помешать сделать это. Каплей для совершения последнего шага может явиться любая мелочь: неожиданная депрессия, пропажа пары носков или же решение об исключении из школы.

— Не забывайте и о том, что Крафт систематически уничтожал его морально!

— Вы в этом, Ратсхельм, тоже не оставались безучастным, — тихо заметил Федерс.

— Господа! — снова прервал их майор Фрей. — Ваши споры нас ни к чему не приведут. Здесь нужны факты. А фактом является само самоубийство. А в отношении того, по какой причине оно произошло, я полностью на стороне капитана Федерса: для самоубийства всегда имеются тысячи причин. И я вовсе не хочу, чтобы чья-то предубежденность могла быть использована в каком-то определенном направлении. Вы меня поняли, господин капитан Ратсхельм?

Ратсхельм нашел в себе мужество ничего не ответить на этот вопрос. Он замкнулся в себе.

— А вы, господин обер-лейтенант Крафт, — спросил майор, — что-то совсем замолчали, а? Что вы думаете о случившемся?

— Ничего.

— Ну, надеюсь, скоро прибудет и офицер-следователь, — проговорил майор Фрей.

Офицер-следователь действительно скоро явился. Это был некто капитан Шульц, прикомандированный к штабу в качестве офицера-адъютанта, а на самом деле оказавшийся мальчиком на побегушках.

По профессии капитан Шульц был агрономом. Среднего роста, коренастый мужчина с круглым, как картофелина, лицом и спокойными движениями невозмутимого кучера. У него была привычка с шумом забирать воздух носом, как это обычно делают охотничьи собаки, вынюхивая дичь, причем делать это бесшумно ему никогда не удавалось, а делал он это потому, что у него почти всегда был насморк. И только в присутствии генерала он не отваживался хлюпать носом.

Широко расставив ноги, Шульц остановился возле трупа и с шумом втянул в себя воздух. И лишь потом он повернулся к Ратсхельму и доброжелательно произнес:

— Отойдите в сторону, или вы к этому месту приросли?

Ратсхельм повиновался. Шульц подошел к трупу еще

ближе, внимательно осмотрел его и место вокруг, а затем спросил:

— Как давно он здесь лежит?

— Почти три часа, — ответил Крафт.

— А почему? — удивленно спросил Шульц. — Вы что, решили его здесь зимовать оставить?

— Мы полагали, — начал удивленный со своей стороны Крафт, — что будет произведено тщательное обследование трупа на месте происшествия.

— А зачем? — снова спросил Шульц и покачал головой. — Зачем все так усложнять? Парень мертв, случай довольно простой. Непонятно, почему вы держите труп здесь в течение нескольких часов. Он же мешает проходить в туалет.

Майор Фрей попытался принять невозмутимый вид. Капитан Федерс хихикнул. Крафт не смог скрыть своего удивления под маской равнодушия. А фенрихам, столпившимся перед открытой дверью, была неожиданно прочитана незапланированная специальная лекция.

И лишь один капитан Ратсхельм был явно возмущен и не стал этого скрывать.

— Надеюсь, вы составите протокол.

— Разумеется, — охотно согласился с ним Шульц. — Без протокола не обойтись. Но его мы и потом составим, ну, скажем, в течение сегодняшнего дня, если он вам так срочно нужен.

— А выявление виновных? — с озлоблением спросил Ратсхельм.

— Виновных? — изумился следователь. — Где вы их видите? Здесь и так ясно, что произошло самоубийство. Или, быть может, обнаружено прощальное письмо с важными данными?

— Никакого прощального письма или чего-либо подобного нет, — произнес от двери бодрый голос, который принадлежал фенриху Редницу; он подмигнул обер-лейтенанту Крафту.

— Тем лучше, — сказал капитан Шульц и с терпеливым добродушием посмотрел, кто как из собравшихся отреагировал на его слова. — Обычно прощальные письма осложняют расследование, хотя серьезно их никто никогда не воспринимает. Считается, что они пишутся при обстоятельствах, которые нельзя считать нормальными. Они лишь могут ввести в заблуждение, так как содержат лживые указания и полны преувеличений. Они не имеют

никакой ценности! Я всегда радуюсь, когда мне не суют их под нос.

Но капитан Ратсхельм не сдавался.

— Однако нельзя ни в коем случае мешать ведению следствия и выяснению причин, которые привели человека к самоубийству, — выпалил он.

— Господин капитан Ратсхельм, — строго сказал майор Фрей, — я считаю, что мы должны уважать методы господина капитана Шульца. Полагаю, что он хорошо знает свое дело.

При этих словах капитан Шульц сделал широкий, добродушный жест и сказал:

— Все это рутина. Дело опыта. У меня на счету это уже пятое самоубийство, так что такие дела я могу разбирать даже во сне. Сколько бы следователь ни вертелся и как бы он ни старался, ему все равно никогда не удастся докопаться до истинных причин, которые привели жертву к самоубийству. А раз так, то к чему же все эти ненужные старания? Прикажите убрать труп, и пусть сколачивают гроб. Необходимые бумаги я заготовлю в течение дня. У вас есть что-нибудь ко мне, господин майор?

— Нет, благодарю вас, господин капитан, — с облегчением сказал майор и провел капитана из здания на свежий воздух. Оба они скрылись в направлении казино.

— Будьте же благоразумны, мой дорогой, — обратился капитан Федерс к капитану Ратсхельму. — Идите домой, успокойтесь и не делайте глупостей.

— Я исполню свой долг, — строго проговорил Ратсхельм.

Когда солдаты унесли труп, Ратсхельм почти торжественно вышел во двор.

— Ну, Крафт, не промочили ли вы ноги? — озабоченно спросил Федерс.

— Ну, есть и люди!

— И ради этих людей мы ведем эту войну.

— Умираем! — добавил Крафт. — Но это еще что! Гораздо труднее честно жить, чем честно умереть. А умереть бесчестно — это подлость по отношению к тем, кто остался жить.

— Такие парни обычно горланят «Германия, проснись!», — сказал Федерс. — Но постепенно мне стало ясно, что им нужно было петь на самом деле «Германия подыхает!». Но как объяснить это нашим бравым офице-

рам? Когда человек слышит высокопарные слова, его разум автоматически туманится. Вы это понимаете, Крафт?

— Меня нужно убить, Федерс, иначе я не умру!

— Какими же скромными мы стали! — Федерс устало улыбнулся, похлопал своей рукой руку друга и с печальным видом удалился.

Время до обеда прошло без особых происшествий. Обер-лейтенант Крафт вывел свое учебное отделение в поле, где у него были запланированы очередные занятия на тему: «Разведка боем и захват укрепленной позиции противника».

Все отделение отнеслось к занятию с должной серьезностью, но как-то бесцветно, без ободряющих речей, без шуток и каких-либо комических случаев. Неожиданно всеобщее настроение стало таким, как и у фенрихов других отделений. О Хохбауэре никто не вспоминал: он был мертв, а говорить о его смерти никому не хотелось.

В то утро Крафт предоставил своим фенрихам больше свободы, чем обычно. Он не командовал ими, не контролировал, он лишь смотрел, как на перекурах они сбивались в большую, чем обычно, группу вокруг Редница: овечки, оставшись одни, искали себе нового вожака. И Редниц взял на себя эту роль довольно удачно.

Прежде чем вести фенрихов обратно в казарму, Крафт подозвал к себе Редница и сказал:

— Скажите, Редниц, зачем вам понадобилось утверждать, что Хохбауэр перед смертью не оставил прощального письма?

— Потому что я проверил это, господин обер-лейтенант, — откровенно признался фенрих. — И сразу же после катастрофы. Я сразу же подумал об этом, так как Хохбауэр всегда очень любил писать письма.

— И вы утверждаете, Редниц, что ничего не нашли?

— Так точно, господин обер-лейтенант. Так оно и было.

Крафт посмотрел фенриху в глаза, и тот улыбнулся ему сердечной и доброй улыбкой, отчего Крафта сразу же охватило такое чувство, что все случившееся само собой разумеется. И произошло оно не напрасно!

— Докладывайте, — сказал генерал Крафту, едва тот успел войти в кабинет. — Я только что вернулся из Вюрцбурга и хочу знать, что тут произошло.

Оба стояли друг против друга. Крафт докладывал, а генерал молча слушал его. А когда обер-лейтенант закончил свой доклад, генерал-майор Модерзон сказал:

— Давайте сядем, Крафт.

Голос генерала прозвучал необычно тихо, почти робко.

— Крафт, — первым заговорил генерал, когда оба уселись, — я ожидал от вас не такого результата.

— Но это все-таки результат, — сказал Крафт.

— Нет, — решительно произнес генерал. — Я намеревался передать его в руки правосудия, а вы толкнули его на самоубийство. Это не искупление. Это увертка, бегство, обман.

— Господин генерал, — начал обер-лейтенант Крафт с чувством собственного достоинства, без всякого верноподданничества, — фенрих Хохбауэр признался мне с глазу на глаз, что он взорвал лейтенанта Баркова, однако доказать это было невозможно.

— Нам вполне хватило бы и этого признания, Крафт, если бы не появились другие возможности, чтобы арестовать его.

— Само признание, господин генерал, отнюдь не является обвинением, тем более если оно сделано, так сказать, в личном плане, господин генерал, без свидетелей и без записи в соответствующий протокол. Если же одно свидетельское показание противоречит другому показанию, тогда важную роль играют сами свидетели. А что стоит какой-то обер-лейтенант простого происхождения, выступающий против фенриха, отец которого является ярым приверженцем национал-социализма и комендантом СС в Орденсбурге?

— Всего этого не следует перечислять, — твердо сказал генерал. — Мы ведь солдаты, а не кто-нибудь.

— Вот именно, господин генерал! В наше время солдатское общество уже далеко не то, каким оно было в период расцвета Пруссии, или, по крайней мере, не то, каким оно должно быть. Солдат как гарант чистоты и порядка, права и свободы сегодня существует только в сказке. А люди, подобные Хохбауэру, делают это сверхчетко. Солдат на службе определенной идеологии — вот что из него стало, и это называется солдатским духом. Сегодня нужно быть или нацистом или же антинацистом, а третьей возможности вовсе не существует.

Генерал долго молчал. В глазах его жила печаль. Печаль без боли, рожденная знанием и признанием.

И Крафт был готов выслушать нотацию генерала в том холодном и деловом тоне, обычно свойственном генералу. Однако никакой нотации или выговора не последовало.

— Дальше! — только и услышал Крафт.

— Если я, господин генерал, встречаюсь с превосходящим меня или более сильным противником, который думает и действует иначе, чем я, который пришел совсем из другого мира и с которым у меня нет ничего общего, кроме языка, тогда я должен попытаться победить этого противника его же собственными способами. Другого выбора у меня нет.

— И вы думаете, Крафт, что успех одержали вы?

— Я переоценил этих людей. Они оказались неустойчивее, чем я предполагал. Они живут между двумя крайностями, между преступлением и трусостью, только эти слова у них иначе называются. Первое они называют испытанием, а второе — жертвой. Они взорвали лейтенанта Баркова на мине. Они готовы и других отправить на тот свет, как они делали до этого и как они будут делать и дальше. Но как только им приходится нести ответственность за это, они сразу же превращаются в кандидатов на самоубийство. Они достигают необычного, пока иллюзии двигают их вперед; тогда они доставляют радость деловым людям и являются наслаждением для фантазеров типа Ратсхельма. И они заботятся о том, чтобы назвать Германией все то, что катится в пропасть.

Генерал избегал смотреть на Крафта.

— Что же вы теперь намерены делать, Крафт?

— Задание, которое вы передо мной поставили, господин генерал, я считаю выполненным. Убийца стал самоубийцей. Я перед собой такой цели не ставил, но теперь, когда это произошло, я считаю, что это развязка, так как кто знает, как еще могла сработать мельница юстиции!

— Вы считаете, Крафт, что я могу спокойно умывать руки и считать себя невиновным?

— Господин генерал, — твердо начал обер-лейтенант, — вы своих рук и не пачкали вовсе. Роль следователя вы доверили мне, а я, сам того не желая, превратился в палача. Все, что произошло, исключительно мое дело, и я не собираюсь ничего перекладывать со своих плеч на плечи других. Да почему, собственно, я должен это делать? Если все то, господин генерал, что мы здесь делаем, и все то, что происходит вокруг нас, является

чистым, честным, незапятнанным солдатским обществом, то это такой мир, которого я не понимаю. Этот мир настолько лжив и пуст, что не стоит и гроша. Это убежище для проныр, подхалимов и лишенных совести насильников. Это мир, от которого меня рвет. И этот мир вовсе не стоит того, чтобы ради него жить.

Генерал-майор Модерзон встал, подошел к окну и, глядя в него, долго молчал. Затем он неожиданно обернулся к Крафту и сказал:

— Следовательно, вы намерены испытывать все последствия этого дела. У вас есть воля!

Генерал быстрыми шагами подошел к письменному столу. Взяв в руки какой-то длинный листок, он вернулся к Крафту и сказал:

— Прочтите. Эта телеграмма получена полтора часа назад.

Крафт прочитал:

«НАЧАЛЬНИК ВОЕННЫХ ШКОЛ

НАЧАЛЬНИКУ ВОЕННОЙ ШКОЛЫ № 5

Возглавить лично расследование смерти Хохбауэра. Местное расследование приостановить до прибытия нашего уполномоченного, старшего военного советника юстиции Вирмана. Оказать ему всяческую поддержку. Вирман уже выехал.

Подпись: Начальник военных школ».

— Пусть приезжает! — проговорил Крафт.

30

ПОГОНЯ НАЧАЛАСЬ

Старший военный советник юстиции Вирман прибыл в военную школу в тот же день поздно вечером и сразу же повел себя как гончий пес.

Разумеется, Вирман прежде всего доложил о своем прибытии генерал-майору Модерзону. Генерал не заста-

вил его долго ждать и, когда Вирман вошел в кабинет, встретил его стоя.

Вирман безукоризненно исполнил свои обязанности по субординации: он бодро отдал честь и даже попытался отдать рапорт с соблюдением всех нюансов, при этом он хотел показать генералу, что прибыл сюда лишь по приказу, для того, чтобы закончить неинтересное дело.

— Почему вы прибыли лично и к чему такая спешка? — поинтересовался генерал.

— Только потому, что дело это несколько необычное, — уклончиво ответил Вирман.

— Этого вы пока еще не можете утверждать, — сказал генерал. — Если вы уже сейчас так считаете, то для этого могут быть только две причины: либо уже проведено предварительное расследование, либо имеется предварительное заключение по делу. Но вы так и не ответили на мой вопрос, господин старший военный советник юстиции.

— Господин генерал, — начал Вирман, чувствуя, что его серое лицо постепенно становится красным, — позволю себе заметить, что я не подчинен вашей военной школе, я только прислан к вам, так сказать, для совместной работы.

— Что я об этом думаю, господин Вирман, относится только к моей компетенции. И я требую, чтобы вы ежедневно докладывали мне, начиная с завтрашнего дня, о ходе расследования в час, который я вам назначу позже. На данный момент у меня все, господин старший военный советник юстиции.

После такой аудиенции Вирман поспешил покинуть генерала и здание штаба вообще. Однако его злости на Модерзона не было границ. Унижение, которому его только что подверг этот отъявленный реакционер, увеличивало в Вирмане ярость: так в теплицах буйно растет сорняк.

Вирман и на этот раз остановился в гостинице. Войдя в отведенный ему номер и бросив на кровать портфель и чемодан, он сразу же схватился за телефон. Его первым абонентом был капитан Катер, вторым — капитан Ратсхельм. Обоих Вирман пригласил к себе.

Первым в гостинице появился Катер, так как он жил совсем недалеко. Он встретил Вирмана с распростертыми объятиями.

— Наконец-то вы приехали! — воскликнул он с радостью.

Старший военный советник юстиции пожал протянутую ему руку.

— Я думаю, мой дорогой, что сейчас все в порядке! Во всяком случае, я вас благодарю за точные данные.

— Это была моя святая обязанность!

— Однако без вашего известия, мой дорогой Катер,— по-дружески продолжал старший военный советник юстиции, — я, попросту говоря, мог бы просмотреть это дело, по крайней мере, в настоящее время. Разумеется, это самоубийство нашло отражение в ежедневных сводках, которые раз в неделю, а именно в среду, рассылаются начальнику военных школ, однако безо всяких деталей о произошедшем. Ваш же звонок как бы поднял меня по тревоге, и вот я здесь.

— Вы считаете, что это уже начало?

— По секрету, мой дорогой, мы уже занялись этим делом! Я разговаривал с генералом, и, пусть это останется между нами, Катер, разговор этот меня не обрадовал. Могу сказать только, что вел он себя как человек, который намерен кое-что скрыть. Но со мной этот номер не пройдет! Не хваля себя, могу сказать, что пока такое еще никому не удавалось.

— Да, конечно, только вы, пожалуйста, опасайтесь недооценивать Модерзона.

— Мой дорогой, точно так же я могу вам сказать, я бы не желал никому недооценивать и меня! Но оставим это. Перейдем к делу! Каким оно видится вам?

— Основное я уже сообщил вам по телефону, — задумчиво произнес Катер. — Нет никакого сомнения, что обер-лейтенант Крафт довел бедного фенриха до самоубийства. И самое главное: генерал поддерживает этого Крафта.

— Это неплохо звучит, — задумчиво проговорил Вирман, — более того, это звучит правдоподобно. Но если это только ваше личное предположение, то с ним далеко не уйдешь.

— Это вовсе не мое предположение, — с довольным видом сказал Катер, — это утверждение капитана Ратсхельма.

— Это уже значительно лучше, — сказал Вирман. — Перед вашим приходом я звонил капитану Ратсхельму. Он был очень возбужден, говорил о необходимости нового

расследования дела военным трибуналом, но он и словом не обмолвился относительно того, что Крафт является виновником смерти фенриха. А вдруг он начнет отрицать, что когда-либо говорил подобное?

— Этого он не сделает, — заявил Катер, — так как своим твердым мнением он делился не только со мной, но и с другими, так сказать, высказывал его перед общественностью на месте происшествия в присутствии трех офицеров и нескольких фенрихов. Он прямо и недвусмысленно обвинял Крафта, так что пойти на попятную он уже не сможет.

— Ну что ж, — с довольным видом произнес старший военный советник юстиции, — если это так, тогда капитану Ратсхельму ничего не остается, как стоять на своем, чего бы ему это ни стоило!

Вскоре в номере Вирмана появился и капитан Ратсхельм. Он тепло поздоровался и с самого начала заявил, что готов оказать следствию всяческое содействие.

— Вы себе даже представить не можете, как я рад опираться на вашу ценную для меня помощь, — заверил Ратсхельма Вирман.

Пока шел непринужденный разговор на общие темы, который преимущественно вел старший военный советник юстиции, капитан Катер со свойственным ему умением попытался создать благоприятную для разговора атмосферу: подобно фокуснику, он вынул из портфеля бутылку коньяку и ящичек с сигарами. То и другое он преподнес «любезному гостю», не преминув тут же открыть бутылку.

После короткого дружеского тоста Вирман перешел к делу. По-дружески кивнув капитану Ратсхельму, он сказал:

— Вы, любезнейший, если так можно выразиться, являетесь моим главным свидетелем обвинения.

— Я? — изумился Ратсхельм. — Как я должен вас понимать?

— Очень просто, — все так же по-дружески ответил старший военный советник юстиции. — Вы создали предпосылки для моего расследования, и этой вашей заслуги у вас никто не посмеет оспаривать.

— Могу я спросить, о чем вы, собственно, говорите? — продолжал недоумевать капитан.

— Мой дорогой, не преуменьшайте собственной роли. Вы были первым человеком, который вслух высказал свои

обвинения в адрес обер-лейтенанта Крафта, и высказали, так сказать, перед всей общественностью. Этот ваш решительный шаг послужил сигналом для моего приезда сюда. Теперь же вам только нужно доказать свое утверждение, так сказать, подкрепить его фактами. Вот и все.

— Позвольте, позвольте! — Капитан нервно заерзал на стуле. — Тут, по-видимому, какое-то недоразумение. Я, разумеется, готов оказать вам всяческую помощь, но вы должны отказаться даже от мысли использовать меня в качестве свидетеля обвинения.

— Исключено, мой дорогой, — проговорил Вирман все еще довольно добродушно. — Я ни в коем случае не могу отказываться от ваших показаний. На этом зиждется вся наша позиция. Речь идет о защите справедливости, уважаемый. И вы не должны пятиться назад.

— У меня имеются на это свои причины, — заметил Ратсхельм.

— Какие же?

— К сожалению, я не могу их назвать.

Вирман недовольно нахмурился. Его проницательные глаза превратились в щелки. С укором, требовательно он посмотрел на капитана Катера.

Катер правильно истолковал этот взгляд.

— Мне кажется, я понимаю нашего друга капитана Ратсхельма, — сказал Катер. — Он опасается оказаться меж двух огней и не знает, то ли ему последовать зову долга, то ли совести.

— Ага! — воскликнул Вирман, сообразив наконец, что пока шел по не совсем правильному пути. — Прошу вас, продолжайте.

— Мне кажется, я знаю, где зарыта собака, — деловито сказал Катер. — При самом дружеском к вам отношении, дорогой Ратсхельм, разрешите мне откровенно высказать свое мнение. Итак, наш друг опасается, и не без оснований, что, сделав официальное заявление, он может оказаться в неудобном положении. Обер-лейтенант Крафт его открытый враг, это ни для кого не тайна. И Крафт не остановится ни перед чем, чтобы очернить капитана Ратсхельма, если тот рискнет официально выступить против него.

— Так оно и есть, — неохотно признался Ратсхельм.

— Ну а теперь будем говорить откровенно, — потребовал старший военный советник юстиции, который уже

нащупал слабое место во всем этом деле. — Что вы натворили?

— Ничего! В самом деле ничего!

— Ну хорошо, так в чем же, по-вашему, может вас упрекнуть обер-лейтенант Крафт?

Ратсхельм молчал, ему было стыдно, но он не показывал виду.

И снова заговорил Катер, на этот раз прямо:

— Будем оперировать фактами. Крафт утверждает, что наш друг капитан Ратсхельм поддерживал с фенрихом Хохбауэром противоестественные отношения, а если выразиться точнее, что они оба — гомосексуалисты.

— Проклятие! — воскликнул Вирман. Несколько секунд он был полностью вне себя: маленький нервный человечек с растерянным лицом. — Черт бы вас побрал. Только этого нам не хватало!

Старший военный советник юстиции вскочил на ноги и нервно забегал взад и вперед по комнате.

Капитан Ратсхельм какое-то время молча смотрел на него, а затем спросил с возмущением:

— Надеюсь, вы не верите в мою виновность?

Вирман бросился навстречу капитану со словами:

— Что я слышу! Вы не виновны?

— Разумеется, — твердо сказал Ратсхельм.

— Это великолепно! — воскликнул Вирман, которому в голову вдруг пришла новая мысль. — Это же можно выдать за чистую клевету, более того, это оскорбление чести, необоснованное обвинение, за которое полагается тюремное наказание. Да с помощью этого мне удастся приблизить вашего Крафта на шаг к смерти!

— Путем потери моего авторитета и моей чести!

— Не спешите! — проговорил Вирман, хлопнув руками. — Только не спешите! Эту версию следует основательно продумать! Мы не должны допустить даже самой малейшей ошибки.

Проговорив это, старший военный советник юстиции пододвинул свой стул поближе к капитану Ратсхельму. Желая сохранить трезвый ум, он даже отказался выпить налитую ему рюмку коньяку.

— Уважаемый господин Ратсхельм, вы должны ответить на несколько моих вопросов. Итак, существуют ли свидетели?

— Свидетели чего?

— Ну, дорогой мой! — воскликнул удивленный Вир-

ман. — Нам может помочь только полная откровенность. Итак, существуют ли свидетели, которые видели, как вы находились в противоестественной связи с фенрихом Хохбауэром?

— Разумеется, нет! — с возмущением выкрикнул Ратсхельм.

— Хорошо. Очень хорошо, — произнес Вирман довольным тоном. — Это очень важно. Однако нам следует ничего не выпускать из виду. Зададим вопрос по-иному: существуют ли свидетели, которые видели бы вас вместе с фенрихом Хохбауэром в не совсем одетом, а точнее, в неодетом виде?

— Тоже нет, господин Вирман!

— Тем лучше! Пойдемте дальше. Это еще не все. Следующий вопрос: существуют ли свидетели, которые были бы очевидцами того, как вы обменивались нежностями с этим фенрихом?

— Послушайте! — взревел Ратсхельм. — За кого вы меня принимаете?!

— За человека чести, господин капитан! — поспешил заверить Вирман.— До этого, к сожалению, дело пока не дошло, важнее то, кем вас считает Крафт, которому мы и должны помешать. Так что прошу вас продолжать отвечать на мои вопросы.

— Нет! — заорал Ратсхельм, покраснев от стыда как рак.— Никаких нежностей!

— Я щажу ваши чувства, господин капитан, можете мне поверить. К тому же я хочу и могу их уважать. Но мне нельзя этого делать в ваших же собственных интересах. Только поэтому я вынужден обратить ваше внимание на отдельные детали; нежностями в подобных случаях могут служить: длительное пожатие рук, обнимание за плечи, постукивание по спине партнера, похлопывание по заду.

— Прекратите! — заорал Ратсхельм. — Ничего такого не было!

— Это означает, что и таких свидетелей нет?

— Так точно, можно и так сказать.

— И нет ни писем, ни записей в блокноте, ни записок, написанных рукой Хохбауэра, содержание которых позволяло бы догадываться о подобных вещах?

— Нет. Я думаю, нет.

— Вы думаете, что нет? Это означает, что это не исключено, а?

— Это исключено! — глухо пробурчал Ратсхельм.

— Превосходно! — Старший военный советник юстиции потер руки. Теперь он соблаговолил выпить еще одну рюмку коньяку, многозначительно посмотрев перед этим на Катера.— Господин Ратсхельм,— снова заговорил Вирман, выпив коньяку, — таким образом, мы выяснили положение сторон. Теперь у вас нет другого выбора, кроме как выступать против обер-лейтенанта Крафта. И по двум причинам: во-первых, чтобы выполнить свой долг, а во-вторых, чтобы опередить Крафта. Последнее поможет вам сделать ваш инстинкт самосохранения. И вы можете с радостью сказать, что нашли во мне полное понимание и одновременно справедливого судью.

— Однако мой авторитет будет подорван,— озабоченно проговорил Ратсхельм.

— Ни один человек не может не подвергаться опасности,— заметил Вирман, наслаждаясь только что одержанной победой.— Вы, наверное, знаете знаменитое выражение: «Мир — не всегда самый лучший выход...» Это относится и к вам. Я же даю вам в руки решающий шанс: с моей помощью вы можете нанести своему противнику уничтожающий удар. Для этого вам достаточно сделать заявление, а каким оно должно быть — это мы вместе подумаем. Но между нами должна быть полная откровенность, и тогда вы безусловно одержите верх над господином Крафтом.

— Вы думаете, что это удастся? — спросил Ратсхельм тоном человека, обретшего надежду.

Старший военный советник юстиции утвердительно закивал головой, бросив в сторону капитана Катера несколько признательных взглядов. Затем Вирман взял свой портфель и сказал:

— Я хочу доверить вам, мои дорогие друзья, секрет, который держу в строжайшей тайне.

Оба визитера закивали.

Вирман вынул из портфеля какое-то дело и начал его листать. Наконец он, видимо, нашел то, что искал. Это была копия какого-то письма. Постучав по листку пальцем и обведя офицеров взглядом, он торжественно сказал:

— Здесь у меня находится письмо фенриха Хохбауэра, которое он написал своему отцу, коменданту Орденсбурга. Это письмо, написанное две недели назад, попало в мои руки окольным путем. Меня просили хранить его. И я должен заявить, господа, что это не просто письмо,

а очень важный документ, который имеет серьезное значение для произошедших здесь событий. В нем прямо называется виновник. Но если и этого будет недостаточно для доказательства, тогда мне придется коснуться другого места в письме. А оно имеет отношение к вам, господин капитан Ратсхельм.

— Ко мне? — спросил тот недоверчиво.

— Точно так,— сказал старший военный советник юстиции, благоговейно сложив руки.— Скажу вам откровенно, что эта часть письма буквально потрясла меня. Она-то и явилась причиной, почему я, узнав о смерти фенриха Хохбауэра, связался по телефону с вами, господин Ратсхельм. Ибо эта часть письма свидетельствует о доверии к вам и о восхищении вами, как уважаемом начальнике курса. Это о вас, господин капитан Ратсхельм! Эту часть письма можно смело рассматривать как своеобразный манифест преданности.

Капитан Ратсхельм стыдливо уставился в пол. Вирман и Катер смотрели на него отнюдь не осуждающе.

— Мне не зря доверяют,— объяснил Ратсхельм с умилением, а затем с твердостью добавил: — Господин старший военный советник юстиции, прошу вас, располагайте мной целиком и полностью.

— Ну наконец-то! — воскликнул Вирман, нисколько не скрывая своего триумфа.— Итак, решено! Я поздравляю вас, господин капитан Ратсхельм, с принятым решением. Дорогой Катер, налейте нам еще по рюмочке. У нас впереди длинная, напряженная ночь. Сначала мы запротоколируем показания нашего друга Ратсхельма, а уж затем «прочешем» фенрихов из учебного отделения «Хайнрих». А вы, дорогой Ратсхельм, назовете мне имена тех фенрихов, с которыми Хохбауэр дружил, и тех, кто являлся его противниками. А когда все это будет сделано, мы допросим вашего обер-лейтенанта Крафта.

— И все в течение этой ночи? — изумленно спросил Катер.

— Время торопит,— доверительно сказал Вирман,— и нам нужно произвести, так сказать, снайперский выстрел. Я так налягу на Крафта, что уложу его.

Старший военный советник юстиции Вирман вышел из гостиницы и направился в помещение шестого потока. В ту ночь кабинет капитана Ратсхельма превратился в штаб-квартиру Вирмана, а сам Ратсхельм получил зада-

ние прикрыть фланги, что означало — отсечь советника юстиции от обер-лейтенанта Крафта, который, судя по всему, нисколько и не интересовался этим, так как был занят с Эльфридой Радемахер.

А в это время старший военный советник юстиции Вирман одного за другим вызывал к себе фенрихов; для каждого у него было отведено по пять — десять минут, в течение которых он зондировал почву. На все это у Вирмана ушло почти пять часов, с девятнадцати до двадцати четырех.

Однако энергии Вирмана, казалось, не было конца. Он понимал, что если ему удастся свалить самого важного зверя на своем служебном пути, что с его холодной расчетливостью вполне возможно, то долгожданная должность председателя трибунала окажется вполне досягаемой.

Методы расследования Вирмана характеризовались классической простотой. Согласно им допрос свидетеля как бы расчленялся на три фазы.

Первая фаза: Вирман действует открыто, как должностное лицо, не скрывая ни того, кто он такой, ни того, как много он может сделать, ни того, кто стоит за его спиной. Он внушает будущим свидетелям, что способен распорядиться их судьбой, способен возвеличить их, но также и бросить в тюрьму.

Вторая фаза: Вирман показывает, что он тоже человек, насколько это ему удается. Он пытается даже проявлять отеческие чувства. Во всяком случае, он стремится показать, что понимает своего собеседника. Он намекает, что и ему не чужды некоторые человеческие слабости, в этот момент он даже подмигивает собеседнику, демонстрируя свое доверие и надеясь на то, что ему ответят тем же.

Третья фаза: Вирман апеллирует к общим идеалам и к полному послушанию при виде противника. Он говорит о Германии голосом, полным страсти. В заключение взывает к справедливости, от которой редко кому удается уйти.

— Мои вам поздравления,— удивленно произнес Ратсхельм.— Но разве не лучше было бы все это трехступенчатое воззвание обратить сразу ко всему учебному отделению, вместе взятому, а не к каждому фенриху в отдельности?

— Лучше? Разумеется,— согласился старший военный советник юстиции, наслаждаясь изумлением, которое он

произвел на собеседника.— Лучше, но не эффективнее! Воззвание или же призыв к отдельному человеку, сделанное доверительным тоном, воспринимается почти как долг. Это уже опробовано на практике. И, как правило, усилия не проходят даром.

— Удивительно! — признался капитан Катер.— Однако разрешите мне задать вам один вопрос, уважаемый. К чему столь длинные речи? Возьмите лучше этих парней сразу же под пресс. И они тут же начнут говорить, да еще как говорить!

— Подобный метод можно применять тогда, когда располагаешь хотя бы минимальными пунктами. Но только не здесь! Здесь я должен иметь добровольных свидетелей, которых обязан уговорить, и уметь извлечь из них нужное, как извлекают вещи из сундука; при этом они должны верить, что делают это совершенно добровольно.

Успех сопутствовал старшему военному советнику юстиции Вирману. Незадолго до полуночи ему кое-что стало ясно. Из сорока фенрихов, помеченных в его списке, неопрошенными остались только пятеро. Это были Амфортас и Андреас, которые до сих пор оставались приверженцами Хохбауэра. Такими они значились в блокноте Вирмана. Затем следовали Бемке и Бергер, все еще верившие в справедливость. Последним из этой пятерки был Крамер, пытавшийся держать нейтралитет, так сказать, парадный конь тех, кто не придерживался ни того, ни другого лагеря. Вирман не ждал от него особой пользы, но и вреда тоже.

Эту пятерку Вирман решил обработать особенно тщательно: время для этого у него было. Не спеша он составил для себя довольно мрачный портрет обер-лейтенанта Крафта. При этом нужно было обойти кое-какие опасные подводные камни. Так, после полуночи еще раз напросились на беседу фенрихи Редниц, Меслер и Вебер, хотя их больше никто не собирался вызывать.

— Мы хотим дать кое-какие показания,— сказал Редниц, выступая руководителем этой небольшой группы.

— Я вас не вызывал,— проговорил Вирман.

— Мы явились не по вызову, а добровольно.

— В этом нет никакой необходимости!

— Мы позволим себе иметь другое мнение,— заметил Редниц.— Мы можем дать важные показания.

— То, какими являются ваши показания, важными или неважными, позвольте решать мне,— с легким раздражением сказал Вирман.

— Вы не можете ничего решать до тех пор, пока не выслушаете нас.— Трое фенрихов стояли словно три дуба, устремив взгляд на старшего военного советника юстиции.

Вирман, словно ища поддержки, посмотрел на капитана Ратсхельма, присутствовавшего при беседах в качестве начальника потока.

— Кру-гом! — скомандовал он им.

Фенрихи немного помедлили, а затем, отдав честь, выскочили в коридор, сильно хлопнув дверью.

— Странное поведение,— проговорил старший военный советник юстиции.

— Это у них от Крафта,— объяснил Катер.— Теперь вы видите, как важно положить конец его проискам.

И как раз в этот момент дверь распахнулась и в комнату вошел обер-лейтенант Крафт. Остановившись, он обвел взглядом присутствовавших, а затем сказал:

— Привет.

Капитан Ратсхельм, услышав столь не уставное приветствие, вздрогнул, а потом холодно произнес:

— Я что-то не помню, господин обер-лейтенант Крафт, чтобы вас сюда приглашали.

— В этом нет необходимости,— спокойно объяснил Крафт.— Я пришел сюда по собственному желанию, но в ваших интересах.

— Во всяком случае,— ехидно бросил Катер,— вы здесь не на месте.

— Как раз это-то я и собирался сказать вам, господин капитан,— вежливо сказал обер-лейтенант.— Вас уже довольно долго разыскивают, и не кто-нибудь, а ваш прямой начальник капитан Федерс. Ему нужно срочно поговорить с вами.

— Это в такое-то позднее время?

— Капитан Федерс готов принять вас в любое время, но чем позднее вы придете, тем меньше это доставит вам радости.

.Катер был уверен, что Федерс вовсе не собирался с ним беседовать, но еще больше он был уверен в том, что Федерс приложит все силы, чтобы помочь своему дружку Крафту.

Тем временем капитан Ратсхельм судорожно думал о том, как он нанесет новый удар своему упрямому офицеру-воспитателю. Однако его опередил Вирман, неожиданно заявивший:

— Я рад, что обер-лейтенант Крафт сам пришел сюда. Я как раз собирался пригласить его к себе.

— В случае, господин старший военный советник юстиции,— начал Крафт вежливо,— если вы намерены и с меня снять допрос, я хотел бы попросить вас действовать строго по уставу. В таком случае я требую пригласить сюда протоколиста, а также попросить третьих лиц оставить нас одних, тем более что они в большей или меньшей степени имеют отношение к данному случаю и могут помешать ведению расследования.

— Это замечание распространяется и на меня, господин старший военный советник юстиции? — сразу же спросил Ратсхельм у Вирмана.

— Не обращайте на него внимания, господин капитан, — ответил ему военный юрист. — Собственно говоря, я намерен на сегодняшний день официальную часть своей работы закончить. А с господином обер-лейтенантом Крафтом я хочу побеседовать неофициально. Надеюсь, вы разрешите мне это, господин капитан?

Попрощавшись с Вирманом, Ратсхельм прошел мимо Крафта, даже не посмотрев на него, и вышел из кабинета. Его шаги были отчетливо слышны из погруженного в ночную тишину коридора,

— Вот мы и остались одни,— проговорил Вирман и усмехнулся.— Давайте поговорим друг с другом откровенно.

— Господин старший военный советник юстиции, я, как офицер-воспитатель, несу полную ответственность за подчиненных мне фенрихов, а это означает, что я не потерплю ничего такого, что не соответствовало бы этим моим обязанностям. К их числу я отношу и формальный допрос, особенно в присутствии сомнительных третьих лиц. Подобный шаг я рассматриваю как формальную ошибку. Я не только протестую, но и намерен письменно заявить об этом. Я требую, чтобы впредь все расследования и допросы вы проводили в присутствии нашего следователя капитана Шульца.

— Почему вы так волнуетесь, господин обер-лейтенант? — спросил Вирман.— Все это напрасно, вы пришли слишком поздно! Но, пожалуйста, садитесь, я объясню вам все подробно.

Крафт опустился на стул и, вытянув ноги, принялся рассматривать старшего военного советника юстиции.

Вирман улыбался, и хотя эту улыбку можно было истолковать как дружескую, на самом деле она свидетельствовала о его чувстве превосходства.

— Вы пришли слишком поздно,— повторил Вирман.— Я понимаю, что вы можете в какой-то степени осложнить мне ход расследования. Однако вам не удастся повлиять на его результат.

— Если вы хотите, я могу сфабриковать совершенно противоположные результаты.

— Я убежден, что вы получите их в готовом виде. После всего того, что я о вас слышал, Крафт, у меня сложилось впечатление, что вы похожи на человека, который пройдет даже по трупам.

— Если они будут вашего пошиба, Вирман.

У старшего военного советника глаза на лоб полезли от того, что его так просто назвали Вирманом, чего до сих пор ему еще не приходилось слышать по крайней мере в подобной ситуации, да еще от человека в меньшем, чем он, звании и должности. Вирман глубоко вздохнул и с трудом улыбнулся.

— Я вижу, вы моментально используете любую ситуацию,— проговорил Вирман с некоторым усилием.— Что ж, я это учту. Поскольку мы с вами одни, без свидетелей, мы можем беседовать вполне откровенно. Я приветствую это, господин обер-лейтенант.

— Я тоже, господин старший военный советник юстиции.

Этими словами был как бы восстановлен внешний порядок. Игра могла идти дальше. Все это было как перед поединком на ринге: сначала противники пожали друг другу руки, с тем чтобы потом дубасить друг друга.

— Итак, это расследование ясно показало,— начал Вирман,— где я нажал нужную педаль. Я отыскал двух фенрихов, которые раскусили ваши методы. Двое других могут прямо или косвенно подтвердить то же самое. Нет никакого сомнения, что найдутся и еще свидетели. Вы, господин обер-лейтенант, по собственному опыту знаете, как складываются у людей мнения и формируются точки зрения. Короче говоря, я, стоит мне только захотеть, могу отдать вас под суд военного трибунала.

— Что это значит: стоит мне только захотеть? — настороженно спросил Крафт.

— Ах! — с удовлетворением произнес Вирман.— Вы довольно своеобразно воспринимаете такое понятие, как «свобода». Вы не ослышались. Итак, я твердо решил воз-

будить уголовное дело. А поскольку все обвинительные материалы в моих руках, я ничуть не сомневаюсь в исходе дела. И все-таки в нем имеется одна особенность. Мне здесь предоставляются две возможности, и одна из них мне несколько дороже другой.

— Что же это за возможности? — поинтересовался Крафт.

— Прежде всего я намерен возбудить уголовное дело исключительно против вас, против одного-единственного офицера-воспитателя, против, извините меня, пожалуйста, за откровенность, маленького, незначительного обер-лейтенанта. Я хочу еще раз подчеркнуть, что острие моего, так сказать, приговора направлено не против вас как личности, а исключительно против вашей должности. Но в моем распоряжении имеется и вторая возможность, та самая, которой я отдаю предпочтение, но использовать ее я могу лишь с вашей помощью, господин обер-лейтенант.

— И против кого же вы намерены использовать меня? — спросил Крафт.

— Ну скажем так: против господствующей сейчас системы образования и обучения, против устаревших, реакционных методов, с помощью которых в этих стенах готовят офицерские кадры, против прививаемого здесь сомнительного духа. Такое желание должно быть у каждого порядочного немца.

— А вы, как я посмотрю, не лишены мужества,—удивился Крафт.— Правда, скорее всего это не мужество, а всего лишь близорукость или, вернее говоря, ваша слепота.

— Я точно знаю, чего хочу,— заметил Вирман. — И притом рассчитываю на вашу сообразительность. Если вы хотите принести личную жертву — пожалуйста. Однако вы этого не сделаете, если получите от меня гарантию, что я вытащу вашу голову из петли. Вам достаточно только сказать «да», и в тот же миг мы с вами начинаем работать вместе. Мы совместно с вами разрабатываем единый план. В этом случае я без вашего согласия не проведу ни одного допроса, в которых вы не будете принимать активного участия вплоть до составления обвинительного заключения. Я уверен, вы понимаете, что в данной ситуации я делаю вам очень выгодное предложение. Думаю, вы принимаете мое предложение, не так ли?

— Теперь я точно знаю, чего именно вы хотите,— сказал Крафт.— Вы хотите подвести генерала под нож.

— Я желаю, чтобы восторжествовала абсолютная

справедливость,— пытался уверить обер-лейтенанта Крафта Вирман.— И я тверд в своей решимости. Один из вас поверит в это: либо генерал, либо вы! Но вам, обер-лейтенант Крафт, представляется возможность выбора.

ВЫПИСКА ИЗ СУДЕБНОГО ПРОТОКОЛА № X

БИОГРАФИЯ ФЕНРИХА ВИЛЛИ РЕДНИЦА, ИЛИ РАДОСТИ БЕДНЫХ

Меня зовут Вилли Редниц. Моя мать, Клементина Редниц, домашняя работница. Родился я 1 апреля 1922 года в Дортмунде. Имя отца мне неизвестно. Детские и юношеские годы я провел в Дортмунде, где мать нанималась в домашние работницы.

Я сижу на корточках в кухне, где работает моя мать. Сижу в уголке, под столом. В большинстве случаев здесь меня никто не видит, а я вижу все и всех. Вообще-то мне не положено быть там, где работает моя мама. А она работает долго, и работа у нее тяжелая. Правда, она любую работу делает с охотой. Когда она видит меня, то всегда улыбается, даже тогда, когда с лица ее градом льет пот, а волосы прядями свешиваются вниз; улыбается она даже тогда, когда несет что-нибудь тяжелое или же, согнувшись, подметает пол. Говорит она мало, зато часто улыбается.

«Клементина, что делает здесь твой парень? — спрашивает ее хозяйка.— Лучше бы ему пойти поиграть на свежем воздухе».

Мать ничего не отвечает хозяйке, но я сразу же выхожу из кухни.

«Я пойду, мама»,— говорю я матери и выхожу.

В заднем углу сада, неподалеку от служебного входа, стоит господин генеральный директор.

«Ну, Вилли, ты опять идешь играть?» — спрашивает он.

«Да»,— отвечаю я ему.

Он кивает мне и дает шоколадку, пирожное, а иногда даже монетку, целую марку. Сладкое я тут же съедаю. А монетку берегу для матери, ко дню ее рождения.

Я и мама живем в одной комнатушке, в небольшом доме, что стоит позади виллы генерального директора, где

обитает весь обслуживающий персонал. Здесь же живет и господин Кнезебек, садовник, которого все запросто называют Карлом. Он мой лучший друг.

«Жизнь человеческая похожа на сад,—говорит Карл.— Несколько цветков, несколько кустарников и много-много травы. Огромное количество травы и противных сорняков. Вот и выходит, что сад похож на жизнь».

«Собака потоптала цветы,— говорю я Карлу.— Разве ничего нельзя сделать?»

«Я посажу новые цветы, а против собаки ничего сделать нельзя».

«Вилли, ты опять топчешься на кухне», — говорит мне хозяйка, застав меня под столом.

«Я пришел к маме»,— отвечаю я.

«У тебя нет лучшего занятия?»

«Нет»,— отвечаю я.

«Тогда покажи мне руки, Вилли».

И я показываю хозяйке руки.

«А шею ты вымыл? Дай-ка посмотрю».

И она разглядывает мою шею.

«Подними правую ногу».

Я поднимаю.

«А теперь левую».

Я поднимаю левую ногу.

«Грязными их не назовешь,— говорит хозяйка.— Ладно, пусть посидит тут».

Хозяйка выходит из кухни, а мама снова улыбается мне, не говоря при этом ни слова.

«Знаешь, мама,— говорю я,— а я не такой уж и чистый. Ноги у меня очень грязные: я ведь по двору всегда бегаю босиком. А когда я иду к тебе на кухню, то всегда надеваю носки и ботинки».

Я играю не только во дворе, но и у канала. Сегодня воскресенье, и у мамы много работы. Хозяйка то и дело заходит к ней на кухню. Поэтому я иду на канал. На мне новенький матросский костюмчик, в котором я похож на воспитанного мальчика из хорошей семьи. Однако, несмотря на это, я выгляжу иначе, так как господские дети играют, не обращая внимания на то, во что они одеты. Я же боюсь прислониться или сесть, так как костюмчик у меня новый и белый, да и стоит он очень дорого, почти столько, сколько мама зарабатывала за месяц.

Когда я подошел к играющим ребятам, задира Ирена обозвала меня и сказала, что я испортил им игру, а драчливый Томас толкнул так, что я упал в глубокую и

грязную воду канала. Плавать я умел и потому не мог утонуть, хуже всего было то, что на мне был новый белый матросский костюмчик. Показаться в таком виде матери я не мог. Я пошел в угол сада и стоял там до тех пор, пока не высох мой костюм, а это означало, что стоять мне пришлось до позднего вечера, пока не пришла моя мама и не забрала меня. Сначала я весь дрожал от холода, а потом мне стало жарко.

— Это не так уж страшно, Вилли,— сказала мне мама,— костюм можно выстирать.

Больше она ничего мне не сказала.

Начиная с 1927 года я учился в Дортмунде в фольксшуле. В 1935 году, после окончания школы, я по настоянию матери учился в одногодичной торговой школе, а на следующий год посещал высшую торговую школу. Помимо этого, почти целый год я работал служащим в фирме «Браун и Томпсон», которая занималась выпуском мыла, тоже в Дортмунде. Весной 1940 года я был призван в вермахт.

Толстяк Филипп Венглер не хотел сидеть в школе вместе со мной на одной скамье. Он обосновывал это тем, что у его отца большой ресторан, а у меня вообще нет отца. Все это он сказал нашему учителю по фамилии Бухенхольц. Бухенхольц же в ответ на это влепил Филиппу звонкую пощечину. На следующий день в класс ворвался отец толстого Филиппа и набросился на учителя со словами:

«Как вы смели ударить моего сына?!»

Бухенхольц объяснил, почему он это сделал. Тогда отец Венглера подошел к своему толстому сыну и на глазах у всего класса влепил ему звонкую оплеуху.

«Он это заслужил,— сказал господин Венглер, обращаясь к учителю,— если бы он знал, кем я был, когда познакомился с его матерью!»

С того дня Филипп Венглер стал моим другом, а учителя Бухенхольца я просто полюбил. По всем предметам, которые он преподавал, я имел самые лучшие оценки.

«Мама,— сказал я однажды матери,— если ты женишься, то у меня будет отец».

«У тебя и так есть отец,— сказала мама,— только он не хочет, чтобы ты знал, кто твой отец».

«Если это так, — сказал я, — тогда у меня нет никакого отца. А ты все равно можешь спокойно выйти замуж».

«Вилли,— сказала мама с улыбкой,— стать матерью не так уж и трудно. Труднее найти человека, которого будешь любить и который станет любить тебя, самое же трудное — найти человека, который в довершение всего полюбит тебя и ты станешь отвечать ему тем же».

Я не совсем понимал маму, так как она была в то время очень красивой женщиной, и я считал, что все люди должны были любить ее, как любил я. Разве только за исключением хозяйки, но ведь она не могла жениться на моей матери, как не могла и заменить мне отца. Уже одно это утешало меня.

Кроме Филиппа Венглера у меня было двое друзей: Хильда и Зигфрид Беньямин. У отца Беньяминов имелся магазин игрушек, однако отнюдь не это обстоятельство помогло нам подружиться. Я любил Хильду потому, что она была умницей и имела очень милых родителей, особенно хорошим человеком был ее отец, господин Беньямин. Иногда он пел своим детям песни, которые хотя и звучали по-немецки, но в то же время казались какими-то чужими. И тогда я невольно думал о том, как бы был рад, если бы у меня был отец, который разговаривал бы на каком-нибудь иностранном языке да еще изредка пел бы мне какие-нибудь песни.

Такого человека я нахожу маме. У него темная кожа, а имя его звучит по-французски: все зовут его Шарлем. Он умеет петь глубоким, гортанным голосом, при этом он вращает глазами, чем вызывает улыбку. Он торгует спиртными напитками в лавочке, которую все называют баром. Кроме того, он организует бои на ринге, чтобы заработать себе на жизнь, которая дорожала с каждым днем. Иногда Шарль пел для посетителей бара, если кто-нибудь садился за рояль.

Я же садился в кладовке между ящиками и сидел там тихо, как мышка, пока меня не замечали.

«Этого нельзя делать, Вилли!» — говорил мне Шарль.

«Ты так хорошо поешь, а я люблю слушать»,— оправдывался я.

«Уже поздно, Вилли, тебе нужно идти к маме. Я отведу тебя к ней»,— предложил мне Шарль.

«Отведи,— ответил я.— Мама будет рада».

Шарль действительно отвел меня к матери. Затем он сидел в нашей комнате и пил кофе. Шарль сильно смущался и долго просил извинить его.

«Очень мило с вашей стороны, что вы привели Вилли домой,— говорит ему мама.— К сожалению, я не могу постоянно заботиться о нем».

«Все равно мне нужен отец,— упрямо говорю я.— А его так трудно найти».

После этого случая Шарль частенько начал провожать меня домой к матери.

«Клементина,— заговорила однажды хозяйка виллы с мамой,— ты хорошо знаешь, я человек добрый и простой, однако и я имею некоторые принципы. А то, что вытворяет твой Вилли, переходит всякие границы, так я считаю. Мало того, что он дружит с еврейскими детьми, теперь он тащит к нам в дом черномазых. Этого я не потерплю. Если вам дорого место у нас, немедленно прекратите эти встречи».

«Ничего я не собираюсь прекращать, уважаемая фрау,— ответила мама хозяйке.— А люди, которые нравятся моему сыну, мне дороже вашего места».

«Клементина, будь благоразумна,— увещевает после этого маму господин генеральный директор.— Не будь глупой. Попроси извинения у моей жены и считай, что инцидент между вами исчерпан».

«А он и так исчерпан»,— говорит мама.

После этого мы уезжаем из дома директора и поселяемся в комнатушке, которая намного меньше прежней. Мама работает в банке с пяти до восьми часов утра. А еще она работает в одном обувном магазинчике, но уже с семи до девяти часов вечера: там и там она убирает помещение. А по субботам и воскресеньям помогает отцу толстого Филиппа в его ресторане. Это продолжается до тех пор, пока с Зигфридом Беньямином не случается несчастье.

Однажды во время игры он перебегал улицу и попал под грузовую машину. В результате — открытый перелом левой ноги с сильным кровотечением. Зигфрид сразу же заорал от боли, а остальные ребятишки остановились и уставились на него испуганными глазами. Грузовик же уехал, не остановившись, так как шофер, видимо, даже не заметил случившегося.

Увидев бедного Зигфрида с переломанной ногой, я тут же обрезал кусок веревки и перетянул ему ногу, о чем я вычитал в какой-то книжке. Затем мы оторвали кусок доски и, положив на него Зигфрида, понесли к доктору Грюнвальду, который жил через две улицы.

«Мое тебе уважение,— сказал мне доктор Грюнвальд,

осмотрев Зигфрида, очистив ему раны и перевязав его.— Ты, Вилли, все сделал очень хорошо. Где ты этому научился?»

«Из книжки, — ответил я, оглядываясь по сторонам.— А здесь у вас не особенно чисто»,— заметил я.

«Послушай меня, малыш, мои инструменты безупречно стерильны, да и ординаторская комната тоже».

«Но в вашей ожидальне не так чисто, как должно быть, да и в коридоре тоже».

«А что поделаешь,— доктор Грюнвальд пожал плечами,— я обязан беспокоиться о своих больных, на остальное же у меня не хватает времени».

«Вам нужна женщина, которая бы постоянно наводила здесь чистоту,— заметил я,— женщина, как моя мама».

И через три дня мама имела постоянное хорошее место и великолепную квартиру, так как мы переселились в квартиру доктора Грюнвальда.

Мою симпатию звали Шарлоттой Кеннеке. Она ходила в нашу школу, только училась классом старше. Ее отец работал служащим на почте. Шарлотта была великолепна. Она всегда носила светлые платьица, а волосы ее, длинные и шелковистые, каштанового цвета, так и летали по ветру, когда он был, а когда его не было, они рассыпались по плечам, повинуясь малейшему повороту ее головы.

Я стою на одном месте и смотрю ей вслед, когда она идет в школу, когда возвращается домой, когда она идет купаться или же просто проходит по улице. Она намного старше меня, на целых два года, и потому не замечает меня или не желает замечать.

«Шарлотта»,— произношу я часто вслух, словно во сне, или шепчу ее имя про себя. Маме я как-то сказал: «Если у меня когда-нибудь будет сестричка, назови ее Шарлоттой». А доктору Грюнвальду я сказал: «Самое красивое женское имя — Шарлотта».

«Есть и другие красивые имена, — ответил мне доктор Грюнвальд.— Запомни это».

«Красивее быть не может»,— говорю я с убежденностью.

В один счастливый день мне довелось нести портфель Шарлотты. Это случилось тринадцатого сентября тысяча девятьсот тридцать третьего года, от пяти минут первого до одиннадцати минут первого, то есть целых шесть минут.

А посчастливилось мне нести портфель обожаемой

Шарлотты только потому, что ей вдруг стало плохо. Она была беременна, хотя ей исполнилось всего-навсего четырнадцать лет. Поговаривали, что отцом ребенка был не кто иной, как ее отчим. Узнав об этом, я почувствовал себя глубоко несчастным и горько заплакал, ненавидя весь мир.

«Вилли,— сказал мне доктор Грюнвальд,— я слышал, что ты плакал. Хорошо, что все так случилось. Иногда я и сам плачу, не часто, правда, но бывает».

Я смотрю на доктора Грюнвальда, это уже пожилой человек, волосы у него совсем седые, они разделяют его лицо на две части, словно плуг пашню, но глаза у него совсем молодые. Неужели он тоже иногда плачет?

«Радуйся, что ты можешь плакать,— говорит он мне.— Глубокие, настоящие чувства делают жизнь прекрасной, углубляют и расширяют ее. Только тот способен чувствовать радость, кто познал и мучения».

«Вы для меня как отец родной»,— сказал я ему.

«А я не представляю себе лучшего сына»,— откровенно признался доктор.

Толстый Филипп Венглер был моим первым другом, которого я потерял. Гостиницу с рестораном, которую держал его отец, разгромили, а остатки подожгли, и она сгорела дотла. Отец Венглера слег в больницу, так как ему перебили позвоночник.

Однажды, когда я вместе с Филиппом пришел его навестить, Венглер сказал нам:

«Юноши, никогда не имейте собственного мнения, иначе вас забьют до того, что вы станете калеками, так как есть на земле люди, которые не терпят, чтобы у кого-то было собственное мнение. Если же с вами когда-нибудь все же произойдет несчастье и у вас появится собственное мнение, то держите его, ради бога, в тайне для самого себя, а не то вас изобьют до смерти».

Через два дня отец Филиппа скончался. Мать же его неожиданно исчезла неизвестно куда, и толстого Филиппа забрала к себе тетка, которая жила очень далеко, где-то в Восточной Пруссии. С тех пор я больше никогда не видел своего друга.

Господин Беньямин надел себе на голову шапочку. На столе, вокруг которого мы сидели, стоял большой серебряный подсвечник. За столом расположились фрау Беньямин, Хильда и Зигфрид. Свечи горели как-то по-праздничному, и господин Беньямин пел что-то очень печальное.

«Вилли, ты всегда был хорошим другом наших де-

тей,— говорит мне Беньямин,— и тебя все очень любят. Но завтра мы уезжаем в другую страну, и, быть может, сегодня мы встречаемся в последний раз в жизни. Мы благодарим тебя. И просим: забудь все».

Об этом я рассказал доктору Грюнвальду, а затем спросил его:

«Почему он так сказал?»

Доктор Грюнвальд отвернулся от меня и заплакал.

А потом настал день, когда куда-то исчез и доктор Грюнвальд. Его практикой занялся другой доктор. С того дня мама почти никогда не улыбалась, когда поблизости оказывался какой-нибудь чужой человек. Правда, мне она еще улыбалась. А однажды сказала:

«Постарайся быть жизнерадостным, а то ты можешь задохнуться в бедности и печали, которые нас окружают».

Когда началась война, я попал на фронт. Сначала нас послали в Польшу, затем — во Францию, позже — в Россию. Служил я почти все время в одной и той же части. В 1941 году меня произвели в унтер-офицеры, в 1943 году — в фельдфебели, и почти одновременно с этим зачислили кандидатом в офицеры.

Польша. В небольшом лесочке под Млавой я видел исковерканное тело немецкого летчика. В Млаве я видел одну польскую семью: мужа с раскроенным черепом, женщину с расплющенной нижней частью туловища, а между трупами родителей — ребенка, который с выражением ужаса в глазах еще шевелился. Перед Прагой (в Варшаве) во дворце президента польских железных дорог я наблюдал, как немецкий офицер вырезал из рам картины, а унтер-офицер расстреливал из пистолета античный мраморный ковш. Позднее там же я увидел трупы немецких солдат, на которых неожиданно, когда солдаты спали, напали патриоты. А в центре Варшавы я однажды заметил мужчину, который был очень похож на доктора Грюнвальда. Он висел на оконной раме.

Франция. Два человека вцепились друг в друга, лежа в луже из крови и вина, судорожно сжимая один другому глотку... Затем бункер под Верденом, заваленный трупами, настоящая каша из человеческих тел, и среди

них кости тех, кто погиб еще в первую мировую войну... Кровать, на которой лежит француженка, сверху, на ней, немецкий солдат, а под кроватью муж этой женщины — все трое мертвы, а вокруг — обломки мебели от разорвавшейся связки ручных гранат.

Кладбище во Франции: склеп одного из французских королей, а между гробницами неподвижно лежит любовная пара; из комнаты, расположенной в башне замка, доносятся музыка и грубые голоса пьяных немецких солдат, собравшихся повеселиться. Старый француз стоит там же, почти ничего не соображая. Офицер сидит в комнате и читает Вольтера. Вдруг раздается дикий, нечеловеческий вопль, который перелетает через крышу собора. От этого крика в жилах стынет кровь, однако его никто не слышит, кроме меня,— еще кто-то сошел с ума.

И снова родной дом в Дортмунде. А родной ли он? Мама улыбается мне, и я забываю все на свете. Доктор, который занимается теперь врачебной практикой на месте доктора Грюнвальда, не смеет открыто смотреть нам с мамой в глаза. Однако Эрна в приемные часы пялит на меня глаза, которые многое видят и многое видели. Во вторую ночь она приходит в мою комнату и ложится ко мне в постель.

«А что поделаешь: война есть война»,— говорит она.

«Ну ладно,— соглашаюсь я,— война — это война».

В этот момент она похожа на Шарлотту.

Потом русский поход: горы трупов, польские евреи — дело рук немецких солдат. Люди, висящие на деревьях, как какие-то редкие фрукты,— это партизаны и комиссары. Трупы, используемые как бруствер для защиты от огня противника. Трупы, сжигаемые в печах и в штабелях. Огонь до самого горизонта, отчего кажется, что горит все на свете.

Помню один случай под Харьковом, где судьба свела меня с девушкой по имени Наталья. Ее хотели изнасиловать трое пьяных немецких солдат из хозяйственного подразделения, которые бродили по домам в поисках водки. Двоих из них впору забирать в госпиталь, так я их треснул прикладом карабина. Наталья плачет. Я пытаюсь ее успокоить. В ее темных глазах, которые смотрят на меня с благодарностью, я читаю доверие и надежду. Я делюсь с девушкой своим пайком. Она поправляет на себе платьице. Я пью водку, которую достали солдаты, кладу свою руку на руку девушки и чувствую, что она вся дрожит.

Я стаскиваю с нее платье и делаю с ней то, что не удалось сделать моим предшественникам, после чего я как бы проваливаюсь в ночь, терзаемый стыдом.

На следующее утро я возвращаюсь в дом, где живет Наталья. У меня такое чувство, что я полюбил ее, как можно любить свою тяжелую и в то же время сладкую и неизбежную судьбу. Никогда раньше у меня не было такого чувства, да я и не поверил бы, что такое возможно. Мне хочется прокричать об этом, чтобы меня услышали на всех фронтах.

Но как только я открываю дверь дома, в котором живет Наталья, я вижу ее распростертой посреди комнаты. Она лежит на спине, платье разорвано. Вокруг нее — кровь. Она мертва.

Не могу сообщить ничего особенного о том, что официально называют военной карьерой. Я делал то, к чему меня обязывали и что в обиходе называется долгом. Меня регулярно повышали в чинах, и я стал кандидатом в офицеры. Для чего? Я и сам не знал. Единственное, что я знаю, это следующее: я бедный человек. А раз я это знаю, я улыбаюсь.

31

ПРОЩАНИЕ БЕЗ РАСКАЯНИЯ

Следующий день протек, как песок в сосуд: часы мчались с монотонной размеренностью. День, казалось, был самый обыкновенный, как и многие другие до него: занятия, перерывы, принятие пищи — все это с соответствующей цепью мыслей, сопровождавших то или иное мероприятие. Фабрика офицеров работала на полном ходу: каждый из хорошо отлаженных механизмов действовал безукоризненно.

Обер-лейтенант Крафт делал свое дело. Казалось, он тоже занимался тем, что должен был делать согласно расписанию. Встал он вовремя, позавтракал в казино, провел занятие на местности по теме: «Действия разведгруппы». Затем пообедал вместе со своими фенрихами.

Ничто не бросалось в глаза в поведении Крафта: замечания, которые он делал фенрихам, были, как всегда, дельными, от его внимания, казалось, ничего не ускользнуло. Быть может, его штуки в тот день были не столь

часты, как всегда, а в голосе не чувствовалось обычной беззаботности. Но никто этого и не заметил.

Послеобеденные занятия также продолжались строго по плану. Разве что тема занятий на сей раз звучала несколько необычно: «Забота о родственниках».

Фенрихи собрались в аудитории и разложили перед собой бумагу и карандаши, готовые вести конспекты. От одной только этой мысли скулы начинала сводить зевота.

Крафт вошел в аудиторию и спросил:

— Что следует понимать под заботой о родственниках?

На этот вопрос фенрихи не смогли правильно ответить, и не смогли главным образом потому, что никто из них не собирался задумываться над этим. Да и зачем им это? Эта тема была для них новой, так что пусть их научат.

Таким образом, фенрихи решали этот вопрос путем отгадывания своеобразных загадок.

Так, фенрих Меслер высказался следующим образом:

— Если, например, к моему солдату придет сестра, чтобы проведать его, я, разумеется, позабочусь о ней, убедившись предварительно, что она этого заслуживает.

Однако смеялись не особенно много и долго.

Крафт мысленно запоминал все сказанное, но ни одного ответа не комментировал. Казалось, он погрузился в собственные мысли, почти поминутно выглядывая в окно. Когда фенрихи исчерпали свое красноречие, обер-лейтенант снова обратился к ним.

— Короче говоря, практически вы не сказали ничего такого, что относилось бы к теме,— сказал Крафт.— И это отнюдь не ложный вывод, так как армейский механизм интересует только солдат, который непосредственно ему служит, и больше никто. Это, разумеется, не исключает того, что начальник может быть любезен при появлении родственников его подчиненных. В мирное время благодаря таким знакомствам можно организовать игру в мяч, или же совместную прогулку унтер-офицеров с их родственниками, или же вечер в казино в обществе дам. Но все это сейчас где-то далеко-далеко, и в ближайшее время ничего подобного не ожидается. Короче говоря, о родственниках сейчас нечего много говорить, за одним-единственным исключением. За каким именно, как вы полагаете?

Фенрихи до этого не додумались и с равнодушным видом взирали на своего офицера-воспитателя. Да разве кто-

нибудь и когда-нибудь беспокоился об их родственниках? До сих пор никто и ни разу.

— Есть один случай,— продолжал обер-лейтенант Крафт,— когда офицер вынужден вступить в контакт с родственниками своего солдата. В случае тяжелого ранения последнего или же его смерти. Что тогда происходит?

— Командир роты, а чаще всего его заместитель пишет родным солдата письмо с соболезнованием.

— И каким должно быть это письмо? Кому из вас уже приходилось видеть подобное послание?

Отвечать вызвался Крамер, опытный унтер-офицер.

— Такое письмо должно быть, по возможности, подробным и обязательно написано от руки. Печатать подобные письма на машинке можно лишь в том случае, когда ведутся активные боевые действия и потери в живой силе слишком велики.

— А каково должно быть содержание подобного письма?

— Несколько образцов подобных писем имеется в специальной памятке. Однако можно сказать, что, чем теплее будет письмо, тем лучше.

Крафт, казалось, даже не слушал Крамера. Его почти странная деловитость разоблачала скрытый смысл выбранной темы.

— А как вы думаете, что именно нужно отразить в таком письме, а чего избежать? — спросил офицер.

Фенрихи один за другим бросали Крафту короткие ответы, как бросают мяч при игре.

— В первую очередь необходимо изложить положительные качества погибшего, а именно: погиб за фюрера и рейх. Гораздо реже пишут: погиб в боях за фатерланд. И всегда очень важно отразить, что при исполнении своего служебного долга. Хорошо не забыть такие слова: мы всегда будем его помнить, память о нем будет вечно жить в наших сердцах.

— Все негативное должно быть обойдено, а именно: ни в коем случае не следует писать о страданиях и болях. По возможности вообще не рекомендуется описывать подробности гибели и ее причины. Само собой разумеется, в письме не должно быть ни слова критики солдатских или человеческих качеств погибшего. Ни в коем случае не должно быть никаких намеков на то, что, мол, операция была проведена неудачно, а потери — бессмысленными.

— Главное, необходимо подчеркнуть, что смерть на поле боя — почетна; смерть в лазарете, госпитале, на учениях и в тому подобных условиях — то же самое. Погибшего надлежит называть героем.

— Так, так, — строго поддакнул обер-лейтенант. — Все это имеет давнюю традицию, подобные письма пишутся уже не одно столетие. Собственно говоря, смысл и форма подобных писем остаются стабильными, меняются, к сожалению, только некоторые понятия. Когда-то писали: пал за короля и народ. Потом: пал за кайзера и фатерланд, теперь пишут: пал за фюрера и рейх. Но всегда пишут — пал на поле чести. И никогда не пишут, что пал бессмысленно. Подумайте о том, какое мужество для этого требуется. Ну, на сегодня хватит, геройские сыны.

Учебное отделение разбежалось кто куда. Остался один фенрих Редниц. Положив учебник перед собой на стол, он ждал, когда Крафт полностью освободится.

— Редниц, прошлой ночью я вместе с капитаном Федерсом закончил аттестацию учебного отделения, так как немного осталось до конца курсов. Вас не интересуют собственные результаты? — спросил Крафт.

— Нет, господин обер-лейтенант,— ответил тот откровенно.

— А почему, Редниц?

— Потому что временами я, господин обер-лейтенант, вообще не знаю, стоит мне оканчивать эти курсы или нет. Бывают моменты, когда мне хочется, чтобы я никогда не стал офицером.

— Редниц, уж не устали ли вы от этой жизни? — поинтересовался офицер.

— Пока нет, господин обер-лейтенант. Однако чем больше я думаю, тем бессмысленнее мне кажется жизнь. Вот и сейчас тоже.

— Тогда попытайтесь как-то изменить ее! Вы еще так молоды. Я, хотя всего на несколько лет старше вас, чувствую себя стариком: уставшим, изношенным, разочарованным. А ведь вы — совсем другое дело, Редниц. Вы не должны сдаваться.

— Через несколько дней, господин обер-лейтенант, закончится наша учеба. И мы навсегда расстанемся. И большинство из нас скоро забудет то, чему вы пытались научить нас, вы и капитан Федерс, каждый по-своему. Вы учили нас думать и видеть, а порой будили нашу совесть. И все же, несмотря на это, я опасаюсь, что вы были не

всегда откровенны. Я понимаю, это не в вашей власти. Именно это и лишает меня порой всякого желания быть офицером. Если такой человек, как вы, не может переступить через существующие границы, то на что же может надеяться такой человек, как я?

— Редниц,— обер-лейтенант подал фенриху руку,— если вы когда-нибудь будете вспоминать меня, то постарайтесь никогда не жалеть меня. Каждый человек прежде всего должен справиться сам с собой, так как в решающий момент он всегда остается один.

Фенрих ушел. Обер-лейтенант даже не оглянулся на него. Он собрал свои бумаги, улыбнулся, бросив беглый взгляд на пустую аудиторию, словно прощаясь с ней, и вышел.

Перед учебным бараком обер-лейтенант встретил капитана Ратсхельма, который, по-видимому, специально дожидался его, хотя старался не показать этого.

— Как вы знаете, господин обер-лейтенант Крафт,— начал Ратсхельм,— завтра состоятся похороны фенриха Хохбауэра, а по установившейся в нашей военной школе традиции, как, например, в свое время при похоронах лейтенанта Баркова, перед этим состоится траурное собрание, на котором, опять-таки по обычаю, с траурной речью выступит офицер-воспитатель.

— Все это мне хорошо известно, господин капитан,— сказал обер-лейтенант Крафт,— я к этому готов.

— А вы не думаете,— спросил капитан холодно и требовательно,— что вам, учитывая некоторые обстоятельства, лучше отказаться от этого?

— Этого делать я не собираюсь, господин капитан,— твердо заявил обер-лейтенант.— Я произнесу речь, как это и положено. Это моя обязанность, и я ее выполню.

— А как же незаконченное разбирательство?

— Оно меня не интересует, господин капитан. Разбирательство — это еще не приговор. Я произнесу речь, так как генерал придерживается другого мнения, чем вы.

Проговорив это, обер-лейтенант Крафт с легкой усмешкой приложил руку к головному убору и отошел от капитана Ратсхельма: ему нужно было еще несколько часов поработать с капитаном Федерсом и в письменной форме изложить свое мнение о фенрихах учебного отделения.

...Федерс и Крафт работали на квартире капитана. Марион Федерс и Эльфрида Радемахер старались, как могли, помочь им: обе печатали на машинке то, что им диктовали офицеры. Каждая минута была дорога, и Крафт все торопил и торопил.

— Мой дорогой Крафт,— сказал некоторое время спустя капитан Федерс,— на кой, спрашивается, черт вам понадобилась эта срочная работа? В нашем распоряжении еще целых восемь дней, а вы порете такую горячку, как будто завтра уже выпуск.

Женщины переглянулись, а затем посмотрели на Крафта, который, казалось, целиком и полностью ушел в свою работу. Не поднимая головы, он все же ответил:

— Меня торопит время. Аттестация фенрихов должна быть закончена раньше, чем старший военный советник юстиции Вирман выложит плоды своего расследования. Вы меня понимаете? И ни одна деталь из его заключения не должна повлиять на наши аттестации. В случае необходимости мы с чистой совестью должны будем сказать, что аттестация фенрихов произведена нами раньше.

— Если нужно будет, я с чистой совестью могу рассказать и о других вещах. Здесь важно только то, чтобы охарактеризовать этих узколобых парней как достойных, а начальники потоков и курса уже давно утверждают это. Ну что ж, поможем им!

Вскоре Эльфрида Радемахер и Карл Крафт покинули супругов Федерс. Они шли рядышком по широкой дороге мимо здания штаба.

— Эти Федерсы очень симпатичные люди, не правда ли? И очень смелые,— сказала Эльфрида.

— Да, смелые, как кошка, которая цепляется за того, кого хочет утопить. Или же смелые, как дрессированный тигр, который прыгает на арене сквозь горящее кольцо! Вот она, жизнь, в наше время!

Эльфрида попыталась теснее прижаться к офицеру. Темнота и отсутствие прохожих в столь поздний час позволяли ей это.

— Ты так изменился за последнее время, Карл,— тихо сказала она.— Очень сильно изменился.

— Возможно, именно сейчас я показываю свое настоящее лицо. Однако я надеюсь, что ты не забыла о моем предупреждении.

— Карл,— сказала она,— это же был отнюдь не упрек.

— Я подобен безнадежному номеру в лотерее. И потому самое лучшее для тебя, если ты поймешь это и вычеркнешь меня из памяти.

— Не старайся, Карл, убедить меня в этом,— ласково сказала Эльфрида.

— Вот мы и пришли,— сказал Крафт, показав рукой на здание, в котором она жила.— Спокойной ночи, Эльфрида.

— Я хочу остаться с тобой,— тихо сказала она.

— У меня очень много работы,— объяснил он.

— А разве я тебе помешаю, Карл?

— Со мной хочет поговорить начальник курса. К тому же разговор будет длинный.

— Я подожду тебя,— пообещала Эльфрида.— Здесь, на дороге.

Ночь была не морозной. На темно-синем небе кое-где виднелись обрывки облаков, дул мягкий, теплый ветерок. Снег на полях таял. Зима, судя по всему, медленно отступала.

— Ты никак не хочешь меня понять,— проговорил Крафт, отходя от Эльфриды.— Я тебе говорю то, что думаю, а ты смеешься! Я стараюсь показать тебе все опасности, а ты этого не понимаешь. Неужели ты так уверена, что я тебя люблю?

— Ах, это не совсем так! С меня достаточно и того, что я тебя люблю.

— Хорошо, если это так, но только не думай, что я тебя люблю! — последние слова он попытался сказать резко.— Я, возможно, люблю свою чудную специальность, возможно, люблю этих фенрихов, так как чувствую, что они страдают. Возможно, что я люблю нашего генерала-статую, как можно любить башню желаний.

— Один мужчина, а стольких любит! И среди этого числа ни одной женщины, к которой можно было бы приревновать. Я хочу и должна видеть твое лицо.

— Я, как вы знаете, люблю компромиссную справедливость,— сказал майор Фрей.

И, словно в знак выражения особого доверия, он подмигнул Крафту и инстинктивно улыбнулся. Вот уже несколько дней, с тех пор как он убедился в неверности своей супруги, майор не хотел видеть никого из друзей.

— Я тоже сторонник справедливого компромисса,— заверил майора обер-лейтенант Крафт.

Майор Фрей нервно потрогал пальцами свой рыцарский крест, словно хотел лишний раз убедиться в том, что свидетельство его беспредельной смелости висит на своем месте.

Затем начальник курса предложил офицеру-воспитателю сесть. Причем сделал он это отнюдь не по-казенному. Можно было подумать, что он готов предложить и подушечку на сиденье. Потом майор отвернул абажур лампы немного в сторону, чтобы свет не слепил Крафта.

— Сигары? Сигареты? Или выпьете чего-нибудь: коньяку, водки, вина?

— Благодарю вас, только целую бутылку, если у вас есть.

Майор рассмеялся. Ему понравилась эта шутка, она подняла его настроение. Тем более это миссия майора была довольно щекотливой, а ее успех целиком зависел от этого Крафта.

— Мой дорогой,— сказал майор,— завтра мы хороним фенриха Хохбауэра. Хороним почти со всеми воинскими почестями. Таково распоряжение начальника военных школ, которое безо всяких комментариев передал мне господин генерал, что освобождает меня от высказывания своего мнения.

Фрей еще раз потрогал свой рыцарский крест и посмотрел при этом на распоряжение генерала, которое лежало перед ним на столе. Затем он изучающим взглядом окинул Крафта и с некоторым усилием продолжал:

— Мой дорогой обер-лейтенант Крафт, я хочу поговорить с вами о траурной речи, которую вам предстоит произнести.

— Которую я должен произнести,— поправил майора Крафт.

— Разумеется, которую вы должны произнести. Здесь мы с вами коснемся некоторых деликатных вопросов. Вы не думаете, что мы должны их основательно обсудить?

— Аргументы капитана Ратсхельма мне хорошо знакомы, господин майор. Я не стану на них останавливаться. Могу я поинтересоваться мнением господина генерала по этому поводу?

— Да, таковое имеется.

— И что в нем говорится, господин майор?

— Господин генерал высказал свое согласие.

Крафт откинулся на спинку стула и сказал:

— Теперь мне все ясно.

— Разумеется, формально.— Майор начал искать носовой платок, чтобы вытереть им вспотевшие руки.— Дорогой Крафт,— продолжал он,— давайте поговорим с вами по-человечески. И не потому, что я намерен скомпрометировать капитана Ратсхельма, и не потому, что я кого-то боюсь, однако Ратсхельм, пусть это останется между нами, ведет себя как дикарь. Он ничего не боится. Он поднимает вопрос об этой несчастной истории с Хохбауэром и моей супругой. Короче говоря, раздувает дело о том, о чем вы, Крафт, это я смело могу сказать, говорили очень тактично. Однако на Ратсхельма я в этом отношении никак не могу положиться. Он идет на все. По секрету скажу вам, Крафт, что он подает рапорт об отправке его на фронт. Кроме того, он выступает заодно со старшим военным советником юстиции. Так что, мой дорогой, давайте не будем без нужды раздражать его! Лучше проявим осторожность и ум. Пусть эта речь пройдет незамеченной! Понятно?

— А как же решение генерала?

— Видите ли, в его решении есть свои особенности. Генерал дословно сказал следующее: пусть Крафт поступает так, как считает нужным! А это значит, Крафт, что вы можете поступить и иначе!

— Мне очень жаль,— сказал обер-лейтенант Крафт,— но я поступлю по-своему.

— В твоей комнате горит свет,— сказала Эльфрида Радемахер, когда они подошли к бараку, в котором располагалось учебное отделение «Х».

— Возможно, я забыл погасить его.

— Но ты же, Карл, весь день был в бегах!

— Тогда его включил мой уборщик. Мы будем вести себя тихо: я не собираюсь мешать спать своим фенрихам.

Оба вошли в коридор, в котором слева находилась комната обер-лейтенанта Крафта. Слышались приглушенные звуки: шум текущей воды, свист ветра, храп спящих фенрихов.

Крафт открыл дверь своей комнаты. И сразу же увидел за своим примитивным письменным столом генерал-майора Модерзона, освещенного светом настольной лампы. Генерал сидел так, как будто находился в своем собственном кабинете,— прямо и неподвижно. Правда, на этот раз он улыбался.

— Входите же,— сказал генерал,— как-никак вы здесь живете.

Крафт сделал несколько шагов вперед и механически отдал честь, а Эльфрида Радемахер осталась стоять в дверях, не зная, что же ей делать.

— Добрый вечер, фройляйн Радемахер,— проговорил генерал, вставая. Размеренным шагом он подошел к Эльфриде и пожал ей руку, слегка наклонив голову.

— Господин генерал, фройляйн Радемахер моя невеста,— объяснил Крафт.

— Мне это известно,— заметил генерал.— Я вас уже поздравлял по этому поводу, господин обер-лейтенант. Однако я что-то не помню, чтобы имелось такое распоряжение, согласно которому офицерам разрешалось бы приводить к себе своих невест.

— Если вы разрешите, господин генерал,— поспешил сказать Крафт,— то я немедленно провожу свою невесту в ее комнату.

— Господин обер-лейтенант,— начал генерал, не шевелясь,— за это упущение я вас так и так накажу, так что пусть уж ваша невеста остается здесь. Так вам по крайней мере не будет обидно, фройляйн Радемахер, оставайтесь спокойно здесь.

Эльфрида подарила ему благодарную улыбку. Она грациозно миновала генерала и своего обер-лейтенанта и, подойдя к кровати, села на нее. Крафт почувствовал, что краснеет.

— Я вам совсем немного помешаю,— проговорил генерал Модерзон, садясь за письменный стол обер-лейтенанта, которому он подал знак садиться. Крафт сел на табурет и стал ждать, что будет дальше.— Господин обер-лейтенант, вам уже известно, какие цели преследует старший военный советник юстиции Вирман? — спросил генерал.

— Так точно, господин генерал.

— Скажите мне, какие же именно?

— Этот Вирман намерен уничтожить меня, и притом так, чтобы вы споткнулись о меня.

— Великолепно,— заметил генерал.— Вы очень внимательный наблюдатель, господин обер-лейтенант. Как вы думаете, чего добьется этот человек?

— Ничего,— твердо ответил Крафт.

— Хорошо, — вымолвил генерал, и его холодные голубые глаза слегка заблестели.— А сейчас, господин обер-

лейтенант, внимательно послушайте меня. И поймите, что в данный момент я не ожидаю от вас ни одобрения, ни несогласия. Я разрешаю вам подробно доложить старшему военному советнику юстиции Вирману о том, что я приказал вам провести расследование о причине гибели лейтенанта Баркова.

— Господин генерал, я считаю это лишним.

— Прошу вас, господин обер-лейтенант, без комментариев. Вы должны хорошенько все обдумать. Я повторяю еще раз: я отдал приказ. И попросил вас пользоваться всеми средствами, не ограничивая себя в методах. Я один несу ответственность за все. Ясно?

— Ясно, господин генерал.

— Это все, что я хотел вам сказать сегодня, господин обер-лейтенант Крафт. Завтра мы увидимся, когда вы будете произносить свою траурную речь. На похоронах будет вся военная школа. Будьте здоровы, Крафт. До свидания, фройляйн Радемахер.

Проговорив это, генерал вышел, и темнота поглотила его.

— Чего он хотел? — спросила Эльфрида, глядя вслед генералу.

— Он хотел помочь мне жить сегодняшним днем,— ответил Крафт.— А тебя он специально использовал в качестве свидетеля для того, чтобы мне захотелось обязательно вернуться к тебе в теплую постель и чтобы совесть моя осталась спокойной. Но я лично этого не хочу!

Обер-лейтенант Крафт смотрел неподвижным взглядом на свет лампы, пытаясь сконцентрировать свои мысли. Затем он склонился над письменным столом и начал бегло исписывать страницу за страницей своим мелким плотным почерком: он писал свою надгробную речь.

А на его полевой койке лежала Эльфрида Радемахер и усталым взглядом, но с улыбкой смотрела на него. Она видела напряженно-задумчивое лицо, склонившееся над бумагой, видела его нервные руки, одна из которых выводила букву за буквой.

Затем Крафт обхватил голову руками, взгляд его был устремлен в пустоту. А в темноте, как ему казалось, вокруг него витала смерть, принимавшая самые различные формы, самых различных цветов, но преимущественно темных. Однако временами перед его мысленным взором

появлялось что-то красное, что можно было принять и за огонь, и за кровь, и за солнечный закат.

Эльфрида беспокойно растянулась на койке и погрузилась в тяжелый сон без сновидений. Рот ее был чуть приоткрыт, а на лице застыло выражение ожидания.

— Ничего нельзя замалчивать,— сам себе сказал Крафт,— так как любая невысказанная правда — начало лжи.

Он устало опустил руки. Перед ним лежали двенадцать плотно исписанных страниц. Крафт вдруг почувствовал себя свободным, счастливым и усталым, каким не был никогда раньше.

Крафт встал и, раздевшись, лег рядом с Эльфридой. Не открывая глаз, она подвинулась, уступив ему место, и моментально прижалась к нему, обняв руками и ногами, и в тот же момент он погрузился в какое-то забытье, чувствуя, что опускается в глубину, у которой нет дна. И в тот же миг его захлестнула волна блаженства, и он как бы растворился в ней.

В мгновение ока вся его жизнь проплыла перед ним.

32

ПРИЗЫВ СУДЬБЫ

В тот день три учебных отделения шестого потока были назначены на выполнение спецзадания: нужно было превратить спортивный зал в траурный.

В нормальных условиях это было нетрудное занятие, однако возглавлял это мероприятие обер-лейтенант Веберман, офицер-воспитатель учебного отделения «Г», а он, по обыкновению, не давал своим подчиненным ни минуты перерыва.

Фенрихов этого учебного отделения обычно называли «зайцами», так как их можно было видеть всегда в движении: они бежали выполнять очередное приказание своего воспитателя. Самого же Вебермана можно было считать прирожденным организатором. Если ему давали сто двадцать человек, как это было в данном случае, то по крайней мере сто из них были заняты активной работой независимо от того, нужно ли было установить от-

хожие места в полевых условиях, соорудить бункера для житья или же сарай для демонстрации кинофильмов.

В тот день речь шла о похоронах.

Сначала нужно было полностью освободить спортивный зал, вынеся все спортивные снаряды в соседние помещения или же прямо во двор, за здание. Затем надлежало вымыть пол, вернее говоря, отполировать его, вымыть окна, протереть столы. И чтобы в зале не было ни одного постороннего предмета! Ни одной рейки где-нибудь в углу, ни сетки, ни пылинки на гладкой поверхности.

Между тем строго по плану в зал снесли все имевшиеся в кафе, столовой и аудиториях скамейки, которые расставили рядами в самом конце зала. Затем сюда снесли из всех помещений простые стулья, которые расставили в средней части зала, и уж только после этого принесли стулья получше, какие находились в комнатах офицеров и в канцеляриях. Эти стулья стояли в первых рядах и предназначались для господ офицеров. А в самой середине стояло кресло с высокой спинкой, принесенное из казино, предназначенное специально для генерала.

— Ну и чехарда! — проговорил один из фенрихов, считая, что его никто не слышит. Однако обер-лейтенант Веберман прекрасно видел и слышал его, так как в тот момент он оказался за его спиной, а уж слухом он отличался превосходным! — И к чему только такой спектакль? — проговорил неосторожный фенрих.— Я думаю, самоубийце это не положено!

— Вам приказано стулья расставлять! — тотчас же набросился на фенриха Веберман.— А думать в данный момент вам никто не приказывал. Болтать же во время работы я категорически запрещал. Здесь не должно быть никаких разговоров, можно только отдавать распоряжения и команды. Ясно?

— Так точно, господин обер-лейтенант! — воскликнул фенрих и, схватив в руки сразу четыре стула, намеревался исчезнуть из поля зрения офицера.

— Стой! — грубо крикнул Веберман. — В двенадцать тридцать и в девятнадцать тридцать явитесь ко мне — и так три дня подряд! Являться в полевой форме! Тогда мы поговорим с вами о том, что такое долг!

Однако это было еще не все. Веберман никогда не останавливался на полпути. Он сунул в рот свисток, ко-

торый всегда был у него наготове, и пронзительно засвистел. Все в зале замерли на тех местах, где их застал свисток. А обер-лейтенант громко скомандовал:

— Полукругом становись!

Фенрихи, побросав работу, подбежали к офицеру и построились перед ним полукругом.

— Всем слушать меня! — заорал Веберман, хотя этого вовсе и не требовалось, так как фенрихи и без того обратились в слух.— Среди вас еще имеются бараны, которые сомневаются в разумности офицеров! Да как вам могла прийти в голову мысль, что вы можете самостоятельно думать! Такое, разумеется, может произойти, но только не тогда, когда за вас думают ваши офицеры! Запомните раз и навсегда: все, что делает офицер, все, что он приказывает, всегда правильно! Ясно?

— Так точно, господин обер-лейтенант! — гаркнули фенрихи хором.

— Прежде всего, чтобы я здесь больше никогда никакой болтовни о самоубийстве не слышал! — заявил Веберман.— В конце концов, никто и в глаза не видел, как это произошло. Может быть, он чистил свой карабин, или еще что. И потом мы здесь с вами не в церкви. Парень умер, приказано организовать торжественные похороны — и баста! Все остальное вас не касается! По местам — марш!

Фенрихи бросились врассыпную.

Работа по декорированию тем временем продолжалась: прикатили несколько бочек из-под пива, на них положили доски — и постамент был готов. Рядом с ним поставили вечнозеленые деревья в кадках, привезенные из казино, подсвечники, выпрошенные в церкви. На задней стене укрепили флаги, главным образом для того, чтобы замаскировать ими бело-серую стену с многочисленными повреждениями. Флаги были укреплены и на боковой стене, чтобы украсить ими окна, сквозь которые в зал проникал неяркий красноватый свет, который, как казалось Веберману, создавал исключительно торжественную атмосферу.

После этого в зал внесли гроб и, установив его на постаменте, покрыли сверху военным знаменем рейха. Веберман лично бегал вокруг постамента с линейкой; он всегда придавал огромное значение точности. Три раза он приказывал сдвигать гроб с места и лишь на четвертый остался доволен.

И вдруг Веберман спохватился, что забыли про каску. Гроб, покрытый военным знаменем, но без каски, был для него равнозначен пушке без замка.

— Какая расхлябанность! — заорал он. — Немедленно принести каску, и самую лучшую! Пусть торжество будет настоящим!

Подсвечники сверкали вовсю: в них были вставлены особые свечки, принесенные из городского собора благодаря широким связям капитана Катера. Между свечами и гробом с каждой стороны замерло по фенриху из учебного отделения «X». Все в парадной форме, с оружием у ноги. Руководствуясь здравым смыслом, Крамер выделил для этой цели фенрихов Амфортаса и Андреаса.

Медленно зал начал заполняться людьми: один за другим прибывали фенрихи всех потоков в повседневном обмундировании. Всех их лично встречал обер-лейтенант Веберман, за которым со своей стороны ревниво присматривал капитан Ратсхельм.

Веберман действовал по плану, согласно которому все места были строго распределены. Собственно говоря, он был единственным человеком здесь, кто свободно распоряжался и даже позволял себе громко говорить.

— Прошу господ офицеров занять первые ряды: старшие — вперед, лейтенанты — за ними. Фенрихи — позади них.

Фенрихи шестого потока появились в зале первыми, за четверть часа до официально установленного времени. Фенрихи учебного отделения «X» сидели сразу же за господами офицерами. Вместе с ними находился и обер-лейтенант Крафт с отсутствующим видом, с папкой под мышкой. Рядом с ним сидел капитан Федерс, на удивление притихший: он не принимал никакого участия в разговорах, которые велись полушепотом.

Старший военный советник юстиции Вирман был тут же; вместе с Крафтом он сидел в первом ряду справа.

Фенрихи из отделения обер-лейтенанта Вебермана заняли места слева от гроба, так как сегодня учебное отделение «Г» выступало в роли церковного хора. Нужно сказать, что выбор пал на это отделение отнюдь не случайно и не имел ничего общего с самоуправством Вебермана: просто это учебное отделение, как никакое дру-

гое во всей военной школе, славилось своими певческими способностями, о которых заботился лично Веберман, и отнюдь не потому, что обладал каким-то особым на то талантом. Он исходил при этом из чисто практических соображений. Пение не только дисциплинировало фенрихов, но и развивало у них голос. Вот почему при малейшей возможности Веберман заставлял своих подчиненных петь, тем более что среди них он вполне мог сойти за кантора. И они послушно пели по самым различным поводам: на марше, на дружеских вечеринках и, разумеется, в дни национальных праздников, на радость всем офицерским дамам. Так почему бы, спрашивается, им не спеть и на погребении?

За пять минут до десяти в зале появился начальник второго курса майор Фрей. Его ордена блестели и сверкали так, будто он специально по данному поводу надраил их асидолом, что, между прочим, было отнюдь не исключено. Сапоги майора тоже блестели, и вообще весь он был сверкающий. Учитывая то обстоятельство, что начальник первого курса в настоящее время находился в Берлине на совещании, к тому же он еще испросил себе краткосрочный отпуск, майор Фрей чувствовал себя в его отсутствие вторым лицом в военной школе. Это было заметно по его виду.

При появлении майора Фрея все присутствующие в зале, как один, по знаку капитана Ратсхельма встали со своих мест: команд при столь печальной церемонии не подавали. Но и без команд все получилось вполне складно. Фрей признательно кивнул головой, принял рапорт и отдал честь, после чего дал знак фенрихам, что они могут сесть.

Фенрихи послушно сели, словно всех их дернули за одну веревочку.

Тут майор Фрей выступил с небольшим сольным номером: он подошел к гробу и застыл у него на несколько секунд, показывая, что он отдает дань глубокого уважения усопшему, переживая якобы при этом глубокое волнение. К публике, которая внимательно уставилась на его мощный зад, он стоял спиной.

Наконец майор Фрей незаметно, как ему казалось, но это отнюдь не ускользнуло от внимания восьмисот зрителей, бегло взглянул на часы. Они показывали без двух минут десять. Начальник курса решил срочно пре-

кратить представление, так как каждую минуту мог появиться генерал.

Ровно в десять, секунда в секунду, в зале появился генерал-майор Модерзон. Его сопровождал только адъютант. Все присутствующие уставились на генерала, стараясь смотреть ему прямо в лицо, как это предписывалось уставом.

Генерал медленно прошествовал мимо своих фенрихов; можно было подумать, что он одного за другим внимательно осматривает их. Затем холодный требовательный взгляд генерала скользнул и по лицам офицеров; казалось, никто не остался без его внимания. И каждый почувствовал это.

— Начинайте! — сказал генерал.

Перед вами речь обер-лейтенанта Крафта. Полностью, без всяких сокращений. Взята она из документов уголовного дела, где она фигурировала как Приложение № 7.

«Господин генерал! Господа! Дорогие камераден!

Сегодня мы хороним убитого. В целом это само собой разумеющееся событие, особенно если учесть, что мы с вами живем в великую и героическую эпоху, в которую мы родились. В эпоху, когда убитые являются брусчаткой для улиц, по которым шествует слава.

Миллионы людей сходят сейчас в могилы, уходят почти безо всякого внимания к ним. Когда они рождались на этот свет, их появление, по крайней мере, сопровождалось стонами родной матери. Когда же они навсегда уходили из этого мира, их последние предсмертные крики заглушались разрывами снарядов и бомб, а прах их был засыпан мусором. Тех, у кого еще остались в живых матери, они спустя несколько недель после смерти оплакивали их или же вообще никогда не оплакивали, чтобы не лишать себя последней шаткой надежды.

За последние годы миллионы трупов удобряли землю. Люди проходили по ним, машины еще глубже вдавливали их в землю. В землю их зарывали с помощью кирки и лопаты, как зарывают сокровища или отбросы. После чего трупы превратились в голые цифры потерь, точного количества которых никто не знает. Так смерть не переставала быть гигантским процессом распада нашего серьезного больного мира.

Временами же из-за нее, из-за смерти, произошедшей во время уничтожения, зажигались свечи, собирались люди, произносились речи, в которых нередко звучала последняя, достойная всяческого презрения ложь. «Он умер не напрасно!»—пытались некоторые утверждать. «Мы никогда не забудем его!» — хвастались другие. А уж сколько говорилось о том, что самой прекрасной смертью на земле является такая героическая смерть, как эта!

Однако на самом деле эта смерть не имеет ничего общего с прекрасным вообще. Смерть эта не имеет ни героического лица, ни таинственного глянца. Чаще всего она подла и перепачкана кровью и дерьмом. И уже тем более она не заслуживает того, чтобы ее славили, воспевали и почитали.

С помощью смерти невозможно смыть ничего из жизни, которая предшествовала этой смерти. Смерть, как таковая, не может явиться ни оправданием, ни искуплением. Она всего-навсего конец. Одновременно она является как бы переходом в мир иной, так мы надеемся, однако здесь, на земле, она подводит заключительную черту жизни.

Перед лицом смерти можно задать только один вопрос, но это не вопрос: почему человек умер? Нет! Это совсем другой вопрос: как он жил?

Все мы, живущие рядом со смертью, знаем мы об этом или же, быть может, просто не хотим знать, все мы обязаны задать себе такой вопрос. Мы должны это сделать немедленно и откровенно, так, как будто завтра мы уже сами не будем в живых. Поскольку все мы имеем различные профессии, которые, однако, никого не избавляют от смерти, более того, поскольку мы сами в той или иной степени можем посылать других людей на смерть или же можем приказать им убивать других, то мы не можем требовать от тех других, чтобы они поступали с нами иначе.

Это один из самых острых и темных вопросов, который живет в нас самих и который стар, как само человечество. То, что мы делаем, и то, что мы вынуждены делать, направлено против заповеди, которую мы ложно принимаем за господню заповедь. И решать ее каждый из нас будет с богом один на один, если не здесь, на земле, то, возможно, в другом, лучшем мире. Однако никто, даже сам господь бог, не может снять с нас ответственности перед людьми. И нести эту ответственность

мы должны не на том свете, а здесь, сегодня. И нести ее должен каждый из нас.

Мы — солдаты, верим ли мы в это или притворяемся, что верим. И это независимо от того, являемся ли мы офицерами или фенрихами. Ответственность каждого из нас может возрастать в зависимости от занимаемой должности, однако в сути своей эта ответственность не изменяется, так как она неделима. Мы солдаты.

Бывает время, камераден, когда призвание солдата кажется простым и ясным. Тогда решающими словами были: служить, охранять, защищать! Но человеческой натуре никогда не удавалось довести эти понятия до полного расцвета, чтобы они стали достойными своего истинного смысла, это факт. А ведь они были не только мечтой солдата, они должны были стать содержанием его сути.

Служить! Это понятие предполагает скромность. Это не что иное, как само действие, а не мишура, которая порой окружает службу. Охранять! Охранять что-либо невозможно без знания ценности охраняемого. К этому относится понятие красоты, как и покорность в вере. Защищать! Только тот сможет что-то защищать, кто способен любить. А тот, кто хоть раз в жизни по-настоящему любил, разве тот может убивать, чтобы не быть до глубины потрясенным этим?

Солдат должен хотеть служить и человечеству и самой жизни. Тот, кто по-настоящему любит свою родину, свой народ и свое отечество, тот должен знать и то, что и другие люди любят свое отечество нисколько не в меньшей степени и готовы сделать для него не меньше. Это делает жизнь солдата настолько тяжелой, что осмысленность можно найти лишь в покорности и тишине.

Эту спокойную покорность когда-нибудь попытаются сломить слова, которые прозвучат: быть бо́льшим, чем кажешься. Это будут не исчерпывающие, но хорошие слова. И они укажут правильный путь.

Деятельность солдата не может ограничиться только тем, что он занимается шагистикой, побеждает и умирает. Он тоже должен мечтать. Он должен знать, что на свете помимо его родной матери имеется еще очень много матерей. Правда, сознание этого ляжет на него тяжким бременем. Страшное бре́мя быть солдатом: ты можешь стать преступником или же идиотом.

Большей частью разговоры о традициях являются

пустой болтовней. Традиция есть, попросту говоря, передача чего-то, а не самоцель. В традиции важны не знамена, не военные нормы, не места былых сражений, не имена героев, а знание поступков, совершенных без всякой корысти. И если поступки прошлого призывают к чему-то, то, разумеется, к тому, чтобы искать не смерть, а жизнь.

Отдавать приказы легко, а вот жить — трудно, а самое трудное заключается в том, чтобы самоотверженно служить! Однако служить так бывает невозможно, когда нет ничего или же никого, кто бы наполнил эту службу смыслом.

Смысл самой человеческой жизни заключается отнюдь не в том, чтобы иметь крышу над головой, цыпленка в горшке на обед и автомашину в гараже. Тот же, кто стремится завоевать для себя жизненное пространство, идя по трупам, никогда не сможет жить осмысленно.

Настоящий солдат не воет вместе с волками. Как только солдат перестает искать смысл своего существования, он теряет само право на жизнь. Однако он не должен становиться мальчиком на побегушках у сильных мира сего!

Солдат должен говорить «да», если он в душе так и думает. Если же он говорит «да», а думает «нет», а таких людей очень много, или же если он вынужден сказать «да», хотя думает «нет», или же когда он ради собственной карьеры или ради получения какой-либо выгоды говорит «да», когда совесть шепчет ему «нет», или же когда он попросту молчит, то это означает, что настал момент, когда солдатское общество умирает. И не только солдатское общество. Тогда наступает час, если так можно выразиться, большой смерти. Когда умирает человеческая совесть, человечество само перестает жить.

Настоящее лицо солдата проявляется отнюдь не в победе, более отчетливо оно проявляется в период поражения. Побеждать может любой дикий зверь. А вот осмыслить поражение, уметь взглянуть ему в глаза — для этого нужно нечто большее, чем обычное мужество. И способен на это только тот, кто сохранил в себе хоть искру ясности. Но у кого есть силы для этого?

Слишком велика боязнь того, что авторитеты, дающие нам жизнь, могут оказаться поверженными. После выигрыша грозит потеря. Те, кто лишь мнит себя солдатами, оказываются на деле азартными игроками и легко-

мысленными людьми. В лучшем случае они являются военными и, как таковые, в большей или меньшей степени становятся инструментом уничтожения и, следовательно, как таковые, достойны презрения.

Там, где солдатское общество теряет свой смысл, появляются убийцы. Там появляется и ненависть. Там противник превращается во врага, а враги становятся настоящими чертями.

Нечто подобное происходит и тогда, когда солдат лжет, независимо от того, в каком он звании: офицера или фенриха. Прежде всего он лжет самому себе. Он не хочет и не верит в то, что это бессмысленно, что бессмысленно все то, что он делает. Когда же он в конце концов поймет это, то у него уже не будет мужества призвать себя к правде. И тогда настанет самое худшее: он будет лгать своим солдатам!

И вдруг все рушится, рушится, как домик, взорванный миной. И только тогда появляется мысль, что быть солдатом равносильно тому, что быть преступником: слуга идеи становится насильником-преступником от идеологии.

А ведь все происходит очень просто: солдат должен брать пример с того, кому он служит. Тот же, кто служит преступнику, вольно или невольно становится его сообщником. Тот же, кто, руководствуясь добром, не способен отличить преступника от честного служаки, погибает в конце концов от собственной слепоты, глупости и собственного равнодушия. Бывают времена обольщения. Однако если эти времена разоблачают себя как времена лжи и преступлений, то тут уж нет места ни удобной половинчатости, ни трусливому увиливанию: убийцы не способны ни к чему другому, как только к убийству.

Но бывают, камераден, вещи и попроще. Настоящий солдат с презрением относится к славе сегодняшнего дня. Более того, дешевая призрачность этой славы заставляет его краснеть. Если же солдаты превращаются в лишенных всякой совести ландскнехтов, которые подстерегают момент, чтобы прославиться, или же санкционируют преступления с тем, чтобы получить очередной чин или должность, то вина за это целиком и полностью ложится на тех, кто предал солдатское общество, независимо от причины, пусть хотя бы из-за слабости, так как они были беспомощны и бессильны и в довершение всего глупы, как стадо баранов.

Настоящий солдат, камерадеп, живет в сознании собственной ответственности. В тишине. Он хочет служить.

Однако смерть ничего не меняет. Смерть, как таковая, не является оправданием. Она никого не освобождает от ответственности. Как человек живет, так его и ценят. Так давайте же попытаемся, камерадеп, жить как настоящие солдаты. Если мы еще способны на это!»

Речь обер-лейтенанта Крафта слушатели встретили как удар грома.

Собравшиеся не сразу сообразили, что здесь произошло нечто из ряда вон выходящее, поскольку большинство из них оказались толстокожими. Да и кто мог подумать, что обычную похоронную речь можно так извратить и использовать совсем иначе!

Первая реакция на речь возникла в ряду офицеров, они настороженно прислушались, но затем большинство из них вновь, как и обычно на подобных собраниях, начали клевать носом: им казалось, что они ослышались. Ничего другого им и в голову не могло прийти. Да и кто в великой Германии решился бы подобным образом выскочить «из рядов»? Разве что человек, которому надоело жить!

Вторая реакция последовала несколько минут спустя в виде изумления, в которое было невозможно поверить. Сначала оно охватило лишь небольшое количество офицеров и фенрихов. Кое-кто замотал головой, стараясь отогнать от себя наваждение: ему казалось, что он видит бредовый сон. Но постепенно способность соображать вернулась к присутствующим. Правда, они еще были склонны думать, что оратор вот-вот заберет обратно коекакие свои выражения, объявив их непродуманными, или же направит их острие в другую сторону.

Одним из первых, кто начал проявлять явное неудовольствие, был капитан Ратсхельм. В возбуждении он крепко стиснул локоть капитана Катера. Тот же испуганно очнулся от дремоты, в которую он впал, и сначала было разозлился, но не на Крафта, а на Ратсхельма. Но тут же навострил уши и стал наблюдать за происходившим во все глаза.

Капитан Ратсхельм ерзал на стуле и лихорадочно что-то соображал. Короче говоря, он высматривал тех, кто мог бы разделить с ним его возмущение. Затем он

наклонился вперед, чтобы высказать свое мнение майору Фрею.

Майор же, в свою очередь, поглядывал на генерал-майора Модерзона, который неподвижно восседал на своем высоком кресле. Казалось, он был вырезан из дерева и походил чем-то на средневековую фигуру. И только цвет лица у него был не коричневый, а какой-то бело-серый. Неподвижные глаза генерала уставились в пустоту.

Однако в тот момент не один майор Фрей искал взгляда генерала. И другие офицеры с возрастающим беспокойством взирали на своего начальника. Они сидели на своих стульях так, что готовы были вскочить на ноги по малейшему его жесту, по одному слову.

Однако ни жеста такого, ни слова не последовало.

Капитан Федерс откинулся на спинку стула и явно наслаждался наступившей сумятицей. Он улыбался улыбкой почти счастливого человека, время от времени бросая взгляд в сторону старшего военного советника юстиции Вирмана, который сидел неподалеку от него и что-то писал.

Писал Вирман очень быстро, пальцы его так и летали над бумагой, а сам он даже слегка посапывал от напряжения и охватившего его чувства триумфа. А когда выступавший с речью Крафт сделал небольшую паузу, советник юстиции не сдержался и выдохнул:

— Все, это конец!

— Неслыханно! — прошипел капитан Ратсхельм.— Это просто неслыханно!

Как раз в тот момент генерал зашевелился. Медленно он повернул голову в сторону Ратсхельма. Офицеры напряженно следили за каждым движением генерала. Его холодные глаза уничтожающе посмотрели на Ратсхельма.

От этого взгляда капитан весь как-то съежился. А офицеры, только что искавшие взгляда генерала, теперь старались избежать его. Они предпочли слушать оратора, стараясь не выказывать при этом никакой реакции, так как сам генерал не делал этого.

В полном молчании они слушали сложную по форме речь Крафта, и каждый из них был уверен в том, что это без последствий никак не обойдется.

Окончив говорить, обер-лейтенант Крафт собрал свои листочки и, ни на кого не глядя, направился на свое место. В зале воцарилась мертвая тишина, среди кото-

рой каждый шаг обер-лейтенанта раздавался громко и отчетливо.

Только Крафт сел на место, как медленно, с трудом, словно это причиняло боль, поднялся генерал. Встав, он скользнул взглядом по лицам офицеров, которые мигом повскакивали со своих мест. Разглядывая их бледные, встревоженные лица, генерал видел в них страх, беспомощность и беспокойство.

Вдруг капитан Федерс быстро схватил рукой листки бумаги, исписанные старшим военным советником юстиции Вирманом. Движение капитана было столь стремительным, что Вирман не смог даже защитить свою писанину.

— Очень любопытно,— проговорил Федерс и в тот же миг, словно ненароком, выпустил листки из рук, и они разлетелись во все стороны, под стулья, под ноги господ офицеров.

— Разойдись! — проговорил генерал с таким выражением, что его можно было принять за усмешку.

Офицеры сразу же пришли в движение. Они шли, наступая на листки, исписанные Вирманом, шли торопливо, стараясь поскорее оказаться во дворе.

А Вирман опустился на колени и начал собирать свои бумажки. Капитан Федерс сделал вид, что хочет помочь ему. Когда листки были собраны, выяснилось, что трех листков все же недостает.

— Я охотно помогу вам,— по-дружески начал Федерс,— восстановить мятежную речь, господин старший военный советник юстиции. К сожалению, ваши записки с большим изъяном, но надеюсь, что это не помешает вам изложить свою концепцию.

— Я умею защищаться! — зло бросил Вирман.— И если бы в моих руках остался хоть один листок, то и тогда за написанное в нем полагается виселица!

Вечером того же дня обер-лейтенанта Крафта арестовали.

33

НОЧЬ КОНЦА

Вот уже двое суток в Вильдлингене-на-Майне в гостинице «К солнцу» жили офицер по фамилии Богенрой-

тер и два унтер-офицера тайной полевой полиции: Штранц и Рунке. Все они были подчинены старшему военному советнику юстиции Вирману и выполняли специальные задания.

Их довольно потрепанный автомобиль на шесть персон стоял на улице перед подъездом. Сами они сидели во второй, задней, комнате и ждали. Ждали уже два дня, а чтобы время шло быстрее, играли в скат.

— Я не сказал бы, что это скучно,— признался вслух один из них.— Однако, по мне, гораздо лучше выполнять солидное задание.

Двое других ничего ему не ответили, разглядывая с повышенным интересом свои карты. Лица их были добродушными, взгляды — доверчивыми даже тогда, когда они пытались подглядывать друг другу в карты.

— Вирману придется поднатужиться, если он хочет остаться на своем месте,— проговорил один, тщательно тасуя карты.— В последнее время он что-то ничего толкового не сделал, а начальство может расценить это как неприлежание.

— За последний месяц он засек двух фельдфебелей.

— Оба они мелкая сошка,— вмешался в их разговор третий.— А ведь верховный судья неспроста говорил нам, что в настоящее время враг носит высокие звания и занимает высокие должности.

Все трое рассмеялись. Гражданское платье, в котором были все трое, придавало им вид добродушных бюргеров. Один из них вполне мог сойти за солидного торговца, зашедшего сюда, чтобы выпить свою обычную порцию спиртного. Второго можно было принять за чиновника, работающего в городском банке, короче говоря, за человека, пользующегося абсолютным доверием у своего начальства и получающего недельное жалованье. Третьего же запросто можно было принять за удачливого хозяина какого-нибудь самостоятельного дела, возможно, из несколько примитивного, но, безусловно, веселого дома. Его жизнерадостный смех заражал веселостью других.

— Без нас этот Вирман просто пропал бы,— сказал он.— Мы помогаем ему своими людьми. За это следует выпить, разумеется, за счет Вирмана!

— Сначала он проиграл эту партию,— заметил тот, что был похож на служащего банка. Остальные только кивали, соглашаясь с ним. Следовало сделать вывод, что он-то и был офицером.

Вдруг дверь отворилась, в нее заглянул хозяин и сказал:

— Одного из господ просят подойти к телефону.

Тот, что был похож на банковского служащего, встал и, забрав свои карты с собой, вышел. Дверь он, правда, не закрыл, чтобы иметь возможность наблюдать за игрой своих партнеров, лишив их тем самым возможности плутовать.

Когда он вернулся в комнату, то по-дружески подмигнул им и сказал:

— Вирман зацапал одного, и к тому же офицера, кажется обер-лейтенанта.

— Это уже прогресс, но сначала мы, разумеется, доиграем эту партию.

— Нет,— сказал офицер тайной полиции, бросив на стол свои карты, которые отнюдь не были завидными.— Служба прежде всего, тем более что Вирман намекнул, что ночка будет не из легких.

— Если это на самом деле так,— живо отозвался на его слова один из унтер-офицеров,— то мы хоть сейчас готовы кинуться в дело. Но что значит, что ночка будет не из легких? Я могу найти и поденщика.— И он засмеялся.

Обер-лейтенант Крафт остановился посреди своей комнаты и осмотрелся. Эльфрида Радемахер сидела на его койке и не спускала с него своих темных глаз. На столе под лампой лежал чемодан, наполовину заполненный какими-то вещами.

— По-видимому, много вещей мне не потребуется,— задумчиво произнес Крафт.— Ничего лишнего я брать не собираюсь.

— Что-что, а две пары носков ты должен иметь.— Эти слова Эльфрида постаралась произнести деловым тоном.

Карл Крафт бросил на нее беглый взгляд. Потом он, одновременно недовольный и послушный, покопался в шкафу, достал из него две пары носков и бросил их в раскрытый чемоданчик. Повернулся к Эльфриде и хрипло сказал:

— Ну, начинай! Прорабатывай меня! Мне будет лучше, если ты меня начнешь ругать, а не укладывать вещи в чемодан.

— Нижнее белье везде нужно,— заметила Эльфрида.— Особенно в это время года. На твоем месте я бы взяла две пары.

— Но у меня нет двух смен! — ответил Крафт.

— Тогда я достану тебе одну пару и пришлю.

Крафт смотрел на нее растроганный и беспокойный, так как он ожидал от нее совершенно другой реакции. Он сказал ей, что должен уехать, на что она ответила, что поможет ему собрать вещи.

Обер-лейтенант окинул взглядом свое небогатое имущество: два комплекта обмундирования, две пары сапог и пару туфель; несколько десятков книг и стопку исписанных листков бумаги. Больше у него ничего не было; шел пятый год войны.

— Возьми мои книги себе и мои бумаги тоже.

— Хорошо.

— Сожги их, если захочешь.

— Можешь на меня положиться!

— Эльфрида,— Крафт подошел к ней,— ты не спрашиваешь, почему я уезжаю. Ты не хочешь знать, почему я не остаюсь здесь?

— А зачем мне спрашивать тебя об этом, если я и так знаю, что ты мне ответишь,— сказала Эльфрида.

Он хотел было схватить ее за руки, но его руки остановились на полпути; Крафт прислушался: он явно слышал чьи-то шаги. Приближающиеся сильные шаги. Эльфрида попыталась улыбнуться.

— Я думал, что еще не так скоро,— сказал он и, обернувшись, посмотрел на дверь.

Дверь в этот момент и на самом деле отворилась, и в ее проеме появилась фигура старшего военного советника юстиции Вирмана. Окинув комнату быстрым взглядом, он прикрыл за собой дверь, но так, что осталась довольно широкая щель.

— А вы что-то сильно запоздали! — воскликнул Крафт. — Я давно ожидаю вас.

— Тем лучше! — сказал Вирман, слегка удивленный.— Тем лучше! Я надеюсь, вы прекрасно понимаете всю серьезность вашего положения и вам не придет в голову мысль играть со мной в прятки. Могу я поинтересоваться, что нужно здесь этой юной даме?

— Она моя невеста,— ответил Крафт.— Я надеюсь, мне разрешат попрощаться с ней?

— Разумеется,— быстро сказал Вирман.— В конце

концов, мы люди. Только делайте это покороче и безболезненнее: у нас с вами сегодня еще много дел.

— А что именно, разрешите узнать?

— Мы вместе с вами займемся вашими показаниями, господин обер-лейтенант Крафт. Вы можете все отрицать, сколько вам угодно, а я своего добьюсь. Целый день я не сидел сложа руки. За это время успел собрать свидетельские показания: важные, убедительные. Можете мне поверить: я свое дело знаю. Вам же я скажу одно: вы у меня заговорите! Все скажете, что я пожелаю! Времени я на это не пожалею, хоть неделю, хоть больше.

— Но я попрошу вас,— с усмешкой заметил Крафт,— сделать это побыстрее! Вы получите от меня все, что хотите.

— Это правда? — изумился Вирман.— И вы не будете пытаться отрицать свои антигосударственные выступления или ослаблять их?

— Я знаю,— задумчиво проговорил Крафт,— что вы потеряли часть своих заметок, и это, разумеется, плохо для вас.

— Мы восстановим эти пробелы! — быстро воскликнул Вирман.— Несколько офицеров, сознающих всю ответственность момента, оказали мне нужную помощь. В конце концов я и сам стал невольным свидетелем!

— Тогда почему же вы так волнуетесь? — поинтересовался Крафт.— Я предоставлю в ваше распоряжение все свое выступление. Я сохранил для вас заметки, господин старший военный советник юстиции.

Проговорив это, обер-лейтенант Крафт полез за обшлаг левого рукава и вынул оттуда бумаги. Он протянул их Вирману, который чуть не бросился на них. Быстро пробежав глазами мелко исписанные листки, он оживился, глаза его радостно заблестели.

Крафт же повернулся к Эльфриде и, протянув ей руку, сказал:

— Прощай, Эльфрида. Спасибо тебе за все.

Эльфрида несколько секунд крепко сжимала его руку. Затем попыталась улыбнуться, чтобы скрыть от Крафта слезы: она знала, что он не терпел слез. Поэтому она бодро сказала:

— До свидания.— Больше она ничего не сказала и еще раз улыбнулась. Крафт запомнил эту улыбку.

А старший военный советник юстиции, потрясая бумагами, воскликнул:

— Чего вы добивались этим? С какой целью? Почему вы отдали мне свою речь? Или это один из ваших трюков?

— Пойдемте,— сказал Крафт, захлопывая чемодан.— Не можете же вы так долго держать своих сообщников в коридоре.

— Теперь я вас раскусил! — возмущенно воскликнул Вирман.— Вы собираетесь меня провести! Вы решили прикрыть собой генерала! Вы решили перечеркнуть мои планы!

Однако обер-лейтенант, не говоря ни слова и не оглядываясь, взял свой чемодан и пошел к выходу. Старший военный советник юстиции выбежал вслед за ним, хлопнув дверью.

И только оставшись одна, Эльфрида Радемахер беззвучно заплакала.

Около двадцати двух часов капитан Федерс, замещая задержанного офицера-воспитателя Крафта, обошел жилые комнаты фенрихов.

Он внимательно всматривался в бледные беспокойные лица фенрихов, настроение у которых было различное. В одном месте сбились псы-волкодавы, в другом боязливо жались овечки. А все они, вместе взятые, были окружены несколькими волками.

— Господин капитан,— доверчиво поинтересовался командир учебного отделения Крамер,— сейчас наши занятия совсем прекратятся, или же на оставшееся время нам дадут третьего по счету офицера-воспитателя?

— Крамер, не ломайте голову над этим,— бодро ответил ему Федерс.— То, что основная часть учебного отделения состоит из баранов, в этом нет никакого сомнения, а с ними вполне управится и один офицер. Вы можете целиком положиться на меня.

Этим разговором Крамер был как бы вычеркнут из списка Федерса, а вслед за ним и другие. Федерс был твердо убежден в том, что человек, беспокоящийся в трудную минуту только о себе самом или же о последствиях, которые могут его ожидать, недостоин командовать другими.

Даже такие люди, как Амфортас и Андреас, были ему милее, поскольку они не скрывали, что довольны случившимся, а это уж их право.

Обстановка снова стала благоприятной для них.

Андреас и ему подобные с трудом скрывали свое любопытство, равнодушие, беспокойство и черствость за маской дисциплинированности. Некоторые из них уже лежали в кровати и играли в карты. Другие стояли по стойке «смирно», когда Крамер отдавал рапорт капитану Федерсу.

— Имеются еще какие-нибудь вопросы? — спросил Федерс, перед тем как выйти из комнаты.

Никто из фенрихов не отважился задать Федерсу вопросы, которые тот хотел бы услышать. Это огорчило капитана, и его улыбка стала еще более язвительной. Федерс мысленно винил самого себя за то, что он не воспитал фенрихов в духе доверия к себе. Выходит, он обращался с ними как с овечками. А разве они не такие? Разве их поведение не доказательство этому?

Затем, чтобы полностью закончить свой обход, он вошел в комнату № 7. Первое, что он увидел, было густое облако дыма, сквозь которое он не сразу разглядел семерых фенрихов. Первым встал Редниц и доложил ему.

— Никакого шума не поднимать,— сказал капитан Федерс.— Шума здесь и без того было достаточно. Не хватает только, чтобы вы еще напились для храбрости.

Один из фенрихов поспешил открыть окно, а остальные сразу же окружили своего бесстрашного преподавателя тактики, который внимательно изучал их, словно собирался давать урок. Подвинув себе стул, Федерс сел. Немного подумав, фенрихи тоже сели. Капитан смотрел на них, а они — на него.

— Мы здесь, господин капитан, разговаривали о том, можем ли мы навестить вас,— проговорил Редниц.

— И до чего же вы договорились?

— Все, как один, считаем, что да,— сказал фенрих Вебер.

— Хорошо. Вы можете меня навестить, но я сам пришел к вам. Неплохая почва для разговора, не так ли? Ну так что вы хотели мне сказать?

— Господин капитан,— начал Редниц,— мы беспокоимся о судьбе обер-лейтенанта Крафта. Вам известно о том, что он арестован час назад?

— Я слышал об этом и ожидал этого.

— Мы считаем, что это самое настоящее свинство.

— Я тоже так считаю, друзья, и что из этого вытекает?

— Мы не можем этого допустить, господин капитан,— сказал Редниц, и сидевшие вокруг него фенрихи дружно закивали.

Капитан смотрел на фенрихов не без волнения, хотя и не показывал этого. Разве что он перестал ехидно улыбаться. Капитан переводил взгляд с одного лица на другое: вот чувствительный Редниц с умными глазами, вот плотный Вебер, хитроватый Меслер, честный Бергер, Грюндлер и Гремель, оба очень тихие и спокойные, которые говорят только тогда, когда их о чем-либо спрашивают, и делают только то, что им приказывают. Однако все они, как заметил Федерс, были полны решимости действовать на свой страх и риск, хотя и не знали, как это лучше сделать.

— Я, честно, удивлен,— начал Федерс,— что есть вещи, которые не оставили вас равнодушными. Эти вещи подпадают, так сказать, под юрисдикцию самой высокой судебной инстанции, которая одних попытается одобрить, а других заставить замолчать, что в нашем государстве считается вполне нормальным, однако вы решили этого не допустить.

— Так точно, решили,— подтвердил Меслер.

— Если это на самом деле так,— капитан сложил ладони вместе, что означало, что он очень доволен,— то ваши действия будут квалифицированы одним некрасивым и страшным словом: мятеж!

Однако, услышав это слово, фенрихи не испугались. Федерс заметил, что он не ошеломил их этим. Капитан чувствовал, в душе у него поднимается волна радости: «Выходит, эти парни начинают самостоятельно мыслить! А это уже большой успех!»

— Господин капитан,— снова заговорил Редниц,— мы считаем, что тут произошел какой-то юридический казус, недоразумение. И если какие-то начальники не видят этого, то только потому, что они не знают всего. А мы знаем абсолютно все. Именно поэтому мы и считаем, что должны действовать.

— Браво! — радостно воскликнул Федерс.— Итак, вы хотите действовать! Как вы хотите действовать? И какой ценой?

— Любой! — выкрикнул фенрих Вебер, ударив кулаком правой руки по ладони левой.

— Это означает, что мы решили идти на все,— сказал Редниц.— Все мы хотим выступить в поддержку обер-

лейтенанта Крафта. А вас, господин капитан, просим помочь нам в этом. Еще мы бы хотели, чтобы вы подсказали нам, как именно нам следует действовать.

— Продолжайте! — заметил капитан, снова складывая ладони вместе.

— Если нашего обер-лейтенанта арестовали только за то, что он сказал правду, тогда великого Гете нужно сжечь, так как он в своем «Фаусте» говорил нечто подобное.

— Мы узнали, что советник юстиции привел с собой трех шпиков, которые освободили в тюрьме специальную камеру и посадили в нее обер-лейтенанта. А эти шпики охраняют его. Короче говоря, мы запросто можем освободить нашего воспитателя! — выпалил Вебер.

— Превосходно,— серьезно произнес капитан.— А что потом?

— А потом мы достанем машину и отвезем обер-лейтенанта к швейцарской границе,— расфантазировался Меслер.— Там же, на берегу Боденского озера, он изыщет возможность перейти границу!

— Возможность для кого? — поинтересовался Федерс.— Уж не для доброй ли половины фенрихов из учебного отделения «Х»? И для вашего преподавателя по тактике? Вы шутите! — И тут голос капитана обрел жесткость.— Вы еще не окончили школу! Вы ведь здесь не в индейцев играете! Сейчас вы ведете себя как глупышки с плохой фантазией. Все! Занятие закончено.

— Вы забыли нечто очень важное, господин капитан, не так ли? — спросил Редниц.

— Нет, не забыл! Вы здесь распоряжаетесь, не спросив на это разрешения хозяина! Вы ведь не спросили обер-лейтенанта Крафта о том, согласен ли он. А без него это нельзя делать. За кого вы принимаете Крафта? За мечтателя, который слепо бросается в любую авантюру? За фанатика, который собирается прошибить лбом стену? За слабака, у которого в решающий момент подломятся колени? Друзья мои, этот человек не сосунок и не глупец! Если бы он хотел избежать наказания, он бы его избежал! А это означает, что без его ведома и согласия ничего предпринимать ни в коем случае нельзя!

— Господин капитан, а разве вы уже говорили обо всем этом с господином обер-лейтенантом Крафтом? — спокойно спросил Редниц.

— Нет,— ответил Федерс, понимая, что совершил упущение и дал этим воспользоваться фенрихам.

— А не лучше бы было, господин капитан, все это выяснить? И вы, господин капитан, единственный человек, кто может это сделать.

— Хорошо, я это сделаю,— пообещал Федерс.

Яркий свет отражался от раскрытых бумаг, лежавших на грубом большом столе, над которым склонился беспокойный Вирман. Перед ним сидел усталый Крафт и ждал.

Кругом серо-белые стены со следами пота, плевков и крови. У двери застыл один из унтеров полевой полиции, по фамилии Штринц, с широко открытым ртом, каким-то чудом сохранившим дружескую ухмылку.

— Это же чистое самоубийство,— проговорил Вирман, не глядя на Крафта.— Вы сами усугубляете свое положение, хотя я вам строил не один золотой мостик.

— То, что вы выдаете за золото, для меня лично не что иное, как честь,— равнодушно заметил Крафт.— А что бы вы хотели услышать?

— Не забывайте, что у вас только одна голова.

— Мне и одной много. В это великолепное время, в которое мы живем, в сегодняшней Германии мыслящая до некоторой степени голова является либо легкомысленной, либо разумной. Но то и другое слишком тяжело. Разве на нее можно полагаться?

— Непостижимо,—мрачно бросил Вирман.— Нечто подобное я уже встречал, но все же в меньшей степени!

— Значит, такое время настало!

Однако старший военный советник юстиции не собирался еще раз проявлять свое удивление, так как в коридоре послышался какой-то шум, который становился все громче и громче. Неожиданно дверь распахнулась. Вирман готов был спрятаться за стол. В камеру ворвалось несколько человек.

Среди них выделялся своей активностью капитан Федерс.

— Если вы не хотите, чтобы я перещелкал ваших охранников как зайцев, отзовите их хотя бы на время! — крикнул капитан Федерс.

— Что вам нужно? — возмутился Вирман.

— Добрый день, Крафт.— Федерс протянул обер-лейтенанту руку.— Как ты тут?

— Хорошо,— ответил Крафт, пожимая руку Федерса, а сам еле заметно укоризненно покачал головой.

Федерс сделал вид, что не заметил этого. Встав перед старшим военным советником юстиции, он сухо заметил:

— Я прибыл сюда по поручению генерала.

— Генерал не имеет права вмешиваться в мою работу! — грубо выкрикнул Вирман.

— Генерал прислал меня ознакомиться с вашими бумагами,— с недовольным видом объяснил Федерс.— Вы арестовали офицера нашей военной школы. Мы протестуем против этого ареста, считая его незаконным, и потому имеем полное право потребовать детального ознакомления с делом. Кроме того, мы уже известили об этом начальника военных школ, которому непосредственно подчинены и вы.

— По данному конкретному делу,— начал старший военный советник юстиции несколько ершисто, но уже без угрозы,— я подчиняюсь непосредственно верховному командованию вермахта.

— Это не меняет сути дела. Вы обязаны ознакомить меня, как члена суда офицерской чести, со всеми материалами дела. Так что давайте! Или вы хотите принудить меня воспользоваться моим правом силой?

При этих словах старший военный советник юстиции отшатнулся к стене и оттуда уставился на сидящего перед столом Крафта и на стоящего рядом с ним капитана, глаза которого горели жаждой мести, и на застывших позади капитана Штранца и Рунке, которые держали руки с пистолетами, снятыми с предохранителя, в карманах, готовые в любой момент открыть огонь. Однако Вирман понимал, что до этого дело нельзя было доводить. Взяв себя в руки, он перехватил взгляд обер-лейтенанта Крафта, устремленный на капитана Федерса.

— Ага,— Вирман чуть подался вперед,— я, кажется, кое-что начинаю понимать. Господа, я вижу, хорошие друзья! Как я об этом сразу не подумал!

— Друзья мы или не друзья,— жестко бросил Федерс,— сюда я прибыл как член офицерского суда чести, и баста!

— Как вам будет угодно,— проговорил Вирман дружелюбно,— я отнюдь не являюсь противником настоящей мужской дружбы. Я бы сказал — напротив, особенно в данном случае.

— Что вам нужно? — спросил Федерс.

— Вы должны знать, что мне известны слабые стороны вашего друга. Но он не облегчает мне работу: он очень упрям. В противном случае все было бы иначе: ему было бы достаточно назвать своих подстрекателей, вернее говоря, своего подстрекателя, и только.

— Как я посмотрю, господин старший военный советник юстиции большой шутник,— спокойно сказал Крафт.— Но он опоздал. Если дела его когда-нибудь пойдут скверно, он смело может наняться работать по организации детских праздников.

— Поговорите с ним откровенно,— сказал Вирман.— Возможно, он вас и послушает, и тогда вы сможете забрать его у меня. Только ему сначала придется подписать небольшой протокол, который я уже составил. Это в его же интересах.

Вирман быстро собрал бумаги и подал знак своим людям, чтобы они удалились, а когда они скрылись за дверью, сказал:

— Сейчас я оставлю вас одних этак минут на десять. Хочу сказать вам только одно: желаю успеха! — С этими словами он вышел.

Когда друзья остались одни, Федерс спросил:

— Что это за балаган, Крафт?

— Он хотел, чтобы я обвинил генерала, Федерс. Если я это сделаю, он обещает отступиться от меня.

— Понимаю,— сообразил Федерс.— Ему нужна голова генерала! Он хочет поймать большую рыбку, а не маленькую. А другого выхода нет?

— Тебе, Федерс, должно быть стыдно говорить мне такое.

— Ну, хорошо,— сказал Федерс,— я тебя спросил, ты — ответил. Но у меня к тебе еще вопрос. Я вот вижу тебя в таком состоянии здесь и боюсь, что ты не хочешь изменить своего положения. Ты не можешь поступить иначе. Это так?

Крафт медленно встал, посмотрел на Федерса и только потом сказал:

— Так! Я не хочу и не могу! Я знаю только то, что когда-то должен настать конец этой вечной и бесконечной лжи, которой я сыт по горло!

— Ты же не один, Крафт.

— Разумеется, нет, но кто-то должен же начать и четко сказать все, что он думает. Я почти задохнулся

в этом трусливом обмане, который превращает молодых порядочных парней в убойный скот. И потому я хочу сделать только то, к чему всегда стремился ты сам: научить людей думать. В конце концов они должны начать думать обо всем, пусть их будет только трое или четверо, но пусть они придут к пониманию.

— В твоем учебном отделении таких набралось семь человек, Крафт, по меньшей мере семь.

— Это хорошо,— промолвил Крафт.— Значит, все было не напрасно.

— Крафт, ты всех нас посрамил, и не в последнюю очередь меня,— печально произнес капитан Федерс.

— Я меньше всего к этому стремился, Федерс. Я прошу тебя верить мне. Однако я отмежевываюсь от всех, кто думает точно так же, как и я. У меня была тяжелая юность, я одинок, у меня нет ни родителей, ни родственников, так что мне нечего терять, кроме того, что обычно называют честью.

— А Эльфрида?

Обер-лейтенант Крафт отвернулся, посмотрел на пустой стол, все еще освещенный ярким светом лампы.

— Эльфрида,— с трудом выговорил он.— Это единственное, что меня огорчает. Сначала все выглядело так просто и приятно. Однако она дала мне гораздо больше, чем я ожидал, и ожидал не только от нее самой, но и от людей вообще. К счастью, она здорова и полна сил, ее сильный характер поможет ей преодолеть все. Она вполне заслуживает, чтобы рядом с ней был хороший, чистый, простой мужчина, и она найдет себе такого. Я думаю, что для нее будет лучше, если она меня потеряет.

— Ну что ж, хорошо,— твердо произнес Федерс,— ты решил стать жертвой! Я тебя понимаю. В основном я и сам тоже готов, давно уже готов пойти по такому пути.

— Нет,— сказал Крафт.— Ты — нет! Ни одна жертва не должна быть бессмысленной. Я свою поминальную речь произнес, этого достаточно. Тебе же нужно сделать по крайней мере еще три вещи: ты должен и дальше заботиться о наших калеках, ты должен выпустить на свободную дорогу наших фенрихов, и они должны приехать к своим солдатам с новыми и ясными мыслями. Ты должен доказать своей жене, что беззаветная, самоотверженная любовь многого стоит.

— Хорошо,— проговорил Федерс растроганно,— я вижу, нам уже ничем не поможешь. Возможно, ты меня сей-

час приговариваешь к временному повешению. Ах, чертовски трудно жить в сегодняшней Германии!

Генерал-майор Модерзон сидел за своим письменным столом точно так же, как он сидел и раньше: прямо, спокойно. Его мундир был безукоризненно отутюжен, на нем ни одной пылинки. Левая рука генерала лежала на столе, в правой он держал карандаш.

— Это все на подпись? — спросил он.

Перед ним стояли обер-лейтенант Бирингер и Сибилла Бахнер. Оба послушно кивнули и вопросительно посмотрели на него. Однако генерал, казалось, не замечал их взглядов: он просматривал последние бумаги.

— Тем самым, господин генерал,— докладывал Бирингер,— практически шестнадцатый выпуск можно считать завершенным, с точки зрения штаба, разумеется.

— Я этого добился,— проговорил генерал, захлопывая папку с документами.

— На семь дней раньше срока,— заметил адъютант.

— Как раз в самое время.— Генерал встал.— Вам удалось разыскать старшего военного советника юстиции Вирмана?

— Как вы распорядились, господин генерал,— ответил адъютант.— Он ожидает в приемной.

— Великолепно,— сказал Модерзон и с такой благодарностью посмотрел на своего адъютанта и на секретаршу, с какой он никогда не смотрел на них раньше.— Я хочу сказать вам обоим, что я был очень рад работать вместе с вами. Благодарю вас.

— Господин генерал, — начал адъютант, расчувствовавшись, — как прикажете понимать ваши слова?

— Понимайте так, что с сего момента наши с вами пути разойдутся.

— Не может быть! — испуганно выкрикнула Сибилла.

Модерзон скупо улыбнулся и сказал:

— Фройляйн Бахнер, работая вместе, мы никогда не проявляли своих чувств, я думаю, что не стоит изменять этому правилу и в последний момент. Прошу вас.

Сибилла Бахнер стояла бледная, она тяжело дышала, стараясь взять себя в руки. Спустя несколько секунд она сказала:

— Прошу извинить меня, господин генерал,— и, отвернувшись, вышла из кабинета.

Генерал посмотрел ей вслед, а затем сказал, обращаясь к адъютанту:

— Мои личные вещи вы возьмете у меня в квартире, они собраны. Возьмете то, что сочтете необходимым. Если фройляйн Бахнер будет изъявлять желание что-то сделать для меня, передайте ей, что я был бы рад, если бы она стала ухаживать за могилой лейтенанта Баркова, моего сына. А теперь пригласите ко мне старшего военного советника юстиции Вирмана.

Адъютант на несколько секунд замешкался. Он смотрел на генерала и мысленно подыскивал какие-то слова, которые должен был ему сказать, но он быстро сообразил, что никаких слов, которые могли бы тронуть генерала, он все равно не найдет. Он склонил голову так, что можно было подумать, что он поклонился. И вышел.

В кабинет Модерзона вошел Вирман. Он был явно взволнован. Лицо его покрывали красные пятна. Он приближался к генералу с таким видом, с каким охотник приближается к опасному зверю.

— Господин генерал,— живо начал Вирман,— я должен сообщить вам, что положение вещей вынуждает меня привлечь для допроса и вас. Хочу сообщить вам, что в этом случае я имею на это полное право, данное мне верховным командованием вермахта.

— Я это знаю, — коротко ответил генерал.

— Сожалею, но я должен сообщить вам также,— продолжал Вирман,— что без вашего допроса я никак не смогу обойтись. К тому же хочу разъяснить вам, господин генерал, что я, в случае необходимости, могу воспользоваться даже правом на арест.

— Все это вы могли бы и не объяснять мне,— проговорил генерал.— Запомните раз и навсегда, что в подчиненном мне военном учебном заведении не может произойти ничего такого, за что бы я не нес личной ответственности. Обер-лейтенант Крафт действовал по моему личному приказу. Свою речь он тоже произнес с моего одобрения. Я готов подписаться под каждой фразой, произнесенной обер-лейтенантом Крафтом.

— Ваши слова,— стараясь скрыть удивление, произнес Вирман,— дают мне право арестовать вас.

— Я готов, пойдемте,— сказал генерал.

— Так вот оно что! — произнес майор Фрей со значением. — Это может привести к тому, что надежные офи-

церы не смогут вовремя проявить себя и получить повышение.

— Так оно и есть,— поддакнул майору капитан Ратсхельм.— Правильный образ мыслей всегда следует ценить.

Оба офицера сидели в глубоких креслах друг против друга, освещенные мягким светом торшера. Капитан Ратсхельм подчинился распоряжению своего начальника курса и нанес ему визит на квартиру, где у того хранились последние бутылки с мадерой. Одна из них стояла перед ними на столе.

Они беседовали степенно, почти философски: офицеры, являющиеся как бы знаменосцами своего времени, носители прогресса и защитники правой веры и правильного мировоззрения.

Оба офицера ни разу не обмолвились о Фелиците Фрей, настолько тактичны и деликатны они были. Сама же она, увидев, что майор открыл вторую бутылку, сохраняемую до сих пор для особо важных случаев, поняла, что она, видимо, попросту перестала существовать для него.

— Выпьем за чувство ответственности,— сказал майор, поднимая бокал,— которое у нас никто не может отнять.

— Которое мы умеем нести,— мрачно добавил Ратсхельм,— со всеми вытекающими из него последствиями.

— Выходит, вы твердо решили, мой дорогой, покинуть нас, не так ли?

— Это мое окончательное и бесповоротное решение.

Оба выпили, прислушиваясь к тишине ночи, думая о том, что они считали большим и очень важным. Около полуночи они услышали шаги: в квартиру ворвался старший военный советник юстиции Вирман и вместе с ним капитан Катер.

Вирман размахивал телеграммой, словно это был не листок бумаги, а самое настоящее знамя. На его сером лице было выражение триумфа.

— Одержана победа по всей линии! — радостно воскликнул он.

Майор Фрей выхватил у него телеграмму, а в это время капитан Катер уже завладел бутылкой с мадерой.

Вирман с довольным видом стоял посреди комнаты;

а капитан Ратсхельм заглядывал в телеграмму через левое плечо майора Фрея.

Прочитав телеграмму и поняв наконец ее смысл, майор Фрей распрямился; казалось, он даже стал выше ростом, он посмотрел вверх, на потолок: так, видимо, вновь провозглашенные короли смотрят на небо, мысленно благодаря судьбу.

— Я начальник военной школы! — торжественно возвестил Фрей.

Он оказался им, пусть только временно, пусть только в отсутствие старшего по званию начальника первого курса, но все же оказался. Он начальник военной школы. Его самая великая и тайная мечта свершилась! Это была самая прекрасная ночь его жизни после награждения его дубовыми листьями к рыцарскому кресту.

— Арест генерала утвержден! — прокричал Вирман.— Я его окружил, перехитрил и обошел. Реакция потерпела решительное поражение. Я разделался не только с исполнителем, но и с самим вдохновителем, они оба теперь низвержены раз и навсегда. Господа, я благодарю вас за ваше понимание и вашу помощь.

— Мы только выполняли свой долг,— заверил Вирмана майор Фрей.— Мы будем и впредь выполнять его.

— Я надеюсь, что теперь снова стану командиром административно-хозяйственной роты,— сказал Катер, наливая всем в бокалы мадеру.— Полноправным командиром-единоначальником.

— Разумеется, мой дорогой,— поспешил ответить ему майор Фрей.— Вы оказали нам очень ценную услугу.

— Браво! — крикнул Вирман.

— А вы, господин капитан Ратсхельм,— начал майор Фрей,— в интересах доброго и справедливого дела согласно вашему желанию получите новое назначение: вы возглавите вместо меня второй курс, став его начальником.

— Если это так,— начал капитан Ратсхельм,— то я вижу свою обязанность в том, чтобы выполнить ваше пожелание.— Этими словами капитан лично перечеркнул свое окончательное решение, подумав, по-видимому, что когда зовет долг, то все остальное должно молчать.

Открыв еще одну бутылку, капитан Катер позвонил по телефону на коммутатор.

— Ирену Яблонски ровно через час пришлите ко мне на квартиру по очень важному делу!

...Когда наконец майор Фрей остался один, он, воодушевленный великими событиями последних часов, подкрепил себя последним бокалом мадеры, а уж затем направился в спальню к жене, которая встретила его беспокойным взглядом.

— Фелицита, я стал начальником школы. Что ты на это скажешь?

— Ты это заслужил, как никто другой! — бодро заверила она майора.— Ты рожден для большой карьеры, я всегда это знала.

— Ты можешь мне пообещать, что всегда будешь понимать это?

— Я обещаю тебе это, Арчибальд!

— Я полагаю, что в будущем ты станешь держать себя в руках! Этого я жду от тебя не только как начальник военной школы, но и как человек.

— Мне нравится, что ты не жалуешься и не ворчишь,— сказал генералу Модерзону охранник,— что не залез в угол и не собираешься вцепиться мне в глотку. Ты не боязливого десятка, но ты и не хам. Ты просто тихонький. Ты мне нравишься.

Генерал стоял посреди камеры размером четыре метра шириной и три длиной. На высоте двух метров маленькое окошечко с решеткой. Соломенный тюфяк, табуретка и крошечный стол — вот и вся обстановка.

Генерал стоял неподвижно, точно так, как он стоял на параде или на плацу, в казино или в собственном кабинете: прямой и недоступный.

Охранник, которому его поручили, а это был унтерофицер Рунке из тайной полевой полиции, разглядывал своего пленника с дружеским любопытством.

— А ты не дурак,— сказал он.— Знаешь, что здесь разыгрывается. И ты не станешь мне осложнять жизнь, не так ли? Тут я тебе ничем помочь не смогу. Да мне это и не доставит удовольствия! А ну, вываливай все, что у тебя есть в карманах.

Генерал молча начал освобождать свои карманы. В них, собственно, и было-то немного: носовой платок, маленькая расческа, портмоне, а из документов — всего лишь солдатская книжка.

— Ты только не подумай, что я шибко любопытный,— продолжал охранник,— или что я очень груб. Нет, просто

так положено. Я выполняю свой долг, а перед законом, как известно, все равны, даже если ты и генерал. Правда, некоторые этого не понимают. Был у нас недавно один генерал-полковник. Ну и горлохват же он был! Он хотел было со мной шуточки шутить! Это со мной-то! Однако это продолжалось совсем недолго. Я ему такое показал, что он быстро образумился. Да и время подошло показать ему, как нужно выполнять свой долг. Так, а теперь давай мне твои подтяжки.

Генерал с непроницаемым выражением лица расстегнул френч, а затем распахнул его: оказалось, что подтяжки он не носил. Опустив руки, он стоял не шевелясь.

— Твой поясной ремень ты тоже должен отдать мне,— добродушно заявил охранник.— Таково требование инструкции. Дело в том, что мы заботимся о жизни и безопасности наших арестованных. Меня, брат, никто не проведет. В конце концов я ведь не генерал. Каждый мертвец может причинить мне неприятность.

Генерал-майор Модерзон быстро снял ремень и подал его охраннику.

— А ты строен,— заметил охранник. Сложив ремень вдвое, он хлопнул им себя по ляжке.— Когда человек строен, это имеет свои преимущества: штаны у него не сразу спадают без ремня. А ты знаешь, что когда у человека спадают штаны, то это производит неприятное впечатление. Вот генерал-полковник, о котором я тебе только что рассказывал, тот имел большое пузо, почти такое же, как у нашего рейхсмаршала. Но он быстро его сбросил: через несколько недель он стал строен, как молодая сосенка. Вот тогда-то у него брюки стали все время соскакивать вниз. Ну и комичная же была картина, скажу я тебе! Ну и хохотали же мы, когда он стоял в подштанниках во время объявления ему приговора! Ты себе можешь это представить! Но с тобой такого не будет — у тебя совсем другая фигура! А теперь отдай мне шнурок из твоих бриджей. Уж что надежно, то надежно.

Генерал сел на табуретку и снял с себя сапоги, затем он выдернул шнурки из бриджей и, положив их на маленький столик, снова встал.

— А сейчас я принесу тебе парашу,— сказал охранник.— И притом совсем новую, поскольку ты генерал. К тому же ты мне нравишься. Поэтому я тебе дам один хороший совет: парашу используй не ночью, а лучше утром, а то у тебя будет сильно вонять, и потом вся твоя

одежда провоняет. А я этого не люблю, ты слышишь? Если ты не дурак, то сделаешь так, как я тебе говорю. А мне и правда не хочется задавать тебе взбучку.

По-дружески подмигнув, охранник вышел.

А генерал и после его ухода продолжал стоять посреди камеры. Ни один мускул не дрогнул у него на лице; губы были крепко сжаты, а глаза он закрыл.

А в это же самое время в камере по соседству лежал на соломенном тюфяке обер-лейтенант Крафт. Темнота окутывала его, словно темное покрывало.

Крафт лежал спокойно и расслабленно, стараясь ни о чем не думать. Ночь была полна тишины: ни звука, ни даже ветерка не было слышно.

Мир вокруг него, казалось, не существовал. Он был один-одинешенек, окруженный четырьмя голыми стенами, которые напоминали большой холодный гроб.

— Разве я этого хотел? — еле слышно спросил себя Крафт.

Спросил и прислушался к собственному голосу. Однако темнота, казалось, поглотила и его. Она душила все, как толстая подушка. И снова кругом мучительная, удушающая тишина.

Но вдруг Крафт уловил, словно эхо, какие-то голоса: они слышались все сильнее и сильнее. А через несколько секунд они зазвучали совсем отчетливо в ночной тишине.

Обер-лейтенант Крафт, не веря своим ушам, повернулся. На его лице появилось выражение удивления. Он услышал песню. Молодые, сильные голоса пели в ночи; нельзя было сказать, чтобы их было очень много, скорее всего пело человек семь. Однако это были голоса, которые вырвали Крафта из одиночества, из темноты, наполнив его душу радостным светом.

Фенрихи пели его любимую песню: «В поле, на голой земле, я протянул уставшие ноги...»

Обер-лейтенант Крафт улыбнулся. Он медленно опустился на свой тюфяк и, закрыв глаза от усталости и предчувствия близкой смерти, слушал это пение. И ему начало казаться, что он поет вместе с фенрихами.

Вместе с ними он нарушил закон производства в военной школе и разрушил сам смысл бездушного конвейера. Некоторые из его фенрихов станут офицерами, под командованием которых солдаты смогут остаться людьми. А это слишком много, да еще в такое время.

— Да, я хотел этого, — сказал сам себе обер-лейтенант Крафт.

Судебное заседание военного трибунала по делу генерал-майора Эрнста Эгона Модерзона и обер-лейтенанта Карла Крафта состоялось вскоре после этого.

В приговоре, кроме всего прочего, говорилось об измене и подрыве вооруженных сил.

Оба обвиняемых отказались от защиты.

Оба были приговорены к смертной казни.

Последними словами генерала были:

— Да здравствует Германия!

— Да здравствует новая Германия! — произнес обер-лейтенант Крафт перед смертью.

34

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ

Со времени описываемых в книге событий прошло более пятнадцати лет. Некоторых из героев книги уже нет в живых. Оставшиеся же в живых стали старше, но отнюдь не умнее. Лишь очень немногие из них попытались извлечь для себя уроки из прошлого.

Капитан Федерс пережил своего друга Карла Крафта и генерал-майора Модерзона всего на несколько месяцев. В связи с событиями двадцатого июля тысяча девятьсот сорок четвертого года его арестовали и вскоре после этого казнили. Его повесили на струнах рояля, так что его мучения длились несколько часов, прежде чем он умер. Однако даже в тот момент, когда он уходил из жизни, улыбка не сходила с его губ.

Его жена Марион куда-то исчезла, и никто не знал, куда именно она делась. Позже, правда, говорили, что незадолго до окончания войны ее якобы видели в Берлине, где она сражалась в группе Сопротивления. По другой же версии, однако, ее кто-то вроде бы видел в сопровождении американского офицера. Твердо же известно только то, что на этом ее следы окончательно исчезли.

Капитан Ратсхельм с честью пережил и саму войну,

и плен, в котором он оказался. Он не переставал преувеличивать свои военные знания и укреплять свой характер. Он был абсолютно уверен в том, что никогда в жизни ни разу ни в чем не заблуждался. После войны он сначала работал в Рейнской области в каком-то коммунальном управлении, потом в тех же краях служащим на одном химическом заводе. До сих пор он все еще не женился, но по-прежнему чувствует и считает себя солдатом, хотя и имеет звание подполковника. Он успешно управляет подчиненными ему людьми, являясь для них своего рода примером.

Не менее счастливо сложилась карьера и у майора Фрея. Сначала он пытался с важным видом перенести тотальный разгром Германии. Два года для него оказались сравнительно тяжелыми, это время он провел в имении своего бывшего однополчанина. Но потом, разобравшись в духе времени, он окунулся в политику. Его безукоризненное прошлое, достойное всяческого уважения, и его искусство вести различного рода переговоры скоро помогли ему занять видное место в руководстве либерально-национальной демократической партии. В ее рядах он сражался, разумеется вместе с другими, за авторитет Германии и за право носить и впредь свои награды за храбрость, которые он с честью заслужил. На официальных государственных приемах он появлялся во фраке и представлял собой богато декорированную фигуру, особенно тогда, когда надевал свой рыцарский крест.

Фелицита Фрей хотя и потеряла свои имения в Силезии, однако сохранила достаточное количество влиятельных родственников на западе Германии. Правда, ее брак с Фреем не был полным прибежищем мира и спокойствия, в чем сказалась вина ее племянницы Барбары Бендлер-Требиц, которая очень привязалась к семье Фрея. И даже позже, когда она вышла замуж, избранник Барбары стал сотрудником Фрея, что имело явный практический смысл.

Тесно привязанным к семье Фрея оставался и капитан Катер. Он умело преодолел все препятствия на своем пути и остался капитаном, командиром административно-хозяйственной роты, которой он прокомандовал до окончания войны. После этого он превратился (на том же месте) в снабженца офицерской миссии военно-воздушных сил США. А немного позднее стал, не примкнув ни к одной из партий, главой администрации города Вильд-

линген-на-Майне. На этом поприще он снискал себе особые заслуги в деле эвакуации известного оптического предприятия из восточных районов. Его усилия были замечены и вознаграждены тем, что он был назначен коммерческим руководителем этого предприятия. Его сотрудничество с удачливым в политических делах господином Фреем оказалось на редкость плодотворным.

Ирена Яблонски, напротив, прожила короткую, но бурную жизнь. Просвещенная не без помощи Катера относительно своих женских возможностей, она находила в этом удовольствие для себя, проявляя при этом изумительную выносливость. После Катера она завела шашни с одним интендантом из штаба, затем переключилась на крайсляйтера, потом — на представителя военной экономики. Ее редкая наивность и постоянная готовность услуживать притягивали к ней мужчин, как яркий свет притягивает мотыльков. Позже ее изнасиловало до полуроты солдат, отчего она и сошла с ума.

Старший военный советник юстиции Вирман остался верен юстиции. В конце концов, он был знатоком своего дела, а специалисты, как известно, везде нужны. Он всегда прилаживался к законности, в особенности к той, которая была в силе. Пока была необходимость, он выносил приговоры (согласно параграфу пятому закона об особых наказаниях, совершаемых в условиях военного времени) всем тем, кто подрывал военную мощь фатерланда. Несколько позже он работал советником в правовой комиссии союзнических войск и в конце концов занял пост президента сената по сельскому хозяйству при верховном суде в Северной Германии. Главным девизом д-ра Вирмана было: один народ, один рейх, одно право.

О Сибилле Бахнер можно сообщить, что она еще некоторое время после казни Модерзона продолжала работать в военной школе. С последователем генерала она сначала вступила, так сказать, в интимную связь, а затем женила его на себе. Тем самым исполнилось ее самое заветное желание: она стала женой генерала. Генерал этот, правда, в заключительных боях за великую Германию был тяжело ранен, а именно — стал жертвой бомбардировки, после чего был пожизненно прикован к креслу-каталке. Сибилла не отвернулась от своей судьбы, очень мало говорила и с серьезным выражением лица жила с мужем в небольшом ветхом домике на берегу какого-то озера в Верхней Баварии.

Сорок фенрихов из учебного отделения «X» разбросало во все стороны. Как они слетелись в школу, так же и разлетелись из нее: каждый получил назначение в свою часть, на тот участок фронта, где эта часть находилась. Все они окончили военную школу и стали офицерами, и очень скоро для всех них Вильдлинген стал всего лишь беглым эпизодом в их жизни, о котором они вспоминали не больше, чем о других событиях.

Амфортас в чине лейтенанта погиб на восточном фронте.

Андреас попал в русский плен, где и присоединился к движению Национального комитета «Свободная Германия».

Бергнер, Гюндлер и Кремель пошли вниз, как и многие другие. Их демобилизовали, и они вступили в другую армию, в которой нужно было работать на фабрике, в деревне или в учреждении. Здесь они, как и раньше, представляли собой солидную надежную середину, которую всегда можно было использовать.

Крамер, вечный унтер-офицер, остался тем, чем он и был. Он был солдатом по профессии и не хотел становиться ничем другим, да и не мог им стать, так как не желал учиться.

Эгон Вебер, симпатизировавший Крафту, вернулся к себе на родину и, засучив рукава, встал к печи и начал выпекать хлеб. Сейчас он организатор хора и заядлый игрок в скат. Однако он отказался вступить в союз бывших фронтовиков, зато создал семью, которая быстро росла. Он слыл спокойным, добродушным человеком, однако стоило только кому-нибудь, назвав его по имени, произнести «Эгон» с особым ударением, как он сразу же начинал беспокоиться.

Необычно прожил свою короткую, но полную радостей жизнь фенрих Меслер. Ему присвоили звание лейтенанта, правда, он проходил в нем не особенно долго. Он завел роман с женой командира своей роты и одновременно с женой своего непосредственного командира. За это его направили на фронт, но он попал во Францию, где организовал полевой бордель со многими филиалами. Это стоило ему офицерской формы: его разжаловали. После этого Меслер, по его собственным словам, покатился по наклонной плоскости. В конце концов он был расстрелян как член маки, что, однако, на самом деле было чистым недоразумением — просто он по ошибке попал

в их списки. Как бы там ни было, его смерть оплакивало множество легкомысленных девушек.

Бемке, поэт, тоже стал лейтенантом, потом попал в плен и исчез из поля зрения до тысяча девятьсот сорок шестого года. Появившись же, он опубликовал в уважаемых газетах статьи на тему: «Не допустить будущей войны!» Он частенько выступал и по радио, снискав себе популярность в юго-западных районах Германии. Однако спустя несколько лет его статьи исчезли, и их уже никто не мог прочитать. В знак протеста Бемке переехал в Восточную Германию, но затем скоро снова вернулся в Западную Германию, а оттуда эмигрировал в Канаду, где работал простым лесорубом. Одно уважаемое немецкое издательство даже выпустило сборник его стихов, из тиража которого было распродано всего лишь шестьдесят восемь экземпляров.

Фенрих Редниц некоторое время был связан с военной школой в Вильдлингене-на-Майне. Сначала он переписывался с капитаном Федерсом, а после его казни — с Эльфридой Радемахер. И хотя писем этих было не так уж и много, а их содержание оставалось печальным, Редниц все же кое-что узнал из них. Смерть Федерса отнюдь не явилась для него неожиданностью. Редниц узнал, что вилла Розенхюгель незадолго до окончания войны опустела: никто не знает, куда делись несчастные калеки, которые там содержались. Среди тех немногих могил, что сохранились в парке виллы Розенхюгель, была и могила с именем майора медицинской службы Гейнца Крюгера с датой его смерти: двадцатое июля тысяча девятьсот сорок четвертого года. Узнать о причинах его смерти теперь уже невозможно.

Об Эльфриде Радемахер можно сказать, что ее жизнь проходила очень просто. Сначала она оставалась в Вильдлингене, хотя работала уже не в машбюро при административно-хозяйственной роте, а на складе материального имущества. Она была последней, кто ухаживал за могилой лейтенанта Баркова. За могилами обер-лейтенанта Крафта и генерал-майора Модерзона никто не ухаживал, так как никто не знал, где именно они похоронены. Как только закончилась война, Эльфрида Радемахер переселилась к своей сестре, жившей в небольшом городке. Там она вышла замуж в тысяча девятьсот сорок восьмом году за одного торговца лесом. Говорят, что она стала ему верной женой и хорошей матерью двух детишек.

Фенрих Редниц, как и следовало ожидать, стал лейтенантом, однако после событий двадцатого июля тысяча девятьсот сорок четвертого года попал под суд военного трибунала за отказ выполнить приказ и был разжалован. Однако позже Редница снова восстановили в звании лейтенанта, как раз перед самой капитуляцией. После короткого пребывания в плену он переселился в Рурскую область, где работал химиком на заводе искусственного волокна. Он женился, построил себе небольшой дом и жил исключительно ради жены и сына. Он-то и предоставил основные материалы для написания этой книги.

Эти материалы он передал автору книги в Вильдлингене-на-Майне. Происходило это в одну зимнюю ночь, как и раньше, более чем пятнадцать лет назад. Казарма военной школы по-прежнему возвышалась на горизонте. После роспуска военной школы в ней разместили лагерь для пленных немецких солдат. Позже в этих казармах расквартировали американских солдат. Спустя некоторое время здесь развернули лагерь для беженцев. Вскоре после этого в них временно расквартировали батальон пограничной полиции. Однако через очень короткий срок все казарменные здания заново отремонтировали для размещения в них школы военных связистов для новой армии.

В настоящее время она существует во всем блеске, как когда-то, да и все в ней снова идет по-старому.

По-старому? Неужели все?

Господи, сохрани нас от этого!

СОДЕРЖАНИЕ

Кирст Г.

К43 Фабрика офицеров: Роман/Пер. с нем. Г. А. Онищенко, В. В. Семина, В. Г. Чернявского, Ю. Д. Чупрова. — М.: Воениздат, 1980. — 636 с.

В пер.: 4 р.

Роман западногерманского писателя Г. Кирста является острой сатирой на офицерские кадры вермахта с их мелкобуржуазным рабским мировоззрением. В основу сюжета положены действительные события, происшедшие в одной из немецких военных школ в 1944 году.

Роман отличает высокий динамизм, напряженность сюжета, он привлечет внимание широкого круга читателей.

К $\frac{70304-027}{068(02)-80}$ БЗВ-21-3.79.4703000000.

ББК 84.4Ф
И(Нем)

Ганс Гельмут Кирст
ФАБРИКА ОФИЦЕРОВ
Роман

Перевод с немецкого *Г. А. Онищенко, В. В. Семина, В. Г. Чернявского, Ю. Д. Чупрова*

Редактор *В. А. Никольский*
Художник *С. И. Соболев*
Художественный редактор *Е. В. Поляков*
Техничеекий редактор *Е. Н. Слепцова*
Литературный редактор *Е. Г. Семеляк*

ИБ № 286

Сдано в набор 28.06.79. Подписано в печать 01.10.79.
Формат 84×108/32. Бумага тип. № 2. Печать высокая. Гарн. обыкновен. новая.
Печ. л. 20. Усл. печ. л. 33,600. Уч.-изд. л. 35,732.
Тираж 100 000 экз. Изд. № 10/4652. Зак. 9-507. Цена 4 р.

Воениздат
103160, Москва, К-160
Набрано и сматрицировано в 1-й типографии Воениздата
103006, Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3

Отпечатано на книжной фабрике им. М. В. Фрунзе Республиканского производственного объединения «Полиграфкнига» Госкомиздата УССР, Харьков, Донец-Захаржевская, 6/8.

ПАНЧЕВСКИЙ П. **ОГНЕННЫЕ ДОРОГИ:** Воспоминания. Пер. с болг. 13 л.

Воспоминания бывшего министра обороны НРБ посвящены славной когорте болгарских революционеров-интернационалистов. Автор — воспитанник Советской Армии, в рядах которой он вырос от курсанта военно-инженерного училища до генерала, командира соединения инженерных войск.

В книге увлекательно рассказывается о восстании 1923 года в Болгарии, об участии болгарских патриотов в Великой Отечественной войне Советского Союза против гитлеровской Германии, о строительстве народной армии и социалистических преобразованиях в Болгарии в послевоенный период.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

ЭЙЗЕНХАУЭР Д. **ПОХОД В ЕВРОПУ:** Мемуары. Пер. с англ. 26 л.

Книга представляет собой мемуарный труд бывшего верховного командующего союзными войсками при высадке в Нормандии в июне 1944 г., впоследствии президента США.

На основе личных воспоминаний и архивных материалов автор подробно рассматривает военные и военно-политические вопросы, связанные с участием вооруженных сил США в военных действиях в годы второй мировой войны.

Книга предназначена для широкого круга читателей.

ЛЮБЕЦКИЙ Л. **НЕ ДОПУСТИТЬ ПРОРЫВА ПРОТИВНИКА:** Мемуары. Пер. с польск. 13 л.

Книга посвящена боевым действиям 26-го пехотного полка Войска Польского на завершающем этапе Великой Отечественной войны Советского Союза.

Автор показывает героизм, мужество, самопожертвование и находчивость воинов-поляков, их боевое содружество с солдатами и офицерами Советской Армии.

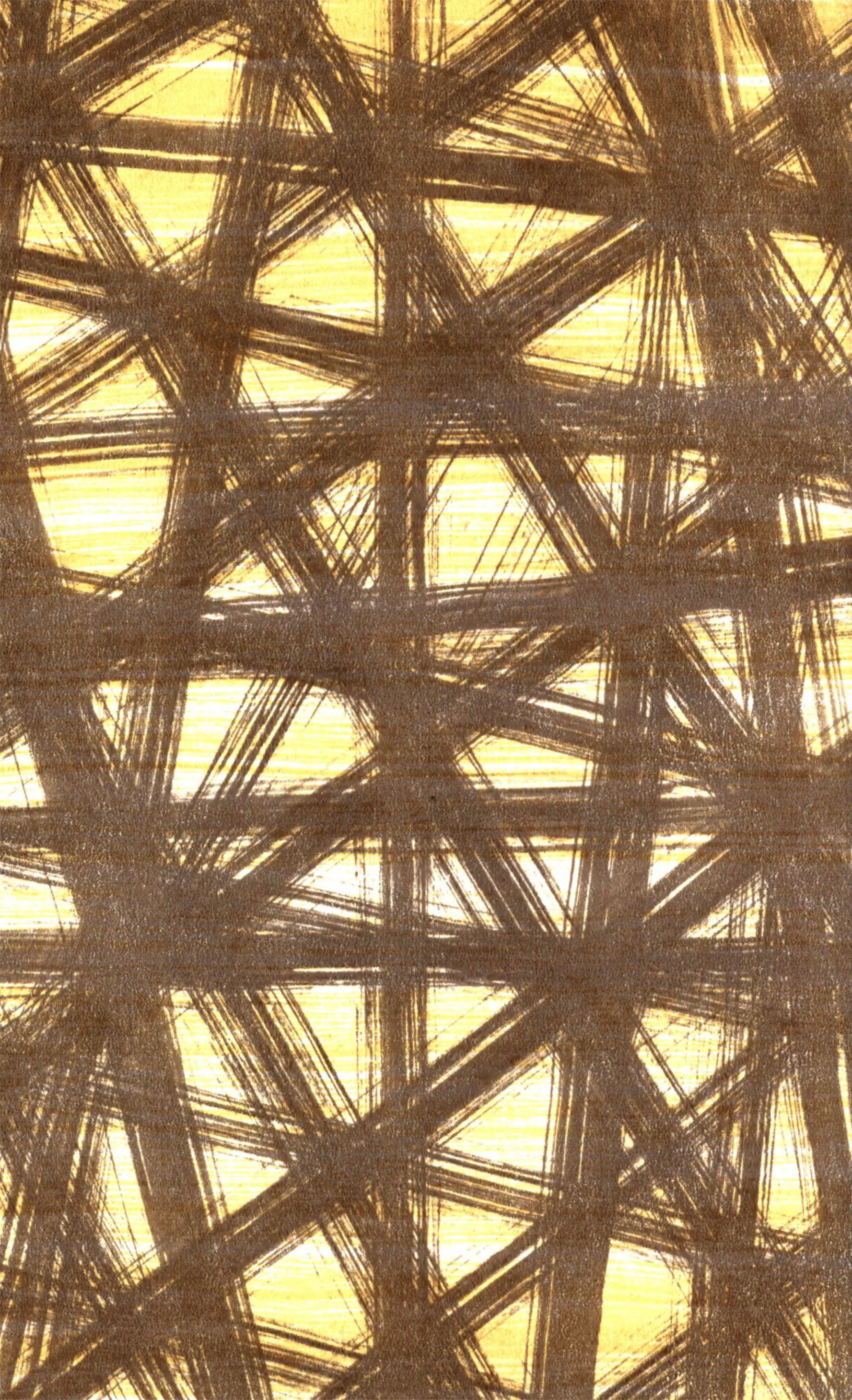
Книга предназначается для широкого круга читателей.

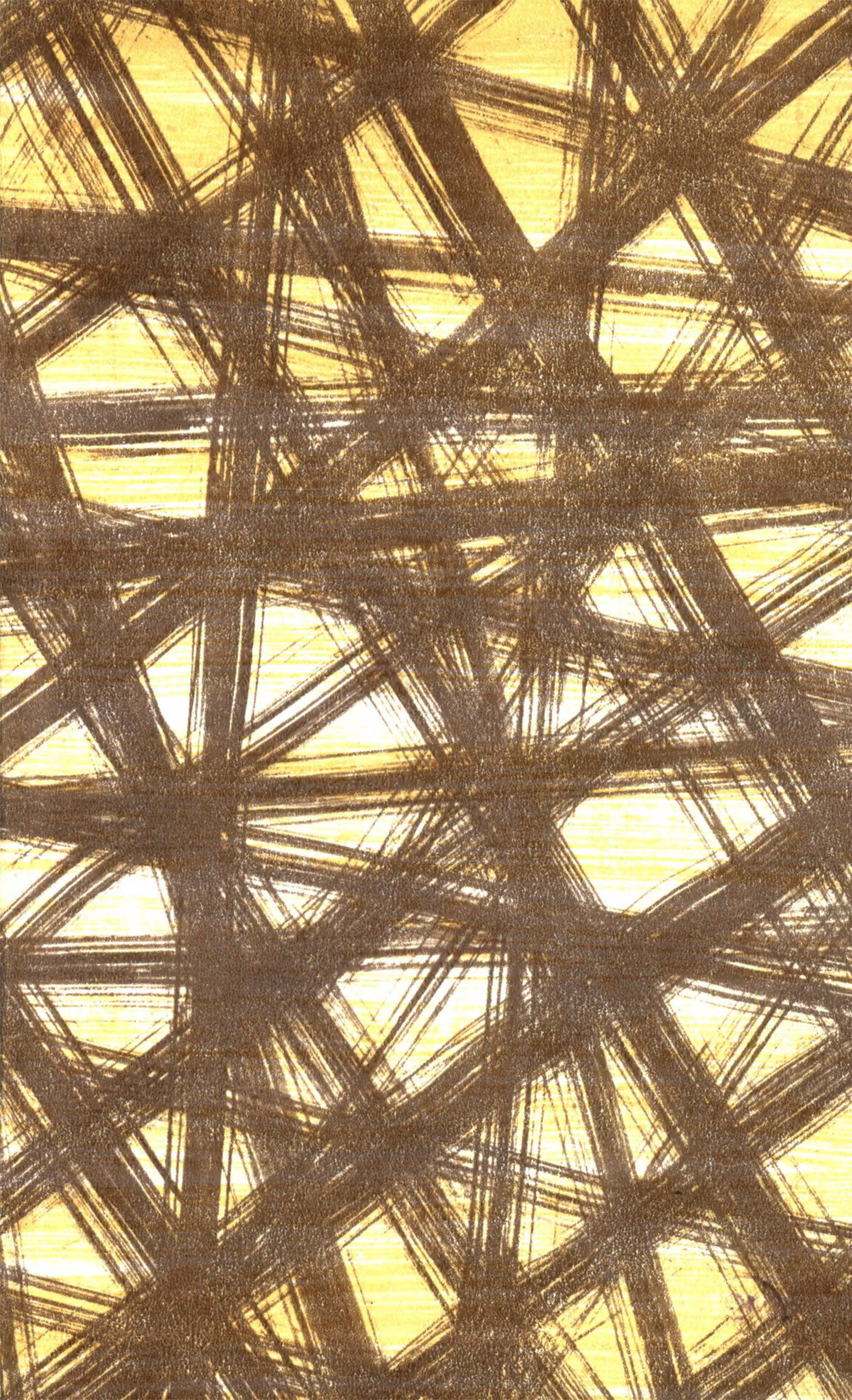
ВАН ТИЕН ЗУНГ. **ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА ВЕСНОЙ СЕМЬДЕСЯТ ПЯТОГО:** Мемуары. Пер. с вьет. 14 л.

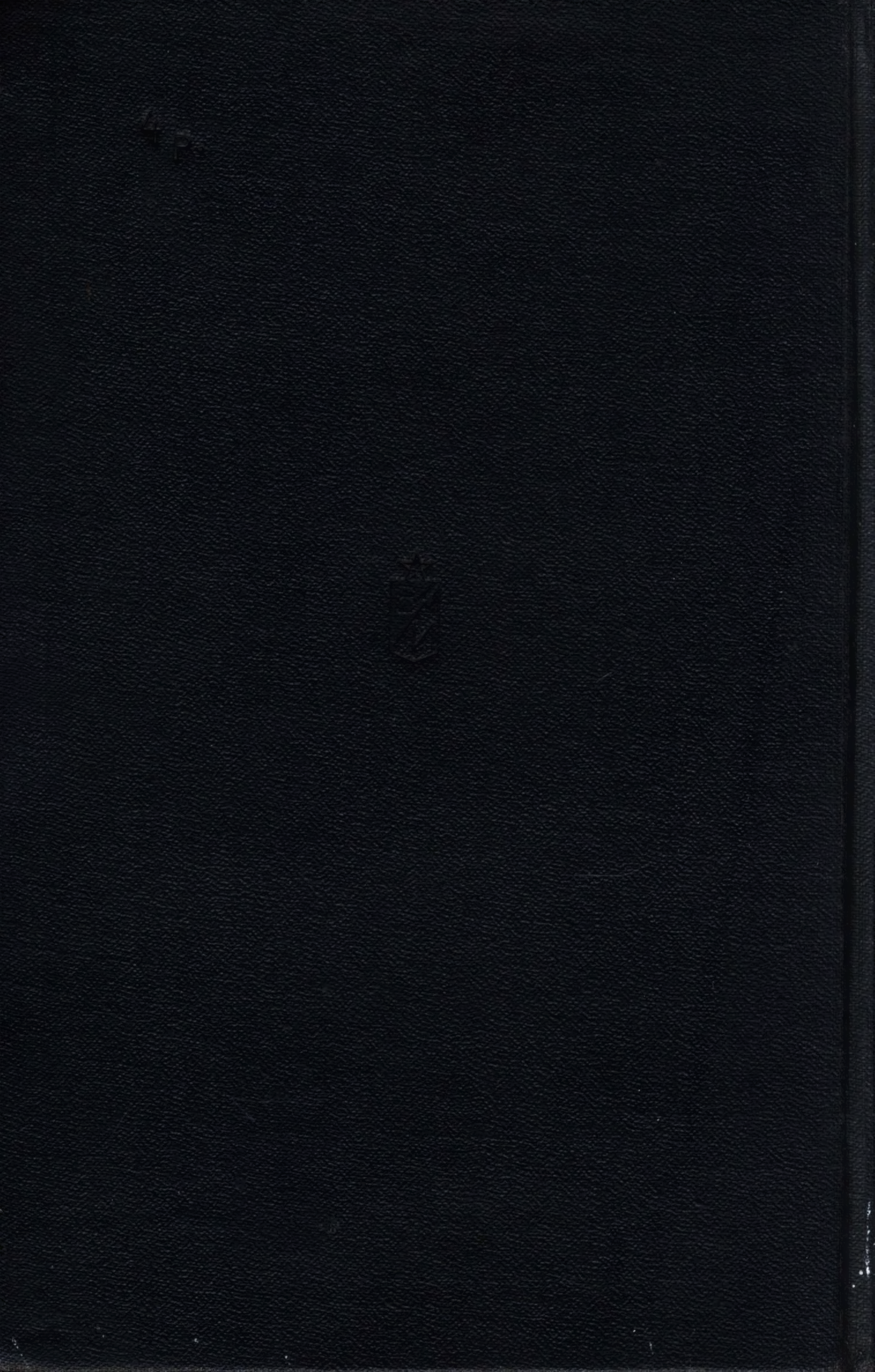
Книга принадлежит перу члена Политбюро ЦК КПВ, начальника Генерального штаба вьетнамской Народной армии.

На основе документальных данных автор рассказывает о заключительном этапе многолетней героической борьбы вьетнамского народа против сил империализма и внутренней реакции, завершившейся под руководством Коммунистической партии Вьетнама славной победой весной 1975 года.

Книга представляет интерес для широкого круга читателей.

ФАБРИКА ОФИЦЕРОВ

Ганс Гельмут Кирст